ЮГ В ОГНЕ

ДМИТРИЙ ПЕТРОВ (БИРЮК)

Подвиг

ДМИТРИЙ ПЕТРОВ (БИРЮК)

ЮГ В ОГНЕ

Переиздание

Издательство
„Советская Россия"
Москва — 1972

Р2
П30

Оформление Ю. БОЯРСКОГО
Иллюстрации И. УШАКОВА

Петров (Бирюк) Д.
П30 Юг в огне. Переиздание. М., «Сов. Россия», 1972.

560 с. (Подвиг).

В романе рассказывается о разгроме Деникина Первой Конной армией. Действие происходит на Южном фронте России.
В основу романа положены судьбы казачьей семьи Ермаковых, судьба двух братьев, один из которых служит в белой армии, а другой — комиссар буденновской дивизии.

7—3—2
105—72 г.

Р2

ПЕТРОВ (БИРЮК) И ЕГО РОМАН „ЮГ В ОГНЕ"

Дмитрий Петров (Бирюк) — писатель старшего поколения, автор исторических романов и повестей, пользующихся заслуженной известностью у читателей. На протяжении всей своей многолетней литературной деятельности писатель хранит верность своей теме, своему герою.

На берегах великой русской реки, воспетой в народных песнях и преданиях, разворачивается действие в книгах Дм. Петрова (Бирюка). Донское казачество на разных этапах его истории — вот та среда, откуда черпает писатель темы, сюжеты, образы. Бурное, богатое драматическими событиями прошлое Дона, подвиги его сынов, их своеобразный быт, их гордый непокорный дух — все это воплощается в его романах и повестях.

«Кондрат Булавин», «Сыны степей донских», «Степные рыцари», «Братья Грузиновы»... На страницах этих книг происходят события, выявляются красноречивые приметы тех исторических эпох, в которых особенно полно и ярко раскрывались типические черты народного характера: ясный ум, жизненная стойкость, мужество, нравственная чистота и сила, вольнолюбие, скупая на слова, но щедрая героическими деяниями любовь к родной земле. И герои азовского «осадного сидения», пять лет отбивавшиеся от многотысячной турецкой армии, и Кондрат Булавин, возглавивший одно из наиболее мощных народных движений, и «вихрь-атаман» Платов и его сподвижники, внесшие немалый вклад в святое дело изгнания врага из Отчизны, в полной мере наделены этими драгоценными человеческими качествами, любовно отмеченными писателем во многих колоритных и выразительных сценах и эпизодах его книг.

Не только далекое прошлое влечет Дм. Петрова (Бирюка), не в одних лишь исторических источниках искал он свои сюжеты и образы. Свидетель и участник событий огромной исторической значимости, он рассказал о них в своих книгах. Выросший в небогатой казачьей семье, рано познавший нужду и лишения,— об этом сам писатель поведал в автобиографической повести «История моей юности»,— Дм. Петров, подобно многим своим сверстникам, хорошо знал, «в каком идти, в каком сражаться стане». В годы гражданской войны он в рядах Красной Армии бился с белогвардейщиной на Южном фронте. Много лет спустя личный жизненный опыт писателя воплотился

в его книгах, повествующих о великой эпохе рождения нового мира. Личные впечатления, рассказы красноармейцев и командиров — героев боев гражданской войны, встречи и беседы с прославленным полководцем С. М. Буденным дали обильный материал, легший в основу сюжета романа «Юг в огне».

О борьбе народа за власть Советов написано немало прекрасных произведений, которыми законно гордится наша литература. В этих произведениях выкристаллизовались основные идейно-эстетические принципы решения темы, определилось главное направление ее развития. Но, конечно же, эти книги не исчерпали и не могли исчерпать всего богатства мыслей, чувств, страстей, переживаний, человеческих типов и характеров, какое предоставляет художнику героическая эпоха гражданской войны. Каждый писатель, если он не довольствуется повторением найденного до него другими, а всерьез претендует на самостоятельное, глубокое и многостороннее исследование жизненных явлений, вправе рассчитывать на то, что ему удастся сказать свое, пусть и скромное слово. Свое слово сказал и Дм. Петров (Бирюк) в романе «Юг в огне».

Стремление к широкому охвату событий, многоплановость повествования, обилие героев — таковы особенности многих романов Дм. Петрова (Бирюка), выявившиеся и в «Юге в огне». Автор стремится дать широкую картину гражданской войны на Дону, с хроникальной последовательностью запечатлеть важнейшие этапы борьбы за Советскую власть, раскрыть закономерности победы революции, показать народ как главную, решающую силу истории.

В романе развернута широкая панорама реальных исторических событий. Февральская революция, весть о которой докатилась до донских станиц и хуторов, крах корниловской авантюры, съезд казаков-фронтовиков в Каменской, экспедиция Подтелкова и Кривошлыкова, героическая оборона Царицына, рождение легендарной Первой Конной, бои под Воронежем и Касторной, взятие Ростова, знаменовавшее разгром контрреволюции на Юге России,— все это находит место в повествовании. В эти события вовлечено множество персонажей — исторических и вымышленных — представителей различных социальных слоев.

Действие в «Юге в огне» развивается стремительно. Порой возникает впечатление калейдоскопичности, пестроты происходящего на его страницах. Но эта пестрота и калейдоскопичность — отражение реальных сложностей и противоречий времени, вместившего в себя столько событий, что их с избытком хватило бы на самую долгую человеческую жизнь.

Стремление представить своеобразную хронику гражданской войны на Дону таило в себе опасность сбиться на чисто внешнюю описательность, на иллюстративность. Дм. Петров (Бирюк) полностью не избежал этой опасности. В его романе

нетрудно отметить и эскизность ряда эпизодов, и поверхностность иных описаний, и известную условность психологических характеристик некоторых персонажей. И все же история в «Юге в огне» менее всего несет чисто служебную функцию. Она не просто призвана придать видимость достоверности поступкам героев. Исторические события, о которых идет речь в романе, движут его сюжет, нередко предстают в роли тех самых «типических обстоятельств», в которых и раскрываются человеческие судьбы и характеры.

В соответствии с жизненной и исторической правдой определяет Дм. Петров (Бирюк) главные конфликты своего романа, находит главных героев повествования. Писатель убедительно воссоздает картину классового расслоения казачества, когда ломался вековой кастовый уклад жизни донских станиц и хуторов, когда идейное родство оказывалось выше родства кровного. Именно так раскрываются в своем роде типические судьбы братьев Ермаковых — красного командира Прохора и белогвардейского генерала Константина, знаменующие как бы два полюса в композиции романа. Эти образы несут максимальную смысловую нагрузку, с наибольшей силой работают на утверждение одной из центральных мыслей повествования — мысли о гуманистической сущности революции, в горниле которой рождалась, закалялась и крепла личность нового свободного человека. На примере Прохора Ермакова показан характерный процесс выдвижения из недр народа талантливых и опытных вожаков масс, подлинных героев революции. И, напротив, попытка пойти против народа, стремление обеспечить себе карьеру на его крови и страданиях оборачивается духовным разрушением личности, сколь наглой и самоуверенной она бы ни была. Так и случилось с Константином, авантюристические, честолюбивые мечты которого завершились полным крахом.

Борьба за власть Советов была трудной и ожесточенной. И, пожалуй, нигде не было так велико сопротивление уходящего в небытие, но яростно цепляющегося за жизнь старого мира, как на Юге России.

Антинародные, контрреволюционные силы делали все, чтобы превратить Дон в свою цитадель, рассматривали его как главный плацдарм наступления на молодую рабоче-крестьянскую республику. Одна из самых страстных и глубоких книг нашей литературы — знаменитый «Тихий Дон» Михаила Шолохова с точностью и силой исторического документа передает грозовую атмосферу накаленной до предела классовой борьбы. И в романе «Юг в огне» сказаны верные слова об упорном сопротивлении старого мира. «...Сюда отовсюду слетались князья и графы, купцы и фабриканты, помещики и проститутки, реакционные профессора, политические деятели и продажные литераторы, члены свергнутого правительства — Родзянко,

Шингарев, Гучков. Даже сам великий князь Николай Николаевич «пожаловал» в Новочеркасск, и все эти родовитые, полуродовитые и вовсе не родовитые отщепенцы искали здесь пристанища». Так характеризуется в романе столица «Донской Вандеи».

Ради неправды, ради интересов «родовитых, полуродовитых и вовсе не родовитых отщепенцев» зверствуют, лютуют, заливают кровью донскую землю цепные псы контрреволюции — атаманы Краснов и Богаевский, генерал Деникин и их приспешники — различные чернецовы, яковлевы, розалион-сошальские, константины ермаковы. Во многих эпизодах романа передано колоссальное напряжение классовых схваток, неподдельный драматизм событий. Взять хотя бы одну из наиболее сильных сцен «Юга в огне» — трагическую сцену гибели отряда Подтелкова и Кривошлыкова — или сцену расправы белогвардейцев с беднотой в родной станице Буденного.

Но сколь бы ожесточенно не сопротивлялся старый мир, он обречен на неизбежную гибель, ибо нельзя уничтожить народ. Раскрытие народного характера гражданской войны, утверждение неодолимости и всесилия революции, несущей неизбежный бесславный конец кровавой белогвардейской авантюре, составляет пафос повествования в романе. Убедительность решения главной темы «Юга в огне» достигается и многими выразительными массовыми сценами, в которых точно отмечены типичные чувства и настроения людей эпохи, и типичностью образов героев книги — руководителей и организаторов борьбы на Юге — Орджоникидзе, Ворошилова, Буденного, солдата революции — Прохора Ермакова, Виктора Волкова, Сазона Меркулова, шахтера Незовибатько. Правда революции вдохновила их на подвиги, сообщила несокрушимую уверенность в своей правоте и силе.

Прохор Ермаков говорит брату Захару, изломанному империалистической бойней, хлебнувшему немало горя в германском плену: «Ты спрашиваешь, наступит ли такое время, когда люди будут жить в любви и согласии? Конечно наступит. Обязательно наступит!.. Ведь за это-то мы и боремся... Придет такое время, Захар... когда люди не будут убивать друг друга, а будут трудиться на благо всего человечества!» Этой уверенностью в неизбежности счастливого будущего, за которое идет бескомпромиссный смертный бой, живут герои романа Дм. Петрова (Бирюка). Ощущение неминуемости торжества великого дела революции лежит в основе линии их поведения, определяет логику развития сюжета повествования. «Юг в огне» — одна из тех книг, в которых убедительно воссоздается великая эпоха битвы за счастье народное. Писатель сумел ярко показать, как потомки Ермака и Разина, Булавина и Пугачева претворили в жизнь вековую мечту народа о жизни, доле, достойной человека.

Дм. Петров (Бнрюк) — пнсатель опытный, ннтересный и своеобразиый. Ои не иуждается в словословии. в обндной снисходительиости, когда обходят молчанием слабости и недостаткн, обиаружнвающнеся в киигах. Этн недостаткн и слабости есть н в романе «Юг в огне», и сказать о ннх необходнмо. Досадно, иапрнмер, когда выпнсанные с подкупающей глубниой н достовериостью, нсполиеиные в строгой реалнстической маиере сцеиы соседствуют с эпизодами, сюжетная и психологнческая «облегчеииость» которых очевндиа. Эта «облегченность», заставляющая вспомииать чнсто условную «поэтику» аваитюриого жанра, как мие кажется, весьма иазойливо дает о себе зиать в сюжетиой лнинн, связаиной с нзображением деятельиостн большевистского подполья в Ростове и Новочеркасске. Уж больно легко удаются подпольщнкам самые рискованные акции, уж слишком иедалекимн н простодушиымн выглядят враги. Думаю, что и иные краски н иитонацин, к которым прибегает автор, знакомя нас с жизнью н бытом «высшего света» белогвардейского общества, более уместиы в жанре фарса или пародии, чем в реалнстическом ромаие.

Сказать об этих иедостатках заставляет меия уважеиие к труду писателя, наделенного н дароваинем, и опытом. Этн дарование и опыт явствеиио ощутимы в его романе, живо н иитересно повествующем о славных страницах революцнонного прошлого нашего иарода. Несомиенные достоииства романа «Юг в огне» с лнхвой перекрывают его слабостн. И уж одно это, думается, дает все основання к тому, чтобы рекомендовать содержательную кннгу Дм. Петрова (Бнрюка) чнтателю.

Ф. ЧАПЧАХОВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Прохор Ермаков, молодой, высокий, смуглолицый урядник Атаманского казачьего полка, находясь в отпуске, третью неделю жил дома.

Все эти дни пребывания в родной станице, в кругу близких людей, он был в приподнятом настроении. На душе у него как-то празднично, покойно. В семье все относились к нему с трогательной предупредительностью, стараясь угодить как дорогому и желанному гостю. Мать не знала, чем только и потчевать сына. Не раз замечал Прохор, как теплело улыбкой и строгое бородатое лицо отца, когда тот, как бы невзначай, взглядывал на сына, на его Георгиевские кресты. А уж о младшей сестре, семнадцатилетней девчушке Наде, и говорить нечего. Она не спускала искрящихся глаз с брата.

Прохор никак не мог наговориться с родными: то расспрашивал, как они жили здесь без него, то рассказывал им удивительно страшные истории из своей фронтовой жизни.

Сегодня, позавтракав, Прохор сидел у окна в горнице и перелистывал старый журнал «Нива», который когда-то выписывал брат-учитель Константин.

Жмурясь от яркости бьющего в окно солнца, Прохор взглянул на улицу. Там, на дороге, поверх тонкого ледка змеились ручейки.

— Весна! — вздохнул он.— Люди скоро сеять поедут... А на фронте у нас... слякоть, грязища... В окопах не усидишь.

От воспоминаний о фронте заныло сердце. Скоро ведь возвращаться в полк. И снова орудийный гром... кровь... трупы... Не хочется на фронт. Ох как не хочется!.. За три недели, что прожил Прохор дома, он уже стал отвыкать от войны. Все пережитое на войне кажется далеким страшным сном... Как дома хорошо! Все здесь дышит миром, тишиной, покоем. Вот идет весна. Отец да и все соседи ждут ее с нетерпением. Они уже подготовились к севу. Недельки через две, глядишь, уже и выедут на поля. С каким наслаждением и Прохор поехал бы в поле! Впряг бы круторогих быков в плуг, запустил бы отточенные лемехи в жирный чернозем... Эх, боже мой! Об этом только лишь можно помечтать.

— Проша! — приоткрыв дверь, просунула мать голову.— А я думала, ты после завтрака лег отдохнуть.

— Нет, мамуня, читаю,— ласково сказал Прохор.

Мать вошла в горницу. Она была чем-то встревожена.

— Сынок, что толечко и делается на свете,— испуганно заговорила она.— Вся станица ходуном ходит.

— Что же случилось, мама?

— И не приведи господь, что,— закрестилась старуха глядя на иконы.— Господи Исусе Христе, отведи от нас беду лихую.

— Что за беда, мамуня?

— Царя, гутарит народ, у нас теперь не стало,— со страхом выпалила старуха.— Вон погляди, народ со всей станицы к правлению бежит.

— Царя не стало? — изумленно протянул Прохор.— Вот это здорово!.. Да как же это так, вдруг?.. Чудно.

Он снова посмотрел в окно. Мать говорила правду. О чем-то оживленно рассуждая и размахивая руками, по улице торопливо проходили группы казаков и казачек.

— Это прямо-таки черт знает что! — воскликнул Прохор, вскакивая со стула.— Чудеса!.. Вот что значит, мать, жить у вас тут, в глуши,— и не знаешь, что делается на белом свете. Побегу и я к правлению.

— Пойди. А оттуда вернешься, зайди к дяде Егору. Я слыхала, будто Виктор приехал.

— Ладно, зайду.

Прохор накинул на плечи длинную кавалерийскую шинель с голубыми петлицами и погонами, нахлобучил на голову серую папаху с голубым верхом и, подумав, сунул в карман наган.

Когда он вышел за ворота и направился было к правлению, его окликнули два казака-армейца, шедшие по улице:

— Погоди, Прохор!

Он подождал.

— Куда собрался? К правлению, что ли?

— К правлению.

— Ну так вместе.

Молодые казаки были его друзьями детства и юности. Один — небольшого роста, узкоплечий, рыжеватый, в мелких конопинах — Сазон Меркулов, второй — высокий, румяный, с курчавым белокурым чубом — Свиридов Максим.

Свиридов, ловкий и подобранный, был щеголеват. На погонах его отливали серебром три нашивки старшего урядника.

— Так что же, односумы, выходит, царя не стало у нас, а? — испытующе посмотрел Прохор на своих друзей.

— Дали Николашке по мордашке,— ухмыльнулся Сазон.

— А дьявол его знает,— вздернул плечами Максим Свиридов.— По всей станице такой разговор пошел. Вот зараз узнаем в правлении, правда ли это. Атаману-то небось все известно.

— Был царь Николка, жить при нем было колко,— дурашливо затянул Сазон, импровизируя.— Дали по шее Николашке, ну и запели пташки...

— Будет тебе дурковать-то,— оборвал его сурово Свиридов.— Ты только и способен на дурость.

— Слезы, что ли, мне лить? — огрызнулся Сазон.

Около церкви, у станичного правления, возбужденно гомонил народ. Седобородые старики, безусые парни, девчата и старухи — все сбежались к правлению послушать, что скажет атаман по поводу ошеломляющей вести.

Немало было в толпе и фронтовиков, которых сразу же можно отличить от других по сдвинутым набекрень серым папахам, по погонам, по крестам и медалям. Все они недавно прибыли домой из действующей армии на побывку по отпускам или на поправку из госпиталей. В толпе немало было калмыков [1], одетых, как и все, в казачью одежду.

В стороне от толпы стояли солдаты из иногородних. У некоторых из них на груди уже алели бантики.

Эти алые банты раздражали стариков. Они косились на солдат, злобно отплевывались:

— Тьфу! Проклятые мужики, уже понацепили!

— Видно, мало мы их в пятом году секли за эти-то банты.

— Право слово, мало... Пойди, кум, сорви с них.

— Да ну их к дьяволу! Марать руки неохота.

Молодые бабы, жалмерки, лузгая тыквенные и подсолнечные семена, кокетливо поглядывали на фронтовиков, прихорашивались одна перед другой, весело о чем-то переговаривались, громко хохотали.

Старики сердито косились и на них:

— Вот кобылицы-то!.. Никакой сурьезности в них нету. Им все ха-ха да хи-хи...

— А ты, кум, погляди, какими они бесстыжьими глазами молодых казаков-то оглядывают... Тьфу, будь они неладны!

Солнце весело плыло в сверкающем весенней голубизной небе. Становилось все теплее. Теперь по улицам уже бурлили мутные ручьи. Ребята с хохотом и визгом перепрыгивали через них, строили из талого снега запруды и плотины. За станицей кто-то стрелял из дробовика, и после каждого выстрела в роще, как эхо, взбалмошным гомоном отзывались недавно прилетевшие грачи.

— Ого-го! — подходя к правлению с Прохором и Свиридовым, ликующе воскликнул Сазон.— Народу-то собралось, как людей! Здорово живете, станичники! — раскланялся он с казаками, стоявшими вблизи.— Живехонькими вас видеть.

— Спасибочко,— отозвались некоторые из них.— Что, тоже пришли послухать атамана?

— А как же,— ухмыльнулся Сазон.— Такое дело ведь не каждый день бывает. Ежели б каждый день царей скидывали

[1] Калмыки были приписаны к казачьему населению Донской области.

с престола, то, могёт быть, и не пришли б. Навроде б надоело. А то ведь один раз за все века... Не слыхали, казаки, как это его наладили-то по шапке, а? Сам он отрекся от трона али его заставили?

— Да все по-разному гутарят,— проговорил усатый казак, подходя к Сазону.— Ничего толком не поймешь... Давеча проезжал один солдат — на побывку домой в Скурнишевскую станицу поехал. Так вот он рассказывал, что будто все дело с Гришки Распутина зачалось. Распутин, мол, этот, как навроде колдун какой, силу в себе такую имел, всех баб в царском дворце вскружил, одним словом, заворожил их, околдовал. От всех князей до графьёв жен поотбивал. И сама царица, стало быть, Александра Федоровна, от него без ума, тоже с ним жила.

— Вот это да! — восхищенно воскликнул Сазон.— Прямо, братцы, красота!

— Подожди, Сазон,— проговорил Прохор.— Не перебивай.

— Ну, стало быть,— с увлечением продолжал усатый, видя, что его внимательно слушают,— князья-то эти да графья прознали про это дело. Ну, ясно, это им не понравилось: как это, дескать, могёт быть, чтоб какой-то сопливый мужичишка да с нашими женами любовался б?.. Собрались они однова, купили шампанского и позвали Гришку Распутина. А Гришка-то, дурак, и поехал... Ну, стало быть, зачали эти князья да графья поить его шампанским. Одно ведро споили — ничего, не берет. Пьет Гришка шампанское, как все едино мерин, и не хмелеет. Споили другое ведро — опять ни в одном глазу у Гришки хмеля не видно... Пьет Гришка да пляшет, лишь посменвается — и хоть бы тебе что!.. Потребовали, стало быть, князья еще ведро шампанского да тишком влили туда бутылку, а может, и все две, чистого, настоящего спирту да еще для дурмана флакон сонных капель добавили... Подают кружку за кружкой Распутину, а он, проклятый черт, не теряется, выпьет одним махом кружку да еще просит... А все же, видать, дурман-то на него подействовал. Захмелел он и уткнулся мордой в тарелку с огурцами, задремал. Тут, стало быть, князья-то эти да графья накинулись на него и стали бить его чем поподя. Гришка немножко очухался да на них кинулся, зачал обороняться. Они его бьют, а он их... Одному череп проломил, другому... Силен, проклятый. Ну, а все же они его одолели. Прибили они его, стало быть, да отвезли на реку, в прорубь бросили. А он, дьявол, в холодной-то воде очнулся да кулаком им грозит. Они его ногами спихнули да утопили все же... Зараз же поехали они к царю и гутарят ему: «Отрекайся от престола. Какой ты, мол, царь, ежели такое попущение своей царице сделал: сама она с Гришкой спуталась и наших жен на то натолкнула». Царь-то было заартачился: «Не хочу, мол, с трона уходить. Триста лет мол, мой род на нем сидел». А те ему в ответ пригрозили: «Ежели не отречешься от престола,

то, гляди, прибьем так же, как и Гришку прибили. И в прорубь, мол, опустим». Испугался тут царь Николай, да и подписал отречение...

— Не ляскал бы языком чего не надо,— пробурчал хмуро Свиридов.— А то за такую брехню можешь и поплатиться.

— Да я-то при чем? — растерянно заморгал усатый казак.— Я ж не свои слова гутарю... За что купил — за то и продаю.

— Гляди, а то тебе с такой продажей может не поздоровиться.

— Да будет вам, казаки,— проговорил Сазон, стремясь примирить повздоривших.— Есть о чем разговор вести... Вот ехать скоро на позиции, а ехать неохота. Ты когда, Прохор, едешь в полк?

— Через тройку дней надобно выезжать.

— Что так скоро?

— Пора,— вздохнул Прохор.— Наше дело такое: побылпожил — и след простыл... Хочу еще к брату Константину в Ростов заехать, давно не видался с ним...

— Да,— вздохнул и усатый казак, закручивая цигарку.— Скоро и мне, братцы, ехать на позицию. А ехать, правду сказал Меркулов, неохота. Как вспомнишь о фронте, так, истинный господь, дрожь берет. Сею пору там грязюка непролазная. Прошлый год в это время наш полк в Полесии стоял. Ух, помнится, и грязища же! Ноги не вытянешь. А ежели вытащишь ногу, так сапог в грязи останется.

— Такие, как ты, конешное дело, отлынивают от фронта,— процедил сквозь зубы Свиридов, с пренебрежением глядя на усатого казака.

— Что ты, Максим, ко мне все цепляешься? — выпуская из носа широкую струю дыма, вспылил тот.— Я ведь тебе не жена. Как колючка, прицепился.

— Ну, бросьте вы,— снова примиряюще сказал Сазон.— Чего вы взъерепенились?.. Ты вон глянь, Максим, жалмерок-то сколько попришло. На тебя поглядывают... Ох, братцы мои, сколько их развелось тут! Да бабы-то, бабы-то какие — красивые, жирющие! Эх, дьявол бы их побрал, да разве ж от них захочешь идти на позицию?

Казаки, взглянув на молодых женщин, засмеялись.

— Жируют тут без нас,— со вздохом проронил кто-то из казаков.— Молодые казаки все на позицию, так они тут старикам-свекорам головы позакружили.

— Истинную правду гутаришь,— захохотал Сазон.— Гляньте, снохачи-то повыстроились,— указал он на стариков, нетерпеливо поглядывающих на крыльцо правления, на котором вот-вот должен появиться атаман.— Видите, так их... загорюнились, чуть слезы не льют, жалко им, вишь, царя-батюшку...

— Брось дурковать! — оборвал его Свиридов.

— Что это ты, Максим, не с той иоги, что лн, ныие встал? — насмешлнво посмотрел на иего Сазон.— Тебе что, старнков стало жалко? Да будь оии прокляты, старые хреиы!

— Чего ты на иих обозлился, Сазои? — смеясь, спроснл Прохор.— Может, у тебя какой старик жеиу отбнл, а?

— Таких делов за своей жинкой не замечал,— проговорнл Сазои.— А вообще-то все могёт быть. Надежду можио иметь только иа отца да иа мериuа. Отца ие уведут, а мерина ие продадут... Ха-ха! Кажись, перепутал пословицу... Ведь они, старики-то, охальиики наипервейшне. Им в рот пальца ие клади. Хоть зубы у них и плохие, а откусят...

Казаки захохотали.

— Атаман вышел! — крикнул кто-то.

Гомои над площадью затих. Взоры всех устремилнсь иа крыльцо правлеиия. Там, держа булаву, в окружении своих помощников стоял станичный атамаи Никифор Иванович Попов, упитаниый, красиолицый казак лет за пятьдесят. На ием была светло-серая драповая офицерская шинель с поблескивающими орластыми пуговицами в два ряда. На плечах отливалн серебром есаульские погоиы. Лнцо атамана было скорбно, словно ои только что вернулся с похорон близкого человека.

Смахиув с головы каракулевую серую папаху и погладнв шнрокую русую бороду, он вннмательио оглянул толпу.

— Здравствуйте, господа станичннкн, казаки н урядники! — крикиул ои.

— Здравья желаем, ваше благородье! — послышались ответиые голоса.— Здравствуйте, господин станичный атаман!

— Что, дорогие станнчники, пришлн узиать от меия всю правду? — тихо спросил атамаи, снова с грустью обводя взглядом толпу.

— Да, господин атамаи,— прорвался гул голосов.— Пришли узиать... Расскажн иам!.. Расскажи!..

— Не моими бы устами говорнть, а вашнми ушами слушать эту печальную весть,— проговорил атамаи.— Ну что же, послушайте. Что знаю — расскажу... Совершилось, дорогне станичинки, невиданиое и неслыхаиное доселе в историн Российского государства событие. Наш самодержец всероссийскнй, государь-император Николай Александрович, в снлу сложившихся обстоятельств выиужден был подписать отречеиие от престола...— Голос у атамана задрожал. Многнм показалось, что в глазах у него блесиулн слезы.

Толпа стояла не шевелясь, напряженно слушая, что говорил атамаи. Лишь кое-где отсмаркивалнсь старики, вытирая глаза.

— ...вынуждеи снять с себя сан императора всероссийского,— продолжал атамаи,— перешедший ему по наследству от предков, православиых русских царей... Власть перешла в руки Временного правнтельства во главе с председателем Го-

сударственной думы Родзянко... События, господа казаки, нарастают с головокружительной быстротой, и неведомо никому, что сулит нам завтрашний день... Да, господа, свершилась революция. Угодна она вам или нет, но это факт. От него никуда не денешься... В столице нашей, в Петрограде, сейчас происходят беспорядки. Чернь вышла на улицу. Идет стрельба, много невинных жертв. Таково положение в Петрограде. Я молю бога, господа станичники, чтобы эта смута не коснулась бы нашего тихого Дона... Мы, казаки, всегда, из века в век, самоотверженно служили своей отчизне и...

— Престолу! — насмешливо крикнул кто-то из группы фронтовиков.

— Тш!.. Тш!..— зашикали в толпе.

Атаман метнул свирепый взгляд туда, откуда послышался крик. Там стояло десятка два солдат с красными бантами на груди и несколько казаков. Они насмешливо встретили взгляд атамана. Кто из них крикнул — трудно понять. Клокоча от гнева, атаман хотел было накричать на них, но передумал. Нужно ли в такое время связываться со смутьянами?

— Вот! — злорадно поднял он палец вверх.— Не всем понравились мои слова... Но пусть они кое-кому и не нравятся. Зато основной массе казачества они дороги и понятны... Вот сейчас злонамеренный человек, фамилии его не знаю и знать не хочу, крикнул, что казаки, дескать, служили и престолу... Да, и престолу, скажу я. И плохого я в этом ничего не вижу. Престолу, дорогие станичники, скажу я с гордостью даже. Правду никогда не страшно сказать. Может быть, я и ошибаюсь, господа, но мне кажется, что нам, казакам, неплохо жилось при царях. Всегда мы имели от государей льготы и привилегии. Мы были первыми людьми в государстве Российском, верными сынами отечества своего...

— Особливо в девятьсот пятом году! — послышался все тот же насмешливый голос из группы фронтовиков.

— Тш!.. Тш!..— снова пронеслось по толпе.— Не перебивайте атамана!..

— Нам нечего вспоминать девятьсот пятый год,— покосившись на фронтовиков, сдержанно сказал атаман.— Не мне с вами судить — правы ли были тогда казаки или нет, выполняя волю правительства. Рассудит история...

— Она уже рассудила! — на этот раз зазвучал из толпы уже другой, звонкий, почти мальчишеский голос.

— Да кто это все орет? — в ярости гаркнул грузный седобородый старик, злобно выкатив глаза.— Заткните ему, стервецу, глотку!

— По морде ему, чтоб замолчал! — визгливо поддержал грузного старика его сосед, тщедушный, высохший старичишка.— Что это не дают атаману говорить!

У атамана пропало всякое желание продолжать речь. Хо-

телось перед народом излить душу, поделиться переживаниями и думалось, что его поймут. Но вот нашлись же такие мерзавцы, которые все испортили... К чему теперь продолжать? Получилось совсем не так, как думал атаман.

— Господа,— тоном человека, получившего тяжелое оскорбление, проговорил атаман,— прошу простить меня, я больше говорить не могу... Не могу!.. Вы пришли сюда просить меня, чтобы я рассказал вам, что произошло в стране, высказался бы перед вами... Но мне не дают говорить, не дают говорить вашему атаману. Какие-то молодчики,— пренебрежительно скривился атаман,— видимо, лучше меня знают... Так пусть же они перед вами и выскажутся. Пожалуйста, прошу! — жестом показал он на крыльцо.

Переждав минуту и видя, что никто из фронтовиков не появляется на крыльце, атаман злорадно продолжал:

— Я так и знал, что никто не решится нагло взглянуть в глаза своим отцам и дедам. Крамола проникает и к нам, на тихий Дон. Остерегайтесь ее, господа старики! Бойтесь ее!.. Есть предание, что наш голубоводный тихий Дон мутнеет, когда на него надвигается несчастье. Так будьте же бдительны, не давайте мутнеть нашему Дону, берегите его, чтоб всегда он был чист...

— Долой монархиста! — выкрикнуло несколько возмущенных голосов.— Долой атамана!

Побледнев, атаман настороженно смотрел в ту сторону, откуда неслись эти крики. Он видел, как фронтовики, кого-то выталкивая, взволнованно кричали:

— А ну, пойди-ка заткни ему горло!.. Пойди скажи народу, ты ж ученый человек... Да не бойся... Мы заступимся...

— Ну что ж, пойду скажу! — решительно зазвенел чей-то молодой голос.— Пропустите!

— Пропустите его!.. А ну, пропустите!

Атаман видел, как кто-то в толпе пробирался к крыльцу. Он понял, что человек этот сейчас будет говорить, и решил «не допустить такого безобразия».

— Вот, господа, каким оскорблениям я подвергаюсь,— с обидой закричал атаман.— И вы здесь спокойно стоите, выслушивая эту брань, гнусную, мерзкую брань... Разве я этого заслужил? Я, ваш слуга, избранный вами?.. Позор, донцы!..

— Позор! — как эхо, отозвались помощники атамана.

Старики нахохлились, как воробьи перед бурей, замахали палками.

— Плетей им, сукиным сынам, всыпать! — завопил грузный старик.

— Плетей! — тонкоголосо поддержал его тщедушный старичишка.

— Истинный господь, плетей! — обрадованно загорланили старики.— Чтоб не охальничали.

— Разбаловались, стервецы, на войне-то!

— Проучить их, дьяволов, проучить!

Протиснувшись сквозь толпу, на крыльцо правления смело взбежал юноша в солдатской шинели. Для чего-то он порывисто сбросил с себя шинель, может быть, для того, чтобы все увидели на его защитной гимнастерке, плотно облегающей грудь, два Георгиевских креста. На защитных погонах, вшитых в гимнастерку, едва приметно вились канты вольноопределяющегося.

— Ох ты, черт! — изумился Прохор, узнав в юноше своего двоюродного брата.— Виктор!

Юноша окинул взглядом притихшую толпу.

— Граждане свободной России! — заговорил он.— По поручению фронтовиков — казаков и солдат нашей станицы — поздравляю вас со светлым праздником. В нашей стране произошла революция, цепи рабства с народа сняты навсегда. Навсегда, граждане! Я только что приехал из Петрограда и знаю, что там произошло. Царь наш, кровавый Николай, отрекся от престола, царские министры арестованы. Отныне мы все свободные и равноправные люди. Власть захватил в свои руки народ. Сам народ стал хозяином нашей великой страны... Здесь вот сейчас выступал станичный атаман. Из его слов можно было понять, что он жалеет царя. И эту жалость он хочет внушить всем нам. Нет, граждане! Монархии нам не жалко, а монархисты, плачущие по царю, нам не нужны!.. Мы имеем мужество и смелость заявить: «Долой монархистов! Да здравствует революция! Да здравствует свобода!»

— Ты глянь,— толкнул Сазон Прохора.— Вот ваш Викторто чешет. И где это он так научился брехать языком?

— Как же ему не научиться? — с гордостью промолвил Прохор.— Почти всю гимназию прошел.

Скинув шапку, Виктор продолжал взволнованно говорить:

— Отныне все мы, казаки и солдаты, равноправные граждане нашего великого государства. Нет теперь никакой разницы между казаком и генералом, между солдатом и офицером. Отменяются всякие «ваше благородие», «ваше превосходительство». И теперь нам станичный атаман,— взглянул Виктор на побледневшего, насупленного атамана, стоявшего в стороне,— не «ваше благородие», как привыкли вы его называть, а просто «господин» или «гражданин атаман»...

— Заткните ему, молокососу, глотку! — рявкнул грузный старик, поняв, наконец, о чем вел речь Виктор.— Ишь, щенок, мужичья мразь, учить нас будет!.. Кто ему дал право перед нами, казаки, речи говорить?..

Толпа дрогнула, зашумела:

— Стащить мужика!

— По морде его!

— Бей его!

Угрожающе рыча и ругаясь, размахивая кулаками и костылями, к крыльцу двинулись старики.

— Бей его!

— Бей!

— Не имеете права! — перекрикивая рев озверевших стариков, надрывался побледневший Виктор.— Я такой же свободный, равноправный, как и вы... Я — воин нашей доблестной армии!.. Я защищал на фронте родину!

— Стащить!.. Бить! — хрипели голоса.— Сечь его плетьми!

Грузный старик с белой патриаршей бородой первым взобрался на крыльцо. Он схватил Виктора за ворот, заорал:

— Душу выну, мать твою, черт.

— Не имеете права бить,— кричал Виктор.— Я — георгиевский кавалер.

Атаман подкрался из-за окруживших юношу стариков и булавой стукнул его по голове. Виктор повалился на крыльцо.

— А ну разойдись! — исступленно закричал Прохор, распихивая вместе с фронтовиками стариков и размахивая наганом.— Разойдись, не то стрелять буду!

— Ишь, за родию заступается! — взревел грузный старик.— Бей и его! — Но, увидев в руках Прохора револьвер, трусливо заморгал, попятился.— Застрелит еще ж, дурак...

Взбешенный, вздрагивающий от волнения, Прохор выстрелил вверх.

Бабы взвыли:

— Ой, батюшки, смертоубийство!

— Отойдите, сиохачи! — в гневе кричал Прохор.— Не то мозги вышлепаю!

Отплевываясь и отмахиваясь, толкая друг друга, старики попятились от него.

— Шальной, будь он проклят!

— Ей-ей, бешеный, пристрелит еще.

— Ты живой? — нагнувшись над Виктором, сурово спросил Прохор.— А ну вставай! Глупец! Нужно ли тебе было ввязываться в это дело? Вздумал кого агитировать! Да им хоть кол на голове теши — все равно не проймешь.

Виктор медленно поднялся и отер платком со лба кровь.

— Кто это тебя? — спросил Прохор.

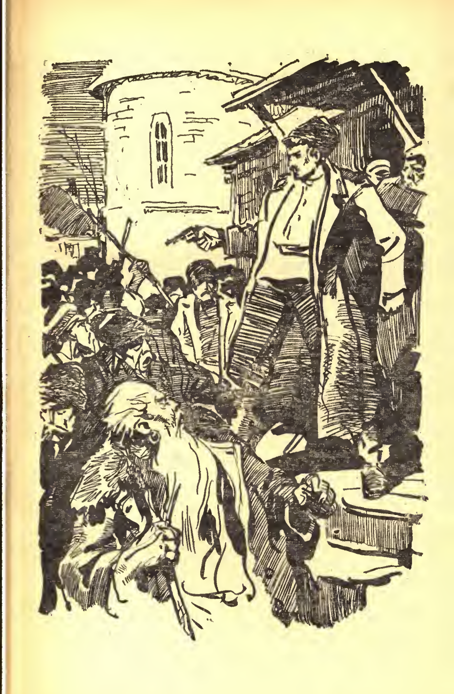
— Не знаю.

— Это его атаман булавой долбанул,— сказал кто-то из фронтовиков, помогавших Виктору надеть шинель.

Прохор огляиулся, отыскивая взглядом атамана. Но ни его, ни помощников на крыльце уже не было.

— Пойдем к нам,— сказал Прохор Виктору.— Я тебе обмою голову и йодом залью.

Прохор и Сазон повели Виктора под руки. Старики мрачно смотрели им вслед.



II

Василий Петрович Ермаков, высокий, кряжистый старик лет под шестьдесят, происходил из старинного казачьего, уважаемого в станице рода. Ходила молва, что род его начался от знаменитого Ермака Тимофеевича, покорителя Сибири.

Так это или нет, точно никто не мог утверждать. Не мог этого сказать и сам Василий Петрович, но слухи такие льстили его самолюбию, и он их не опровергал.

За богатством и почетом Василий Петрович не гнался, но и нужды не знал. Жил крепким хозяином, хотя наемных батраков никогда не имел. Со всеми работами по хозяйству управлялись своей семьей.

Семья у Василия Петровича была небольшая, но работящая, прилежная.

Правда, с началом военных действий Ермаковы стали жить значительно хуже. Старшего сына, Захара, степенного, трудолюбивого казака, с первых же дней войны мобилизовали. В одном из сражений он пропал без вести. Слух ходил, будто он в плену у немцев. Пошел служить в Атаманский казачий полк и меньшой, неженатый сын — Прохор. Средний же сын, Константин, давно уже отбился от двора. По окончании Усть-Медведицкой учительской семинарии некоторое время он учительствовал в своей станице в двухклассном училище, а как началась война, ушел в школу прапорщиков. Теперь он уже в чине есаула командовал отдельной сотней в Ростове-на-Дону. Там он и женился. Говорят, взял дочку какого-то богатого азовского рыбопромышленника. Василий Петрович никогда к сыну в Ростов не ездил и снох не видел.

Теперь старик жил с женой Анной Андреевной да со смешливой дочушкой-красавицей Надей.

Жила в доме еще и сноха Лукерья — жена Захара — с двумя озорными сынами-казачатами.

Пришлось Василию Петровичу на склоне лет самому работать в поле. Правда, сноха Лукерья была доброй помощницей. Тихая, спокойная женщина, она работала за троих. По своей ловкости и сноровке она могла любого мужчину затмить. Да и Надя немалую помощь оказывала.

Анна Андреевна же, еще бодрая, живая старуха, по домашности управлялась и за внуками присматривала.

Василий Петрович в дни своей юности, когда еще был неженатым парнем, полюбил красивую девушку Нюру, дочь иногороднего кузнеца и искусного маляра Андрея Семеновича Волкова. Нюра ответила ему взаимностью. Молодые люди сговорились пожениться. Но это осуществить было не так легко.

В казачьих станицах существовала острая сословная вражда. Казаки презирали иногородних, пришельцев на Дон из центральных губерний России, считая их какими-то низшими

существами. «Хам», «мужик», «кацап» — так с пренебрежением называли казаки иногородних. Породниться с иногородним для казака считалось позором, недостойным делом.

Поэтому, когда Василий Петрович заявил родителям о своем желании жениться на Нюре, они категорически воспротивились этому.

Целый год шла борьба в семье Ермаковых, пока Василий Петрович не добился своего. Он сказал родителям, что если они не дадут согласия на брак с любимой девушкой, то он на всю жизнь останется холостяком. Зная упрямый характер своего единственного сына, старики согласились дать ему благословение.

Так древний казачий род Ермаковых породнился с иногородними, безвестными пришельцами.

В станице жил брат Анны Андреевны Ермаковой Егор Андреевич Волков, старый вдовец, занимавшийся, как и покойный его отец, кузнечным и малярным ремеслом. У него было двое детей: старшая Катерина, выданная замуж в Новочеркасск за фельдшера, и Виктор.

Егор Андреевич и его жена, Мария Дмитриевна, взятая из богатой казачьей семьи Черкасовых, были люди грамотные, любили почитать интересную книгу и газету. Понимали пользу просвещения, а поэтому решили «вывести детей в люди», дать им надлежащее образование.

Но трудно было в те времена простому человеку, ремесленнику, учить своих детей в среднем учебном заведении, где преимущественно учились дети дворян, офицеров, торговцев да богатого казачества. Много приложил стараний неугомонный кузнец, пока определил дочь Катерину в прогимназию.

Но учиться ей пришлось всего два года. Умерла Мария Дмитриевна, и девочку взяли домой: некому было по дому управляться. Когда подрос Виктор, Егору Андреевичу удалось, при помощи братьев жены, устроить его в Ростовскую гимназию.

Казаки немало потешались над кузнецом:

— Ишь ты, мужик сиволапый, захотел умнее нас, казаков, стать, Задумал своих детей учеными сделать... Кишка тонка, оборвется. Мы побогаче и то своих не учим...

Но Егор Андреевич не обращал внимания на насмешки. Виктор был прилежный мальчик, старательный, учился хорошо, радовал родительское сердце.

Началась война с Германией. Несколько гимназистов, в том числе и Виктор, не закончив гимназии, сдали экзамены на вольноопределяющихся и добровольцами ушли на фронт.

В боях с немцами Виктор отличился, был награжден двумя Георгиевскими крестами, получил звание старшего унтер-офицера.

Общаясь с солдатской массой, сидя с рабочими и кре-

стьянами, одетыми в шинели, в окопах, юноша миогого наслушался. Солдаты смело высказывали справедливые мысли о царе и его министрах, о капиталистическом гнете иа фабриках и заводах, о иещадиой эксплуатации крестьян помещиками.

У Виктора открывались глаза иа многие вещи, и они представлялись ему в другом свете, чем раньше. Ему пришлось на фронте познакомиться с революционной литературой.

В одной из разведок Виктор был ранен в грудь, лежал в госпитале в Петрограде и только что приехал домой в двухмесячный отпуск на поправку. Февральская революция застала его еще в столице, а поэтому он знал о ней больше, чем кто-либо другой в станице. В какой-то степени от него и пошла весть об отречении царя и молниеносно распространилась по казачьим куреням глухой, оторванной от железной дороги станицы. Правда, эту иовость узнал атаман, но до поры до времени он не стал бы ее распространять.

Дорогой Прохор ругал брата:

— Черти тебя дернули выступать перед стариками. Все же они, проклятые, монархисты. Ежели б я не отпугнул старнков, так они б тебе добре помяли бока...

— Они, дьяволы, злые, пожалуй, и убить могли б,— сказал Сазон.

— Разве ж я думал, что так получится,— удрученно проговорил Внктор.— Мне хотелось рассказать народу правду. Ведь я только что приехал из Петрограда... Фронтовнки попросили меня выступить...

— Попросили,— проворчал Прохор.— Натравили мальчишку, а самн — в кусты... Боюсь, что через тебя отец и в дом меня теперь не пустнт...

— Твой отец не дурак. Не такой, как другие старики,— заметнл Сазон.— Что он, не понимает, что ли, что с царем все теперь покончено.

— Дело не в царе. Боюсь, что осерчает он на меня из-за того, что круто обошелся со стариками.

— Так что же, выходит, что ты должен был им своего брата на измывку отдать? — возмутился Сазон.— Он, твой отец, ведь понимающнй человек.

— Поглядим,— неувереино буркнул Прохор.

Войдя в хату, Прохор увидел семью за обедом. Все молча хлебали щн. Прохор понял, что, видимо, до его прихода разговор за столом шел о нем. Он пытливо взглянул на отца. Вид у него был сумрачный. У Прохора защемило сердце. «Так и знал,— подумал он огорченно,— осерчал».

— Гость на порог — хозяину радость,— снимая шапку, проговорил Сазон.— Здорово живете!.. Хлеб да соль!..

— Спасибочко,— приветливо отозвалась Аииа Аидреевна.— Пожалуйте с иами кушать.

— Благодарствую,— проговорил Сазои.— Зараз пойду домой, иаши иебось тоже ждут обедать.

— Чего ж меия ие подождали? — бросив шииель, спросил Прохор.

— Да думали, сыиок, что ты ие скоро придешь,— вииовато проговорила старуха.— Отец вот сказал...

— Чего сказал? — хмуро взгляиул иа иее Василий Петрович.

Старуха испугаиио посмотрела иа иего.

— Да иичего... так это я... Садись, Проша! Садись и ты, Витя, с иами обедать. Ой! — всплесиула оиа руками.— Боже ты мой! Ты ж весь в крови... Родимый мой, да кто же это тебя так изувечил-то?

— Мать, дай теплой воды,— попросил Прохор.— Я обмою ему раиу да обвяжу голову. У меия, кажись, в запасе бинт есть...

Обмыв Виктору раиу и завязав голову биитом, Прохор потяиул его к столу:

— Садись обедать, иивалид.

— Теперича такое время иастало,— покуривая у двери, проговорил Сазои,— что ие токмо иа позициях, ио и у себя дома, иа печи, могут изувечить.

Насупив кустистые с проседью брови, ие обращая ии иа кого виимаиия, Василий Петрович по-прежиему ел молча. Ои был явио ие в духе, и Прохор чувствовал, что в доме иазревает скаидал. Да и все, видимо, это чувствовали.

Глотиув дыму, Сазои вдруг чему-то засмеялся.

— Вспомиил я зараз такой случай,— ухмыльиулся ои.— Одиова сидим мы, трое казаков, иа позиции, кулеш с салом едим. Только что приехали с разведки, проголодались. А дело-то было весеииее, под вечер. Кругом, стало быть, красота! Травка зелеиая, пташки распевают... Около иас болото. Рыбешка играет, лягушки орут да бултыхаются... Едим да родимый Дои вспомииаем. Кулеш вкусиый получился, горячий, только с костра. Разговариваем да из котелка уплетаем. «Что, мол, у иас, иа Доиу, теперь делается?» — говорю я да протягиваю ложку к котелку зачерпиуть, а оиа, проклятая, как сигаиет, да прямо иа меия. Да такая здоровеииая, иечистый дух, как все едиио собака...

— Кто? — иарушив тягостиое молчаиие, расширила от чрезмериого любопытства глаза Надя.

— Ну кто ж,— выпуская из иоздрей клубы дыма, произиес Сазои.— Коиечиое дело, лягушка.

— Ха-ха-ха! — сотрясаясь всем телом, захохотала девушка, расплескивая из ложки щи по столу.

Василий Петрович сурово посмотрел на дочь, иеодобри-

тельно покачал головой. Девушка, взглянув на отца, подавила смех.

— А я их, дьяволов, до смерти боюсь,— продолжал Сазон.— Ринулся я от нее, проклятой, да котелок с кулешом перевернул... Такая досада забрала. Ведь голодные же мы, толечко ложки по две и успели отхлебнуть... Ну что делать, не будешь же кулеш с земли подбирать?.. А один казак, Егор Королев, дурило такой, гутарит: «А почему б и не подобрать кулеш? Не пропадать же ему?» Зачерпнул ложкой с земли и начал жрать. «Ешьте!» — говорит. Мы отказались, а он, нечистый дух, весь кулеш с земли подобрал, хрустит на зубах песок, а он жрет.

Смешливая Надя снова фыркнула, зажимая рот руками. Василий Петрович с досадой бросил ложку на стол.

— Совести и стыда у тебя, Сазон, нет. Потерял стыд на войне... Ты ж видишь, мы едим, а ты про гадости разные разговор завел... Ты хоть пакостные побаски рассказываешь — это еще так-сяк, а вот другой вояка так надумался в стариков из револьвера стрелять... Поганец!

Побледнев, Прохор положил ложку и взглянул на отца.

— Батя,— тихо спросил он,— вы были у правления?

— Ну, был, так что?

— А если были, так, значит, видели, что в стариков я не стрелял... Выстрелил я в белый свет, чтоб отпугнуть их.

— Ты ж наставлял в них револьвер?

— А вы видели, для чего я это сделал?

— Ну?

— Ежели б, батя, я им не пригрозил, так они б изувечили Виктора.

Сорвавшись с лавки, старик разгневанно загремел:

— А кой дьявол ему, твоему Виктору, велел не в свое дело нос совать?.. Его ль мужичье дело лезть туда, куда не подобает?

— Дядя, зачем вы меня оскорбляете? — дрожащим голосом произнес Виктор.— Я ведь ничего плохого не сделал...

— Ты сукин сын,— не отвечая Виктору, снова набросился старик на сына,— вот завтра увихришься на позицию, а я должон тут оставаться. Какими глазами я буду глядеть на стариков, на соседей?.. Приехал долгожданный сынок, набезобразничал тут да и улетает, а я должон моргать глазами перед людьми!.. Бельтюки твои бесстыжьи!.. Вот что я тебе скажу: уметайся ты зараз же из моего дома, чтоб и духу твоего тут не было. Будь ты проклят!..

— Петрович! — в ужасе вскричала Анна Андреевна, подбегая к мужу.— Да в уме ли ты, сына-то своего проклинаешь?

— На дьявола он сдался, такой сын? — распаленно взревел Василий Петрович.— Зреть не могу!

Зарыдав, старуха упала головой на стол. Двое маленьких

ребятишек, сидевших за столом, глядя иа бабку, заплакали. По розовым щекам Нади поползли слезинки. Оиа испуганно смотрела то иа отца, то иа брата, толком еще ие поиимая, что происходнт.

— Значит, батя, прогоняете? — глухо спросил Прохор, вставая.

Старнк не ответил сыну н круто повериулся к Виктору:

— И ты чтоб в моем доме больше ни иогой. Понял?.. Хам премерзкий! Казачья земля тебя, мужнка, взрастнла, вскормнла, н ты ж на нее иаплевал...

— Дядя, позвольте,— горячо заговорнл Внктор.— Я ни иа кого ие плевал. Я иикого даже ие обидел... Разве вот только о революции говорнл... Так что же тут плохого?

— «Про революцию»,— передразнил его Василий Петровнч.— А что ты смыслншь-то в ней, сопляк?.. Да что мне с тобой тут разговоры вести, уходи, покуда ие выгнал.

— Ну уж, дядя,— вскакивая с табурета, иегодующе вскрикиул Виктор,— такого оскорбления я вам не прощу!.. Нникогда!.. Прощай, тетушка!.. Прощайте, Надя, Луша!.. Проша! — крнкнул он в горннцу, куда ушел Прохор.— Когда будешь уезжать, заходн прощаться.

— Ладно,— ответил тот.

— Пойдем, Виктор, провожу тебя,— сказал Сазон, выходя вместе с иим из хаты.— Ну н анчутка ж твой дядя, злющнй, как бешеная собака. Я думал он поумнее другнх, а ои, антнхрнст, оказался дурнее всех ..

После ухода Виктора и Меркулова Аииа Аидреевна, заплаканная н удрученная, вошла в горницу. Увндев, что Прохор укладывает свон вещи в мешок, она беспокойио спросила:

— Ннкак, собнраешься, сынушка?

— Ныне уеду, мамуня.

— Да ты что?— всплеснула оиа рукамн.— Как же ты, мнлушка, без харчей-то поедешь? Я же тебе инчего ие успею приготовить. Надо же бурсачиков нспечь, курочек пожарнть.

— Ничего мие мать, ие иадо... Обойдусь.

— Нет уж, милочек, ты иа отца-то серчай, а иа мать ие гневайся... Мать,— заплакала старуха,— готова за тебя жнзнь отдать. Ты что же хочешь, чтоб мать твоя деиь и ночь слезы лила? Нет уж, родимый мой, не пущу... Не пущу!.. Хоть до завтра остаиься. Ночь ие буду спать, а всего тебе иаготовлю. Зараз н тесто замешу... Да н Косте ведь надо гостинца послать... Ты не раздумал к иему заехать-то?

— Заеду, мамуия.

— Ну вот, тем более. Как же ты к иему без гостинца-то материиского приедешь?

Забота матерн растрогала Прохора. Он прнвлек ее седую голову к своей груди, и оба заплакалн.

— Ну ладио, мама, остаиусь до завтра,— лаская ее, про-

говорил Прохор.— Но только ночевать пойду к дяде... Тут, мать, я больше не могу быть. Ноги моей никогда не будет в этом доме... Обидел меня отец.

— Зря на отца обижаешься, сынок,— печально сказала старуха — Помирись с ним... Отец осерчает, отец и приласкает... Он ведь родитель... Он могет и отругать, он могет и простить.

— Нет, мамуня,— покачал головой Прохор.— Не простит он меня. Да я и прощения у него не буду просить: не виноват перед ним.

— Вот все вы такие, Ермаковы,— укоризненно сказала Анна Андреевна.— Упрямые. Ну, смотри, тебе виднее... Коли уж так,— вздохнула она,— иди ночевать к дяде Егору, а мы со снохой ночку не поспим, наготовим тебе и Косте всего. Утречком завтра принесем.

Прохор оделся и, взяв мешок, вышел на кухню. Отец, надев очки, сидел за столом, делая вид, что читает библию. Расцеловав маленьких племянников, потрепав по щеке сестру, Прохор, не взглянув на отца, вышел.

III

Перед отъездом Прохор сказал Виктору:

— Поедем, Виктор, со мной в Ростов. Поживешь неделю-другую у брата Константина, а потом вернешься. К этому времени, глядишь, и старики угомонятся... А то по свежей памяти они тебя где-нибудь и изувечат... Они злые, черти.

Виктор охотно согласился поехать в Ростов и не потому, что боялся стариков, а просто ему хотелось навестить город, с которым было связано столько детских воспоминаний о днях учебы в гимназии. Хотелось встретить товарищей, с которыми учился. Хотелось съездить их к сестре в Новочеркасск.

Сноха Лукерья отвезла их на станцию.

Поезд шел медленно, подолгу простаивая на станциях, и в Ростов пришел с большим опозданием, к вечеру следующего дня.

Перрон вокзала был густо забит народом. По замусоренной платформе сновали солдаты, казаки, офицеры. В глазах пестрило от красных бантов. У многих военных кокарды были обернуты красной материей. Один какой-то солдат покрыл алой материей даже погоны.

Прохор и Виктор выгрузили из вагона узлы и харчи, наготовленные матерью. Смотря на них, Прохор сокрушенно разводил руками:

— Что мы с ними будем делать? Как потащим к Константину?

— Может, носильщика возьмем? — предложил Виктор.— До трамвая поможет донести.

— Придется,— согласился Прохор.— Пойди поищи носильщика.— И вдруг, кого-то увидев в толпе солдат, он обрадованно крикнул: — Буденный!.. Никак, ты?.. Здорово, дорогой!

Позвякивая шпорами, к Прохору с недоумевающей улыбкой подошел молодой, ладно сбитый унтер-офицер с лихо закрученными усами. Из-под накинутой на плечи враспашку шинели на груди у него сверкали четыре Георгиевских креста и четыре медали.

Солдаты почтительно обходили его, оглядывались.

— Бантист! — переговаривались они.— Бантист! [1]

— Что-то я вас, браток, не узнаю,— всматриваясь в Прохора, нерешительно проговорил унтер-офицер.

— Ну как же так! — огорченно воскликнул Прохор.— Неужто забыл Прохора Ермакова?.. Но я-то тебя, Буденный, вовек не забуду. Помнишь, как на австрийском фронте ты меня, можно сказать, от смерти спас? У Малушинского фольварка.

— А-а! — отозвался унтер-офицер.— Ну как же! Помню отлично. Ермаков! Из наших сальских степей... Здорово, дорогой!

Они пожали друг другу руки.

— Тебя, брат, и не узнать,— показывая из-под холеных усов белые крепкие зубы, улыбался унтер-офицер.— Совсем ты каким-то другим стал. Смотри, молодой, красивый, румяный... Должно быть, на домашних харчах отъелся. Из дому, наверно?

— Из дому.

— На побывку приезжал?

— На побывку.

— Ну вот, так и есть,— снова засмеялся унтер-офицер.— Потому-то я тебя и не узнал. Жена тебя отмыла от фронтовой грязи, откормила.

— Я неженатый.

— Вот тебе на! Что же это ты не обзавелся женой? Казаки ведь рано женятся.

— Да так вот, не случилось,— усмехнулся Прохор.— В свое время не женился. А теперь уж буду жениться лет сорока. Возьму тогда себе жену молодую, семнадцатилетнюю...

— Хитер,— улыбнулся унтер-офицер.— Зачем в Ростов приехал?

— К брату заехал денька на два. Брат мой тут служит командиром сотни. А отсюда прямым направлением в полк, в действующую армию. А ты каким образом в Ростове?

— По служебным делам приезжал,— ответил Буденный.— А сейчас в Тифлис еду. Наша дивизия под Тифлисом расквартировалась.

— Вот как? — удивился Прохор.— Твоя же дивизия на австрийском фронте была?

---

[1] Баитист — полный георгиевский кавалер, имеющий четыре креста и четыре георгиевские медали.

— Верно,— сказал Буденный.— Когда-то была, да сплыла. После австрийского фронта я со своим полком немало мест исколесил по свету. Наша дивизия в составе экспедиционного корпуса генерала Баратова была переброшена в Персию. А недавно мы из Персии вернулись. Дивизия вот там сейчас расквартировывается, а меня с солдатом в командировку в Ростов послали.

— Что же, Буденный, значит, дождались революции, а? — спросил Прохор.

— Да вроде того,— усмехнулся Буденный.— Это только начало, впереди еще делов много...

— Как это понимать?

— А это уж как хочешь понимай,— пожал унтер-офицер плечами.— Приедешь на фронт, увидишь, чем живут фронтовики,— и поймешь.

— Ничего не понимаю, ей-богу, не понимаю,— недоумевал Прохор.— Растолкуй.

— Эх, Ермаков! — снисходительно похлопал его по плечу Буденный.— Молод ты еще, зелен, жизнь плохо знаешь. Ну ничего, поживешь — узнаешь. А пока прощай, дорогой! — подал он руку Прохору.— Побегу в вагон, а то как бы поезд не ушел. Да и солдат, наверно, заждался. Я за папиросами на минутку выбежал.

— Прощай, Буденный,— пожал его руку Прохор.— Рад был увидеть тебя.

— И я рад.

— Увидимся ли скоро?

— Увидимся, Ермаков,— убежденно произнес унтер-офицер.— Гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда... Вот скоро война закончится, демобилизуют нас. Ваша станица недалеко от нашей, как-нибудь и встретимся.

Махнув папахой, унтер-офицер, позванивая шпорами и крестами, побежал по перрону. И снова солдаты, почтительно уступая ему дорогу, оглядывались.

— Полный бантист,— кивали они на него.— Герой парень.

— Кто это? — спросил Виктор у Прохора, с теплой улыбкой смотревшего вслед уходившему унтер-офицеру.

— О, брат! — восторженно воскликнул Прохор.— Замечательный человек!.. Он из наших краев, из Платовской станицы... Я его на фронте повстречал. В восемнадцатом драгунском Северском полку служил... Однажды я со своим разъездом на австрийскую заставу напоролся. Крышка б нам всем — побили б. Да вот спасибо Буденному, он со своими драгунами выручил. Лихой человек!

Константин Ермаков жил на Пушкинской улице, занимая уютную квартиру в четыре небольшие комнаты.

— А-а! — вскричал он.— Братья! . Добро пожаловать!.. Какими ветрами?

— Приехали проведать тебя,— обнимая брата, сказал Прохор.— Давно, Костя, не виделись. Еду на фронт, думаю, надо заехать к брату, а то убьют еще и не увижу...

— Ну, бог с тобой! — отмахнулся Константин.— Убьют! Что ты...

— На войне все бывает, Костя.

— Это хотя правда. Смерть найти — плевое дело... Ну, не будем говорить об этом. Хорошо, что приехали...

— Вот тебе, Костя, мать гостинцев прислала,— передал ему Прохор мешок, набитый пирогами, бурсаками, салом, жареными курами и гусями.

— Узнаю любвеобильное материнское сердце,— засмеялся Константин, пробуя поднять мешок.— Ого! Как только вы и тащили такую тяжесть?

Константин был очень похож на Прохора. Такой же смуглый, тонкий с горбинкой нос, волнистые длинные волосы, зачесанные назад, небольшие подстриженные усы. Ростом только он был меньше Прохора. Константина можно было бы назвать красавцем, если б его не портили серые, со стальным оттенком глаза, всегда холодные и надменные.

— Верусик! — позвал он жену.— Иди-ка сюда, милая, тут тебе в подарок целый продовольственный склад привезли.

Из гостиной вышла совсем еще молодая, но уже немного располневшая хорошенькая белокурая женщина.

— Здравствуйте! — сдержанно кивнула она Прохору и Виктору.

— Верунчик,— заискивающе проговорил Констаитин.— Познакомься, родная. Это — мой брат Прохор... А это — Вера Сергеевна, жена моя...

— Узнаю,— сухо проговорила Вера.— На тебя похож, Константин.

— А это, Верочка,— указал Константин на скромно стоявшего в углу юношу,— мой двоюродный брат Виктор.

Она пристально, оценивающе посмотрела голубыми глазами на Виктора, как бы взвешивая, как ей вести себя с этим мальчуганом, и улыбнулась. Видимо, юноша ей понравился.

— Очень приятно,— певуче сказала она и протянула белую пухлую маленькую руку ладонью вниз, словно для того, чтобы он прикоснулся к ней губами. Но Виктор не догадался это сделать. Он лишь пожал ее руку.

— Братья, Верусик, дня иа два-три к нам...— заюлил перед женой Константин.— Знаешь, мимоездом...

— При чем тут «на два-три дня»? — строго посмотрела она на мужа.— А если они десять дней или больше проживут, разве это плохо?

— Да нет,— смутился Константин.— Пожалуйста. Моя квартира в полном их распоряжении... Я хотел сказать...

— Ничего ты не хотел сказать,— отмахиваясь от него, засмеялась Вера.— Просто ты пустое болтаешь.

Вера была волевая женщина, и Константин ее побаивался.

— Раздевайтесь, господа! — певуче произнесла Вера, обращаясь к Прохору и Виктору.— Проходите в гостиную.

Виктор сбросил с себя шинель, одернул гимнастерку и вслед за Константином и Прохором вошел в комнату, а Вера, позвав кухарку, пошла на кухню разбирать мешок с подарками, присланными свекровью.

Гостиная была небольшая, убрана со вкусом. Хотя все здесь было дешево, но нарядно. Посреди комнаты стоял круглый стол, накрытый голубой бархатной скатертью с махрами. Вокруг него в строгом порядке расставлены венские стулья. Вправо, к стене, стоял диван с тумбочками, обитый синим шелком. Рядом — пианино. У противоположной стены — массивное трюмо, а рядом — небольшой, но вместительный буфет со множеством посуды, среди которой немало сверкало хрусталя. На разных маленьких и больших пуфиках и столиках лежали и стояли хорошенькие подушечки, статуэтки, безделушки.

— Познакомьтесь! — сказал Константин.— Это — наша Мариночка, Верочкина сестра.

Только сейчас Виктор заметил у окна, за широколистной пальмой, сидевшую девушку. Она что-то делала: писала или читала на подоконнике. Девушка поднялась со стула и покраснела.

— Марина,— просто назвала она себя, подав руку Виктору. На ней было скромное бордовое платье с белым кружевным воротничком «Гимназистка, наверно?» — подумал Виктор, и он не ошибся.

— Заканчивает гимназию,— пояснил Константин.— А ты, Виктор, бывший гимназист, вот у вас и найдется о чем поговорить.

Марине было около семнадцати лет. Волосы у нее такие же, как и у сестры, пышные, белокурые с пепельным оттенком, глаза миндалевидные, темные и блестящие, как черносливы, опушенные черными длинными ресницами.

— Ну, так каким же образом вы попали сюда? — спросил Константин, усаживаясь на диван.

Прохор коротко рассказал ему о себе и Викторе.

— Так-так,— оглядывая то Прохора, то Виктора, проговорил Константин.— Молодцы! Ей-богу, молодцы! Герои!.. По два «георгия» заработали. Лычки у них на погонах. Хе-хе!.. Горжусь своими братьями... Между прочим, тебе б, Виктор, надо в школу прапорщиков поступить. Как георгиевскому кавалеру, тебе легко будет устроиться. Идея!! Если хочешь, я тебе помогу. У меня, брат, везде хорошие знакомства...

— Не думал я еще об этом, Костя! — проговорил Виктор.— Не особенно меня прельщает военная служба. Как окончится война, думаю в университет пойти учиться...

— Зря так пренебрежительно относишься к офицерской карьере,— нахмурился Константин.— Когда я был учителем, я тоже так думал. А вот стал офицером, почувствовал все достоинство офицерского звания. Лермонтов, Пестель, Лев Толстой, да и многие другие великие люди России офицерами были. Они не гнушались офицерским званием. Как брат твой, я тебе советую. Большая честь для тебя, сына простого кузнеца, выйти в офицеры. Для твоего отца это будет счастье.

Виктору не понравилась эта Константинова тирада, но он, не желая при первой же встрече ссориться с ним, сказал:

— Хорошо, Костя, подумаю.

Вошла улыбающаяся Вера. Она только что закончила выгрузку продуктов из мешка. Их было много, она повеселела.

— Я вам очень благодарна, Прохор,— улыбаясь, сказала она.— Вы, правда, привезли целый склад продовольствия. Сейчас это настоящее богатство... Костя, пошли за вином. Коньяк у меня есть. По случаю встречи с родственниками мужа я устраиваю семейный пир.

— Ура-а! — захлопал в ладоши Константин. Видя, что настроение у жены изменилось и она приветливо относится к неожиданным гостям, он тоже повеселел и побежал распорядиться насчет вина.

Вера расстелила на столе белую накрахмаленную скатерть.

— Мариночка, помогай,— сказала она сестре, то и дело с улыбкой поглядывая на Виктора.

Вскоре все сидели за столом, уставленным винами и закусками.

— А у нас тут такие дела творятся,— говорил захмелевший Константин,— что и сам черт не разберется в них. Вчера было гарнизонное собрание (теперь эти собрания и митинги стали модными). Приехал комиссар Временного правительства кадет Зеелер... То ли еврей, то ли немец, черт его разберет... Начал он перед нами распинаться: «Объявляю, говорит, вам для сведения, что теперь нет нижних чинов. А есть, говорит, солдаты свободной России, такие же равноправные граждане, как и все»... Сволочь! Разлагал солдат и казаков. Выходит, значит, какой-нибудь сопливый Ванька-солдат...

— Фу! — наморщила нос Вера.— Как ты выражаешься.

— Прости, Верусик, к слову сказано... Какой-нибудь Ванек и почтенный, заслуженный генерал, командующий корпусом или армией — равноправны... Ха-ха!.. Комедия! Как это понимать — равноправие?.. Конечно, генерал-то всегда может опуститься до положения Ваньки-солдата, если сопьется или разжалуют, но вот Ванька-солдат никогда генералом не станет...

— Но почему же, Костя,— тихо сказал Виктор.— Может и солдат стать генералом. У Наполеона многие солдаты стали знаменитыми генералами, даже маршалами. Мюрат, король неаполитанский, начальник молодой гвардии Наполеона, вначале тоже был солдатом. Да и в русской истории при Петре Первом такие случаи бывали. Даже из казачьей истории я знаю такие случаи — Федор Денисов, простой малограмотный казак, при Потемкине и Суворове генералом стал...

Константин мрачно посмотрел на Виктора.

— Мальчишка ты! — сердито сказал он.— Ты бы еще из древней истории примеры привел. Спартак тоже полководцем рабов был. Сейчас, брат, эпоха другая. Чтоб быть генералом, надо много культуры иметь, военных знаний... Посмотрел бы я, какой из тебя или Прохора генерал был бы,— засмеялся Константин.

— Константин! — строго посмотрела на него Вера.— Не переходи границ... Ты, кажется, лишнее выпил.

— Ничего подобного,— горячо возразил Константин.— Я совершенно трезв. Мы ведь просто беседуем... Извини, если тебе кажется, что я погорячился. Гм... создали в воинских частях солдатские и казачьи комитеты... Хе-хе!.. Я — есаул, командир сотни, без комитета теперь ничего не могу сделать. Прежде чем что-нибудь предпринять, я должен прийти в сотенный комитет и сказать своему бывшему холую — денщику Митрофану: «Уважаемый член комитета, разрешите сделать то-то или то-то»... А Митрофан-болван почешет своей пятерней в волосатой голове и ответит: «Нельзя!»... Ха-ха-ха!..— озлобленно рассмеялся Константин.— Дожили, черт побрал!.. Как, спрашивается, теперь будем с германцами воевать, а?.. Командующий армией, почтенный, мудрый генерал, сидит над картой, решает стратегическую задачу, от которой зависит, быть может, победа или поражение. А рядом сидят комитетчики, сопл...— запнулся Константин, опасливо глянув на жену, поправился: — мальчишки, глупости генералу говорят. Все это, конечно, было бы очень смешно, если б не было трагично. А что делается сейчас в городе?.. Создали Совдеп... Вы только вникните в это звучное слово... Ха-ха-ха! Сов-деп! То есть Совет депутатов... А в него вошел разный сброд, которому при царском строе и на люди-то показаться было нельзя... Сволочи!..

— Костя!

— Извини, Верусик... Понимаешь, нервы,— сказал Константин и потянулся к бутылке с коньяком.

— Не пей больше,— отодвинула от него бутылку Вера.— Ты пьян.

— Верусик, я же пью в кругу своих, дома.— Он налил себе в стакан коньяку, выпил и продолжал: — Повылазили, как крысы, из темных углов и щелей разные прохвосты. «Долой, кричат, войну! Да здравствует мир!»... Кошмар! Дали бы мне

волю, я бы всем им прикрутил хвосты. Как русский офицер, я не могу спокойно смотреть на эту вакханалию...

За столом было тягостно. Константин всем надоел со своим брюзжанием, но никто не решался его прерывать,— не хотелось с ним спорить. Вера хмуро посматривала на мужа, но тоже молчала. Константин выпил еще и, пьяно покачиваясь, продолжал:

— Другое дело Новочеркасск... там еще кое-какой порядок наведен. Там этим мерзавцам не дают разойтись... Хотя тоже,— вспомнив, безнадежно махнул он рукой,— войскового атамана, графа Граббе, прогнали. А ведь какой милейший человек был, я его видел близко... Теперь создали там Донской исполнительный комитет, а войсковым атаманом выбрали какого-то Волошина... А кто такой Волошин? Кто он? Никто не знает... Какой-то там войсковой старшина... Прощелыга! Дураки! Я вот что вам скажу, братья, пропадает наша многострадальная Россия. Гибнет! Так давайте спасать ее... Если ее не спасем, то давайте спасем свой родимый тихий Дон... Я за него жизнь свою отдам! Ей-богу, отдам! — И, зарыдав, совсем опьяневший Константин ткнулся лицом в стол.

— Боже мой! — в ужасе простонала Вера.— Ты совсем опьянел, Костя. Вставай, пойдем. Слышишь, пойдем!

— Пойдем, Верусик, спасать Дон,— поднял голову Константин.— Пойдем, дорогая. Я им,— поднял он кулак,— о-о!

Вера увела его в спальню.

— Вы учитесь в гимназии? — спросил Виктор у Марины.

— Да. Я в этом году кончаю ее.

— Вы из гимназистов никого не знали?

— Кого именно?

— Да были у меня приятели: Вася Колчанов, Миша Афиногенов. Не знаю, где они теперь. Особенно мы большие друзья были с Васей Колчановым.

— И Васю, и Мишу я знала,— промолвила Марина.— Они бывали у нас на гимназических балах... Вася Колчанов сейчас офицер. Но в Ростове ли он, я не знаю.

Вошла Вера.

— Ну, теперь можно посидеть спокойнее,— сказал она.— А то все политика да политика... Ужасно не люблю политики. Все это очень скучно... Мариночка, сыграй что-нибудь.

Девушка покорно встала и открыла пианино.

— Что же сыграть? — вопросительно взглянула она на сестру.

— Что-нибудь такое, знаешь, под настроение.

Марина стала играть. Вера высоким, сочным голосом запела:

Вот вспыхнуло утро,
Румянятся воды.
Над озером быстрая чайка летит...

— Скучно жить,— вдруг обрывая пение, сказала она.— Ах, как скучно!.. Тоска гложет сердце. Влюбнлась бы, да не в кого,— выразительно посмотрела она на Внктора.

Он покраснел. Вера рассмеялась:

— Давайте выпьем, друзья.

За столом сндели долго. Вера много пнла, пела. Глаза ее поблескнвалн, щекн горелн.

— Вот я напнлась, так напилась,— хохотала она.— Совершенно пьяна. «Ка-а-кой обе-ед нам пода-авалн,— запела она.— Уж я пн-ла-а, пнла-а... Пи-ила-а...» Пойду, господа, спать, голова кружнтся... Внтеиька,— подойдя к Внктору, шепнула она,— вы просто прелесть... Плохо только то, что вы за дамамн не умеете ухажнвать,— ударнв его по руке, засмеялась она.— Но я вас научу.

Внктор снова покраснел и посмотрел на Марину. Девушка сндела, опустив голову, вся пунцовая от смущеиня. Ей было стыдно за сестру.

— Ну, хорошо,— сказала Вера,— я пошла. Марина, укладывай гостей. Внктору постелн здесь, на днване, а Прохор пусть ложнтся в той комнате. Адье! — помахала она рукой н исчезла за дверью.

После ее ухода Прохор сндел недолго.

— Пойду н я спать,— сказал он, вставая.— Голова тоже кружнтся. Да и устал.

Марнна вышла ему постелить. Скоро она вернулась.

— Вы тоже, наверное, хотнте спать? — спроснла она у Внктора.— Я вам сейчас постелю.

— Нет, мне еще не хочется спать,— проговорнл он.— Посндите со мной немного, Марнна.

Вошла кухарка Марфа, пожилая женщина, стала убнрать со стола посуду.

Виктор н Марнна долго сндели молча, наблюдая за проворнымн двнженнямн Марфы. Когда она закончнла уборку н ушла на кухню, плотно прнкрыв за собой дверь, Марнна прошептала:

— Пожалуйста, не обнжайтесь на Веру... Она всегда какая-то странная... А так она вообще хорошая, добрая...

— За что же я на нее буду обнжаться?

— Да вот за ее поведение,— тихо сказала Марнна.— Часто мне за нее бывает стыдно... Мне кажется,— запнулась девушка,— оиа иедостаточно любнт Костю... Может быть, потому, что он иамного старше ее... И еще потому, что у ннх нет детей...

— Сколько же лет Вере Сергеевне?

— Двадцать четыре, а Константину Васнльевичу — трндцать шесть.

— Разннца невелнка,— сказал Внктор.— Муж всегда должен быть старше жены лет на восемь-десять.

— Разве это правило?

— Нет. Это мое мнеиие.

Онн помолчали.

— А мне кажется, когда муж н жена ровесиики, то это лучше,— пронзиесла она.— Это как-то их уравиивает.

— Могут быть, коиечно, и ровесннки,— улыбиулся Виктор.— Все завнснт от любви супругов.

Было уже поздно, но улнца жила буриой жизнью. Слышался людской говор, взрывы молодого смеха. Громко процокали подковы промчавшейся по мостовой лошадн. Взвизгиула гармоника. Пьяный голос разухабнсто запел:

Получил получку я,
Веселись, душа моя!
Веселнсь, душа и тело,
Вся получка пролетела.
Денег иету ни гроша,
А кухарка — хороша!..

— Вы опять пойдете на фроит? — спроснла Марииа.

— А как же? Коиечио.

— Это страшно! Очень страшно... Сколько кровн льется... Говорят вот, что революция совершилась без кровн. Но разве оиа уже совершилась?.. Мне думается, что оиа только началась. У Констаитина Васнльевнча часто собнраются офицеры, послушалн б, какие они вещи говорят. Ужас!.. Слншком уж много в людях протнворечий. И разве легко этн противоречия примирить? Ой как трудно! Возьмите иашу гимназию. Казалось бы, какне могут быть протнворечня в этом маленьком мирке? Казалось бы, что поннмают девчоики? Какне могут быть у них раздоры?.. Но посмотрите, что делается: все они разбилнсь по группкам. У дочек фабрикантов н купцов — свои иитересы, своя обособленная каста, доступ в которую другим запрещеи. У дочек офицеров н дворян — своя группа, у богатых крестьянок — своя. Ну н понятно, у девушек, отцы которых простые люди — рабочие н ремеслеинoccнкн,— своя... И посмотрели б, как оии друг друга иенавидят. Я уже не говорю о преподавателях...

Марина помолчала, потом сиова стала говорить:

— До революцни я никогда не слышала нн о какнх партиях... Поиятия не имела, что людн разделяются на полнтические группы. А теперь вот узнала. Оказывается, есть какие-то кадеты, эсеры, меньшевнки, трудовнкн, октябристы, большевики и многие другне. Все добнваются своих целей, все кричат, что их программа самая лучшая... Как тошно на все это смотреть!.. Почему люди делятся на партии, почему они враждуют между собой? Разве нельзя всем мирио н покойио жить?.. Простите, пожалуйста, я еще глупая девчонка н говорю

вам глупостн. Только прошу вас, радн бога,— взглянула она на иего своими чудесными глазами,— не смейтесь иадо мной... Я никому не высказывала своих мыслей, только вам почему-то...

— Зачем же, Марина, я над вами буду смеяться? — проговорил мягко Виктор.— Я ведь и сам еще плохо разбираюсь во всех этих событиях, а тем более в партиях... Все, что сейчас делается, мне смутно представляется. Раньше мне казалось: партия — это вся наша русская нация, вся страна, которую я очень люблю... Я стремился самоотверженно защищать свою родину. Это, конечно, я готов и сейчас снова сделать... И вот, когда я побыл около двух лет на позициях да послушал, что говорят солдаты — русские труженики, рабочие и крестьяне, то многое узнал и понял.. Все несчастье нашего народа, Марина, было в проклятом царизме. И когда царя сбросили с престола, то я видел радость народную, я видел, как ликовал народ. И я вместе со всеми испытал эту радость...

И, вспомнив о чем-то, он засмеялся:

— По поводу моей радости меня даже чуть казаки не избили.

— Как же это случилось? — спросила Марина.— Расскажите.

Он, смягчая обстоятельства, с юмором рассказал ей о том, что с ним произошло в станице в день его приезда из Петрограда.

В глазах Марины отразилось беспокойство:

— Но ведь они могли бы вас и убить?

— Нет,— возразил он,— фронтовики б не допустили.

Помолчав, она сказала:

— Выходит, что вы — революционер. Человек, пострадавший за революцию.

Они разговаривали еще часа два. Потом она встала.

— Уже поздно. Я вам сейчас постелю.

Постелив ему и пожелав спокойной ночи, она ушла.

Виктор долго не мог заснуть. Улыбаясь, он думал о Марине. Она ему очень понравилась. В темноте ему мерещились ее милые грустные большие глаза. В ушах до сих пор звучал ее грудной тихий голосок.

— Какая милая девушка! — прошептал он, засыпая.

IV

На берегу Дона в древнем, прославленном историческом городке Азове каменные, добротно поставленные рыбные заводы и склады принадлежали предприимчивому коммерсанту, прасолу Бакшину Сергею Никодимовичу.

Низенький, лет шестидесяти, упитанный, с внушительным брюшком, подвижной и верткий, Сергей Никодимович был

очень энергичным человеком. Вести свое дело он умел. Особенно хорошо процветало оно во время войны с Германией. Он заключил выгодную сделку с военным интендантством на поставку просоленной рыбы для армии, сражавшейся с турками.

Жил Сергей Никодимович, на бога не роптал. Дом у него был полная чаша — всего вдосталь. Семья небольшая: жена, Варвара Ефимовна, под стать мужу, маленькая, суетливая, хлопотливая женщина, да две дочери — старшая Вера и младшая Марина. Отец и мать души в них не чаяли.

Жизнь Бакшиных текла размеренно и покойно.

С рассветом Сергей Никодимович уже был на ногах. Наскоро позавтракав, он торопливо отправлялся на предприятия, где ничто без его хозяйского глаза не могло обойтись. В шуме, гвалте, вечной суматохе он пропадал там допоздна...

Иногда Варвара Ефимовна посылала за ним детей. Когда беленькие, чистенькие, хорошенькие девочки появлялись на промыслах, их оглушал трудовой шум...

При виде нарядных хозяйских девочек все здесь, на промыслах, смолкало. Затихала грубая рыбацкая брань, умолкали озорные, порой похабные, песни резальщиц и засольщиц в засолочных сараях. Все с нескрываемым восхищением смотрели на них.

Даже огрубевшие от соленых морских штормов рыбаки ласково поглядывали на девочек, уступали им дорогу.

Сергей Никодимович, преисполняясь гордостью за своих детей, польщенно ухмылялся, становился добрей к рабочим.

Вера была старше Марины на семь лет и уже училась в местной женской гимназии, когда Марина только поступила в первый класс.

Окончив гимназию, Вера почувствовала себя совсем взрослой. Ей стало тягостно жить в родительском доме, захотелось быть независимой, свободной. Она задумала вырваться из дома отца и поехать в какой-нибудь большой город, взглянуть на невиданный ею еще мир, посмотреть людей.

Как только Вера окончила гимназию, ей посыпалось много предложений от женихов почтенных и богатых, но она отказывала всем. Ее не прельщала жизнь в маленьком провинциальном городке. Она не хотела привязывать свою жизнь к мужу, вечно возящемуся с рыбой, пропахшему рыбьим жиром.

Нет! Она мечтала о другом. Ей грезилась шумная, широкая жизнь в роскоши, славе. Начитавшись романов о такой привлекательной, веселой жизни, она думала, что красивой внешностью этого достичь не так трудно. Стоит ей только показаться в большом городе, как сейчас же появятся богатые поклонники. А тогда только выбирай...

Но мечты — это одно, другое дело — действительность. Для того чтобы получить от родителей разрешение на выезд из дому, нужен предлог... А какой?! Разве ж его найдешь так

сразу. Мучительно ломала она голову над тем, чтобы придумать что-нибудь.

Так, мечтая и томясь, Вера прожила дома еще три года... Убедившись, что мечтами да думами она делу не поможет, а между тем годы бегут (ей было уже за двадцать), она, наконец, решила действовать.

Прослышав, что в Ростове существуют курсы стенографии, Вера надумала поступить на эти курсы.

Сколько ни отговаривали ее родители от этой затеи, ничего не могли поделать. Она настояла на своем. Поехал Сергей Никодимович в Ростов и нанял дочери комнату.

Занятия по стенографии Веру не увлекли, быстро надоели. Зато жизнь в большом городе ее захватила. Столько здесь было шикарных женщин, красивых, элегантных мужчин!..

Вера обратила на себя внимание. У нее появилось много знакомых, главным образом из среды молодого офицерства. Рестораны, кафе-шантаны и другие увеселительные заведения стали для нее необходимостью.

Однажды во время очередной пирушки в ресторане «Ампир» в компании офицеров и курсисток ее познакомили с Константином. Вначале этот смуглолицый, уже сравнительно пожилой офицер Вере не понравился. Но зато Константин сразу же начал за ней ухаживать... После нескольких встреч Константин сделал Вере предложение. Она согласилась...

Живя в Ростове с молодой женой, Константин целыми днями пропадал в сотне. Вера была предоставлена сама себе. Что она тем временем делала дома, Константину было неизвестно. Прислугу же и денщика он считал ниже своего достоинства расспрашивать о жене. Константин хотя и не был ревнив, но все же стал подозревать в том, что она в его отсутствии не совсем-то уж томится от скуки.

Под предлогом, чтобы его Вера «не скучала», Константин упросил тестя перевести из Азовской гимназии в Ростовскую Марину. Марина к тому времени уже заканчивала гимназию, и ей было безразлично, где она ее закончит — в Азове или Ростове. Она согласилась поехать жить к Вере.

V

Прохор слез на маленькой полуразрушенной станции вблизи фронта. Здесь где-то, недалеко от этой затерянной в лесах станции, стоял Атаманский полк.

Моросил мелкий надоедливый дождь. Кругом хмуро, неприветливо. На улицах станционного поселка стояли непролазные лужи. Угрюмые сосны глухо шумели.

Прохор пошел искать военного коменданта, чтобы уточнить местоположение полка.

— Ермаков! — услышал он удивленный голос.— Никак, ты, а?

Оглянувшись, Прохор увидел шедшего по платформе чубатого казака в брезентовом плаще. Прохор обрадовался. Это был вахмистр его сотни.

— Здравствуй, Востропятов! Вот хорошо, что ты мне повстречался. А я было шел к коменданту.

— Полк наш недалеко,— сказал вахмистр.— Сейчас поедем, подвезу тебя... С прибытьем! — подал руку вахмистр.

— Спасибо! Что у вас тут нового? — спросил Прохор.

— Да так особенного будто ничего нет,— ответил вахмистр.— Крюкина Ивана в разведке убили, а Чекунова Игната тяжело ранили. В госпиталь отправили.

— Жалко Крюкина. Казак хороший был.

— Да, казак неплохой был,— согласился вахмистр.— Чуть не забыл. Есть для тебя новость. Ты теперь наше начальство. Выбрали тебя членом полкового комитета.

— Вот как! — удивился Прохор.— Как же это, заглазно-то?

— А что ж тут такого. Все ведь тебя знают. Говорят, казак неплохой.

— Как смотрят казаки на отречение царя? — спросил Прохор.— Как относятся к Временному правительству?

— О царе не плачут,— усмехнулся Востропятов.— А что касаемо Временного правительства, то не особо ему радуются. Вроде опять те же капиталисты да буржуи к власти пришли. Нашему брату от этого не легче... А как у нас на Дону? Как приняли весть о царе? Небось старики жалкуют? Слезы проливают?

— Это ты правду сказал,— мрачно усмехнулся Прохор.— Жалкуют старики о царе. Чуть моего двоюродного брата не убили, когда он против царя стал говорить. А отец меня из дому выгнал за то, что за брата заступился да наганом старикам пригрозил...

— Вот старые дураки,— покачал головой Востропятов.— С ума посошли. Когда война закончится да мы с фронта домой придем, они нам житья не дадут... Истинный господь, не дадут! Потому как придем мы совсем с другими мыслями и настроениями, чем у них. Ну ты, Ермаков, пойди-ка пока от дождя в вокзал, подожди меня... Я тут овес для сотни получаю. Как управлюсь, так поедем. Я тебе скажу...

— Подожди! — остановил его Прохор.— Как мой конь? Жив-здоров?

— А что ему подеется? Стоит, ждет хозяина. Гладкий, черт, стал. Раскормили его. Я иной раз его проезжаю.

— Спасибо!

В небольшой комнате для пассажиров, куда вошел Прохор от дождя, было полно солдат с вещевыми мешками за

спинами, с подвешенными к поясам котелками и кружками. Кто сидел на скамьях или прямо на грязном полу, кто спал на полу, положив под голову вещевой мешок. Но большинство, разбившись на группы, вели оживленные беседы. Как и всюду, где только пришлось проезжать Прохору по необъятной своей стране, здесь также он увидел красные бантики на грязных солдатских шинелях.

Несмотря на предостерегающие таблички, развешанные на стенах, «Курить строго воспрещается», от облаков зеленого махорочного дыма трудно было рассмотреть потолок.

Положив мешок в угол, Прохор прислонился к стене, стал прислушиваться, о чем толкуют солдаты. И везде разговор шел об одном и том же: о революции, о Временном правительстве, о войне, мире, земле. Кое-кто вслух читал газеты.

— А что нам правительство? — возбужденно жестикулировал взъерошенный, обросший рыжей щетиной солдат.— Да пущай в этом правительстве сидят хочь Мишка ер да Гришка вор,— все едино, абы мне, мужику-хлеборобу, землицы б вдоволь дали да войны б проклятой не было...

— Ох, как же тебе мало надо, земляк! — насмешливо проговорил молодой, худощавый, с глубоко впавшими глазами ефрейтор, с рукой на перевязи.

— Чего-о? — настороженно взглянул на него взъерошенный солдат.

— Не жадный, говорю, ты,— усмехнулся ефрейтор.— Земли б тебе вдоволь да войны б никогда не было. Вот и все. А кто управлять нами и государством будет, а?.. Что молчишь? Это тебе безразличио? Говоришь, пусть в правительстве сидят «Мишка ер да Гришка вор»? Эх ты, сиволапый! — с пренебрежением сказал ефрейтор.— Темнота беспросветная.

— Ну-ну, полегче! — взъерепенился солдат.

— А что — полегче? — горячо сказал ефрейтор.— Если мы так будем рассуждать, как ты, так нас всех в бараний рог зажмут и пикнуть не дадут... «Мишка ер да Гришка вор»...— укоризненно покачал головой ефрейтор.— Ишь ты!.. Вот они сейчас засели в правительстве-то, такие буржуи да капиталисты, как Родзянко да Милюков с Гучковым, так они тебе вот такую дадут землицу,— поднес он к носу взъерошенного солдата кукиш.— На-ка вот выкуси! Вкусный, на постном масле.

Окружавшие их солдаты захохотали. Взъерошенный солдат, заморгав, попятился от кукиша.

— Это, братишка, тебе землица,— сказал ефрейтор.

Солдат сконфуженно, под общий смех отошел в сторону.

Вошел вахмистр Востропятов.

— Ну, поехали, Ермаков. Все оформил. Казаки тут получат овес и привезут.— Он оглянул Прохора.— У тебя плаща-то нету? Намокнешь, брат, в шинелишке. Придется тебя в брезент укутывать. Есть у нас там, на тачанке...

У подъезда вокзала стояла тачанка, запряженная парой понурых, вымокших лошадей. В передке, укрывшись плащом, сидел казак-возница. При приближении Прохора он крикнул ему:

— Здравья желаю, господин урядник! С приездом вас с родного тихого Дона!

Прохор узнал казака. Он служил в обозе ездовым.

— Здравствуй, Шурыгин!

— Ну, как у нас там, на Дону? — поинтересовался Шурыгин.— Небось скоро готовятся сеять?

— Там рано весна началась. Думаю, что кое-где повыехали в поле.

— Эх, паханул бы теперь,— со вздохом сказал Шурыгин.

Прохор с вахмистром устроились на сене в задке тачанки. Востропятов заботливо укрыл Прохора брезентом.

— Так-то лучше будет,— сказал он.— Ну, трогай, Шурыгин!

Шурыгин стегнул кнутом лошадей. Они легко рванули тачанку, затрусили мелкой рысцой по залитому жидкой грязью шоссе, обгоняя намокшие возы, накрытые брезентом, санитарные фургоны, зеленые двуколки, направлявшиеся к позициям.

Навстречу бежали черные борозды вспаханной земли, изрытой воронками. По обочинам шоссе бесконечными лентами плыли кюветы, наполненные талым снегом и водой. Иногда на глаза попадались полуобглоданные бродячими собаками смердящие конские трупы, поломанные телеги.

Изредка по направлению к позиции шли небольшие группы пехотинцев с подоткнутыми за пояса полами захлюстанных шинелей.

— Посторонись! — кричал Шурыгин.

Солдаты хмуро оборачивались, сходили с шоссе, пропуская тачанку.

— Зазябли, земляки? — скаля зубы в усмешке, спрашивал у них Шурыгин.

Солдаты отмалчивались, продолжая шагать вслед за тачанкой.

— Подвез бы хоть,— крикнул кто-то из них.

— Да разве вас всех увезешь? — прокричал в ответ Шурыгин.

Вправо от дороги из груды обожженного кирпича и головешек сиротливо торчали закопченные печные трубы. По пепелищу бродили одичавшие собаки.

«Наверно, тут стояла веселая деревушка,— с грустью думал Прохор.— А вот война разрушила ее, жителей разогнала бродить по свету».

Гнали группу пленных австрийцев в серо-голубых шинелях. Австрийцы, зябко съежившись, втянув шеи в поднятые ворот-

нки, шли медленно, не поднимая глаз. Впереди шагал длинный офицер в кепи с землистым печальным лицом.

— Эй, австрияки! — не утерпев, крикнул им неугомонный Шурыгин.— Отвоевались, а?.. Войне капут?

— Война капут! — отозвалось два-три голоса из рядов пленных.— Плэн карош!..

— Ишь, черти,— обернувшись, засмеялся Шурыгин.— Теперь им и плен хорош стал. А вот четвертый год воюют, проклятые, а не думали об этом.

— Я тебе, Ермаков, завидую, что побывал дома,— вздохнул Востропятов.— Я так и полетел бы туда. Заскучал по детишкам. У меня ведь их трое... Второй год уже не был дома.

— Что ж не попросишься в отпуск?

— Просился у командира сотни,— уныло сказал вахмистр.— Он и отказывать не отказывает — и пускать не пускает... Говорит, подожди немножко... А чего ждать, черти его знают.— Помолчав, он попросил Прохора: — Ты, Ермаков, вроде теперь наше избранное начальство. Может, намекнул бы командиру сотни насчет меня, а?..

— Ладно,— пообещал тот.

— Знаешь, как меня выручил бы,— обрадованный этой возможностью, проговорил вахмистр.— Магарыч бы хороший поставил.

— Без магарыча поговорю.

Впереди, во мглистой дали, заглушенно загромыхали орудия.

— Слышишь, урядник? — обернувшись, подмигнул Шурыгин Прохору.— Небось от этой музыки уже отвык?

— Отвык,— вздохнул Прохор.— Не слыхать бы ее вовек.

И чем ближе подъезжали к фронту, тем явственнее и отчетливее становился гром пушек.

У Прохора тоскливо защемило сердце: опять война... смерть... кровь... Опять то же, что он испытывал уже в течение трех лет. Как будто никогда и не было этого короткого отпуска, когда он полной грудью вдохнул в себя такой желанный запах мирной жизни. Да и в самом деле, был ли он в отпуске дома? Может быть, это был только сон?..

Прохор представился командиру сотни, есаулу Коневу. Наступила будничная тоскливая фронтовая жизнь.

Потекли дни и ночи, заполненные военными заботами и треволнениями. Ездили в разведку, дежурили у штабов высшего командования, выполняли обязанности связных между воинскими соединениями. Иногда происходили схватки с противником. Длинными вечерами до одури бились в карты в блиндажах, до тошноты курили и врали до виртуозности, хвастаясь мнимыми фантастическими подвигами, в которые никто не ве-

рил. Изредка, раздобыв спирту, напивались до бесчувствия.

В грязи и сырости, неделями не раздеваясь и не скидая сапог, жили казаки беспокойной жизнью, проклиная войну. Жили только мечтами и надеждой: а вдруг все-таки наступит такой благодатный день, когда весь этот кошмар развеется как дым...

Но пока еще никаких признаков конца войны не было видно. По-прежнему лилась солдатская кровь.

Наоборот, среди казаков и солдат ходили упорные слухи о том, что высшее командование, по примеру прошлогоднего Брусиловского прорыва, готовило новый план стремительного наступления на австрийцев с намерением во что бы то ни стало сломить сопротивление упорного противника, преодолеть скалистые хребты Карпат и, ворвавшись в Венгрию, зайти в тыл германской армии.

И, видимо, слухи эти имели основания. На фронт приходило все новое и новое пополнение. Подвозились из глубин России снаряжение, орудия, снаряды.

Но солдаты и казаки плохо верили в успех наступления. Настроение в армии было далеко не воинственное. Войска устали. Война осточертела. Солдатская душа истосковалась по мирной жизни, по семьям, по труду...

Однажды в предвечерний час Прохор пошел на заседание полкового комитета в штаб, разместившийся в покинутом помещичьем имении.

Стояла сырая тишина, промозглая, туманная. Остро пахло прелью прошлогодних трав. На позициях было затишье. Лишь изредка слышались одиночные винтовочные выстрелы.

Прохор вышел на шоссе. На телеграфных проводах сидели нахохлившиеся галки и равнодушно смотрели на редких прохожих.

Раздумывая, как лучше пройти к штабу, Прохор на мгновение остановился. Можно было идти по залитому жидкой грязью шоссе, а можно и короче, если сейчас же свернуть вправо, через лесок и мелкий овражек. «Пойду через лесок»,— решил он и, перепрыгнув через канаву, полную воды, пошел в лес.

В лесу туман был гуще. Как клочья грязной ваты, он висел на оголенных рогатинах ветвей.

Утопая по щиколотку в вязкой грязи, едва вытаскивая ноги, он медленно шел, поругивая себя мысленно, что решился здесь идти.

Вдруг до него донеслись голоса. Он остановился и прислушался. Впереди, за кустарниками, кто-то громко и горячо говорил:

— Нет, товарищи, в нас вся сила. Именно в нас!.. Мы — армия! Наш голос — это оружье. Товарищ Ленин в своих Апрельских тезисах прямо говорит, что при правительстве Львова

и всей его компании Россия продолжает вести грабительскую империалистическую войну в силу капиталистического характера этого правительства...

— Ну, это-то понятно,— перебил голос, показавшийся Прохору знакомым.— Вы нам скажите прямо, товарищ, как Ленин и большевики относятся к войне?

— Товарищ Ленин и все мы, большевики, против продолжения войны, за немедленный мир.

— Вот это дело! — удовлетворенно воскликнул знакомый голос, и теперь Прохор понял, что этот голос принадлежал вахмистру Востропятову.— Товарищ,— попросил вахмистр,— расскажите нам поподробнее о товарище Ленине. Нам бы желательно послушать.

Прохор уже несколько раз до этого слышал в разговорах упоминание о Ленине, но кто он, этот Ленин, он не знал. Он подвинулся ближе, чтобы послушать, что будут говорить о Ленине. Под ногой хрустнула ветка.

— Кто там? — окликнул строгий голос.

— Это я, урядник Ермаков,— выходя из-за кустарников, смущенно проговорил Прохор.

На небольшой лужайке, на копне полусгнившего старого влажного сена, покуривая, сидело десятка два солдат и казаков. При появлении Прохора все молча, настороженно посмотрели на него.

Прохору было неудобно. Могли еще подумать, что он следил за ними и подслушивал.

— Шел на заседание полкового комитета,— сконфуженно улыбаясь, проговорил он,— да вот на вас наткнулся...

— Вроде как бы дорога-то в штаб полка не тут,— иронически сказал кто-то из казаков.

Кто-то хихикнул:

— А может, ему, как члену полкового комитета, обход леса надобно сделать?

Послышался смешок. Прохор густо побагровел.

— Да вы что, ай очумели? — гневно выкрикнул он.— Неужто думаете, что я вас подслеживал?.. Да на кой мне это дело сдалось? Что я, ай жандарм?

— Бросьте, товарищи! — сказал вахмистр Востропятов.— Ермаков — парень наш. А ты, Ермаков, не горячись,— затаптывая окурок, миролюбиво проговорил он.— Никто тебя ни в чем не подозревает. Секретов у нас никаких нету. Бояться нам тебя нечего... Собрались мы тут, казаки и солдаты, сочувствующие большевистской партии. А вот товарищ Вострников,— кивнул он на стоявшего в кругу солдат и казаков молодого унтерофицера,— нам тут разъясняет кое-что... Ежели есть желание, то садись, послушай.

— С большой бы охотой,— сказал Прохор.— Да надо идти, а то могу запоздать на заседание полкового комитета. Ежели б

другой раз, то с удовольствием. Мне дюже желательно послушать о Ленине.

— Ну что же, приходите в другой раз,— произнес Вострико в.— Вам тогда товарищи скажут.

— Ладно, приду,— согласился Прохор.— А покуда до свидания.

— Погоди, Ермаков,— привставая с сена, проговорил высокий, скуластый, широкогрудый казак с бородкой и огромным всклокоченным чубом, торчавшим из-под сбитой набекрень серой папахи.— Пойдем вместе, мне тоже надобно беспременно зайти в ваш штаб полка.

— Слушай, Подтелков,— обратился к нему Востропятов,— ты, может, зайдешь завтра ко мне? Есть тут дело с тобой потолковать.

— Приду! Прощевайте, товарищи! — махнул он шапкой.

Прохор с Подтелковым встречался редко. Но знал, что он служил в шестой лейб-гвардейской казачьей батарее, которая находилась на позиции недалеко от Атаманского полка. Подтелков был статный, красивый казак лет тридцати шести, уроженец с верховья Дона, как слышал Прохор, с хутора Крутовского Усть-Хоперской станицы.

Подтелков с первых дней войны был на фронте, несколько раз ранен. Среди казаков пользовался большим авторитетом. Ходили слухи, что в 1915 году он, будучи на излечении в Новочеркасском госпитале, устроил какой-то скандал, возмущенный произволом офицерства, за что и был отдан под надзор полиции...

Наступали сумерки, туман стал гуще, и Прохор с Подтелковым шли как в дыму.

— Как бы нам не заплутать? — промолвил Подтелков.

— Мудреного ничего нет,— отозвался Прохор.— Нам бы лишь перебраться через буерачек, а там уже не собьемся.

С австрийских позиций стала бить артиллерия. Снаряды с воем проносились высоко над головой и где-то в глухом грохоте взрывались далеко в тылу.

— Из дальнобойных бьют,— заметил Подтелков.

— Федор Григорьевич, вот все говорят — Ленин, Ленин, а я, ей-богу, даже и не знаю, кто он такой,— признался Прохор.— Расскажи, что это за человек.

— О-о! — протянул Подтелков.— Это, брат, человек большой, ученый. Всю свою жизнь за справедливость стоит. В царских тюрьмах да ссылках немало был... Закаленный. За границей много годов проживал. Его солдаты уважают, потому как он за народ борьбу ведет... Он создал большевистскую партию. А большевистская, как из всего видно, справедливая партия.— Он помолчал и добавил: — Я это тоже все недавно узнал. Темные еще мы, казаки. Много нам надобно знать... Так вот к нам тут приходят солдаты из ученых да беседы с

намн ведут. Одиим словом,— засмеялся он,— мозги иам просвещают...

Стало так темио, как будто все вокруг залнлось черинлами. Шли на ощупь. С трудом перебрались через овраг.

— Ну, теперь мы не заблудимся,— весело сказал Прохор.— Сейчас и штаб... Скажи, Федор Григорьевич, вот ты говоришь, что партия большевиков справедливая, а ты в иее вступил?

— Пока нет.

— Почему же?

— Это дело серьезное. Пообожду. Да что из того, что я вступлю в нее или иет. Все равио ведь все фроитовики будут большевиками...

VI

Военно-медицниская комиссия призиала Виктора ограиичеиио годиым к строевой службе и препроводила в распоряжение ростовского городского воииского иачальиика для иаправлеиия в часть иа нестроевую должиость. Коистаитин Ермаков помог ему устроиться пнсарем в канцелярию одной из маршевых рот, расположениых в Ростове-иа-Доиу.

Жил Виктор в казарме за городом. Весь деиь — с утра до вечера — ои записывал прибывающих из госпиталей и выписывал убывающих иа фроит солдат. Работа была скучиая, иудиая. Только по воскресеньям, когда бывал свободеи, прииаряжался, прихорашивался и шел к Ермаковым.

Коистаитииа Виктор редко заставал дома. Тот бывал илн в сотие у казаков, или отправлялся с офицерамн в Новочеркасск. Туда ои теперь ездил часто по каким-то иепоиятиым делам.

Весь воскресный деиь Виктор проводил в обществе Марииы н Веры, обедал с иими. Иногда они втроем ходили гулять в городской сад.

Виктору доставляло огромиое удовольствие быть вместе с Мариной, которая все больше и больше ему иравилась. Но смущала Вера. Оиа, совершеиио ие стесияясь Виктора, позволяла себе делать при ием такие вещи, от которых ои густо красиел. Раза два, когда Мариия зачем-либо выходила из комиаты, Вера, как бы шутя, садилась к иему иа колеии и целовала.

— Ух вы, мой розовеиький поросеиок! — хохотала оиа.— Это я вас по-родственному, Витеиька.

Виктору было ие по себе от таких шуток, ио ои терпел. Ему ие хотелось ссорнться с Верой. Рассердишь ее, а оиа может запретить ходить к ним. А это для иего было бы большим огорчеиием. Где же тогда можно увидеть Марину?

Свое увлечение Марнной он так хранил в своем сердце, что

о нем едва ли догадывалась даже она сама. Ему очень хотелось побыть с ней наедине, но это никак не удавалось. Вера ни на минуту не оставляла их вдвоем.

Часто, лежа на своем жестком топчане в казарме, Виктор предавался мечтам. «Марина! — шептал он, улыбаясь.— Милая Марина!»

Ему казалось, что звучнее и красивее этого имени ничего нет на свете.

Он был очень юн, и никогда еще его сердце так сладостно не трепетало при мысли о женщине, как сейчас, когда он думал о Марине.

Он был увлекающейся натурой. В жизни своей он часто влюблялся. Но то, что он сейчас испытывал, было несравнимо ни с чем.

Весь он был поглощен мыслями о любимой девушке. С каким нетерпением он каждый раз ждал воскресенья, чтобы скорее мчаться к Ермаковым.

Однажды, когда он думал о Марине, ему вдруг пришла мысль: «А может быть, я ей не нравлюсь?»

Это было так неожиданно, что он даже похолодел.

«Ну, конечно, я ей не нравлюсь,— уныло думал он.— Что во мне хорошего? Чем я мог бы ее прельстить?.. Мальчишка... вольноопределяющийся... Ну разве она может такого полюбить?»

Конец недели он работал в канцелярии с унылым, растерянным видом, часто вздыхая и задумываясь. Его состояния не могли не заметить сослуживцы-писаря, уже бывалые солдаты.

— Не иначе как наш Волков влюбился в кого-нибудь,— подмигивая, посмеивались они над Виктором.

Виктор краснел и хмурился.

— Голова болит,— отвечал он, поражаясь тому, как это они догадались о его чувствах.

В воскресенье Виктор встал рано. Он до блеска начистил сапоги, надел новую гимнастерку, прицепил кресты, достал из чемодана потускневшее зеркальце, тщательно вытер его полотенцем и стал внимательно рассматривать себя.

Если раньше ему и приходилось смотреться в зеркало, то делал он это равнодушно, без всякого интереса, просто так. И он никогда не задумывался над тем, красив он или нет.

Сейчас же он смотрел на себя в зеркальце с большим любопытством. Он хотел допытаться, могло ли его лицо нравиться Марине.

«Нет! Не может нравиться»,— решил Виктор и, с досадой бросив зеркальце в чемодан, пошел в город. Но к Ермаковым идти было еще рано, и от нечего делать он стал бродить по улицам.

Хотя время было еще и раннее, но Большая Садовая —

главная улица города — была уже заполнена праздным народом. Щебеча, расхаживали по магазинам красивые, нарядные женщины, звеня шпорами, сновали офицеры всех родов войск, шумными толпами ходили солдаты и казаки. Много было фабричного люда, главным образом молодых парней и девушек, вышедших в воскресный день погулять. Попадались группы студентов, гимназистов, реалистов.

В толпе шныряли с охапками свежих газет мальчишки, звонко выкрикивая:

— Кому «Народную мысль»!.. Кому!.. Налетай!

— «Рабочее дело»! «Рабочее дело»!

— Большевистское «Красное знамя»! «Красное знамя»!

— «Приазовский край»! Только из типографии... свежая!

— «Земля и воля»! «Земля и воля»!..

На углу Таганрогского проспекта собрался митинг. Виктор остановился послушать. Один другого сменяя, до хрипоты надрывались ораторы разных партий. Каждый из них говорил взволнованные речи, убеждал кого-то, доказывал что-то. Слушатели, главным образом солдаты, уже привыкли к таким внезапно возникающим митингам.

Как раз, когда Виктор подошел к собравшимся, выступал эсер, тщедушный, маленький человечек с черной бородкой. Он что-то говорил о равенстве и братстве.

— Да будя тебе из пустого в порожнее-то переливать! — под смех товарищей крикнул стоявший около Виктора длинновязый солдат.— Что тень на плетень-то наводишь?.. Ты вот, очкастый, скажи, когда война закончится?

Оратор опешил.

Виктор частенько бывал на митингах, внимательно вслушивался в то, что говорили меньшевики, эсеры, кадеты, трудовики, большевики и многие другие, пытался разобраться, кто же из них наиболее прав. Он заметил, что большевистских ораторов толпа всегда слушает внимательно и охотно. Особенно одобрительно относились к выступлениям большевиков солдаты и рабочие, часто аплодируя им. И вскоре Виктор понял, почему это так получалось. Большевики выступали с дельными и доходчивыми до масс речами. Они призывали передать всю власть Советам, требовали прекращения империалистической войны, скорейшего раздела земли между крестьянами.

Виктора поражало, с какой смелостью большевики обо всем этом говорили. Хотя формально и существовала свобода слова, но смельчаков, говоривших кое для кого неприятные вещи, могла ожидать суровая кара. Прошлое воскресенье Виктор был свидетелем того, как отряд полиции окружил солдатский митинг в городском саду и арестовал большевистских агитаторов, призывавших солдат к прекращению войны.

Лозунги большевиков о прекращении войны и заключении мира с Германией стали популярными в народе.

3*

— Хватит! — бурно кричали солдаты.— Навоевались! Пора замиряться!..

На этой почве скандальные события разыгрались в 249-м пехотном полку, расквартированном в Ростове. Полк получил приказ выступить на фронт. Полковой комитет созвал солдатский митинг с целью обсудить этот приказ.

На митинге солдаты категорически отказались выступать на фронт. Дело передали на рассмотрение гарнизонного собрания. Пришел на него и Константин. Собрание протекало бурно. Выступали солдаты и офицеры. Некоторые из них, принадлежавшие к партиям меньшевиков и эсеров, горячо убеждали собравшихся наказать зачинщиков солдатского «бунта» и полк немедленно отправить на фронт.

— Правильно! — слушая такие выступления, одобрительно кивал Константин.— Правильно!.. Перевешать мерзавцев надо.

Но большинство присутствующих было настроено по-иному. Выступая на собрании, многие офицеры и солдаты говорили о том, что действия солдат 249-го полка справедливы.

Слыша такие речи, Константин негодовал:

— Ах вы, сволочи!..

Потом он не выдержал, весь дрожа от ярости, ринулся к трибуне и, не спрашивая разрешения говорить у председателя собрания, толстого, флегматичного капитана, начал гневно выкрикивать:

— Позор!.. До чего мы дожили?.. До чего докатились?.. Ведь это же прямая измена своей родине!.. Это предательство!.. За это полагается расстрел. Полнейший развал армии!.. Я бы всех отказывающихся идти на фронт поставил к стенке... Эх, дали б мне право, я бы со своими казаками распотешился над бунтовщиками. Я б им показал, где раки зимуют.

Произошел большой скандал. Разгневанные выступлением Константина солдаты, бывшие на собрании, ринулись к трибуне, стащили его и, наверное, избили бы, если б за него не заступился подоспевший вооруженный патруль.

И все-таки мятежную часть 12 июля погрузили в эшелон и отправили на фронт. Но многие солдаты дезертировали. Тогда по городу была устроена облава и задержали до трех тысяч дезертиров.

VII

Виктор с замиранием сердца подходил к дому, в котором жили Ермаковы. Он постучал. Ему открыла дверь Вера. Она была чем-то оживлена.

— Ах, Витенька! — пропела она весело.— Заходите, заходите, родной!..

Он вошел в переднюю. Из гостиной слышался смех и шум мужских голосов.

— Извините, Вера Сергеевна,— сказал Виктор.— Я, кажется, не вовремя... Я не знал, что у вас гости. Я пойду.

— Почему? — удивилась Вера.— Вы же нам не чужой... Костя! — крикнула она мужу.— Пришел Виктор и хочет уходить.

Голоса в гостиной на мгновение затихли.

— Раз пришел, значит, пусть заходит,— ответил Константин, и в его голосе прозвучала нотка недовольства.— Брат мой двоюродный,— стал он объяснять кому-то.— Да нет... просто мальчишка... глупый.

Характеристика, данная Константином ему, покоробила Виктора. Он хотел повернуться и уйти, но желание увидеть Марину настолько было велико, что оно пересилило обиду, и он вошел в гостиную в сопровождении Веры.

В густых облаках табачного дыма за столом, уставленным бутылками и закусками, сидели шесть офицеров и оживленно разговаривали между собой.

Поздоровавшись, Виктор прошел к окну и сел на стул. Он оглянулся. Марины в комнате не было. Спросить о ней Веру он счел неудобным. Предполагая, что она за чем-нибудь вышла и сейчас вернется, Виктор стал ждать, прислушиваясь к разговору офицеров.

— Нет, право, господа,— радостно говорил горбоносый, похожий на турка, молодой лысеющий есаул с черными разбойными глазами.— Я когда узнал, что генерал Корнилов назначен правительством на пост верховного главнокомандующего, так меня... Ха-ха!.. Даже на слезу прошибло. До чего ж это изумительно правильно!.. А говорят, Керенский дурак. Да разве дурак мог бы додуматься до такой гениальной мысли?..

— Да,— жуя огурец, проговорил Константин.— Генерал Корнилов — железный человек. В нем наше спасение. Уж он-то наведет порядочек!.. На-аведет!.. А то распустились так...— глянув на жену, запнулся он.— Вера, как некстати ты здесь сидишь... Знаешь, мужские разговоры. Хочется более образно выразиться... а взглянешь на тебя, милое создание, и язык немеет.

— Ты что, хочешь, чтобы я ушла? — сердито посмотрела на него Вера.

— Боже упаси!..— сразу послышалось несколько протестующих голосов.— Что вы!.. Вы хотите нас осиротить?.. Одна-единственная дама. Какая бы без нее была скука. Как вам не стыдно, Константин Васильевич!..

— Вера Сергеевна является украшением нашего общества,— целуя ее надушенные пальцы, сказал молодой черноусый сотник.

— Сдаюсь!.. Сдаюсь!..— смеясь, поднял руки Константин и,

обериувшись к горбоиосому есаулу, продолжал: — Да, Кориилов — железиый человек. Я уже слышал, ои требует у правительства введеиия смертной казии за иеподчинеиие военачальникам. Вот я посмотрю, что теперь запоют комитетчики,— злорадио засмеялся ои.— А то ведь ужас что творится... Развели бар...— прости, Верочка!..— как это было с 249-м полком. Получили приказ о выступлеиии иа фроит, а оии, видите ли, стали его обсуждать: иадо идти иа фроит или ие иадо... Ну, ясио, что на это скажет солдат: «Не хочу воевать! Хочу к жиике домой, под бок». Дурак, что ли, ои подставлять лоб под пулю. А теперь их Кориилов прикрутит, заставит идти воевать... Я предлагаю, господа, выпить за геиерала Кориилова.

— Я считаю, господа офицеры,— подиялся длиииый, с продолговатым узким, крысииым лицом подъесаул в иовеиьком шоколадиого цвета фреиче,— что иаш доиской геиерал Каледии иисколько не меиее достоии, чем геиерал Кориилов. Я, друзья мои, прежде хочу выпить за истииио доиского казака Алексея Максимовича Каледииа, в которого я верю... А геиерал Кориилов, может быть, коиечио, и достойиый человек, ио я его ие зиаю... За иего мы выпьем потом...

— Я ие возражаю,— охотио согласился Коистаитии, чокаясь с подъесаулом.— Выпьем за геиерала Каледииа! А лучше всего за обоих геиералов сразу: за Кориилова и за Каледииа. За старых, испытаииых орлов. Ура-а!

Все подиялись и, чокаясь, закричали:

— Ура-а!

Виктор ие прииимал участия в выпивке. Никто его ие приглашал. Не вспомиила о ием ни разу и Вера. Ей было ие до иего. За ией иапропалую ухаживал красивый молодой сотиик, и все ее виимаиие сейчас было уделеио ему.

«Куда же все-таки делась Марииа? — огорчеиио думал Виктор.— Где оиа?»

— Я думаю, господа, иас ждут еще большие события, участиками которых будем мы с вами,— жуя кусок колбасы, заговорил сиова горбоиосый есаул.— Немало еще прольется крови...

— О какой ты крови говоришь, Чериецов? — спросил подъесаул с крысииым лицом.— Что ты под этим подразумеваешь?

— Тебе что, непоиятио? Я имею в виду граждаискую войиу.

— Допускать возиикиовеиия граждаиской войиы иикак иельзя,— заявил молчавший доселе смуглолицый с чериой бородкой и в пеисие штабс-капитаи.— Да это и иеправдоподобио, чтобы оиа иачалась. Революция идет уже иа убыль... Это можио иеопровержимо доказать логическими выводами. Обычио прииято революцию разделять иа два этапа. Первый заключается в разрушении старого, отживающего, а второй этап — в создаиии иового образа жизии... Так вот, господа, первый этап

затянулся слишком долго. Невероятно долго!.. Но, слава богу, он уже заканчивается. Мы теперь подошли ко второму этапу революции, и сейчас, господа, наша задача заключается в том, чтобы засучив рукава приступить к построению нового порядка жизни. Один великий революционер сказал: «Поспешим, друзья мои, закончить революцию. Кто делает революцию слишком медлительно, тот не пользуется ее плодами...»

— Вы, Чернышев, конечно, известный теоретик по части революционных дел,— захохотал есаул Чернецов.— Вам, как говорится, и карты в руки. А мы — люди маленькие, так сказать, вне всякой политики. Я вот, например, просто только казачий офицер. Но сердце у меня горячо бьется, сердце истинного русского патриота, и мне, конечно, далеко не безразлична судьба моей родины... И вот, уважаемый штабс-капитан, разрешите, как патриоту, спросить вас, человека осведомленного, принадлежащего к партии социалистов-революционеров, как вы мыслите создать этот, как вы выразились, «новый образ жизни»?

— Очень просто,— кратко ответил штабс-капитан Чернышев,— при помощи Учредительного собрания.

— А вы в него верите? — скептически усмехнулся есаул.

— А как же? — весь даже встрепенулся штабс-капитан.

— А я не верю,— отрезал есаул.— Да, не верю! Мы с вами, как манны небесной, ждем этого Учредительного собрания. Надеемся, что оно принесет России благоденствие, наведет порядок в стране, положит конец анархии и произволу, вызываемому темными силами революции. А эти темные силы не ждут Учредительного собрания. Они орудуют, науськивая солдат не подчиняться своим командирам, агитируют бросить фронт, подстрекают крестьян жечь помещичьи имения, натравливают рабочих устраивать саботаж и забастовки. Вот в чем все зло! Сначала надо разгромить эти темные силы революции, а потом уж устраивать Учредительное собрание...

— Кого вы имеете в виду под «темными силами революции»? — пристально посмотрел поверх пенсне штабс-капитан на есаула.

— Ну, конечно, не вас, господин штабс-капитан, и не ваших коллег по партии,— усмехнулся есаул.— Я имею в виду главным образом разных там анархистов, большевиков и тому подобных. По своей наивности,— простите, пожалуйста, я не хочу вас обидеть,— вы, быть может, думаете, что с ними можно мирно жить?.. Можно найти компромисс?.. Напрасная иллюзия... С большевиками и анархистами можно говорить только языком пуль. В общем, делаю резюме: сначала дать по морде зарывающимся диким фантазерам, а затем уж и созывать Учредительное собрание, чтобы его работе никто не мешал...

— Браво! — захлопал в ладоши уже захмелевший Кон-

стантин.— Изумительио правнльно сказано. Дай я тебя, Чериецов, поцелую за эти золотые слова... Сначала пулю им в лоб, а потом и созывай Учреднтельное собрание... Ха-ха-ха... Какая ты умница, есаул... Пора коичать со всякими спорами и пререкательствами. Дела надо делать господа, дела! Верусик, ие увлекайся, милая,— мягко сказал ои жене, заметнв, что чериоусый сотник, воспользовавшись горячим разговором офицеров и думая, что этого инкто ие увидит, с упоеиием поцеловал ее в розовую щеку.

Вера вспыхиула, а сотик совсем некстати вдруг что-то забормотал о погоде.

— Я глубоко убеждеи,— с жаром сказал Коистаитии,— что если мы, офицеры, цвет русской армии, объедииимся сплочеиной железиой стеиой вокруг Кориилова и Каледниа, то мы, уверяю вас, сможем спасти Россию от катастрофы. Ни Кереиский, ии черт, сват и брат ие спасут страиу от гибели. Спасут ее офицеры — лучшие ее сыиы...

— И казаки,— мрачио подсказал подъесаул с крысииым лицом.

— Правильио, и казаки,— согласился Коистаитии.— Хотя должеи вам сказать, господа, казаки под влияиием агитации большевиков иачииают колебаться...

— Вот-вот,— подхватил подъесаул с крысииым лицом.— Сейчас-то мы и должиы поработать с казаками, чтобы ие дать возможиости им обольшевизироваться... Нам, казачьим офицерам, легко с иими иайти общий язык. Мы с иими связаиы и кровью, и общими целями, и иитересами... Я убежден, что если мы умело поведем свою работу, то оии иас скорее послушают, чем большевиков.

Есаул Чериецов торопливо, словио боясь, что ему не дадут, иалил водки в свой стакаи и, не поморщившись, выпил.

— Господа! — гаркиул ои, привставая и окидывая взглядом сидевших за столом.— Послушайте меия. Есаул Ермаков, безусловио, прав. Нам, офицерам, передовой части армии, как уже я сказал, ие безразличиа судьба России, ее будущиость. Мы, офицеры, должиы быть едииы в своих мыслях и стремлеииях. Объедииившись в крепкий кулак, мы прошибем все иа свете... Мы, черт побрал, дадим по морде... извииите, Вера Сергеевиа... но добьемся, чтобы власть в России была бы ие связаиа иикакимн группировками и организациями и свободиа от разиых политических влияиий...

— Позвольте, господии Чериецов,— прервал его штабс-капитаи Чернышев.— Как я поиимаю, все ваши разговоры сводятся к тому, что как будто иазрел вопрос об оргаиизации какой-то офицерской партии, что ли?

— К черту все партии! — взревел есаул Чериецов.— Презираю все партийиые группировки!.. Я — человек, повторяю, вие всякой политики. Разговор идет ие об оргаиизации какой-

то офицерской партии, а вот офицерский союз нам нужен. В этом союзе мы объединимся крепко и будем представлять из себя могучий бронированный кулак, которым расшибем хоть самого сатану.

— Браво!.. Браво!..— зааплодировали офицеры.— Верно сказано.

— Значит, организуем офицерский союз? — вопрошающим взглядом обвел Константин присутствующих.

— Организуем!.. Организуем! — поддержали голоса.

— Организуем,— отнимая губы от руки Веры, прокричал черноусый сотник, плохо соображая, о чем шла речь за столом.

— А вы как на это смотрите? — иронически глядя на штабс-капитана Чернышева, спросил Чернецов.

Чернышев глубокомысленно задумался.

— Создать офицерский союз? — блеснул он стеклышками пенсне, взглядывая на Чернецова.

— Да.

— Что же. Если это нужно для пользы дела... не возражаю.

Виктор незаметно вышел на улицу. Было часов пять дня.

Он шел бесцельно, не зная куда себя деть. В казарму идти было еще рано. День стоял солнечный, тихий, безветренный. Радуясь весенней теплыни, на бульварах весело играли дети. В этот предвечерний час на улицах было еще больше, чем днем, празднично разодетого шумливого народа.

Отовсюду так и плескалось людское веселье, шутки, дружеские восклицания, жизнерадостный смех молодежи. Лица у всех приветливые. Все куда-то неторопливо идут парочками или группами. И только он, Виктор, одинок. На душе у него стало пасмурно, сиротливо.

«Пойду в казарму,— решил он опечаленно.— Лягу спать. Какого черта я буду бродить по городу, как бездомный?»

И он, ни на кого не смотря, направился к трамваю.

— Виктор! — окликнул его нежный девичий голос.

Он оглянулся.

— Марина! — просияв от счастья, сказал он.

— Куда вы так торопитесь? — спросила она, улыбаясь.

— Хотел было ехать к себе в роту.

— А у нас были?

— Конечно,— помрачнел Виктор.— Более двух часов высидел. Может быть, еще бы посидел, да неприятно мне стало, ушел.

— Наверно, опять офицеры? — догадалась Марина.

— Да.

— Пьют и о политике говорят? — засмеялась она.

— Если бы только о политике говорили, это было бы еще хорошо.

— Ну, а что же оии могут еще делать? — изумлеино подияла оиа бровн.

— Знаете, Марииа, противио даже говорить,— ожесточенно махиул ои рукой.— Ей-богу, противио!.. Посмотрите вокруг, у всех радостные, счастливые лица... Весь русскнй народ радуется революции. С надеждой ждет иовой жизии... А оии заговор устраивают против революции, против иарода... И как не стыдио Коистаитииу связываться с этими пройдохами?..

Марнна нахмурилась.

— Это действительно противио,— тихо сказала оиа.— Так, значнт, онн там пьют и разиые гадости говорят? И Вера с иимн?.. Тошио на все это смотреть... А я спешила домой обедать. У подруги задержалась... Зиаете что,— виезапио схватнла оиа за руку Виктора.— Я ие пойду домой... Давайте погуляем...

Виктор ожнвился, шел сняющнй. Ои искоса поглядывал на Марниу, одетую в летнее пальто и розовую шляпку. Внктор иикогда ие видел ее такой красивой. Проходнвшие мнмо офнцеры, студенты и даже мальчишки-гимиазнсты с восхищеннем поглядывали иа молоденькую девушку. Внктор подмечал эти взгляды н гордился тем, что Мариия всем иравится.

Навстречу шло миого девушек, миловидиых жеищии. Виктор всматривался в иих, переводил взгляд иа Марниу, сравинвал нх с ней и приходнл к убеждению, что она лучше всех...

В городском саду, как и всюду, было миого иароду, и им ие сразу удалось разыскать в отдалеииой аллее свободную скамейку.

Онн долго сндели молча. Пахло распускающнмися цветами, сочной травой. Луч закатиого солица играл с верхушкой акацнн, зажнгая ее багряицем. Табунок кудрявых, как барашкн, легких, золотисто-розовых облачков мнрно плыл в чнстом голубом иебе.

Вечер уже бросал свои мягкие тенн. Где-то играл духовой оркестр. Доиосились заглушенные голоса. А здесь, на этой затеряииой, заросшей густымн кустарнкамн аллейке, было тихо и покойно. Лишь воробьи и еще какие-то маленькие птнчки с жизиерадостиым щебетаиием перелетали с куста иа куст.

— Как хорошо! — воскликиула Марнна.— Я даже н не подозревала, что здесь есть такне прелестиые места.

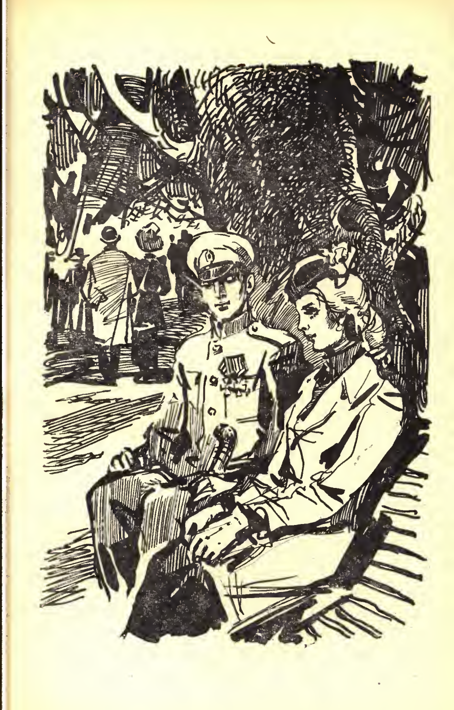
— Да,— согласнлся Виктор.— Здесь хорошо. Я люблю тут сидеть и мечтать.

— Вы любите мечтать? — спроснла Марина, жнво взглянув иа иего.

— Я мечтатель,— усмехиулся Виктор.— И это вполне понятно почему. Я ведь рос в станнце, в степи... А степь, думается мие, располагает к мечтаиию.

— Вы ие поэт?

— Нет,— покачал ои головой.— Стнхи ие особеино люблю.



Прозу люблю... На писателей, пишущих прозу, смотрю, как на богов.

— Да-а,— раздумчиво протянула Марина.— Писатель — это какой-то необычный человек... Иногда читаешь какую-нибудь интересную книгу, и она так тебя увлечет, что ты забываешь обо всем... Ты и плачешь и смеешься, страдаешь вместе с героями...— Она помолчала.— Как мне хотелось бы одним глазком взглянуть на живого писателя!

— А я видел,— проговорил Виктор.— Когда я лежал раненый в Петрограде, к нам в госпиталь приходил писатель Алексей Толстой... Слышали про такого?

— Слышала. А зачем он приходил в госпиталь?

— Там у него знакомый вольноопределяющийся лежал... Он ему конфеты, печенье и книги приносил... Я тоже читал его книги.

— Счастливый вы человек! — вздохнула Марина.— А я стихи пробовала писать.

— Стихи? — оживился он.— Вот как?.. Прочтете мне?

— Так вы же не любите стихов.

— Нет, ваши я полюблю,— вырвалось у него, и он смущенно усмехнулся.

Марина внимательно посмотрела на него и ничего не сказала.

Помолчав, она проговорила:

— Как время быстро летит... Как будто совсем недавно я поступала в гимназию, а вот уже совершенно незаметно я ее кончаю... А это значит, что я уже стану взрослой.

— К родителям поедете после гимназии? — спросил Виктор.— Или будете куда-нибудь устраиваться работать?

— Знаете, Виктор, я очень люблю медицину. Мне хотелось бы стать фельдшерицей, акушеркой или... быть может, даже и врачом...

— Ну, и за чем же дело стало?

— Дело, конечно, за мной,— ответила Марина.— Свою мечту я обязательно осуществлю... Вот сейчас я узнала — в Ростове есть медицинский факультет. Скоро начнется набор курсисток... Вот я и хочу попробовать туда устроиться.

— Хорошее дело,— одобрил Виктор.— Я тоже очень хочу учиться. Как только демобилизуюсь, буду куда-нибудь определяться на учебу, хотя меня больше тянет к литературе.

На западе ярко пылала заря, охватив пожарищем треть неба. На ветвях, загораясь мелкими алмазами, выступали капли от дождя. Из-под корней акаций поползли длинные вечерние тени.

— Уже поздно,— проговорила Марина.— Надо идти...

— Подождите, Марина,— с трепетом сказал Виктор.— Я... хочу вам что-то сказать...

Марина искоса внимательно посмотрела на него.

— Хорошо,— сказала она.— Я посижу еще немного.

Но Виктор молчал, не решаясь с ней заговорить.

— Вы хотели мне что-то сказать? — спросила она.

— Да...— тихо произнес он.— Но... как об этом сказать вам, я не знаю... Я не знаю, как вы отнесетесь к этому. Ну, понимаете ли, Марина, вы мне нравитесь,— выпалил он вдруг и похолодел от своей смелости. «Боже мой! — чувствуя, как у него часто забилось сердце, подумал он огорченно.— Что я наделал?» Ему хотелось сорваться со скамьи и бежать от Марины, чтобы не испытывать стыда от совершенного поступка.

Девушка тоненько засмеялась в смущении и взглянула на него своими большими лучистыми глазами.

— Витенька,— прошептала она, закрывая лицо руками,— ведь вы мне тоже очень, очень нравитесь... Неужели вам это не понятно?..

VIII

В начале августа Атаманский полк неожиданно был снят с австрийского фронта и переброшен под Гомель. Казаков расквартировали по крестьянским хатам в небольшой деревушке Дуньково. Среди казаков эта переброска вызывала недоумение и оживленные разговоры. И когда они обращались к офицерам с просьбой объяснить, зачем их перебросили в эту деревню, те отвечали, что полк-де переброшен сюда на отдых.

Но этому никто не верил по многим признакам, которые не могли ускользнуть от внимательного глаза, было видно, что полк готовился к выступлению. Но куда и зачем — никто не знал.

Однажды Прохор Ермаков, живший на окраине деревни в хате одного крестьянина, вывел из хлева своего коня и стал его чистить щеткой и скребницей.

Было прозрачное прохладное утро. Только что прошел небольшой дождь. Метались воробьиные стаи. Дождевые капли искрами вспыхивали на ветвях деревьев. Конь не стоял: то бил копытом землю, то пытался взвиться на дыбы.

Прохор успокаивал его:

— Не дури, Васька, не дури!.. На-ка вот тебе,— сунул он в рот лошади кусок сахару.

Лошадь с удовольствием захрустела зубами.

— Сладкоежка ты у меня,— любовно похлопал Прохор по ее атласной, горячей шее.

Съев сахар, лошадь потянулась бархатистыми губами к уху Прохора, как бы решив попробовать его — вкусное ли оно.

— Ну, ты! — смеясь, отстранился Прохор.— Еще откусишь.

— А что ж,— отозвался хозяин, пожилой крестьянин, с

длинными запорожскими седыми усами, отесывая топором оглоблю.— Мне однажды мой конь откусил палец... Поглядите! — показал он согнутый палец.

— Ну, мой не откусит,— сказал Прохор, ласково глядя на лошадь.— Это он балуется... Мы с ним большие друзья... Правда, Васька?

Хозяин сильным ударом вогнал топор в бревно, подошел к Прохору и, вынув кисет с табаком, радушно предложил:

— Закуривайте, пан казак.

Прохор закурил.

— Гляжу я, да и добрий же у вас конякa,— сказал крестьянин, также закурив.— Ей-ей, правда! Я же сам в кавалерии служил. И вже добре толк в конях понимаю...

— Конь неплохой,— согласился Прохор.— Всю войну на нем прослужил. Немало он меня из беды выручал... А, как знаете, в битвах конь — первый боевой друг.

Лошадь действительно была хороша: высокий, ста шестидесяти сантиметров росту, в меру поджарый, светло-рыжей масти с золотистым отливом донской скакун.

По положению взводного урядника Прохор мог бы сам и не чистить своего коня, поручая это делать дневальным казакам, но ему доставляло большое удовольствие самому возиться с лошадью.

— Когда я служил в драгунах, пан казак...— начал было рассказывать что-то хозяин, но в это время во двор торопливо вошел вахмистр Востропятов.

Прохор заметил, что вахмистр был чем-то встревожен.

— Здравствуйте! — кивнул Востропятов Прохору и хозяину.— Чего это ты, Ермаков, вздумал коня холить?.. Уж не на парад ли собираешься?

— На парад в Петроград,— усмехнувшись, шутливо сказал Прохор.

Востропятов пристально посмотрел на Прохора.

— Ты это серьезно?

— Чего?

— Да в Петроград-то?

— Смеюсь.

— А я уж думал ты в самом деле,— усмехнулся и Востропятов.— Эх, знал бы ты, какой нам парад готовят.

— Что такое? — беспокойно спросил Прохор.

— Кончай чистить коня,— сказал Востропятов.— Пойдем поговорим.

Прохор закончил чистку, отвел лошадь в хлев, прибрал щетку со скребницей и пошел мыть руки в хату.

— Закуривайте, пан вахмистр,— предложил кисет Востропятову хозяин.— Добрый тютюн. Такой крепкий, аж дух захватывае... Сам его приготовляю.

— Можно,— беря кисет, проговорил вахмистр.

Вахмистр закурил и, возвращая кисет крестьянину, спросил:

— Ну, как хозяин, живется?

— Да чего ж,— неопределенно ответил тот.— Живем — хлеб жуем...— И, помолчав, добавил: — Вот прогнали царя, думковали, що в жизни облегчение буде, ан ни черта... Так же с нас налоги дерут, так же паи за аренду земли тянe... Все балакали, що вот-де землю начнут делить крестьянам... Да, должно, ни дьявола того не буде...

— Большевики заставят разделить землю.

Крестьянин живо посмотрел на Востропятова из-под белесых лохматых бровей.

— Большевики, говоришь?

— Да, именно они.

Крестьянин помолчал.

— Это ты, може, и правду кажешь,— раздумчиво проговорил он.— Тут у нас по селу слух идет, що большевики, мол, люди таки — раз чего захотят, так уж наверняка добьются...

— Верно,— согласился Востропятов.

— А это правда, що вони, эти большевики, справедливой жизни добиваются? — спросил крестьянин.— За бедный народ стоят?

— Ну, конечно, правда.

Крестьянин хотел еще что-то спросить, но в это время из хаты вышел Прохор и прервал разговор.

— Ну, давай, вахмистр, теперь потолкуем.

— Заходьте в горницу,— пригласил хозяин.— Там никого нема.

— Нет, спасибо,— отказался вахмистр.— Некогда. Проводи меня, Ермаков, дорогой скажу.

Они вышли за ворота. Улица была пустынна. Почти все жители деревни находились в поле: убирали просо, гречиху, пахали под зиму. Лишь в центре деревни, у школы, где поместился штаб полка, толпились казаки. Да у большой лужи, посреди улицы, возились ребята, пуская бумажные кораблики.

— Дело, Ермаков, принимает серьезный оборот,— начал вахмистр.— Ты ничего не слыхал?

— Ничего не знаю. О чем?

— Ты давеча сказал, что собираешься на парад в Петроград, так я подумал, что, может, ты знаешь,— сказал Востропятов.

— Это я шутейно сказал.

— Эх ты, тоже мне комитетчик,— насмешливо посмотрел вахмистр на Прохора.— Для чего ты только и сидишь в комитете? Ты знаешь, куда хотят направить наш полк?

— Нет.

— Сидишь ты в комитете, лишь шаровары протираешь,— обозленно выкрикнул Востропятов.— А толку из вас, членов

комитета, никакого. Нас готовят на смертоубийство, а вы ни черта о том не знаете и не ведаете...

— Не горячись, Востропятов,— прервал его Прохор.— Говори толком. В чем дело?

— А в том, почему вы, полковой комитет, не потребуете от командира полка отчета, куда он намеревается направить наш полк? — сердито спросил Востропятов.

— Ого! — насмешливо посмотрел на вахмистра Прохор.— А не многого ли ты захотел?.. Как будто тебе, вахмистр, не известно, как нас скрутил Корнилов. Мы и пикнуть боимся. Сейчас, брат, права нашего комитета лишь на бумаге значатся, а на деле — мы пустой звук. Командир полка на нас и внимания никакого не обращает... Да и откуда ты взял, что полк наш куда-то посылают? Не слухи ли это?.. Командир сотни сказал мне, что как отдохнем, так снова на позицию выступим...

— Командир тебе сбрехал,— раздраженно проговорил Востропятов.— А может, он сам ничего не знает... А ты, как олух царя небесного, всему веришь. Не обижайся только, Ермаков. Нас ведь хотят послать в Петроград революцию душить! Пойми ты это.

— Откуда у тебя такие сведения?

— Не беспокойся, парень, сведения у меня самые проверенные. Ты слушай, Ермаков, что я тебе скажу: генерал Корнилов сейчас выехал в Москву на Государственное совещание. Там соберутся все генералья и буржуи, будут вести сговор, как подавить революцию да власть в свои руки забрать. Понял? А чтоб это дело вернее было, Корнилов тайно приказал генералу Крымову двинуть третий конный корпус на Петроград, разогнать революционные организации... В составе этого корпуса должен идти и наш полк. Вот они какие, дела-то. А ты говоришь — слухи...

— Подожди, вахмистр,— схватил Прохор за руку Востропятова,— ты тут наговорил такого, что прямо на верится. Не брехня ли?.. Что он, Корнилов, с ума, что ли, сошел? Не дурак ведь он, понимает небось, что революцию теперь подавить самому дьяволу не удастся.

— Дурак он или не дурак, о том мне не известно,— пожал плечами вахмистр.— Водку я с ним вместе не пил. Я тебя, Ермаков, прошу, уведоми об этом деле своих членов комитета. Поставьте перед нашим командиром полка вопрос ребром. Казаки, мол, не пойдут душить революцию. Мы, мол, понимаем, куда гнет Корнилов. Так вот, Ермаков, мы на тебя рассчитываем, что ты своих комитетчиков обработаешь... А мы среди казаков развернем работу. Глядишь, общими усилиями и удастся дело по-другому повернуть.

— Ладно,— пообещал Прохор.— Потолкую. Дело действительно серьезное. Допустить, чтоб наш полк пошел на Пет-

роград душить революцию, никак невозможно...— Помолчав, он спросил: — Слушай, вахмистр, ты вот говоришь: «Мы на тебя рассчитываем»... «Мы развернем работу». А кто это — мы?..

— Тебе не понятно? — засмеялся Востропятов.

— Нет,— простодушно сознался Прохор.

— Мы — это большевистская организация полка.

— Вот ка-ак? — изумленно протянул Прохор.— Значит, такая уже есть?..

— Есть,— подтвердил вахмистр.— Да, правда, еще малочисленна.

Вечером того же дня стараниями Прохора в штабе полка был созван полковой комитет. На заседание был приглашен и командир полка, генерал-майор Хрипунов, полнотелый мужчина лет сорока пяти с рыжеватыми усами и голубоватыми надменными глазами.

Заседание почему-то долго не открывалось, и генерал, заложив руки за спину, расхаживал около школьной доски, нетерпеливо поглядывая на членов комитета, о чем-то тихо разговаривавших у стола. Наконец генерал не вытерпел и, круто повернувшись к шептавшимся членам комитета, густым, сочным баритоном сказал:

— А-а... извините, господа. Я э-э... прошу меня не задерживать. Мне некогда.

— Сию минуту, господин генерал,— услужливо наклонил голову председатель полкового комитета, черноусый румяный урядник из четвертой сотни, Жученков.— Сейчас начнем! — крикнул он.— Прошу, господа члены полкового комитета, рассаживаться... Итак, считаю заседание комитета открытым. На повестке дня один вопрос,— покосившись на командира полка, сказал он нерешительно: — Информация командира полка, господина генерала Хрипунова, о предстоящем выступлении полка...

Генерал побагровел. Он шумно встал и, иронически сощурив глаза, спросил у Жученкова:

— Интересуюсь, господин председатель, почему, ставя на высокочтимое заседание комитета мою информацию, председатель комитета меня, командира полка, не поставил об этом в известность?.. Как же я буду вам об этом докладывать, если не информирован об этом? Я не подготовлен. А поэтому, прошу вас, увольте меня от такой необходимости. Ни о чем говорить я не буду.

Жученков растерянно оглянул присутствующих, как бы спрашивая, что же теперь делать?

Прохор вскочил и взволнованно произнес:

— Нет, господин генерал, вы нам должны сказать, куда вы хотите направить полк. Какая тут может быть подготовка? Мы от вас доклада не требуем, а просим только сказать, куда направляется полк и зачем?.. А ежели вы не хотите этого ска-

зать, так я скажу. Господа члены комитета, полк наш в составе третьего конного корпуса генерала Крымова направляется на разгром революционного Петрограда. Нас снова хотят сделать душителями революции...

Для некоторых непосвященных членов комитета сообщение Прохора явилось неожиданностью. Они шумно заговорили между собой.

— А позвольте узнать, господин урядник,— высокомерно спросил генерал у Прохора,— из каких источников вам известны такие подробности, о которых я, командир полка, еще не знаю?.. Это первое. А второе: если бы, предположим, мне и были известны истинные цели и маршрут выступления полка, то разве я должен все это разглашать, поскольку это является военной тайной?..

— Душить революцию — это тайна? — не владея собой, закричал Прохор.

— Как вы смеете так разговаривать со мной? — бледнея, гаркнул Хрипунов.— Кто вам дал такое право?.. Под суд отдам!

— Казаки, выбиравшие меня в комитет, дали мне это право,— в повышенном тоне говорил Прохор.— А судом вы мне не грозите, господин генерал. Не боюсь я его. Я стою за интересы своих казаков, и они за меня заступятся. Сейчас, господин генерал, не царский режим, чтобы с нами обращаться, как с баранами. Мы — выборные члены комитета от всего полка, а поэтому с нами надобно совет держать. Я вам прямо заявляю от имени казаков, что душить революцию мы не пойдем. Так и знайте, не пойдем!..

— Правильно, не пойдем! — поддержал Прохора чубатый приказный Прокудин.— Зараз не старорежимный строй, а свобода. Правильно я, братцы, говорю? — окинул он взглядом присутствующих, но его никто не поддержал.

Потупив глаза, остальные члены комитета молчали, видимо, не желая ссориться с генералом.

Тот учел настроение большинства членов комитета и уже спокойно проговорил:

— Я, уважаемые члены комитета, не желаю обострять наши взаимоотношения напрасными пререканиями. В этом никакой необходимости нет. Не хочу я делать и соответствующих выводов по отношению некоторых лиц в связи с их нервозными выкриками,— строго взглянул он на Прохора.— Все это я объясняю повышеным нервным состоянием. Хотя, как единоначальник вверенного мне полка, на основании последних приказов правительства и верховного главнокомандующего, мог бы их сделать. Но это ни к чему... Хочу только еще раз напомнить,— четко и раздельно, как диктуя, говорил генерал с сознанием своего превосходства,— я, как офицер русской армии, командир полка, требую строжайшей дисциплины и бес-

прекословного подчинения от каждого, кто находится в моем подчинении. Понятно?.. Комитет, избранный казаками нашего полка, в данном случае не должен быть помехой в выполнении мною военных приказов. Наоборот, комитет должен быть помощником мне в укреплении железной дисциплины. Времена митингов, разгильдяйства, расхлябанности безвозвратно прошли. Воинская часть должна быть подлинной воинской частью, а не шайкой анархистов. Все, господа! В заключение могу заверить: полк никогда не пойдет душить революцию, как здесь некоторые утверждали. А если и пойдет, то только защищать ее. До свидания, господа! — надев фуражку, козырнул генерал.— Честь имею кланяться. Огорчен, что по безотлагательным причинам вынужден покинуть вас и, таким образом, лишаю себя удовольствия продолжать с вами беседу.

Позвякивая шпорами, генерал, на ходу надевая лайковые перчатки, с достоинством вышел из класса. Члены комитета растерянно переглянулись. Приказный Прокудин раскатисто захохотал:

— Вот отмочил, так отмочил... Ха-ха!.. Говорит: «Огорчен, что лишаюсь удовольствия с вами беседовать...» Ха-ха!.. Молодец!.. Ей-богу, молодец! Здорово отрезал.

— Говорил же я тебе, что из этого толку не выйдет,— набросился на Прохора Жученков.— Смех один, да и все.

Прохор гневно хлопнул кулаком по столу.

— Ты что, Жученков, хвостом закрутил? — выкрикнул он.— Ты кто есть, а? Скажи! Председатель революционного комитета полка, поставленный на эту должность самой революцией, избранный казаками! И ты перед генералом струсил... Эх, ты! Ежели генерал с нами не стал говорить, так, значит, мы должны подчиниться ему?.. Так, что ли? Стало быть, по-твоему, мы должны идти душить рабочих? Революцию? Что молчишь? Мы должны за горло взять командира полка и заставить его слушаться нас...

— Позвольте сказать,— поднялся с парты, до сих пор молчавший член комитета, франтоватый молодой сотник Фролов.— Я считаю, вопрос ясен. Пререкаться нам здесь нечего. Вы слышали, генерал заявил, что полк не будет душить революцию, а, наоборот, будет ее защищать. О чем же тут могут быть разговоры?.. Предлагаю прекратить всякие споры по этому вопросу. Дальнейшие события покажут нам, что нужно будет предпринимать.

— Правильно! — обрадованно воскликнул Жученков.— Чего зря языком болтать. Поживем — увидим. Само дело покажет...

— Поздно будет! — крикнул Прохор. Но его никто не слушал. Члены комитета торопливо уходили из школы.

Вахмистр Востропятов был огорчен провалом заседания полкового комитета. Но он не хотел так легко сдать своих

позиций и примириться с тем, чтобы генерал Хрипунов повел полк на подавление революционного Петрограда.

Вокруг Востропятова группировались надежные, большевистски настроенные казаки, на которых можно было положиться. Но таких было мало. Надо на свою сторону привлечь еще больше полчан, наиболее авторитетных среди казаков, убедить их, что командир полка Хрипунов ввязывает их в авантюру, задуманную Корниловым, которая неминуемо приведет к гибели.

Из наиболее авторитетных в полку казаков был Прохор Ермаков. Востропятову нравился этот честный молодой казак. Он знал, что Прохор грамотен, лучше многих других казаков разбирается в происходящих событиях. И Востропятов в первую очередь решил приблизить его к большевикам.

...Прохор с Востропятовым сдружились крепко. Вахмистр знал много, имел опыт революционной работы. Они часто о многом беседовали. Прохор все больше и больше поддавался влиянию своего друга. Востропятов свел его со своими друзьями-большевиками.

Эта дружба с вахмистром и его товарищами была решающей в жизни Прохора. Он бесповоротно избрал путь революционной борьбы, стал верным помощником Востропятова.

IX

Несмотря на противодействия со стороны большевистски настроенных казаков во главе с вахмистром Востропятовым и Прохором, генералу Хрипунову все же удалось под страхом отдачи под суд заставить казаков погрузиться в вагоны. Теперь уже ни для кого не было секретом, что полк направлялся к Петрограду.

У казаков было подавленное настроение. Для каждого стало понятно, что полк шел туда не для прогулки, а для битвы с революционными войсками, защищающими столицу.

Среди казаков велись по этому поводу оживленные разговоры:

— Ведь генерал же сказал, что он против революции не будет выступать? А вот, оказывается, сбрехал.

— Он и зараз говорит, что супротив революции не пойдет,— отвечали другие.— Он, мол, не супротив революции, а супротив смутьянов, грабителей и жуликов идет. Вот и пойми его.

17 августа вечером первая и вторая сотни были погружены в вагоны и первым эшелоном двинуты по направлению к Минску.

Стояла теплая августовская ночь. Прохор и Востропятов сидели у распахнутых дверей товарного вагона и вели тихий

разговор. Мимо проплывали огоньки сел и деревень. В вагоне, у фонаря, казаки играли в карты.

— Это ведь еще не все,— говорил вахмистр.— Я убежден, что наши атаманцы не будут сражаться против революционных войск. Вот посмотришь, Ермаков, как подойдем к Петрограду, да ежели увидят наши казаки против кого их посылают класть голову, так сейчас же повернут назад. Класть головы за Корнилова да за таких, как наш генерал, они не будут. Не дураки.

— Больно уж уверенность у тебя большая, вахмистр,— мрачно заметил Прохор.— Ежели б мы один шли на Петроград, а то ж, я слышал, туда целиком Дикая дивизия идет. Они, брат, не будут разбираться, революционные там войска или еще какие. «Резил башка» — и все.

— Ну, брат, в Дикой дивизии тоже не все дураки,— возражал Востропятов, хотя сомнение вкрадывалось и в его сердце.

— Стыд и срам за наших казаков,— с раздражением проговорил Прохор.— Видишь ты, страх на них напал, генерала испугались. Ежели б все дружно выступили, не пойдем, мол, и все... Никто б с места не двинулся.

— Что уж говорить о казаках,— сказал Востропятов,— когда ваши комитетчики и те перед генералом на задних лапках прыгают, выслуживаются, проклятые... Все они, мерзавцы, как одни эсеры да кадеты... Им с нами не по пути...

Подошел толстый, грузный казак Скурыгин.

— О чем, станишники, разговор ведете? — спросил он.

— Да вот, говорю, погода теплая стоит,— зевнул Востропятов.— У нас, на Дону, теперь вовсю под зябь пашут...

— Это правда,— согласился Скурыгин.— Охота пахануть... Надоела военная служба. Наш батя, бывало, десятин по пятьдесят засевал.

— Ничего себе,— удивился вахмистр.— Вы, стало быть, жили-то богато?

— Да так, ежели поискать,— с самодовольством проговорил Скурыгин,— то, пожалуй, богаче-то нас и в станице никого не было. Восемь лошадей имели, шесть пар быков...

В стойле задрались лошади.

— Никак, мой конь? — встрепенулся Скурыгин и бросился разнимать лошадей.

— Кулак проклятый,— прошептал Востропятов.— Ты его, Ермаков, опасайся. Это его к нам нарочно приставили, чтоб надзирал за нами да доносил.

Поговорив еще некоторое время, Прохор и Востропятов улеглись спать.

Ворочаясь с боку на бок, Прохор долго не мог заснуть. Беспокойные думы мучили его. Он боялся, как бы в самом деле атаманцам не пришлось вступить в бой с революционными войсками под Петроградом...

Сквозь тревожный сон он слышал, как поезд останавли-

вался на небольших станциях, а затем снова стучал колесами на стыках рельсов.

...Перед рассветом Прохора разбудил какой-то невнятный шум, крики. Он приподнял с седла голову и прислушался. Поезд стоял. Сквозь щель приоткрытой двери проникал яркий электрический свет от фонаря. На платформе с криками метались какие-то тени.

— Вылазь из вагонов! — слышались властные выкрики.— Сдавай оружье!.. Живо!..

— Востропятов! — толкнул вахмистра Прохор.— Ты слышишь?

— Что такое? — встревоженно поднял тот голову.— Что это там, Ермаков?

— Послушай.

Крики становились все слышнее:

— Сдавай оружье!

— Вылазь из вагонов!..

— Ну уж нет! — вскакивая, вдруг завопил Скурыгин и схватил свою винтовку.— Оружья я своего никому не дам!.. Всех постреляю, сам жизни решусь, а не дам!.. Не дам!..

Кто-то с силой рванул дверь, и она с шумом распахнулась. Прохор и Востропятов вскочили. У вагона толпились человек десять драгун. Наставив в дверь винтовки, они кричали.

— А ну, казаки, сдавайте оружье!.. Вылазьте из вагона!..

— А вы мне его давали? — взревел Скурыгин.— Отойди от вагона, не то стрельну! — прижимаясь щекой к прикладу, угрожающе прорычал он.— Истинный господь, стрельну, так вашу!..

Кто-то из драгун шарахнулся было от дверей вагона. Востропятов, подскочив к Скурыгину, схватился за его винтовку и поднял дуло. Хлопнул выстрел. Пуля с треском пробила потолок вагона.

— Какого дьявола лезешь? — с яростью взвизгнул Скурыгин, пытаясь вырвать винтовку из рук Востропятова.— За большевиков стоишь?

Прохор помог Востропятову вырвать у Скурыгина винтовку. Востропятов кинул ее солдатам.

— Какой он у вас бешеный-то! — с удивлением сказал пожилой драгун.

— Такого надо б к стенке поставить,— озлобленно выкрикнул второй.— Убить бы, сволочь, мог.

— Да нет, товарищи,— миролюбиво проговорил Востропятов.— Он казак неплохой... Это он, видать, спросонок... Почудилось ему что-то.

— Сон, должно быть, приснился страшный,— засмеялся пожилой драгун.— Ну, давайте, казаки, добром ваши ружья и шашки... Сопротивляться ни к чему, так как все вагоны окружены нашими солдатами.

— Товарищи,— решительно заявил Востропятов,— я сам большевик и оружья своего отдать не могу. Оно мне еще пригодится бить контру.

— Большевик он,— негодующе выкрикнул кто-то из драгун,— а сам ехал громить революционный Петроград.

— Ты ежели, товарищ, не знаешь, как мы ехали громить революционный Петроград, то лучше помолчи,— сурово проговорил Востропятов.— Допрежде надобно выяснить, а потом уж и говорить. Кто у вас за начальника или за старшого?.. С ним сам поговорю, а так оружья не дам.

Драгуны заговорили между собой.

— Поведи его к Буденному, пусть с ним поговорит.

Услышав знакомую фамилию, Прохор спросил у солдат:

— Да вы, братцы, какого полка-то будете?

— А тебе какого надо?

— Не восемнадцатого ли Северского?

— Ну, восемнадцатого Северского, а что?

— О, черт побрал! — обрадованно воскликнул Прохор.— Так я ж Буденного вашего хорошо знаю. Наш он, донской. Из наших краев... Кем он у вас?

— Председатель полкового комитета,— ответил драгун.

— Так я к нему пойду. Где он?..

— У начальника станции,— ответил пожилой солдат.

— Пойдем, Востропятов.

Выпрыгнув из вагона, Прохор и Востропятов направились в вокзал. Это была станция Орша. В кабинете начальника станции Буденный о чем-то оживленно беседовал с седовласым железнодорожником.

— Буденный! — радостно вскричал Прохор.— Здорово!

— Ермаков?! — удивленно обернулся Буденный.— Здорово, дорогой!.. Какими судьбами попал сюда?

— Да вот ваши драгуны обезоруживают нас.

Буденный нахмурился. Покрутив длинный ус, сурово спросил у Прохора:

— Значит, контрреволюционером оказался?

— Ну уж нет, контрреволюционером никогда не был. Большевиков поддерживаю.

— Большевиков? — испытующе и насмешливо посмотрел на него Буденный.— А как же так получается: большевиков поддерживаешь, а сам против них с оружьем идешь, а?.. Ведь Петроград-то большевики защищать будут.

— О том, как мы идем на Петроград, товарищ Буденный, я тебе сейчас расскажу.— И Прохор коротко рассказал Буденному обо всем, что произошло в их Атаманском полку, с каким настроением едут казаки к Петрограду,

— Не хотят атаманцы ехать,— говорил Прохор.— Да насильно гонят... Вот наш вахмистр Востропятов, большевик... Он тебе тоже подтвердит все, что я тебе рассказал...

— Давайте познакомимся,— пожал руку Буденный Вострошятову.— Ну, что же, донцы, я верю вам. Говори, Ермаков, спасибо, что напал на меня. Тебя я знаю, мне ты не врешь... Так, говорите, друзья, за сотню свою ручаетесь?

— Ручаемся, товарищ Буденный,— убежденно проговорил Востропятов.

— За исключением, может быть, трех-пяти человек,— добавил Прохор.

— Ну, это не страшно,— махнул рукой Буденный.— Они у вас всегда на глазах. Хорошо, прикажу оружье оставить вам. А маршрут я вам дам такой: обратно, аллюр три креста,— засмеялся он.— Господин начальник станции,— обернулся он к седовласому железнодорожнику,— подцепите им паровоз к эшелону с обратной стороны и дайте направление до той станции, с которой они грузились.

— Слушаюсь! — сказал начальник станции и вышел отдать распоряжение.

— Вот и встретились снова,— с улыбкой проговорил Буденный, смотря на Прохора.— А ты говорил, не скоро встретимся. В жизни оно так часто бывает. И не думаешь и не гадаешь, а смотришь, и вот столкнулись. Еще не раз, Ермаков, встретимся...

— Как хорошо, товарищ Буденный, что ты оказался на нашем пути со своими драгунами,— сказал Прохор.— А то б увезли нас к Петрограду, и могло б произойти у нас сражение с петроградскими рабочими.

— Ничего б не было,— убежденно проговорил Востропятов.— Казаки не стали б сражаться с рабочими.

— Ну, это еще не известно,— пожал плечами Буденный,— стали б они или не стали сражаться — трудно сказать. Могли б и заставить, помимо их желания, вступить в бой...

— Каким образом оказался тут ваш полк, товарищ Буденный? — спросил Прохор.

— В последнее время наша бригада находилась в Минске,— начал рассказывать Буденный.— И вот стали до нас доходить слухи, что Корнилов задумал мятеж устроить. В Гомеле солдаты пехотных частей взбунтовались против него. Тогда нашу бригаду наибыстрейшим порядком бросили на усмирение пехотинцев. И вот от этой переброски для начальства нашего получился большой конфуз: побывали мы в Гомеле, пехотинцев не усмирили, а еще больше против Корнилова возбудили. Дело там крепко наладили и обратно возвращаемся... И вот по пути узнали, что казачьи эшелоны на Петроград идут завоевывать Корнилову диктатуру... Ну, тут мы нашли себе новое дело, начали разоружать казачьи эшелоны. Сколько мы их, Васюков, разоружили, а? — смеясь, спросил Буденный у вошедшего в кабинет молодого унтер-офицера.

— Да уж порядочно,— усмехнулся тот.

— Вот,— многозначительно проговорил Буденный,— хоть и небольшую, но а все-таки приносим пользу революции... Большевики на нас в обиде не будут.

Находясь в то время со своим полком в Минске, Буденный был тесно связан с опытным большевиком Михаилом Васильевичем Фрунзе. До революции, будучи в Союзе земств и городов, он создал в Минске нелегальную большевистскую организацию, а после свержения царизма стал одним из руководителей революционного движения в Белоруссии и на западном фронте. Фрунзе был организатором Минского Совета рабочих депутатов, председателем его исполнительного комитета. И хотя Буденный в то время формально в коммунистическую партию еще не вступил, но по своим убеждениям был большевиком. Да и все полки дивизии, в которой он был,— Нижегородский, Тверской, Северский — были настроены большевистски. При голосовании во Всероссийское Учредительное собрание солдаты этих полков дружно поддержали большевистских кандидатов.

— Ну что же, Ермаков, идите, а то поезд без вас может уйти. До свиданья, товарищ Востропятов! — пожал Буденный руку вахмистру.— И впредь действуйте так же, как вы действовали с Ермаковым до сих пор. Васюков, пойди там распорядись, чтоб казакам их сотни вернули оружие. Эти казаки не пойдут под Петроград. А офицеров пока задержите. Мы с ними поговорим, а потом отпустим. Они нагонят свой эшелон.

Командиром кавалерийской дивизии, в которую входил полк Буденного, был генерал-лейтенант Карницкий — крупный шляхтич. Узнав о том, что Буденный разоружил казачьи эшелоны, направлявшиеся на подавление революции, он рассвирепел. Вызвав к себе Буденного, Карницкий окинул его гневным взглядом с ног до головы.

— Ты кто? — гаркнул он.

Буденный, насмешливо глядя на побагровевшего от злости генерала Карницкого, молчал.

— Что молчишь?..

— Я не привык к грубостям,— с достоинством проговорил Буденный.— Потрудитесь переменить тон, господин генерал.

Карницкий ошеломленно посмотрел на Буденного.

— Ах, извините, пожалуйста, господин унтер-офицер,— с шутовскими ужимками расшаркался он.— Я изволил вас обидеть...

— Нет, вы меня не обидели, господин генерал,— холодно возразил Буденный.— Но я смотрю на вас и думаю, что из вас хороший бы мог получиться клоун...

— Что! — выкатывая светло-серые глаза на Буденного, в бешенстве заорал генерал.— Как вы смеете?..

— Я только высказал свое мнение,— едва уловнмо усмехнулся Буденный.— Вы же, господин генерал, меня оскорбляете — тыкаете и кричите на меня...

— Вы изволите, сударь,— крнчал генерал,— разлагать моих солдат, разваливаете дисциплину, вносите смуту...

— Из чего это видно, господин генерал? — спросил Буденный.

— Вы разоружили казачьи эшелоны,— брызжа от злости слюной, кричал распаленный Карницкий.— Вы нарушили следование воинских частей туда, куда их послало высшее командование...

— Так вот что я вам скажу на это, господин генерал,— обрывая Карницкого, спокойно и твердо проговорил Буденный.— Имейте в виду, никогда вам задушить революцию не удастся!.. Никогда!.. Солдаты ваши стали уже не те, что были раньше.

— Замолчать! — снова закричал Карницкий.— Будем судить тебя военно-полевым судом!.. Тебя... вас,— поправился он,— накажут по всем законам военного времени. А полк ваш прикажу разоружить...

— Хорошо. Посмотрим. Разрешите идти?..

— Уходите. Но имейте в виду, до суда вы будете находиться под надзором... Мы еще с вами встретимся, уважаемый господин Буденный,— погрозил он выхоленым пальцем.— Встретимся.

...Суд над Буденным не состоялся. Корниловский мятеж был ликвидирован. Узнав об этом, Карницкий бежал в Польшу.

X

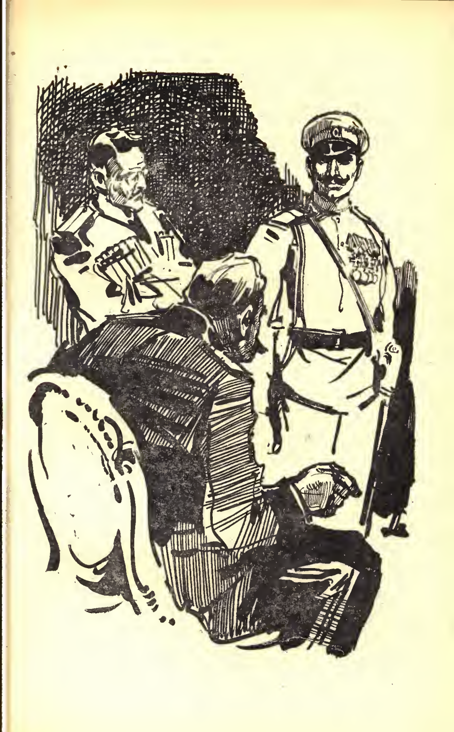
Стояла дождливая, слякотная осень. Миллионы солдат, сидя в сырых, залитых грязью окопах, с нетерпением ждали конца войны.

До них доходили слухи о том, что в тылу, в их деревнях, поселках и городах, неспокойно: крестьяне, не дождавшись от Временного правительства земли, сами брали ее, жгли помещичьи имения, делили имущество дворян, запахивали их землю. В городах бастовали рабочие и служащие. Все громче раздавались голоса недовольства Временным правительством.

Для каждого наблюдательного, здравомыслящего человека было ясно, что дело идет к развязке. Приближалась новая революция. Ее подготавливали большевики во главе с Лениным.

Преследуемый контрреволюцией, Ленин находился на нелегальном положении в Финляндии и оттуда через своих ближайших соратников руководил подготовкой вооруженного восстания.

Контрреволюция не унималась, хотя попытка генерала



Корннлова произвести переворот в августовские дин провалилась н сам он со своими приверженцамн был арестоваи.

Кориилов иаходнлся под стражей в Быховской гимназии. Охрана «арестоваииых» была поручеиа текинцам нз Дикой дивизин, той самой дивнзии, которая была в составе третьего коииого корпуса, иаправлявшегося иа разгром революционного Петрограда. По существу эти текиицы-коивоиры былн в полиом подчииеиии Кориилова. В результате такой «охраиы» «тюрьма», в которой был геиерал, превратилась в его боевой штаб.

В самое короткое время Кориилов сумел подготовить в десять раз больше снл, чем их было в августе. Более двухсот тысяч подобрал ои хорошо вооружеииых солдат и офицеров, чтобы бросить нх иа захват властн. Кроме этого, Кориилов твердо рассчнтывал иа помощь юикерских училнщ и школ прапорщиков, в которых иасчитывалось до пятидесяти тысяч человек. Рассчнтывал ои также иа поддержку иекоторых кавалерийских н казачьих частей.

В это время войсковой атамаи Доиа геиерал Каледии, виачале обвииеииый в связи с Кориилювым, в коитрреволюциоииом мятеже, а затем оправданый, стал открыто превращать Доискую область в оплот контрреволюции.

В Новочеркасске — столице доиского казачества — был подписаи договор об образоваини Юго-Восточиого союза, в который входнли донское, кубаиское, терское н астрахаиское казачьи войска, а также горские иародности Севериого Кавказа.

Узиав об этом, на Дои и Кубаиь, как спугнутое чериое вороньe, забирая с собой все цеииостн, устремились коммерсаиты, жаидармы, нзгиаииые из частей офицеры, помещики, шулера и аферисты, проститутки и чииовиикн и вообще всякий буржуазиый сброд.

Для общественной безопасиости, а главиым образом своей, Каледни решил стяиуть в Новочеркасск вериые доискому правительству войска.

Когда Каледину докладывали о иадежиых воииских частях, то немало лестного сказали и о ростовской отдельной казачьей сотие, которой командовал Коистаитин Ермаков. Этого было достаточно для того, чтобы Каледии распорядился отозвать Коистаитнна с его сотней в Новочеркасск.

Коистаитни, коиечно, не знал причии отзыва его сотии из Ростова. Как предаииый начальству офицер, он даже ие стал вдаваться в размышлеиия об этом. Раз иадо — зиачит, иадо! И ои отдал приказ по сотие готовиться к переезду в Новочеркасск.

Когда Констаитнн прибыл с сотией в Новочеркасск, ему приказалн разместить казаков в городском училище.

Вскоре для Коистантнна все стало ясно: не только ои один, ио и еще иекоторые надежиые офицеры со своими каза-

ками стягивались в столицу Дона. Константин думал: «Ага, значит, уж не такой я маленький и незначительный человек, раз во мне нуждается донское правительство». Он почувствовал в себе силу. «Надо от жизни брать все, что она дает»,— внушал он себе.

Без жены ему в Новочеркасске было скучновато, и он написал ей письмо, чтобы она подготовилась к переезду из Ростова.

Теперь Виктор редко заглядывал к Ермаковым. Делать там было нечего. Марина по окончании гимназии, оформив свое поступление на медицинский факультет, уехала к родителям в Азов. Без нее было тоскливо, и Виктор с нетерпением ждал осени, когда она снова должна приехать в Ростов учиться.

Он почти никуда не ходил. Днем работал в канцелярии роты, а вечерами читал книги. Большим праздником для него являлись те дни, когда он получал от Марины письма.

Но вдруг почему-то письма от нее перестали приходить. Это встревожило Виктора. Он решил пойти к Ермаковым, надеясь узнать что-нибудь о любимой девушке.

Виктор застал Веру в хлопотах, она упаковывала вещи.

— А-а, Витенька! — обрадовалась она.— Как вам не стыдно, совсем забыли меня!.. Как хорошо, что вы пришли. Я так устала. Целый день вожусь с узлами. Противные, надоели...

— Куда это вы собираетесь? — удивился Виктор.

— Ну, вот,— недовольно пропела она.— Он даже и не знает, куда я собираюсь... Гм... Вы бы еще год не приходили. Тоже родственник называется. Хоть умри, он и хоронить не придет... А вы разве не знаете, что мы переезжаем в Новочеркасск?

— Нет. Это зачем же?

Она рассказала о распоряжении Каледина перевести Константина с его сотней в Новочеркасск.

— Привыкла я к Ростову,— вздохнула Вера.— Не хочется мне в Новочеркасск. Очень не хочется... хотя,— оживилась она,— Константин пишет, что я могу там найти хорошее общество, занять в нем выгодное положение. Ведь вы понимаете, Витя, Новочеркасск — это все же старый казачий аристократический город... Там много казачьих дворян, генералов, много умных, интеллигентных людей... А сейчас там в особенности весело. Из Москвы и Петрограда понаехало столько интересных людей. Все аристократы, капиталисты туда съехались... Они, говорят, просто бросаются деньгами. Много там сейчас столичных актеров, актрис... А я ведь, Витенька, интересная женщина. Правда?.. Буду нравиться мужчинам... Ха-ха-ха!.. Вы меня ревновать не будете? Шучу! Малыш,— нежно заглянула она в глаза юноше,— подождите немножко, я сейчас приведу себя в порядок и мы будем пить чай, а хотите, так и вина вы-

пьем. У меня есть... Противная Марфа отпросилась на весь день, тетка, что ли, у нее умирает, и я вот вожусь одна... Устала ужасно... Ну, так посидите, я сейчас...

Что-то напевая, она выпорхнула из комнаты, долго возилась в спальне. Потом вышла оттуда помолодевшая, принаряженная.

— Ну, вот и я! — защебетала она.— Как, Витенька, я в таком виде вам нравлюсь?.. Нравлюсь, конечно,— не дождавшись ответа, засмеялась она.— Я давно знаю, что я вам нравлюсь и вы в меня влюблены. Сейчас, сейчас, Витенька, я накрою стол, и мы с вами посидим... Самовар я не буду ставить, бог с ним. Это слишком сложно. Мы вот с вами закусим и выпьем немного вина. Хорошо?.. Я так голодна.

Виктор поблагодарил Веру и собрался было уходить. Но ведь он еще ничего не узнал о Марине. А узнать о ней так хотелось. Его пугало ее молчание... И он остался.

Вера проворно накрыла стол, нарезала колбасы, хлеба, поставила коробку с сардинами, вино.

— Садитесь, малыш,— пригласила она.— Хотите — около меня, а хотите — напротив, где вам угодно. Я так голодна, что, вероятно, и вас могу проглотить,— засмеялась она.

— Сапоги мои не прожуете,— усмехнулся Виктор, садясь за стол.— Они ведь очень жесткие, солдатские.

— А у меня зубы крепкие, смотрите какие,— показала она оскал своих мелких зубов, похожих на зубы хищного зверька.— Ам... Ам! — ляскнула она ими два раза.— Съем!..

Они оба рассмеялись.

— Ну, давайте, Витенька, выпьем за мой отъезд,— сказала Вера.— Константин говорит, что у казаков существует обычай: обязательно перед выездом выпить, чтоб дорожка гладкая была.

— Ни пуха ни пера,— сказал Виктор.

Они чокнулись.

— Надеюсь, вы будете приезжать к нам в Новочеркасск?

— Ну, конечно,— промолвил Виктор.— Мы же родственники. Буду приезжать. Кстати, у меня там сестра Катя живет, ее буду также проведывать... Вы ее ведь знаете, кажется? За ваше здоровье, Вера Сергеевна!

— Что это за «Сергеевна»? — поморщилась она.— Для вас я просто Вера. Я тоже за ваше здоровье пью.

Они выпили.

Вера от каждой рюмки становилась все веселее и непринужденнее. Она болтала, смеялась, но Виктор мало вслушивался в то, что она говорила, думая о своем. Ему не терпелось скорее спросить у нее о Марине, но казалось неудобным это сделать. Наконец, воспользовавшись тем, что Вера что-то заговорила о сестре, он спросил:

— А где же сейчас Марина?

— А вы разве не слышали? — вздохнула Вера.— Она, бедняжка, очень больна... Кажется, тиф.

— Что вы говорите?! — воскликнул Виктор.

Вера пристально посмотрела на него, криво усмехнулась:

— Не влюблены ли вы в нее?

Виктор покраснел, досадуя, что невольно выдал себя. Ему хотелось расспросить Веру о Марине как можно больше, подробнее, но сделать это не решался. Он сидел мрачный, молчаливый, не слушал, что говорила ему Вера.

Всем своим существом юноша был около любимой девушки. Порывисто схватив бутылку, он налил себе полный стакан вина.

Вера с восхищеным удивлением посмотрела на него и захлопала в ладоши.

— Браво!.. Браво!.. Я и не подозревала в вас такой способности. Но ведь я умею пить тоже не хуже вас.— Она налила себе такой же чайный стакан вина и, не переводя дыхания, выпила.

Они пили много. Виктор смутно помнит, что вина не хватило и Вера посылала соседского мальчика за ним в магазин. Потом сознание померкло. Лишь после вспоминались отрывочные эпизоды этого вечера... Он лежал на диване, жалуясь на свою судьбу... Его утешала такая же пьяная, как и он, Вера... Он помнил ее жаркие поцелуи, ласки ее нежных рук...

От таких воспоминаний на душе становилось муторно. Вера так опротивела ему после этого вечера, что он не мог ее видеть.

XI

Как-то в маршевую роту из отпуска по ранению одновременно прибыли два солдата — Семаков Иван Гаврилович, иваново-вознесенский ткач, и Афанасьев Василий Николаевич, житель какой-то слободы, лежащей на берегу Азовского моря.

Они пришли к Виктору для оформления своих документов. С этого времени с ними и началась его дружба.

Семаков был подвижной, энергичный человек лет двадцати восьми, высокий блондин, немного сутулый, с темными, щурящимися глазами. Он умел хорошо и убеждающе говорить. Виктор часто видел его, когда он выступал на солдатских митингах.

Приземистый, плотный Афанасьев был моложе Семакова года на два. В противоположность веселому, добродушному Семакову Афанасьев был замкнутый человек, с хитрецой, «себе на уме». Но к дружбе с Семаковым и Виктором он тянулся.

Часто втроем они ходили в город, бывали в театре или кинематографе, посещали собрания и митинги.

Семаков очень привязался к Виктору.

— Молодой ты еще, Виктор,— говорил Семаков,— очень

молодой. Жизни не знаешь. А ведь иа вас, молодежь, сейчас и иадежда вся. Гореть иадо, а ты все киижечки читаешь да о чем-то все мечтаешь, наверио, о принцессе иноземиой... Ох, н возьмусь же я за тебя!.. Ей-богу, возьмусь!..

Семаков, как об этом узнал Виктор, состоял члеиом большевистской партии. Он много иитересиого говорил о вожде большевиков — Леиние и о его соратииках, объясиял, чего добивается эта партия. Для юиоши все, что говорил Семаков, было иово и иитересио. Виктор миого раздумывал, читал большевистскую литературу. У иего иемало возиикало вопросов, которые ои часто задавал Семакову. Тот охотио разъясиял ему.

— Иваи Гаврилович,— смущеиио обратился как-то Виктор к Семакову.— Я очеиь благодареи тебе за то, что ты помог мие миогое поиять... Я думаю, что большевистская партия стоит за иарод.

— А ты в этом сомиевался? — взгляиул Семаков иа юиошу.

— А что иужпо для того, чтобы вступить в партию?

— Очеиь иемиогое,— ответил Семаков.— Служить иароду... Ну, конечно, надо быть и подготовлеииым для вступлеиия в иее...

— Да я подготовлен! — вырвалось у Виктора.

Семаков пристальио посмотрел на юиошу.

— Ты хочешь вступить в иашу партию?

— Очень хотел бы, Иваи Гаврилович,— застеичиво проговорил Виктор.— Но меия, иаверио, ие примут...

— Почему? — удивился Семаков.

— Да, может быть, скажут — молод.

Семаков засмеялся:

— Предаииая молодежь иашей партии нужиа. Если у тебя действительно есть желаиие вступить в иее, то я помогу... Поговорю о тебе. Вот Афаиасьев тоже хочет вступить в партию...

На этом разговор закоичился.

Однажды в воскресиое утро Семаков с Афаиасьевым зашли к Виктору.

— Пойдем с иами в городской сад,— сказал ему Семаков.

— Зачем? — спросил Виктор.

— А там увидишь,— загадочио буркиул Семаков.

Виктор не стал допрашивать н последовал за своими друзьями. Придя в сад, Семаков н Афанасьев повели его в Ротонду. Виктор знал, что в этом павильоие помещались руководящие оргаиизации разных партий: большевиков, меиьшевиков, эсеров и других.

Семаков подвел Виктора к пожилому человеку с седой бородкой, в очках, сидевшему за столом.

— Товарищ Андреев,— обратился он к нему,— так вот тот пареиек, о котором я вам говорил.

— Здравствуйте, товарищ,— протянув руку Виктору, ласково сказал Андреев.— Слышал о вас от товарища Семакова. Похвально отзывается. Так что же, хотите с нами работать?

Виктор, конечно, понимал, о какой работе идет речь, а поэтому, не задумываясь, взволнованно ответил:

— Да, я хочу у вас работать.

— Нам активисты нужны,— произнес Андреев.— Каждый человек, сочувствующий нам, для нас дорог... Что же, товарищ Семаков о вас хорошего мнения. Подавайте заявление, обсудим ваш прием в партию... Вот и товарищ Афанасьев тоже вступает.

Виктор с головой окунулся в политическую работу. Они с Семаковым и Афанасьевым проводили с солдатами беседы, распространяли среди них большевистские прокламации, газету «Наше знамя», пользовавшуюся большой популярностью среди рабочих и солдат. Тираж этой газеты доходил до пятнадцати тысяч.

Семаков в большевистской организации был агитатором. Он часто выступал на митингах, горячо пропагандируя большевистские идеи, клеймя позором соглашательскую политику меньшевиков и эсеров.

Каждый раз, когда Семакову приходилось выступать на митинге, Виктор в это время с Афанасьевым стояли в толпе солдат и слушали своего друга, удивляясь его умению проникать в солдатские сердца.

Как-то Виктор сказал Семакову:

— Завидую тебе, Иван Гаврилович. Как ты увлекательно умеешь говорить. Тебя все с удовольствием слушают...

Семаков заулыбался.

— Чего ж тут мудреного? — сказал он.— Выкладывай народу все по-честному, все, что ты глубоко продумал, что прочувствовал, что тебя волнует. И получится все хорошо. Тебя поймут и будут слушать. А вот когда ты им начнешь говорить неправду, то народ тебя сразу раскусит и слушать не станет... Надо тебе, Виктор, тоже научиться выступать. Человек ты грамотный, в гимназии учился, знаешь побольше моего... Да и Афанасьеву тоже надо к этому привыкать.

Афанасьев, как и всегда, промолчал, а Виктор отмахнулся:

— Ну какой из меня оратор! Не сумею я... Однажды я так выступил среди казаков, что они меня чуть не убили. Хватит!

— Какой же из тебя будет большевик, если ты не будешь уметь выступать? — назидательно сказал Семаков.— Вот что, друг, дам-ка я тебе кое-какую литературу, а ты подготовься. На следующем митинге выступишь.

— Да ты что, Иван Гаврилович? — встревожился Виктор.

— Без всяких разговоров,— с напускной строгостью сказал Семаков.— Подготовься, и все. Я тебе подскажу, что надо говорить. Учись, дорогой, работать среди народа.

Он дал Виктору несколько брошюр. Виктор два дня трудился над составлением своего выступления, а потом показал конспект Семакову.

— Хорошо,— прочитав, сказал Семаков.— Неплохое выступление получится. Сегодня выступишь на митинге... Когда будешь выступать, говори смело, уверенно, не волнуйся... Слушатели не любят, когда оратор не уверен в себе, теряется...

Вечером в городском саду состоялся уже десятый, наверно, за день митинг. Как и всегда, выступали эсеры, большевики, меньшевики и даже кадеты.

Когда Виктор с Семаковым пришли на митинг, речь держал какой-то меньшевик. Он азартно выкрикивал о том, что сейчас-де наступил такой напряженный момент, в который все политические течения должны объединиться на платформе поддержки Донского войскового правительства. Он с яростью ругал Апрельские тезисы Ленина, глумился над решениями шестого съезда большевистской партии, нацелившего партию на вооруженное восстание.

— А ну-ка, Виктор, пойди-ка его срежь,— подтолкнул Семаков юношу.— У тебя как раз в конспекте по этому вопросу есть... Дай меньшевику по морде...

Виктор оглянул толпу. У него сжалось сердце. Разве можно выступать перед такой массой народа? Ну разве он сумеет что-нибудь путное сказать? Ведь засмеют.

Семаков куда-то исчез, но тотчас же вернулся и сказал Виктору:

— Ну, я записал тебя у председателя митинга. Сейчас тебя вызовут.

И действительно, не успел меньшевик сойти с подмостков трибуны, как председатель митинга, коренастый солдат, громко объявил:

— От большевистской организации слово имеет вольноопределяющийся Виктор Волков.

— Не робей, Витя! — шепнул юноше Семаков.

У Виктора сперло дыхание, он протиснулся сквозь жаркую, тугую толпу к трибуне, взошел на подмостки. Дрожащими руками развернул листки конспекта. Но прочесть ничего не мог, в глазах стоял туман. Он с отчаянием взглянул на толпу и увидел сотни устремленных на него выжидающих глаз. «Черт меня дернул выступать!» — подумал Виктор.

— Товарищи! — глухо сказал он.

— Не слышно-о! — заорал из толпы голос.

— Громче-е!..

— Товарищи, сейчас перед вами выступал оратор от меньшевистской организации...— слабым голосом начал Виктор.

Толпа притихла, прислушиваясь к его словам.

— Да громче же! — с раздражением закричал какой-то солдат.— По покойнику псалтырь, что ли, читаешь?

В толпе засмеялись. Виктор покрылся испариной и, повышая голос, продолжал:

— Что он говорил, этот оратор?.. К чему призывал? Он призывал к объединению вокруг атаманско-генеральской власти. А по пути ли нам, революционным рабочим и крестьянам, с атаманами? Конечно, нет!.. Тысячу раз нет!.. Чего хотят атаманы и генералы? Хотят они власти над нами, диктатуры. Они хотят продолжения войны. Хотят нашей крови!..

Виктор заметил, что его внимательно слушают. Это его ободрило. И он, уже не чувствуя никакого смущения и неловкости, совершенно почти не заглядывая в конспект, говорил:

— Товарищи солдаты! Надвигается четвертая военная зима. Разве ваше сердце не содрогается при приближении ее?.. Эта четвертая страшная военная зима принесет гибель нашей армии, гибель нашей стране. А контрреволюционерам всех оттенков и мастей этого и надо. На бедствии народа они будут наживаться. Им только и надо, чтобы прибрать нас к рукам... Народ должен быть спасен от гибели. Революция должна быть доведена до конца. Власть должна быть вырвана из преступных рук буржуазии и передана в честные, трудовые руки организованных рабочих, солдат и революционных крестьян...

— Вот чешет-то, проклятый! — в восхищении воскликнул какой-то тщедушный солдат.

— Не перебивай, олух! — оборвал его восторг второй, рядом стоявший солдат.

— Товарищи,— с воодушевлением продолжал Виктор.— Уже сейчас контрреволюция начинает поднимать голову. Помещики и чиновники при помощи карательных экспедиций громят отчаявшееся крестьянство. Фабриканты хотят голодом смирить рабочих и закрывают заводы и фабрики. Буржуазия и генералы требуют применения беспощадных мер для восстановления в армии слепой дисциплины. Корниловщина не дремлет. Она деятельно готовится задушить революцию. А правительство Керенского не хочет этого видеть, потому что оно против рабочих, солдат, казаков и крестьян. Это правительство продалось крупной буржуазии и сознательно губит страну...

— Истинный бог, правда! — восторженно замотал головой тщедушный солдат.— Вот говорок, так говорок, ажно за душу берет...

— Да слухай ты, земляк,— сердито сказал ему все тот же рядом стоявший солдат.— Чего перебиваешь?.. Ежели есть охота, то возьми да и сам выступи...

Окружавшие солдаты засмеялись:

— В самом деле, выступи-ка, Иван.

— А что ж,— задетый за живое, решительно заявил солдат.— И выступлю. Не побоюсь... Истинный бог, могу выступить и сказать.

— Выступи,— подзадоривали солдаты.

— Мы,— распаленно кричал с трибуны Виктор,— требуем передачи всей власти Советам, как в центре, так и на местах! Мы требуем немедленного перемирия на всех фронтах!.. Требуем честного демократического мира народам!.. Мы требуем передачи помещичьей земли без выкупа крестьянам!.. Требуем установления рабочего контроля над производством!.. Долой проклятую войну!.. Да здравствует честно созванное Учредительное собрание!..

Толпа разразилась шумными криками, аплодисментами:

— Браво!.. Правильно!.. Правду сказал!..

Виктор сошел с трибуны покрасневший от возбуждения, улыбающийся. Его окружили солдаты. Жали ему руки, благодарили, смеялись:

— Молодец, вольноопределяющийся!

— Правду урезал!

— Здорово ты их прокатил!..

Виктор пошел разыскивать Семакова и Афанасьева. Но они куда-то исчезли. Сумеречные тени ложились по аллеям. Вспыхнули фонари. Сад заполнялся гуляющими парами. Где-то настраивали музыкальные инструменты.

Не найдя Семакова и Афанасьева, Виктор присел на скамью. К нему подошла Вера. Она была нарядна, и от нее пахло духами.

— Витенька, милый,— зашептала она, прижимаясь к нему.— Ты сегодня очаровательный. Я немного слушала тебя и была в восхищении. Я даже и не представляла себе, что ты такой прекрасный оратор. Как тебе бурно аплодировали!.. Знаешь что,— оглянувшись, сказала она.— Я здесь со знакомыми... На минутку убежала от них... Завтра я уезжаю в Новочеркасск. Приходи сегодня, сейчас, прощаться со мной... Я сейчас пойду домой, приходи и ты. Я тебя хочу очень видеть,— схватила она его за руку.

Он освободил руку и сухо сказал:

— Вера Сергеевна, я очень сожалею о том, что произошло в тот вечер. Проклинаю себя, но я так был пьян... Я вас прошу, давайте все это забудем. Мне стыдно взглянуть в глаза Константину... Марине... Какая грязь!..

— Ах, вот как! — как ужаленная, подскочила она и холодно, отчужденно взглянула на него.— Так ты считаешь, что это была грязь?

— Да,— опустив глаза, сказал он тихо.

Вера желчно рассмеялась:

— Значит, ты мою к тебе привязанность считаешь грязью?

— Отстаньте от меня! — выкрикнул Виктор.— Зачем я вам?.. У вас столько поклонников.

— Ну, хорошо,— вставая, угрожающе сказала она.— Я тебе все это припомню. Припомню!.. А о Марине ты брось мечтать. Тебе ее никогда не видеть, как своих ушей.

И она исчезла в толпе гуляющих.

— Сидишь, крестник? — услышал Виктор веселый голос Семакова.

— Куда же вы запропастились, Иван Гаврилович? — обрадовался он.— Я вас везде искал.

— А мы тебя тоже искали,— сказал Афанасьев.— А потом вот увидели тебя с хорошенькой дамочкой и решили не мешать... Хороша!.. Ей-богу, хороша!.. Что это она от тебя так быстро ушла?

Виктор вздохнул и ничего не ответил.

— А ты, крестник, молодец!.. Честное слово, молодец! — заговорил оживленно Семаков.— Добрую речугу закатил. Смотри, как солдаты-то слушали. Так и надо. Это тебе, брат, экзамен. Попрошу, чтобы тебя зачислили агитатором... Откровенно говоря, я вначале побаивался за тебя. Думаю, молодой, зеленый, оробеет, запнется, ну начнут гоготать солдаты. А это — хуже смерти... А ты оказался молодчагой...

XII

Произошла Октябрьская революция. Народ вырвал из рук буржуазии власть и передал ее рабоче-крестьянскому правительству.

«Долой войну!», «Да здравствует мир!» — с этими лозунгами солдатские массы разъезжались с фронтов по домам.

В январе 1918 года ехал к себе, в Платовскую станицу, и Буденный Семен.

Лежа в вагоне на верхней полке, он за долгую дорогу о многом передумал. Вспомнил и свою безотрадную жизнь с малых лет.

Дед Семена — Иван Буденный, забитый нуждой крестьянин одной небольшой деревеньки Бирюченского уезда Воронежской губернии, вскоре после отмены крепостного права, прослышав про богатую, хлеборобную Донщину, увязал свой несложный домашний скарб, забрал семью и тронулся в далекий путь искать счастья.

Шли долго и трудно, и чем дальше продвигалась семья Буденных в глубь Донской области, тем краше и соблазнительнее становились картины степного простора. Как море, колыхались, переливаясь волной на ветру, сочные изумрудные травы, посеребренные ковылем. Огоньками мерцали яркие степные цветы. Тучные колосья пшеницы звенели ядреным зерном. Богатые хутора залегали в прохладных левадах и займищах.

— Ну и раздолье ж! — в восхищении оглядываясь, смеялся дед Иван.— Красота райская!.. Заживем мы тут! — ободрил он приунывшую от чрезмерной устали семью, бредшую по степным дорогам.— Тут не земля,— ковырял он палкой чернозем,—

а прямь жир настоящий. Только надобно труд свой приложить наилучше, а то будем жить, как добрые люди... Хе-хе!..

Но часто предположения человека не сбываются. Действительность коварно подводит наивных мечтателей.

Вместо того чтобы обзавестись своим хозяйством, о чем так сладостно мечтал дед Иван, пришлось ему с первых же дней своего пребывания в обетованном крае наняться в слободе Большой Орловке батраком к купцу Шапошникову. Купец определил деда Ивана рабочим на свою мельницу, а жену его послал на скотный двор.

Дед Иван, чтоб не избаловался его маленький сынишка Мишутка, пристроил его к пастуху в подпаски.

В Большой Орловке жили подряд много лет, пока не подрос Михаил. Был он красивый, крепкий парень. Его приметили. Крестьянин Никита Бондарев посватал его в зятья за свою дочь Меланью. Буденные не отказались от такого предложения. Сыграли свадьбу, и зажил Михаил с женой своей у тестя, занимаясь с ним землепашеством.

Вскоре умерли родители Михаила, а потом похоронили и родителей жены. Наследства он никакого не получил. Об обзаведении своим собственным хозяйством нечего было и думать.

Пришлось Михаилу, по примеру своего отца, идти с поклоном к купцу Шапошникову, просить, чтоб взял батраком к себе. Купец не отказал и нанял его пастухом своего стада.

Жилось плохо, едва прокармливал себя с женой Михаил. А тут, словно на грех, стали один за другим родиться дети: Гриша, Сема, Емельян, Денис, Леонид и еще, и еще...

— Ой, боже мой! — в отчаянии хваталась за голову Меланья.— Ну, что делать с такой оравой?.. Как их всех прокормить?..

— Ничего,— весело говорил Михаил, любовно оглядывая свое буйное крикливое племя.— Прокормим, Малаша. Лишь бы бог здоровья дал. Вырастут — помощники будут... Да с этакими-то орлами я себе хоромы настоящие выстрою, хозяйство какое заведу. Эхма! Не гневи бога, Меланья, подожди немного. Заживем и мы со своими сынами не хуже других...

Вскоре Михаил Иванович убедился, что, живя у скряги купца Шапошникова, зарабатывая у него грошн, трудно прокормить многочисленную семью. И он рассчитался с Шапошниковым, переехал на жительство в хутор Козюрин.

Но в Козюрине тоже оказалось нелегко жить. Определил Михаил Иванович подросших сыновей Григория и Семена в батраки, а сам нанялся в работники к местному помещику...

...Погромыхивая колесами, поезд все ближе и ближе подвозил Семена к родным местам. И сколько за дорогу передумал дум он...

Да, вот она вся его жизнь, как на ладони. Вся она прошла

в нужде да тяжком труде. Много за жизнь пришлось горя испытать.

Всю свою жизнь дед с отцом, из сил выбиваясь, натужно работали, стремились скопить немного денег, завести свое хозяйство, хотелось им пожить немного по-человечески. Но это была только мечта.

«Нет,— думает Семен.— Так больше нельзя жить. Вырву я семью из вечной нищеты и нужды. Довольно! Хватит батрачить, богачам богатство наживать...»

...Чего только не пришлось испытать Семену в жизни своей... Был пастухом, батрачил у кулаков, работал в кузне молотобойцем у купца Яцкина, ремонтировал у него плуги, сеялки, косилки. Приходилось быть и кучером, возя Яцкина по кабакам. Много лет проработал у коннозаводчиков Кубракова, Янова, Пешванова, Королькова и Супрунова, выезжая у них лошадей-неуков.

А потом военная служба в кавалерии. Участвовал в войне с японцами. Десять лет, как один день, прошли в трудной солдатской жизни.

Только около четырех месяцев пробыл Семен дома, как вспыхнула война с Германией. Пришлось снова идти в полк...

«Ну, теперь уж хватит,— думал Семен.— Отвоевался. Нужно мирной жизнью пожить. Шутка ли, пятнадцать лет на военной службе. Пожалуй, и от работы отучился уже...»

XIII

Родные, извещенные телеграммой, уже поджидали приезда служивого.

Едва Семен переступил порог родной хаты, как сейчас же со всей станицы сбежались многочисленные родственники.

Служивого, как самого дорогого, почетного гостя, усадили в передний угол, под образа. На стол выставили угощения. Родственники расселись вокруг него, и началась гульба.

Гуляли шумно. Меланья Никитична вынула из сундука бережно хранимую там сыновью двухрядку и передала ему.

— Ну-ка, Сема, поиграй гостям. Не забыл ли, сынок?

— Нет, мама,— улыбнулся Семен.— Такое никогда не забудется. Да и на фронте доводилось поиграть иной раз.

Он заправил ремень за плечо, раза два рванул мехами, пробуя — не рассохлась ли. А потом, лукаво подмигнув смущающейся девушке, пробежал пальцами по перламутровым ладам. Низкая хата наполнилась звонкой, веселой мелодией. Буденный был искусный гармонист, играл еще в юности. Когда был парнем, то, бывало, ни одна казачья свадьба или крестины без него не обходились. Всюду был желанным гостем.

— А ну-ка, бабоньки,— кивнул он двум молодым женщинам, сидевшим на лавке и не спускавшим с него глаз,— пойдите-ка, попляшите.

Те будто только того и ждали. Замахав белыми кружевными платочками, они закружились по хате, выбивая каблуками дробь на земляном полу.

— Мой миленок темноус,— запела одна из них, высокая, пригожая, черноокая женщина, улыбчиво поглядывая на служивого.

— А я его не боюсь,— тоненько закончила вторая, бросаясь вприсядку.— Ух, ты!..

Семен усмехнулся.

— Ух и бабы! — покачал он головой.— Боевые.

К нему подсел тщедушный пьяный старичок, дальний родственник, дед Трифон.

— Гляжу я на тебя, Семен,— пьяно загнусавил он,— ну, якій же ты, к чертям, служивый, а?.. Ни погонов у тебя нема на плечах, ни крестов-медалей на грудях... Ну, разве ж так положено служивому?.. Ведь я слыхав, будто ты бантист... четыре креста да четыре медали имеешь... И будто чин у тебя немалый — старший унтер-офицер... А ничего того не бачим у тебя. Куда ты свои заслуги подевал, а? Як кочет общипаный сидишь... Тьфу, прости меня, господи! Вот так надысь и мой Мишка со службы пришел, гол, як сокол... Ни погонов на нем нема, ни заслуг... Прямо-таки срамота глядеть. Кажу ему: «Мишка, сгинь с моих очей... Зрить не могу такого. Иде, говорю, подевал свои погоны и заслуги?» А вин нет, щоб утешить мое родительское сердце, смеется, проклятущий: «Батя, каже, все свои заслуги я, мол, в посылочку запаковал да царю на память отослал...» Вот и пойми его: чи смеется, чи правду балакае... Я так розумию, Семен, що вы с моим Мишкой — сукины сыны... Продались вы не за понюх табаку лешему на рога...

— Дядя Трифон,— таинственно прошептал Буденный на ухо старику,— чего тужить о царских погонах да крестах! Ты знаешь, какие теперь при Советской-то власти нам погоны да заслуги дадут?..

— Ни! — пьяно моргая, уставился на него старик.— Якие же, Семен, а?..

— Золотые...— смеясь, сказал Буденный.— Обсыпанные драгоценными каменьями. Вот это будут погоны! А медали знаешь будут какие?

— Якие?

— Золотые, вот с эту тарелку.

— А не брешешь, Семен?

— Правду говорю.

— Вот це правильно,— обрадовался старик.— Повесил ее одну на грудь и всю пузу прикрыл... Кум Леон! — заплетаясь

ногами, побежал старик сообщнть куму новость.— Слышишь, що Семен-то каже?..

На второй день утром Семен вышел во двор. Ночью выпал мягкий, пушистый снег. От яркости снега ломило глаза. Буденный стал бродить по двору, вннмательно заглядывая в каждый закуток, в каждый сарайчик. И все-то здесь, на что бы он ни натыкался, было до того обветшалое и непрочное, что, кажись, дунь на все эти строения — и они рухнут. Семен укоризненно покачал головой.

К нему подошел отец, Михаил Иванович, еще крепкнй, кряжнстый старик.

— Чего, Сема, бродишь по базу-то? Взял бы ружьншко да пошел за зайцем погонял. Зараз охота-то — прям красота!.. Пороша-то, глянь, яка!

— Не хочу,— отозвался Семен.— Что вы тут, папаша, плохо хозяевалн?.. Неужели вы добрых сараев не могли поставить?

Отец изумленно посмотрел на сына:

— А на шута оно все это сдалось? Ныне времечко такое — абы день прошел, а завтра, що бог даст... Сколько годов война шла, а зараз революция началась...

— А разве это вам помеха? Удивляюсь я вам, всю-то жнзнь вы с дедом нмели стремленне на свои собственные ноги стать. А теперь вроде у вас и всякое желание к этому отпало. А ведь сейчас-то, когда провозглашена Советская власть, вам самый бы раз об этом подумать: сыновья подросли, да и сам еще крепкнй. Неужто, папаша, вам не надоело самому батраком у кулаков жить и детей своих батраками видеть?..

Слушая сына, отец виновато теребил бороду.

— Да это ты правду кажешь,— проговорнл он.— Сыновья-то есть у меня, а где они были?.. Ты уже пятнадцать годов на военной службе служишь, а Григорий совсем отбился от двора. Куда-то уехал и не пншет... Емельян же с Денисской еще малы былн. А потом их на войну тоже забрали... Вот и выходнт, что я один, как перст... А мне одному не под силу это дело. Да и зачем все это нам?..

— Нет, отец,— решительно заявил Семен.— Так нельзя рассуждать. Теперь времена переменились, н мы по-новому заживем. Вот установилась Советская власть, она нам поможет на ногн встать.

— Дай бог,— вздохнул отец и перекрестнлся.

— Все дело в том, батя,— ласково похлопал Семен по плечу старнка,— надо скорее установнть в нашей станице Советскую власть. А то до сих пор атаманнт богач Докучанов. При нем, конечно, на ноги не станешь. Вот свергнем атамана, нзберем Совет рабочих, крестьянских и казачьих депутатов, отберем у кулаков землю и разделим между бедняками. Вот тогда будем трудиться н по-человечески жить... Хату новую поставим, ребят своих женим, внуков будете пестовать...

— Ты прям сказки балакаешь, сынок,— засмеялся Михаил Иванович.— Разве ж они отдадут нам землю? Да ни в жисть они того не сделают... В кровь по колено станут...

— Заставим отдать, отец,— убежденно сказал Семен.— Советская власть заставит.

— Дал бы бог! — снова набожно перекрестился старик. О чем-то подумав, он с опаской взглянул на сына: — Сынок, а ты, того, сам-то не большевик ли?

— Большевик,— подтвердил Семен.— А ты их боишься, отец?

— Да не то, что боюсь,— замялся старик.— Чего их бояться? Небось люди... Только вот разговор-то по станице промеж казаков ходит нехороший о большевиках... Вроде они грабители, воры...

— Врут, папаша. Не верьте им. Большевики — самые честные и справедливые люди. Они блага трудовому народу желают добиться. Конечно, богатым казакам они не нравятся. Боятся, как бы в их закрома не залезли да бедноте не раздали их добро... Не слушайте их, отец.

— Да я и так не особенно-то прислушиваюсь к их брехне.

В Платовской Буденный убедился, что не только в этой станице, но и во всем Сальском округе население никакого понятия о Советской власти не имеет. Всюду было засилие контрреволюции, по хуторам и станицам у власти находились атаманы.

Буденный решил объединить вокруг себя революционно настроенных фронтовиков и с их помощью установить в своей станице Советскую власть.

Как-то он встретил на улице своего приятеля, калмыка Оку Городовикова, также только что пришедшего с фронта. Городовиков был настроен большевистски. Буденный об этом знал.

— Ну что, Ока, будем делать? — спросил у него Буденный.— Надо, брат, в нашей станице революцию совершить. Тут о Советской власти и понятия-то никакого не имеют...

— Атамана надо прогнать, а ревком выбрать,— сказал Городовиков.

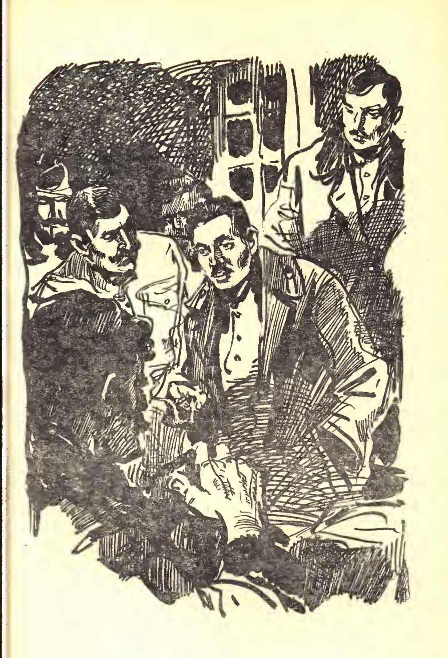
— Правильно говоришь,— согласился Буденный.— Но вдвоем мы с тобой ничего не сделаем.

— Зачем вдвоем? — сказал Городовиков.— Людей у нас много хороших, помогут...

— Ока,—положил руку на его плечо Буденный,— вот что, дорогой, надо действовать. Приходи ко мне сегодня вечерком и приводи своих надежных калмыков. Я тоже кое-кому скажу из русских ребят. Соберемся — потолкуем.

— Ладно,— сказал Городовиков.— Придем.

Вечером маленькая хата Буденных заполнилась людьми. Пришел сослуживец Семена Буденного по драгунскому полку,



бравый унтер-офицер Никифоров, пришли бондарь Сорокин и столяр Сердечный. Городовиков привел двух калмыков: молодого парня, студента ветеринарного института Адучинова и щеголеватого фронтовика Ергенова.

Буденный знал Ергенова. Это был довольно культурный человек, а главное, авторитетный среди калмыков. Привлечение его к революционной деятельности было желательным.

Буденный сразу приступил к делу:

— Друзья, долго нам нечего разговаривать. Дело ясное. По всей России провозглашена Советская власть, только вот в нашей станице о ней ничего не знают. По-прежнему атаман сидит, властвует... Надо с этим делом покончить: атамана прогнать, а революционную власть выбрать...

— Правильно,— кивнул головой Городовиков.— Выберем ревком.

— Зачем один ревком?— пожал плечами Ергенов.— Два ревкома надо: один русский ревком — русский человек туда пошел решать дела; другой ревком для калмыцкий народ надо. Калмык туда будет ходить решать свое дело... Так мы понимаем...

— Хорошо говоришь,— одобрительно закивал Адучинов.— О, как правильно говоришь. Два ревкома надо. Один ревком русский люди нужен, другой ревком — калмыцкий человек сидеть будет.

Городовиков возмутился:

— Да вы что? Зачем нам два ревкома? Один ревком надо и для русских и для калмыков. Изберем в него половину и от русского населения и от калмыцкого.

— Нет, надо два,— твердили Ергенов и Адучинов.

Упрямых калмыков пробовали убеждать Буденный, Никифоров и Сердечный, доказывая, что в одном населенном пункте не могут работать одновременно два ревкома, выполняя одни и те же функции. Но ничто не помогало. Калмыки упорно настаивали на своем:

— Два ревкома. Два.

Пришлось временно согласиться с созданием двух ревкомов: одного — калмыцкого, другого — русского.

С большим трудом ревкомы были созданы. По существу это было двоевластием. Но в станице существовала и третья власть — станичный атаман калмык Докучанов. У революционных фронтовиков еще не хватало сил и смелости его изгнать. Атаман имел крепкую опору за своей спиной в зажиточных казаках и калмыках.

Посоветовавшись со своими друзьями, Буденный решил созвать станичный съезд фронтовиков, надеясь при помощи его покончить с многовластием в станице. Перед созывом съезда Буденный со своими товарищами провел по хуторам разъяснительную работу о Советской власти. Он умел говорить, и фрон-

товики слушали его внимательио, одобрительио хлопая в ладоши.

В первых числах февраля в стаиицу Платовскую съехались иа съезд фроитовики, в большинстве калмыки. Председательствовал Бузеиный. Докладчиком выступал Ока Городовиков.

— Товарищи фроитовики,— говорил он пылко,— иельзя так дальше жить и работать. Стаиица разделилась иа две половииы: иа калмыков и русских. У каждой половииы свой ревком. Калмыки живут своими интересами, русские — своими. А всеми делами правит по-прежиему стаиичный атамаи. Надо иам, калмыкам, объедииться с русскими солдатами и казачьей бедиотой и слить иаши ревкомы в один ревком. Тогда иам будет легче бороться с богачами и атамаиом...

Подиялся шум. Калмыки заспорили между собой. Среди споривших калмыков зашиыряли богатеи во главе с коииозаводчиком Абуше Саркисовым.

— Нельзя объедиияться с русскими...— шептали оии.— Нельзя! Мы, калмыки, своими делами сами будем заниматься... Нечего русским лезть в иаши дела.

Авторитет богатеев среди калмыков был велик, их слушались, и предложеиие Городовикова было провалеио.

— Плохо ты, Ока, провел работу среди своих калмыков,— укоризиеиио сказал Городовикову Будеииый.

— Что поделать? — сокрушеиио развел руками Городовиков.— Я так ие предполагал. Калмыки-фроитовики обещали поддержать меия и вот... подмаиули... Все дело в этом проклятом Абуше Саркисове... Его калмыки боятся как огия...

— Зачем вы его иа съезд приглашали?

— Никто его не приглашал. Ведь ои же фроитовик. Теперь я буду умиее, через калмыцкий ревком мы проведем решеиие арестовать всех богачей, а в первую очередь Абуше Саркисова.

— Делай, Ока, быстрее,— сказал Будеииый.— Поговори с фроитовиками по душам.

На заседаиии калмыцкого ревкома Городовикову удалось уговорить члеиов ревкома выиести решеиие об аресте калмыцких богачей.

Но иашлись привержеицы богачей, которые тотчас же сообщили Саркисову и другим о решеиии ревкома. Те бежали в Новочеркасск.

Узиав о побеге богачей, Городовиков сиова созвал калмыцкий ревком, иа заседаиие которого был приглашеи Будеииый. Заседаиие проходило бурио. Калмыки ругались до хрипоты, чуть ие подрались. Но все же по иастояиию Будеииого и Городовикова большиИство постаиовило объедииить в одии общий калмыцкий и русский ревкомы и в ближайшее же время выбрать местиый стаиичный Совет по шесть депутатов от русского и калмыцкого иаселеиия.

После заседания Буденный сказал Городовикову:

— Это дело нечего откладывать в долгий ящик. Давай соберем сход. Я сейчас пошлю звонить на колокольню.

Минут через десять с колокольни стали падать гудящие удары набата. Впервые за всю историю существования станицы Платовской на сход к правлению собрались вместе казаки, иногородние и калмыки. До этого все дела каждой частью населения решались отдельно.

— Граждане! — выступил перед собравшимися Буденный.— До сего времени в нашей станице существовало двоевластие: с одной стороны — революционные комитеты, с другой — атаман Докучаев. Сегодня мы с вами должны решительно заявить, что атаманской власти пришел конец. Управлять нами будет наша рабоче-крестьянская Советская власть. Казачья и калмыцкая беднота и иногородние должны создать Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов...

Прорвался гул голосов:

— В добрый час!.. Давай Совет!..

— К дьяволу Совет!.. Оставить атамана!..

— Выбираем Совет!..

— Не надо Совет!.. Давай атамана!..

— Молчи, мужлан!.. В морду дам!..

— Сдачу получишь, чига востропузая... Старорежимник проклятый!..

Страсти разгорались. Сходка разделилась на две враждующие стороны. Зажиточные казаки и калмыки требовали оставления у власти атамана, иногородние же и казачье-калмыцкая беднота настаивали избрать Совет.

Буденный, стоя на крыльце правления, руководил собранием. Один за другим выступали ораторы с той и другой стороны, доказывая свое. Спорили долго и жарко.

— Постой! Постой! — размахивая руками и пробираясь к крыльцу, стараясь перекричать всех, завопил жирный бакша Буренов.— Зачем зря кричал?.. Послюшай, что моя будет говорить... Послюшай, пожалуйста!..

Буденный предоставил ему слово.

— Зря ты ему разрешил говорить,— сердито сказал Городовиков.— Это ж калмыцкий поп.

— Ничего, пусть поговорит,— усмехнулся Буденный,— а потом мы его срежем...

Увидев на крыльце своего священнослужителя, калмыки почтительно замолкли. Затихли и остальные, прислушиваясь к звонкому голосу бакши.

— Я — калмык,— ткнул пальцем себя в грудь бакша.— Ты — солдат,— ткнул он в Буденного.— Он — казак,— указал бакша на выставившего седую бороду старика.— Я — хорош, ты — хорош, он — хорош. Все хорошие. Ой, какие хорошие!.. Ты Совет хочешь, он Совет хочет, я Совет не хочу. Ты, он —

вас много, а я — один калмык! Совет будет. Ну пусть, ладно, пусть будет Совет... Ставь магарыч калмыцкому народу.

— Это за что ж? — удивился такому обороту дела Буденный.

— А все равно Советская власть будет, покупай магарыч, будем пить водка... Весело будет, гулять будут калмыцкие люди.

Слыша такую речь бакши, калмыки одобрительно закивали головами.

— Правду бакша сказал... Правду... Ставь магарыч...

— Ну уж нет, — решительно возразил Буденный. — За магарыч Советскую власть у вас покупать не будем. Мы ее сейчас выберем без всякого магарыча. Товарищи, давайте приступим к делу, выберем депутатов в станичный Совет... Шесть человек от русского — иногороднего и казачьего населения — и шесть от калмыков.

Все согласились. Тут же состоялись выборы в Платовский станичный Совет. В числе избранных оказались и Семен Буденный с Городовиковым. Председателем Совета избрали бондаря Сорокина.

Таким образом, в Платовской станице, первой станице из всего Сальского округа, установилась Советская власть.

На другой день после выборов станичный Совет приступил к организации красногвардейского отряда. Командиром отряда был назначен Никифоров.

Вскоре стало известно, что в окружной станице Великокняжеской установилась Советская власть. По инициативе большевистской организации там на 15 февраля был назначен первый окружной съезд Советов. От иногороднего населения станицы Платовской на этот съезд был избран Семен Буденный, от калмыцкого — Ергенов.

XIV

Столицей войска Донского до начала XIX века была станица Черкасская, ныне называемая Старочеркасской.

Теперь эта древняя, бывшая столица казачества известна разве тем, что в стену великолепного собора-крепости ввинчены, как память о былом, ржавые цепи, которыми по приказу атамана Корнилия Яковлева был скован Степан Разин перед отправкой на казнь в Москву, или старинным домом, в котором застрелился вождь казацко-крестьянского восстания начала XVIII века Кондрат Булавин, преданный своими соратниками Ильей Зерщаковым и Тимофеем Соколовым.

Знаменитый герой Отечественной войны 1812 года Платов, или «Вихрь-атаман», как его образно назвал поэт Жуковский, основал близ небольшой речушки Тузловки новую столицу на Черкасских горах — Новый Черкасск. За сто с лишним лет Но-

вочеркасск бурно разросся, украсился большими каменными домами и парками. На центральной Соборной площади возвысился строившийся в течение века кафедральный собор.

Основной частью населения Новочеркасска были отставные генералы, полковники, войсковые старшины, чиновники войскового правления да купцы. Жили они в добротных домах, сыто, лениво, обзаведясь кругом знакомых, погрязнув в сплетнях, в мелочных интригах...

Но теперь все вдруг изменилось. Новочеркасск зашумел, он стал гнездом контрреволюции.

С каждым днем все больше и больше прибывало сюда народу с Севера. Везде, где только можно было найти приют: гостиницы, частные квартиры, общежития учебных заведений, казармы и даже некоторые помещения больниц и госпиталей — все было забито приезжими.

И вскоре в Новочеркасске за бешеные деньги нельзя было найти угла для ночлега.

Каждое утро на рынок налетала толпа приезжих и, как орда монголов, опустошала его.

Рабочие и ремесленники чуть не плача жаловались друг другу:

— Понаехали к нам буржуи проклятые, через них теперь хоть с голоду подыхай. Цены на рынке в десять раз поднялись.

С утра до поздней ночи улицы города кишели праздной толпой. Со скучающим видом бездельников взад-вперед бродили какие-то дородные мужчины в дорогих шубах, дамы в меховых манто, малиново звенели шпоры оказавшихся не у дел гвардейских офицеров.

По мостовой гарцевали всадники в лихо сбитых набекрень папахах, гремели пролетки с седоками, маршировали гимназисты с винтовками.

Мальчишки с кипами свежих газет носились среди гулявшей публики, пронзительно крича:

— «Донские ведомости»!.. «Донские ведомости»!..

Газеты расхватывались мгновенно. Какого-нибудь счастливца, сумевшего добыть газету, просили почитать ее вслух. Вокруг такого чтеца образовывалась толпа. Новости перелетали из уст в уста.

— «Приехавший из Германии в запломбированном вагоне Ленин, пользуясь поддержкой черни, захватил власть в Петрограде»,— вычитывал из газеты чтец.

— Ой, боже!..— раздавались стоны вокруг.— Что с Россией станет?.. Пропала, пропа-ала матушка...

— Что там еще? Читайте!

— Евреи переносят свою столицу из Иерусалима в Москву...

— Матерь божья! — крестились старые барыни.— Еврейское нашествие... Нашествие...

— Значит, как говорят, Бронштейн теперь будет царем, а Цедербаум — его заместителем... вроде принца...

— А вы слышали, господа? — с видом человека, осведомленного во всем, изрекал толстяк в енотовой шубе.

— Что такое, Иван Иванович? — с ужасом спрашивала побледневшая дама в котиковом манто и с причудливым пером на модной шляпке.— Что еще?..

— В Ростове началась война между большевиками и казаками.

Толпа обступала Ивана Ивановича, жадно прислушиваясь к его словам.

— В Таганроге произошло восстание большевиков,— продолжал Иван Иванович,— и отряду полковника Назарова пришлось отступить. Слышал из достоверных источников, что в Ростове арестован генерал Потоцкий и много других офицеров... Казачий отряд разоружен.

— О господи! — слышались вокруг печальные восклицания.— Боже, упаси нас!.. Ведь если это так будет продолжаться, то и мы здесь, в Новочеркасске, не уцелеем...

Иногда Константин Ермаков, проходя по улице, бывал свидетелем таких разговоров. Он протискивался в середину толпы и с возмущением говорил:

— Как не стыдно, господа, говорить вам такие вещи?.. Это ж провокация!.. Зачем без всяких на то оснований разводить панику?.. За это по головке не погладят. Вон посмотрите на молодежь,— указывал он на марширующих гимназистов.— С них вам надо пример брать. Молодежь наша на высоте понимания своего гражданского долга, на высоте понимания момента. Она не хнычет, господа, как вы, а горит неугасимым огнем негодования против насильников и убийц. Вы вот, уважаемый,— указывал он на струсившего Ивана Ивановича,— говорите о том, что там-то большевики восстали, а в другом месте обезоружили казаков. А вы не хотите видеть, что творится, простите, под вашим носом... Смотрите, как учащаяся молодежь вооружается,— снова махнул он рукой в сторону уходивших в строю гимназистов,— она создает партизанские отряды... А вы знаете что-нибудь о есауле Чернецове?.. Жаль, что вы плохо знаете этого доблестного донского орла. Скоро о нем слава прогремит по всему Дону... Он уже сформировал отряд добровольцев и успешно громит большевиков. А мы разве сложа руки сидим?.. У нас тоже есть силы, и мы тоже действуем...

Пылкая речь офицера, затянутого в ремни, с шашкой и револьвером по бокам, производила на толпу ободряющее впечатление. Все оживлялись и начинали говорить о том, что действительно не все еще потеряно и надежд на благоприятное будущее много.

Константин, как только его отозвали в Новочеркасск, горел

энергией Он в числе немногих был верной и надежной опорой атамана Каледина. Где только требовалась вооруженная сила, где только нужно было силой оружия подавить брожение против атаманской власти, туда посылался Константин со своей сотней. Правда, в его сотне за последнее время осталось всего человек двадцать пять. Другие разъехались по домам.

Уже несколько раз Константину пришлось участвовать в операциях по борьбе с большевиками. Особенно он гордился тем, что ему со своими казаками вместе с юнкерами и добровольцами — гимназистами и реалистами — удалось разоружить стоявшие в Хотунке большевистски настроенные 272-й и 273-й пехотные запасные полки.

За эту операцию сам Каледин торжественно пожал руку Константину и пожаловал его чином войскового старшины.

Константин ликовал: ведь чем черт не шутит, если все так удачно пойдет и не будет потеряно расположение атамана Каледина, то, пожалуй, можно на свои плечи нашить и погоны полковника. А там, быть может... Впрочем, рано об этом загадывать...

В это время из Советской России в Новочеркасск сбежал престарелый генерал Алексеев. Проезжая со станции в экипаже мимо кафедрального златоглавого собора, генерал набожно перекрестился и сказал:

— Ну, господи, благослови начать благородное дело освобождения России от смутьянов.

С разрешения Каледина старый генерал поселился в помещении бывшего лазарета и начал вербовать офицеров в свой добровольческий отряд. Вначале дела с вербовкой добровольцев подвигались туго. Офицеры к Алексееву не шли. Видимо, в способность дряхлого генерала сплотить вокруг себя надежные кадры не верили.

6 декабря неожиданно в Новочеркасске появился Корнилов, бежавший вместе со своей стражей — текинцами — из Быхова. А вслед за Корниловым появились и Деникин, Лукомский, Марков, Эрдели, Кисляков, Эльснер и Романовский. Это были боевые генералы-авторитеты. В них верили.

Хотя весь этот генералитет и жил в Новочеркасске скрытно, но весть о нем облетела город. И все знали, что генералы эти приехали на Дон не для того, чтобы отдыхать.

Обрадованный столь неожиданным прибытием Корнилова в Новочеркасск, Алексеев, который ценил его, как волевого, энергичного человека, тотчас же передал ему руководство организацией Добровольческой армии. И сразу же, как только это стало известно, приток добровольцев в отряд возрос.

Теперь уже официально было сообщено, что формируется не какой-нибудь отряд, а настоящая Добровольческая армия.

Был создан штаб армии. Выделены воинские части: Георгиевский полк, офицерский батальон, юнкерский полк, кавале-

рийский отряд, Корниловский полк и артиллерийский дивизион.

Пушки и винтовки для вооружения создаваемой армии выкрали у воинских частей, пришедших с германского фронта и еще не расформированных.

Когда Корнилов почувствовал, что у него есть какая-то сила, на которую можно опереться, он 27 декабря официально через газеты объявил о существовании Добровольческой армии, в задачу которой входило: верность союзникам, единство и целостность России, борьба с большевиками и водворение порядка в России.

Не сумев договориться с Калединым об общих планах борьбы с большевиками, рассерженный Корнилов в первой половине января перевел свои полки в Ростов.

XV

По распоряжению войскового атамана Каледина на Дон стягивались казачьи полки. Атаман хотел использовать их в борьбе против Советской России. Уже прибыли и расквартировались по линии Новочеркасск — Чертково: лейб-гвардейский донской казачий, лейб-атаманский гвардейский и десять армейских казачьих полков, 14-я отдельная казачья сотия, каменская местная команда, 6-я донская казачья лейб-гвардейская и четыре армейские донские казачьи батареи.

Настроения в этих воинских частях были самые различные. Нашлись и ярые приверженцы Каледина и противники его, и большевики и сочувствующие им. Но основная масса казаков не хотела выступать ни за Каледина, ни за большевиков. Им хотелось скорее вырваться из полков и разъехаться по домам...

Все это учитывалось большевиками. И вот по инициативе их 10 января 1918 года в станице Каменской был созван съезд казаков-фронтовиков, который должен был определить отношение казачества к атаману Каледину и большевикам.

Вечером большой зал каменного двухклассного училища был забит делегатами от полков, сотен и батарей. Немало пришло на съезд и местных жителей послушать, о чем будут говорить фронтовики.

По поручению партийной организации на съезд пришел и проживавший в Каменской, недавно вернувшийся с фронта, старый большевик Щаденко. Приехала делегация с соседних рудников.

В зале клубились облака зеленого табачного дыма. Все парты были заняты. Многие казаки сидели на подоконниках. Слышались шутки, смех.

К столу, накрытому куском красного сатина, вышел плечистый казак в кожаной черной тужурке. У казака был боль-

шой чуб и маленькая русая бородка. Он внимательно оглядел шумевших делегатов и постучал кулаком по столу, требуя тишины.

— Кто это? — спрашивали казаки шепотом друг у друга.

— Да Подтелков, Федор... Подхорунжий из шестой гвардеской батареи.

Дождавшись, когда в зале наступила тишина, Подтелков негромко сказал:

— Братцы! По поручению революционной части делегатов-фронтовиков разрешите открыть наш съезд. Прошу избрать президиум съезда!

Прорвался гул голосов:

— Подтелкова!..

— Вострпятова!..

— Кривошлыкова!..

— Лагутина!..

Прохор Ермаков тоже был избран в президиум съезда. Он уверенно прошел к столу и сел рядом с молодым прапорщиком из 28-го казачьего полка Кривошлыковым — одним из инициаторов созыва этого съезда.

С десяток каменских стариков пришли послушать выступления фронтовиков. Важные, с большими пушистыми седыми бородами, они сидели рядком на переднем крае. На стариках были добротные синие меховые поддевки с алой окантовкой или серебряными галунами на воротниках — знак того, что обладатели их когда-то были урядниками или вахмистрами.

Подтелков объявил:

— Слово предоставляется вахмистру лейб-гвардейского Атаманского полка Востропятову.

Поднявшись со стула, Востропятов не спеша прошел к трибуне, поставленной около стола, провел ладонью по пышным волосам, как бы обдумывая, с чего начать.

— Товарищи! — сказал он, пытливо оглядывая примолкнувшую залу.

— Твои товарищи в Брянском лесу остались,— недовольно пробурчал лысый старик с передней парты.

Хотя эта реплика и была сказана тихо, но ее услышал Востропятов. Он усмехнулся.

— Вот тут один старичок сказал, что наши товарищи в Брянском лесу остались. Нет, дедушка,— обратился он к старику,— ошибаешься. В лесу им скучно стало, так они сюда пришли.

В зале захохотали. Старик побагровел:

— Ты что меня на смех-то выводишь?

Подтелков постучал карандашом по графину.

— Ты, отец,— строго глядя на старика, сказал он,— ежели хочешь слушать — то слушай. Не хочешь — уходи, а другим не мешай.

— Могём и уйти,— проворчал старик, но не двинулся с места: больно уж любопытно было посидеть тут, послушать.

Востропятов начал с того, что подробно обрисовал создавшееся положение на Дону, рассказал о контрреволюционном гнезде, которое свили себе генералы, капиталисты и помещики в Новочеркасске.

— Но, товарищи, наши казаки,— продолжал вдохновенно Востропятов,— поняли, куда гнут эти генералы и капиталисты. Поняли, чего хочет и добивается генерал Каледин. Мы, казаки, не поддадимся на его удочку. Мы отлично поняли, почему генерал Каледин разместил наши казачьи части по линии железной дороги: в Каменской, Миллерово, Чертково и по другим станциям. Хитер он, да не очень. Он намеревается двинуть наши полки на Воронеж и Орел вплоть до самой Москвы, завоевывать всем этим генералам, помещикам да буржуям власть. Он уже отдал приказ штабу седьмой казачьей дивизии, расквартированной в станице Урюпинской Хоперского округа, подготовить дивизию к выступлению через Поворино и Лиски на Воронеж. Да дело его не вышло. Местная казачья команда в Урюпинской и пятая сотня шестого казачьего полка во главе с казаком-большевиком Селивановым арестовали всех офицеров и в том числе самого командира дивизии, а также окружного атамана Груднева. Восставшие казаки захватили штаб дивизии и управление окружного атамана... У нас имеются сведения, что в Ростове казачьи полки отказались выполнять приказ Каледина вступить в бой с Красной гвардией. А расквартированные в городе Азове две казачьи сотни отказались идти в Таганрог подавлять большевиков. Двадцать второй донской полк также отказался выполнить приказ Каледина о разоружении революционно настроенного Заамурского конного полка, находившегося в Таганроге. Шестнадцатый донской казачий полк отказался вступить в бой с большевиками под Матвеевым Курганом и самовольно ушел в станицу Манычскую... Казаки наши, товарищи, начинают пробуждаться и проникаться революционным сознанием. Мы, станичники-фронтовики, должны здесь твердо заявить, что воевать против народной Советской власти не будем. Не будем, товарищи!.. Я призываю вас, дорогие друзья и братья, признать власть Совета Народных Комиссаров и избрать сейчас Военно-революционный комитет, которому и передать всю полноту власти в Донской области.

Востропятову шумно аплодировали, кричали:

— Правильно!..

— Правильно сказал!

— Признаем Советскую власть!

Слышались и такие выкрики:

— Не подчинимся комиссарам!

— У нас своя должна быть власть!

— Своя, казачья!.. Донская!..

Слыша все эти озлобленные выкрики, Прохор дрожал от негодования. Он попросил слова.

— О чем споры?..— сказал он пылко.— О чем шум?.. Да, ясно, как божий день, что у нас, на Дону, будет своя власть, донская, казачья. Только, конечное дело, не атаманская, а наша, революционная.

— Правильно! — шумно поддержали голоса делегатов.— Правильно!.. Наша власть, революционная!..

— Предлагаю,— кричал охрипшим голосом Прохор,— чтоб наш каменский съезд казаков-фронтовиков объявил Войсковой круг неправомочным решать дела Донской области. Предлагаю сейчас же потребовать от Каледина, чтобы он передал власть нашему Военно-революционному комитету, который мы сейчас с вами изберем. Поручим нашему избранному революционному комитету, чтобы он немедленно арестовал бы всех контрреволюционеров, слетевшихся со всей России в Новочеркасск, разоружил бы всех юнкеров и мальчишек-гимназистов, а также, чтобы немедленно выслал бы за пределы нашей области всех контрреволюционных офицеров...

— Правильно! — шумел зал.— Правильно!..

— Христопродавец! — гневно стучали костылями сидевшие на передних партах старики.— Изменщик своей казачьей земле. Продался мужланам да евреям!..

— Тише! — старался успокоить казаков Подтелков.— Тише!.. Всем дам слово!.. Всем!.. По порядку говорите!..

В толпе казаков, стоявших у двери, произошло движение. Подтелков оглянулся:

— Что там такое?

— Да вот тут люди, говорят, что навроде из Воронежа да Петрограда приехали,— сказал казачок с серебряной серьгой в ухе.— Пропустить ай не?

— Пропустить, конечно,— сказал Подтелков.

Толпа казаков у двери расступилась, пропуская в зал четырех мужчин, двое из которых были одеты в кожаные куртки, а двое — в солдатские шинели без погон. Они подошли к столу, что-то тихо сказали Подтелкову, а потом пожали руки коекому из президиума.

— Товарищи фронтовики! — весело объявил Подтелков.— К нам на съезд прибыли гости — представители от Воронежского совещания казаков-фронтовиков Ермолов и Кучеров, а также представители от Петроградского военного округа и Совета рабочих и солдатских депутатов Янышев и Мандельштам. Предлагаю их избрать в президиум!

— Правильно! — зашумели голоса.— Избрать!

— На дьявола нам сдались тут пришельцы,— ворчали старики.

Съезд продолжал свою работу. Вышел Щаденко, участник революции 1905 года, большевик.

— Я выступаю здесь, товарищи фронтовики,— глуховатым голосом говорил Щаденко,— от имени свободного пролетариата, от имени шахтеров, рабочих и ремесленников. Мы сейчас с вами спокойно проводим здесь свою деловую работу, а в это время белопогонные бандиты, такие, как есаул Чернецов и ему подобные каратели, вешают на рудниках шахтеров, расстреливают рабочих, революционных крестьян и казаков. Они заявляют, что свои кровавые деяния производят от имени всего донского казачества. Разве это правда, дорогие казаки-фронтовики? Давали ли вы им такое право?..

— Нет!.. Нет!..— поднялся шум в зале.— Никто не давал им такое право!..

— Я так и знал,— проговорил Щаденко.— Такое право вы никому не давали. Такое право им дали казачьи богатеи, атаманы да генералы, но не вы — трудовые казаки. А раз вы не давали такого права, так разве вы допустите, чтоб эти вампиры от вашего имени проливали народную кровь?..

С парты порывисто поднялся старик с пушистой седой бородой. Он с яростью подскочил к Подтелкову.

— Ты что, председатель, нонн-то распустил?.. Ты знаешь, кто это гутарит? — ткнул он костылем в Щаденко.— Ведь это ж наш каменский мужичишка поганый, портной Щаденко. Разве ж это человек? Это ж портной. И вы его, смутьяна, слушаете?.. Да его надобно отсель за шиворот да на улицу...

Щаденко смотрел на разошедшегося старика, улыбаясь.

— Выходи отсюда, старик! — хмуро сказал Подтелков.

— Как так? — опешил тот.— По какому такому праву я должен отсюда уходить?.. Не имеешь права выгонять!.. Я — казак. Раз уж всем мужикам есть доступность на казачьем съезде быть, то мне уж и подавно такая доступность разрешается...

— Уходи, тебе говорю! — холодно смотря на старика, спокойно сказал Подтелков.— Предупреждал тебя, чтоб не мешал, а ты не послушал. Ну, раз так, значит, уходи... А не уйдешь сам, скажу казакам, чтоб вывели...

— Братцы! — слезливо заговорил старик, оборачиваясь к делегатам, ища у них сочувствия и поддержки.— Что же вы смотрите, а? Казаков, стало быть, выгоняют, а кацапов и евреев приманывают...

Но делегаты, насмешливо рассматривая старика, молчали. Примолкли даже и старики, сидевшие на передних партах. Но вдруг среди тишины раздался звучный, раздраженный голос:

— Чего к старику-то пристали?.. Нет, чтоб старого человека уважением окружить, а они над ним насмешку строят.

Прохор всмотрелся в говорившего. Это был его друг детства — Максим Свиридов. Он тоже был делегатом от своего полка.

— Странно, товарищ фронтовик,— пожал плечами Подтел-

ков, глядя на Свиридова — Чего ты заступаешься за старика? Ты же видишь, он не дает работать съезду. А в отиошенин уважения ты напрасно. Старость мы уважаем. А чтоб не было разногласий, я проголосую: оставить старика ай удалить его со съезда.

За оставление старнка в зале оказалось человек десяток. Остальные былн против.

Ободрившийся было при словах Свиридова, но теперь не видя поддержкн у делегатов съезда, старик обнжеиио запахнул полу полушубка.

— Ладно! — сердито заговорнл он.— Прогоняйте. Хрен с вамн... А тебе я,— пригрозил он Подтелкову костылем,— прнпомню!.. Истинный господь, припомню!..

Казаки засмеялись.

— Пропустите его, товарнщи! — так же спокойно, ио чуть побледнев от волиенкя, сказал Подтелков.

Что-то бормоча и отплевываясь, старнк исчез в дверях.

— Вот такие нам и зло делают,— сказал Щаденко.— Я этого старика хорошо зиаю. Богач, лютый человек... Кроме пакости, от него ничего нельзя ожидать... Видите, как ему правда глаза заколола...

Речь Щаденко была убедительной. Его казакн слушали внимательно. Ои говорил, что если трудовые казаки-фронтовикн не расправятся с правнтельством Каледина, которое их толкает к гибелн, то иеизбежно начнется гражданская война, в которой погибиет все хозяйство казака, погибиет все народиое хозяйство, так как рабочие бросят шахты, разбегутся, стаиут рудники, застынет промышленность, и казачество, вдоволь нспытавшее все ужасы войны, будет, как и весь русский народ, обречено на голод, на отсутствие предметов первой иеобходимости: соли, мануфактуры, керосина и прочих промышлениых товаров.

— За Советскую власть,— говорил Щаденко,— стоят многие миллионы рабочих и крестьян, и, коиечно, не маленькой кучке казаков справиться со всем русским народом. Эта борьба была бы не в пользу казачеству. Она его вконец разорила бы. Рассчитывать иа выгоду от такой войиы могут только генералы, помещнки и капиталисты, которые хотят вернуть себе отобраиные у них народом фабрикн и землю...

— Я прошу дать мне слово! — попросил Свиридов.

— Как фамилия? — спросил у него Подтелков.— И от какого полка?

— Урядиик Свиридов. От сорок четвертого полка.

— Слово предоставляется Свирндову! — объявил Подтелков.— Делегат сорок четвертого полка.

Твердо шагая, Свиридов подошел к президиуму, повернулся лицом к делегатам.

— Станншники-односумы,— начал ои уверенно.— Дозволь-

те мне, что называется, напрямки с вами поговорить. Вот тут много уже выступало людей, и все это они зовут нас поднять оружье на генерала Каледина, сместить его с атаманского места и на место его, стало быть, выбрать какого-нибудь своего советского атамана...

— Не атамана, а советский революционный исполнительный комитет,— поправил его Кривошлыков.

— А это все едино,— отмахнулся Свиридов.— А у меня мнение другое. До рвотины надоела нам война проклятая. Сколь уж мы с вами нагляделись на реки крови, пролитой на войне, сколько мы навидались трупов... Из души воротит, как вспомнишь об этом. А нас тут наталкивают, чтобы мы снова начали кровь проливать, генералов да офицеров своих били... Нет! Надоело нам все это дело. Хватит! Надобно замириться с атаманом Калединым да просить, чтоб нас скорей по домам распустили...

— Правильно! — отозвалось несколько голосов. Но большинство молчало, обдумывая сказанное Свиридовым.

От дверей к столу прошел чубатый казак и подал Подтелкову какую-то бумагу. Подтелков прочитал и, укоризненно покачав головой, отдал ее Вростропятову. Все в президиуме прочитали принесенную казаком бумагу. Кривошлыков бурно вскочил со стула и, перебивая Свиридова, взволнованно крикнул:

— Товарищи фронтовики! Вот сейчас товарищ, выступая, сказал, что надо помириться с Калединым да спокойно разойтись по домам. И некоторые из вас его поддержали, кричат «правильно!». Нет, товарищи, неправильно это! Не имеем права мы разъезжаться по домам, пока не закончим начатого дела... Дай, Федор, телеграмму! — обернулся он к Подтелкову.

Тот подал ему бумажку, которую только что читали все в президиуме.

— Вот! — потряс ею над своей головой Кривошлыков.— Это телеграмма Каледина к командиру нашей дивизии. Казаки ее перехватили на телеграфе да принесли сюда... Каледин приказывает арестовать весь наш съезд. Вот как, товарищ урядник,— обернулся Кривошлыков к Свиридову.— Вы предлагаете помириться с Калединым, а он приказывает вас и ваших товарищей арестовать. Простите, что я вас прервал, продолжайте свою рочь.

Сообщение Кривошлыкова вызвало возбуждение. Некоторые фронтовики, вскочив на парты, разгневанно размахивая руками, орали:

— Нас заарестовать?.. Да мы этому Каледину голову оторвем!..

— Пойдем побьем всех буржуев!..

— Веди, Подтелков, на Новочеркасск!..

Все еще стоя у трибуны, Свиридов пробовал что-то гово-

рить, но его голос тонул в общем гаме. Он растерянно оглянулся и пошел на свое место.

— Тише! Тише! — успокаивая расходившиеся страсти, кричал Подтелков.

Понемногу голоса стали утихать.

— А ну, пропустите! — послышался в дверях басовитый голос. Казаки дали дорогу. Позванивая шпорами, в класс вошли пять офицеров. Впереди, прихрамывая, шел полнотелый, черноусый есаул. Делегаты притихли, выжидающе глядя на вошедших. Подтелков на всякий случай нащупал в кармане наган.

Подойдя к настороженно наблюдавшему за вошедшими офицерами президиуму, черноусый есаул вытянулся, приложив ладонь к папахе.

— Честь имею представиться,— прищелкнул он каблуком,— есаул Скворцов. В распоряжение комитета донского революционного казачества привел три эшелона казаков. Мои офицеры преданы революции,— указал он на своих офицеров. Те, звякнув шпорами, козырнули.— В подтверждение своих слов,— гудел есаул Скворцов, подавая Подтелкову пропуск, подписанный уполномоченным Совнаркома по Южному фронту,— пожалуйста, мой документ. А теперь, господин председатель, прошу дать мне слово.

— Пожалуйста,— разрешил Подтелков.

— Станичники, друзья, односумы, братья! — заговорил он, скинув шапку.— К вам я обращаюсь с приветом от имени ваших братьев, революционных казаков нашего полка. Я не знаю, что говорилось на вашем съезде, что вы решили делать. Но я хочу вам сказать, что мы думаем и что мы решили делать. Казаки нашего полка уполномочили меня заявить вам о том, что все они единодушно считают нужным объявить войсковое правительство Каледина низложенным. Всю власть они предлагают передать в надежные руки революционного комитета, избранного революционным казачеством...

— Ура-а! — радостно воскликнул Подтелков.— Ура-а!

— Ура-а! — подхватил президиум, поднимаясь.

— Ура-а! — закричали многие делегаты, размахивая шапками.

Более осторожные из делегатов еще молчали и оглядывались. Но, видя, что все кричат, поддались всеобщему порыву, тоже закричали «ура».

Есаул Скворцов и его смущенно улыбавшиеся офицеры хлопали в ладоши.

Появление на съезде фронтовиков офицеров и взволнованная речь есаула Скворцова положили конец колебанию некоторых фронтовиков. Теперь почти все были полны решимости и единодушия бороться с калединской контрреволюцией.

Председателем революционного казачьего комитета был

избран Подтелков, товарищем председателя — хорунжий Ермилов, секретарем — прапорщик Кривошлыков, членами — Лагутин, Головачев, Сверчков, Кудинов, Востропятов, Прохор Ермаков и ряд других фронтовиков.

На съезде была принята такая резолюция:

«Съезд фронтового казачества, учитывая создавшееся положение на Дону, обсудив его, решил взять на себя революционный почин освобождения трудового населения и прежде всего трудового казачества от гнета контрреволюционеров из Войскового правительства, генералов, помещиков и капиталистов, мародеров и спекулянтов.

Съездом образован Военно-революционный комитет, который войдет в историю славного Дона, к которому, впредь до образования новой власти трудового казачества, с этого числа переходит власть в Донской области.

Съезд и Военно-революционный комитет призывают все казачьи части, все трудовое казачество, все трудовое население Донской области отнестись с доверием к нему, сплотиться, сорганизоваться для поддержки Военно-революционного комитета.

Братья и товарищи! Устраивайте собрания сотенных, полковых и других комитетов, собрания частей, станичные и сельские сходы, выносите резолюции о поддержке, отстраняйте контрреволюционеров, арестовывайте мешающих делу создания трудовой власти, устраивайте перевыборы командного состава, присылайте ходоков для связи.

Смело за свободу и счастье трудящихся!

Ночь с 10 на 11 января 1918 года».

По предложению Подтелкова была послана телеграмма Ленину, в которой сообщалось, что съезд фронтового казачества Донской области признавал центральной властью Российской Федеративной Республики Центральный Исполнительный Комитет. Фронтовики предложили революционному комитету в ближайшие же дни созвать съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов Донской области.

Председатель центра Янышев, выступая, сказал, что в ближайшее время в Петрограде состоится III Всероссийский съезд Советов, на который надо выделить делегацию от фронтового казачества. Предложение это было встречено с шумным одобрением. Делегатами были избраны Прохор Ермаков, вахмистр Востропятов и урядник 28-го казачьего полка Захаров.

XVI

На Дону образовалось двоевластие: с одной стороны, Войсковой круг во главе с генералом Калединым, а с другой — Военно-революционный комитет, избранный казаками-фронтовиками. Казачество растерялось, не зная, какую же власть признать. Правда, это относилось к середнякам. Бедняки сразу же потянулись к ревкому, а верхушка — к Каледину.

Середняки воздерживались открыто высказаться за ту или другую власть, выжидая, как дело покажет. Но в таких «нейтральных» семьях шла скрытая, глухая борьба. Старые казаки явно были настроены за Каледина. Фронтовики же, только что вернувшиеся с фронта или еще находящиеся в частях, считали себя большевиками. Между ними и их отцами и дедами шли бесконечные споры о том, кто лучше — Каледин или большевики. Иногда, не сумев убедить друг друга словами, противные стороны доходили до мордобоя...

...Узнав о создании в Каменской революционного комитета казачества, Каледин всполошился. Он послал в Каменскую делегацию.

Делегация говорила с членами революционного комитета, но не сумела ни о чем договориться и пригласила Подтелкова, Кривошлыкова и еще ряд казаков из ревкома приехать в Новочеркасск поговорить с самим атаманом Калединым.

Представители революционного казачества во главе с Подтелковым и Кривошлыковым ездили к Каледину, говорили о будущности Дона, требовали от Каледина передачи власти Военно-революционному комитету, но, как и следовало ожидать, ничего не добились и вернулись в Каменскую ни с чем. Ни одна сторона не хотела уступать добровольно власти.

В то время когда Подтелков со своей делегацией договаривался с Калединым о власти, Каледин послал есаула Чернецова с отрядом к Каменской разгромить революционных казаков.

Между калединцами и революционными казачьими частями начались столкновения.

Добровольческая армия Корнилова в сражениях с красногвардейскими отрядами теряла силы. Корнилов писал одно воззвание за другим к офицерам, к учащейся молодежи, к казакам, призывая их вступить в его армию. На заборах Ростова расклеивались красочные плакаты с изображением красивых румяных юношей, сидящих верхом на сытых лошадях. На переднем плане была изображена лошадь без всадника. Внизу заманчивая надпись: «Юноша, вы ищите счастья? Ваше счастье на спине вот этой прекрасной лошади. Вступайте в кавалерийские отряды Добровольческой армии! Выполните свой рыцарский, гражданский долг, спасайте Россию!»

На другом, не менее красочном плакате, изображен чуба-

тый донской казак с пикой. Он, как на вилку, насадил на пику с дюжину карликовых красногвардейцев и весело хохочет. Под плакатом выразительная надпись:

Не подвертывайся под руку Титу,
Всех чертей посадит на пику.

В газетах корниловский штаб широко публиковал воззвания:

«Офицеры и солдаты! Записывайтесь в Добровольческую армию (в Ростове-на-Дону, Никольская улица, дом № 120) для борьбы с анархией, во имя спасения родины.

В нашей армии нет комитетов. Полная дисциплина и подчинение воле начальников.

Условия службы в Добровольческой армии: офицер получает на всем готовом от 150 руб. и выше. Семейному офицеру добавочное содержание в размере 100 руб. в месяц. За нахождение в строю в течение восьми месяцев — 200 руб. Двенадцать месяцев — 500 рублей.

Добавочные: за период участия в боях 1 руб. в сутки, раненому — 500 руб., семье убитого — 1000 рублей».

Но ничто не помогло. В армию почти никто не шел. Не помог и приказ, изданный о мобилизации офицерства в ряды белой армии. Не помогали и устраиваемые духовенством торжественные крестные ходы с хоругвями и молитвенными песнопениями об избавлении от большевизма.

В ночь под 29 января Корнилов послал Каледину телеграмму, в которой извещал его о своем намерении вывести Добровольческую армию из пределов Донской области, вследствие того что донские казаки не оказывают никакой помощи.

Каледин был потрясен. Он всю ночь не спал, расхаживая по кабинету, обдумывал создавшееся положение. Утром он созвал правительство.

Сидел Каледин за столом мрачный, молчаливый, с красными от бессонной ночи глазами. Когда все члены правительства расселись вокруг стола, он встал и глухим голосом сказал:

— Господа, сегодня ночью я получил от генерала Корнилова прискорбную телеграмму. Прошу прослушать ее содержание...

Он зачитал телеграмму.

— Это было последнее, во что мы с вами еще верили,— положив телеграмму на стол, проговорил он растерянно.— С уходом армии Корнилова рушится все то, что мы с вами с таким трудом пытались строить и воздвигать. Мы могли бы еще предотвратить свое крушение и гибель, если б могли оказать генералу Корнилову реальную помощь в военной силе.

Но где наша военная сила? — с горечью спросил Каледин.— Что вы, господа, можете мне сказать в утешение?..

Те молчали. Чем они могли утешить атамана? Каждый из них, сидя сейчас здесь, думал о себе, о собственной своей шкуре. Надвигались плохие времена, надо было подумать о своем спасении.

Не дождавшись ни от кого ответа, Каледин снова встал.

— Все, господа! Судьба наша предрешена. Я слагаю с себя полномочия атамана войска Донского, возложенные на меня Войсковым кругом... Предлагаю то же сделать и вам... Я решил передать власть местным общественным организациям... Но вот кому именно?.. Лучше всего, я думаю, городской думе... Это будет правильно.

— А также военному комитету и новочеркасскому станичному правлению,— подсказал заместитель войскового атамана Митрофан Богаевский.

Каледин задумался.

— Это, пожалуй, будет верно,— согласился он.— Городская дума — избранница города — отражает его мнение.

— Правильно! — поддержали голоса членов правительства.— Так и нужно сделать.

— Мне думается, господа,— печально проговорил член Войскового круга Карев,— надо бы сюда пригласить представителей общественных организаций и посоветоваться с ними...

— Довольно разговоров! — резко сказал Каледин.— От болтовни Россия погибла. Вопрос ясен.

— Но а что же нам делать? — растерянно спросил кто-то.

— Что делать? — переспросил Каледин.— А это уж каждый за себя решит. Что касается меня, то мною это уже решено давно,— загадочно сказал он.— Итак, господа, в четыре часа соберемся в думе на общем заседании.

Распустив свое правительство, Каледин пошел к себе в кабинет. Он сел за стол и написал генералу Алексееву письмо.

«Многоуважаемый генерал Алексеев,— писал он.—...Вы с вашим горячим темпераментом и боевой отвагой смело взялись за свое дело и начали преследование большевистских солдат, находящихся на территории Области войска Донского. Вы отчаянно и мужественно сражались, но не учли того обстоятельства, что казачество идет за своими вождями до тех пор, пока вожди приносят ему лавры победы, а когда дело осложняется, то они видят в своем вожде не казака по духу и происхождению, а слабого проводителя своих интересов и отходят от него.

Так случилось со мной и случится с Вами, если Вы не сумеете одолеть врага; но мне дороги интересы казачества, и я прошу Вас щадить их и отказаться от мысли разбить большевиков по всей России. Казачеству необходимы вольность и спо-

койствие; избавьте тихий Дон от змей, но дальше не ведите на бойню моих милых казаков. Я ухожу в вечность и прощаю Вам все обиды, нанесенные мне Вами с момента Вашего появления в нашем кругу.

Уважающий Вас Каледин».

Расписавшись, атаман взглянул на часы. Было два часа двенадцать минут. Он надписал в конце письма: «29 января в 2 ч. 12 м.», и встал. Прошелся по кабинету. Вспомнив о чем-то, полез в письменный стол и достал оттуда пачку денег. Вызвал денщика.

— Вот, голубчик,— сказал атаман денщику,— отнеси сейчас же Митрофану Петровичу Богаевскому. Скажи, что эти деньги войсковые. Пусть он определит, куда нужно.

— Слушаюсь,— ответил денщик и ушел.

В раздумье, еще раз пройдясь по кабинету, Каледин решительно вдруг шагнул в комнату брата, расположенную рядом с кабинетом. В ней никого не было. Каледин снял с себя китель и шейный Георгиевский крест и положил на стол. Вынул из кармана кольт, внимательно осмотрел его, улегся на кровать и выстрелил в сердце...

5 февраля Малый войсковой круг избрал атаманом Назарова и объявил мобилизацию казаков от семнадцати до пятидесяти пяти лет. Но мобилизация результатов не дала. На сборные пункты приходили единицы. Да и те, кто приходил, попьянствовав, снова расходились по домам.

Революционные казачьи части подходили к Новочеркасску.

Из Новочеркасска бежали все, кто только мог. Бежал и Константин Ермаков со своей сотней. Вера осталась в городе.

XVII

После разгрома калединцев красногвардейцами и революционными казаками и захвата ими столицы Дона — Новочеркасска — остатки белогвардейских отрядов походного атамана Попова, полковников Гнилорыбова и Семилетова разбрелись по степи Сальского округа.

Для борьбы с этими бандами по станицам создавались дружины самообороны: в Великокняжеской — под командованием боевого солдата Алехина, в Платовской — вахмистра Никифорова, в Больше-Орловской — Ковалева, в Картаковской — Мельникова, в районе Тушуи — Куберле — Зимовники — отряды Скибы, Иванова, Белодедова, Колпакова, Шевкопляса и другие.

Эти отряды, составленные главным образом из демобилизованных солдат и небольшой части фронтового казачества,

были вооружены винтовками, которые они принесли с собой с фронта.

Они вступили в схватку с белогвардейцами, не давая им возможности захватить центр округа — станицу Великокняжескую...

...Когда Буденный ехал на съезд Советов в Великокняжескую, он сомневался, чтобы в такой напряженный момент собрались делегаты. И каково же было его изумление, когда, войдя в большой зал окружного правления, где предполагалось провести заседание съезда, он увидел, что зал был переполнен делегатами. Среди казаков, которые считались основными жителями округа, здесь были калмыки, немцы-колонисты и иногородние крестьяне.

Под шумные аплодисменты большей части делегатов и негодующие крики остальных на съезде была зачитана «Декларация прав народов России», утвержденная специальным постановлением Советского правительства.

Начались прения. Многие выступали за одобрение декларации Советского правительства. Другие протестовали, в особенности калмыки и казаки.

— Мы не подчинимся декларации,— в ярости кричал меньшевик Песенко.— Мы за Учредительное собрание!.. Почему разогнали Учредительное собрание? Это козни большевиков. Но мы еще посмотрим, на чьей стороне будет правда. Мы еще поборемся с вами!

— С кем это «с вами»? — иронически спросил Буденный.

— А с такими, как ты, Буденный,— озлобленно выкрикнул Песенко.— Я знаю, что ты большевиков поддерживаешь... Я от имени группы делегатов казачьего сословия предлагаю съезду вынести постановление, чтобы выселить из пределов нашего казачьего округа всех безземельных крестьян иногородних... Их науськали на нас большевики, чтобы они у нас, казаков, землю отобрали. Но не будет этого! Не дадим земли!.. Пусть каждый едет в свою губернию, кто откуда приехал, и там получает себе земельный надел. Прошу съезд принять такое постановление.

— А ежели кто из иногородних родился на донской земле,— закричал кто-то из делегатов,— так что ты и тем прикажешь выселяться?

Поняв, что слишком уж далеко зашел, Песенко замотал головой.

— Нет. Против таких иногородних, которые родились на нашей казачьей земле, я ничего не имею. Я предлагаю таких иногородних принять в казаки и наделить их паевыми земельными наделами из земельных фондов станиц.

— Правильно!.. Правильно!..— поддержало его несколько голосов.

Слово взял Буденный.

— Граждане,— обратился он к делегатам.— Мы уклони-

лись от существа вопроса. Разве в том сейчас суть дела, чтобы обсуждать вопрос о выселении иногороднего населения из пределов нашего округа?.. Какое бы мы постановление ни вынесли, никто его, конечно, выполнять не будет. Какой это глупец бросит свое насиженное годами место и пойдет с семьей, с ребятишками в глубь России искать того, чего там для него никто не готовил. Никаких разговоров об этом не может быть; никто никуда выселяться не будет. А вот поговорить о том, как нам наделить землей иногородних крестьян, надо. Это — неотложный вопрос. Тем более, фонды войсковых земель у нас есть. А если разобраться как следует, то у коннозаводчиков земли немало лишней. Надо у них ее забрать...

Поднялся невообразимый рев казачьих и калмыцких делегатов.

— Ишь ты, мужик, чего захотел!..

— Землю нашу делить?

— А вот этого не хотел? — показывали они кулаки.

— Не дам, моя казачья земля,— гневно сверкая глазами, яростно визжал какой-то толстый калмык.— Моя земля будет расти трава... раз! — загибал он палец.— Трава будет кушать коровка и бык — два! — загибал он второй палец.— Травка вырастет, будем косить — три!.. Моя аренда будет сдавать земля — четыре! Во! Какой право имел брать мой земля? Кинжал в бок, буду резать, а земля не дам!..

— Тише! — старался успокоить разгоревшиеся страсти председатель президиума съезда, учитель, большевик Кучеренко.— Не все сразу кричите!.. Не все!.. Выступайте в порядке очереди!..

Взял слово Василий Петрович Ермаков, который также был выбран делегатом на съезд от своей станицы.

— Граждане, господа, товарищи! — начал он степенно, поглаживая бороду.— У нас, казаков, спокон веков такой обычай: ежели пришел, мол, к нам гость на Дон, то ты его угости, ублажи и в дорогу проводи... Так у нас до последних дней водилось на Дону. Но а что делать в таком разе, ежели гость нахальный пришел? Мы его угостили, чем господь послал, ублажили и норовили по-хорошему в дорогу проводить... Ан нет, гость разохальничался. Он у нас, хозяевов, половину куреня отобрал, пол-усадьбы отмахал и землю твою норовит пополам переделить... Вот оно что!

— Да ты, старик, говори-то яснее! — закричали голоса.— Что ты нас побасками кормишь?

— Вот и яснее,— проговорил Василий Петрович.— Разговор веду я про иногородних. Они пришли к нам, на Дон, навроде в гости, а зачали распоряжаться, как хозяева. Мое предложение такое: надо всех их до одного выселить в Россию... Нехай там у себя и живут...

— Ермаков, да что, ай с ума сошел? — возмущенно вы-

крикнул кто-то из делегатов.— Ведь у тебя ж и жена-то из иногородних. Стало быть, и ее надо выселить с Дона.

Василий Петрович ничего не сказал в ответ. Он сошел с трибуны и пошел, сел на свое место.

К трибуне подошел высокий, молодой калмык. Он поднял руки и помахал, прося делегатов успокоиться.

— Слюшай меня!.. Помолчи немножко!.. Помолчи!.. Зачем кричать так громко?..

Этого калмыка все знали. Это был Ергенов. В зале наступила тишина.

— Разрешите мне, граждане делегаты, от наш калмыцки народ передать съезду горяч низки поклон. Наш калмыцки народ просил передать вам, что калмыки готовы свой земля делить со своими русскими братьями-иногородни... А помещик и атаман долой!.. Громить их надо...

Слова Ергенова потонули в одобрительных криках и аплодисментах делегатов. Калмыцкие делегаты были поражены заявлением Ергенова и замолчали. Никто тогда не понял, что это был просто хитроумный маневр Ергенова.

При выборах в окружной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов «великодушный» калмык был избран в президиум ревкома одним из первых. Был избран в Совет и Буденный.

При распределении обязанностей между членами исполкома Буденный был назначен заведующим земельным отделом, а Ергенов — военным.

Приняв дела по военному комиссариату и получив доступ к складам с оружием, Ергенов, как только вступил в должность, начал тайно вооружать контрреволюционно настроенных калмыков, казацких юношей из Великокняжеского военно-ремесленного училища, гимназистов и прочих и переправлять их через Маныч, на пополнение белогвардейского отряда генерала Попова.

21 февраля Буденный стал организовывать свое учреждение. На должность секретаря отдела ему порекомендовали одну молодую женщину, Нину Ковыреву. Она распланировала, кто где будет сидеть, расставила шкафы, завела дела.

— Семен Михайлович,— сказала она Буденному в конце рабочего дня,— я завтра рано приду. Надо будет нам кабинет устроить для вас.

— Хорошо,— согласился Буденный.— Я ночевать буду здесь, на диване. Когда придете, я вам тоже помогу.

Квартиры для себя Буденный в Великокняжеской еще не нашел, а поэтому ночевал в земельном отделе. Утром, чуть свет, его разбудил тревожный стук в дверь.

Буденный открыл дверь. В кабинет вбежала секретарь Нина Ковырева.

— Семен Михайлович! — вскричала она взволнованно.—

5*

Бегите отсюда, белые занимают нашу станицу... Бегите скорей!..

— Вы, Нина, успокойтесь,— сказал Буденный,— а потом подробнее расскажите мне, в чем дело... Что случилось?

Молодая женщина немного успокоилась и рассказала:

— Мой брат только что пришел домой раненый. Он был в красногвардейском отряде Алехина... Всю ночь они дрались с белыми на переправе через Маныч, у Казенного моста... А потом не выдержали и отступили...

— Где ваш брат? — спросил Буденный.

— Брат ранен в руку,— ответила она.— Я его перевязала, и он пошел на станцию Торговая... Там, говорят, советские войска. А почему получилось поражение, как рассказывал брат, так это потому, что калмыки, которые были в отряде товарища Никифорова, изменили и перешли на сторону белых. До свидания, товарищ Буденный,— сказала Нина,— не пришлось нам с вами поработать... Побегу, а то боюсь, как бы меня белые не захватили здесь...

Все это было так неожиданно, что Буденный несколько даже растерялся, не зная, верить ли сообщению Нины или нет. Он знал, что вчера вечером действительно у Казенного моста под командованием Алехина красногвардейские отряды вступили в бой с белогвардейской частью под командованием полковника Гнилорыбова. Все время к мосту стягивались красногвардейские дружины, и положение там казалось настолько надежным, что беспокоиться не было причин. И вот вдруг такое известие...

Буденный вышел на крыльцо земотдела. Было еще очень рано. Но в утренней мгле по улицам уже маячили всадники, и трудно было понять, свои это или белые... Буденный направился к исполкому Совета, который помещался неподалеку, в большом кирпичном здании. Его обогнал юный всадник в гимназической шинели. На боку всадника болталась шашка. Он подозрительно посмотрел на Буденного, но не остановился и проскакал дальше.

«Да, похоже на правду,— подумал Буденный.— Скоро белые займут станицу, раз эти щелкоперы уже открыто разъезжают. Но почему же меня никто не предупредил?»

Он вошел в помещение исполкома Совета, но дом был пуст. Буденный прошел по опустелым звонким комнатам, шаги его гулко стучали. На столах и на полу были разбросаны какие-то бумаги. Много было пепла. Видимо, второпях жгли что-то...

В кабинете председателя исполкома, куда заглянул Буденный, тоже было пусто. На письменном столе, накрытом красной суконной скатертью, лежало два снаряда от трехдюймового орудия. Было непонятно, кто их положил. Забыли ли их здесь советские работники или, быть может, они положены здесь врагом для устрашения: кто сядет за стол, того ждет смерть.

Буденный поспешно вышел из здания. Каждую минуту сюда могли нагрянуть белогвардейцы.

И действительно, когда он вышел на улицу, то увидел группу всадников, мчавшихся по улице. Видимо, они направлялись к исполкому. Буденный забежал за угол и, так как его в Великокняжеской никто еще не знал, он, не скрываясь, направился на рынок, думая встретить там кого-нибудь из Платовской, с кем можно было бы уехать домой.

На свое счастье, Буденный встретил на рынке соседа, старого казака.

— Здравствуй, дед Трофим!

— О! — удивился старик.— Семен!.. Ты чего тут делаешь?

— Приезжал по делам. Да, видать, не вовремя.

— Что так?

— Да, видишь ли, Трофим Зотьевич,— стал рассказывать Буденный.— Бои идут под станицей между красными и белыми... Красные отступили... А сейчас сюда войдет отряд полковника Гнилорыбова.

— Как бы они не забрали мою лошадь,— встревоженно сказал старик.

— Все может быть. Лошадь у тебя неплохая.

— Поедем, Семен, домой,— неожиданно предложил старик.— С тобой вроде веселее ехать.

— Да ты же, Трофим Зотьевич, муку-то еще свою не распродал?

— А ну ее к шутам, с мукой! — отмахнулся старик.— Разве ж теперь до муки?.. Тут хоть бы свою жизнь сохранить да лошадь уберечь... Поедем, Сема, ради бога.

— Поедем, дед. Делать мне тут нечего.

— Зараз, Семен,— обрадованно сказал старик.— Вот сейчас подвяжу супонь да чересседельник подтяну и поедем. А ты, Сема, подбери пока сенцо. Мягче будет ехать...

Казак проворно затянул супонь, подвязал чересседельник и, критически оглянув Буденного, укоризненно замотал головой:

— Нет, брат, так никуда негоже... В таком виде они тебя доразу сцапают. Надевай-ка ты, Семен, мой тулуп, а я надену зипун. Да, слава богу, что я куль муки еще не успел продать... Давай, Сема, трохи мукой обсыпемся, навроде с мельницы.

Они обсыпались мукой, уселись в сани и поехали.

Станицу они минули благополучно, но когда выбрались с окраины в степь, то столкнулись с конным отрядом белогвардейцев, въезжавшим в станицу. Старик свернул с дороги в сугроб, пропуская конников.

Кавалеристы, по шесть в ряд, растянулись во всю ширину дороги. Среди молодых казаков-фронтовиков были и старики бородачи и безусые юнцы в гимназических шинелях. Всматри-

ваясь в них, Буденный узнавал среди них и платовских калмыков.

«Значит, правду Нина говорила»,— подумал Буденный, вспомнив слова секретаря об измене платовских калмыков и переходе их на сторону врагов. Он спрятался за спину старика, боясь, что его узнают.

Пропустив конную колонну, старый казак вывел лошадь из сугроба, и они двинулись дальше.

К вечеру подъехали к хутору Елиматенскому.

— Ну что, Сема, будем тут ночевать али дальше поедем? — спросил старик.

— Придется, наверное, заночевать, Трофим Зотьевич,— сказал Буденный.— В ночь ехать опасно: волки могут напасть и вооруженные банды могут встретиться. Лошадь заберут да и нам голову свернут...

— Ну что же, давай переночуем,— согласился старик.— У меня тут есть знакомые.

Он остановился у хаты и, подойдя к окну, постучал.

— Эй, хозяева! Можно заехать переночевать ай нет?

— Заезжай! — послышался в ответ глухой голос.

Пока старик заезжал во двор и распрягал лошадь, Буденный успел уже узнать от хозяйского паренька о том, что в хуторе сейчас находится небольшой кавалерийский отряд белых. Офицер — командир отряда сидит в хуторском правлении, а казаки разъезжают по хутору, выгоняют из домов всех молодых фронтовиков, записывают их в свой отряд.

— Ты б, дяденька,— сказал мальчик,— схоронился, а то ж они и тебя могут забрать... Пойдем на гумно, я тебя там в солому запрячу.

Совет был дан правильный, и Буденный уже готовился последовать за мальчуганом на гумно, но в это время к воротам подскакали три всадника.

— Эй, служивый! — поманил Буденного один из подъехавших казаков.— Пойдем-ка с нами в правление.

— Зачем?

— Там с тобой войсковой старшина Ермаков погутарит малость,— усмехнулся второй.

Досадуя, что не успел спрятаться, Буденный сбросил с себя тулуп.

— Трофим Зотьевич,— шепнул он старику,— ты меня подожди некоторое время. Я от них постараюсь сбежать.

— Ладно,— тихо ответил старик.— Буду ждать. Без тебя не уеду.

Казаки привели Буденного к правлению и велели зайти в него.

В огромной комнате стоял полумрак от чадившей лампы и махорочного дыма. У стола сидели два офицера и о чем-то тихо разговаривали. Вокруг стен на скамьях расположилось

человек двадцать-тридцать казаков и солдат, созванных с хутора. Молчаливо покуривая, они выжидающе поглядывали на офицеров.

Буденный сел на свободную скамью. Дверь все время была в движении, впуская все новые и новые группы фронтовиков. И наконец, когда комната оказалась переполненной, офицер, что был постарше, открутил фитиль в лампе, чтоб горела ярче, и, скинув шапку, встал.

— Господа фронтовики, друзья мои! — сказал он звучным голосом.— Наступило тяжкое время на святой Руси. Тягостно стало жить на нашем привольном тихом Дону. Смута, распри раздирают на части наш благословенный милый край. Истинные сыны Дона (я имею здесь в виду не только сынов Дона по казачьему происхождению, но и тех иногородних солдат, кто родился на донской земле, кого она вырастила и воспитала), истинные сыны Дона по-сыновьи любят свой родимый край. И у кого из них не обольется сердце кровью, у кого из них не брызнет из глаз горячая слеза при виде бесчинств и зверств, которым подвергаются наши отцы, матери, сестры, братья, дети со стороны извергов рода человеческого — большевиков...

Этот смуглый, горбоносый, с длинными волнистыми волосами, красивый офицер говорить умел. Казаки и солдаты слушали его внимательно.

«Кто же это такой? — мучительно думал Буденный, глядя на офицера.— Кого он так напоминает?.. А-а,— вдруг вспомнил он.— Это же, наверно, брат Прохора Ермакова. Похож. Да и казаки сказали, что его фамилия Ермаков».

Придя к убеждению, что выступавший перед фронтовиками офицер был брат Прохора, Буденный повеселел. Казалось, что если ему не удастся избавиться каким-либо образом от мобилизации, то он обратится тогда к этому офицеру и скажет, что Прохор его приятель, которого ему, Буденному, на австрийском фронте пришлось даже как-то выручить из беды. И попросит этого офицера, чтобы он отпустил его домой дня на два. «Лишь бы отпустил,— думал Буденный,— а там черта два он меня дождался бы».

— Так вот, дорогие друзья,— закончил Константин.— Прошу, записывайтесь в мой отряд... А отряд мой, должен я вам сообщить, входит в войска походного донского атамана генерала Попова. У кого есть верховая лошадь, прошу,— седлайте ее... У кого есть шашка или винтовка — откапывайте... Винтовки и шашки у вас у всех, наверно, есть, а? Признавайтесь. Ну?

— У меня есть,— неуверенно отозвался из угла казак.

— И у меня.

— И у меня...

— Можно сходить за винтовкой, господин войсковой старшина?

— Сначала, господа, прошу расписаться в списке,— сказал Константин.— По одному подходите к сотнику Волошину. Он каждого запишет, оформит, а потом отпущу вас за оружием и лошадьми...

К сотнику выстроилась очередь.

— Как фамилия? — спрашивал молодой офицер у подходившего.

Тот отвечал, офицер записывал. Потом офицер подавал список казаку.

— Распишись!

Казак, сокрушенно вздыхая, расписывался.

Подошла очередь Буденного. Офицер спросил:

— Как фамилия?

— Будынов Семен,— ответил Буденный.

— Будынов? — переспросил сотник, взглянув на него.

— Так точно, господин сотник, Будынов.

— Лошадь есть?

— Нету.

— А шашка?

— Есть.

— Винтовка?

— Есть.

— Распишись,— сказал сотник.

Буденный расписался и спросил у офицера:

— А можно, господин сотник, пойти за винтовкой?

— Подожди. Закончу опрос всех, тогда...

Закончив переписывать казаков и солдат, молодой сотник подошел к Константину.

— Господин войсковой старшина, перепись закончена,— козырнул он.— В списке значится тридцать семь человек... Можно ли их теперь отпустить за оружьем и лошадьми?

— Не разбегутся ли? — с сомнением поглядел на фронтовиков Константин и перевел взгляд на хуторского атамана, стоявшего рядом.

— Не должно быть того,— также оглядывая фронтовиков, проговорил тихо атаман, пожилой бородатый казак.— Будто люди-то у меня в хуторе все надежные, ваше благородие... Вот разве кто из иногородних...— Атаман запнулся. Взгляд его с недоумением остановился на ладном, подобранном незнакомом человеке. Такого у него в хуторе не было. Буденный, уловив на себе взгляд атамана, похолодел: а вдруг он скажет офицерам: «А этот солдат чужой, не наш...» Черт знает, чем все это может закончиться. Посчитают еще за шпиона...

Но атаман, подумав, видимо, что этот солдат прибыл в хутор с отрядом белых, перевел взгляд в сторону. Буденный вздохнул облегченно.

— Вот что, друзья мои,— громко сказал Константин.— Вы сейчас пойдете все по домам. Попрощайтесь с родными, забе-

рите лошадей, шашки, винтовки и ровно через два часа чтобы были здесь. Понятно?.. Знайте, что все вы считаетесь с этой минуты мобилизованными Донским войсковым правительством в отряд походного атамана генерала Попова... Если кто из вас,— внушительно подчеркнул Константин,— вздумает дезертировать, то имейте в виду, каждому такому грозит расстрел тут же, на месте, без всякого суда и следствия... Кто не явится сюда через два часа, тот пусть помнит, что в качестве заложников мы арестуем его семью. Все! Идите!

Выйдя из правления, Буденный торопливо пошел к деду Трофиму.

Старик поил лошадь во дворе.

— Ну как, Семен, отвертелся от них? — спросил он.

— Какое там отвертелся,— проговорил Буденный и рассказал старику обо всем, что произошло в правлении.

— Вот так дела-а! — протянул старик.— Так что же ты теперь думаешь делать?

— А вот что, дед Трофим,— живо промолвил Буденный.— Помоги мне. Пойдем на гумно и закидай меня соломой. А сам пойди к хуторскому правлению, покрутись там, послушай, о чем люди говорят, потом мне расскажешь... Чего-нибудь, может, придумаем...

— Ладно,— согласился Трофим.— Так и сделаем, Сема.

Они пошли на гумно, которое было тут же, в задах двора. Буденный, прорыв в скирде соломы дыру, залез в нее. Старик сверху забросал его соломой.

Пригревшись в своей норе, Буденный заснул. Сколько он спал, он не мог понять. Его разбудили чьи-то шаги по смерзшемуся снегу. Он прислушался.

— Сема! — позвал его дед.— Не слышишь, что ли?

Буденный некоторое время не отзывался.

— Да ты тут, что ли, ай нет? — снова спросил старик.

— Тише, дед Трофим,— откинув солому, прошептал Буденный.— Что ты так раскричался?

Старик рассмеялся:

— А чего мне бояться-то? Какого лешего испугался?

Лунный свет озарял смеющееся бородатое лицо Трофима, и Буденный с опаской посмотрел на него: «Уж грешным делом не подвыпил ли?»

Но старик рассеял его сомнения.

— Ведь уехали они,— сказал он.

— Кто?

— Да эти офицерья с казаками.

— А фронтовиков хуторских забрали с собой? — спросил Буденный.

— Человек десять конных забрали. Остальные разбежались навроде тебя. Не захотели с дьяволами идти. Офицер-то этот, горбоносый, дюже по-матерному ругался, плетью гро-

зился. «Побью, говорит, всех супротивников нашей власти, а хутор сожгу». Велел он атаману завтра к двенадцати часам дня всех казаков и солдат, какие записались, собрать. Обещал приехать к этому времени... Беляки хотели было тут заночевать, да прискакал какой-то конный, спугнул их, навроде где-то красных увидел... Я так думаю, Сема, оно хоть и страшновато зараз, в ночь-то ехать, а, видимо, ехать надобно... Я, конешное дело, не за себя опасаюсь. Мне-то можно бы и до завтра обождать, а вот о тебе я беспокойство имею... Могут ночью ай утречком дьяволы-то нагрянуть, ну, и заберут тебя, загонят, черт их знает куда, на кулички... Так вот хочется мне упасти тебя от напасти злой... Поедем в Платовскую. Глядишь, к часу ай к двум ночи дома будем...

Буденный вылез из соломы и поблагодарил старика. Они запрягли лошадь и тронулись в путь.

XVIII

Прохор Ермаков с двумя своими товарищами — вахмистром Востропятовым и урядником Захаровым, выделенными делегатами на III Всероссийский съезд Советов, выехали в Петроград.

Почти на каждой станции поезд простаивал часами, пропуская эшелоны с красногвардейцами, идущими на фронт, и составы сильно изношенных товарных вагонов, направлявшихся на юг за хлебом.

Только через неделю утомительного пути, 29 января 1918 года, наконец казаки приехали в Петроград. Уведомленный о приезде казаков, Владимир Ильич Ленин выслал за ними свой автомобиль. Их усадили в машину и повезли в Смольный.

Прохору впервые пришлось быть в Петрограде. Он представлял себе, что столица России должна быть прекрасной, но то, что он увидел, превзошло его ожидания. Когда их везли по городу, Прохор с любопытством оглядывался по сторонам... В Смольном, в приемной Ленина, было много народу. К казакам подошел скромно одетый в серый костюм молодой человек лет тридцати с простым открытым лицом.

— Я — секретарь товарища Ленина,— сказал он.— Садитесь, пожалуйста, подождите. Сейчас узнаю.

Прохор сел на мягкий стул, обитый бордовым бархатом, и взволнованно стал смотреть на тяжелую с причудливыми вырезами дубовую дверь, за которой скрылся секретарь. У него было приподнятое настроение, сильно колотилось сердце, и Прохору казалось, что он слышит его биение.

Да как можно и не волноваться! Ведь вот сейчас распахнется эта массивная дверь, выйдет из кабинета секретарь и скажет: «Пожалуйста, товарищи!» И он, Прохор, простой ка-

зак, вместе со своими товарищами, такими же простыми людьми, как и он, войдет в кабинет и увидит там самого Ленина.

Прохор взглянул на своих товарищей. Они были взволнованы. Торопливо переговариваясь, наверно, еще раз проверяя, чтобы не забыть, что нужно сказать Ленину, они нетерпеливо поглядывали на дверь.

Из кабинета вышел секретарь.

— Товарищи казаки,— улыбаясь, сказал он,— Владимир Ильич просит вас войти.

Еще раз одернув гимнастерку и на ходу причесываясь, Востропятов и Захаров направились в кабинет Ленина. Преодолевая робость, Прохор зашагал вслед за ними и вошел в просторный, светлый кабинет.

Навстречу казакам, мягко ступая по мохнатому ковру, шел лысоватый, плотный, крепкого телосложения человек, чуть ниже среднего роста, в расстегнутом пиджаке.

Прохор сразу узнал в этом светловолосом, со лбом мудреца человеке Ленина, хотя до этого Ленин, судя по газетным фотоснимкам, представлялся ему брюнетом.

Руководитель казачьей делегации урядник Захаров вытянулся по-военному перед Лениным.

— Разрешите от имени донского революционного казачества,— сказал он, словно рапортуя,— приветствовать вас, председатель Совета Народных Комиссаров Советской Республики!

Владимир Ильич блеснул глазами и так же, как и Захаров, выпрямился перед казаками, опустив руки по швам и торжественно, с легкой приятной картавинкой ответил:

— От имени Совнаркома Советской России приветствую донское революционное казачество.— И, улыбаясь, прощупывая каждого казака своими зоркими, живыми глазами, подал всем руку.

— Рад познакомиться с революционными донцами,— продолжал Ленин.— Мне уже телеграфно сообщили о вашем каменском съезде. Очень хорошо вы его провели. А почему Подтелков не приехал с вами?

— Подтелков остался в Каменской, Владимир Ильич,— ответил Вострапятов.— Мы его выбрали председателем Военно-революционного комитета. Ему сейчас некогда: контрреволюцию собирается там душить.

— Занятие, быть может, и не совсем приятное,— усмехнулся Ленин,— но чрезвычайно необходимое и полезное. Революция, партия, народ возложили эту почетную задачу на нас, революционеров, и мы обязаны с честью ее выполнить... А жаль, что Подтелков не приехал. Я хотел бы с ним познакомиться. Говорят, легендарный казак. Ростом под потолок, а борода до пояса,— пошутил он.

Простота и приветливость, с которой говорил Ленин, обод-

ряюще подействовали на казаков. Они стали чувствовать себя смелее и свободнее.

— Да, Владимир Ильич,— усмехнулся Прохор.— Ростом Подтелков действительно высок. Из гвардейцев ведь он. И борода у него есть, но так это не борода, а бороденка... Хороший он казак, Владимир Ильич, настоящий революционер.

Прохор восторженно смотрел на Ленина. Вот он какой — Владимир Ильич! Сколько в нем простоты и доброжелательства, добродушия!

На душе Прохора стало легко и покойно, словно попал он в привычную для него обстановку, будто Ленина он знал уже давно. А ведь всего несколько минут назад, перед тем как войти в этот кабинет, при мысли о том, что в нем находится Ленин, Прохор испытывал робость.

— Заслуга Подтелкова перед революцией велика,— задумчиво сказал Владимир Ильич.— Очень велика. Мне известно, какую большую работу он вместе со всеми вами провел по организации революционного казачества. Сорок шесть донских казачьих полков на вашем съезде фронтовиков в станице Каменской объявили непримиримую войну с Калединым... И совершенно правильно, что именно Федор Подтелков возглавил ваш Военно-революционный комитет.

Ленин прошел к столу.

— Прошу, товарищи, садитесь,— сказал он.

Все расположились вокруг стола, накрытого тяжелой бордовой скатертью. Владимир Ильич позвал секретаря.

— Угостите нас чаем,— сказал ему Владимир Ильич.— Вы, товарищи казаки, извините. Сахар, вероятно, найдется, а вот насчет деликатесов — не взыщите,— развел он руками.— Нету! Вы на своем Дону, наверно, привыкли жить широко и сытно. А нам здесь приходится туго. Очень туго. Рабочие животы подтянули. На осьмушке хлебного суррогата живут. Живут и, представьте, неплохо работают.

Принесли чай, расставили на столе стаканы. Ленин, придвинув к себе стакан и размешивая сахар ложечкой, стал расспрашивать казаков о съезде фронтовиков в Каменской, о настроении казачества, о силах казачьей контрреволюции. Казаки подробно рассказывали ему.

— Судьба казачества — в его собственных руках,— сказал Владимир Ильич.— Если вы, казаки, хотите прекращения войны и быстрого, честного мира, то должны крепко стать в наши ряды и поддержать Совет Народных Комиссаров.

— Владимир Ильич,— заметил Востропятов.— Да мы-то крепко стали на сторону Советской власти...

— Вы-то — да-а,— протянул Ленин.— Но вы — это пока что незначительная часть казачества... Я имею в виду все казачество, всю бедняцкую и середняцкую часть его, во всяком случае. Ведь и у нас и у казачества общие враги — помещики,

капиталисты, корниловцы... Они обманывают казачество и толкают его на путь гибели.

Казаки слушали Ленина внимательно.

— Вы, революционные казаки,— продолжал Владимир Ильич,— конечно, все это отлично понимаете, раз твердо и бесповоротно стали на тот путь, по которому ведет нас наша партия... От вас сейчас многое зависит. Вы должны противопоставить свои силы силам донской контрреволюции... Нужно во что бы то ни стало стремиться привлечь середняцкое казачество на сторону Советской власти.

— Это все правильно, Владимир Ильич,— снова сказал Востропятов.— Но вот, прямо надо сказать, силы у нас слабы...

— Я знаю. И я чувствую, что вы это скажете, попросите помощи. Это законное ваше право. Мы обязаны вам помочь... Я вчера говорил с товарищами по этому поводу. Все мы считаем, что вам, революционным казакам, помочь надо. Мы пошлем к вам добровольцев, агитаторов. Из казачьего комитета при ВЦИКе мне сообщили, что направят около ста казаков-агитаторов... Поможем и еще кое-чем... Совет Народных Комиссаров твердо убежден, что в борьбе с врагами народа он найдет полную поддержку трудового казачества и крестьянства Дона.

— Приложим все усилия, Владимир Ильич,— сказал Востропятов,— чтобы оправдать вашу уверенность. Вы можете не сомневаться в том, что лучшая, передовая часть трудового казачества встанет на защиту Советской власти, но...— запнулся Востропятов.

— Что вы хотите сказать? — вопросительно взглянул на него Ленин.

— Вы извините меня, товарищ председатель Совнаркома,— нерешительно проговорил Востропятов.— Мы уполномочены от имени фронтового казачества заявить вам, что казаки ждут от Совета Народных Комиссаров льгот для себя...

Ленин недоумевающе оглянул казаков.

— О каких же льготах идет речь? — спросил он и, не дожидаясь ответа, сказал: — Ведь Совнарком уже отменил обязательную воинскую повинность казаков. Отменил и обязанность казаков приобретать за свой счет обмундирование и снаряжение, когда их призывают на военную службу [1]. В ближайшее время Совет Народных Комиссаров разрешит земельный вопрос в казачьих областях на основе советской программы. Все это надо широко разъяснить казачьему населению в целях

[1] До революции каждый казак, призываемый на военную службу, обязан был за свой счет справить строевого коня с седлом, обмундирование, снаряжение и оружие — пику, шашку, за исключением винтовки.

привлечения его на борьбу с калединцами и прочими контрреволюционерами.

Казаки внимательно слушали Лениив и все, что ои говорил им, записывали для того, чтобы об этом рассказать у себя, иа Дону.

Когда казаки остались одни в гостинице «Астория», где их поместили, они долго и восторжеиио обсуждали свою встречу с Лениным.

— Никогда этого не забуду! — говорил Прохор.— Какой же товарищ Ленин хороший, простой, обходительиый!..

— А ведь какой великий человек! — подхватывал Востропятов.— А у иас какой-нибудь есаулишко уже иос задирает, задается... Говорят, все великие люди просты в обхождении...

— Товарищи! — вспомиил о чем-то Прохор.— Вот довелось иам от имени всего донского казачества побеседовать с товарищем Лениным. Сколько ои порассказал! Как приедем на Дон, обо всем мы должиы отчитаться перед казаками. А вот кое-что у нас не в порядке...

— О чем это ты? — спросил Востропятов.

— А вот о чем,— ответил Прохор.— Как мы будем отчитываться о таком деле: сейчас в Петрограде иаходятся три иаших казачьих полка: первый, четвертый и четырнадцатый. Зачем оии здесь? Там они нам могут большую помощь оказать в разгроме контрреволюции...

— Правильно иадумал,— согласился Востропятов.— Полки эти революционные. Они действительно могут нам здорово помочь.

— Верио толкуете,— согласился и Захаров.— Полки иадо иаправить иа Дон. Доложим обо всем этом товарищу Леиину. Ои поможет.

— И это правильно,— кивиул Востропятов.

— Я предлагаю созвать завтра митинг полков и поговорить с казаками,— предложил Прохор.

— Ладно,— согласился Захаров.— Так и сделаем. А сейчас — спать.

...Казаки жили в Петрограде неделю. За это время им еще раз пришлось увидеться с Леииным. Они разрешили все вопросы, которые ставили перед правительством. Все казачьи полки, иаходившиеся в Петрограде, решено было возвратить иа Дои завершать революцию.

Прохор Ермаков и Востропятов возвратились к себе, в Камеискую, Захаров остался работать в Петрограде. Его избрали членом казачьей секции при ВЦИКе.

XIX

Когда Буденный с дедом Трофимом подъезжал к Платовской, где-то на западе, во мгле ночи, вспыхивали зарницы и глухо рокотала артиллерия.

— Слышишь, гудёт? — неодобрительно покачал головой дед Трофим.

Буденный промолчал. Поблагодарив старика, он слез с саней и, не заходя домой, направился в станичный ревком узнать, каково положение в станице. Но в ревкоме никого не было. Всюду в комнатах царил беспорядок, полы усеяны рваной бумагой. Видимо, все бежали отсюда второпях.

По тихим, пустынным улицам Буденный пошел домой. Родители не спали. Они с тревогой прислушивались к раскатам артиллерийской стрельбы.

— Чего вы не спите? — входя в хату, спросил Буденный.

— Какой уж тут сон? — плача, проговорила мать.— Такого страха с отцом пережили — и не приведи боже.

— Чего ж вы так боялись?

— Да как же, сынок, весь день из пушек палят... Вот-вот белые в станицу войдут. Измываться же они будут... А тут наш Емельяша к Никифорову в отряд поступил.

— Ну и правильно сделал,— сказал Буденный.

— Как так — правильно? — всплеснула руками Мелания Никитична.— Ведь его там и убить могут... А ведь он только со службы пришел.

— Молодец Емельян! Если б, мамаша, он к красным не ушел, то его белые б могли забрать... А кто это спит?

На сундуке лежал волосатый парень.

— Ай не признаешь? — радостно спросил отец.

Семен нагнулся над спящим. Тот, приоткрыв веки, улыбнулся:

— Здорово, братушка!

— Дениска?! — обрадованно вскричал Семен, сжав в объятиях брата.— Ах, чертушка ты этакий!.. Когда же прибыл?

— На другой день после твоего отъезда в Великокняжескую... Это, выходит, значит... пятнадцатого февраля...

Юноша встал с сундука, подсел к брату. Семен любовно глядел на него.

— Ишь ведь ты какой стал,— с изумлением сказал он.— Вырос на войне... Ну как, Дениска, пришлось и тебе хлебнуть горячего?

— Ну, а как же,— вздохнул юноша.— Пришлось, Сема, повидать всяких страхов.

За станицей все слышнее ухали пушки, низенькие оконца хаты при каждом ударе тоненько звякали.

— Господи Исусе! — перекрестилась Мелания Никитич-

на.— Целый день и ночь, без перерыва, так и стреляют, так и стреляют... Сколько теперь понабили народу, матерь божья... Цел ли наш Емельяша?

По улице пробарабанил дробный перестук копыт мчавшейся лошади. Под окном топот оборвался. Мелания Никитична прильнула к стеклу, всматриваясь в темь ночной улицы.

— Господи! — вскрикнула она обрадованно, бросаясь к двери.— Никак, Емельяша?!

Она выбежала в сени и вскоре, вся сияя от счастья, снова вошла в хату.

— Ну вот, я же говорила, что Емельяша,— сказала она.

Вслед за нею в хату вошел молодой парень с винтовкой за плечами и болтающейся шашкой на боку. Оглянув всех своих, он удовлетворенно сказал:

— Вот хорошо, что я вас всех застал дома... Зараз же запрягайте лошадей и езжайте в Большую Орловку... Наши туда отступают... Платовскую минуют, сюда никто заходить не будет. Нас послали оповестить своих... Ну, так живо! Я пошел,— ринулся он к дверям.— Некогда мне.

— Погоди, Емельяша,— кинулась к нему мать.— Поешь хоть, небось голодный.

— Некогда, мать,— буркнул парень.

— Ну хоть кусок хлеба возьми с собой.

— Хлеб давай,— согласился Емельян.

Мать проворно отрезала кусок хлеба и сунула в карман его полушубка. Парень исчез за дверью.

— Ну что же, Денис,— встал Семен.— Прохлаждаться нечего. Одевайся, а я пойду запрягу лошадей. Ты, отец, поедешь с нами?

— Что ты, Сема, куда мне? — замахал руками Михаил Иванович.— Куда я от матери поеду?.. Буду с ней до конца. Да они, беляки-то, нас не тронут... Нужны мы им?..

— Смотри, отец, тогда не обижайся,— сказал Семен,— если что случится с тобой... Где хомуты-то?

— В сарайчике. Вон ключ висит, возьми.

Вскоре братья Буденные выезжали из Платовской станицы. Они направились на северо-запад. В том же направлении ехало немало народу. Видимо, Емельян со своими товарищами всполошил всю станицу, и от белых теперь убегали многие.

Было уже часов десять утра, когда братья приехали в хутор Козюрин. Они остановились у родственников. В хутор все время прибывали беженцы из Платовской и рассказывали ужасы о белых. В полдень в хутор прибыл и отряд Никифорова.

Никифоров, плечистый рябоватый мужчина лет под сорок, в нагольном полушубке, перекрещенный ремнями, ехал впереди отряда.

— Здоров,— сказал он, увидев Буденного в толпе встреча-

ющих отряд.— Пойди-ка сюда, мне, брат, надо с тобой поговорить.

Никифоров выехал из строя и приказал отряду сделать остановку на отдых. Соскочив с лошади, он передал повод ординарцу.

— Пойдем, Буденный, в хату...

Они вошли. Кроме старухи, месившей у печи тесто, здесь никого не было.

— Можно, бабуся, обогреться? — спросил Никифоров.

— А отчего ж нельзя, проходите. Садитесь, грейтесь.

— Бабуся, нет ли у тебя корочки хлеба да двух стаканчиков,— пройдя от двери и садясь на лавку, сказал Никифоров.— Мы погреемся с холоду... Продрог я. Брр!.. Хоть и не особенно холодно, а пробирает...

Старуха молча нарезала хлеба, поставила на стол тарелки с салом и огурцами. Никифоров, вынув из кожаной сумки, висевшей у него на боку, бутылку водки, с силой хлопнул ладонью по дну. Пробка взвилась под потолок. Он наполнил стаканы водкой.

— Бери, Семен Михайлович! Будь здоров!..

Они выпили.

— Что думаешь предпринимать, Тит Александрович? — спросил Буденный.

— Вот насчет этого-то я и хочу с тобой поговорить,— ответил Никифоров.— Как поотдохнут мои хлопцы, так двинемся на Большую Орловку. Там соединимся с отрядами Ковалева и Ситникова. А потом пойдем по калмыцким станицам с облавой на богатеев. У калмыков черт знает сколько оружия припрятано. Надо его у них изъять. А то ведь они настроены враждебно против Советской власти. Из-за каждого угла будут стрелять в нас...

— Я б тебе, Тит Александрович, посоветовал другое,— сказал Буденный.— Идти сейчас же на Платовскую...

— Зачем? — удивленно поднял густые брови Никифоров.

— Только сейчас, перед твоим приходом, сюда прибежал из Платовской Панченко... Знаешь его? Тот, что был у нас членом Совета... Так вот он рассказывает, что в Платовской сейчас происходит что-то страшное. Вернулся коннозаводчик Абуше Саркисов, и он вместе с белыми почти поголовно вырезает иногородних... Рубят шашками, бьют плетьми, жгут, насилуют баб и девушек... Саркисов избил плетьми и Панченко. А потом его втолкнули в толпу обреченных к расстрелу... При команде «пли!» Панченко упал и притворился мертвым. После расстрела с убитых стали снимать одежду. С Панченко тоже стащили сапоги. До ночи он лежал среди трупов, а потом бежал. Посмотрел бы ты на него! Он ведь совсем еще молодой, а за сутки так поседел, что кажется стариком... Вот поэтому-то

я и думаю, что тебе надо сначала пойти на Платовскую, выбить оттуда белых и выручить своих...

Никифоров, задумавшись, молчал, опустив глаза. Потом, встряхнув всклокоченной головой, решительно заявил:

— Нет, Семен Михайлович, не поведу на гибель свой отряд. Может, и моя семья сейчас в Платовской гибнет, а все же идти туда нельзя... Силы у меня малые. Что с ними сделаешь? Только погубишь всех до одного... А тут патронов нет. На каждого по одному-два патрона осталось. Вот как объединимся с Ковалевым и Ситниковым, пополнимся патронами, тогда можно пойти и на Платовскую, выбить белых... Ты давай, Семен Михайлович, с нами отходить. Бери под командование всю кавалерию...

— Нет,— отказался Буденный.— Не могу. Я поеду в Платовскую.

— В Платовскую? — изумился Никифоров.— С кем же? Один, что ли?

— А что же, может, и один,— задумчиво заявил Буденный.— Я не могу быть равнодушным, когда там погибают наши люди... Может, удастся кого спасти. Я все-таки советовал бы тебе, Никифоров, сначала выбить белых из Платовской, а потом уже пойти на соединение с Ковалевым и Ситниковым. Подумай.

— Нет,— закачал тот головой.— Я уже сказал, что патронов нету... На гибель людей не поведу. Это было бы преступление. Вот уже после, как соединимся с ковалевским и ситниковским отрядами, тогда...

— Поздно будет,— сказал Буденный.— Всех наших людей в Платовской к тому времени постреляют.

— Что поделаешь? — пожал плечами Никифоров.— Другого выхода нет. А тебе, Семен Михайлович, соваться в Платовскую нечего. Поймают и убьют.

— Если осторожно действовать, то не поймают.

К вечеру Никифоров увел свой отряд в Большую Орловку. С отрядом уехали из хутора и все платовцы, бежавшие от белых из станицы. Остались здесь немногие. В том числе и братья Буденные — Семен и Денис.

Переночевав на хуторе, утром следующего дня Семен сказал Денису:

— Хочу поехать в Платовскую узнать, что там делается.

— В Платовскую? — удивился тот.— Вот это да. Когда же?

— Думаю, завтра в ночь. Ночью удобнее. Хата наша с краю, подъеду, никто и не заметит.

Денис подумал.

— Тогда и я поеду,— сказал он.— Вдвоем будет лучше.

— Это верно,— согласился Семен.— Если желание есть — поедем. У тебя — винтовка, у меня — наган...

— Я думаю, и Федор поедет с нами,— проговорил Денис.— У него есть верховая лошадь. Есть и винтовка...

— Это какой же Федор? — спросил Семен.

— Просолов.

— А-а, ладно. Парень неплохой. Пусть и Федор собирается.

Но когда на следующий день братья Буденные и Федор Просолов собрались ехать в Платовскую, к ним присоединились еще восемь конников во главе с соседом Филиппом Новиковым, отставшим от отряда Никифорова.

Семен радостно оглядывал свой маленький отряд. Ребята все были боевые.

Ехали не спеша, с предосторожностями.

Погода стояла промозглая, сырая. Накрапывал мелкий колючий дождь.

К вечеру на горизонте показались дымки хутора Болгарского. Конники оживились, мечтая о теплой хате, где можно отдохнуть и закусить. Семен предупредил:

— Вот что, хлопцы, подъезжать будем тихо и осторожно. Возможно, у окраины застава белых...

Перед самым хутором Семен, дав знак своему отряду следовать за ним, свернул с дороги в сторону и поехал через огороды.

— Вон,— шепнул он своим конникам, указывая на всадника, стоявшего на окраине хутора у дороги.— Могли б на него напороться. А теперь слушайте, ребята. В хуторе, наверно, разведка белых. В такой дождь беляки сидят в какой-нибудь теплой хате. Соблюдайте осторожность.

Рассыпавшись цепочкой, держа винтовки на взводе, они медленно продвигались вдоль улицы. Белых не было видно. Буденный, находящийся впереди, вдруг остановился и стал вглядываться. Когда к нему подъехали остальные всадники, он указал на большой дом, крытый железом:

— В этом доме беляки... Их шестеро.

— Откуда ты знаешь? — удивился Денис.

— Вон же их лошади стоят под сараем,— ответил брат.

Заглянув через плетень, все увидели во дворе, под сараем, шесть оседланных лошадей с накинутыми на морды торбами.

— Спешивайтесь, ребята,— приказал Семен.— Отдайте лошадей вот тем хлопцам,— указал он на двух молодых парней.— Окружим дом. Слушайте мою команду! Обойтись надо без стрельбы... А то дозорный испугается и удерет в Платовскую. Пошли!..

В несколько минут белогвардейская разведка была поймана.

После этого Буденный приказал брату Денису с двумя парнями изловить белогвардейца-дозорного, боясь, что он сообщит о них в Платовскую белому командованию.

В хуторе оказалось несколько платовских парней, бежав-

ших от белых. Они изъявили желание также поехать с Буденным в Платовскую. Буденный отдал им отбитых у белогвардейцев лошадей, вооружил их. Два парня из этого хутора примкнули к отряду на своих лошадях. Таким образом, у Буденного образовался отряд в двадцать человек...

— Теперь у нас целая армия,— засмеялся Семен.— Поехали, братцы!

Выехали из хутора Болгарского. Семен Буденный свернул с дороги, боясь наткнуться на заставу белых, и повел свой отряд по бездорожью, степью. Было так темно, что не разглядеть даже лошадиных ушей, а поэтому ехали наугад, по памяти. Все здесь в отряде были местные жители, дорогу знали прекрасно и могли бы дойти в Платовскую даже с завязанными глазами.

Вскоре во мгле ночи замелькали огоньки станицы. Оттуда несся невнятный шум, остервенелый лай, изредка хлопали выстрелы.

Буденный завел свой отряд на кладбище, находившееся на окраине станицы. Недалеко отсюда стояла хата Буденных.

— Подождите меня,— шепнул Семен брату.— Пойду разведаю.

Огородами и садами он пробрался к своей хате и постучал в маленькое окошко.

— Кто там? — послышался тихий голос матери.

— Мама, открой,— прошептал Буденный.— Это я, Сема.

— Зараз, сыночек,— засуетилась старуха.

Низенькая дверь распахнулась. Семен обнял мать, поцеловал ее седую голову.

— Живы-здоровы? — спросил он.

Мелания Никитична зарыдала на груди сына.

Семен встревожился:

— Мама, что случилось?..

— Отца...— сквозь рыдания выдавила старуха,— отца-то... арестовали... Увели... Слышишь?..— замолкла она на мгновение.— Стреляют. Это ж они, проклятые, расстреливают наших там... и отца,— снова зарыдала старуха,— должно, пристрелили... Ой, Сема, что ж мы теперь без него будем делать?

— Успокойся, мама. Успокойся, родная.

— Да ты, Сема, заходь в хату-то... Чего ж тут стоишь?

— Не могу, мама, меня ждут... Ты мне скажи, много ли в станице беляков?

— Давеча соседские хлопчики бегали к правлению,— начала рассказывать старуха,— так они сказывали, что в станице находятся две сотни калмыков и одна сотня казаков-кадетов [1]. Пьют напропалую... Все пьяные... Около правления навроде шесть пушек стоят: четыре махоньких да две больших. Ска-

[1] Так называли тогда белогвардейцев.

зывают, что супостаты около трехсот человек наших станичных расстреляли. Поголовно всех расстреливают: мужиков, баб и младенчиков... Живем мы тут и от страха трясемся. А начальника почты Лобанова, знаешь его, что секретарем ревкома-то был, и начальника милиции Долгополова, сказывают, живьем сожгли изверги за то, что вместо вывески правления повесили вывеску ревкома... Облили их керосином и сожгли посередь улицы. Что только и делается на свете божьем... А сынки-то мои, Емельян да Денис, живы чи нет?

— Живы и здоровы, мама, не беспокойся. Ну, прощай, родная,— крепко расцеловал Семен мать.— Пойду!

— Ну, господь тебя благослови, Сема,— прильнула к нему старушка.— Куда ж ты теперь, сынок?.. Воевать?

— Воевать, мама,— сказал Буденный.— Теперь уж без этого не обойдешься. Воевать будем крепко. Попомнят нас белые.

Он шагнул было в темноту, но сейчас же вернулся и еще раз расцеловал крепко мать.

— За нас, мать, не беспокойся. Будем беречь себя. Прощай!

— Прощай, сынок!

Стрельба в станице усилилась. Доносились женские и детские крики. По-прежнему лил беспрестанный нудный дождь. Буденный вернулся на кладбище к своим товарищам.

— Ну что, Семен,— спросил Денис,— был дома? Живы наши?

— Отца арестовали,— мрачно сказал Буденный и, обращаясь ко всем, стал рассказывать: — В станице находятся казаки. Мать говорит, что пьянствуют, бесчинствуют, расстреливают жителей. Правление набито арестованными. Если их сейчас же не освободить, то беляки всех постреляют...

Все некоторое время молчали.

— Да ты что, Сема? — сказал, наконец, Денис.— Мыслимое ли дело, чтобы нам, двадцати человекам, броситься на три сотни беляков? Погибнем ни за понюшку табаку.

— Да и с чем бросаться-то? — подхватил Федор Просолов.— По четыре патрона на каждого всего-навсего у нас...

Этого-то именно и опасался Буденный. Молодые еще ребята, необстрелянные, побоятся.

— Эх вы, трусы! — негодующе сказал он.— Испугались. А чего бояться? Мы налетим на правление, а там сейчас только арестованные да охрана, человек двадцать-тридцать. Остальные казаки небось по квартирам спят. Пока они сбегутся к правлению, так мы уже всех арестованных освободим... К правлению мы в такую непогодь можем подойти совсем незаметно...

— Ладно, я согласен,— сказал Денис.

— Я тоже,— проронил Федор Просолов.

— И я... И я...— отозвались и остальные.

— Вот и хорошо! — весело проговорил Семен.— Поехали... Только такой уговор: следите за мной, делайте все то, что буду делать я. В случае нападения противника прошу об одном: прикрывайте меня сзади и не теряйтесь. Когда закричу «ура», то кричите и вы как можно громче...

Проверив винтовки, всадники двинулись вслед за Семеном. Ехали закоулками, тихо и осторожно. Часто останавливались, пережидали, пока Семен разведывал путь.

Дождь лил с еще большей силой. Взвывали порывы ветра. У какого-то дома с шумом хлопала ставня. Всадники въехали на площадь. Буденный поднял руку, приказывая остановиться, и стал оглядывать местность.

Окна правления были тускло освещены. Внутри здания чувствовалось движение. Временами на улицу проникал невнятный шум, крики. Иногда порывисто распахивалась дверь, на крыльцо выбегал какой-нибудь пьяный и с руганью стрелял вверх из винтовки, выпуская сразу всю обойму. В соседних дворах собаки отзывались яростным лаем.

Семен задумался. Надо немедленно действовать. Нужно попытаться ворваться в правление и обезоружить конвоиров, а потом освободить арестованных. Но пройдет ли это так гладко? Не закончится ли эта попытка провалом? Действовать надо наверняка, чтоб был полный успех.

Подняв от дождя воротник шинели, он долго раздумывал, досадуя, что получается не так, как предполагал. Белые, как нарочно, забились в здание и не показывали носа на улицу.

— Что, Сема, молчишь? — прошептал Денис.

Буденный не успел ответить. Дверь правления широко распахнулась. Кто-то вышел на крыльцо с фонарем. Подняв его высоко над головой, освещая вокруг, он властно крикнул:

— Ну, давай!.. Давай!.. Выводи!..

Фонарь, хотя освещал и слабо, но Буденному и его всадникам было видно, как из правления вышло несколько казаков. Держа винтовки наготове, они стали по сторонам крыльца.

— Ходи! — заглядывая в дверь, свирепо кричал какой-то калмык.— Ходи!

— Арестованных зараз будут выводить,— прошептал кто-то около Буденного.

— Тише! — предупредил он.

Вдруг под Буденным, вытянув голову, звонко заржал конь. Семен похолодел и испуганно взглянул на крыльцо. Но конвоиры не обратили внимания на ржание.

Из дверей правления стали выходить арестованные, связанные друг с другом.

— Приготовься! — вполголоса сказал Буденный, крепко сжимая эфес шашки.— Слушай мою команду!

Парни оживились. У кого были шашки, те выхватили их из ножен, а у кого их не было — проверили затворы винтовок.

Дождавшись, когда из правления на площадь вывели всю партию арестованных, Буденный крикнул:

— Эскадрон, за мной! Ура-а!..

— Ура-а-а! — в едином порыве подхватили парни, поддавая каблуками под бока лошадей. Навстречу брызнули беспорядочные выстрелы.

— Ура-а! — с криком наскочил Буденный на побежавшего по улице длинного белогвардейца, размахивающего фонарем. Подняв шашку, Буденный с силой рубанул ею. Белогвардеец пошатнулся, фонарь выпал из его руки и погас.

Кругом слышались крики, стоны, выстрелы, лязг железа.

— Товарищи арестованные! — закричал Буденный.— Мы красногвардейцы!.. Освобождайтесь и вооружайтесь! Бейте белых гадов! Да здравствует Советская власть! Ура-а!..

— Ура-а! — загремело вокруг.

В одно мгновение арестанты были освобождены от веревок.

— Бей проклятых беляков!.. Бей гадов! — неслось отовсюду.

Из правления стали выбегать перепуганные конвойные казаки и калмыки. Пробарабанив ногами по ступенькам крыльца, они разбегались во все стороны. За ними устремлялись в погоню только что спасенные от расстрела жители.

Буденный в сопровождении брата Дениса, Новикова и нескольких других парней вбежал в правление. В первой комнате, занимаемой охраной, находилось с десяток казаков. При появлении вооруженных людей они подняли руки. Вперед выступил молодой кудрявый урядник.

— Сдаемся,— сказал он.— Воевать с вами не желаем. Нас забрали в отряд силком.

Буденный вгляделся в него и узнал. Это был один из тех казаков, которых мобилизовали в хуторе Елиматеиском, где чуть не забрали и его.

— Ладно,— сказал Буденный,— разберемся. Сдавайте оружие! Новиков, принимай! А потом раздай винтовки освобожденным товарищам.

В большом зале правления при тусклом свете пятилинейной лампы сидело и лежало человек до двухсот арестованных. Стоял тяжелый запах.

— Вы свободны, товарищи! — крикнул им Буденный.— Расходись по домам!.. А кто имеет желание, вступайте к нам в отряд. Сейчас же и оружие получите.

Зал зашумел. Раздались радостные, взволнованные крики. Люди вскочили с пола, обступили Буденного.

— Спасители наши!.. Спасители...

— Век вас не забудем!..

— Ах, дьявол тебя забери,— крикнул кто-то радостно.— Да ведь это ж Семен Буденный!

Среди освобожденных отца Буденного не оказалось. Никто не знал, куда он девался. Но нашелся один старик, который сказал Буденному, что отца его расстреляли белые.

— Сам видел, как его повели расстреливать,— уверял старик.

Буденный послал брата Дениса с несколькими кавалеристами в Куцую балку, где белые расстреливали жителей станицы. Среди трупов старика Буденного тоже не оказалось.

Но с белыми не все еще было покончено. То там, то сям в станице возникали схватки с ними, впрочем, быстро заканчивавшиеся. Почти все жители были на стороне красных и помогали советским бойцам уничтожать белогвардейцев.

Когда, наконец, белогвардейцы были изгнаны из станицы, Буденный сказал Новикову:

— Беги, Филипп, на колокольню, бей в набат. Будем собирать жителей на собрание...

Вскоре с колокольни стали падать чистые удары колокола, тревожным гулом расплываясь над станицей.

Пока население собиралось у правления, Буденный распорядился выслать за станицу разъезды, а сам занялся подсчетом трофеев. Бежавшие калмыки и казаки оставили у правления два конногорных орудия с тремястами снарядов, четыре пулемета «максим», много винтовок, патронов и лошадей с седлами.

— Ведь это ж мы целый отряд вооружим! — воскликнул Буденный.

Народ собрался у правления. Буденный вышел на крыльцо. Сквозь муть промозглого рассвета он увидел сотни устремленных на него глаз. Смахнув с головы серую солдатскую шапку, он закричал:

— Граждане! Я долго говорить не буду. Времени нет. Каждую минуту сюда могут ворваться белые и снова начнут продолжать свои злодеяния. Кто хочет спасти себя и семью от гибели и насилий, записывайтесь в наш отряд, получайте оружие и патроны. Время не ждет... Общими усилиями отстоим станицу.

Толпа взволнованно загудела:

— Записывай меня!

— Давай винтовку мне!

— Записывай меня с сыном!

Буденный поднял руку:

— Всех желающих запишут, кое-кому дадут винтовки с патронами. У кого есть свое оружие, несите. Есть ли среди вас артиллеристы?

— Я — артиллерист,— поднял в толпе кто-то руку.

— Я — тоже,— поднялась вторая рука.

— И я...

— Все артиллеристы ко мне! — приказал Буденный.

Из толпы выступило человек десять фронтовиков.

— Вот вам, товарищи, артиллерия,— указал им Семен на пушки, стоявшие у крыльца.— Быстро наладьте их, приготовьте к бою.

— Слушаемся! — козырнули фронтовики и направились к пушкам.

— Пулеметчики, ко мне! — снова крикнул Буденный.

И снова из толпы вышло несколько человек.

— К пулеметам! — приказал им Буденный.— Денис, записывай желающих вступить к нам в отряд. А ты, Федор, раздай винтовки и патроны и чтоб каждый расписался в получении... Предупреди — зря патроны не расходовать. Спрашивать за каждый напрасно истраченный патрон будем строго.

Через час вербовка была закончена.

— В отряд записалось, товарищ командир,— официально доложил Денис брату,— пятьсот тридцать два человека. Винтовки и патроны выданы. Те, кто не получил винтовок, обижаются. Говорят, сманили вступить в отряд, а сами оружия не дают...

Буденный усмехнулся:

— Ничего, в бою добудут оружие. Теперь, Денис, давай-ка организуем конный отряд... Лошадей у нас много, раздадим их.

— Сема,— нерешительно проговорил Денис.— Я себе из трофейных добрую коняку выбрал. А свою оставил.

— Вот себе-то ты выбрал,— укоризненно проговорил Буденный,— а товарищам небось нет? — кивнул он на Новикова и Прасолова.

— А мы, Семен Михайлович, своих тоже позаменили на добрых лошадей,— живо откликнулся Федор Прасолов.

— Ну и правильно сделали,— сказал Буденный.— Заработали честно.

— Мы и вам, Семен Михайлович, выбрали доброго коня,— сказал Новиков.— Должно быть, офицерский был.

— Вот за это спасибо, что о старшем своем товарище не забыли...

Буденный разбил пехоту на четыре роты, роты на взводы и отделения. Выбрали командиров.

24 февраля весь день прошел в похоронах жителей, расстрелянных белыми.

Буденный знал, что белогвардейцы так просто не примирятся с захватом красными партизанами Платовской станицы и постараются их выбить оттуда. Поэтому он принял все меры к защите станицы. На колокольне создали наблюдательный пункт. Все работоспособное население было привлечено рыть окопы вокруг станицы, в которых засели вооруженные заставы. К Никифорову был послан нарочный с просьбой, чтобы он вернулся с отрядом в станицу.

Народ все записывался в отряд и записывался, и вскоре в

отряде у Буденного насчитывалось уже до 800 человек, в том числе эскадрон кавалерии.

В полдень 25 февраля наблюдатели с колокольни заметили появление со стороны Великокняжеской большого отряда пехоты и конницы. Была поднята тревога. Подготовились к битве. Но вскоре выяснилось, что в Платовскую шел царицынский отряд красных партизан Тулака.

С отрядом Тулака пришел и отец Буденного, Михаил Иванович. Оказалось, что действительно старика белые повели расстреливать, но дорогой его отпустил знакомый платовский калмык. Старик тайными тропами стал пробираться к родственникам в Великокняжескую, но на окраине станицы он был схвачен белогвардейцами и снова посажен в тюрьму. Тулак выбил из станицы белых и освободил арестованных, в том числе и старика Буденного.

Вскоре в Платовскую прибыл отряд Никифорова.

— Семен Михайлович, прости, дорогой,— сконфуженно сказал Никифоров Буденному.— Ошибку сделал я тогда, что не послушался тебя...

— Ну, что ж теперь делать,— сказал Буденный.— Повинную голову меч не сечет... Не стоит об этом вспоминать... Давай вот укреплять наш отряд.

Два отряда слились в один, насчитывающий теперь около двух тысяч человек.

Был сформирован также кавалерийский эскадрон в сто шестьдесят сабель. Командиром эскадрона был выбран Семен Буденный.

XX

Виктор с Семаковым еще больше сдружился. Без него или его совета он и шагу не мог сделать. Он верил в трезвый ум своего старшего товарища, верил в его проницательность, а поэтому подчинялся ему во всем.

После занятия Ростова белогвардейцами ни Виктор, ни Семаков с частями Красной гвардии не ушли из города. Они были оставлены для подпольной работы. Остался также и Василий Афанасьев.

В то время все большевистские организации ушли в подполье. В тылу врага они широко развернули политическую работу среди рабочих, трудовых масс казачества и крестьянства. Большевики сплачивали революционные силы, готовясь в тылу нанести удар по врагу.

В Ростове работал подпольно Ростово-Нахичеванский большевистский комитет, который руководил всеми организациями Дона.

Была создана сеть подпольных большевистских ячеек не только в самом Ростове, но и в ряде казачьих станиц и сел. Под влиянием большевистской агитации все больше возрастало забастовочное движение в городах, росло недовольство казачьей и крестьянской бедноты белогвардейскими порядками.

Еще при расформировании маршевой роты, в которой служили Виктор, Семаков и Афанасьев, они сумели припрятать оружие в надежном месте. В случае необходимости оружие могло быть использовано.

Семаков, являясь членом городского подпольного комитета большевиков, был связан со многими рабочими ряда предприятий, где были созданы ячейки. У него была даже налажена связь с тюрьмой и несколькими еще не расформированными воинскими частями.

На Виктора были возложены обязанности связного. Днем и ночью, почти не отдыхая, он выполнял поручения. Его было удобно использовать на такой работе. Статный, красивый юноша с погонами вольноопределяющегося и крестами на груди, он никогда не вызывал подозрений у белогвардейцев.

Однажды Виктора вызвали на конспиративную квартиру по Нижне-Бульварной улице.

Он и раньше бывал здесь. Небольшой, довольно уже ветхий флигелек, принадлежавший старику, сторожу какого-то магазина, стоял особняком от других домов, словно стыдясь быть с ними в одном ряду. Хозяин этого флигелька был человеком испытанным, проверенным. На него можно было положиться.

Когда Виктор, обменявшись с выставленным у дома товарищем условными паролями, вошел в низенькую комнату флигелька, он увидел сидевших за столом Семакова, Афанасьева и пожилого мужчину с седой бородкой и в очках, Андреева, того самого, который когда-то впервые давал поручения Виктору и принимал от него заявление о вступлении в партию.

— Садись, Витя,— сказал Семаков.

Юноша присел на табурет.

— Что-то Соловьева долго нет,— взглянул на часы Андреев.

Но в это же мгновение открылась дверь и в комнату вошел бледнолицый, сухощавый мужчина лет сорока в шинели без погон.

— Легок на помине,— усмехнулся Семаков.— Товарищ Андреев только что тебя поминал...

— Садитесь, товарищи, ближе,— попросил Андреев.

Все пододвинулись к нему.

— Товарищи,— глуховатым голосом начал Андреев,— белогвардейцы арестовали некоторых наших подпольщиков, нескольких расстреляли... Сейчас в тюрьме томятся двадцать три самых видных активиста нашей партии. Ждут суда. Для нас

будет большим несчастьем, если мы допустим, чтоб их казнили. Надо вооружиться, напасть на тюрьму и освободить их. Но прежде мы должны связаться с наступающими частями Красной гвардии. Нам известно, что в Никитовке сейчас Антонов-Овсеенко со своими войсками. С севера наступает Красная гвардия под командованием Сиверса. А где-то около Миллерово находится отряд Петрова... Подпольный комитет для связи с этими частями выделил вас и поручил мне по этому поводу договориться с вами... Вы, товарищ Семаков, поедете в Никитовку. Вы, товарищ Соловьев, попытайтесь связаться с Сиверсом, а товарищи Волков и Афанасьев — с Петровым. Вот вам деньги на расходы, вот документы...

Под видом демобилизованных солдат Виктор и Афанасьев, пересаживаясь с поезда на поезд, медленно продвигались на север. Они уже добрались до станции Глубокая, а о большевистских отрядах даже и слуху никакого не было. Всюду в пристанционных поселках были расквартированы казачьи полки, стянутые Калединым на Дон.

Проезжая станции, Виктор и Афанасьев на платформах видели праздно стоявших казаков. Они лузгали подсолнечные семена, с любопытством встречали и провожали взглядами проходившие мимо поезда. И по их непроницаемым лицам трудно было определить, что у них было на уме, кого они поддерживают: белых или Советскую власть.

Однажды к вечеру поезд подошел к станции Миллерово. Как и всюду, на платформе вокзала было шумно: бабы торговали пирожками, яйцами, молоком, расхаживали молодые парни с девушками. Группе смеявшихся казаков что-то рассказывал небольшого роста казачок. Все его движения и жесты Виктору показались знакомыми. Он пристально вгляделся в казачка. Сомнений не могло быть — это Сазон Меркулов. Виктор окликнул его.

Меркулов с изумлением огляну лся и, увидев Виктора, заулыбался. Придерживая шашку, подбежал к нему.

— Здорово! — протянул он руку.— Куда едешь?

— Да туда,— махнул в неопределенном направлении юноша.

— А-а, понятно,— захохотал Сазон.— Туда, стало быть, на куличкины хутора хлебать киселя... Куда же тебя черти несут?.. Ведь на станции Чертково красные стоят... Какой-то навроде Петров ими командует.

— Петров? — переспросил Виктор.

— А чего ты обрадовался-то? Ай знакомый твой?

— А чего мне радоваться? — равнодушным тоном проговорил Виктор.— Что он делает, этот Петров, в Черткове?..

— Черти его знают,— пожал плечами Сазон.— Слыхал я,

будто он хочет на Новочеркасск и Ростов идти, да нас, казаков, боится... Только зря боится-то, мы его не тронем... Наше дело — сторона.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я все знаю,— хитро сощурился Сазон.— Э, парень,— вдруг вспомнил он что-то.— А ведь твой-то брат, Прохор, никак в Каменской станице. Полк-то Атаманский там стоит. Тут ведь такие, парень, дела были: в Каменской съезд фронтовиков состоялся и Советскую власть принял... Я-то хоть на съезде и не был, но все знаю, что там было, потому как от нашей сотни на нем мой друзьяк был. Вон тот с большим чубом, что с бабой стоит разговаривает да языком губу облизывает, навроде как кот, почуявший сметану... Ух, и бабник же! Весь в меня, проклятый, уродился!

— Так что же там, на съезде, было?

— Избрали Военно-революционный комитет,— сказал Сазон.— Всеми делами в нем заворачивают гвардеец Подтелков да прапорщик Кривошлыков... Да и Прохора, говорят, избрали в комитет...

— Значит, он большевик? — спросил Виктор.

— А мы все теперь большевики,— важно сказал Сазон.

— Большевики?

— Ну, ясное дело. Тут, парень, под станцией Глубокая на казаков наших наскочил было есаул Чернецов со своими офицерьями да юнкерами. Так наши казаки такого дали им чесу, что они навсегда запомнят. Почти всех порубали... А самого Чернецова зарубил Подтелков... Ты б глянул на этого Подтелкова. Ох, и казачина же боевой!..

Виктор вспомнил есаула Чернецова, когда-то бывавшего у Константина в Ростове.

— Как бы мне подробнее узнать про Прохора? — спросил он.— Может быть, я бы к нему на денек заехал...

— А зараз узнаем,— проговорил Меркулов и закричал молодому казаку, любезничавшему с женщиной.— Чикомасов, чего ты губы-то облизываешь?.. Сколь ни крутись перед своей дамочкой, все едино она ноль внимания на тебя... Вот я — это другое дело. Погляди, как она на меня нежно поглядывает-то... Ох ты, милая моя, кундюбочка!..

Казаки захохотали. Женщина, стоявшая с Чикомасовым, покраснела и отошла от него. Чикомасов сконфуженно заморгал.

— Ну и дурило же ты, Сазон,— укоризненно покачал он головой.— Родила тебя маменька да радовалась: думала, из тебя человек будет, а из тебя омрок человечий получился.

— Я-то хоть омрок человечий, а ты отброс овечий,— под хохот казаков проговорил Сазон и, засмеявшись, добродушно добавил: — Не серчай, односум, я ж шутейно... Пойди-ка сюда, дело есть.

Чикомасов нехотя подошел к Меркулову.

— Здравья желаю! — козырнул он Виктору.

— Здравствуйте! — ответил тот.

— Чикомасов,— сказал ему Сазон,— этот вольноопределяющийся — наш станичный житель, двоюродный брат Прохора Ермакова... Он вот хочет заехать к Ермакову. Как думаешь, Ермаков зараз в Каменской али нет?

— Нет,— ответил Чикомасов.— Он сейчас в Петрограде. Его на съезде фронтовиков выбрали делегатом на Всероссийский съезд Советов... Недели через две, должно, приедет...

Паровоз дал гудок отправления.

— Прощай, Меркулов! — пожал руку Сазона Виктор.— До свидания, товарищ Чикомасов.

— Прощай! — сказал Сазон.— Ты что же, Виктор, так и не сказал, куда едешь-то?

Поезд с грохотом тронулся. Виктор, стоя на ступеньках вагона, нагнулся к Меркулову, шедшему рядом с вагоном, и, смеясь, шепнул:

— К Петрову еду.

— Да ну?! — изумился Сазон.— Неужто служить у него будешь?

— Может быть,— загадочно усмехнулся Виктор.

Командир красногвардейского отряда, стоявшего на станции Чертково, Петров был в своем штабе, когда ему доложили о приходе Виктора и Афанасьева.

Он велел пригласить их в свою комнату. Встретил Петров молодых людей приветливо.

— Садитесь, товарищи!

Виктор сел и с любопытством оглянул Петрова. Это был небольшого роста, розовощекий, лет тридцати пяти мужчина с серыми умными глазами. Одет он был в синие галифе и офицерский шоколадного цвета френч без погон.

— Рассказывайте, молодые люди, что побудило вас ко мне прийти? — спросил он, закуривая и усаживаясь напротив.

Виктору Петров понравился. Он показал ему свои документы, подробно рассказал о положении в Ростове и попросил от имени Ростовской большевистской организации быстрее наступать на Ростов.

— Ждут вас там, товарищ Петров, очень ждут,— говорил Виктор.— Когда будете подходить к Ростову, мы вам поможем овладеть быстрее городом. Вооружимся и поднимем восстание... Оружие у нас есть.

Петров встал и, заложив руки за спину, стал ходить по комнате, изучающе поглядывая на молодых людей. Черт их знает, а может быть, это шпионы, подосланные белыми? Он долго говорил с ними и, когда, наконец, удостоверился в том,

что Виктор и Афанасьев действительно посланы к нему Ростовской большевистской организацией, сказал:

— Это все прекрасно, друзья мои. Мы, конечно, могли бы быстро продвинуться к Новочеркасску и Ростову, но нам еще не совсем ясна позиция казачьих полков, расставленных по линии железной дороги к Новочеркасску... Мне и Подтелков с Кривошлыковым тоже все твердят, чтобы я скорее наступал на Новочеркасск и Ростов. А когда я их спросил, твердо ли они уверены в том, что казачьи полки будут держать нейтралитет и пропустят беспрепятственно мой отряд, то они не дали мне твердого ответа. Ясно — Подтелков и Кривошлыков не могут поручиться за все полки... Вот в чем загвоздка. Ворвешься в логово врага, окружат тебя со всех сторон — и разгромят... Тут, молодые люди, нужна величайшая осторожность...

— Не может быть, товарищ Петров, чтоб казаки против вас пошли! — воскликнул Виктор.— Я сейчас, проезжая через Миллерово, видел казаков, разговаривал с ними. Заявляют, что они — большевики.

Петров задал несколько вопросов Виктору и Афанасьеву, касающихся обороны белыми Ростова. Оба они рассказали все, что знали. Но это, видимо, не совсем удовлетворило Петрова.

— Плоховато вы знаете обстановку в Ростове,— сказал Петров с сожалением.— Мне нужны точные сведения. В Ростове сейчас находится двести пятьдесят второй пехотный полк, какое настроение у солдат?

— Хорошее,— ответил Афанасьев.— В этом полку есть большевистская организация. Во всяком случае, если они большевиков не поддержат открыто, то и выступать против них не будут...

— Это хорошо,— сказал Петров.— Вы когда едете в Ростов?

— Задерживаться нам здесь нечего,— ответил Афанасьев и посмотрел на Виктора.— Сегодня бы, пожалуй, и выехали. Верно ведь, Виктор?

— Конечно,— согласился юноша.— Нам надо спешить в Ростов.

— Езжайте,— сказал Петров.— Передайте товарищам, что на днях мы начнем наступление по направлению Новочеркасск — Ростов... Мне необходимо свои соображения на этот счет согласовать с планами Сиверса и Антонова-Овсеенко... А для того чтобы выяснить в Ростове все вопросы, которые меня интересуют, а главное, наладить связь с двести пятьдесят вторым полком, нейтрализовать его, я пошлю с вами одного товарища... Он все это там сделает. Дам я вам и литературу, раздадите рабочим и солдатам.

Вечером Виктор с Афанасьевым в сопровождении представителя штаба отряда Петрова выехали в Ростов. С собой они везли два тюка большевистской литературы.

XXI

23 февраля отряды Красной гвардии выбросили из Ростова отчаянно сопротивлявшихся белогвардейцев. Двадцать пятого был взят и Новочеркасск.

Военно-революционный комитет во главе с Подтелковым переехал в Ростов.

29 апреля в Ростов из Москвы приехал чрезвычайный комиссар Юга России и уполномоченный ЦК РКП(б) Серго Орджоникидзе. И в тот же день в Ростове открылся первый съезд Советов Донской советской социалистической республики.

Открывая съезд, Орджоникидзе сказал:

— Я думаю, что не преувеличу, если скажу, что сегодняшний день есть день торжества Советской власти. Здесь, на этом съезде, собралось трудовое казачество. С вами, казаками, я и хочу поговорить по душам. Вам, товарищи, известно, что когда на севере нашей страны была разбита буржуазия, то она бежала к вам, на Дон. Здесь, на Дону, она хотела спрятаться за спину казака. Хотела натравить вас, казаков, на своих братьев — рабочих и крестьян. Но Совет Народных Комиссаров, от имени которого я здесь говорю, верит, что трудовое казачество не пойдет против власти рабочих и крестьян. И в этом Совет Народных Комиссаров и вся трудовая Россия не обманулись. Подтверждением этого является настоящий съезд, на котором почетным председателем президиума избран вождь трудящихся товарищ Ленин...

Орджоникидзе отпил глоток воды и продолжал:

— Еще двадцать пятого октября Керенский, когда он пошел против трудового народа, обратился за помощью к казакам, и еще тогда казаки отказались от борьбы с рабочими. Мы им сказали: «Идите домой и расскажите, как вас хотели надуть генералы и помещики». Мы знаем, что казачество станет на путь революции. И своим съездом в станице Каменской трудовое казачество показало, что на Дону нет места власти буржуазии. Этот съезд положил конец той банде, глава которой принужден был покончить самоубийством.

Разрешите от всей души, от всего сердца приветствовать трудовое казачество. В настоящее время перед нами стоят две задачи: дать отпор западноевропейским хищникам и построить новую жизнь внутри Советской Республики. И я хотел бы, чтобы в этой борьбе мы шли вместе и чтобы мы вместе со всей Россией воскликнули: «Да здравствует власть Советов!»

После Орджоникидзе слово было предоставлено Подтелкову.

— Товарищи,— громко заговорил Подтелков,— разрешите мне с этой трибуны сказать вам несколько слов. Сам я, отцы и братья, ни в какую партию не записан и не большевик.

Я стремлюсь только к одному: к справедливости, к счастью и братскому союзу всех трудящихся — так, чтобы не было никакого гнета, чтобы не было кулаков, буржуев и богачей, чтобы всем привольно и свободно жилось... Чем я виноват, что и большевики этого же добиваются и за это борются? Большевики — это рабочие, такие же трудящиеся, как и мы, казаки... Только рабочие-большевики сознательнее и сплоченнее, чем мы: нас в темноте держали, а они в городах лучше нашего научились жизнь понимать. Выходит, таким образом, что и я — большевик, раз к такой жизни стремлюсь, но, повторяю, в партию я еще не записан. Я хоть и беспартийный, но заявляю, что за Советскую власть готов умереть в битве... Это — та власть, которой люди нашей страны добивались на протяжении многих десятилетий. Она завоевана в жестокой борьбе с контрреволюцией, и мы будем защищать ее до последней капли крови...

Речь Подтелкова произвела на делегатов сильное впечатление. Ему долго и шумно аплодировали.

В самый разгар работы съезда вдруг в президиуме произошло какое-то оживление. Подтелков что-то зашептал на ухо Орджоникидзе. Тот, мотнув курчавой головой, поднялся.

— Товарищи,— сказал он, обращаясь к делегатам съезда,— внимание и полное спокойствие! Мы здесь с вами решаем важные дела, а в это время враги не дремлют. Они делают свое гнусное, презренное дело. Они подняли восстание против Советской власти в Черкасском округе. Восставшие контрреволюционеры во главе с есаулом Фетисовым захватили Новочеркасск и уже подходят к Ростову...

Кривошлыков призывно закричал:

— Товарищи, к оружию!..

— К оружию! — повторили делегаты.— К оружию!..

— Давайте винтовки!

Орджоникидзе приказал раздать делегатам винтовки. Получив оружие, под руководством Орджоникидзе они пошли за город, навстречу белогвардейцам. По пути к делегатам присоединились вооруженные рабочие ростовских заводов. Произошел короткий, но ожесточенный бой. Белогвардейцы были разбиты и бежали.

Выставив охрану вокруг города, делегаты вернулись в город, и съезд продолжал свою работу.

13 апреля съезд избрал Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Донской советской социалистической республики. Председателем ЦИК был избран Ковалев[1], казак станицы Кривянской, а председателем Совнаркома Подтелков.

[1] Ковалев Виктор Семенович, большевик с 1905 г. В 1906 г. за революционную деятельность был осужден царским правительством на двенадцать лет каторги. Вернулся из Сибири в 1917 г. Умер в 1919 г.

Но разгромленная донская контрреволюция не прекратила борьбы против Советской власти. По станицам открыто разъезжали конные шайки офицеров и вербовали в свои отряды казаков.

В Ростов стали проникать тревожные слухи о том, что в станицах Егорлыкской, Мечетинской, Кривянской, Раздорской и ряде других казаки подняли восстание против Советской власти. Через короткое время пришло известие, что полковнику Мамонтову удалось поднять станицу Нижнечирскую, а полковнику Денисову — станицу Заплавскую.

В то же время шли вести и о том, что остатки Добровольческой армии, разбитые под Екатеринодаром, под предводительством Деникина, принявшего командование над добровольцами после смерти Корнилова, устремились с Кубани на Дон. В довершение ко всему с Украины грозно двигались к Ростову немецкие оккупанты.

В связи с создавшимся положением 16 апреля по инициативе Орджоникидзе был организован Чрезвычайный штаб по борьбе с контрреволюцией в Донской республике.

В состав штаба вошли Орджоникидзе, Ковалев, Подтелков, Кривошлыков и некоторые другие. По существу этот Чрезвычайный штаб под руководством Орджоникидзе взял в свои руки власть в республике.

Контрреволюционная волна захлестывала станицы и хутора Дона. Ежедневно то в одной, то в другой станице вспыхивали мятежи против Советской власти.

Отогнанные от Ростова и выбитые из Новочеркасска советскими войсками белогвардейские отряды есаула Фетисова и других офицеров обосновались в станице Кривянской, в трех верстах от Новочеркасска. Штаб этих белогвардейских отрядов расположился в станице Заплавской, куда стали стекаться отряды из мятежных станиц. Вокруг этого штаба скопилось уже до семи тысяч повстанцев при шести орудиях и тридцати пулеметах.

В самом Ростове в эти дни было неспокойно. Ежедневно происходили грабежи, убийства, налеты анархистов-бандитов.

Однажды в штабе стало известно, что из Таганрога на станцию Гниловская прибыли два эшелона с вооруженными анархистами. Они намеревались захватить Ростов.

Орджоникидзе отдал распоряжение железнодорожной администрации, чтобы один из эшелонов был оторван от другого и загнан в тупик.

Когда это было сделано, анархисты ворвались в вагон наркома железных дорог Донской республики Безруких и, страшно бранясь и потрясая оружием, стали требовать, чтобы их эшелон, загнанный в тупик, присоединили ко второму.

Расправа над Безруких, казалось, была неминуемой, но в это время к нему в вагон вошел Орджоникидзе. Увидев, какой

опасности подвергается нарком железных дорог, Орджоникндзе подбежал к одному из бандитов, наставившему наган на Безруких, и крепко стиснул ему руку.

— Брось револьвер! — приказал он.

Анархист, почувствовав снлу этого человека, трусливо заморгал.

— Тебе чего надо? — огрызнулся было он.

— Ничего,— сквозь зубы гневно проговорил Орджонннкидзе,— говорю, брось револьвер! — и еще сильнее сжал его руку.

— Да не жми! — взревел от болн анархист, выпуская нз руки наган.— Вот, черт-то!.. Ну и силища!..

Орджоникндзе отпустил его руку. Анархист нагнулся было поднять револьвер. Орджонникдзе, предупреждая его намерение, отшвырнул носком сапога револьвер в сторону.

— Ну, это ты брось! — строго крикнул на него Орджоникндзе.— А то тебе хуже будет.

Второй анархист, пристававший к Безруких, не целясь, выстрелил в Орджоникидзе. Пуля с внзгом пролетела над ухом Орджонникидзе, зацепив его кудрявые волосы, и с треском впилась в зеркальное стекло вагона. Подоспевшие спутники Орджонникндзе разоружили бандитов.

...Получив от Ленина предупреждение о том, что немцы намереваются оккупировать Ростов, Орджоникндзе приказал эвакуировать из города на юг ценное имущество.

...Однажды Орджонникидзе позвал к себе Подтелкова.

— Что будем делать, товарищ Подтелков? — спроснл он.— Положение создалось довольно скверное... Надо что-то прндумать...

Развернув на столе карту Донской областн, Орджонникндзе провел карандашом по территорнн северных округов Дона — Хоперскому и Усть-Медведицкому.

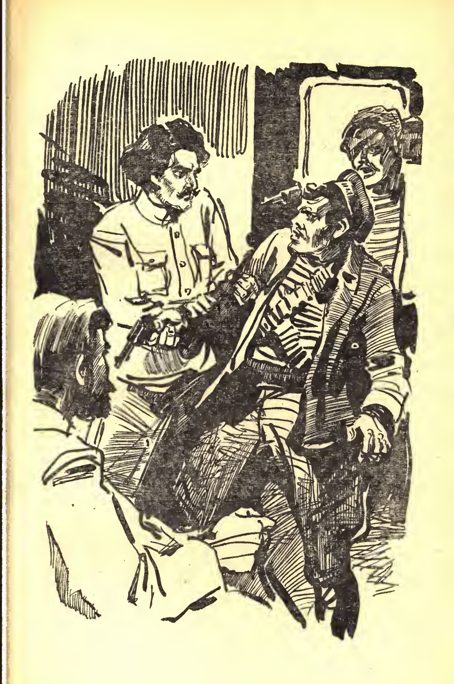
— Знакомые места, а? — взглянул он на Подтелкова.

Подтелков сразу же все понял.

— Правильно, товарищ Орджоникидзе! — восклнкнул Подтелков.— Надо пробраться в эти округа. Убежден, что на Хопре и на Медведице я в пару дней соберу несколько полков, надежных полков, революционных. В них, товарищ Орджоникидзе, все спасенне... Эти полки помогут нам установить крепко Советскую власть на Дону, подавить все контрреволюционные восстания.

Предложение было убедительное. Всем было известно, что в Хоперском и Усть-Медведицком округах прочно установилась Советская власть. Фронтовое казачество там крепко поддерживало большевиков.

Штаб обороны назначнл мобилизационную комиссию в составе пяти человек: Подтелкова, Кривошлыкова, Ивана Лагутнна, Константина Мрыхина и Мельникова. В помощь мобкомиссии было выделено сто десять человек, в число которых вхо-



дили: вооруженная охрана из фронтовых казаков и политотдел из двадцати казаков-коммунистов. Среди этих коммунистов были вахмистр Востропятов и Прохор Ермаков, который в то время уже вступил в партию.

В Ростове Прохор жил у Виктора. Узнав от Подтелкова о предполагаемой экспедиции в верховые станицы Дона, участником которой будет и он, Прохор, радостно взволнованный, пришел к Виктору.

— Уезжаю,— заявил он брату.

— Куда?

Прохор рассказал.

— Уж наверняка полков пять-шесть наберем. Федор Григорьевич Подтелков сказал, что всем нам, казакам-большевикам, придется в качестве командного состава быть в этих полках. Чем черт не шутит, смотри еще командиром полка сделают,— засмеялся Прохор.

— Вполне возможно,— сказал Виктор.— Чем ты, например, хуже Константина? Он вот, видишь, уже, говорят, командует большим отрядом белых...

Прохор потемнел.

— Не напоминай ты мне о нем,— глухо сказал он.— Если этот гад белопогонный попадется мне под руку, ей-ей, я ему пулю в лоб пущу, не посмотрю, что он мне брат родной.

— А может быть, он в тебя ее первый пустит.

— Это правильно, кто первый успеет. Но постараюсь я первый.

— Проша, ты что же так и не поедешь в свою станицу повидаться с родными? — спросил Виктор.

— Нет! — резко мотнул головой Прохор.— По матери да сестре, правда, очень соскучился... Поглядел бы на них. А вот что касается отца, то нет желания мне с ним встречаться... Боюсь, что поругаемся... Видел на днях своих станишных, так они рассказывали, что как узнал отец, что я большевиком стал да в Москву к Ленину ездил, так он проклял меня. Будто дал клятву, что ежели я попадусь ему на глаза, так он меня собственноручно убьет...

— Да-а,— раздумчиво протянул Виктор.— Дядя — суровый человек... С ним поладить трудно... Мне рассказывали, что он на съезде Советов в Великокняжеской выступал и предлагал всех иногородних выселить с Дона...

— Да ну? — удивился Прохор.— Этого я не слышал... Чудак-человек. Ведь жена-то у него, наша мать, иногородняя же? Ну и зачем бы я поехал туда, Виктор?.. На грех лишь. Ругаться я с ним не намерен, а драться тем более. Как ни говори, а отец... Отослал я ему своего коня строевого. Думаю, раз он справлял его мне на службу, так пусть пользуется...

— Я думаю, он когда-ибудь образумится, помиритесь еще.

— Все может быть,— согласился Прохор.

Виктор видел, что разговор этот ие особеино иравится Прохору и, желая перемеиить его, спросил:

— Когда ваша экспедиция выезжает?

— Через иеделю, иаверио, выедем.

— Поехал бы и я с вами,— с сожалением проговорил Виктор.— Да ие пустят меня.

— Хочешь, я поговорю с Подтелковым? — сказал Прохор.— Ои это дело устроит.

— Не стоит,— отмахнулся Виктор.— Меия предупредили, чтобы я иикуда ие отлучался. Положеиие довольно серьезиое. Если ие подоспеют сюда иаши, то иемцы или белые, а скорее всего те и другие вместе, ворвутся в город... Ну, поиимаешь, я большевик, имеющий уже иекоторый опыт подпольной работы, должеи опять остаться в подполье...

— Опасиая эта работа.

— Коиечио, опасиая... Но зато полезиая для партии, для иарода.

XXII

Положеиие все более ухудшалось. Теперь мятежом были охвачены почти все южиые стаиицы Доиа. Повсюду шли кровопролитиые схватки отрядов Красиой гвардии с восставшими казаками. Оккупациоииые германские войска уже заияли Таганрог и напирали на Ростов. Слабо вооружеиные революциоииые части отступали.

Сборы экспедиции на север Доиа затягивались. За сиаряжеиием ее следил сам Орджоиикидзе.

— Товарищ Подтелков, деньги получили? — спрашивал ои.

— Получил, товарищ Орджоиикидзе. Десять миллиоиов рублей выдали мие в баике.

— Хватит иа расходы?

— Думаю, хватит.

— За чем еще задержка?

— Теперь как будто все в порядке. Народ подобраи.

— Сколько человек едет?

— Сто двадцать семь. Хороший иарод. Боевой... Сам подбирал. Это в большинстве казаки Хоперского и Усть-Медведицкого округов. Оии всех зиают там, на их зов будут охотио идти казаки...

— Правильио. Надо выезжать. Медлить нельзя.

— Первого мая выезжаем, товарищ Орджоиикидзе.

— На железиой дороге препятствий иет?

— Нет. Вагоны готовы, уже иачали казаки погрузку.

...Утро было тихое, солнечное. Где-то за городом ухали пушки. У перрона стоял готовый двинуться в путь поезд. Как и всегда в таких случаях, по платформе суетливо сновали пассажиры с чайниками и котелками, корзинами и узлами... Крыши вагонов густо облеплены людьми.

Подтелков, одетый в кожаную черную тужурку, перетянутый ремнями, высокий и подобранный, расхаживая по платформе, по-хозяйски наблюдал за погрузкой и посадкой своих людей. К нему подошел тщедушный, на вид почти еще мальчик, Кривошлыков, зябко кутаясь в шинель.

— Что, Миша,— сочувственно спросил у него Подтелков,— не проходит твоя лихорадка?

— Пропадаю, Федор,— простонал Кривошлыков.

— Потерпи, Миша, вот сядем в вагон, я тебе спирту с хиной дам.

— Да ведь не пью же я,— поморщился Кривошлыков.

— Надо выпить,— настойчиво сказал Подтелков.— Пройдет. Ермаков! — увидев Прохора, крикнул он.— Как у вас, все сели?

— Усаживаются, Федор Григорьевич,— ответил Прохор, подходя к Подтелкову с Виктором.— Федор Григорьевич, я тебе как-то говорил о своем двоюродном брате. Так вот он,— кивнул Прохор на Виктора.— Познакомься.

Блеснув из-под усов белыми зубами, Подтелков улыбнулся, протянул Виктору широченную ладонь.

— Рад познакомиться. Мне Прохор о вас рассказывал... Навроде имели желание с нами поехать?

— С удовольствием поехал бы, товарищ Подтелков. Не волен распоряжаться собой...

— А это товарищ Кривошлыков,— представил Прохор.

Слегка улыбнувшись, Кривошлыков как-то рывком сунул Виктору сухую, как таранка, горячую руку. Виктор понял, что Кривошлыков сильно болен.

— Да,— согласился Подтелков.— Это верно́. Сейчас все мы не вольны распоряжаться собой. Революция над нами хозяйствует.

На вокзал приехали Орджоникидзе и Ковалев. Поздоровавшись, Орджоникидзе спросил у Подтелкова:

— Ну как, подготовились к отъезду?

— Вас поджидали, товарищ Орджоникидзе,— вытягиваясь по-военному, сказал Подтелков.— А теперь можно и в путь трогаться.

— Немцы Таганрог заняли,— вздохнул Орджоникидзе.— К Ростову подступают. Я только что получил телеграмму от Ленина. Просит, чтобы я выехал к немецкому командованию и договорился насчет установления демаркационной линии. Буду протестовать против незаконного вторжения германских войск в Таганрог и на Дон... Ну, прощайте, дорогие,— обнял он Под-

телкова, а затем Крнвошлыкова.— Желаю удачи!.. Уверен, что с задачей, возложенной на вас, вы справитесь хорошо...

— Обязательио, товарищ Орджоникидзе,— убеждеино воскликиул Подтелков.— Может, много и не соберем, а уж полков пять-шесть обязательио.

Сияв фуражку, Подтелков помахал машинисту:

— Давай!

Машинист, увидев сигнал, подаиный Подтелковым, дал свисток.

Еще раз пожав руки Орджоиикидзе и Ковалеву, Подтелков н Кривошлыков вскочили иа ступеньку тронувшегося вагона.

— Прощай, Внтя,— расцеловал Прохор Виктора.— Прощай, дорогой братишка! Не знаю, когда теперь и увидимся... Да и увндимся ли еще?.. Времена-то иаступили грозные.

— Увидимся, Проша!.. Обязательно!..

Прохор на ходу вскочил на подножку вагона н, еще раз взмахиув фуражкой, исчез за поворотом.

Поезд медлеино полз в гору, огнбая окраинные маленькие белеиькие домики города. Всюду ярко зеленела молодая трава и кружево юной листвы деревьев. Казаки стояли у дверей и окои вагонов.

— Благодать-то какая! — слышались радостиые восклицаиия.

— Теперь у нас в станицах сирень скоро зацветет,— вздохнул кто-то.

За Кизитеринкой дорога пошла берегом Дона. Красавица река широко разлила свои воды по лугам и займищам. Казаки, ие выпуская из рук винтовок, стояли у окон н дверей, любовались родиой рекой, воспетой в песнях и былииах.

Коитрреволюциоиерам уже была известиа цель поездки Подтелкова с его отрядом в верховые станицы области. И они чииили всяческие препятствия на путн движения эшелона, устраивали засады.

Разгоняя белых, казаки снова усаживались в вагоны и продолжали путь. Но длнлось это недолго. Впереди опять оказывались засады. Двадцать пять километров — от Зверево до Лихой — экспедиция продвигалась с боями в течеиие четырех суток.

Дальше так продолжать путь было невозможио, и Подтелков приказал повернуть состав со стаиции Лнхая по линии железиой дороги к Царицыну. 5 мая поезд прибыл на станцию Белая Калитва. Здесь Подтелков предложил выгрузнться из вагоиов и степнымн дорогами походным порядком пробираться в Усть-Медведицкий, а затем в Хоперский округа.

— Рановато ты, Федор Грнгорьевич, задумал разгружаться,— возразил Востропятов.

— Почему рановато? Тут, брат мой, начинаются верховые

станицы... Здешние казаки нас будут принимать, как дорогих гостей.

— Давай в этой станице проведем пробную мобилизацию казаков,— предложил Лагутин.— Посмотрим, как казаки отнесутся к этому, а тогда уж и будем решать: тут разгружаться или нет.

— Ладно,— согласился Подтелков.— Давай. Сотен пять мы н тут сможем мобилизовать.

К вечеру, после объявления мобилизации, на сборный пункт пришло всего с десяток человек, главным образом иногородних. Фронтовнки, как сообщили мобилизационной комиссии, сбежали за Донец и попрятались в густых зарослях камыша. А ночью, когда Подтелков со своими товарищами возвращался из ревкома на станцию, в вагоны, его обстреляли из садов, легко ранив одного казака из экспедиции.

Утром Подтелков созвал в своем вагоне совещание мобилизационной комиссии и полнтотдела.

— Мы собрались, товарищи, затем, чтобы обсудить наше положение,— сказал он.— Как вам известно, мобилизация фронтовиков здесь не удалась. Собралось на сборный пункт всего тринадцать человек. Пришлось дело наше отложить. Некоторые товарищи думают, что раз мобилизация тут не удалась, так она вообще и везде не пройдет. Это неверно. Я так не думаю. Тут народ пристанционный, разбалованный. А чем дальше мы будем продвигаться от железной дороги, народ будет лучше, сознательней... Я предлагаю идти отсюда походным порядком. Подводы нам обещали дать.

— Не следовало бы нам отбнваться от железной дороги,— буркнул Лагутин.— Тут все время в движении красногвардейские части. В случае чего, онн нам всегда помогут. А вот там, вглуби, надеяться уже не на кого.

— А на фронтовиков? — спросил Подтелков.

— А разве ты, Федор Григорьевич, не видел, какие они тут, фронтовики, стали? — сказал Востропятов.— Чуть было нз-за плетня тебя не подстрелили...

— Да ведь это ж контрреволюционеры стреляли,— возразил Подтелков.

— А контрреволюционеров разве из числа фронтовиков нет? — спросил Мрыхин.

Подтелков промолчал.

— Я думаю, что пока нужно держаться железной дороги,— сказал Кривошлыков.

— Чудаки,— пожал плечами Подтелков.— Не понимаю, чего вы трусите? Ну, раз возражаете, то ладно, пойдем пока по линии железной дороги...

Поезд продвигался к Царицыну. Но Подтелков на этом не успокоился. Он снова завел разговор о том, что лучше бы в северные округа идти походным порядком.

— Ведь пока мы дошли б до места назначения до Усть-Медведицы и Урюпинской, то собрали бы целую армию фронтовиков,— говорил он.— Революционных фронтовиков из казачьей бедноты да иногородних по станицам много. Все они пошли бы за нами.

— А оружье где для них возьмем? — спросил Востропятов.

— Ого, брат! — усмехнулся Подтелков.— Оружия по станицам и хуторам хоть завались. Каждый фронтовик принес с собой по винтовке, а некоторые так притащили даже пулеметы... Я уж не говорю о шашках. Их в каждом дворе по две, по три.

Однажды, когда поезд остановился на разъезде Грачи, Подтелков отдал приказ экспедиции разгружаться.

— Отсюда пойдем походным порядком,— сказал он.

Когда по составу экспедиции разнеслась весть о разгрузке, к Подтелкову подошли Лагутин с Востропятовым.

— Смотри, Федор, как бы нам ошибку не допустить,— сказал Лагутин.— Зря торопишься.

— Ничего,— проговорил Подтелков.— Я все продумал. Ничего страшного нет... Все-таки мы большего достигнем, если пойдем походным порядком...

— Ладно, посмотрим,— хмуро сказал Лагутин.

По дороге мимо поезда, дымя пылью, мчались два всадника в кожаных тужурках.

— А ведь это, кажись, Щаденко? — всматриваясь в всадников, сказал Востропятов.— Товарищ Щаденко!..— крикнул он.— Заезжай к нам!

Всадники повернули к вагонам. Один из них действительно оказался Щаденко.

— О, старые знакомцы! — закричал он весело.— Все донское правительство. Какими судьбами сюда попали, товарищи? — соскочив с лошади, спросил он, здороваясь с каждым за руку.

Лагутин рассказал ему о цели поездки экспедиции в северные округа.

— Это правильно,— одобрил Щаденко.— В Усть-Медведицком округе и на Хопре много революционных казаков и иногородних. Там можно собрать несколько полков. А что вы здесь остановились?

— Да вот Подтелков вздумал тут разгружаться,— сказал Лагутин.— Отсюда хочет идти в Усть-Медведицкий округ походным порядком. Мы не советуем ему этого делать...

— Ведь рискованно же здесь идти,— вступил в разговор и Мрыхин.— Сюда мы пробивались с боями, а как пойдем пешим порядком, так и вовсе придется на каждом шагу отбиваться от белых банд.

Щаденко задумался.

— Это, пожалуй, верно,— сказал ои.— Мне с моим отрядом все время приходится иметь схватки с белыми. А не лучше ли вам, товарищ Подтелков, ехать через Царицын на Серебряково или Филоново? А то так прямо через станцию Алексиково на Урюпинскую... Этот путь был бы более безопасиый...

— Слишком долго ехать,— ответил Подтелков.— А нам надо спешить... Пока не поздно, надо собрать полки да двииуть против доиской коитрреволюции. А ежели поедем на Филоиово или Урюпиискую, так время упустим и контрреволюциоиеры весь Дон под свою власть заберут...

— Смотрите сами,— пожал плечами Щаденко.— Вам виднее.

Попрощавшись, он уехал.

Наняв в поселке несколько подвод, Подтелков погрузил на них имущество экспедиции и приказал трогаться в путь. Часть казаков шла пешком.

В слободе Николаево-Березовской комиссия попыталась было еще раз провести мобилизацию фронтовиков. Но на собрание явились только старики да женщины с детьми. Ни одии фроитовик не пришел иа вызов.

— Где ж ваша молодежь? — допытывался у стариков Подтелков.— Куда подевались мужчииы, солдаты?

— А бог их зиае, де воии девались,— потупляли глаза старики.— Разве ж воии кажут нам. Ныне хлопцы своим умом-разумом норовят жить.

И чем дальше продвигалась экспедиция в глубь казачьей области, тем враждебиее к ией относилось населеиие. При приближеиии отряда Подтелкова жители прятались.

Подтелков был мрачен и молчалив. Он убеждался в том, что напрасно не послушался совета Щадеико и других товарищей. Надо бы поездом ехать до Серебряково или Филоново. В тех местах крепко устаиовилась Советская власть, и успех экспедиции был бы обеспечен.

К вечеру 9 мая экспедиция въехала на территорию Усть-Медведицкого округа. Подтелков несколько оживился. Ведь это был тот округ, который являлся целью их путешествия. Проехать еще каких-нибудь, быть может, пятьдесят-шестьдесят километров, и там, твердо был убежден Подтелков, совсем другие люди, все перемеиится. В родной станице Усть-Хоперской кто ие знает Подтелкова?

Подъезжали к хутору Рубашкину.

Лагутии выделил трех казаков и на запасной подводе, запряжеиной парой бойких лошадей, отправил их вперед в хутор.

Оии поскакали и вскоре скрылись за бугром.

Съезжая с пригорка в хутор, казаки заметили, как из другого конца поселка стремительио выскочили десятка два груженых тачанок и повозок и помчались прочь от хутора.

— Что это они? — недоумевающе спросил Прохор.
— Гуляют, должно,— ответил казак.— Ныне же пасха.

Но когда въехали в хутор, то убедились, что дело тут не в гулянии и не в пасхе. При приближении экспедиции хуторяне всполошились... Нагружая тачанки и телеги шубами, перинами, самоварами и прочим домашним скарбом, сажая на верх возов ребятишек и стариков, хлеща лошадей кнутами, они мчались из хутора как угорелые. И сейчас хутор был почти пуст.

— Что тут делается? — в изумлении разводили руками казаки из экспедиции.— С ума, что ли, они сошли?

К Подтелкову подошел местный житель, молодой щеголеватый солдат.

— Здравствуйте,— сказал он.

— Здравствуй,— ответил Подтелков.— Что у вас тут делается? Все, как оглашенные, умчались от нас. Почти весь хутор пустой.

Солдат рассмеялся:

— Так они ж вас испугались. Тут кулаки такую брехню распространили, что будто идут китайцы да латыши, по-русскому ни бельмеса не понимают... Всех, мол, режут, жгут, грабят да баб и девок насильничают... Ну, слыша такие страхи, поневоле побежишь... Тут такой рев поднялся... Я им, дуракам, говорил, чтоб сидели на месте. Идут, мол, наши же, русские. Так где там, и слухать не хотят. Меня чуток не убили, говорят, за них, мол, стоишь...

— А наших квартирьеров не видел?

— Как же, видал. Трое молодых парней приезжало...

— Так где они?

— Казаки тут у нас давеча были. Переловили их и в Краснокутскую погнали... Знаешь что,— зашептал солдат Подтелкову,— ты, видать, у них за начальника. Так послушай меня, что скажу. На вас тут собирается сила большая. Погляди,— указал он на бугор, где в сумерках вечера маячили всадники.— Жалко, побьют вас всех.

Подтелков сразу же понял, какой огромной опасности подвергнет он свою экспедицию, если здесь останется ночевать.

— Спасибо, товарищ! — пожал он руку солдату и подал команду: — Поворачивай назад!..

Разбредшиеся было по хутору в поисках съестного казаки в недоумении возвращались.

— В чем дело? — спрашивали они.— Почему назад?

— Беляки нас окружают,— пояснил Лагутин.— Оставаться в этом хуторе никак нельзя, побьют.

Держа винтовки наизготове, казаки, не отставая от подвод, торопливо уходили из хутора Рубашкина.

Небо заволакивалось рваными, клубящимися тучами. Начал моросить мелкий дождь. Дорога раскваслась. Лошади едва волокли по грязи тяжелые телеги.

Держась за борт тачанки, тяжело вытаскивая иоги из липкой грязи, молчаливо шел Подтелков. Он ясно отдавал себе отчет в том, какую ответственность взял на себя, поставив людей в такое положеиие, и тяжко переживал это. Шедший по другую сторону тачанки Лагутин поиимал состояние своего друга и в душе жалел его.

— Ничего, Федор,— сказал он тихо.— Авось, бог даст, выберемся благополучно.

Подтелков вздохнул и не ответил.

В тачанке лежал укутанный в шинель и накрытый брезеитом расхворавшийся Кривошлыков. Он дрожал от лихорадки, постукивая зубами.

— О, че-ерт! — простонал он.— П-по-пали в ло-овушку... Вот, Ф-Федор,— укоризнено глянул ои глубоко запавшими глазами иа Подтелкова,— все че-рез твое упрямство...

— Замолчь! — дико взвизгиул Подтелков.— Что ты мне сердце надрываешь?..

Некоторое время он шел молча.

— И так все сердце изболелось,— сказал ои тихо, почти шепотом, словно стыдясь.— Проклял себя, что совершил такую глупость. Простите, товарищи... Но ведь я же хотел, как лучше...

— Ничего, Федор,— снова мягко, успокаивающе сказал Лагутин.— Постараемся выбраться.

— Будем биться насмерть! — решительно сказал Подтелков.

— Ну, это уж ясно,— подтвердил Лагутин.

— С кем еще биться-то? — криво усмехнулся доселе молчавший Мрыхин.

Впереди загрохотали выстрелы. Подтелков бросился туда.

— В чем дело, товарищи?

— В кустах стояли какие-то верховые и обстреляли нас,— ответил казак.— Должно, засада.

Казаки из экспедиции, рассыпавшись, прошли кустарники; верховых уже ие было.

Впереди сквозь густую сетку дождя мелькнули огоньки хутора Алексеевского, который экспедиция проехала днем. К Подтелкову подошел Мрыхии.

— Может, заночуем тут, Федор, а? — спросил ои.

— Поглядим,— буркиул Подтелков.

В хуторе царила необычиая суматоха. Хуторяие увязывали возы, стремглав выезжали из хутора.

— Куда вас черти несут? — гиевио загремел Подтелков.— Куда ты собрался, старый дьявол? — иакииулся он на старика, торопливо ведшего быков по улице и испуганно озиравшегося на въезжавших казаков.

— Да ведь как же,— стал скоифужеиио оправдываться старик.— Зараз прискакали к иам верховые казаки, сказали,

что, мол, Подтелин возвернулся грабить, убивать... Вот и поиспужались...

— Дураки! — озлобленно кричал Подтелков.— Что мы — грабители, что ли?..

— Ну, так что,— спросил снова Мрыхин,— будем, что ли, тут ночевать?

— Нет! — воскликнул Подтелков.— Не будем здесь ночевать! В этом хуторе мы окажемся, как в капкане. Кругом овраги да левады. Отсюда и не выберешься.

— Люди и лошади устали,— угрюмо проронил Мрыхин.— С ног валятся.

— Ничего не поделаешь... Поехали.

И снова измученные люди, увязая по щиколотку в грязи, под непрестанно льющим дождем продолжали свой путь.

Стояла темная ночь. Шли наугад, ничего не видя перед собой. Наконец добрели до мирно спавшего села Поляковки. Едва державшиеся от усталости казаки торопливо разошлись по хатам, не слушая, что им предупреждающе кричал Подтелков.

— Ну, что с ними делать? Так устали, что и слушать не хотят... А разве можно так беспечно располагаться? Надо караулы выставить, а то ведь нас, как кур, всех тепленькими ночью переловят...

Но кого бы он ни пытался послать в караул, его никто не слушал. Казаки валились на постель и сразу же засыпали, как мертвые...

Комиссия в полном составе и еще человек пять из политотдела, в том числе и Прохор Ермаков, расположились вместе в одном просторном доме.

— Хозяюшка,— попросил Подтелков, входя на кухню,— засвети, пожалуйста, лампу да самоварчик бы поставила... А то у нас есть больной, лихорадка его замучила...

— Сейчас встану, все сделаю,— отозвался с кровати молодой женский голос.

Через минуту одевшаяся женщина чиркнула спичку. Синеватое пламя осветило ее совсем еще юное, красивое девичье лицо.

Прохор, разувшись и чувствуя разливающуюся по всему телу приятную истому, сидел на лавке, наблюдал за проворными движениями этой гибкой, стройной девушки.

«Хорошая девчонка,— подумал он,— милая».

Вскоре вскипел самовар. Хозяйка наварила яиц, нарезала хлеба.

— Садитесь! — пригласила она.

Казаки уселись за стол.

— Хозяюшка, как тебя зовут? — поинтересовался Подтелков.

— Зина,— тихо ответила девушка.

— А где же ваши старшие? Что-то нникого не видать?

— Мама умерла месяц тому назад,— печально сказала она.— Отец ушел в соседний хутор по делам. Завтра придет... А мы вот остались вдвоем с братишкой Гавриком,— кивнула она иа кровать, где спал белоголовый мальчик лет десяти.

XXIII

Едва только забрезжил рассвет, как Подтелков начал будить товарищей:

— Вставайте, друзья!.. Сейчас будем ехать...

Все быстро поднялись, умылись и стали собираться в дорогу. От Зины Подтелков узнал, что в селе Поляковке все еще существует Совет. Он обрадовался:

— Вот это здорово! Значит, тут еще есть Советская власть. Пойдем, Мрыхин, к председателю Совета, попросим лошадей взамен павших.

— Пойдем,— охотно согласился тот.

Оии расспросили у Зины, где найти председателя Совета, и отправились к нему. Председателя они застали дома. Он чем-то сильно был встревожеи и собирался уходить.

Подтелков изложил ему свою просьбу. Председатель Совета, высокий, усатый крестьянин лет пятидесяти, выслушав его, с раздражеиием проговорил:

— Не было беды, так вы ее нам приволокли. Каких там к чертям вам лошадей! Куда вы поедете? Поглядите вон,— повел он их во двор и указал иа бугор.— Это что?

Подтелков посмотрел в бииокль на бугор — и у него дрогнули руки. Весь бугор был усыпан всадииками. Он посмотрел на другую сторону села, там — тоже.

— Да,— опуская бинокль, вздохнул Подтелков.— Ехать некуда. Мы отрезаиы.

— Что же теперь делать? — испуганно вырвалось у Мрыхина.

— Беда,— тосклнво проговорил председатель.— Не было вас, жнл я спокойио. А теперь пришли вы вот — и вам крышка, и мие... Попробую послать я к ним своих хохлов. Пусть скажут, что казакам надо от нас... А вы идите к своим и ждите. Приедут мои делегаты, я вам тогда и скажу.— Заметив нерешительиость на лицах Подтелкова и Мрыхина, грубовато добавил: — Меня-то вам нечего бояться, не подведу. Сам небось большевик. Собирайтесь все вместе и ждите.

Когда Подтелков и Мрыхин подошли к своим подводам, казаки экспедиции уже были все в сборе. Встретили они их встревожеиными взглядами.

Лагутин, Вострописов, Прохор и Кривошлыков сидели на бревнах, у плетня. Кривошлыков по-прежнему кутался в шинель.

— Ну, что, Федор? — слабым голосом спросил он.

— Дела плохи,— мрачно сказал Подтелков.— Беляки со всех сторон обложили хутор.

— О, черт побрал! — дрогнувшим голосом выругался Лагутин.— Что будем делать?

— Пробиваться с оружием в руках! — вскакивая и лихорадочно поблескивая глазами, воскликнул Кривошлыков.— Другого выхода нет.

— Председатель Совета послал делегацию к казакам узнать, что им надо от нас,— сказал Подтелков.— Как вернутся, тогда решим, что предпринимать...

Часа через два пришел председатель Совета с двумя местными жителями-фронтовиками.

— Дела неважные, казаки,— проговорил он мрачно.

Все встревоженно, выжидающе смотрели на него.

— Посылал я пятерых делегатов к казакам,— продолжал председатель.— Вот они тоже ходили,— кивнул он на своих спутников.— Так казаки, подлюги, обыскали их, плетей всыпали им да и проводили назад в хутор, приказали, чтоб мы обезоружили вас да выдали им. А ежели мы этого не сделаем, то грозятся сжечь наш хутор. Вот они какие, дела-то... Пришли мы просить вас, казаки, выезжайте, ради бога, с нашего хутора... Там, в поле, что хотите делайте, а нас вы не втягивайте в это дело... Пожалейте наших детей да старых людей...

— Федор, высылай к казакам делегатов,— сказал Мрыхин Подтелкову.— Надо миром порешить. Небось они такие же казаки, как и мы. Неужто будут нас убивать?

— Пошел к дьяволу! — вскипел Подтелков.— С кем это мириться? С контрреволюционерами да офицерами? Ни за что!.. Товарищи! — крикнул он казакам, стоявшим группами вокруг подвод.— Вам уже известно, в каком мы оказались положении. Предлагаю с боем вырваться из окружения. Кто со мной?.. Становись ко мне!..

За спиной Подтелкова выстроились Прохор, Востропятов, Лагутин и еще десятка два решительных, мужественных казаков. Поеживаясь от озноба, пожелтевший от лихорадки, к Подтелкову, пошатываясь, подошел Кривошлыков.

— Я тоже с тобой.

— Вояка ты мой милый! — растроганно обнял его Подтелков.— Сядь, Миша, на телегу... Ты не бойся, мы тебя не бросим... Так, что же, больше никто не хочет? — окинул он гневным взглядом потупившихся казаков.— Эх вы, трусы!..

— Брось, Федор, укорять,— сказал Мрыхин.— Что мы можем сделать? Ты глянь вон,— махнул он на бугор.— Их ведь там тьма-тьмущая. Побьют — и все... Надо с ними добром договориться... До кровопролития нельзя допускать.

— Иуда! — с презрением посмотрел на него Лагутин.

— При чем тут Иуда? — смутился Мрыхин.— Зачем же зря погибать?

Теперь уже и отсюда хорошо было видно, как на бугре разъезжали всадники. Некоторые из них, нацепив на пики белые платки, размахивали ими.

— Видите,— указал на них Мрыхин.— Они миром хотят порешить дело с нами.

И как бы в подтверждение его слов в конце улицы, развевая белым полотнищем, показалась группа всадников. Быстро приближаясь к экспедиции, они весело кричали:

— По-мирному к вам, станичники!.. По-мирному!

— Я ж говорил,— ликующе воскликнул Мрыхин.— Со своими казаками всегда можно договориться.

Подъехали казаки с белым полотнищем. Подтелков пытливо оглянул их. Судя по внешнему признаку, все они были фронтовики.

— Здорово, станичники! — приветствовали некоторые из них.

— Чего вы, братцы, повсбулгачили народ? — засмеялся молодой красивый урядник, подъезжая к Подтелкову на высоком рыжем жеребце.— Все станицы и хутора как все едино с ума посошли. Побросали дома и добро, поскрывались в степь... А кто из вас сам Подтелков-то будет, а?

— Я,— выступил тот из толпы.— Чего хотел?

Урядник оценивающе окинул взглядом крепко сбитую высокую фигуру Подтелкова.

— Поедем, Подтелков, с нами, к нашим казакам,— сказал он.— Там порешим миром, как быть.

Подтелков задумался, не зная еще, как поступить.

— Езжай,— шепнул Мрыхин.— Половину из этих казаков мы оставим у себя заложниками за тебя.

Положение складывалось серьезное. Подтелков видел, что большинство казаков из его экспедиции склонно пойти на мирные переговоры с окружившими казаками и ни за что не согласится с оружием в руках пробиваться через их кольцо. Что он может сделать с двумя десятками преданных ему людей, решивших дорого продать свою жизнь? Все погибнут — и только. Может быть, действительно можно обойтись по-мирному, без крови. Надо попробовать.

— Ладно,— согласился он.— Поеду.

Кто-то из прибывших казаков подвел Подтелкову лошадь. Подтелков вскочил в седло и в сопровождении красивого урядника и двух казаков поехал на переговоры за хутор.

Все повеселели: дело клонилось как будто к благополучному разрешению.

В полдень Подтелков в сопровождении большой толпы конных казаков, из которых большинство были старики, вернулся. Он ехал рядом со своим сослуживцем по гвардейской батарее

в германскую войну подъесаулом Спиридоновым. О чем-то мирно разговаривая, они посмеивались. И, видя это, члены экспедиции облегченно вздыхали:

— Ну, слава богу! Кажется, все по-хорошему обошлось.

Хутор все больше заполнялся прибывающими казаками. Среди них было много знакомых, сослуживцев и даже родственников казаков из экспедиции. То и дело слышались веселые восклицания:

— О, полчанин, так твою налево! Никак, ты?

— Здорово, сват!

— Христос воскрес, брат!

— Воистину воскрес!

Был пасхальный день, и прибывшие казаки, обнимаясь и целуясь с казаками из экспедиции, одаривали их крашеными яйцами. Кое-где хлопали ладонями по днищам бутылок, угощались водкой.

Подтелков стоял у тачанки, на которой лежал Кривошлыков, и рассказывал обступившим его Лагутину, Мрыхину, Прохору, Востропятову и другим казакам из экспедиции о результатах переговоров.

— Велят сдать оружие,— мрачно говорил он.— А то, мол, вы пугаете население. А опосля, как выйдем мы из пределов Донской области, обещают отдать нам оружие и мирно отпустить нас...

— Брешут! — с негодованием выкрикнул Лагутин.— Побьют, сволочи!.. Заманивают.

— А какой им резон нас обманывать? — возразил Мрыхин.— Ежели б они хотели нас побить, так давно б уже побили.

— Ну, Подтелков,— крикнул высокий статный подъесаул Спиридонов, наблюдавший издали за разговором Подтелкова с его товарищами,— хватит вам совещаться.

Он влез на телегу и крикнул:

— Эй, казаки, которые из отряда Подтелкова! Становитесь вот сюда к забору... Быстренько, а то время не ждет... Сдавайте ваше оружие!.. Складывайте вот на ту телегу.

— Как так — складывать? — раздались протестующие голоса.— Зачем?

— Даю вам слово офицера,— закричал Спиридонов.— Никто вам вреда не сделает. Оружие мы соберем на время, а потом возвратим. А то население вас боится...

Подтелков шепнул Прохору:

— Влипли мы, Ермаков. Гибель всем нам. Чую, врет Спиридонов... Беги сейчас же к Щаденко или еще к кому-либо из советских командиров. Пусть выручают... Проберись, Проша, выручи...

— Нет,— мотнул головой Прохор.— Не могу в беде оставить товарищей.

— Глупец,— горестно усмехнулся Подтелков.— Так же хуже ты нас в беду ставишь... Может, выручил бы.

— Беги, Прохор! — подтолкнул Прохора и Лагутин.— Беги вот сюда, через плетень... А потом огородами да садами...

У Прохора мелькнула мысль, что и в самом деле он больше принесет пользы своим товарищам, если сумеет быстро пробраться к Щаденко и привести его сюда с отрядом.

— Ладно,— прошептал он.— Побегу. Может, удастся пробраться.

— Помоги бог! — прошептал Подтелков.

Прохор отошел от Подтелкова и Лагутина к плетню, оглянулся. На него никто не обращал внимания. Ухватившись за колья, он перепрыгнул через плетень.

— Куда? — дико заорал чей-то голос.— Вернись!

Обежав дом, Прохор бросился на гумно.

— Стой, паскуда! — снова заорал сзади него хриплый голос.— Стрелять буду!

Прохор оглянулся. На ходу гремя затворами винтовок, за ним бежали два бородатых казака. С разбегу перепрыгнув еще один плетень, Прохор бросился через гумно к небольшой речушке. Грохнул выстрел. Прохор почувствовал легкий ожог в плечо.

«Никак, ранили! — ужаснулся он.— Все теперь пропало. Не спасу своих». С досады он чуть не заплакал. Но он нашел в себе силы добежать до реки. Она была неширокая и мелкая. Стоило перебрести ее, и там сейчас же начинались густые заросли застарелого камыша. В них можно укрыться хоть целому батальону.

Он шагнул в воду, намереваясь броситься в брод, но, почувствовав вдруг головокружение, откинулся на спину; наган, выпав из его руки, булькнул в воду...

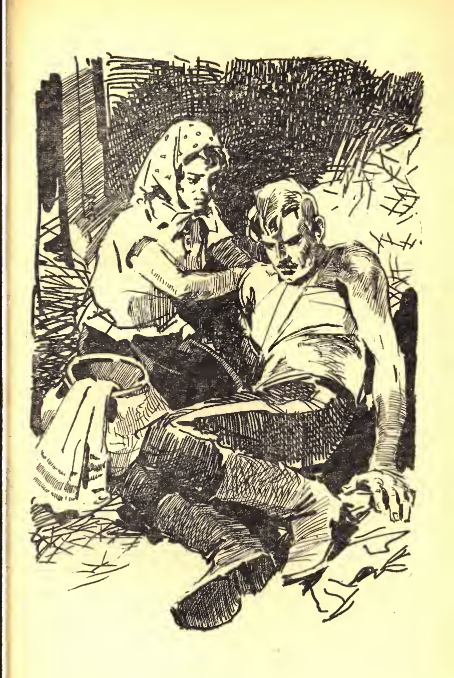
XXIV

Сколько Прохор был без сознания, он не знал — может быть, секунду, а может быть, и час. Когда пришел в себя, то почувствовал сладкий запах донника. Прохор удивился этому запаху и шевельнулся. Под ним зашуршала солома. Он открыл глаза, но ничего не увидел. Стоял мрак. Хотел поднять руку, но не мог, снова зашуршала солома. И тогда он понял, что был ею завален. Кто завалил? Кто спас от тех разъяренных казаков, которые ранили его, гнались за ним?

Размышляя об этом, столь чудесном своем спасении, Прохор вдруг услышал чей-то шепот. Он прислушался.

— Всех их погнали на хутор Пономарев,— шептал кто-то.

— А у нас в хуторе кто-нибудь остался? — спросил второй голос.



— Никого не осталось... Все до единого поушли... В буераке одного зарубили. Пулеметчик навроде был ихний. Говорят, хотел убечь.

— Пойди, Гаврик, до ворот,— уже громко послышался женский голос.

Голос этот Прохор узнал. То была Зина.

— Постой, Гаврик, у ворот,— сказала она,— погляди там. А я с казаком поговорю... Чуть чего — беги, скажи мне...

— Ладно,— ответил мальчик и побежал.

— Казак! — услышал голос Зины Прохор.— Вы слышите?

— Слышу!

Он хотел отшвырнуть солому и выглянуть из своего убежища, но девушка запретила.

— Подождите. Я пойду узнаю, ушли ли беляки из нашего хутора. Тогда сама откину солому, а пока лежите... Вам очень больно?

— Немного побаливает.

— Я вам рану перевяжу. Лежите только смирно, не ворочайтесь.

Девушка вернулась минут через двадцать с горячей водой и чистыми тряпками.

— Ни одного беляка не осталось в хуторе,— сказала она, сбросив с него солому.— Все ушли и ваших всех угнали. В хутор Пономарев ушли... Председателя Совета нашего заарестовали, тоже увели. Давайте я обмою рану и перевяжу...

Прохор с трудом приподнялся. Зина сняла с него гимнастерку и нижнюю рубашку, ловко обмыла и перевязала рану на спине, предварительно смазав ее йодом. Прохор удивился тому проворству и умению, с которым все это она делала.

— Вы, Зина, как милосердная сестра,— сказал он.— Умеете раны перевязывать.

— Я видела, как это все делают,— сказала она спокойно.— И сама помогала раны перевязывать. У нас долго жил на квартире фельдшер... Сейчас я принесу вам дерюгу и одеяльце, постелю, а вы лежите и без меня не подавайте признаков жизни... Ваши рубашки я постираю, а то они в крови...

Прохор растроганно смотрел на девушку. Теперь, при дневном свете, он ее рассмотрел очень хорошо. Она была высока и стройна. Черные вьющиеся волосы ее, спадающие из-под белого платка на лоб завитушками, оттеняли розовое, не успевшее еще загореть лицо. Ей было не более двадцати лет. Большие, темные, отливающие синевой глаза, под тонкими красивыми бровями, придавали ее лицу особую прелесть. Просторная голубенькая кофточка свободно облегала ее молодую грудь.

— Зина,— спросил Прохор,— а вы не боитесь со мной возиться?

— А чего мие бояться?

— Ну, а ежели увидят соседи да доиесут белякам, что вы скрываете у себя красиого, ухаживаете за ним?

— Кроме смерти, иичего ие будет,— улыбнулась оиа.— А я ее не боюсь... Да и кто увидит вас тут? Сюда ведь никто не приходит.

— Кто меня притащил в солому, Зина? Как сквозь сои я помню: подбежал к реке, хотел брести... Но голова закружилась... Больше ничего ие помню...

— Да это мы вас с Гавриком притащили,— просто сказала она.— Когда вы бежали от казаков, вы, наверно, и ие видели, как мы с Гавриком солому перетаскивали... Папаия велел нам приготовить, сарай будет крыть... Когда вы упали, а казаки побоялись через плетеиь лезть и побежали в обход к воротам, мы в это время с Гавриком перетащили вас сюда и закидали соломой. А когда казаки прибежали и спросили, где вы, мы указали в камыши, сказали, что туда, мол, скрылся... Они постреляли-постреляли по камышам — да так и ушли,— усмехиулась девушка.

— Смелая вы какая, Зина! — восторжеино вскрикиул Прохор.— Вовек вас не забуду за это.

— А как же ииаче? — пожала плечами оиа.— Ведь мой братик Ваня тоже служит в Красной гвардии. Может, и его какая-нибудь девчоика выручила из беды.

— Спасибо вам, Зииа,— сиова сказал Прохор.— Теперь я вас попрошу помочь мие уйти из хутора...

— Да вы что? — в изумлеиии всплеснула оиа руками.— Вы и двух шагов ие пройдете. Лежите здесь пока, а потом, может, я вас в хату переведу... Когда поправитесь, тогда и пойдете... Помогу вам выбраться из хутора...

— Нет, Зина,— сказал ои, приподиимаясь,— я должеи обязательио идти. Надо своих товарищей спасти... Ведь оии меия послали, надеются иа меия... Может, еще успею...

Он схватил рубашку и иачал было торопливо иадевать, ио сейчас же со стоиом свалился.

— Боже ты мой! — чуть не плача вскричал он.— Как я обессилел. Но как же быть?.. Ведь они ж погибнут...

Девушка задумалась.

— Скажите мие, что иадо сделать? — взгляиула она на Прохора.— Может, я смогу...

— Зииа,— горячо, как в бреду, заговорил ои,— спасите их!.. Только вы одиа сможете это сделать... У вас есть лошадь?

— Есть.

— Садитесь верхом и скачите что есть мочи на разъезд Грачи... Там Щадеико со своим отрядом. Расскажите ему обо всем и попросите, чтоб ои выручил нас.

Девушка заколебалась.

— Папаия заругает,— прошептала оиа.— Ах, да ладио! —

решительно махнула она рукой.— Поеду!.. Разъезд Грачи я знаю где... Только вот как же вы тут?

— Обо мне не беспокойтесь. Как-нибудь иные день да ночь проведу, а завтра вы ведь вернетесь.

— Я скажу Гаврику, чтоб он посматривал за вами...

Зина нашла отряд Щаденко в слободе Скосырской и сообщила ему об участи, постигшей экспедицию Подтелкова. Щаденко сейчас же приказал отряду подготовиться к выступлению на выручку. Но в это время в слободу прибыли два участника экспедиции Подтелкова, которым удалось спастись. Они сообщили печальную весть. 10 мая в хуторе Пономареве из выборных казаков станиц Каргинской, Боковской и Краснокутской был составлен военно-полевой суд, который и приговорил всех членов экспедиции к смертной казни.

11 мая состоялась казнь. Восемьдесят девять человек было расстреляно, а Подтелков и Кривошлыков повешены.

Когда об этом стало известно Прохору, он зарыдал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Оставаться Прохору в Полякове не имело смысла, да и слишком было опасно как для него самого, так и для гостеприимных хозяев. Зина рассказывала, что в село ежедневно наезжали белые карательные отряды, секли плетьми на площади заподозренных жителей, арестовывали, куда-то угоняли, мобилизовывали в свои ряды фронтовиков. Ходили упорные слухи о том, что не ныне-завтра по селу будут повальные облавы на дезертиров, так как молодежь, не желая идти в белые полки, где-то скрывалась.

При таком положении Прохор оставаться дальше в селе не мог, и поэтому он решил ночью уйти.

Чувствовал он себя не так уж плохо, мог некоторое время продвигаться без посторонней помощи, хотя из-за ранения много крови потерял. Кружилась голова.

Когда Прохор заявил о своем намерении Зине, она встревожилась:

— Куда же вы пойдете? Ведь белые везде тут позахватили власть... Поймают вас и расстреляют... Да и слабый вы еще, немного пройдете и упадете...

— Нет,— упрямо настаивал он.— Уходить непременно надо. Как-нибудь пойду. Оставаться здесь ни на минуту нельзя. Повесят, да и вам через меня не сладко будет.

— Но куда же вы все-таки пойдете?

— Буду подаваться к железной дороге,— сказал Прохор.— Там наверняка еще красные... Иль вот к слободе Скосырской пойду, может, там до сих пор еще Щаденко со своим отрядом...

— Щаденко в Скосырской уже нет. Он еще в тот раз, когда я к нему ездила, собирался оттуда уходить... Может, конечно, у разъезда Грачи красные еще и есть, но вы туда не дойдете. По дороге где-нибудь вас белые заарестуют. Живите покуда у нас, а поправитесь — уйдете... Уж как-нибудь постараюсь ухоронить вас.

— Нет, Зина,— покачал головой Прохор.— И не уговаривайте, не могу остаться. Зачем мне подвергать вас опасности, тем более брат ваш в Красной гвардии. Найдут меня у вас — горе вам будет тяжкое из-за меня...

Зина с грустью смотрела на него своими синими глазами и вздыхала. Она, конечно, была согласна с доводами Прохора.

Оставаться в хуторе опасно, но и отпустить его одного, беспомощного, слабого, было страшно. Все ее существо протестовало против этого. Ведь погибнет же он! Нет! Она не допустит его гибели. У Зины возникло смелое решение: если уж ему необходимо уходить из хутора, то и она пойдет с ним, будет ухаживать, оберегать его в пути.

Она сказала ему о своем намерении.

— Милая девушка! — растроганно сказал Прохор, пожимая ей руку.— Спасибо большое. Вы и так для меня столько сделали доброго, что я и не знаю, как и чем буду расплачиваться за все это...

— Тоже скажете,— смущенно потупилась она.— Никакой расплаты мне не нужно. Вы же знаете, что мой брат в Красной гвардии. Может, он, бедный, тоже в беду лихую попал... И ежели ему никто не поможет, разве ж это хорошо? Вот отведу вас к красным, сдам в лазарет, тогда моя душа будет покойна.

— Нет, Зина, не могу на это согласиться. Я сам как-нибудь буду пробираться...

— Нет уж, раз решила — так и будет. Ночью сегодня пойдем... А то, пожалуй, правда, белые вас могут у нас изловить... Пойду с отцом об этом поговорю.

Прохор улыбчиво посмотрел ей вслед и покачал головой.

Уже три дня Прохор жил в кухне. Зина сытно кормила его, перевязывала рану, снабжала табаком.

Отец Зины, Антон Поликарпович Крутоярец, добродушный старик лет шестидесяти, был осведомлен о том, что дочь его прячет раненого большевика. Крутоярец сам не видел Прохора и не ходил к нему, но велел дочери перевести раненого в летнюю кухню, постелил там свежего сена, забил ставни, чтоб досужие соседки его не увидели. Старик боялся расправы белых, которые вдруг да узнают, что в их доме прячется красный казак из отряда Подтелкова. А поэтому, когда Зина сообщила ему, что казак намерен этой ночью уйти от них, он обрадовался.

— Вот это правильно,— невольно вырвалось у него.— Я, конешное дело, не супротив того, чтоб он хоронился у нас, но, ты ж сама понимаешь, Зина, страх берет и за него и за себя, а вдруг да прознают беляки про него? Что тогда будет? Пропадем тогда мы и он ни за грош. Я его левадами да огородами провожу за хутор,— сказал старик.— А там он сам пойдет...

— Нет, батя,— промолвила Зина.— Он слабый... сам он не дойдет. Я его пойду провожать до разъезда Грачи, может, там красные еще...

— Очумела, что ль, девка? — в изумлении развел руками отец.— Это что ж, хочешь, чтоб тебя беляки вместе с ним изловили? Додумалась тож. Нет уж, сиди дома.

— Батя! — со слезами в голосе вскрикнула девушка.— Как

вам ие стыдио!.. Вы хотите избавиться от иего. Лишь бы он дом ваш оставил, а там что с ним будет, вас не касается... А ежели иашего Ваию такое лихо постигло, а?„ Так что ж, по-вашему, ои должен сгибать?.. Ведь небось люди-то добрые и ему помогают.., Нет в вас, батя, сознательиости...

Старик растерялся.

— Да ведь я ж, дочка, разве ж ему гибели хочу? Я хочу как лучше, чтоб и он упасся и мы б в ответе ие были...

— Говорю ж вам, что не дойдет ои одии, дюже слабый.

Теребя бороду, старик задумался.

— Ну, ладио,— решительно произиес он через иекоторое время, что-то надумав.— Отвезу его сам иочью, а ты будь дома...

— А может, я, батя, отвезу? —тихо проронила Зина.

— Сиди, говорю, дома,— сурово отрезал старик.— Не девичье это дело... Скажи ему, чтоб был иаготове.

В полиочь Аитои Поликарпович подмазал дегтем оси у повозки, положил в нее свежего душистого сеиа.

— Ну, иди зови его,— сказал ои дочери, помогавшей ему собираться в дорогу.

Зина пошла на кухню.

— Вы ие спите? — спросила оиа тихо.

— Нет,— отозвался Прохор, приподиимаясь с сена.— Что, уже?

— Да, уже. Пойдемте!

— Зииа,— сказал ои взволиованио, иащупав во тьме ее руку.— Спасибо за все!.. Спасибо, родиая!.. Никогда не забуду вас...

— Забудете,— едва слышио сказала оиа.

— Что вы, Зииа! — с укором произиес он.— Да разве можно?! Никогда!.. Никогда я вас ие забуду!..— И он крепко пожал ее загрубевшую от работы маленькую руку.— Прощайте, Зина!

— Прощайте! — выкрикиула она, вырвав из его руки свою руку, и убежала. Ему послышались заглушеииые рыдаиия.

— Зина!

Но ему никто не ответил.

Во дворе вполголоса заговорили.

Прохор вышел из кухии. Светила луиа, разливая тусклый свет по двору. Старик хозяин, которого Прохор до сих пор еще не видел, запрягал лошадь. Зииа что-то укладывала в повозку.

Прохор подошел к телеге и пристальио посмотрел иа девушку. Она ответила слабой, грустиой улыбкой, в глазах ее стояли слезы. Ои украдкой пожал ее руку и шепнул:

— Жди меия.

Оиа ие ответила и вздохиула.

— Ну, здорово, служивый,— подошел к Прохору Аитои Поликарпович.— Собрался?

— Собрался,— ответил Прохор.
— Сам-то залезешь на повозку?
— Попробую.
— Поможем.

Старик с Зиной помогли Прохору взобраться на телегу. Зина старательно обложила его сеном. Он поймал ее горячую руку и приложился губами. Когда старик пошел открывать ворота, Прохор поцеловал ее в губы.

— Ой,— простонала она,— зачем ты в мою душу влез?

— Еще увидимся, дорогая,— прошептал он.— Жди меня.

Ехали молча, тихо. А когда выехали за хутор, старик погнал сытую лошадку вскачь, словно боясь, что их нагонят.

Без особых приключений Антон Поликарпович довез Прохора до разъезда Грачи, где, как правильно предполагал Прохор, находился красногвардейский отряд.

Военный комендант усадил Прохора в проходящий поезд, и он поехал в Дурновскую. Его потянуло туда. Он знал, что там он сейчас нужен.

II

Явившись в станицу ночью, Прохор зашел к дяде Егору Андреевичу Волкову.

— О, служивый! — удивился тот.— Какими судьбами?

— Отслужился, дядя. На одной станции меня нечаянно ранил солдат, вот я и приехал к тебе немного отдохнуть, пока рана заживет.

— Ты что ж, аль к своим не пойдешь?

— Как же я пойду. Ведь поссорился я с отцом.

— Мало ли чего не бывает в жизни,— сказал Егор Андреевич.— Поругались и помиритесь. Свои ведь... Хотя,— неодобрительно покачал он головой,— отец-то твой человек гордый, сурьезный. Он с той поры и со мной не разговаривает. Право слово, гордец. А Советскую-то власть терпеть не может... Так бы, кажись, придушил ее...

Прохор устало усмехнулся:

— Что ему Советская власть поперек горла, что ли, стала?

— Бог его знает, что он на нее взъелся. Так каждый день и скрипит, как неподмазанное колесо. Все ругает большевиков... Брата твоего, Захара, прямо заел...

— Захара? — изумился Прохор.— Разве он дома?

— Аль не слыхал? Пришел твой братень... Бежал из германского плена. Да только беда с ним... Будто умом немножко тронулся... Говорит, в плену-то истязали его германцы...

— А как мать... сеструшка Надя? Здоровы ли?

— Слава богу, здоровы.

— А о Викторе что слышно? Где он теперь?

— Ничего не знаю,— развел руками Егор Андреевич.—

Ростов ведь забрали немцы. Куда девался парень — господь его ведает. Ничего он не писал.

— Первого мая он был в Ростове,— заметил Прохор.— Меня провожал... Ты о нем, дядя, не беспокойся, он оставлен в Ростове для работы в подполье... Ты, конечно, об этом никому не говори, а то себе горя наживешь.

— Что ж, Проша, он, стало быть, тоже из этих... из революционеров, что ли, а?

— Из них,— кивнул Прохор.— Он большевик, только помалкивай, дядя.

— Да разве ж мыслимое дело о том говорить,— согласился старик.

— Дядя, значит, в нашей станице еще держится Советская власть? — спросил Прохор.

— Эх! — отмахнулся Егор Андреевич.— Тоже мне Советская власть. Навроде как будто Советская власть в станице, а белые везде ходят открыто... Но пока еще у нас-то́ тишина, а кругом что делается — и не приведи бог!.. По всему Сальскому округу сраженья идут между красными и белыми... Страх берет, как белые в нашу станицу придут. Ох, и беда лютая будет нам, иногородним! Ей-ей, беда! Повырежут всех... Я слыхал, будто в Платовской станице белые более полтысячи иногородних жителей шашками порубали. По другим станицам отряды из иногородних организовывались для самоохраны от беляков, а у нас некому этим делом заняться... Ты б, Проша, покалякал с солдатами насчет этого дела. Может, все б какую защиту организовали. Слух-то прошел, будто какой-то Буденный появился со своим отрядом, так он, говорят, белым жизни не дает... Беляки его боятся более сатаны.

— Буденный, говоришь? — обрадовался Прохор.— Это ж мой знакомый... платовский .. Так, значит, у нас, в станице, никакой охраны нет? — раздумчиво спросил Прохор.

— Какая там охрана! — безнадежно махнул рукой Егор Андреевич.— У правления человека два-три с винтовками для блезиру крутятся... Это милиция, что ли, у них...

— А кто ж тут у вас начальство?

— Народ болтает, что навроде председателем Совета Максимка Свиридов...

— Максимка?! — вскрикнул в изумлении Прохор.— Вот это так председатель!.. Какой его дьявол, проклятого контру, назначил или выбирал?

— Доподлинно не знаю, как он стал председателем,— сказал дядя.— Будто фронтовики его на эту должность назначили...

— Ну, вот это Советская власть,— покачал головой Прохор.— Максимка — председатель... Ведь он первейший в станице богач... Разве он будет за бедноту стоять?

— Ну, конешное дело,— подхватил Егор Андреевич.— Ка-

кая из Максимки может быть Советская власть?.. Душегуб дьявольский. Он отца родного предать может. Слушок-то тут ходит, будто к нему ночушкой белые офицеры приезжают... Да и он к ним ездит, гуляют... Собирается, говорят, станицу передать белым. Разговор промеж народа ходит, как только власть, мол, переменится, так Максимка Свиридов ежели не станичным атаманом, так уж помощником атамана наверняка будет.

— Атаманом? — усмехнулся Прохор.— Поглядим... Придется тут, видно, порядочки навести. Да вот, горе мое, рана еще не зажила.

— Как же это тебя солдат-то ранил, а?

— Нечаянно. Рана пустяковая... Говорить о ней особенно нечего.

— Ну ладно, племянник, успеем, поговорим еще,— засуетился старик.— А зараз давай ужинать. Гостя баснями не кормят. Мартыновна! — позвал он старуху, жившую у него за хозяйку.— Собирай-ка на стол вечерять. Да постели служивому в горнице. С дороги устал небось.

Егор Андреевич разыскал где-то в затаенном месте припасенную бутылку водки. Дядя с племянником выпили, плотно поужинали. А потом захмелевший Прохор, утонув в мягкой перине, заснул крепким молодым сном.

Утром, когда Прохор проснулся, в горнице, тихо разговаривая, видимо, не решаясь его разбудить, сидели мать, Надя и брат Захар.

— Мамуня, я разбужу его,— шептала Надя.— А то он так может долго проспать... Братушка! — чуть громче шепнула она, обращая свое розовое, смеющееся личико к кровати, на которой спал Прохор.— Братушка, вставай!

— Молчи, негодница! — сердито шипела мать.— Молчи!.. Дядя-то Егор гутарил, что он раненый... Нехай соколик поспит. Обождем.

Девушка беззвучно хохотала и, поддразнивая мать, снова выдыхала:

— Бра-атушка-а, вста-авай!..

И от присутствия родных, от милой своей юной сестры, от добродушной ворчливости матери на сердце Прохора вдруг потеплело, стало легко.

— Мамуня! — вскрикнул он радостно, протягивая к ней руки, точно так же, как он кричал и протягивал их к ней в раннем детстве.— Мамунюшка родимая!..

Старуха ахнула, выронила из рук какой-то узелок.

— Сынушка ты мой! — кинулась она к Прохору и обняла его.— Чадушко ненаглядное!

Прохор почувствовал на своей щеке материнские горячие слезинки.

— Мама! Ну что ты? Зачем? Ведь не хоронишь же меня...

— Да я ничего,— сконфуженно вытирая концами платка

глаза, пробормотала Аина Андреевна.— Так это... от радостн... Дядя-то твой Егор иапугал иас, гутарнт, что ты весь израиеиный.

— Он тебе иаговорит, этот дядя,— ласкaя мать, проговорнл Прохор.— Пустякн... Заживет... Здравствуй, сестричка! — расцеловался он с Надей.— Все хорошеешь,— потрепал ои ее по щеке.— Когда иа свадьбе-то будем гулять?

— Какая тут свадьба, братушка,— отмахиулась девушка.— Вишь войиа везде разгорается...

— Здорово, брат,— подошел Захар, щеря в улыбку свое давно небритое, щетинистое скуластое лицо.

— Здравствуй, Захарушка,— расцеловался Прохор и с братом, винмательио всматриваясь в иего. Заметив это, Захар грустио улыбнулся:

— Что, Проша, так вглядываешься в меия? Думаешь, в сам деле я дураком стал?.. Небось дядя Егор тебе уже нагово- рнл...

Прохор покраснел. Целуясь с братом, ои действительио вспомиил рассказ дяди о Захаре, а поэтому и пристальио посмотрел на него.

— Выдумаешь тоже,— смущеиио пробормотал ои.

— Да чего мие выдумывать,— улыбаясь той же грустиой улыбкой, тихо проговорнл Захар.— Все же говорят, что у меияде тут одии виитик сломался,— постучал ои по своему выпуклому лбу.— Не знаю, могет быть, и сломался... Но в голове-то что сломалось али нет — ие зиаю, а вот что касаемо,— похлопал ои по своей широкой груди,— тут-то, то иадлом большой пронзошел. Как же, Проша,— тнхо, словно жалуясь, иачал рассказывать Захар.— Всю ведь войиу в окопах под шрапиелями да миаами пролежал... Сколь разов в атаку ходил. Смерть не одиова в глаза видывал... Страшио о том подумать, брат,— поник он головой.— Скольким своим товарищам я порыл могнлу... А потом... потом тнранства какие я видывал и испытал в германском плеиу...

Лнцо его вдруг сморщилось, и ои как-то страиио икнул.

Ядреиые слезы вытекли из глаз Захара, этого дюжего казака, н, пробежав по смуглым щекам, исчезлн в черных с проседью усах.

По-ребячьи, стыдливо смахиув рукавом гимнастерки с лнца слезы, Захар с ожесточеиием махиул рукой:

— Эх, да что о том толковать?.. Дюже иа слезу слабоват стал... Потому-то и дураком стали считать...

— Что же ты, Проша, к иам-то, стало быть, ие пойдешь? — спросила Аииа Андреевиа.

— Нет, мама,— отрицательио покачал головой Прохор.— Не пойду. Ведь выгонит меия отец...

— А ты б повииился ему, прощения попросил... Ведь как-никак, а родитель...

— Я, мама, перед ним ни в чем не виноват,— возразил Прохор.— Мне у него не за что просить прощения.

— Дело твое, сынок,— вздохнула старуха.— Тебе виднее... А так уж, по правде сказать, отец наш больно злой стал...

Посидев у Прохора с полчаса, родные собрались уходить.

— А то отец спохватится, скажет, куда подевались,— озабоченно проговорила старуха и, как бы устыдясь своего торопливого ухода, виновато сказала: — Ну, я к тебе, Проша, буду частенько забегать, еду буду носить... Да и Надюшка-то будет заходить, а иной раз, глядишь, и Захарушка заглянет...

— Конешное дело, загляну,— мотнул всклокоченной головой Захар.— Курево-то у тебя, братушка, есть ай не? А то я тебе принесу табаку-самосаду... Посадил я нынешнюю весну... Ну и табак же уродился! Как курнешь, так до самого нутра прошибает... Кре-епкий че-ерт!..

— Я уж неделю не курил,— ответил Прохор.— Отвык... Пока не буду начинать, может, брошу. А что Сазон Меркулов сейчас в станице ай нет?

— Дома,— ответила Надя.— Вчера видала его на улице... Уморил всех девок со смеху... Что не скажет — умора...

— Зайди к нему, сестричка,— попросил Прохор.— Скажи, чтоб пришел ко мне...

— Ладно, братец, зайду зараз.

III

Сазон тотчас же прибежал к Прохору, как только о нем сказала Надя.

— Здорово, здорово, односум! — обрадованно тряс он руку Прохору.— Мне сестрица-то твоя сказала, что ты ранен. Как же это тебя поранили?

— Своим я правды не говорю, а тебе скажу, Сазон, потому, как ты — товарищ надежный...

И он коротко рассказал Сазону о своем участии в экспедиции Подтелкова, о ее разгроме и гибели, о своем ранении.

— Стало быть, Подтелкова повесили? — искренне огорчился Меркулов.— Казачина-то какой был... Красавец, умняга. И все это через проклятых стариков... Я ж говорил, что они, дьяволы бородатые, немало нам горя принесут... Так бы всех их за бороды и развесил на столбах.

— Слышишь, Сазон,— спросил Прохор,— ты ж, наверно, тоже выбирал себе во власть Максимку Свиридова, а?.. Ну, признайся, выбирал?

— Да ведь как все, так и я,— смущенно сказал Сазон.— Мое дело маленькое...

— Вот так все вы,— укоризненно заметил Прохор.— Один на другого ссылаетесь... А зачем, спрашивается, вы выбрали Максимку председателем ревкома?.. Разве ему Советская

власть по душе стала? Да ои спит и видит себя в офнцерских погонах... Ведь коитра ж ои...

— Это, могет быть, ты и правду говоришь,— согласился Сазои.— Да ведь все фроитовики за него кричали, ну, и я, грешным делом, за него руку поднимал... Ои, Макснмка-то, ведь друг иаш был...

— Ну в детстве ои был другом иашим, а сейчас недруг...

— Правду говоришь,— сиова согласился Сазои.— Но только более подходящих иикого не было в председатели. Грамотей ои... Да и представители власти приезжали из Велнкокияжеской, ие возражали супротив Максимки... Не ииаче, как подделался под их Максимка. Ну, раз оии были за Свирндова, а нам что же... Люди мы малеиькие, темиые...

— Брось ты мие темиым да малеиьким прикидываться! — строго прикрикнул иа Меркулова Прохор.— В вас, таких «темиых», вся и сила...

— Да это могет быть.

— Ну, ладио, мы с тобой еще поговорим... Скажи, Сазои, ты крепко за Советскую власть стоишь?

— Как за отца и мать родиых! — с чувством воскликиул Сазои.— За кого ж мие, Прохор, стоять, как ие за Советскую власть?.. Сам зиаешь, всю свою молодость в батраках прожил у богатых казаков. А ведь Советская-то власть хочет всех, бедиых и богатых, уравнить, чтоб все, дескать, равиые были...

— Помогать мне будешь? — спросил Прохор.

— Ну, ясио,— ие задумываясь иад тем, в чем может быть выражеиа его помощь, ответил Сазои.

— Отряд красиых тут где-нибудь поблизости есть или иет?

— Ни черта, никаких отрядов иет,— огорчеино воскликиул Сазои.— Окромя милиции, никого. Милициоиеров человек десять ездят, все они из богатеиьких казачков... Пристроились, дьяволы, из своих выгод... Доверять им иикак иельзя.

— Хочу, Сазои, отряд красиогвардейскнй организовать,— проговорил Прохор.— Будем охраиять станицу от белых. А то, черти, иалетят, повырежут, постреляют, а кого к себе в ряды мобилизуют...

— Истииный господь, так,— подтвердил Сазои.

— А ежели так, го надо действовать,— проговорил Прохор.— Возьми вот в моей плаишетке бумагу и садись пншн, будем составлять список...

Пока еще иедоумевая и не поиимая, о каком списке идет речь, Сазон послушио разложил лист бумаги иа столе, послюиявил караидаш, приготовился писать.

— Начииай с меия,— сказал Прохор.— Записывай: первый — Ермаков Прохор... Это мы будем записывать предварительно тех, кто наверняка вступит в наш отряд...

— Понятио. Второй,— послюнявив караидаш, записывал Сазои,— Мер-ку-лов Са-зои... А следующего кого записывать?

— Давай с нашей улицы. Ты лучше моего знаешь, кто из фронтовиков сейчас дома... Давай сначала писать иногородних, а потом запишем и надежных казаков.

— Правильно! — согласился Сазон.— Сначала запишем иногородних, а потом казаков.

Полдня они составляли список, часто споря по той или другой кандидатуре, то вычеркивая из него спорные фамилии, то снова занося. Наконец список был готов. В нем значилось сто тридцать семь фамилий, не вызывающих сомнений ни у Прохора, ни у Сазона.

— Хороши ребята. Все, как один,— восторженно резюмировал Сазон.— Добрый отряд!

— Это еще не отряд, а пока только список,— охладил его восторг Прохор.— Отряд будет тогда, когда сто тридцать семь человек с оружием в руках будут стоять перед нами... И наш долг этого добиться... Вот что, Сазон, я пока еще должен лежать, но ждать, когда заживет моя рана, нельзя. Каждая минута дорога. Даю тебе два дня сроку, обойди всех этих людей, которых мы с тобой записали, и опроси их, согласны ли они вступить в наш отряд или нет... Ежели согласны, то пусть каждый из них распишется... А если кто не пожелает вступить к нам — вычеркивай. Силком загонять не будем. Это дело добровольное. Да, гляди, не озоруй. А то, парень, я не посмотрю, что ты мой друг...

— Ладно уж,— буркнул Сазон.— Не сомневайся... Ну, а командиром, должно, буду я, а?..— И, засмеявшись, дурашливо запел:

> ...Ой да, едет сотня казаков-усачей,
> А впереди командир молодой.
> Кричит: «Сотня, за мной, за мной, за мной!..»

— Эх, где ж наша не пропадала! — хлопнул он своей видавшей виды казачьей фуражкой по столу.— «Отвага мед пьет, отвага и кандалы трет»... Старая это пословица. Ладно, что было, видали, а что будет, увидим... Я пошел,— нахлобучивая фуражку, поднялся Сазон.

— Желаю удачи!

У Прохора было приподнятое настроение. Рана его заживала, и он надеялся вот-вот встать на ноги. Ему хотелось скорее заняться организацией отряда. А сформировав отряд, он тогда бы сумел реорганизовать и станичный ревком. Прогонит Свиридова и подобных ему, взамен подберет преданных делу революции людей.

К нему теперь часто приходили мать и Надя. Заходил както и брат Захар, который, начав что-то рассказывать о войне, опять расплакался и убежал. Родные приносили Прохору много

сладостей домашнего приготовления, потчевали его. Приятно было беседовать с родными, особенно с сестрой. Молоденькая девушка бесхитростно рассказывала брату обо всем, что делалось в станице.

— Ты Маню Свиридову помнишь? — спрашивала она у Прохора и, не дожидаясь его ответа, продолжала: — Так вот эту Маню просватали за Мишку Клыкова... Так богач к богачу и лепится. Говорят, осенью будут свадьбу играть. А Фросю Краснову знаешь? Такая это из себя курносенькая... Просватали ее было за Никодима Лукьянова. Вот бы уж и свадьбу играть на красную горку, да случилась тут беда... Поехал Никодим по весне в Платовскую, к материному брату, надо ему было что-то... Уж совсем близко он подъехал к Платовской, да случись тут бой страшущий. Попал Никодим меж двух огней: и с одной стороны стреляют и с другой — стреляют... Мыкался-мыкался он туда-сюда, чтоб, значит, с поля сраженья-то удалиться, да не удалось ему это. Кобыла привезла его домой мертвого...

— Надюша,— заглянул ей в глаза Прохор.— Вот ты все рассказываешь мне о своих подружках: и та-де просватана, и другая-то выдана... А вот как обстоит дело у тебя? Не просватали ли еще тебя, а?

— Нет,— потупив глаза, тихо ответила девушка.

— Но почему же? — развел руками Прохор.— Девушка ты красивая, завидная. Неужто не было сватов?

— Нет,— прошептала сразу же притихшая Надя.— Да я и стремления к тому большого не имею...

— Это почему же? — искренне изумился Прохор.— Что ж, тебе ребята не нравятся? Ухажер-то у тебя есть или нет?

Девушка побагровела до корней волос.

— Ну? — смеясь, спросил Прохор.— Что молчишь? Есть ухажер ай нету?

— Есть,— не поднимая глаз, едва слышно прошептала девушка.

— Молодец!.. Что ж он за тебя не сватается? Плохой, видно, ухажер. Не любит тебя?

— Нет! — воскликнула девушка.— Он любит меня, дюже любит!.. Я знаю... Он давно бы за меня посватался, да боится...

— Вот тебе на! Чего ж он боится?

— Батя наш за него не выдаст.

— Почему? — все больше недоумевал Прохор.— По каким причинам?

— Да у него отец пастух.

— Пастух? Это кто ж такой?

— Шушлябин.

— Подожди, Шушлябин? Ага, помню, помню... Да кто ж у него?.. Что-то не помню, были у него ребята или нет...

Видя, что брат не бранит ее за признание, Надя сияющими глазами смотрела на него.

— Ты ж, Проша, все время на войне был и не знаешь многих,— мягко говорила она.— У Шушлябиных есть Митя... хороший паренек... Когда ты уходил на войну, он совсем еще мальчишкой был... А сейчас вырос... Грамотный, двухклассное училище закончил... Все книжки читает, все читает... Умный... Чистенький такой, беленький, как все едино из благородных. И не подумаешь, что он — сын пастуха...

Прохор, снисходительно посмеиваясь, слушал сестру.

— Сколько ему лет?

— Скоро восемнадцать.

— Он тоже пастух?

— Да ты что! — обидчиво возразила девушка.— Да разве мыслимо, чтоб он пастухом был. Это отец его пастух, а Митя занимается с учителями... Хочет на учителя экзамен сдавать...

— Вот оно что? — вырвалось у Прохора.— Видать, парень с головой. И ты любишь его?

— Ой! — зажмурившись, со счастливой улыбкой воскликнула Надя.— Еще как... Так люблю... так люблю... Дюже люблю. Дороже жизни...

Прохор вздохнул. Он вспомнил о Зине. Где-то теперь она? Что с ней? Когда-то он снова ее увидит?..

— Наш отец, значит, о вашей любви не знает?

— И не приведи господь, чтоб узнал,— испуганно перекрестилась девушка.— Прибьет и меня, и Митю.

— А мать?

— Мама-то знает. Да она не в силах нам помочь. Сама боится отца...

— Ну, ничего, сестричка,— успокаивающе похлопал ее по плечу Прохор.— Все по-хорошему обойдется, я в этом уверен... Скажи своему Мите, чтоб ко мне пришел... Познакомимся, поговорим...

— Ладно. Скажу, Проша. Только не знаю, пойдет ли он к тебе. Больно уж стеснительный, робкий...

— Это хорошо, что стеснительный, значит, неразбалованный. А все-таки пусть придет.

Распрощавшись с братом, Надя ушла, пообещав в следующий раз привести с собой Митю Шушлябина.

К вечеру явился Сазон, веселый, радостный. Вначале Прохор подумал: уж не пьян ли он. Но вскоре убедился, что Сазон был трезв.

— Дела, как сажа бела,— шутовски подмигнул Сазон.

— Ну-ну, не скоморошничай, рассказывай.

— И рассказывать особенно нечего,— проговорил Сазон и, достав из кармана список, подал Прохору.— Гляди! Все почти до единого расписались... С большой, говорят, охотой желаем послужить Советской власти...

— Подожди-подожди,— рассматривая список, заметил Прохор.— Ты говоришь, все расписались. А вот нет росписей...

— Двенадцать человек не расписалось,— пояснил Сазон.— Кто не захотел расписываться, а кого дома не было... другой раз придется зайти.

— Ну, это пустяки,— сказал Прохор.— Большинство все-таки записалось. Прямо-таки не ожидал... Молодец, Сазон! Большую работу проделал... Спасибо!

— Да ты посмотри, Прохор, в конец списка-то. Я ж еще двадцать два человека записал, окромя тех, что мы с тобой в список внесли.

Прохор перевернул лист бумаги и увидел на обороте целый столбец фамилий, записанных Сазоном.

— Смотри, как бы ты не записал таких, которых и близко к отряду подпускать нельзя,— сказал он.

— Не бойся,— успокоил Сазон.— Людей я набрал хороших, своих... Вот только двое из них у меня под сомнением. Я их не хотел записывать, да как раз пришли они к одному, которого я зачислил в наш отряд, так стали просить меня, чтобы я их записал в отряд. Говорят, честью-правдой будут служить. Пришлось записать... Но это, Прохор, на твое усмотрение, как хочешь, можно и вычеркнуть их из списка...

— Кто же это?

— Да вот последние по списку — Терентий Дронов да Силантий Дубровин. Сомнение потому, что из зажиточных они.

— Посмотрим,— кладя список на табурет, сказал Прохор.— Пока выписывать не будем. Раз записал — пусть остаются пока... Хватит хворать, Сазон. Оповести всех записавшихся, чтоб завтра к вечеру с оружием собрались к школе. Выберем командира и начнем действовать...

— А чего нам его выбирать? — возразил Сазон.— У нас командир уже есть.

— Кто же это? — поинтересовался Прохор.

— Да ты.

— Ну, дорогой, твоего желания еще не достаточно,— усмехнулся Прохор.— Завтра посмотрим, кого выбрать... Глядишь, тебя еще и выдвинем...

Сазон расхохотался.

— Ошибку понесете огромадную,— сказал он.— Я же могу пропить весь наш отряд с потрахами...

— Наговариваешь на себя, Сазон, черт знает что,— покачал головой Прохор.— Кто тебя не знает, тот действительно может подумать, что ты какой-нибудь пьяница, забулдыга...

IV

На следующий день после обеда Прохор побрился, тщательно умылся, надел новую гимнастерку, которую принесла ему мать из дому, и направился к школе.

Чувствовал он себя совсем неплохо. Временами, правда, кружилась голова. Но это, как он думал, оттого, что в последние дни мало бывал на воздухе.

До назначенного для сбора часа было еще далеко. Однако, подходя к школе, Прохор уже видел несколько спешенных кавалеристов при шашках и с ружьями.

— Здорово, Прохор Васильевич! — приветствовали они Прохора.— Здорово, одностум.

Прохор заметил, как к школе подъезжали Терентий Дронов и Силантий Дубровин, о которых ему вчера говорил Сазон. Он внимательно посмотрел на этих подобранных, щеголеватых всадников. Поймав взгляд Прохора, казаки козырнули ему. Прохор кивнул в ответ. «Ничего, посмотрим»,— подумал он, вспомнив слова Сазона по поводу этих двух казаков. Прохор их мало знал, жили они на другом конце станицы, слыли богатыми людьми...

Казаки окружили Прохора. Некоторые были в Каменской на съезде фронтового революционного казачества и, зная, что он был близок к Подтелкову и Кривошлыкову, стали расспрашивать о них. Прохор отвечал сдержанно. Он ни звуком не обмолвился о гибели подтелковской экспедиции, понимая, что до поры до времени говорить об этом не стоит, так как эта весть может произвести на казаков удручающее впечатление.

Когда собрались записавшиеся в отряд, Прохор попросил всех их войти в школу. А когда все вошли в класс и разместились на партах, он объявил о создании в их станице красногвардейского отряда имени донского народного революционера Кондратия Булавина, рассказал о делах и задачах их отряда и поставил перед собравшимися вопрос о выборе командира. Командиром всеми единогласно был избран Прохор.

— Спасибо, товарищи, за доверие,— поклонился Прохор фронтовикам.— Раз вы выбрали меня своим командиром, значит надо беспрекословно слушать меня, как и других командиров, которых мы сейчас с вами выбираем... Дисциплина у нас должна быть суровая. Я буду требовать ее от каждого. Так что не обижайтесь... А теперь давайте создадим взводы и отделения. В каждом отделении и взводе выберем командиров.

В то время, когда Прохор разбивал только что созданный отряд на отделения и взводы, к нему подошел Максим Свиридов с двумя щеголевато одетыми казаками, из которых один был калмык.

— Здорово, одностум! — бросил свысока Свиридов Прохору.

— Здорово! — ответил Прохор.

— Чем занимаешься, Прохор Васильевич? — спросил Свиридов.

— Кур щиплю,— невозмутимо ответил Прохор.

Близ стоявшие казаки, слышавшие этот ответ, рассмеялись. Свиридов порозовел, на щеках у него заиграл багровый румянец.

— Я с тобой, Ермаков, не шутейно говорю,— повысил он голос.— Ты что, аи власть на местах не признаешь?

— А ты, Максим, разве власть тут? — насмешливо посмотрел на него Прохор.

— Ясное дело, что власть,— самодовольно ответил Свиридов.— Ежели б не власть, так я б к тебе и не пришел... На кой ты мне нужен...

— Вот оно что-о! — протянул Прохор.— Не знал, не знал, что ты в гору пошел... Молодец, односум!

— А что поделаешь? — вздернул плечами Свиридов.— Выбрали... Надобно послужить народу и Советской власти.— Губы его скривились в усмешке.— Этих-то казаков, Ермаков, знаешь? — кивнул он на своих спутников.

Прохор посмотрел на сопровождавших Свиридова казаков. Хотя в облике их ему и показалось что-то знакомое, но припомнить он не мог.

— Что-то не вспомню.

— Вот этот,— указал Свиридов на белокурого с открытым простодушным лицом сероглазого казака,— Павел Звонарев с хутора Козлинского. Помнишь, с нами учился с первого класса по третий?

— Вспоминаю,— оживился Прохор, протягивая руку Звонареву.— Здравствуй, Павел...

— А это Адучинов,— кивнул Свиридов на калмыка.— Наш станичный...

— И этого вспоминаю,— сказал Прохор.— Извиняй, Адучинов, не узнал тебя. Богатым быть тебе.

— Куда уж ему богаче,— сказал, подходя, Сазон с шашкой на боку и винтовкой за спиной.— Богаче его, пожалуй, никого и в станице нет...

— Зачем так говоришь, Меркул? — блеснул зубами в кривой усмешке калмык.— Зря так твоя говорит... Бедный мы стал, бедный... Война все сожрал... Война.

Как и бывает часто в подобных случаях, когда разговор прерывается, все закурили.

— Слушай, Ермаков,— заговорил Свиридов.— Звонарев у нас секретарем ревкома служит, а Адучинов ведает военным делом... А я — председатель ревкома... Так вот мы и пришли к тебе поговорить по-серьезному, как власть местная: на каком основании ты, не спросясь нас и не получив нашего разрешения, организуешь отряд, а? По какому такому праву ты занимаешься своевольством?

— Моя,— ткиул себя в грудь пальцем калмык,— воеиный комиссара. Моя отвечает все... Кто твой казак приходила меие?.. Кто спрашивала меие делать отряда?.. Никто ие спрашивала, иикто ие приходила... Моя, воеииая комиссара, ие велит отряда делать!.. Никакой отряда ие иадо!., Никакой!..

— Правильио говоришь, Адучииов!..— хлопиул его ладоиью по плечу Свиридов.— Без разрешеиия стаиичной власти иикакого отряда оргаиизовывать ие позволим!.. Не позволим!.. Ежели каждый зачиет своевольством заииматься, так тут настоящая аиархия получится! А мы, одиосум, сам зиаешь, супротив аиархистов идем... Так что, Прохор Васильевич, мы подобру предлагаем тебе сейчас же распустить свой отряд! А потом, ежели ои иадобеи будет, то мы его в закоииом порядке, с разрешеиия властей, оргаиизуем...

— Пошел ты к чертовой матери! — выругался Прохор.— Зиаю я, что представляет из себя эта «власть». На бугор посматриваете. Отряд мною создаи. Распускать я его ие буду и иикому ие позволю. Поиял?

Глаза у Свиридова вспыхиули, как у волка, ио тотчас же и потухли. Свиридов поиимал, что ссора ии к чему ие приведет.

— Не кипятись, одиосум,— срывающимся голосом произиес ои.— Давай спокойио поговорим... Ты ж пойми — закоииая власть, стало быть, должеи иам подчиияться... И ругаться иечего...

— Свиридов,— сурово прервал его Прохор,— мы еще посмотрим, какая ты власть. Я думаю, что тебя по ошибке к власти поставили. Что ты иа съезде в Камеиской говорил? На мир с'геиералами склоиял... Ты и сейчас так думаешь... Так какая же из тебя иародиая власть, ежели твоя душа против Советской власти иастроеиа?.. Какая может быть иа тебя иадежда?.. Продашь и предашь... Нельзя тебе доверять.

Свиридов пытался прервать Прохора:

— Ну, что ты говоришь?.. Какую чепуху городишь.

Но потом поиял, что, для того чтобы опровергиуть все обвииеиия, иадо прикииуться обижеииым.

— Какое имеешь право такой поклеп возводить иа меия? Да я тебя... Ладио, я тебе все это припомию... Припомию!.. Пошли, товарищи!.. Мы иайдем способ с иим поговорить...

V

В иочь с четвертого иа пятое мая иизкое иебо иад Новочеркасском озарялось багровыми вспышками орудийиых залпов. Сухо потрескивали ружейиые выстрелы. Иногда то в одиом, то в другом коице города сквозь остервеиелый собачий лай, словио перекликаясь друг с другом, постукивали пулеметы.

Застигнутые врасплох внезапно возникшим в городе боем, обыватели, трясясь от страха, отсиживались в погребах и подвалах.

Веру пушечный гул застал в постели. Она спала крепко и долго не могла пробудиться, хотя сквозь сон и слышала взрывы снарядов, падавшие, кажется, совсем близко. Потом, вся обливаясь холодным потом, она заставила себя очнуться. С сильно бьющимся сердцем она в ужасе заметалась по комнате, не зная, что нужно делать, что нужно предпринять, где найти спасение. Длинный подол ночной шелковой рубашки путался у нее в ногах. Спотыкаясь, она обежала все углы квартиры и, вдруг вспомнив, опустилась на колени в одном из темных углов, где, она знала, висела икона богоматери.

— Матерь божья! — вскричала в отчаянии Вера.— Спаси и помилуй!..

Хотя она и была не особенно религиозной, но в страшные минуты жизни, как и многие, на всякий случай прибегала к защите бога. «Кто знает,— размышляла она,— а вдруг-то бог и есть. Так уж лучше помолиться, чем не молиться. Меня от этого не убудет, а если бог есть, то он это может вспомнить...»

Стрельба продолжалась, и Вера, содрогаясь всем телом от страха, простояла почти всю ночь на коленях перед иконой.

Под утро в окно кто-то постучал. Вера, немея от ужаса, не отзывалась. Стук усиливался, он становился настойчивым, требовательным, властным. И когда окно под чьим-то кулаком уже жалобно задребезжало и, казалось, вот-вот из него посыпятся стекла, Вера наконец подошла к окну и беспомощным, плачущим голосом спросила:

— Ну, кто это... там?.. Кто?..

— Верусик, открой! — донесся до нее возбужденный, радостный голос мужа.

— Костя! — в восторге закричала Вера, бросаясь на лестницу открывать дверь. Откинув засов, она обвила горячими руками шею мужа.

— Костя!.. Милый Костя!..— рыдала она и, конечно, не потому, что уж так соскучилась по нему. Она просто была рада, что с появлением Константина все ее ночные страхи исчезли...

— Ну, что ты, глупенькая,— нежно гладя ее по спине и целуя в голову, ворковал Константин.— Ведь жив-здоров я. Что ж ты?.. Успокойся, милая, успокойся...

Рассветало, Вера, глянув за спину мужа, увидела, каких-то людей, стоявших у подъезда.

— Ах! — вскрикнула она.— Я не одета!

— Стоит ли в такое время беспокоиться о туалете,— проговорил чей-то баритон за спиной Константина.

Вера хотела убежать в комнату, но Константин на мгновение задержал ее за руку и с любопытством оглянул с ног до головы.

— Верунчик,— засмеялся он,— в таком виде ты, как ангел, спустившийся с небес... Только ангел немного согрешивший, падший...

Побледневшая, с осунувшимся от перенесенного ужаса лицом, с синими тенями под голубыми, еще заплаканными глазами, с распущенными на плечи волнами пышных, белокурых волос, в розовой длинной до пят ночной рубашке, она непонимающе глядела на мужа, никак не могла прийти в себя.

— Ну иди, родная,— легко подтолкнул Веру Константин,— чайку прикажи нам поставить. Не бойся только, теперь страшного ничего не будет. Мы окончательно забрали Новочеркасск.

— От меня кухарка ушла,— плаксиво сказала Вера.

— Ушла? — переспросил Константин.— Ну и бог с ней. Не беда. Найдем другую... Самовар мы сами поставим... Иди, крошка, одевайся... А мы живо сообразим насчет завтрака...

Вскоре в столовой, пуская пар, весело напевал самовар. Вера в пестреньком шелковом халатике, успевшая уже подпудриться, подкрасить губки и надушиться духами «Коти», возилась у самовара, разливая чай. Около нее сидел Константин. Он ласково поглядывал на жену и, не стесняясь присутствия чужих людей, то и дело отворачивал у жены широкий рукав халата и целовал ее в плечико.

— Костя! — каждый раз при поцелуе, смеясь, восклицала Вера.— Нахал этакий. Не стыдно тебе? Постеснялся бы...

— Котик мой пушистый,— отвечал Константин.— Ведь я ж так по тебе соскучился... Какое уж тут стеснение. Представляю, душенька, каких ты только ужасов не пережила при большевиках!

— Ой, Костя, и не говори! — прикладывала Вера свою руку к сердцу.— Ужас!.. Ужас!.. Ведь все эти большевики, все ихние комиссары просто неотесанные мужики...

Напротив супругов за столом сидели штабс-капитан Чернышев и молоденький адъютант Константина — сотник Воробьев, розовощекий, сероглазый юноша. Чернышев не спеша пил чай, важно поглаживая черную бородку.

Константин распахнул окно. Прохладный ароматный весенний воздух хлынул в комнату. Теперь стрельбы уже не было слышно. За окном лежала мягкая тишина. Нарождался яркий майский день.

— Знаешь, Вера,— снова садясь около жены, начал оживленно рассказывать Константин,— теперь мы заживем. Да-да, заживем... Теперь уже из Новочеркасска мы никуда не пойдем. Все! Кончились наши страдания. Патриотическим движением охвачено сейчас все донское казачество. Отчаянно бивший набат над нашим дорогим тихим Доном, наконец, проник

в сознание казаков... Много, милая, стоило усилий пробудить их от спячки... А теперь проснулось казачество, поняло все, обнажило свой меч-кладенец!..

Вера засмеялась:

— Как-то чудно, Костя, ты говоришь... Будто декламируешь или сказку рассказываешь... Какой-то тон у тебя...

— Ничего ты не понимаешь,— махнул рукой Константин.— Просто патетический тон, торжественный... Да, кстати, Верусик, я теперь командую полком. Это тебе не фунт изюму,— засмеялся он и небрежно, словно говорил о чем-то пустяковом, процедил: — Представлен к чину полковника... Генерал Попов мне об этом говорил и поздравлял...

Глаза у Веры заискрились. Она порывисто обняла мужа и расцеловала его в щеки, оставляя на них полосы от губной помады.

— Поздравляю, милый, поздравляю! Как это хорошо! Ведь, если все так прекрасно пойдет, то...— она запнулась и стыдливо взглянула на Чернышева и молодого адъютанта.

— Ха-ха! — весело расхохотался Константин.— Я понимаю тебя, Верочка. Ты хочешь сказать, что и генералом могу стать? Да?.. Угадал?.. Ты права, могу и генералом стать. Да, даже непременно. И сомнения в этом не может быть... Кстати, ты можешь поздравить и господина Чернышева,— указал он на молчаливого штабс-капитана.— Он получил казачий чин войскового старшины и назначен ко мне начальником штаба полка...

— Поздравляю, поздравляю! — протянула ему руку Вера.

Блеснув стеклышками пенсне, Чернышев поднялся, звякнул шпорами и поцеловал ее руку.

— Благодарю вас.

— Ты понимаешь, Верочка,— закурив, снова начал рассказывать Константин, усаживаясь в кресло.— Я ведь все это время в своих краях воевал с красными... Выкуривали из сальских степей чертей... Раза два даже ночью тайно в станицу свою пробирался... Семью хотя свою и не видел, но с отцом пришлось повидаться... Все это мне устраивал Максим Свиридов — друг детства Прохора... Он председателем ревкома в станице, а делает все то, что я ему велю... Малый он понятливый, старается... Правда, он недаром старается, хочет офицерские погоны получить. Ну, а мне-то что, я обещал. Подумаешь, какое великое дело. Плюнешь — и готов офицер.., Действительно, какие все-таки странные дела на свете бывают... Вот, скажем, взять, к примеру, Прохора и Максима Свиридова. Оба одинаковые ребята были, друзья, вместе учились, вместе играли... И вот в результате из Свиридова толк получается, а Прохор свихнулся, связался с красными... Да, кстати, Верочка, ты помнишь, когда у нас Прохор с Виктором весной прошлого года в Ростове были?

— Ну, как же, конечно, помню.

— А помнишь, Прохор тогда рассказывал нам, что он на вокзале встретил одного знакомого баптиста из Платовской станицы по фамилии Буденный?

— Ну, разве это можно вспомнить? — наморщила она нос.— Хотя что-то подобное говорил...

— Ну, так вот,— усмехнулся Константин.— Этот Буденный — гроза края там... Организовал конный отряд большевиков, делает налеты на наши тылы, много побил наших... Ну, и я ему дал духу,— хвастливо проговорил он, косясь на Чернышева.— Правда, в этом бою я человек двести, наверно, убитыми потерял...

— Двести сорок пять,— поправил адъютант.

— Ну, Воробьев,— усмехнулся Константин,— ты любишь уточнять.

На улице вдруг грянула музыка. Все бросились к окнам. По мостовой по три в ряд ехали вооруженные всадники со сверкающими на солнце офицерскими золотыми погонами.

— А-а! — воскликнул Константин.— Это дроздовцы. Вон смотрите, господа, впереди едет толстый, усатый офицер. Это и есть сам полковник Дроздовский. Герой! Молодец!.. Спасибо ему. Он помог нам Новочеркасск взять... Представь себе, милая, что за молодчага этот полковник Дроздовский. Он с румынского фронта вывел офицерский отряд, прошел с ним от Румынии до Дона, на каждом шагу сражался с большевиками и вот все-таки пробился и нам еще здесь помог. Ей-богу, герой!.. Ну, и так, господа, с дороги отдохнем... А потом пойду к начальству получать распоряжения...

VI

Жить в Новочеркасске становилось спокойнее. Теперь уже здесь не слышно было раскатов гула сражений. Говорили, что у атамана Краснова армия насчитывала уже до тридцати тысяч человек. В городе появилось много новых лиц. Улицы шумели от фланирующего взад-вперед нарядного люда.

— Как чудесно!.. Как прекрасно! — восторженно восклицала каждый раз Вера, когда ей приходилось выходить на улицу и видеть роящуюся публику, всех этих дородных, самоуверенных мужчин, элегантных, до приторности учтивых гвардейских офицеров, красивых, разряженных дам...

Молодой женщине доставляло огромное удовольствие порхать на улице среди этой изысканной публики, обращать внимание на себя холеных мужчин. Всегда умело и со вкусом одетая, привлекательная и цветущая, в своей широкополой соломенной шляпе, выгодно оттеняющей ее розовое лицо и красивые светлые волосы, она производила впечатление. На нее засматривались и оглядывались. А когда она бывала одна, то

многие мужчины пробовали с ней заговаривать. Но Вера — женщина практичная — на мимолетные уличные знакомства не шла. Она искала более основательные, прочные знакомства людей солидных, положительных, которые могли бы ее ввести в круг высшего общества.

Веру одолевали тщеславные мысли. Она знала, что Новочеркасск был городом казачье-дворянской аристократии. Здесь много жило семей заслуженных отставных генералов, полковников, донских помещиков, чиновников войсковых учреждений. Все они издавна были знакомы между собой, запросто бывали друг у друга, устраивали балы, вечера. Теперь, когда Константин стал командовать полком и скоро должен получить чин полковника, Вере казалось, что они с мужем вполне заслужили право быть принятыми в этом обществе. Ей очень хотелось быть наравне с казачьими аристократами, бывать в их домах, хотелось, чтобы с ней считались, любовались ее красотой.

Но увы! Это были только несбыточные желания. Круг этих людей был для нее недоступен. При всех своих усилиях и попытках она никак не могла проникнуть в дома казачьей аристократии.

— Костя, вот мы живем с тобой и в Новочеркасске — столице донского казачества...— однажды сказала Вера.

— Ну, так что?

— Ты человек уже не молодой...

— Но, котик, это еще не старость... Я еще...

— Слушай, Костя, правде надо смотреть в глаза прямо. Ну, ясно, ты человек уже пожилой. Скоро ведь и на пятый десяток перевалит...

— Ну, хорошо. А что ты этим хочешь сказать?

— Я хочу сказать то, что ты уже не маленькое положение занимаешь. Командир полка, да и чин солидный! Может, скоро полковником будешь...

— Не может, а точно,— приосанился Константин.— Я верю, что при своих способностях и большего достигну.

— Уж не серьезно ли ты имеешь в виду стать генералом? — рассмеялась она.

— Плохой тот солдат, который не мечтает стать генералом,— рассмеялся и Константин.

— Ох ты, мой генерал! — похлопала она его ладонью по щеке.— Из тебя выйдет такой же генерал, как из меня полководец...

— Нет, ты не смейся,— сказал он серьезно.— Сейчас наступил именно такой момент, когда умные люди могут многое сделать... Милочка,— привлек он ее к себе, целуя.— Верь своему Косте. Клянусь тебе всем для меня дорогим на свете,— страстно проговорил он,— я добьюсь многого в жизни. Очень многого!.. Сейчас в мутной водичке много рыбки можно поймать... Я ведь знаю, о чем ты сейчас хотела говорить...

— А ну-ка?

— О том, чтобы нам занять в обществе подобающее положение. Не так ли?

— Ох ты! — изумилась она.— Я не предполагала, что ты такой проницательный. Ты, пожалуй, мои мысли можешь читать. Надо тебя остерегаться...

— Так вот, милочка, не беспокойся. Ты займешь в высшем свете подобающее положение, в этом будь уверена. Я добьюсь этого. С Константином Ермаковым будут считаться... Митрофан Богаевский ведь тоже был учитель, как и я. А вот, однако, у атамана Каледина был правой рукой, заместителем войскового атамана... Это, девочка моя, не шутка. А чем, спрашивается, я хуже его?.. Ораторскими способностями меня тоже бог не обидел... Да и здесь есть,— похлопал он себя по лбу.— Только надо уметь приспособиться и использовать как надо надлежащий момент. Пойми, глупышка!..

Константин замолчал. Глубоко задумавшись, он несколько раз прошелся по комнате, затем снова подошел к жене.

— Знаешь что, Веруська, давай вместе добиваться своего счастья... Ты такая красивая, обаятельная, просто прелесть... Давай так уговоримся, когда это надо в интересах нашего общего дела,— ты флиртуй, околпачивай дураков, на которых я тебе буду указывать... Иногда влюбленный становится глупее идиота. Поняла? Только, флиртуя, слишком далеко не заходи. Ты уж у меня кокетка, умеешь великолепно за нос глупцов водить...

— Ну хорошо, а ты ревновать не будешь?

— Так зачем же ревновать, когда ты с моего ведома все будешь делать?.. Так что у нас с тобой все еще впереди. Одного только не хватает,— с грустью произнес он.

— Ты опять о ребенке? — спросила Вера.

— Да. Хочу ребенка.

— Нет, Костенька,— решительно заявила она.— Только не сейчас. Только не сейчас... Я терпеть не могу маленьких детишек...

— Веруси!..

— И не говори!.. Я хочу пожить для себя... Я еще молода... Костенька,— ласкаясь к мужу, продолжала Вера,— ты теперь большой человек, и мне, твоей женушке, неудобно в такой гадкой квартире жить. Надо квартиру сменить, найти где-нибудь на центральной улице... Да как-нибудь получше ее меблировать... А то ведь какого-нибудь видного гостя и пригласить некуда.

— Все будет сделано, милая,— весело сказал Константин.— Я знаю одну неплохую квартиру... В ней жил большевистский доктор. Его вчера расстреляли, а семью надо выгнать... В квартире, говорят, прекрасная мебель, она нам останется.

Едва только Константин закончил хлопоты с переездом на новую квартиру, как получил предписание командующего Донской армией выступить со своим полком снова в сальские степи на подавление оперировавших там многочисленных красных партизанских отрядов.

VII

Станица погружается в темноту. Все вокруг смолкает, словно прислушиваясь к чему-то таинственному, загадочному... Вдруг где-то возник столб пыли. С шумом и свистом пробежал он по улице и, так же, как и возник, неожиданно исчез в гущине рощи. Деревья в саду взволнованно зароптали, покачивая вершинами. С яблонь, как хлопья снега, посыпались бело-розовые лепестки цветения.

— Ванятка! Леша! — беспокойно закричала с крыльца Анна Андреевна внукам, с хохотом гонявшимся за дворовой собакой — лохматым Полканом.

— Кому я сказала! — повелительно кричала бабка, видя, что внуки и внимания не обращают на ее зов.— Идите зараз же, негодники, в хату. Смотрите, вот-вот дождь хлынет!.. Так потоком вас и унесет куда-нибудь в буерак...

Последние слова бабки подействовали на ребятишек. Хотя было и непонятно, какой это поток унесет их в буерак, но все же угроза устрашила ребят, и они послушно взобрались на крыльцо.

— Луша! — гладя ребят по голове, закричала старуха снохе, вышедшей из летней саманной кухни.— Загони телка-то в хлев!

Василий Петрович, обтесывая грядушку к арбе, то и дело посматривал на разгневанно рычавшую тучу. Звякнув еще раз топором по слеге, откалывая кудрявую стружку, он отнес слегу и топор в сарай.

Порыв ветра зашумел и унесся прочь. Старая верба, стоявшая у ворот, как в ознобе, задрожала. Сверкнула далекая молния. Грохнул гром с такой силой, словно туча раскололась пополам.

— Бабуня,— пропищал маленький Лешка, прижимаясь к бабкиным ногам.— Кто это там так страшно гремит?

— Илья-пророк на огненной колеснице поехал.

— Это он так колесами стучит?

— Да, внучек, колесами.

— А-а,— сообразил мальчик.— Это он, бабуня, должно, по мосту поехал...

— Верно, деточка, верно.

— А куда он поехал?

— К богу, внучек.

— Зачем?

— Рассказать богу, как мы тут, на земле, грешные люди, живем.

Мальчик задумался.

На мгновение в природе вдруг снова все замолкло. Наступила настороженная тишина. Лишь откуда-то справа слышался нарастающий шум. Сначала по двору застучали редкие крупные капли дождя. Потом хлынул ливень. Все торопливо побежали со двора в сени. Крутившийся у крыльца пес, сопровождаемый хохотом ребятишек, ошалело помчался под сарай. Взволнованно хлопая крыльями и встревоженно кудахча, суетливо забегала по двору наседка с цыплятами. С отчаянным писком они катились за ней желтыми клубочками...

Наконец наседка забежала под сарай, уселась в гнездо и, не переставая кудахтать, гостеприимно и широко, как бурку, распахнула крылья. Птенцы с писком покорно юркнули под теплые материнские крылья. Но один цыпленок отстал от наседки. Отчаянно попискивая, он тщетно метался в поисках исчезнувшей матери и, не найдя ее, захлестнутый дождем, слабо трепыхая крылышками, присел у кочки.

— Матерь божья! — всплеснула руками Анна Андреевна.— Цыпленок-то!

И, повязав крепче платок, она решительно ринулась на помощь злополучному птенцу.

— Куда тебя нелегкая понесла? — проворчал Василий Петрович.

Анна Андреевна, бережно подхватив цыпленка, отнесла его к наседке и сунула ей под крыло.

— Божья тварь,— прошептала она.— Жалко...

Дождь шумел, лил потоками. Семья Ермаковых в дверях сеней с радостным любопытством наблюдала за ливнем.

— Боже ты мой, благодать-то какая! — с восторженным изумлением глядя на разразившуюся стихию, шептал Захар.

Василий Петрович внимательно посмотрел на сына. В глазах Захара блестели слезы. Старик покачал головой.

— Немножко запоздился дождичек-то,— сказала Лукерья.— Пораньше б...

— Ничего,— проговорил Василий Петрович.— И этот дождь, кстати, на пользу пойдет... Особливо для огородов.

Анна Андреевна, успевшая уже переодеться в сухое, вышла из хаты.

— Что ж, отец,— взглянула она на Василия Петровича,— будем вечерять, что ли?

— Можно и повечерять,— согласился старик.— Пойдемте.

Все вошли в хату, вымыли руки, помолившись богу, чинно расселись за столом. Все делалось без лишней суеты, молча, спокойно. Сам хозяин садился за стол последним. Он, по обыкновению, долго и набожно молился перед иконами, шепча молитвы, крестясь и низко кланяясь.

Василий Петрович с детства был религиозным. Он считал необходимейшим условием своей жизни соблюдать все церковные и домашние обряды; в таком же духе воспитывал и свою семью. Василий Петрович верил в существование божественных сил, в загробную жизнь, страшно боялся попасть в ад, а поэтому старался жить праведной жизнью, меньше грешить, соблюдал посты, не сквернословил, даже не курил. Единственной слабостью его было — иногда любил выпить. Но это он не считал за большой грех.

— Сам Иисус Христос в Кане Галилейской пил вино,— оправдывал он свою слабость.

...Бурная ночь спустилась над станицей. Старая верба у ворот, раскачиваемая порывами ветра, жалобно стонала, скрипела. Потоки воды хлестали в окна. Семья Ермаковых молча сидела за столом, ужинала. Маленькая пятилинейная лампа, свисавшая с потолка, тускло освещала сосредоточенные лица.

В хату вошла Лукерья, вся вымокшая, посиневшая от холода. С нее ручьями стекала вода.

— Мамаша,— сказала она, передавая свекрови ведро только что надоенного молока.— Возьмите вот, процедите, а я пойду в чуланчик переоденусь...

Пока семья готовилась ко сну, Василий Петрович ушел в горницу и, опустившись на колени, стал молиться, глядя на образа, перед которыми горела лампада.

— Батя, не помешаю вам? — сказал Захар, осторожно войдя в горницу.

Василий Петрович не ответил, продолжая молиться (не любил он, когда его прерывали на молитве). Захар покорно затих у двери. Дочитав молитву, старик, не поднимаясь с колеyей, повернул голову к сыну:

— Ну что?

— Кто-то стучится в дверь, вас спрашивает,— сказал Захар.— Я побоялся открывать. Зараз такое время, еще прибьют...

— Меня спрашивают? — изумленно протянул старик и живо поднялся с пола.— Ну-ка, пойдем. Возьми на всякий случай что-нибудь в руки... шашку, что ли...

В сопровождении вооружившегося шашкой Захара Василий Петрович вышел в сени.

— Кто там? — крикнул он строго.

— Открывай, хозяин,— послышался из-за двери тихий голос.— Вымок весь... Мне надобно Василия Петровича.

— Ну, я — Василий Петрович.— А что тебе?

— Открой, хозяин. Чего боишься? Ведь я один.

— А все же, чего тебе надо-то от меня, а?

— Вот открой, тогда и скажу,— а потом, снижая голос почти до шепота, добавил: — От сынка твоего, полковника Ермакова Константина Васильевича, вестку принес... Открой!

«Ого! — радостно подумал Васнлий Петрович,— уже полковник. Надысь видал его войсковым старшиной, а ныне уже полковник».

— Зараз открою,— весело сказал он и откинул засов.

Сверкнувшая молния осветила намокшую фигуру иа крыльце, закутанную в брезентовый плащ.

— Входи! — коротко сказал старнк.

Человек в плаще перешагнул порог, вошел в сени и сбросил с себя плащ.

Василий Петрович повел его в горницу, зажег светильник, закрыл плотно дверь на кухню и оглянул незнакомца.

Это был небольшого роста, лет тридцати, смуглолицый кореиастый казак. На нем была надета защитная сукониая гимиастерка с погонами приказного[1]. Широкне сиине с краснымн лампасами брюки были вобраиы в добротные, сильно выпачкаиные в грязь сапоги.

— Садись! — указал старик на стул.

— Спасибочка,— кивнул казак, прнчесываясь перед кривым зеркальцем, висевшим на стене.— Промок. Ну и погодка разыгралась... Может, конешное дело, и на урожай... Вам, старым людям, виднее...

— Должон быть урожай,— коротко сказал Василий Петрович.— Ну, сказывай, за чем хорошнм пожаловал ко мне?

Казак сел на стул и вынул из бокового кармаиа гнмнастерки конверт.

— Вот, сынок письмо тебе пишет, почитай.

Василий Петрович надел очки и, придвинув светильник, разорвал конверт, развернул письмо.

Константии просил отца связать послаииого им казака Котова с Максимом Свиридовым, и только.

— За каким лядом тебе понадобился Свиридов? — строго посмотрел старик на казака.

— Надобио, хозяии,— уклонился от ответа казак.

— Нет, ты уж брось, не вывернешься,— сказал Василий Петровнч.— Ежели уж сын довернл мне тайну,. как связать тебя с Максимом, так, стало быть, ты должон мне сказать, за каким таким делом Свиридов тебе понадобился... Говори.

— Не могу, отец,— отказался казак.

— Не можешь? — переспросил Василий Петрович.— Ну и иди тогда к лешему. Не позову Свиридова...

— Да как же так? — взмолился казак.— Да ежелн я не повидаю Свиридова, так меня ж полковнны могет за невыполнение приказа наказать. Нет, ты уж, папаша, будь добрый, позови его...

— Ежели скажешь зачем — позову. Не скажешь — не позову.

[1] Приказный — ефрейтор.

Вспотевший казак, вндя упрямство старнка, вынужден был кое-что сказать ему. Из его слов Васнлий Петровнч понял, что Константнн с полком находнтся сейчас недалеко от станнцы. Не ныне-завтра он предполагает пронзвестн налет на нее и захватнть врасплох красных, находящнхся в станнце.

— А прн чем же тут Свнрндов? — спроснл старнк.— Ведь он же председатель ревкома у большевнков.

Казак снисходительно усмехнулся:

— Надо ж понимать, отец, он хоть н у большевнков служит, а душой-то наш. Мне надобно с ним обязательно повидаться. Ради бога, позови его. Да молчн о том, что я тебе говорнл... А то ж, как прознает полковнкк, что я тебе сказал, так и мне н тебе будет на орехи...

— Ладно, не скажу,— проворчал старик н задумался.

Василий Петровнч понял, для чего понадобнлся Котову Свнридов. Виднмо, Свнрндов здесь выполняет роль шпиона н сообщает Константнну сведения о снлах красногвардейского отряда, находнвшегося в станнце. Одним словом, содействует его разгрому... Но командиром этого отряда ведь Прохор!.. Знает лн об этом Константнн?

Тут есть над чем прнзадуматься старику. На его глазах должна разыграться трагедия — битва между его сыновьями. Как же тут быть? Чью же сторону поддержнвать? Кому сочувствовать?

Старик думал: «Константнн — полковнмк. Чего доброго, генералом еще будет. Ведь это же наша гордость, гордость ермаковской семьн! Константнн умный человек. Он за восстановленне справедливостн пошел. За благородных людей стонт, за генералов, за помещнков... А Прохор?.. Тьфу! Нечнстый дух! — закнпая злобой протнв младшего сына, мысленно ругается Васнлнй Петрович.— Отцеотступннк!.. Ишь, собрал голь перекатную и хочет с нимн свою власть установить... Наказать!.. Наказать надо такого своевольннка!.. Ишь ты, ведь связался с большевнкамн... Нет такому сыну прощення... Пусть с ним расправнтся Константнн...»

— Так что ж ты молчншь-то, хозяин? — спросил казак.— За Свнрндовым, говорю, надо послать.

— Зараз пошлю,— сказал Василнй Петровнч и, встав, решительно вышел на кухню и послал Захара за Максимом Свиридовым.

VIII

Рождался велнколепный солнечный день. Воздух после дождя чнстый и прозрачный, как хрусталь, был недвнжим. Капли на лнстве переливались всеми цветами радуги. Уличные лужи курились лиловымн струйками пара. Пахло прогорклым кнзячным дымом — бабы затаплнвали печн. С ревом н мычаннем шла на пастбнще скотнна. По ясному небу тороплнво

куда-то мчались позолоченные, белые, как клубы свежего снега, пушистые и воздушные облака. Ныряя в облаках, радуясь солнечному обилию, с резким звоном резвились, кувыркались птицы.

У школы выстраивались красногвардейцы. За станицу выезжали в разъезды кавалеристы. Шли пехотинцы в заставы.

Отогнав коров на пастбище, Надя несмело подошла к школе. Она остановилась в нерешительности, оглядывая чужие лица красногвардейцев, разыскивая брата. Но среди них Прохора не было видно.

— Эй, девонька! — озорно закричал ей молодой казак, сидя на лошади.— Иди, голубенок, ко мне... Посажу тебя к себе на коня и умчимся в далекие края... Будем поживать да детей рожать.

— Не дури, Мишка,— осадил его второй казак постарше.— Это ж сестра нашего командира.

— Ну? — смутился парень.— Да я будто ничего плохого ей не сказал. Я так это, шутейно...

— Гляди, а то он те даст — шутейно...— усмехнулся его товарищ и крикнул девушке: — Эй, барышня, тебе кого надобно?.. Не брата ли?.. А то позову...

— Да,— ответила Надя.— Мне надо увидеть братца Прохора Васильевича.

— Вот писарь его идет,— указал казак на спускавшегося по ступенькам крыльца школы молодого темноволосого парня.— Эй, Шушлябин!

Юноша взглянул на казака. Тот кивнул на Надю:

— Командир вон ей нужен. Позови!

Шушлябин взглянул на девушку. Лицо его просветлело. Придерживая шашку, висевшую у него на боку, он подбежал к ней:

— Надюша, милая!

— Митенька,— нежно взглянула на него Надя.— Позови брата. Нужен мне...

На лице Дмитрия промелькнула тень разочарования.

— Я думал...

— Да я и к тебе тож, милый,— ласково шепнула она.— Шла и думала о тебе... Думаю, хоть одним глазком бы увидеть... И вот, видишь, довелось...

Дмитрий заулыбался:

— Ишь, хитрая ты какая... Зачем тебе Прохор Васильевич?

— Надо, Митенька, надо.

— Секрет, что ли?

— Пока — да.

— От меня-то? — обиделся парень.

— Ну, подумаешь, какой обидчивый, Митенька,—снова нежно взглянула девушка на него.— Батя послал меня за ним...

— Твой отец? — изумился Дмитрий.— Да ты что?.. Они ж в ссоре?

— Ну, вот, не знаю. Велел позвать.

— Ладно, сейчас позову,— сказал Дмитрий и, озираясь на казаков, прошептал: — Где ж, Наденька, с тобой ныне встретимся?

— Приходи вечерком к нашему саду,— также прошептала девушка, словно их кто-то мог подслушать, хотя близко никого не было.

И снова, придерживая шашку, чтоб не мешала, Дмитрий легко взбежал по ступеням и исчез в дверях школы.

Появился Прохор. Он был перекрещен ремнями: на одном боку висела шашка с серебряным эфесом и темляком, на другом — кобура с наганом. Увидев сестру, он кивнул ей, улыбнулся. Гремя ножнами шашки, сбежал по ступеням.

— Ты чего, сестричка?

— Батя велел зараз же прийти.

— Да мне уже Митя об этом сказал,— усмехнулся Прохор.— Удивительное дело, чего я ему понадобился?.. Ведь он даже видеть меня не хотел...

— Не знаю, братец. Велел беспременно прийти. Будто дело у него к тебе серьезное есть... Пойдем, Проша, а то он меня изругает...

Прохор, в недоумении пожимая плечами, раздумывая над тем, стоит идти к отцу или нет, все же решил пойти.

— Ладно, сестричка, пойдем. Подожди только — я тут распоряжения кое-какие отдам...

Он быстро сходил в школу, и они направились к своему дому. Дорогой Надя, взяв с брата слово, что он об этом никому не скажет, рассказала ему о незнакомом казаке, который вечером в грозу к ним приходил и с которым отец долго о чем-то разговаривал в горнице.

— А потом отец посылал братца Захара за Свиридовым,— продолжала рассказывать Надя.— Как пришел Свиридов, так они сейчас же куда-то ушли с тем казаком...

— Что ты говоришь? — поразился Прохор.— А ты не знаешь, как зовут того казака?

— Слышала, будто Свиридов называл его Котом,— усмехнулась Надя.— А может, Котовым...

— Котов? — перебирал в своей памяти Прохор.— Что за Котов?

Он вспомнил, что Котовы жили в хуторе Бураковском. Было их два брата — Фома и Михаил. Фома служил в Красной гвардии, в охране Ленина. Когда в январе Прохор был в Петрограде у Ленина, он встречался с Фомой. А вот что касается второго брата — Михаила, то Прохор не знал, где он.

— Какой он из себя, Надюша? — спросил Прохор.

— Кто?.. Котов, что ль?

— Да-да.

— Да я и не помню... Мельком видела... Кажись, маленький такой, черня/венький...

— Точно,— сказал Прохор.— Он... Михаил... Интересно, зачем он к отцу приходил?..

Размышляя об этом, Прохор чувствовал, что это ночное посещение таинственным гостем отца каким-то образом связано с его вызовом.

Надя все порывалась что-то спросить у Прохора. Но, углубленный в свои мысли, он не замечал этого. У ворот своего дома Надя остановила брата.

— Проша,— срывающимся голосом сказала она,— ну как он? Понравился али нет?

— Это ты о ком же? — недоумевающе спросил Прохор, но тотчас же по смущенному, порозовевшему лицу девушки догадался, о ком шла речь.— Милая сестричка,— смеясь, обнял и расцеловал он ее.— Хо-роший паренек Митя. Хороший!.. Ничего плохого не могу сказать. Правильный твой выбор. Одобряю!..

...Прохор волновался. Больше года он не переступал порога родного дома. Сердце его замирало, когда открыл дверь в кухню. Первой он увидел мать. Она возилась у печи. Лукерья собирала со стола миски, ложки: видимо, недавно позавтракали. Но малыши еще сидели за столом, аппетитно доедали кашу со сметаной.

— Здравствуйте! — сказал Прохор.

— Слава богу! — ответила Анна Андреевна, сразу не поняв, кто это вошел и поздоровался. Но, увидев сына, растерянно всплеснула руками.— Проша? Милый мой сыночек, наконец-то! Пришел, родимый. Ну, садись, сынушка, я тебе соберу позавтракать.

— Спасибо, мама. Уже позавтракал. Где отец?

— Отец? — с изумлением посмотрела на него мать.— Ты к нему? — Ее лицо просветлело. Она не знала, что Прохор пришел по вызову отца и подумала, наверно, что сын, наконец, пришел помириться со стариком. Старуха даже всплакнула от радости.

— В горнице он,— сказала она и подтолкнула Прохора.— Иди, иди, сынушка, помирись с ним.

Приоткрыв дверь в горницу, Прохор спросил:

— Можно, батя?

Василий Петрович не сразу ответил. Он читал библию. Дочитав до точки, захлопнул книгу. Снимая очки, сурово бросил:

— Заходи! Да прикрой дверь.

К немалому огорчению Анны Андреевны, которая уже было прильнула ухом к дверной щели, собираясь подслушать разговор отца с сыном, Прохор плотно прикрыл дверь.

Подойдя к столу, за которым сидел отец, Прохор почти-

тельно вытянулся перед ним. Это понравилось Василию Петровичу.

— Садись! — кивнул старик на стул.

— Не беспокойтесь, батя, постою.

— Как хочешь.

— Я вас, батя, слушаю.

Василий Петрович исподлобья испытующе оглянул Прохора. Подобранная фигура сына ему тоже понравилась. «Да и хороши ж у меня все-таки дети! — с гордостью подумал он и вздохнул.— Только вот, господи, война их загубила».

После ухода Котова Василий Петрович понял, что для Прохора наступает тяжелая минута. Если не предупредить, его могут убить. Хоть и сильно был сердит старик на меньшого сына, но сердце защемила жалость. Всю ночь он размышлял об этом. «Ведь сын же он, Прохор-то. И, по правде сказать, люблю его я, люблю, пожалуй, крепче всех своих детей... Можно ли допустить братоубийство? Да и бог мне не простит за то, что я допущу убиение своего сына... Долг мой, отца, предупредить сына, спасти его от неминуемой смерти...»

— Вот что, Прохор,— сурово начал Василий Петрович.— Хоть я на тебя и дюже сердце имею, но а все ж дите ты мне родное... Навроде жалко...

«Добрый же все-таки у меня отец»,— подумал Прохор.

— Всех жалко вас,— дрогнувшим голосом продолжал старик. Он поднял руку, растопырив пальцы.— Это все едино, как эти пять пальцев. Каждый из них, ежели отрубить, больно. Так и каждого из вас жалко... Дети вы ведь мои... Все вы — кровь и плоть моя... И теперича вот, как зачалось это смутное время, ну и перемешалось все... Помешались все люди, помешались и вы, мои сыны... Захар пострадал на войне, побывал в плену, пришел домой, хуже дурачка стал... Все плачет... Палец ему покажи, будет плакать... Ты к красным пошел, Константин — к белым. Ты командиром стал у красных, Константин у белых полком командует, уже чин полковника получил...

Прохор, слушая отца, заметил, как при последних словах в его голосе прозвучали горделивые нотки.

— Пошли вы супротив друг дружки,— продолжал старик.— И до братоубийства могете дойти... До чего мы дожили, господи!..

Прохор умилился. «Ведь действительно, войти только в его положение. Каково переносить его старому сердцу вражду между детьми, которых он породил, вырастил и воспитал!» Прохор хотел было сказать отцу что-то утешительное, но старик нетерпеливо отмахнулся:

— Погоди!.. Конешное дело, разве ж так могет долго продолжаться? Да это противно богу, его священному писанию, чтобы брат с родным братом воевал, отец на сына поднялся,

сыи на отца... Все это антихристово смущение, а мы того не можем понять... Скоро все это закончится. Порядок будет наведен. Этим,— не выдержав, озлобленно выкрикнул старик,— негодяям-большевикам, богоотступникам, будет конец... Всех их на дрючки вздернут!..

Потемнев, Прохор взглянул на отца. «Ах, вот ты как запел,— подумал он с огорчением.— А я-то думал, что ты в самом деле хочешь со мной помириться».

— Вот что, Прохор,— уже прямо перешел к делу Василий Петрович.— Пока не поздно, бросай свой отряд. Бросай своих красных и переходи к брату Константину. Он тут недалеко со своим полком... Он тебя примет, как брата родного, защитит от наказания...

«Ага, вот оно в чем дело! — догадался Прохор.— Понятно. Вот, оказывается, откуда приходил Котов...» Но он до поры до времени сдерживался, желая выяснить, что еще скажет отец.

— Бросай все, Прохор, и иди к брату,— наставительно говорил старик.— Могу сам тебя провести к нему. Не то гибель тебе неминучая. Не упасешься ты, Прохор, не упасешься. Как отец сыну говорю... Жалко мне тебя, понимаешь, упредить хочу... Подумай, не то будет поздно...

— Что, Константин на станицу хочет напасть, что ли? — глухо спросил Прохор.

Василий Петрович заколебался, соображая, можно ли открыть Прохору тайну, которую ему выболтал Котов, или нельзя. И, решив, что делать этого пока нельзя, нахмурился.

— Этого я уж не знаю... Но надо полагать, раз стоит он с полком недалечко, то, конешное дело, не для прогулки он сюда прибыл...

— Отец! — спокойно сказал Прохор.— Вначале я вас слушал с волнением... Жалко мне вас стало. Ведь правду вы сказали, тяжело вам видеть, как ваши сыновья сражаются друг с другом. Тяжело, сознаю. И понимаю вас, вам хочется, чтобы сыновья ваши в мире и согласии жили... И мне бы этого хотелось... Очень хотелось бы!.. Но почему же вы, батя, решили именно меня уговорить перейти к Константину, а не его уговариваете, чтобы он ко мне перешел? Ведь, батя, поймите, он, именно он, пошел по неверному пути, а не я... Куда вы, батя, меня зовете? На что наталкиваете?.. Вы зовете меня на то, чтобы я предал своих товарищей,— горячо говорил Прохор,— вы хотите, чтобы я пошел в услужение к белопогонщикам, генералам, помещикам, которые нас за людей не считают?.. Нет, батя, вы ошиблись. Ваш сын Прохор — не подлец! Он не помарает ермаковской фамилии. То, что вы предлагаете, делать я не стану. Я сознательно пошел по этому пути, никто насильно меня не тянул, и с него никогда не сверну, хотя бы мне и грозило за это сто смертей... Вот, батя, я вам все сказал...

Василий Петрович ошеломленно смотрел на сына, не пре-

рывая его. Ему нравился такой решительный правдивый характер Прохора. В душе он гордился сыном. И думал о том, кто знает, может быть, и он, старик, будь на Прохоровом месте, тоже бы так сказал. Но ведь то, что затеяли большевики,— гибельное дело. И он, непокорный сын, не понимает этого. Надо открыть ему глаза, показать, что он заблуждается, и спасти, спасти его, пока можно...

— Постой! — поднял руку старик.— Ведь раздавят же вас, как гнид.

— Раздавят? — переспросил Прохор.— Нет, отец. Советскую власть невозможно раздавить... Меня, конечно, могут убить, могут убить моих товарищей, но Советскую власть убить нельзя.

— Что там Советская власть! Тебя-то изловят да убьют, дурак! — гневно выкрикнул Василий Петрович.— Жалко ж тебя!

— Не жалейте, батя. Если убьют, то вы не жалеть, а гордиться мной тогда должны. Да и рано вы меня хороните... Еще бабушка гадала да надвое сказала — то ли убьют меня, то ли нет... У меня и моих товарищей есть руки, есть головы, есть оружие, не новички, умеем сражаться... Даром мы жизни своей не отдадим ..

— Прохор,— попробовал еще раз убедить сына Василий Петрович,— ты ж, парень, вникни в наше родительское положение. Пожалей мать. Не приведи бог, что случится с тобой, так она ж не вынесет такого горя, заживо в могилу ляжет...

— Батя,— твердо сказал Прохор,— что случится, того не миновать. Умереть в честном бою не страшно... Это честнее, чем холуйничать перед каким-нибудь офицеришкой...

На мгновение Прохор замолк, потом тихо, с упреком сказал:

— Ну, зачем вы, батя, хотите меня с правильного пути столкнуть?.. Неужто вы так и не понимаете, где правда?

— Хватит! — грубо оборвал его старик.— Слыхали мы такие песни... Хотел я тебе добра, хотел от смерти упасти. Как сына своего родного пожалел... Ан нет, не хочешь слушать меня... Дело твое... Прошлый год за твое своевольство, подлое хамство я тебя выгнал из дома своего... А зараз вижу, что погибель тебе неминуемая предстоит, хотел я тебя, как родитель, выручить из беды, но ты чхать на все мои старания хочешь... Раз так, то что ж, стало быть, не о чем мне более с тобой говорить... Иди!

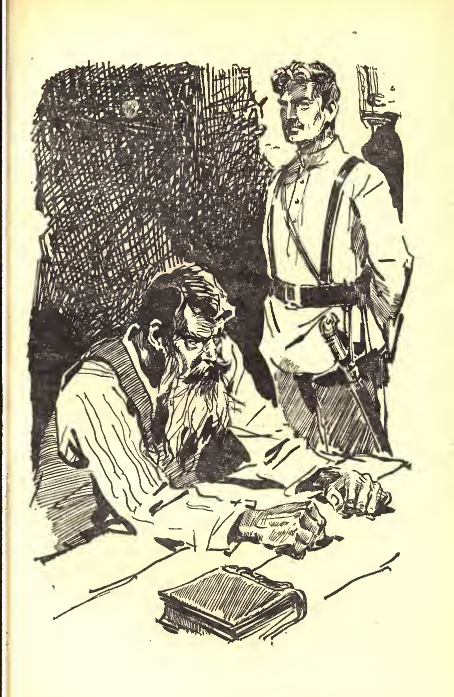
— Прощайте, батя! — сказал Прохор.

Старик промолчал, не ответил.

На кухне мать с сияющим лицом кинулась к Прохору:

— Ну, что, сынок, помирились?

— Нет, мамуня.— грустно покачал головой Прохор.— Не помирились... Наоборот, еще больше разошлись...



— О, господи! — простонала Анна Андреевна.— И что уж ты, сынушка, такой непокорный... В кого ты только такой и уродился? Покорился б ты отцу, ведь родитель он.

Прохор привлек к себе мать:

— Мамушка, родимая моя, ведь отец требует невозможного. Он хочет, чтоб я предал своих товарищей и перешел бы к белым... Ну разве я могу на это пойти?

— Не знаю, родной мой,— всхлипнула мать,— не знаю... Ты молодой, грамотный, лучше моего разбираешься во всем... тебе виднее. Только перечить бы отцу не надо. Ведь он небось зла тебе не хочет.

— Вот именно он хочет зла мне,— выкрикнул Прохор.— Если б не хотел, он не стал бы предлагать мне идти на такую подлость. Прощай, дорогая маменька,— расцеловал он ее.— Не знаю, когда теперь и увижу тебя.

— Прощай, соколик мой,— зарыдала старуха.

IX

Станция Гашун превратилась в сплошной табор. Здесь скопилось несколько десятков тысяч человек. Повсюду в хаотическом беспорядке стоят арбы и телеги с задранными оглоблями. На возах навалена домашняя рухлядь. И чего только нет здесь: самовары и кошелки, сундуки и ящики с визжащими поросятами, ведра и перины, шубы, тарелки, сковороды.

На оглобли наброшены брезент и рваные одеяла. Под тенью их сидят целые семейства.

Сплошной гам стоял над лагерем: крики, плач детей, смех, матерная ругань.

Где-то назойливо, звонкоголосо визжит гармошка. Чей-то хриплый бас пытается под ее аккомпанемент напевать:

Вы развейтеся, черные ку-удри,
Над мо-оею больной го-оловой...

Где-то надрывно, безутешно плачет женский голос над покойником:

— И на ко-ого же ты на-ас оставн-ил...

Рядом озлобленный голос мужчины кричит:

— И выпью, чертова дура!.. Тебе какое дело, ведьма ты проклятая!..

Старики чинят обувь, бабы у дымящихся костров стряпают. Между возами иногда пробегают партизаны с винтовками, обвешанные гранатами, пулеметными лентами. На приземистых лошадейках носятся взад-вперед кавалеристы.

Вокруг лагеря, далеко в поле, расставлены посты, дозоры. Беспрестанно по дорогам носятся конные разведки.

В Гашуне расположились беженцы из сальских хуторов и

станиц, со Ставрополья, согнанные белогвардейскими бандами со своих насиженных долгими годами мест.

Здесь собрались и все партизанские отряды, организованные по станицам и селам Сала и Ставрополья для борьбы с белогвардейщиной, скопилось до десяти тысяч пехотинцев и до трех тысяч конников. Это была немалая сила, способная, если ее правильно использовать, сделать многое. Но пока она еще не была организована.

Каждый такой отдельный отряд был свободен в своих поступках, действовал самостоятельно на свой риск и страх. Не подчиняясь общему командованию, такой отряд мог внезапно, без согласования с другими отрядами, вступить в битву с противником. Мог также неожиданно, не поставив никого в известность, прекратить сражение и отойти...

К тому времени бывший луганский слесарь Климент Ворошилов в невероятно трудных условиях, окруженный белогвардейскими полчищами, проделал во главе V украинской Красной Армии беспримерный по героизму путь от Луганска до Царицына...

Когда стало известно, что германские войска и петлюровцы вторглись на Украину, Ворошилов с отрядом луганских рабочих выступил навстречу оккупантам и в апреле 1918 года у Основы, под Харьковом, нанес им поражение.

Но силы немцев были большие. Под нажимом вражеских штыков Ворошилов отошел к Луганску. Погрузив там свою армию в эшелоны, с боями стал отходить на линию Каменская — Лихая. Немцы попытались отрезать его армию, но это им не удалось. Армейцы Ворошилова отбросили врага и вывели свои эшелоны на линию Лихая — Царицын.

Контрреволюционное восстание захлестнуло тогда Область войска Донского. V армия оказалась отрезанной. С огромными трудностями, в ожесточенных боях Ворошилов пробивался со своей армией к Царицыну. По пути движения V армии к ней примыкало много казачьей бедноты, крестьян и рабочих...

Восемьдесят пять эшелонов, один за другим, медленно ползли по железнодорожному пути. Вокруг них гремела артиллерийская и ружейная перестрелка...

Днем армейцы вели бои с белогвардейцами, а ночью восстанавливали взорванные ими мосты, укладывали рельсы.

Через три месяца невероятно трудного пути, ожесточенных сражений с белогвардейцами, восстанавливая взорванные мосты, разрушенные железнодорожные насыпи и дороги, армия Ворошилова, наконец, пришла на помощь царицынским защитникам. С Ворошиловым пришли в Царицын закаленные в битвах луганские металлисты, донбасские шахтеры, морозовские железнодорожники, донская казачья беднота...

Реввоенсовет Республики назначил Ворошилова командующим вновь сформированной X армии, в которую влилась

вся V армия, приведенная им с Украины. Членами Реввоенсовета армии вошли Сталин, присланный из Москвы по решению ЦК партии и Совнаркома в качестве чрезвычайного уполномоченного про продовольствию на Юге России, и секретарь Царицынского губкома партии Минин. Придавая большое значение силе сальских и ставропольских партизан, находящихся на станции Гашун, туда выехал сам Ворошилов для организации из этих партизанских отрядов мощной сплоченной силы.

Приехав на станцию Гашун, Ворошилов сейчас же собрал командиров партизанских отрядов на совещание. Открывая его, он сообщил, что приехал в Гашун с целью объединить все партизанские отряды под одно общее командование, реорганизовав отдельные партизанские отряды в полки регулярной Красной Армии. Это вызвало протест командиров.

— Що це таке, братцы? — вопил дюжий, плечистый командир в надвинутой на глаза кубанке.— На який дьявол я буду свій отряд в регулярну часть переводить, а?.. Це ж не старорежимна власть! Я и мои хлопцы не для того ж завоевывали соби власть, щоб опять охвицерам честь отдаваты... Ни! Не дам свій отряд на измыву, що хочете, то и робыте...

— Вірно слово, брату! — подхватывал второй.— Як зачиналы с беляком воеваты, так и будемо заканчиваты... Так ми свободны, що хочем, то и робым. Куды хочем, туды и пидем, хочем — воюем, хочем — отдыхаем...

— Не желаем переходить в регулярну часть!

— Не желаем!

Ворошилов, одетый в защитный френч, опоясанный боевыми ремнями, стоя за столом, внимательно и спокойно оглядывал взволнованных, покрасневших от негодования, шумевших партизанских командиров. Он отлично понимал их настроение. Ясно, командирам партизанских отрядов, привыкших к вольнице, нелегко будет согласиться с переходом к железной дисциплине и слаженной организованности регулярной войсковой части.

— Товарищи! — крикнул Ворошилов.— Если мы будем все так разом кричать и шуметь, то мы ни о чем не договоримся... Прошу выступать в порядке очереди. Кто возьмет слово?

— Можно мне сказать,— попросил слова Буденный, также присутствовавший на совещании.

— Пожалуйста, товарищ,— сказал Ворошилов.— Прошу.

— Мне, товарищи, стыдно за вас,— сказал Буденный, обращаясь к притихшим командирам.— Что вы устроили тут такую ярмарку?.. Шум и крики, как в цыганском таборе... Если б вы были анархистами, то тогда понятно, но вы ведь большевики. Вот вы сейчас кричите, возражаете, не хотите влить свои отряды в регулярные части Красной Армии. Почему? По каким причинам? Не хотите оторваться от подолов своих жинок...

— О це ты правду кажешь, Буденный,— под хохот своих товарищей выкрикнул кто-то.— Воно же слаще воеваты с жинкой на кровати, чим в поле с беляками...

— Вот и я об этом говорю,— продолжал Буденный.— Разве ж мы победим белогвардейцев, если не все вместе будем воевать с ними? Никогда не победим... Товарищ Ворошилов правильно предлагает нам объединиться под одно командование. Очень правильно! Когда мы объединимся, то станем в тысячу раз сильнее, и как только мы перейдем в регулярную армию, так сейчас же всех нас зачислят на армейское денежное и продуктовое довольствие. Будут снабжать обмундированием и оружием. А если мы будем воевать по старинке, по-партизански, то кто же нас будет снабжать?..

— У белых будемо отбивать! — крикнул из толпы командиров чей-то не совсем уверенный голос.

— Я знаю, Куценко, как ты отбиваешь трофеи,— засмеялся Буденный.— Однажды белые так за тобой гнались, а ты так от них тикал, что штаны потерял.

Командиры захохотали:

— Це ж правда истинная!.. Куценко так от билых тикал, ще с него шаровары соскочили... Хо-хо-хо!..

— Товарищ Буденный правильно говорил здесь,— снова обратился с речью к партизанским командирам Ворошилов.— Воевать дальше по-партизански нам нельзя... Пришла пора сколотить крепкую, сознательную, дисциплинированную Красную Армию...

Большинство командиров согласилось объединить свои отряды.

Все эти партизанские отряды вскоре были сведены в 37-ю стрелковую дивизию. Начдивом был назначен один из командиров партизанских отрядов некто Шевкопляс, солдат в прошлом.

X

Из рассказа Нади, да и намеков отца Прохору стало понятно, что против его отряда что-то замышляется. По-видимому, как проговорился отец, брат Константин подошел с значительным отрядом белогвардейцев к станице и готовится захватить ее.

«Шалишь, голубчик,— думал Прохор,— впросак мы не попадемся. Сумеем дать отпор».

Прохор подготовился к встрече белых: на подступах к станице стояли заставы, по дорогам двигались разъезды. Разведчики часто уезжали верст на пятнадцать-двадцать от станицы и не видели белых. «Где же Константин со своим отрядом?» — недоумевал Прохор.

Убедившись в связях Свиридова с Константином, Прохор

решнл арестовать его н послал к нему с этой целью Сазона Меркулова с двумя красногвардейцамн. Но они вскоре вернулнсь ин с чем.

— Убег Макснмка,— угрюмо заявил Сазон.

— Как — убег? — поразился Прохор.

— А очень просто,— невозмутнмо стал объяснять Сазон.— Шагнул одной иогой, а потом другой — н скрылся...

— Брось дурачнться! — прикрнкнул Прохор.— А где Адучннов?.. Звонарев?..

— Адучинов тоже убежал, а Звонарев в ревкоме.

— Какой же я дурак! — хлопиул себя по лбу Прохор.— Прошляпил. Надо бы его раньше арестовать. Как же это получнлось?

— Не знаю,— ответнл Сазон.

— Да я тебя не спрашнваю. Пошел ты к черту... Почему ты ие арестовал Звонарева?

— Не за что.

— Как — не за что?

— А за что его арестовывать? — пожал плечамн Сазон.— Парень ои иеплохой... ни в чем не внноват.

— Брось рассуждать,— вскнпел Прохор.— Веդн его сюда!

— Слушаюсь! — козырнул Сазон и, крутнувшись, зашагал к правленню, в котором теперь разместнлся ревком.

Вскоре он прнвел растерянного Звоиарева.

— Здорово, односум! — прнветлнво поздоровался ои с Прохором, протягнвал руку.

Прохор взгляиул на Звонарева. Лнцо у того было такое открытое, простодушное, что, казалось, заподозрнть его в чемнибудь злостном ннкак было нельзя.

— Здравствуй! — пожал его руку Прохор.— Где Свирндов?

— Чертн его знают, куда он девался,— в недоуменнн пожал плечамн Звонарев.— Понятня не нмею, куда они с Адучиновым девалнсь... Позавчера еще пропали. Мне ннчего не сказалн... Может, на хутора какие с проверкой поехали. Да лошади нашн все на месте... На чем они поехали, шуты нх ведают.

Прохор следил за выражеиием лица Звонарева. Но тот держался так естествеино н просто, что подозрений инкакнх не вызывал. Вндимо, ои и в самом деле ннчего ие знал о Свирндове. Вряд лн он мог так нскусио притворяться.

— Ну, ладно,— сказал Прохор,— выясннм. Кто замещает Свирндова? Ты, Звонарев?

— Прнходится мне,— ответнл тот.— Кто ж будет? Ведь я, как-ннкак, а члеи ревкома... Вот только человек я несведущнй, мeогому ума не могу приложнть... Подождем Макснма, а ежелн он скоро не явнтся, то, Прохор Васильевич, прошу, нзбавь меня от этого дела... Ну какой из меня работинк рев-

кома? Когда меня назначили на эту должность, я Христом-богом умолял, просил, чтоб меня оставили в покое... Так и слушать не хотели, говорят, послужить надо народу... А сейчас создалось такое положение, что и не знаешь что надобно делать. С окружной властью никакой связи нету... И я не знаю даже, кто сейчас в Великокняжеской — белые или красные...

— Ладно, Павел,— пообещал Прохор.— Поработай еще немного... Соберем съезд, соберутся делегаты со всей станицы и изберем Совет новый...

— Когда это будет? — уныло спросил Звонарев.

— Скоро. Вот подуправимся с делами.

— Не хочу, Ермаков, ей-ей, не хочу! — горячо заговорил Звонарев.— Больно уж ответственность большая. Ты лучше запиши меня в свой отряд... Я с большой охотой запишусь к тебе...

— Нет, Звонарев, в отряд ты всегда успеешь записаться, а вот станица без власти не может ни на минуту оставаться...

Несколько дней в станице было спокойно. Разъезды по-прежнему нигде белых не видели. Так прошло еще несколько дней. Но однажды ранним утром вдруг за станицей послышалась беспорядочная стрельба. Прохор спал на диване в учительской школы, превращенный в штаб отряда. При первых же выстрелах он вскочил с дивана и начал торопливо одеваться.

На полу, на разостланной попоне, разметавшись от духоты, спали его ординарец Сазон Меркулов и Дмитрий Шушлябин.

— Сазон, коня! — крикнул Прохор.

Но Сазон, сладко всхрапнув, повернулся на другой бок, не обратив никакого внимания на приказание командира.

— Коня, черт! — в ярости взревел Прохор и с силой толкнул Сазона ногой в бок.— Вставай!.. Живо!.. Вот захватят тебя белые, к черту порубают! Вставай, Дмитрий!

— А-а?..— вдруг, как ужаленный, привскочил Сазон.

— Белые! — крикнул Прохор.— Слышишь, стрельба какая!

Сазон прислушался, проворно поднялся с постели и надел сапоги. Вопросительно поглядывая на Прохора, поспешно одевался и Дмитрий Шушлябин. Прохор посмотрел на Сазона, тот вздрагивал.

Не желая, чтобы подумали, что он трусит, Сазон, щелкая зубами, выдавил:

— Н-навроде что-то холод-новато.

— С ума ты сошел!..— усмехнулся Прохор.— Духота, хоть рубахи выжимай... а тебе холодно... Трусишь, проклятый, трусишь... Только что стрельбу услыхал, а уже затруснл. Что ж из тебя будет, когда врукопашную придется сойтись, а?.. Эх, ты! — с презрением кинул ему Прохор.

— Я трушу? — даже присел от обиды Сазон.— Я?.. Ну ладно, я ж те покажу, какой я трус... Я те покажу!..

— Ладно. Седлай вот лучше коней быстрее.

Сазон, на ходу накинув ремень шашки через плечо, побежал выполнять приказание.

Прохор велел Дмитрию разбудить красногвардейцев, спавших в классах.

— Пусть приготовятся и ждут моих приказаний,— сказал он.

— Готовы лошади! — крикнул с улицы Сазон.

— Ты будь здесь,— сказал Дмитрию Прохор.— Если для чего понадобишься, я тогда скажу...

Повесив бинокль на грудь и взяв плеть со стула, Прохор вышел на крыльцо. Сидя верхом на своей лошади, Сазон держал в поводу прекрасного высокого лысолобого жеребца, светло-рыжей масти. Жеребец, стоя на своих тонких, стройных ногах, нетерпеливо стучал правым копытом, словно требуя скорее ехать. На восходящем солнце конь отливал золотом. Умными глазами он покосился на Прохора.

Прохор хотел было уже сбежать с крыльца и сесть в седло, как вдруг увидел быстро мчавшихся по улице всадников. Он задержался, дожидаясь их.

На взмыленных, тяжело дышавших лошадях к школе подскакали казаки, два друга — Дронов Терентий и Дубровин Силантий.

— Товарищ командир! — взволнованно заговорил Дубровин, рыжеватый казак с голубыми глазами и огромным всклоконенным чубом, торчавшим из-под лихо сдвинутой набекрень фуражки.— Беда! Были мы в разъезде вот с ним,— кивнул он на Дронова, приземистого брюнета,— да напоролись на беляков. Они нас обстреляли. Был с нами еще Земцов Андрей... Так его, должно, ранили иль убили, одним словом, в плен забрали... Гнались за нами белые до самой станицы... Целая сотня гналась... Едва ускакали. Лошадей загнали...

— Где вы встретились с белыми? — спросил Прохор.

— Где мы повстречались-то? — в свою очередь спросил Дубровин у своего товарища.

— У Медвежьей балки,— ответил тот.— Знаешь, Прохор Васильевич, где наш станичный табунный расход? Ну вот там, недалечко.

— Много их?

— Много,— ответил Дубровин,— я ж говорю, что за нами сотня, не менее, пылила... А там у них черт их знает сколько. Мы ж не видали всех...

— Отдыхайте здесь,— сказал Прохор,— кормите лошадей. Поедем, Сазон!

Сбежав по ступенькам крыльца Прохор, как птица, взлетел на жеребца и помчался за станицу, туда, где слышалась стрельба. Сазон догнал его.

Когда они выскочили с окраины станицы и, поднимая клу-

бы жаркой пыли, помчались по дороге, намереваясь проехать к заставе, иаходившейся в займище, вокруг послышался посвист пуль.

Белые, засев за гребием, зорко коитролировали дорогу из станицы, держалн ее под обстрелом.

— За мной, Сазои! — крнкиул Прохор, круто сворачивая в рощу.

В роще стояла влажиая прохлада. Потревожеииые стрельбой, взбалмошио орали грачи, бестолково мечась иад вербами. Пули сюда ие достигали. Лишь редкие нз иих, посвнстывая, шуршали вверху в листве.

Стрельба теперь слышалась отовсюду. Прохор догадывался: виднмо, белые с ночи иакаплнвали свои силы вокруг станнцы для того, чтобы к утру охватить ее со всех сторон и ие дать выйти из иее ии одиому красиогвардейцу. И теперь, окружив стаиицу, белые завязали перестрелку с заставами красиых.

— О, черт! — с досадой хлопиул себя по голенищу плетью Прохор.— Попали в ловушку.

Как ои раиьше ие мог подумать об этом? На какой черт оиа сдалась, эта стаиица!.. Ему как-то н в голову ие приходнло, что оиа может окззаться ловушкой. Другое дело — в чистом поле. Там можио как угодио маиеврировать, можно ускользнуть от белых, можио с боем отойтн...

— Сазои,— соскочив с лошадн, сказал Прохор.— Мчнсь в штаб и от моего имеии прикажи иачальиику разведки Куинцыну, чтоб послал разъезды по всем дорогам и выяснил обстаиовку. Поиял?

— Так точио, поиял,— хмуро ответнл Сазон, все еще обиженииый иа Прохора за то, что тот обозвал его трусом.

— Езжай! Я скоро приеду.

Надвииув иа глаза козырек фуражкн, Сазои гикиул и помчался в станицу. С гребия по иему стреляли из внитовок.

— Осторожиее, Сазои! — крикиул ему вдогонку Прохор.

Привязав лошадь к дереву, Прохор стал пробираться к заставе, которая, изредка отстреливаясь, затаилась в каиаве.

Красиогвардейцы лежали в свежевырытых окопчиках у каиавы, сосредоточеиио всматриваясь в гребеиь, из-за которого сюда со злым пеиием иеслись пули. Комаиднр заставы унтер-офицер фроитовик Коновалов, иевысокий человек с белесыми длиииыми усамн, доложил Прохору обстаиовку: иа рассвете застава пропустила в разведку троих коиников: Дроиова, Дубровииа и Земцова. Примерио через полчаса застава увидела мчавшнхся по дороге в стаиицу двух всадников, чуть отстав, за иими скакали еще десятка два-трн.

Коиовалов дал комаиду заставе подготовиться. Когда первые два всадиика приблизились, кто-то крикиул:

8*

— За нами гонятся белые!.. Белые!.. Стреляйте в них!..

Это были разведчики Дубровин и Дронов. Пропустив их, застава дала залп по белым. Те повернули и ускакали.

— А вот сейчас,— рассказывал Коновалов,— белые уже развернулись в цепь и залегли на гребне... Видишь, какую стрельбу учинили, прямо засыпали ружейным и пулеметным огнем... Видать по всему, силы у них большие... Вон там,— указал он правее кургана, плавающего в голубом мареве,— маячит ихняя конница. Сотни две, должно быть... У нас есть потери: трое ранено, один убит...

— Куда вы раненых дели?

— Пока тут у нас, в окопах, лежат... Перевязали их. Под таким огнем их никак в станицу не доставишь.

— В станицу раненых обязательно надо отправить,— сказал Прохор.— Там фельдшер есть... Товарищ Коновалов, прошу вас держаться до последнего патрона. Я вам пришлю помощь... а потом мы придумаем, что делать дальше... Я буду наведываться...

— Не беспокойся, товарищ Ермаков,— заверил командир заставы, вглядываясь в сторону противника,— будем держаться...— Не договорив, он торопливо схватил висевший у него на шее бинокль, приложил к глазам.

— Гм,— усмехнулся он, указывая на курган,— смотри, какой герой фасонистый... Командир ихний, должно.

Прохор взглянул в свой бинокль. Хотя до кургана было и далеко, но перед его взором ясно предстал на фоне безоблачного, голубого неба стоявший на кургане всадник на серой лошади.

Прохор с минуту смотрел в бинокль. Коновалов тоже разглядывал всадника.

— Дай мне винтовку,— сказал Прохор, лежавшему в окопе молодому парню. Тот подал винтовку.

Прохор тщательно прицелился во всадника на кургане.

— Далеко, Прохор Васильевич,— заметил Коновалов.— Тут ведь, пожалуй, версты полторы, а то и поболе будет.

Прохор не ответил и выстрелил подряд три раза, потом снова посмотрел в бинокль. Он видел, как серый конь взвился на дыбы и стремительно сорвался с кургана.

— Ведь это никак Константин! — с ужасом вскричал Прохор.— Брат!

Сердце его защемило. «Не убил ли я его?» — в отчаянии подумал он.

— Да, это твой брат,— подтвердил Коновалов и внимательно посмотрел на растерянного Прохора.— В коня наверняка попал.

Прохор промолчал.

— Я пошел, товарищ Коновалов,— подал он руку командиру заставы.— Держись. За ранеными пришлю...

XI

Бойцы были готовы к выступлению. Ждали приезда командира отряда. Каждый понимал, что наступил час жестоких испытаний, и кто ведает, кого из них пощадит судьба.

Да, по всему было видно, что дело разыгрывалось всерьез. Со всех сторон станицы стрекотали ружейные выстрелы, металлическим лаем заливались пулеметы. Били пушки. Снаряды, с грохотом взрываясь на станичном плацу, разносили по сторонам смертоносные осколки.

Станица словно вымерла.

Прискакав в штаб, Прохор сейчас же разослал красногвардейцев из резерва на укрепление застав. Санитарам приказал собрать раненых в школу.

В сопровождении своего неизменного ординарца Сазона, все еще продолжавшего дуться, Прохор мчался от одной заставы к другой, всюду наводя порядок, ободряя красногвардейцев.

Весь день белые обстреливали заставы. К вечеру перестрелка стала затихать. Воспользовавшись затишьем, кашевары развезли по заставам кулеш, свежевыпеченный хлеб и воду.

Посланные Прохором разведчики сообщили, что далеко от станицы им отъехать не удалось. Всюду они наталкивались на цепи белых. По всей видимости, их было не менее полка. Прохор задумался. Можно ли его небольшому отряду, насчитывающему около двухсот бойцов, долго продержаться, тем более что у противника было много патронов, пулеметов и даже пушек. У Прохора же не только пулемета или пушки, но даже лишнего патрона не было.

Прохор мучительно придумывал, как выйти из создавшегося положения.

Все, конечно, получилось просто. Сбежавшие из станицы Свиридов и Адучинов сообщили белому командованию о силах красногвардейского отряда и его вооружении. Эти-то сообщения и заставили белых окружить станицу для того, чтобы захватить всех красногвардейцев в плен.

«Ах, черт побери! — размышлял обо всем этом Прохор.— Надо бы, как только выяснилось исчезновение Свиридова и Адучинова, вывести отряд из станицы и идти на Гашун к Буденному...»

Прохор снова послал разведчиков еще раз прощупать цепи белых, чтобы найти возможность для ночного прорыва окружения.

Но разведчики вернулись с плохими вестями. Кольцо врага было плотным. Надеяться на прорыв без крупных жертв нельзя было.

Взволнованно расхаживая по учительской, Прохор бодрст-

вовал всю ночь. На полу, утомленные дневными боями, спали Сазон с Дмитрием. Прохор остановился около них.

— Сазон! — тихо позвал он.— Встань, поговорить надо...

Сазон сел на табурет.

— Сазон, дорогой друг,— положил на его плечо руку Прохор.

— Ну, слушаю.

— Все серчаешь на меня, а?

Сазон промолчал.

— Ну прости, Сазон... Ей-богу, прости!.. Мне показалось, что ты струсил... Ну, сам понимаешь, трусов я не терплю. Прости!..

Веки у Сазона задрожали. Вскипая, он горячо заговорил:

— Я — трус? Не доводи меня до гнева, Прохор. Ей-богу, не доводи...

Взглянув на ощетинившегося своего приятеля, Прохор усмехнулся. Вид у Сазона был задиристый.

— Ну, хватит, Сазон, извини меня,— обнял его Прохор.— Убедился я, что ты храбрый, а потому и хочу тебя просить послужить честью для спасения всего нашего отряда...

Сазон насторожился:

— Что ты хочешь от меня?

— Хочу просить тебя, Сазон,— прошептал Прохор,— чтоб ты совершил подвиг, большое геройское дело.

— Ну? — взглянул Сазон на него.— Какое это такое геройское дело?..

— Сазон,— печально сказал Прохор,— попали мы в трудное положение... Сам видишь, тебе нечего об этом говорить... Сейчас же, пока не рассвело, бери самого лучшего станичного жеребца и пробивайся сквозь вражеское окружение. Во что бы то ни стало надо пробиться!.. Мчись, как ветер, прямо на станцию Гашун. Там со своим отрядом стоит Буденный. Я ему напишу, да ты и сам все расскажешь... Проси, чтоб выручил нас... Мы будем держаться крепко, не сдадимся... Но ты, Сазон, понимаешь, патроны у нас на исходе... Выручай, друг... Выручишь, слава и благодарность от нас всех тебе большая будет, а погибнешь, то, что ж, друг дорогой, никуда не денешься. Мы тоже все на смерть обречены.

Сазон молча одевался. Встав перед Прохором, он торжественно проговорил:

— Трудное дело, Прохор Васильевич, поручил ты мне. Но, чего бы это ни стоило мне, хоть головы, а я постараюсь его выполнить. Пиши Буденному. Ежели меня убьют, то отдайте родным коня, а то ж я последнюю лошаденку со двора свел... Пиши! — И, отвернувшись от Прохора, проворчал: — Я тебе покажу труса...

Прохор написал одну записку Буденному, прося его о помощи, и другую — Звонареву, чтобы тот беспрекословно выдал из конюшни жеребца Сазону Меркулову по его личному выбору.

В мае германский отряд генерала фон Арнима торжественно вступил в Ростов. Вначале ехали баварские кавалеристы на грузных, лоснящихся от жиру вороных лошадях, затем, чеканно выстукивая по мостовой коваными каблуками и мерно покачивая щетину штыков, под гром барабанов и звуки фанфар по Садовой улице проходила пехота.

Толпы нарядной буржуазии, заполнившие тротуары, восторженными криками приветствовали входивших в город «гостей». Дамы посылали им воздушные поцелуи, бросали солдатам букеты цветов. Немцы поглядывали по сторонам с видом победителей, гордо и надменно.

...На окраине города, утопая в яркой листве распустившихся деревьев, стоял маленький белостенный домик с красной черепичной крышей.

Подойдя к нему, Семаков оглянулся по сторонам и, убедившись, что, кроме него и Виктора, никого на улице нет, нырнул в гостеприимно распахнутую калитку. Виктор последовал за ним.

— Заждались вас,— шепнула им молодая женщина в платке, запирая калитку.

— Все уже собрались? — так же тихо спросил у нее Семаков.

— Все. Идите, они вон там, в садике.

Семаков и Виктор пошли по узенькой тропинке, пробитой в густой траве.

На лужайке, за кустами распустившейся сирени, сидело несколько мужчин и молодая красивая брюнетка. Белокурый молодой человек, по виду рабочий, стоял на коленях, что-то писал на табурете. Двое в защитных гимнастерках, чуть постарше, склонившись к табурету, покуривая, смотрели, как писал белокурый. В стороне от них, прислонясь спиной к стволу акации, сидел Василий Афанасьев и о чем-то беседовал с Андреевым.

Плотный мужчина лет сорока с русой бородой посмотрел на Семакова и Виктора:

— Здравствуйте, товарищи! Садитесь!

Виктор присел на траву, а Семаков опустился на корточки и заговорил о чем-то с женщиной, сидевшей на траве.

— Познакомься, крестник,— сказал Семаков Виктору.— Это товарищ Елена.

Виктор пожал маленькую горячую руку женщины. Она улыбнулась:

— Вы совсем молоденький, еще мальчик...— И, заговорив о чем-то с Семаковым, спросила писавшего: — Скоро ты, Журычев?

— Кончаем,— сказал тот тихо, не отрываясь от писания.— Сейчас прочту. Желаете послушать?

— Ну, конечно,— ответил Андреев.— Читай, послушаем. Журычев встал.

— Слушайте, товарищи,— обвел он всех взглядом и стал читать шепотом:

— «Товарищи!

Полчища корниловско-деникинских бандитов огнем и мечом водворяют на тихом Дону старый режим. Революционные солдаты и казаки вместе со своими братьями — рабочими и крестьянами завоевали себе свободу, но генералы, капиталисты и помещики решили ее отнять у нас. Казаков мобилизуют на непонятную им войну. Иногородних крестьян снова намереваются превратить в бесправных людей и отнять у них землю, дарованную им революцией. На шею им сажают помещиков. У рабочих отнимают фабрики, заводы и все свободы, завоеванные ими. За нашими спинами снова встают полицейские и жандармы.

Товарищи, не поддавайтесь увещеваниям генералов. Они — ваши враги. Не вступайте в белую армию. Она будет вашей гибелью. Крепко держите революционное знамя свободы в своих руках...» Ну как, товарищи? — снова оглядел всех голубыми глазами Журычев.

— Вообще-то неплохо,— сказал Андреев.— Миша,— обратился он к молодому пареньку, сидевшему одиноко в стороне,— возьми-ка это воззвание и беги в типографию, к Лукьяну Лукичу... Знаешь ведь его?..

— Знаю,— мотнул головой парень.

— Делай это осторожно. Если у тебя найдут эту бумажку — не помилуют... Скажи Лукьяну Лукичу, пусть наберет и отпечатает экземпляров пятьсот.

Взяв у Журычева исписанный лист бумаги, паренек его свернул и сунул в карман.

— Нет, Миша,— покачал головой Журычев,— так не годится. Плохой ты конспиратор. А ну скидай сапог.

Паренек послушно сбросил с себя сапог и подал Журычеву. Тот внимательно осмотрел его.

— Ни одной дырки,— сказал он с сожалением.— Новый сапог.

Вынув из кармана перочинный нож, он аккуратно подрезал подклейку и засунул под нее бумажку.

— Вот так-то будет надежнее. Надевай, мчись!

Надев сапог, паренек убежал.

— Ну что, товарищ Журычев, поговоришь с народом? — спросил Андреев.

— Обязательно,— кивнул тот головой.

Журычев сел на табурет. Виктор уже слышал о нем. Несмотря на то что он был сравнительно еще молод — лет двадцати семи-восьми,— он пользовался среди рабочих большим авторитетом.

— Поговорим, товарищи,— сказал Журычев, снова оглядывая всех.— Вам, конечно, уже известно о том, что у нас в Ростове для работы в тылу белогвардейской армии и германских оккупантов организован подпольный большевистский комитет, объединяющий многих истинных революционеров-большевиков. Мы с вами являемся частью этой организации...

Он коротко и ясно рассказал о целях и задачах деятельности большевистской организации в подполье.

— Наряду с большой политической массовой работой среди рабочих, крестьян и казаков, мы начнем, а можно сказать, что уже и начали, развертывать широкую деятельность в воинских частях белой армии. Белые части быстро формируются. Оккупация германцами Ростова и других городов и станиц Дона способствует этому. Надо приложить все усилия к тому, чтобы изнутри разложить эти части. Мы связались с представителями некоторых белых воинских частей, преданных большевистской партии. Через них мы проводим агитационную и пропагандистскую работу. Снабжаем их прокламациями и нелегальной литературой. Но этого мало. Некоторым нашим товарищам-фронтовикам придется под вымышленными фамилиями зачислиться на непродолжительное время в ряд формирующихся белых частей с целью разложения их, а также и для разведывательной работы. В первую очередь я имею в виду таких товарищей, как Волков, Курицын, Афанасьев и другие...

— Да вы что, товарищ Журычев! — с возмущением выкрикнул Афанасьев.— Мыслимое ли дело, чтоб я вступил в ряды белогвардейцев? Нет, на это я не согласен. За кого вы меня считаете?..

— До сих пор считал вас дисциплинированным большевиком,— строго сказал Журычев.— А вот как дальше буду считать — будет зависеть от вашего поведения, от вашего подчинения партийной дисциплине... Напрасно вы, товарищ Афанасьев, кипятитесь. Разве я вас заставляю служить белогвардейцам?! Ведь вы только наладите в белой части работу, завербуете нескольких надежных товарищей для продолжения работы, свяжете этих товарищей с подпольной большевистской организацией... Вот и все... Причем это я говорю не от своего имени, а от имени Ростово-Нахичеванского большевистского подпольного комитета, который на этот счет имеет свое решение. Товарищ Афанасьев, вы должны зачислиться в фор-

мируемую белогвардейцами так называемую Астраханскую армию, товарищ Волков по документам прапорщика Викентьева вступит в Саратовскую армию, формируемую в Новочеркасске... Вы, товарищ Курицын...

Распределив всех присутствующих по белогвардейским частям, Журычев сказал:

— Завтра каждый из вас получит документы. Они так хорошо сделаны, что никакого подозрения у белогвардейцев не вызовут... Получите и инструкции от товарища Андреева... Договоритесь с ним о встрече. Вот пока и все.

XII

Какими-то непонятными путями белогвардейцы узнали о том, что Антон Поликарпович Крутоярец прячет у себя большевика из экспедиции Подтелкова. Однажды, уже после того как старик отвез Прохора на станцию, к нему ночью ворвалась пьяная ватага белогвардейцев.

Зина, трясясь от страха, зажгла лампу.

— Чего вам надо? — спросила она у есаула с черными закрученными усами.

— Где твой отец?

— В летней кухне спит.

Казаки ринулись туда. Выломали дверь, подняли старика.

— Где прячешь большевика? — завопил есаул.— Показывай, стерва.

— Никакого большевика у нас нет,— спокойно ответил Антон Поликарпович.— Обыскивайте.

— Куда девался?

— Не было у нас и не видели.

— Брешешь... А ну обыщите,— приказал офицер казакам.

Те перерыли все в доме и во дворе, но никого не нашли.

— Ладно,— пригрозил есаул,— не хочешь сказать, так отправим тебя в Новочеркасскую тюрьму, там все расскажешь. Одевайся!

Старик покорно оделся, взял с собой буханку хлеба, простился с детьми и ушел, сопровождаемый казаками.

С тех пор Зина никаких вестей о старике не получала.

Может быть, как-нибудь и прожила бы девушка с братишкой в селе до окончания гражданской войны, до прихода из Красной Армии брата, если б не случилось одно обстоятельство, которое заставило ее бежать из села с братишкой, бросив дом и все свое имущество на произвол судьбы.

Тот самый черноусый есаул, который приезжал арестовывать ее отца, стал частенько заезжать к ней, каждый раз объясняя свой приезд случайностью.

— Здравствуйте, здравствуйте, Зиночка! — ласково говорил он, входя в хату и масленно поглядывая на нее.— А я вот

ехал мимо... дай, думаю, заеду проведаю... Как живете-то?.. Отца еще не отпустили?

— Нет,— хмуро отвечала девушка.— Отца мы своего теперь не дождемся...

— Ну, что вы глупости-то говорите,— строго говорил офицер.— Я доподлинно знаю, что его вот-вот отпустят... На днях ждите... Нельзя ли, Зиночка, курочку где-либо купить... Вы бы мне сварили ее. Мы бы со своим вестовым пообедали, да и в путь тронули б...

Зина, зная, что если она будет противоречить белогвардейцу, то может себе беды нажить, молча шла, ловила курицу, прирезала ее и варила суп офицеру и его казаку...

Когда девушка готовила обед, офицер старательно помогал: то дрова подкладывал в огонь, то воды приносил. Если они оставались вдвоем, он хватал ее руки, притягивал к себе, пытался целовать...

Зина сопротивлялась...

После его отъезда девушка рыдала.

— О, боже мой! Что со мной будет?.. Изведет меня этот офицер... Родной мой Проша, услыхал бы ты меня да прилетел бы, выручил меня...

О Прохоре она думала часто. Но где он теперь? Может быть, его и в живых нет. Если б был жив, то уж, наверно, подал бы ей весть о себе...

«А может быть, он и не любит меня? — думала она в тоске.— Может быть, он пошутил лишь, сказав, чтобы я его ждала?»

Есаул стал все чаще заезжать к ней, привозя ей то конфеты, то духи... Зина брала подарки, а как только офицер уезжал, все это с отвращением выбрасывала...

Как-то есаул заехал к Зине поздно вечером навеселе.

— Зиночка, здравствуйте! — сказал он, вваливаясь в комнату.— Ехал вот мимо, да запоздал... Решил у вас заночевать. Вы ничего не имеете против?

Что могла девушка сказать в ответ? Она промолчала.

— Вот вам, Зиночка, подарочек от меня,— слащаво улыбаясь, подал он ей какой-то сверточек.

— Спасибо,— сказала Зина, не разворачивая, положила она сверток на полочку.

— Гаврик,— сказал есаул мальчику,— пойди-ка посмотри, что делает мой казак во дворе?.. Пусть попоит лошадей...

Мальчик вышел из комнаты. Офицер ринулся к девушке, крепко обхватил ее и начал целовать.

— Да пустите же ради бога меня! — со слезами просила девушка.— Пустите!.. Сейчас же войдут сюда...

— Черт с ними, пусть входят,— не переставая целовать Зину, проворчал офицер.— Ты мне очень нравишься... Вот что, Зина,— шептал он,— ты мне постели в горнице... И обязательно

ночью приходи ко мне. Обязательно, понимаешь?.. Если не придешь, все меры приму к тому, чтобы расстреляли твоего отца... И тебя арестую... Понимаешь?.. Если придешь, то все будет в порядке: и тебя буду любить, и отца вызволю из тюрьмы. Я человек всесильный, все могу сделать... Так придешь?..

— Приду,— глотая слезы, проговорила девушка.

Она постелила офицеру на своей койке в горнице, накормила его и вестового ужином. И как только офицер пошел спать в горницу, а казак полез на полати, она, толкнув братишку, чтоб он следовал за ней, убежала из дому...

Перейдя фронт, Зина с братишкой поехали к родственнице под Москву. Она была одинокая вдова и приютила родственников. Женщина толковая, предприимчивая, она работала на железной дороге, сумела пристроить Гаврика учеником в железнодорожные мастерские и Зине помогла поступить уборщицей в Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию.

Вначале Зину в академии все пугало. Она думала, что в ней учатся только избранные, а потом убедилась, что учатся такие же простые юноши и девушки, как и она, дети рабочих и крестьян. Захотелось и ей учиться. Студенты помогли ей подготовиться, и она поступила на рабфак.

XIII

Над станицей не спеша всплывало солнце, ощупывая лучами влажные от ночной росы крыши домов, сверкающие алмазами влажные листья на деревьях, траву... В садах звонко болтали птицы. На базах призывно мычала скотина, просясь на пастбище. Но никто в это утро не гнал по улицам коров и овец на пастбище... Станица казалась пустынной и мертвой. Ничто не нарушало ее тяжкого покоя.

Хотя кругом было тихо и покойно, но во всем чувствовалось какое-то напряжение, ожидание чего-то неотвратимого.

...Проводив Сазона, Прохор взял с собой Дмитрия Шушлябина и поехал по заставам.

Все было в порядке. Бойцы бодры и непоколебимы, готовы каждое мгновение дать белым дружный отпор. Но беда была в том, что каждый солдат имел не более пяти-семи патронов, и поэтому долго продержаться нельзя было. Прохор отчетливо представлял себе, что сегодняшний день — решающий. На Сазона Прохор мало возлагал надежд. Правда, если бы он сумел проскочить через окружение белых, то тогда спасение было бы еще возможно. Буденный, конечно, постарался бы выручить его отряд из беды. Но Прохор считал маловероятным, чтобы Сазон мог невредимым проскочить через кольцо врага. Тем более что командир той заставы, через которую под утро про-

ехал Сазон, рассказал, что, после того как Меркулов осторожно поехал в сторону белых, там минут через двадцать открылась ружейная стрельба, вскоре прекратившаяся. Видимо, белые обнаружили Сазона и стреляли по нему. «Наверняка убит»,— думал Прохор.

Часов в десять утра конники привели к Прохору белого казака-парламентера. Белогвардеец был небольшого роста, коренастый, смуглолицый, с тонкими закрученными усиками, ловкий и щеголеватый. На плечах новенькой гимнастерки сняли погоны с серебряными нашивками приказного. Все на нем было пригнано, добротно.

Войдя в учительскую, он насмешливо оглянул комнату серыми нагловатыми глазами.

Прохор сразу же узнал его.

— Котов? — спросил он.

— Так точно, Прохор Васильевич,— блеснув ровными крупными зубами, весело осклабился казак,— он самый и есть, Котов Михаил...

— Брат Фома у тебя есть?

— Ну, а как же? — ухмыльнулся Котов.— Старший брат... Где-то бандюгой заделался.

— Не бреши! — сурово прикрикнул Прохор.— Это ты бандюгой стал, а брат твой служит честью и правдой народу. Ты знаешь, где твой брат?

— А черти его знают,— пожал плечами Котов.— Будто в Петрограде был...

— Он служит у самого товарища Ленина! — торжественно проговорил Прохор.— Каждый день его видит. Ты б гордиться должен таким братом. Я в январе нынешнего года был в Петрограде и видел Фому. Молодец он!

Насмешливое выражение сбежало с лица Котова. Он с вниманием выслушал Прохора и вздохнул.

— Все может быть. Помешались мы все...

— Ну, а ты с чем ко мне пришел, Котов? — спросил Прохор.

— Один на один надо говорить,— покосился глазами Котов на казаков, приведших его.

— У меня ни от кого секретов нет! — вспылил Прохор.— Говори при них.

— У тебя нет, зато у меня есть,— невозмутимо промолвил Котов.— Приказано с тобой один на один поговорить.

— Кем приказано?

— Начальством.

— Говори, ч-черт!.. Плохо тебе будет...

— Дело твое,— спокойно пожал плечами Котов.— Ты можешь со мною что угодно делать. Но только надо знать, что парламентеров не в обычае обижать. Так что, Прохор Васильевич, не будем об этом говорить...

— Не скажешь, гад? — сорвалось у Прохора.

— Только с тобой наедине скажу.

Прохор видел, что ему не сломить упрямства Котова.

— Ну, черт с тобой! Ладно. Выйдите, товарищи, на минуту,— сказал он казакам.

Все вышли.

Котов, оглянувшись на дверь и убедившись в том, что она плотно прикрыта, прошептал:

— Меня к тебе прислал брат твой Константин Васильевич.

— Чего ему от меня надо?

— Велел тебе передать, что пока не поздно, надо тебе сдаться.

— Ах, сволочи! — выругался Прохор.

— Подожди, подожди,— поднял руку Котов.— Ругаться ты еще успеешь, допрежде выслушай меня... Константин Васильевич велел сказать тебе, что если ты сдашься со своим отрядом, то ничего ни тебе, ни твоим красногвардейцам не будет... Господин полковник под свою ответственность зачислит всех вас в свой полк... А тебя, односум, обещал назначить командиром сотни...

— Замолчи, паскуда! — привскочил Прохор.— Ежели еще хоть слово скажешь, пристрелю проклятого, не посмотрю, что ты парламентер. Ей-богу, пристрелю!..

— Зря ругаешься, односум,— примирительно проговорил Котов.— Ты так это подумай хорошенько да взвесь, что тебе хорохориться-то? Ведь два полка тебя окружили,— приврал он.— Ну, что ты со своими двумя сотнями бойцов будешь делать супротив нас? Чем будете обороняться? Ни оружия у вас, ни патронов нет...

— На вас, собак, хватит.

— Не хвались,— ухмыльнулся Котов.— Все ведь нам доподлинно известно. Свиридов с Адучиновым все нам пересказали.

— Попадется мне эта стерва, Свиридов...

— Брось, односум,— махнул рукой Котов.— Он к тебе попадется али нет, а ты уже попался к нему.

— Ну, это еще посмотрим,— сказал Прохор.— Попробуйте взять нас. Вот что, Котов, скажи моим именем братцу Константину, этому гаду белопогонному, что взять нас будет нелегко. Все мы сложим свои головы, но не сдадимся... Скажи, Котов, брат мой ранен?

— А ты откуда знаешь? — изумился Котов.

— Сорока на хвосте эту весть принесла,— хмуро усмехнулся Прохор.— Сильно он ранен?

— Ранен-то хоть и не тяжело,— не переставая удивляться, произнес Котов,— ну а все же, откуда ты знаешь? В руку он ранен. Из ваших кто-то вчера ранил, когда полковник на кургане стоял...

— Скажн, что это я его раннл. Жалеет, мол, Прохор, что совсем не убнл.

— Стало быть, это ты его? — мрачнея, спроснл Котов.— Только зря этим бахвалншься. Себе же хуже делаешь. Обозлится человек. Слышишь, Ермаков, ежели хочешь, то навроде я иичего не слыхал, ие скажу об этом... А то ж наговорншь себе на погнбель.

— Скажн ему все то, что я тебе говорнл,— резко сказал Прохор.— Я его ие боюсь. Так н скажн, что жалеет, мол, Прохор, что тебя, собаку, не пристрелил насмерть.

— Ну, гляди, Ермаков,— пожал плечамн Котов.— Тебе вндиее, могу все передать полковинку так, как ты мне говорил. Потом ие обижайся. Прощевай!..

Прохор позвал казаков.

— Товарнщн, проводите его,— кнвнул он на Котова.— Да ие троньте.

XIV

Михаил Котов, благополучно вериувшись к Константиину, подробио рассказал ему о своей беседе с Прохором. Коистантнн рассвирепел:

— Молокосос!.. Я его хотел по-братски пожалеть и спасти, а ои еще иос воротнт. Гм... ладно! Первым я его на вниселицу вздериу. Не пощажу дрянь.

Коистантнн сндел на сеие в тенн скнрды, прнслонясь к ией спиной. Забннтоваииая левая рука его поконлась на перевязи, переброшеиной через голову. Перед инм на разостланиой газете лежали нарезаииые кускн сала, хлеб. Константин неловко, одной рукой, иалил в кружку спирту нз баклагн, выпнл, потом иалил еще и подал Котову:

— Выпей!

— Благодарю покорно,— с готовиостью взял кружку Котов.

— Закусн вот сальцем.

Котов выпил, крякиул н, взяв кусок сала, стал жевать.

— Зиачит, ие хочет Прохор сдаваться? — спроснл Коистаитни.

— Где там, господин полковник,— жуя сало, сказал Котов.— И слушать ие хочет.

— Ну н черт с ним! Пусть, собака, погибает... Была б оказаиа честь...

Коистаитии повериулся н, толкиув руку, простонал:

— У-у, черт!

— Как ваша рука, господин полковинк? — почтнтельно осведомнлся Котов.

— Побаливает,— поморщнлоя Константнн.— Рана сама по

себе пустяковая, но а все же приходится с ней нянчиться, как с куклой.

— А знаете, кто вас ранил? — ухмыльнулся Котов.

— Н-нет... А кто?

— Ваш братец Прохор.

— Прохор?! — даже приподнялся от изумления Константин.— Да брось глупости говорить... Как это можно на таком расстоянии. Просто случайная пуля...

— Не знаю, господин полковник,— пожал плечами Котов.— Сам Прохор мне об этом говорил...

— Что же он тебе говорил? Каким образом он мог меня ранить? Глупости.

Котов сообщил все, что ему говорил Прохор. Константин от ярости вскочил на ноги и забегал вокруг скирды.

— Что ж, вполне возможно,— забормотал он.— Прохор еще хвалился, что на фронте считался снайпером... Ах ты, дрянь такая!.. Братоубийца! Ладно, дорогой! Ты мне за это расплатишься.

Константин остановился.

— Сотник! — крикнул он своему адъютанту, сидевшему поодаль с ординарцами.— Иди-ка сюда!

Звеня шпорами, к Константину подбежал молоденький офицер, его адъютант Воробьев.

— Чего изволите, господин полковник? — приложив руку к козырьку, вытянулся он.

— Передай, Воробьев, приказ командирам сотен,— чеканя слова, строго говорил Константин,— чтобы сейчас же, сию минуту, не считаясь ни с чем, начать наступление на станицу. К четырнадцати часам,— взглянув на свои ручные часы, сказал он,— чтобы мне было доложено о взятии станицы... Понятно?

— Слушаюсь, господин полковник,— снова козырнул адъютант и побежал выполнять приказ командира полка.

Константин глотнул из баклаги и хмуро, но спокойно сказал:

— Ну что ж, Котов, спасибо за службу. Поручение мое ты выполнил хорошо. Этого я не забуду. При случае буду иметь в виду, в продвижении по службе не забуду...

— Благодарю покорно, господин полковник,— козырнул Котов.— Рад стараться.

— Пойдешь к себе, в сотню,— позови Свиридова. Он, кажется, в вашей сотне сейчас... А может, в обозе.

— Разыщу, господин полковник. Можно идти?

— Иди!

Котов направился к оврагу, в котором расположился полковой обоз. Там он надеялся разыскать Свиридова.

Константин молча зашагал около телеги, стоявшей около скирды, нервно кусая нижнюю губу. К нему озабоченно подо-

шел начальник штаба полка войсковой старшина Чернышев.

— Константин Васильевич,— протирая пенсне платком, сказал он,— вы, кажется, отдали распоряжение командирам сотен начать наступление на станицу?

— Да,— не переставая ходить, нехотя ответил Константин.— А что?

— Мне думается, что вы поторопились. Во избежание напрасных жертв надо бы переждать денек-другой. Они от нас и так ие уйдут. У красных нет патронов... За день-два они перестреляют последние, а потом бери их хоть голыми руками...

— Вы не знаете, с кем имеете дело,— проворчал Константин.— Я их знаю, это упрямый народ. Ведь командиром у них мой брат. Родной брат,— выкрикнул он гневно.— До последнего издыхания будет сражаться.

— Брат? — удивился Чернышев.— Что ж вы мне об этом не сказали.

— Надобности в этом не было,— сухо сказал Константин. Он резко сделал несколько шагов, потом круто повернулся к начальнику штаба.— Вот времена-то какие, господин Чернышев, наступили,— желчно усмехнулся он.— Брат на брата поднял меч, сын на отца, отец на сына. Правы, видимо, старики, когда утверждают, что об этом в библии сказано. Старики говорят, что еще ужаснее наступит время. Но что же еще ужаснее может быть? Не понимаю... Вот, извольте порадоваться,— приподнял он забинтованную руку,— это я по милости своего братца вожусь с этой куклой.

— Как это понять, Константин Васнльевич?

— А очень просто, Иван Прокофьевич. Брат подстрелил меня... Хе-хе!.. И очеиь сожалеет, что наповал не ухлопал...

— Откуда у вас такие сведения?

— Сведения самые достоверные... Из уст самого брата...

— Да-а,— протянул Чернышев, покачивая головой.— Случай...

— И скажите, дорогой, чем я должен ответить за это своему братцу, а? — с горькой усмешкой спросил Константин. Он нервно хлебнул из баклаги и спросил:— Простить, да? Как вы думаете, Иван Прокофьевич?

Тот развел руками:

— Да ведь как сказать, Константин Васнльевич. Это ведь все зависит от ваших личных, я бы сказал, родственных отношений.

— Значит, по-вашему, можно и простить, да?

— Да... смотря по обстоятельствам,— мямлил офицер, не зная, каким ответом можно угодить командиру полка.

— Нет, вы не виляйте, Иван Прокофьевич,— настаивал Константин.— Скажите прямо: простили бы вы своему брату, который пытался бы вас убить, ранил бы вас, принес бы страдания как физические, так и нравственные, а?.. Скажите по-

дружески... который бы порвал со своими родителями всякие отношения, наперекор их воле и желанию связался с разным сбродом, сделался бы руководителем банды, которая терроризирует сейчас всю станицу... Так как бы вы посмотрели на такого братца, а?..

— Ну, знаете ли, Константин Васильевич,— вытирая платком потный лоб, ответил Чернышев.— Вы мне задаете непосильную задачу. У меня брата нет, и я не могу судить... А притом, если уж вы меня так настойчиво спрашиваете, я человек по натуре мягкосердечный, гуманный... Может быть, я и простил бы... Все это зависит, как я сказал уже, от обстоятельств...

— Ах, вот вы какой! — словно уличив его в чем-то неблаговидном, воскликнул запальчиво Константин.— По-вашему, значит, я должен его простить? Может быть, его еще погладить по головке и сказать: «О милый мой братик, как я сожалею, что тебе не удалось продырявить мою башку!» Может быть, дать ему наган и сказать: «На, дорогой, стреляй. Я тебе подставлю голову». Так? Эх, вы! Человек гуманный, мягкосердечный. Гм... смешно в наше суровое время проповедовать такие сантименты... Какой, к черту, сейчас может быть гуманизм, альтруизм, человеколюбие... Пошли вы к чертовой матери!.. Не может быть никакой пощады, никакого прощения за подобные дела ни брату, ни свату, ни даже родному отцу. Да! Именно так... Ваше сердце должно быть черствым. Во имя той светлой справедливости, за которую мы, рыцари, встали, считаться ни с чем нельзя. Тут уж ничто не должно становиться преградой... Так что я вас не понимаю, господин войсковой старшина. Как же вы будете воспитывать рядовых? Неужели вы им будете такую чепуху проповедовать, которой набита ваша голова... А я вас еще считал умницей...

— Простите, Константин Васильевич,— смущенно проговорил Чернышев.— Может быть, я действительно что-то не то сказал...

— Ну, хорошо,— уже снисходительно, снижая тон, проговорил Константин.— Прекрасно, что вы все это поняли...

Подошел Свиридов.

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие,— прищелкнул он каблуками.

— Здорово, Максим,— добродушно сказал Константин.— Ну ты, голубчик, достал себе хорунжеские погоны?

— Достал, ваше высокоблагородие,— застенчиво заулыбался Свиридов, вынимая из кармана пару офицерских погон.

— Ну вот, правильно! — одобрительно кивнул Константин.— Носи их. Теперь ты офицер... Ты их заслужил...

Глаза у Свиридова радостно заблестели. Но он все же предусмотрительно спросил:

— Константин Васильевич, как я их могу носить? Ведь высшее начальство не утвердило ж мой офицерский чин?

— Не беспокойся, голубчик,— похлопал его по плечу Константин.— Я за это отвечаю. Мне доверяют, и я знаю, что делаю... Все будет оформлено соответствующим образом.

— Благодарю покорно,— сияя, проговорил Свиридов.

— Так что, Максим, с сегодняшнего дня носи,— великодушно проговорил Константин.— А потом я тебя назначу командиром сотни...

Чернышев недоуменно пожал плечами.

— Слышал, Максим, новости-то? — усмехнулся Константин.

— Нет,— встрепенулся Свиридов.— Какие новости, Константин Васильевич?

— Ранил-то меня ведь Прохор!

— Да ну?! — изумился Свиридов.— Каким же образом?

Константин рассказал все, что ему было известно от Котова.

— Ай-яй-яй! — сокрушенно качал головой Свиридов.— А вы, Константин Васильевич, хотели еще назначить его командиром сотни...

— Да нет,— поморщился Константин.— Это ж я нарочно. Это я для приманки обещал Прохору, чтоб он податливее был... Разве я мог бы его назначить командиром сотни? Смешно!.. Меня сразу же обвинили бы в покровительстве брату-большевику и так далее... Я просто хотел соблазнить Прохора приманкой, чтобы он перешел к нам, сдался б добровольно. Этим он, конечно, спас бы себе жизнь... Военно-полевой суд, я думаю, посчитался б с тем, что я ему довожусь братом, и строго не осудил бы Прохора. Лет десять каторги б дали. Отбыл бы наказание Прохор, жизнь себе сохранил бы и был бы вольным человеком... Пойдем, Максим, на курган, посмотрим... Пойдемте и вы, господин войсковой старшина,— взглянул он на Чернышева.

И они втроем — Константин, Свиридов и Чернышев — направились на курган, на котором еще так недавно был ранен Константин. Когда они взобрались на него, издалека защелкали редкие выстрелы. Вокруг них запели пули.

— Тут, пожалуй, укусит какая-нибудь шальная пуля,— растерянно стал озираться Чернышев.— Место открытое...

— Почему же — шальная? — усмехнулся Константин.— Эти пули специально для нас предназначены.— И, рисуясь, он взобрался на самую макушку, стал оттуда оглядывать станицу и расположение своих сотен, в которых сейчас чувствовалось какое-то оживление. Видимо, там уже получили приказ Константина и готовились к атаке.

— Зачем же напрасно подвергать себя опасности? — пробормотал Чернышев, заходя в такую часть кургана, где не было слышно посвиста пуль.

— Свиридов,— позвал Константин,— иди сюда!

При каждом свисте пули, нагибаясь, заметно побледневший Максим нерешительно подошел к нему. Константин окинул его презрительным взглядом.

— Тоже мне офицер,— фыркнул он.

— Константин Васильевич,— виновато проговорил Свиридов.— Да ведь место-то тут в самом деле опасное. Вас ведь тут ранили.

Константин не ответил. Здоровой рукой он взял бинокль, висевший у него на груди, стал внимательно осматривать станицу, красные заставы, свои сотни.

Теперь уже и простым глазом было видно, как, обстреливая заставы большевиков, к станице перебежками пошли спешенные сотни белых.

— Почему не наступает с запада четвертая сотня? — взбешенно гаркнул Константин, оглядываясь на Чернышева.— Я же приказал наступать одновременно всем сотням, чтоб ни одной красной сволочи не выпустить из станицы.

— Сейчас выясню, господин полковник,— сбегая с кургана, крикнул Чернышев, очень довольный тем, что ему удалось, наконец, уйти с опасного места. Впрочем, на кургане теперь стало не опасно. Большевистская застава, обстреливавшая курган, все свое внимание сосредоточила на наступавшей казачьей сотне.

— Константин Васильевич,— вскричал ободрившийся Свиридов,— вон посмотрите, с западной стороны тоже стали наступать,— указал он на появившиеся из балки черные точечки, стремительно покатившиеся к станице.

— Ну и чудесно! — воскликнул Константин и снова стал оглядывать в бинокль развертывающееся поле боя. Он видел, как его казаки с шумом, криками, обстреливая рощи и займища, в которых засели красногвардейцы, все ближе и ближе подходили к станице, сжимая вокруг нее клещи.

Константин снова отхлебнул из баклаги, самодовольно сказал:

— Через десять минут все будет кончено.

Вынув портсигар, он неловко, одной рукой, стал его открывать. Свиридов услужливо крутнулся к нему.

— Разрешите, господин полковник, я открою.

Константин отдал ему портсигар. Свиридов открыл его, Константин взял папиросу и сказал:

— Закуривай и ты.

Они закурили.

— Как твой конь, которого я тебе подарил? — спросил Константин.

— Дюже хорош, Константин Васильевич! — заухмылялся Свиридов довольный.— Благодарность большая моя за него...

— Ну, ты, Максим, иди за конем своим, сейчас поедем в станицу...

Свиридов сбежал с кургана, а Константин, еще раз оглянув в бинокль свои сотни, продолжавшие наступление, крикнул:

— Воробьев!... Коня!..

— Коня командиру полка! — откуда-то отозвался голос адъютанта.

— Коня-а!..— как эхо, прозвучало издалека.

И тотчас же нз синего, заплывшего маревом овражка ураганно выскочил всадник на вороной лошади, ведя в поводу великолепного серого жеребца.

Константин сбежал с холма и прн помощи ординарцев взобрался на жеребца.

Подскакал на гнедом коне Свиридов, уже успевший надеть хорунжеские погоны.

— Вот,— посмотрев на него, одобрительно кнвнул головой Константин.— Правильно... офицер... Поедем!

— Теперь ехать некуда,— нервно засмеялся Свирндов.— Гляднте, господин полковник,— указал он в сторону станицы.

Константин глянул и обомлел. Только что наступавшие на станицу казачьи цепи, теперь преследуемые красными конниками, стремительно бежали назад.

— Ах, сволочи! — выругался Константин. Он всадил шпоры в бока жеребцу и с места в карьер помчался навстречу бежавшим казакам. Адъютант, Свиридов и ординарцы едва поспевалн за ним.

Наскочив на переднюю группу бежавших в панике казаков, Константин завопил:

— Назад, сволочи!.. Пострр-еляю! — задохнулся он от ярости.

Казаки попятились от него, растерянно переглянулись.

— Рассыпайся в цепь!.. Живо! — орал Константин.— Ложись!.. Ах, так вот он, провокатор-то! — взвизгнул вдруг он, поддавая шпоры жеребцу н на скаку выхватывая из кобуры наган. Жеребец, застонав от боли, подпрыгнул и сбил своей мускулистой грудью бежавшего носатого, черного, как жук, сотника, командира сотни. Посерев от испуга, он поднялся на ноги и ошалело глянул на Константнна. Тот, повернув жеребца, в упор выстрелил в него.

— Умри, собака! — выкрикнул злобно Константин.

Сотник, обливаясь кровью, упал на землю.

Казаки с ужасом смотрели на Константина.

— Это он поднял панику,— закричал Константин, указывая на труп ни в чем не повинного командира сотни.— Он. Теперь назад, казаки, назад!.. Вот теперь ваш командир сотни! — указал он на бледного, вздрагивающего от ужаса Свиридова.— Максим, командуй!..

Свиридов со страхом глянул на Константина и срывающимся голосом закричал:

— Ложись!.. Командиры взводов, ко мне!..

Константин, сопровождаемый адъютантом и ординарцами, поскакал к следующей сотне, наступавшей на станицу. Но вдруг пуля со злым свистом сорвала с него фуражку. Константин, мертвенно побледнев, круто повернул жеребца назад и испытующе оглянул казаков. Но ничего он подозрительного не мог заметить. Все лежали в цепи, обстреливая десятка три красных конников, которые так отважно бросились в атаку на белую сотню, повернув ее назад. Сейчас красные конники стремительно мчались к себе в рощу.

— Кто в меня стрелял? — строго спросил Константин, холодно уставившись в Свиридова.

— В вас стреляли? — изумился Максим.— Да вы что? Неужто?..

Константин не ответил. Он молча взял свою фуражку у ординарца, которую тот поднял, и медленно поехал вдоль вытянувшихся в шеренгу лежавших казаков. Его страшно поразил только что происшедший с ним случай. Сразу же он как-то обмяк, присмирел...

XV

Отряд красных с отчаянным упорством отбивался от наседавших белых. Местами дело доходило до рукопашных схваток. Белые каждый раз с большими потерями отходили назад.

И все же положение в отряде Прохора становилось критическим. Из всего состава оставалось теперь не более трети, причем среди находившихся в строю было много раненых. Ни у кого в отряде надежд на спасение не было. Но духом никто не падал.

Похудевший, с резко обозначившимися чертами лица, с тенями под глазами, с белой окровавленной повязкой на голове, Прохор метался на своей уставшей лошади по станице, от одной заставы к другой. Дмитрий Шушлябин на взмокшей лошаденке не отставал от него. Он всюду следовал за Прохором. Два раза ему даже пришлось участвовать в конной атаке, когда Прохор водил конников на белых, и Дмитрию удалось зарубить одного калмыка, который в упор выстрелил в Прохора и ранил его в голову...

Теперь не к чему было держать сильно поредевшие заставы за станицей. Белые каждую минуту могли зайти в тыл и окружить красногвардейцев. Прохор приказал всем уцелевшим бойцам собраться в церкви, запереться в ней и выдерживать осаду насколько хватит сил. Церковь была каменная, крепкая.

Из школы в церковь перенесли всех раненых, продовольственные запасы, налили бочки с водой. Прохор сам с Дмитрием перенес запас патронов, которые он берег, как драгоценность.

Коииики должиы были замаскировать отход застав, отстреливаясь до последией мииуты.

Молчаливый, суровый, сидел Прохор верхом иа лошади у ворот камеииой ограды, пропуская в церковь подходивших с застав красиогвардейцев.

— Проша! — с плачем подбежала к иему Надя.— Погибель вам... Я зараз видела, как беляки вошли в стаиицу...

— Где оии?

— В иашей леваде. Батя к иим пошел...

— Дьявол старый! — выругался Прохор.— Предатель!

— Проша, тебя господь иакажет. Ои же отец иаш.

— Иди, Надя, домой,— строго сказал Прохор.— Сейчас тут стрельба иачиется... Убьют. Беги!..

— Братуша,— с отчаяиием прошептала девушка.— Нагиись-ка, что скажу...

Прохор иаклоиился к сестре.

— Братец, родиой,— зашептала оиа горячо,— гибель вам всем тут иемииучая...— Ее голос задрожал, из глаз хлыиули слезы.

— Милая моя сестричка,— потрепал ее по щеке Прохор.— Так что ты хотела сказать?..

Сквозь слезы оиа торопливо зашептала:

— На сеновале у иас я прорыла в сеие бо-ольшую иору. Там хоть пятерым можио схороиииться и иикто ие увидит и ие догадается... Ей-богу, правда! — для убедительности перекрестилась оиа.— Скажи Мите и пойдемте скорей... Через сад пройдем, иикто ие увидит. Буду вам иосить еду... А как пройдет кутерьма, так вылезете из иоры и уйдете...

— Надюшеиька! — растрогаиио воскликиул Прохор.— Спасибо, родная! Спасибо! Это ты хорошо сделала... Я тебе сейчас дам двух раиеиых, ты и будешь их спасать...

— А ты? — упавшим голосом спросила Надя.

— Я ие могу, милушка. Я ведь их комаидир. Что оии обо мие подумают, если я их брошу?.. Нет, Надюша, я их ие брошу до коица.

— Ведь убьют, Проша! — простоиала девушка.

— Что ж,— пожал плечами Прохор.— Видио, доля моя такая.

— Ах, братуша, братуша,— зарыдала оиа. Потом подияла заплакаииые глаза иа брата: — А Митя?

— Вот Митю ты, пожалуй, можешь взять,— улыбиулся Прохор и шепиул ей: — Пареиь ои хороший, Надеиька. Его иадо уберечь...

В глазах девушки заискрилась радость.

— Где ои, братец?

— Вои едет,— указал Прохор.

По улице иа малеиькой лошадке мчался Дмитрий. Защитиая фуражка иа нем лихо сбита иа затылок. Кучерявые тем-

ные волосы рассыпались кольцами по потному лбу, а из-под них озорной удалью горят глаза.

— Смотри, какой лихой вояка,— кивнул на него Прохор.

Надя сквозь слезы с восхищением смотрела на своего любимого. Дмитрий подскакал к Прохору и отдал честь.

— Ваше приказание, товарищ командир, выполнено,— отрапортовал он.— Сейчас кавалеристы прибудут сюда все до одного.

— Хорошо! — качнул головой Прохор и строго сказал: — Приказываю, боец Шушлябин, немедленно взять из церкви раненых Желудкова и Горемыкина и отвести их туда, куда поведет вот эта гражданка,— указал он на сестру.— И не отлучаться от раненых, пока не минует надобность. Понятно?

— Так точно, товарищ командир, понятно.

— Выполняй приказание! Быстро!..

— Слушаюсь.

Дмитрий соскочил с лошади и побежал в церковь. Вскоре он вывел оттуда двух забинтованных казаков.

— Идите с Надей,— приказал им Прохор.

К церкви подскакали всадники. Эти кавалеристы последними бросили заставы на окраинах станицы. Теперь станица была открытой. Вот-вот можно было ждать появления белых.

— Разнуздать лошадей, снять седла,— приказал Прохор кавалеристам.— Пустить лошадей пастись в ограде. Тут травы много... Самим же немедленно всем — в церковь!

Кавалеристы торопливо стали расседлывать лошадей.

Прохор, соскочив с лошади, стал тоже расседлывать ее. К нему подбежал запыхавшийся Звонарев.

— Односум,— вскричал он,— ты, никак, хочешь в церковь запираться?

— Придется! — угрюмо сказал Прохор.— Что поделать?

— Сазона Меркулова ждешь? — пытливо посмотрел на него Звонарев.

— Сазон, наверно, убит,— вздохнул Прохор.— Ждать помощи неоткуда. Будем надеяться на себя.

— Убит? — вздрогнул Звонарев.— Да как же так?.. Что-то не верится... Все мы его с таким нетерпением ждем...

— Может, и не убит,— произнес Прохор.— Кто может знать?.. Только надежд на это мало... Ну, заходи, Звонарев, в церковь, сейчас будем дверь закрывать...

Звонарев с испугом оглянулся на помещение ревкома и нерешительно шагнул на паперть.

Сняв седло и разнуздав жеребчика, Прохор еще некоторое время постоял, дожидаясь, может быть, подбегут или подъедут отставшие красногвардейцы. И действительно, три человека подошли. Взвалив седло на спину, Прохор вошел в церковь.

— Закрывайте! — приказал он казакам, стоявшим у двери.

Чугунная дверь с гулом захлопнулась, лязгнули засовы.

XVI

С избранием Красиова атамаиом Новочеркасск зажил необычно. Более чем за сто лет город ничего подобного не видел на своих улицах. Теперь он жил суматошной жизнью. Шумные толпы сновали по тротуарам. Слышался говор не только на разных языках многонациональной Россни, но нередко раздавалась французская, английская и нтальянская речь.

Столица Дона, как магннт, прнтягивала алчные взоры многих международных авантюристов, жаждущнх легкой поживы...

Сюда отовсюду слетались князья и графы, купцы и фабриканты, помещики и проституткн, реакционные профессора и шулера, полнтнческие деятели и продажные литераторы во главе с Аверченко н Амфитеатровым, члены свергнутого правительства — Родзянко, Шннгарев, Гучков. Даже сам великий князь Ннколай Николаевич «пожаловал» в Новочеркасск. И все эти родовитые, полуродовитые и совсем неродовитые отщепенцы искали здесь пристанища.

Днем н ночью весь этот разномастный сброд заполнял кабаре, кафе-шантаны, игорные дома и увеселительные прнтоны. В круговорот жнзни этих людей, жаждущих наслаждений и пытающнхся вернуться к старому, была вовлечена н Вера. Она уже перестала мечтать об обществе казачьей аристократии. У нее было много поклонннков, занимавших прежде в Москве вндное положение.

В числе ее знакомых был граф Разумовский. Ее нисколько не смущало то обстоятельство, что граф этот — горький пьяница.

Часто посещая увеселительные места, Вера познакомилась с несколькнми иностранцамн, неведомо какнм путем вдруг появившнмися в Новочеркасске. Она затруднялась определнть род их деятельности и национальность. Но это ее особенно и не нтересовало. Знакомство с такимн людьми ей льстило. Иностранцы были в большом почете у контрреволюции. По городу ходили упорные слухн о том, что на Дону скоро появятся шотландские стрелки в юбках, зуавы в огромных тюрбанах, черные снпаи, синегальцы...

Однн из новых знакомых Веры Сергеевны, поляк Розалион-Сашальский, обещал познакомнть ее с видным иностранцем, мистером Брюс Брэйнардом.

— Вы зиаете, мадам,— покручивая ус, говорнл интрнгующе поляк.— Этот Брэйнард — сын лорда... Следовательно, он, так сказать, в известной мере и сам лорд... Я точно затрудняюсь сказать, но ходят упорные слухн, что он представляет как будто правительство короля при войсковом атамане, так сказать...

— Вот как?! — прнятно изумилась Вера.— Значит, ои важный человек? Дипломат?

— О, да! Очень важный!

Это, по мнению Веры, была одна из тех птиц, которую ей советовал подстреливать Константин.

— А он молодой?

— Да, так сказать...— замялся поляк,— лет сорока. А при чем возраст, мадам?.. Мужчина, если он крепок и хорошо выглядит, в любом возрасте молод... Я вот тоже, так сказать, не молод,— скромно опустил свои серые глаза Розалион-Сашальский.— Сорок уже скоро стукнет. Но, поверьте, мадам, во мне еще столько огня, так сказать, и юношеского задора...

Вера закрыла лицо веером, чтоб скрыть улыбку. Розалион-Сашальский, не моргнув даже и глазом, приуменьшил свой возраст по крайней мере на десяток лет, но она и виду не подала, что поняла это.

— Конечно,— сказала Вера,— возраст для мужчины не имеет никакого значения. Мой муж тоже ведь не молод... Вот мы, женщины, страдаем от возраста — к сорока годам уже старухи...

— Вы, мадам, и в сорок, даже и в пятидесятилетнем возрасте, так сказать, все так же будете юны и цветущи,— целуя ее пальцы, сказал поляк.

— Ох вы, льстец! — шутливо ударила его по руке веером Вера.— Так вы, Владислав Феликсович, познакомите меня с этим... лордом?

— Я уже обещал вам,— важно отдувая щеки, сказал поляк.— Слов на ветер я не бросаю, так сказать.

— Я верю вам, Владислав Феликсович,— улыбнувшись, сказала Вера.— Но иногда вы забываете о своих обещаниях...

— А именно? — настороженно поднял свои густые белесые брови поляк.

— Вы как-то расхваливали своего адъютанта, помните?.. Прапорщика Викторьева, кажется... Ну, я заинтересовалась им, выразила желание познакомиться с вашим адъютантом. Вы обещали, а потом, видите, вот и забыли.

— А-а...— вспомнил поляк.— Прапорщик Викентьев! Да, я обещал вас с ним познакомить... Юноша-то он хороший, так сказать... Но мальчишка, прапорщик. Что знакомство это даст вам?.. Причем Викентьев какой-то странный, нелюдимый... Совсем еще юный. Ему, вероятно, лет восемнадцать... Ха-ха!.. Он... ха-ха... женщин боится... Когда я ему сказал, что намереваюсь познакомить с вами и вашими прелестными приятельницами, то он в ужас пришел. Ха-ха!.. Чудак!.. Я догадываюсь, так сказать... почему это происходит...

— Ну, скажите, почему? — спросила Вера.

— Да потому, мадам,— поляк наклонился к ее уху, хотя, кроме их двоих, за столиком никого не было,— что он еще наивный, как ягненок, не вкусил, так сказать, запретного плода любви.

— Это очень интересно! — воскликнула Вера.— Вы меня

просто заинтриговали. Меня разбирает любопытство взглянуть на этого ангела. В наше время это почти диковина... А он хорош собой?

— Как херувим.

— Приведите его.

— Обязательно, мадам,— приложил руку к сердцу Розалион-Сашальский.— Долгом своим почту.

Поляк налил в бокалы вина и, чокаясь с молодой женщиной, шутливо сказал:

— Простите, мадам, но я несколько шокирован вашим, так сказать, желанием иметь такие обширные знакомства... Я могу... ха-ха!.. думать, так сказать, что я своей персоной не могу привлекать ваше внимание. Поверьте мне,— покручивая ус и масляно поглядывая на свою хорошенькую собеседницу, продолжал он,— я обладаю всеми мужскими качествами, в том числе, так сказать, не лишен и чувства ревности... и бог знает, мадам, к чему это может привести. Польская, шляхетская кровь горячая, так сказать. Я могу, право, приревновать вас и... вызвать не только лорда, но самого... ха-ха!.. черта на дуэль... О, ротмистр! — вдруг окликнул Розалион-Сашальский проходившего мимо их столика высокого сутулого офицера.— На минутку!

Ротмистр обернулся и, увидев поляка, закивал головой.

— А-а, капитан, здравствуйте! — протянул он ему руку.

— Здравствуйте, ротмистр!

— О, черт возьми! — прищелкнул пальцами ротмистр, увидев за столиком поляка Веру.— Красотка какая!.. Познакомьте! — зашептал он на ухо ему.— Познакомьте! До смерти напою вином...

Поляк заулыбался.

— Э-э, будьте любезны, познакомьтесь, Вера Сергеевна, мой друг,— звякнул шпорами Розалион-Сашальский.

— Ротмистр Яковлев Михаил Михайлович. Бывший офицер лейб-гвардии его величества полка,— с подчеркнутой важностью отрекомендовался он.— Окончил университет и политехникум.

Веру несколько удивила последняя фраза ротмистра, но она промолчала и с любопытством оглядела своего нового знакомого.

Ротмистр Яковлев был непомерно высок и худ. Лицо желтое, морщинистое, испещренное рябинами. Глаза мутные, неопределенного цвета. Блестящий офицерский гусарский мундир сидел на нем неуклюже, словно был с чужого плеча. На левом рукаве — семнадцать поперечных красных нашивок, что означало семнадцать ранений в мировую войну. На груди поблескивал один офицерский и четыре солдатских Георгиевских креста и еще несколько других знаков отличия.

На левом боку у офицера висела шашка в серебряной оп-

раве и георгиевским темляком, на правом — револьвер в кобуре с малиновым толстым шнуром, закинутым на шею петлей, точь-в-точь, как это бывает у городовых.

Вера сразу же отметила, что блестящая форма этого офицера никак не гармонирует с его уродливым, рябым лицом и грубыми манерами.

— Хотите, так сказать, вина, ротмистр? — предложил Розалион-Сашальский.

— А разве можно когда-нибудь его не хотеть? — сострил Яковлев и, подсаживаясь к столику, хрипло рассмеялся: — Налейте, капитан.

Отхлебывая из бокала вино, ротмистр вдруг судорожно зевнул.

— О, да и спать же хочется,— признался он.

— Опять ночь играли? — спросил поляк.

— Как звери... Всю ночь напролет и день. Сейчас только кончили... Я бежал закусить сюда немного...

— Проиграли?

— Да вы что?! — с удивлением взглянул на поляка ротмистр.— Я никогда не проигрываю. Наоборот, выиграл кучу денег. Весь ими набит,— хвастливо похлопал он себя по карманам.— Двух помещиков обыграл,— усмехнулся ротмистр, показывая желтые зубы.— Одному даже тошно стало, отпаивали его... Стреляться хочет. Да, а мне-то что? Пусть стре-е-ляется... Не садился б играть...

— Везет вам, ротмистр,— с завистью сказал Розалион-Сашальский.— А я вот сколько ни сажусь за карты, а никогда, так сказать, не выигрываю...

— Надо уметь играть, капитан,— назидательно проговорил ротмистр.— С выигрыша, господа, я вас, пожалуй, угощу замечательным ужином. Эй, человек!.. Шестерка! — позвал он официанта.— Полдюжины шампанского, три шашлыка кавказских, ну... там еще, понимаешь, сам сообрази насчет деликатесов разных... Понимаешь, для дамы...

Официант почтительно наклонил плешивую голову.

— Понимаем, ваше высокоблагородие... Это мы живо сообразим.

— Фьють! — от удовольствия свистнул Розалион-Сашальский, и у него даже глаза восторженно заискрились. Он с гордостью взглянул на Веру, как бы говоря: «Вот я с кем вас знакомлю, а вы это не цените». Замурлыкав, как кот, он облизнул губы.

— Сережа! — обрадованно взревел ротмистр Яковлев. Он вскочил и с распростертыми руками пошел навстречу маленькому хрупкому офицерику, одетому в форму улана.— Друг мой! — облобызал ротмистр маленького улана.— Садись с нами! Познакомьтесь, господа!

— Граф Сфорца ди Колонна князь Понятовский,— подойдя

к молодой женщине, жеманно наклонился офицерик, позванивая маленькими шпорами.

...Пили до полуночи. Шумно играла музыка. Вера оживилась и порхала в вальсе то с одним, то с другим кавалером. Словно во сне ей вспоминается, как к их столику то подсаживались, то снова уходили какие-то офицеры, дамы... Смутно она помнит, как этот маленький офицерик Сфорца, взобравшись к ней на колени, с упоением целовал ее в глаза, и все аплодировали и смеялись... А потом длинный ротмистр с кем-то подрался.

Везя ее домой на извозчике, Яковлев сквернословил и допытывался у Веры:

— Госпожа, вы не графиня?.. У меня столько денег, что куры не клюют. Хочу жениться на графине или княгине.

XVII

По приказу войскового атамана на Дону создавались Саратовская, Астраханская и Воронежская армии. Атаман думал, что крестьяне, живущие в одноименных губерниях, которые займут казаки, будут охотно вступать в эти армии, считая их своими.

Формированием Саратовской армии руководил полковник Манкин. Его ближайшим помощником был есаул Греков, прозванный Белым Дьяволом за свою жестокость в обращении с пленными и подозреваемыми в большевизме. Грекову было только всего двадцать три года, но болезненный, дегенеративный, седой, как лунь, он походил на семидесятилетнего старика.

К этому Белому Дьяволу и попал Виктор. Когда он в форме армейского прапорщика явился к Грекову и заявил о своем желании служить в Саратовской армии, тот впился в него черными глазами.

Виктор спокойно выдержал его взгляд.

— Документы! — отрывисто прохрипел Греков.

Юноша достал из кармана документ на имя прапорщика Викентьева Виктора Георгиевича и положил на стол. Есаул долго изучающе просматривал его.

— Викентьев?

— Так точно, господин есаул.

— На каком фронте были?

Виктор ответил.

— В какой части? За что награждены крестами?

Виктор обстоятельно отвечал на все вопросы.

— Хорошо,— зловеще усмехнулся есаул.— А как же так могло получиться, что вы, офицер, награждены солдатскими крестами?

Виктор был подготовлен к ответу.

— Когда я был представлен к награждению Георгиевскими крестами, я тогда был еще солдат, вольноопределяющийся...

— Гм... Значит, чин прапорщика вы получили на фронте, не проходя юнкерского училища?

— Точно так, господин есаул. За подвиг я был представлен к офицерскому чину.

— Повезло вам,— снова угрюмо усмехнулся Греков. Задав еще несколько вопросов, он вернул Виктору документ...

— Хорошо,— сказал он, что-то записывая.— Я прикажу написать приказ о вашем зачислении... Как будто у вас все в порядке, а там, черт его знает... Сейчас всякая сволочь примазывается к офицерскому сословию. Какая-нибудь шантрапа нацепит на плечи офицерские погоны и ходит, нос задравши. В душу ведь каждого не влезешь... Смотрите у меня, Викентьев,— ледяным взглядом посмотрел Греков на Виктора так, что у того мурашки пробежали по спине,— если вы тоже мне голову морочите, то с живого кожу сдеру... Меня ведь не проведешь. Я каждого, чем он дышит, вижу.

— Что вы, господин есаул,— с деланным возмущением воскликнул Виктор.— Неужели я у вас сомнение вызываю?

— Всякое бывает,— уклончиво буркнул Греков.— Трубачев! — гаркнул он в дверь.

Дверь мгновенно распахнулась, и в ней, выпятив грудь, руки по швам, вытянулся черноусый, франтоватый, красивый унтер-офицер.

— Чего изволите, ваше благородие?

— Отведи вот господина прапорщика в батальон капитана Розалион-Сашальского, скажи ему, что приказ сегодня будет... Он просил у меня адъютанта, так вот пусть прапорщика и зачисляет адъютантом своим.

— Слушаюсь, ваше благородие! — козырнул унтер-офицер и дружелюбно глянул на Виктора.— Пойдемте, господин прапорщик.

Идя с унтер-офицером, Виктор искоса поглядывал на его умное, симпатичное лицо. Потом он спросил:

— Как вы попали сюда?

— Длинная история, господин прапорщик,— грустно улыбнувшись, сказал унтер-офицер.— Долго рассказывать...— Он внимательно посмотрел на Виктора.— А что это вас так заинтересовало?

— Да так, просто спросил.

— Нет, господин прапорщик,— усмехнулся унтер-офицер.— Об этом не спрашивают, когда знают определенно, что в нашу армию пока что только добровольцы вступают... Если уж на то пошло,— улыбнулся унтер-офицер,— то я вам прямо скажу, что вы тоже не с особенной-то охотой вступаете в нашу армию...

Виктор растерялся и покраснел.

— Ну что вы! — бурно запротестовал он.— Я добровольно.

Унтер-офицер засмеялся:

— Ну, пусть будет добровольно. Мне-то ведь все равно. Только вы напрасно меня боитесь... Я вам зла не сделаю. Но вот мы и пришли,— сказал унтер-офицер, когда они подошли к казарме. Он остановился и нерешительно произнес: — Господин прапорщик, вы меня извините, что я вмешиваюсь в ваши дела... Но скажу прямо: вы такой молоденький, еще не опытный, хочется вам доброе сделать, если, конечно, не отвергнете моего совета.

— Да нет, что вы! — воскликнул Виктор.— Я вам буду только благодарен.

— Я хотел сказать вам, что вы вот идете служить адъютантом к этому поляку, так вы не особенно поддавайтесь его влиянию... Алкоголик! Он любит пить и спаивать своих подчиненных... Так он и вас может в это втянуть. Ни за грош можете пропасть...

— Ну уж нет! — воскликнул Виктор.— Этого ему со мной не удастся сделать.

— Я вас предупредил... Служу я в главной канцелярии армии писарем, в подчинении есаула Грекова... Если в чем потребуюсь, пожалуйста, я вам всегда помогу. Человек вы, видимо, хороший, мне вы нравитесь... Фамилия моя Трубачев.

— Спасибо! — снова пожал его руку Виктор.

XVIII

Виктор был изумлен, когда узнал, что весь батальон состоял человек из двадцати-тридцати. А вся «армия» состояла человек из двухсот и то главным образом из начальствующего состава. Рядовых в ней почти не было. Потом он уже узнал, что в Саратовскую армию никто не шел, а мобилизовывать было некого.

Поэтому ни о какой здесь работе не могло быть и речи. Не с кем было ее проводить. Виктор сообщил об этом подпольному комитету. Оттуда последовало указание, чтобы Виктор временно задержался в армии. По сведениям, имевшимся в подпольном комитете, белогвардейцы намереваются мобилизовать в Саратовскую армию крестьян Донской области. Тогда для Виктора откроется широкое поле деятельности...

Командиром батальона был капитан Розалион-Сашальский. К Виктору он отнесся снисходительно.

— Ну что ж, молодой человек, милости просим,— сказал он после того, как Трубачев передал ему приказание Белого Дьявола.— Служите... Будете у меня адъютантом. Помогайте в

штабе пока... Обзавелись мы всем хозяйством, завели и штабы, только вот солдат, так сказать, нету... Ха-ха!.. Сидите в штабе, делайте вид, что чем-то занимаетесь... Хотя делать у нас, ей-богу, нечего. Зря, так сказать, хлеб едим... Ха-ха!

В штабе действительно делать было нечего. Офицеры в штаб почти не показывались, проводя дни и ночи в кутежах и дебошах. Сам командир батальона, пропадая все время где-то в городе, тоже был редким посетителем своего штаба.

Виктор был предоставлен самому себе. Сидя один в штабе, он читал книги, которые нашел в шкафу, неизвестно каким образом попавшие сюда. Тут были: Достоевский, Джек Лондон, забавные новеллы эпохи Ренессанса аббата Беневентура де Перье, «Картины былого тихого Дона» атамана Краснова.

Иногда заходя в штаб и видя Виктора углубленным в чтение, Розалион-Сашальский недоуменно пожимал плечами:

— Ну, как это можно?.. Как можно? Молодой вы человек, прапорщик, вам бы так сказать, только бы развлекаться, а вы занимаетесь такими скучными, так сказать, делами... Слов нет, почитать хорошую, умную книгу нужно. Я сам люблю почитать... Например, вот Аркадий Аверченко, как пишет?.. Живот можно надорвать от смеха. Но нельзя же предаваться такому занятию все время. Жизнь, мой милый, бежит. Бежит немилосердно... Надо ловить, так сказать, то, что она дает нам хорошего. Идемте-ка, прапорщик, сегодня со мной. Познакомлю, так сказать, вас с такими чудеснейшими дамами, что просто пальчики оближете. Не себе, конечно, ха-ха-ха!.. а им оближете...

Виктору очень хотелось пойти с Розалион-Сашальским. Видимо, этот поляк был знаком со многими чинами белой армии. И если б с ним пойти, то, может быть, удалось бы собрать ценные сведения для подпольного комитета. Но, помня, что говорил Трубачев, он категорически отказался.

— Напрасно,— с сожалением сказал поляк.— Ей-богу, напрасно!..

Были еще и другие соображения, почему Виктор боялся идти. Он опасался на улицах города случайно столкнуться с Константином или Верой.

От сестры Кати, которая иногда бывала у Ермаковых, Виктор знал, что Константина сейчас не было в Новочеркасске, он находился где-то на фронте, но каждую минуту мог появиться в городе. И что могло произойти, если б он встретил Виктора в офицерской форме?

Еще больше боялся Виктор встретиться с Верой. Эта женщина могла бы много принести ему зла.

Однажды вечером Розалион-Сашальский зашел в штаб батальона в веселом настроении. Игриво напевая песенку Джима из оперетты «Роз-Мари», он быстро подписал бумаги, поданные ему Виктором, и собрался уходить.

— Понимаете, прапорщик, некогда,— извиняющимся тоном сказал командир батальона.— Разберитесь сами с этими бумагами... Да, виноват,— вспомнил он, останавливаясь около Виктора.— Сегодня, так сказать, вы, батенька мой, не отвертитесь... Живо собирайтесь со мной... Я дал обещание одной молоденькой, прелестной дамочке доставить вас и познакомить с ней. Дамочка, так сказать, великолепнейший экземпляр женского пола...

— Господин капитан,— решительно проговорил Виктор,— увольте, пожалуйста. Я... не могу... нездоров...

— А что с вами? — внимательно оглядел его Розалион-Сашальский.— Вы, так сказать, в полнейшей форме... Чудак вы, право! Если вы не хотите со мной ссориться, то прошу без всяких возражений. Идемте! Я обещал и свое слово выполню... Выполняйте мой приказ...

Виктору ничего больше не оставалось делать, как подчиниться требованию командира батальона. Дальнейшие отказы Виктора мо́гли бы осложнить их взаимоотношения.

— Хорошо, господин капитан, если уж вы так настаиваете, то я подчиняюсь вашему приказу.

— Вот и отлично, так сказать,— повеселел Розалион-Сашальский.

Они вышли.

Стоял безветренный, душный вечер. Фиолетовые сумерки мягкими тенями ложились на тротуарах. Тучи мошкары и комаров вились над головой. На Платовском проспекте взад-вперед расхаживали нарядно одетые люди.

Виктор шел, надвинув на глаза козырек фуражки, боясь какой-нибудь неожиданной встречи.

Розалион-Сашальский все время козырял и раскланивался со своими многочисленными знакомыми.

— Куда мы идем, господин капитан? — спросил Виктор, видя, что они уже прошли несколько улиц.

— А вот здесь недалеко есть уютный ресторанчик...

— Господин капитан, извините меня,— проговорил Виктор.— Я хотя и пошел с вами, но не располагаю деньгами.

— О милый мой мальчуган! — рассмеялся Розалион-Сашальский.— А когда я ими, так сказать, располагал? Не беспокойтесь. Вам не придется тратить ни копейки... К нашему удовольствию, на свете еще не перевелись, так сказать, дураки, за счет которых можно и выпить и закусить... Берите пример с меня, вашего начальника. Я, кроме носового платка и пустого портсигара, в кармане ничего не имею. Ха-ха-ха!.. И живу, так сказать, неплохо. Каждый день сыт, пьян, не считая такого бесплатного приложения, как женщины. Уметь надо жить, батенька мой!

— Я за счет других жить не хочу,— буркнул Виктор.

— Ну а что, молодой человек, делать, когда не всегда в кармане есть деньги?

Виктор промолчал.

Дав знак Виктору, чтобы он следовал за ним, Розалион-Сашальский нырнул в дверь с вывеской «Кафе-шантан Ашота Варданьянца». Пройдя тесный коридорчик, они вышли в маленький садик. Среди двух десятков деревьев размещены были столики, накрытые белоснежными скатертями, уставленные бутылками и хрустальной посудой. Между столиками, как эквилибристы, играя подносами, скользили официанты. На небольшой освещенной эстраде неистово пиликали музыканты.

— Смело следуйте за мной, прапорщик,— предупредил Виктора Розалион-Сашальский и, покрутив свои рыжие усы, как корабль между рифов, ловко стал лавировать между столиками, то и дело помахивая рукой, сыпля вправо и влево любезности и приветствия своим знакомым.

Виктор не отставал.

Они подошли к стоявшему под сенью развесистой акации столику, за которым сидели три молодые красивые дамы, ротмистр Яковлев и граф Сфорца ди Колонна князь Понятовский.

— О, Владислав Феликсович! Капитан! — обрадованно вскричали все разом при виде поляка.— Ждем!.. Ждем!..

— Спешили, спешили очень, так сказать, друзья,— широко заулыбался Розалион-Сашальский, польщенный таким радушным приемом.— Вашу божественную ручку, мадам,— наклонился он к белолицей, полнотелой брюнетке с пунцовыми чувственными губами. Та, сладко улыбаясь, жеманно протянула ему руку. Розалион-Сашальский, лобызнув, замурлыкал:

— Что за рука у вас, мадам! Не рука, так сказать, а благоухающая лилия... Божественная лилия из Эдема. Честное слово! Позвольте и вашу ручку, мадам,— обратился он к рядом сидевшей.

Перецеловав руки женщинам и приветствовав мужчин, Розалион-Сашальский стал озираться.

— А где ж, господа, наша очаровательная Вера Сергеевна?

Виктор при этом имени побледнел и тоже беспокойно оглянулся.

— Не пришла еще,— промолвила брюнетка.— С минуты на минуту должна появиться.

— Прекрасно! — щелкнул пальцами поляк и подмигнул Виктору, как бы говоря — не все еще потеряно.— Господа! Разрешите вам представить своего адъютанта, прапорщика Викентьева... Очень приличный, так сказать, молодой человек. Но нужно только предупредить дам: весьма боится женского пола, особенно молоденьких и хорошеньких... Ха-ха-ха!..

Все засмеялись. Виктор покраснел и, растерянно пожав всем руки, сел в отдалении на стул. Он был сильно встревожен тем, что сейчас здесь должна появиться Вера (он не сом-

иевался, что это о ией шла речь) и, представляя, что здесъ может получиться, придумывал, как бы отсюда удрать.

— Мы, друзья, уже выпили,— сказал ротмистр Яковлев. И потяиулся к бутылке, чтобы иалить бокалы пришедшим.

— А вот и Верочка! — захлопав в ладоши, закричала блоидиика.— Браво!

Мужчииы встали иавстречу Вере. Розалиои-Сашальский, подияв высоко бокал с вииом, проговорил иараспев:

Долгожданный иаш кумнр,
Тебе навстречу струит виниый зефнр...

— Здравствуйте, здравствуйте, господа! — еще издали помахала рукой Вера.— Прошу простить, что запоздала. Но, поиимаете ли,— вдруг протяиула оиа с грустью,— я ужасио волиуюсь. Получила известие, что муж раиеи...— Оиа приложила к глазам платок и, как полагается в таких случаях, всхлипнула.

— Не волиуйтесь, милейшая,— целуя ее пальцы, заворковал Розалиои-Сашальский.— Вероятио, пустяковая раиа. Стоит ли, так сказать, зараиее впадать в огорчеиие?..

Вера потерла платочком глаза и проговорила:

— Да, раиа, говорят, иеопасиая. Ои даже ие покинул полка. Но что самое ужасиое в этой истории, так это то, что его раиил родиой брат...

— Какой ужас! — вскричали жеищииы.— Непостижимо!

— Каким же образом получилось? — заиитересовался Розалиои-Сашальский.

— После расскажу, господа, после,— отмахиулась Вера.— Прежде я хочу выпить вииа, чтоб успокоиться.

Розалиои-Сашальский с готовиостью подиес ей бокал:

— Прошу, мадам.

— Мерси.

Вера мелкими глотками опорожиила бокал и оглядела сидевших за столом.

— Все свои,— сказала оиа.— Очеиь хорошо...

— Как — свои? — осклабился Розалиои-Сашальский.— Есть и чужие. Я свое обещаиие, мадам, так сказать, выполияю. Разрешите представить вам своего адъютаита, прапорщика Викеитьева... Прошу любить и жаловать,— торжествеиио протяиул ои руку к Виктору. Но стул, иа котором сидел тот, был пуст.

— Позвольте, ио где же он? — с иедоумением озирался Розалиои-Сашальский.

— Действительио, как он иезаметно исчез,— переглядывались жеищииы.

— Ха-ха-ха! — вдруг захохотал ротмистр Яковлев.— Вы

правы, капитан. Он не выдерживает взгляда красивых дам. Как только ваш адъютант увидел Веру Сергеевну, так сразу же от ее взгляда испарился.

XIX

Небрежно сидя в седле, опьяневший от спирта Константин в сопровождении начальника штаба Чернышева, адъютанта и ординарцев въезжал в станицу с видом победителя.

Проезжая мимо родительского дома, он увидел в окне отца и помахал ему рукой. Василий Петрович распахнул окно:

— Погоди!

Константин придержал лошадь. Старик выбежал из ворот, но, увидев сына в окружении офицеров и казаков, смутился, не зная, как можно обратиться к нему, чтобы не унизить его достоинства.

— Ваше высокоблагородие,— наконец, сказал он, растерянно смотря на сына,— куда ж вы едете-то? Разве же вы в родительские дома-то не пожалуете? Милости просим,— поклонился он Константину.— И вас милости просим, ваше высокоблагородие,— поклонился он Чернышеву и Воробьеву.

Константин засмеялся:

— Папаша, что это ты меня выкаешь? К чему это? Я ж сын твой... Как к сыну и обращайся ко мне...

— Да ведь кто ж его знает,— сконфуженно зачесал в затылке Василий Петрович.— Ты ж навроде в больших чинах теперь, сынок, ходишь... К тебе ж и подступиться боязно.

— Глупости, папаша, говоришь,— усмехнулся Константин.— Мы сейчас поедем к правлению... А потом обедать с войсковым старшиной приедем,— кивнул он на Чернышева.— Скажи мамаше, чтоб обед приготовила... А ты б сообразил насчет горькой, а? — подмигнул он отцу.

— Уж сообразим чего-нибудь,— ухмыльнулся старик.— Приезжайте.

— Как наши? — осведомился Константин.— Все в порядке?

— Да будто все в порядке,— уныло вздохнул Василий Петрович.— Вот мать разве...

— А что с ней? — насторожился Константин.

— Будто тебе неведомо, что с ней,— с горькой усмешкой произнес старик.

— Не понимаю.

— Подъезжай-ка сюда,— отозвал старик сына в сторону. И когда Константин подъехал к нему, он зашептал ему на ухо: — По Прохору убивается... Прямь замертво лежит... Слышь, Костя,— просительно сказал старик,— промеж вас с Прохором, может, что и есть, но нас, родителей, ты пожалей, особливо мать... Ежели что с Прохором, не дай бог, случится, она не выживет... Богом заклинаю, пожалей брата...

— Пожалей...— озлобленно скривился Константин.— А ты знаешь, отец, о том, что он, братец родной, чуть не убил меня? Вот полюбуйся,— показал он отцу забинтованную руку.— Это ведь он меня искалечил.

— Этих делов мы не знаем,— сухо проговорил старик.— Только наперед тебе скажу, ежели Прохора не пожалеешь, то сведешь мать в могилу и проклянет она тебя. Слышишь? Проклянет. Счастья тебе не будет.

Константин зло усмехнулся:

— Чудаки вы... ты должен понимать, что тут дело не только во мне... Да меня растерзают казаки, под суд отдадут, если я Прохору поблажку сделаю. Странно вы рассуждаете... Единственно, на что я могу пойти,— задумался Константин,— это назначить военно-полевой суд... Может быть, суд и пощадит Прохора... Конечно, я могу попросить суд, чтобы он мягче подошел к Прохору. Но ведь в какое положение я поставлю суд? Пощадить и вынести мягкий приговор Прохору — значит, надо пощадить и остальных, его подчиненных...

— Говорю,— махнул рукой Василий Петрович,— не знаю я таких делов... Не заварнвал бы этой каши. Мог бы не наступать на станицу, а другому поручить это. А раз уж заварил, то и расхлебывай, как знаешь, только Прохора ты не тронь... Понял?

— Ну, посмотрим,— хмуро буркнул Константин и поехал к правлению.

У церкви велась перестрелка.

Поблескивая новенькими серебряными погонами, по улице на рыжем коне мчался белобрысый сотник.

— В чем дело? — спросил у него Константин, останавливаясь.

Офицер осадил разгоряченного коня.

— Господин полковник, они, сволочи,— махнул он рукой по направлению к площади,— заперлись в церкви, она каменная, и их оттуда никаким чертом не возьмешь...

— Сжечь церковь! — нахмурился Константин.

— Да ведь к ней не подступишься. Они обстреливают оттуда все вокруг. Уж несколько казаков убили...

— Что за разговоры? — строго посмотрел Константин на офицера.— Действуйте, сотник!

— Слушаюсь, господин полковник,— козырнул офицер и с места в галоп помчался к церкви.

— Константин Васильевич,— тихо заметил Чернышев.— Я вам не советовал бы торопиться. Зачем напрасные жертвы? Все равно красным некуда деваться. Посидят в церкви дня два-три, сами сдадутся.

— Я прошу, войсковой старшина, не вмешиваться в мои распоряжения! — с досадой выкрикнул Константин.— Дня два-три... Гм... Они там и месяц могут просидеть. Они не дураки.

вероятно, запасов продовольствия и воды на полгода набрали... А нам ждать некогда.

— Воля ваша, господин полковник,— пожал плечами Чернышев с видом: «наше дело, мол, сторона. Действуй на свой риск и страх, если хочешь».

Константин не успел еще доехать до места, как к нему снова подскакал все тот же сотник.

— Извините, господин полковник,— смущенно заявил он,— но я должен предупредить вас: церковь каменная, и едва ли мы достигнем желательного эффекта...

— Что вы хотите сказать? — с пьяной озлобленностью посмотрел на него Константин.

— Я хо... хочу сказать, господин полковник,— робко промолвил офицер, видя, что слова его неприятно действуют на командира полка,— едва ли мы сумеем зажечь церковь... А между тем...

— Что «между тем»? — гаркнул Константин.

— Я... я... хотел сказать,— бледнея, промямлил сотник,— что жертв будет много... напрасных... И что... этим актом в глазах населения мы заслужим порицание... В их глазах это кощунство.

— Да,— тихо произнес Чернышев.— Я тоже так думаю.

— Что? — заорал Константин, не владея собой.— Вы тоже так думаете? А вообще-то вы умеете думать, милейший? Сомневаюсь.

Чернышев посерел от обиды.

— Гос-подин... полковник,— заговорил он срывающимся голосом.— Я не намерен выслушивать ваши оскорбления. Да! Не намерен!.. Вы выходите за границы. Всему бывает предел... Я спокойно сносил ваши грубости, но теперь мое терпение лопнуло. Вы не хотите щадить жизни казаков... Вам все равно, сколько бы ни погибло людей, лишь было бы удовлетворено ваше болезненное самолюбие, тщеславие... Вы не хотите считаться с религиозными чувствами населения. Да за такой поступок, как сожжение церкви, вас первыми осудят ваши же родители...

— Молчать! — закричал Константин.— Я понимаю, в чем дело. Вам стало жалко засевших в церкви большевиков... Да, жалко, потому что вы сами большевик!

— Да бог с вами! — испуганно замахал руками Чернышев.— С ума, что ли, вы сошли? Какой я большевик? Вам же хорошо известно, что я социал-революционер... Вы просто охмелели от спирта и говорите чепуху.

— Я — охмелел? Я вам покажу хмельного! Арестовать! — указал Константин ординарцам на него.

— Вы с ума сошли, полковник! — побледнев, вскричал Чернышев.— Подумайте, что вы делаете? Проспитесь — пожалеете.

— Я кому приказал! — грозно прикрикнул Константин на недоуменно переглядывающихся ординарцев, не могших уяснить себе — серьезно ли приказывает им полковник совершить то, что для них казалось нелепостью. Слыша повторение приказа, они с тем же недоуменным видом, тронув лошадей, подъехали к начальнику штаба.

— Не позволю! — истерично взвизгнул Чернышев, осаживая назад лошадь и дрожащей рукой шаря наган в кобуре.— Не позволю! Я честный кадровый офицер! Ничем не запятнан. А вы — выскочка!.. Карьерист!..— негодующе кричал он Константину.

На смуглых щеках Константина выступили багровые пятна. Холодно усмехнувшись, он здоровой рукой быстро нащупал кобуру и прежде, чем это сумел сделать Чернышев, выхватил наган и, не целясь, выстрелил в него. Пуля пролетела сантиметра на три выше головы Чернышева.

— Полковник! — в ужасе закричал тот, обливаясь холодным потом.— Вы же пьяны. Образумьтесь! Что вы делаете?

— Хочу убить большевика,— покачнувшись в седле, сказал Константин и снова поднял револьвер.

— Боже мой! — простонал начальник штаба.— Я буду жаловаться атаману Краснову... Он родственник... Он вам этого никогда не простит...

Константин опустил наган и хрипло рассмеялся:

— Эх вы, Иван Прокофьевич! Какой вы трус... Честное слово... Я пошутил... Простите, пожалуйста, за грубую шутку.

— Хороши шутки, нечего сказать,— пробормотал смертельно побледневший начальник штаба.

Шутил или не шутил Константин, этого Чернышев не знал, но одно отлично понял, что если б он не выдумал версию о своем родстве с Красновым, то вся эта история могла бы для него окончиться плохо. Хотя Константин был и пьян, но упоминание о Краснове его отрезвило, и он понял, что зашел, пожалуй, слишком далеко.

— Вы правы, Иван Прокофьевич,— мягко, почти заискивающе сказал Константин.— Безрассудно жертвовать жизнью казаков не следует... Но я все же думаю, что выкурить из храма красную мерзость надо... Мы сжигать церковь, конечно, не будем. Но обложим ее соломой и подожжем, попугаем красных... Они сами оттуда выскочат, как крысы... А церковь не сгорит. Ей-богу, нет! Она каменная. Воробьев,— обратился он к адъютанту,— а что, пленные у нас целы?

— Не знаю, господин полковник,— ответил адъютант, встревоженно смотря на Константина. Он так был напуган дикой выходкой полковника, что не мог в себя прийти.— Прикажете узнать?

— Узнай. Если еще не расстреляли, то прикажи, чтоб их

заставили обложить соломой церковь. В них красные не будут стрелять,— усмехнулся довольный своей выдумкой Константин.— А постреляют, так черт с ними... Ловко придумал я, Иван Прокофьевич, а?

Чернышев промолчал.

XX

Угрожая расстрелом, казаки приказали пленным красногвардейцам обложить церковь соломой.

Некоторые пленники категорически отказались от этой позорной, предательской работы и тотчас же были изрублены. Это подействовало на остальных. Проклиная себя за малодушие, со слезами на глазах, они начали таскать солому под стены церкви...

Засевшие в церкви, конечно, отлично все понимали. Они видели, под каким принуждением их израненные товарищи таскали солому к церкви, и не стреляли в них, хотя те с плачем умоляли:

— Стреляйте в нас, подлецов!.. Стреляйте!..

Вскоре церковь была обложена соломой со всех сторон. Оставалось поджечь ее. Но никто из пленных красногвардейцев, несмотря на зверские избиения, не согласился этого сделать. Никто и из белогвардейцев не хотел идти поджигать солому.

Пьяный Константин скакал по улицам, в ярости орал:

— Я вам покажу, сволочи!.. Немедленно поджечь! Всех перестреляю!..

Измученный адъютант и вспотевшие ординарцы едва поспевали за ним.

Константин подскакал к группе окровавленных пленных красногвардейцев. Никто из них даже и не взглянул на Константина.

— Ну, что? — спросил Константин у кудлатого, раскосого урядника, стоявшего с окровавленным шомполом в руке у распростертого на земле оголенного пленника.

— Ничего не могем поделать, ваше высокоблагородие,— утирая рукавом пот со лба, устало сказал урядник.— Не хотят, проклятые, поджигать.

— Не хотят? И вы не умеете заставить?

— Да как же их, ваше высокородие, заставишь, ежели они не желают? — развел руками урядник.— Мы им и печенки уж поотбивали и скулья-то посворотили на сторону, ажно шомпола от побоев посогнулись. Ничего не берет... Как все едино заговоренные, дьяволы.

— Эй вы, красные мерзавцы! — раскачиваясь в седле, заорал Константин.— Кто из вас согласится поджечь солому, того я помилую... Слышите, сволочи? Помилую и отпущу на

все четыре стороны... Никто и пальцем не тронет. Не верите? Даю слово офицера!..

Пленные сидели молча, не шевелясь и не поднимая головы, словно не к ним обращался полковник.

— Гады! — свирепея, орал Константин.— Что, не слышите? К вам ведь я обращаюсь. Кто подожжет?

— Сам ты гад,— глухо отозвался кто-то из пленных.— Иди и поджигай сам.

— Что-о? — взревел Константин.— Сейчас же всех порубить! Порубить немедленно! Слышишь, урядник!

— Шашки вон! — торопливо, словно этого только и дожидался, скомандовал раскосый урядник.

XXI

Стоя на колокольне, Прохор наблюдал в бинокль за всем тем, что происходило внизу. Он видел издевательства над несчастными пленниками, видел, как их под угрозой смерти заставляли таскать солому к церкви.

К Прохору подошел осунувшийся, побледневший Звонарев.

— Сожгут нас живьем, односум,— простонал он.

— Не сожгут. Церковь каменная, не сгорит.

— Кто ж знает. Ежели свезут солому со всех гумен, то тут черта можно сжечь.

— Что же делать? — спросил Прохор.

— Да, может, выговорить бы у них какие-нибудь условия... Не звери ж они, а люди... Своих там много: брат твой Константин Васильевич, Свиридов, да мало ли там наших.

— Звонарев,— остро взглянул на него Прохор,— ежели ты хоть раз еще заикнешься об этом, то... гляди...— покрутил он около его носа дулом нагана,— понюхаешь, чем пахнет вот эта штука.

— Да я что, разве ж сурьезно,— испуганно попятился от нагана Звонарев.— Так это я...

— Гляди, а то тебе будет тогда «так»...

Белогвардейцы беспрерывно обстреливали колокольню, пули густо цокали по кирпичным стенам, взметывая красную пыль, и со свистом рикошетом уносились прочь... Иногда пули попадали в колокола. И гул разносился по станице...

Прохор стоял за кирпичным уступом пролета и был в относительной безопасности. За другими уступами притаились снайперы. При каждом удобном случае, когда показывалась мишень, они стреляли, весело переговариваясь, если выстрел оказывался удачным...

Зной серой пеленой висел над станицей. Среди других крыш Прохору была видна бурая железная крыша родного дома. Что-то там сейчас делается, под крышей этого дома? «Мать теперь изошла слезами»,— с горечью думал Прохор.

Он задумывается о матери, о семье, о своем детстве. Когда-то с Константином они были очень дружны, любили друг друга. Бывало, Прохор никак не мог дождаться брата Константина из семинарии на каникулы. И сколько радости было, когда, наконец, приезжал он. А вот теперь какая глубокая, страшная пропасть разделила их! Они стали смертельными врагами, ищут случая убить один другого...

— Товарищ командир! — донесся до Прохора снизу испуганный голос.— Товарищ Ермаков!

— Кто зовет! — заглянул Прохор вниз, в лестничный пролет.— Что нужно?

Было слышно, как по кирпичным ступеням кто-то в темноте торопливо взбирался вверх.

— Товарищ Ермаков! — показалась из отверстия лестничного пролета бледная взъерошенная голова красногвардейца.— Все пропало!.. Звонарев, мать его черт, договорился с одним казаком, который караулил дверь, и они откинули засов, открыли дверь и убегли к белым... Вон они! — указал он вниз.— Смотри!

Прохор глянул вниз. От церкви к воротам ограды бежали два казака.

— Стреляйте в них! — приказал Прохор снайперам.

Грянули выстрелы. Звонарев, раскинув руки, упал у ограды. Бежавший с ним казак успел скрыться за воротами.

Вдруг из-под ограды в ворота ринулась толпа белых. Все они разом хлынули к церкви.

— Закрыта ли дверь? — встревоженно спросил Прохор у только что прибежавшего снизу казака, но тот не ответил. Он лежал недвижимый. Пуля сразила его в лоб.

— За мной! — крикнул Прохор снайперам и стремительно помчался вниз. И чем ниже он спускался, тем слышнее становились шум и стрельба в церкви...

В темном проходе, когда Прохору до конца оставалось спуститься ступеней пять-шесть, кто-то подставил ему ногу. Он кубарем свалился вниз. Наган выпал из его рук. Чувствуя боль во всем теле, Прохор попытался было подняться, но на него тяжело навалились...

XXII

Прохора повели в правление. Он шел, прихрамывая, крепко стиснув зубы, чтобы не застонать от боли. Мучительно болела нога. На его голове развязался бинт, и окровавленный конец, как шлейф, волочился сзади.

Конвоиры ввели Прохора в большую комнату правления, где обычно всегда собирался станичный сбор гласных для решения общественных дел. Прохор бегло оглянул комнату. Она была забита народом — видно, белые согнали жителей. Прохор

ощутил на себе сотни внимательных, сочувственных, враждебных, сожалеющих и злых глаз. Всякий по-своему смотрел на него. Богатеи — с открытой враждой, беднота — жалела и рада была бы его спасти, да невозможно это было сделать.

У стены за огромным столом, накрытым зеленой суконной скатертью, сидели члены военно-полевого суда, назначенного Константином. В середине, занимая все кресло, грузно восседал сам, неизвестно откуда вдруг взявшийся, станичный атаман Никифор Иванович Попов в белом полотняном кителе с есаульскими погонами. Он был председателем суда. По бокам его сидели войсковой старшина Чернышев и Максим Свиридов, неловко чувствовавший себя в новеньких офицерских погонах. Сзади них на скамье расположилось несколько молодых офицеров.

Недалеко от стола, развалясь в плетеном кресле и закинув нога за ногу, словно выставляя напоказ свой щегольской сапог со шпорой, сидел Константин, держа на виду у всех забинтованную руку, словно бы подчеркивая этим: вот, дескать, посмотрите, люди добрые, что со мной сделал братец...

Все зависело от Константина, и это многие понимали. Он мог бы не затевать этой инсценировки суда. Достаточно было бы его одного слова, чтобы помиловать пленников или расстрелять их.

Но миловать он не хотел. Он ненавидел их лютой ненавистью, особенно брата своего Прохора. Да к тому же он и побоялся бы это сделать, а вдруг узнали бы в Новочеркасске?

Проще, конечно, расстрелять. Но все дело в Прохоре. Брат ведь. Но с этим можно бы и не посчитаться. Ведь Прохор стрелял в него, Константина? Тут уж дело пошло око за око, зуб за зуб, кровь за кровь. «Но...— думал обо всем этом Константин,— общественное мнение не одобрило бы такого акта, а главное, не хотелось ссориться с родителями, особенно с матерью...» Все-таки Константин по-своему любил мать.

И он придумал этот суд, как лучший выход из положения... Себя он не ввел в состав суда. Его дело сторона... Всех красногвардейцев, во главе с Прохором, безусловно, накажут строго, в этом нет никакого сомнения... Следовательно, все будет в порядке... А он, Константин, будет в стороне, и родителям на него нечего обижаться!..

— Посадите его сюда! — распорядился председатель суда, указывая на скамью, стоявшую посреди комнаты так, что ее было видно всем.

Прохор чувствовал такую усталость во всем теле, что почти повалился на скамью.

— Введите остальных,— приказал председатель суда.

В залу ввели оставшихся в живых красногвардейцев. Их было человек сорок. Все они были изранены, избиты, едва держались на ногах.

Опустив голову, Прохор сидел на скамье, ни на кого не глядя, казалось, ничего не замечая. Он не видел, как в комнату вошел отец и, сняв фуражку, прошел от порога, стал в толпе казаков у стены, скорбно наблюдая за ним.

Атаман Попов встал, постучал карандашом по графину.

— Внимание, господа! — властно крикнул он.— Заседание военно-полевого суда считаю открытым.

В зале все затихло. Старики поснимали фуражки. Лишь нарушал тишину тихий плач матерей да жен, сыны и мужья которых, ожидая суда, стояли в углу. Иногда у какой-нибудь отчаявшейся несчастной женщины с рыданием вырывался из груди истошный вопль:

— И ми-илый ты мо-ой муженечек... И что ж с тобой сделали ироды.

— Молчать! — гаркнул атаман.— Подведите к столу вот того с краю,— приказал он конвоирам.

Два казака с обнаженными шашками подвели к столу побелевшего от страха и потери крови раненого полинщекого казака.

— Как фамилия? — спросил атаман, строго оглядывая его с ног до головы.

— Дронов,— дрожащим голосом выдавил казак.

— Имя?

— Терентий.

— Казак?

— Так точно, ваше благородие, казак.

— Врешь! — громыхнул рассвирепевший атаман по столу кулаком.— Сволочь ты, а не казак. Изменник! Как ты мог поднять руку на своих братьев-казаков? Сукин ты сын, вот повесим тебя за это вниз головой.

— В-ваше выс-соко-благородие,— залепетал перепуганый казак.— Ошибку понес... простите.— Дронов упал на колени и, умоляюще протягивая к атаману руки, зарыдал.— Простите, ради бога... Простите!.. Искуплю свою вину... Пошлите на первую линию... Обещаю десять... пятнадцать красных убить... Вот увидите тогда, клянусь!..

— У-у, гад! — послышалось из группы пленных.

— Поздно, поздно ты одумался, станичник,— уже мягче сказал атаман.— Пораньше надо было об этом подумать...

— Ваше благородие... господин атаман,— елозил по полу Дронов.— Истинный господь, заслужу себе прощение... Ведь силком меня втянули в это дело...

— Кто тебя втянул? — строго спросил атаман.

— Да кто ж,— затравленно огляну лся Дронов на Прохора.— Вот он.

— Да брешет же он, паскуда! — снова кто-то выкрикнул с возмущением из группы пленных.

— Молчать! — взбешенно крикнул атаман, свирепо глядя на пленных.

Прохор с недоумением взглянул на Дронова и, презрительно усмехнувшись, снова опустил голову.

— Как же он втянул, если ты не хотел? — спросил атаман у Дронова.— Да встань ты на ноги, дурак! Что ползаешь, как слюнтяй. Расскажи толком.

Дронов живо поднялся на ноги, вытянулся перед судьями, держа, как в строю, руки по швам.

— Так что, ваше высокоблагородие,— точно рапортуя, заговорил Дронов,— пришел ко мне один нашенский станичный казак — Сазон Меркулов и подал мне список... А в том, стало быть, списке моя фамилия значится... «Распишись, говорит он, а не то мы тебя к расстрелу приговорим...» Ну, что поделаешь? — сокрушенно развел руками Дронов.— Испужался я, расписался... А через день приходит этот, стало быть, Меркулов ко мне и гутарит: «Ну, собирайся, мол, с конем и оружием...». И таким образом, стало быть, и пришлось мне поступить в их дьявольский красногвардейский отряд...

— Гад ползучий! — снова возмущенно выкрикнул чей-то голос из группы пленников.

— Кто это орет? — злыми глазами посмотрел атаман на жмущихся в углу красногвардейцев.— Вырвите ему язык!

В углу, где жались друг к другу пленные красногвардейцы, послышалась возня, крики:

— Что ты бьешь-то, морда?

— Тише! — прикрикнул атаман.— Много побил казаков?

— Ни одного, ваше благородие,— с готовностью ответил Дронов.

— Врешь!

— Истинный господь! — поклялся Дронов.— Ведь я ж у него навроде связного был,— кивнул он в сторону Прохора.— Так что в ход оружия пущать не приходилось.

— А почему в церковь заперся, а не перебежал к нашим?

— Силком загнали туда.

— Ладно, разберемся,— проговорил атаман.— Отведите его пока в арестное помещение.

— Благодарю покорно,— поклонился обрадованный Дронов. У него появилась надежда, что его пощадят, и он будет жить.

— Давайте следующего,— приказал председатель суда.

Подвелн высокого, красивого, рыжеватого казака. Всклокоченный чуб, как язык пламени, вырывался у него из-под казачьей фуражки.

— Фамилия? — спросил атаман строго, невольно любуясь выправкой казака.

— А тебе не все едино? — вызывающе спросил казак.— Расстреливай и без фамилии...

Атаман передернулся.

— Отвечай! — выкрикнул он.— Н-не то...

Казак презрительно усмехнулся и молчал.

— Ну?

— Дубровин его фамилия,— тихо подсказал Свиридов.— Дубровин Силантий.

— Сволочуга! — с отвращением плюнул Дубровин.— Предатель!.. Ну, ничего, брат, тебя тож не минует петля.

Свиридов, побледнев, опустил глаза.

— Молчи! — поперхнулся от ярости атаман.— Отвечай вот на вопросы... Как ты попал к красным в отряд?

— А очень просто,— усмехнулся Дубровин.— Взял ружье, да и начал вашего брата, белопогонного, уничтожать... Жалко, атаман, что я тебя на мушку не взял... Не сидел бы ты тут и не судил бы нас... Но ничего, ты тоже от своей пулечки не уйдешь... Вот зараз перед вами отвечал подлюга Дронов. Брехал он все. Он моим друзьяком считался, и мы с ним вместях добровольно в отряд вступили... Никто силком его не пхал... А что касаемо того, что он говорит никого не убивал, то тоже брешет... Мы вместях с ним в разведке служили и поубивали немало белых гадов...

— Увести его! — приказал атаман.

Прохор сидел на скамье недвижимо, казалось, совершенно безучастный ко всему тому, что здесь, в этом огромном зале станичного правления, происходило. Перед ним, как видения, один за другим появлялись его бойцы, его товарищи по борьбе, его верные соратники. И все они — кто робко и неуверенно, а кто мужественно и твердо — отвечали на вопросы белогвардейского военно-полевого суда. И ни у кого из этих обреченных на смерть людей не вырвалось и слова мольбы о пощаде. Единственным исключением из этого мужественного ряда героев был только Дронов, который так низко пал в глазах всех...

Но нет! Прохор не был безучастным свидетелем всего происходящего. Он глубоко, всем своим сердцем сочувствовал товарищам, переживал их страдания. Он рад бы был облегчить их участь, спасти их, но что он мог сделать?

...Во время допроса пленных судом у дверей залы произошло какое-то движение. Конвоиры впихнули кого-то в комнату. Чей-то женский голос истошно рыдал.

Константин поднялся с кресла, внимательно смотря на дверь, строго спросил:

— Что там такое?

— Болшевик поймала,— отозвался калмык от дверей.— Болшевик, ваша благородия.

— Ведите сюда!

К Константину два казака и калмык подвели трех избитых, израненных, в синяках и кровоподтеках красногвардейцев и растрепанную, безутешно рыдавшую девушку.

— Костя! — бросилась к Константину эта девушка.

Константин в изумлении попятился, но вдруг узнал ее.

— Надя?! — хрипло вскричал он.— Надюша!.. Ты?

— Я, Костя! — бросилась к нему на грудь девушка.

Константин был растерян, подавлен, сконфужен. Куда только и девался его величественный вид, с которым он торжественно восседал в кресле.

— В чем дело? — спросил он у калмыка, приведшего сюда сестру и этих трех истерзанных людей.

— Сено... залез... большевик,— растерянно залопотал он, жестикулируя.— Дэвка хоронил там... Дэвка...

— Пошел прочь! — взревел на него Константин.

Калмык со страхом отпрянул от него к дверям.

— Расскажи, Надя, ты толком, в чем дело? — спросил у сестры Константин.

Прохор с состраданием смотрел на сестру. Глаза его повлажнели. Тяжело вздохнув, он снова опустил голову.

— Костя,— с плачем рассказывала Надя,— я в сеновале хоронила своего жениха Митю, вот его,— указала она на окровавленного, смертельно перепуганного паренька.— А казаки пришли и шашками начали тыкать сено... и Митю поранили. А потом всех их вытащили из сена и избили... И меня избили... Я им говорю: мой брат полковник, командир полка... а они, черти безмозглые, ничего не понимают... Вот притащили нас всех сюда... Костя!..— заплакала Надя.— Спаси его!.. Спаси Митю!..

Константин был обескуражен. Уж этого он никак не ожидал! Что это делается?.. Неужели вся его семья перемешалась с большевиками? Неужели все его родные против него? Разве ж он думал, чтобы его сестренка полюбила большевика и вот теперь запуталась в этом деле.

Подумав, Константин недовольно взглянул на сестру и сказал:

— Ладно! Разберусь... Иди домой...

Но девушка не уходила и умоляюще смотрела на брата.

— Ну, чего ты еще? — не выдержав ее взгляда, вскрикнул раздраженно Константин.— Я ж сказал — разберусь, значит, разберусь...— Он не договорил, но она поняла его. Не мог же он ей при всех сказать, что спасет ее Дмитрия...

Надя просияла. Она хотела кинуться к брату, обнять, расцеловать его... Но не посмела. Она поверила Константину и намеревалась уже выйти из правления, как вдруг увидела Прохора, измученного, с забинтованной головой...

Когда Надю с Дмитрием вводили сюда, горе ее было так велико, она так боялась за жизнь любимого юноши, что не поняла смысла происходящего в этой большой комнате... Но сейчас, увидев брата Прохора в таком виде, ей все стало ясно. Прохору угрожает смерть.

— Проша! — кинулась она к нему, обвивая его шею горячими руками.— Братик родимый!.. Что они с тобой хотят сделать?

Константин с досадой выругался про себя: «Черт меня дернул этот суд затевать! Чего доброго, мать еще придет сюда». Надо прекратить всю эту канитель.

Как это сделать — Константин не знал. Ведь суд был начат, надо было его и закончить... И он, как ни странно, был даже рад, когда кто-то, ворвавшись в залу, дико завопил:

— Красные ворвались в станицу!.. Спасайся!..

Прохор вздрогнул и поднял голову, прислушиваясь. Где-то отдаленно потрескивали выстрелы, слышались смутные крики. У него радостно заискрились глаза. Он приподнялся, рванул руки, но они были крепко связаны... Обессиленный, он сел.

У дверей образовалась толчея. Отпихивая и давя друг друга, с криками вываливался народ из правления.

— Расстрелять красных! — приказал конвоирам Константин, указывая на пленников.

Но конвоиры его не слушали. Испуганно озираясь, они расталкивали прикладами толпу у двери и выбегали на улицу.

Константин, вытащив наган, посмотрел на Прохора, на Надю, радостно обнимавшую Дмитрия, вздохнул, сунул снова наган в кобуру и выбежал из комнаты.

Прохор почувствовал, как кто-то подошел к нему сзади и перерезал веревки на руках. Он оглянулся.

— Батя! — пораженно вскрикнул он.

Старик, ничего не сказав, торопливо вышел на улицу.

Прохор подбежал к окну и распахнул его.

По улице, мимо правления, размахивая шашками, мчались всадники с красными звездочками на фуражках.

К палисаднику правления подскакал рыжеватый кавалерист и, взмахнув фуражкой, закричал:

— Здорово, товарищ командир!

— Сазон, ты? — обрадованно вскричал Прохор.

— Ну, конешное дело, я,— усмехаясь, ответил Сазон.— Товарищ Буденный, видишь, какой привет тебе прислал,— указал он на мчавшихся по улице всадников.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Солнце палит жарко. Над запыленной степью густо висит зной. Далекие синие горизонты дрожат в трепетном мареве. Потревоженно кружат ястреба и беркуты в белесом распаленном небе.

Вздымая облака горячей серой пыли и тяжело скрипя, по обеим сторонам железной дороги бесконечным потоком тянутся обозы по три-четыре подводы в ряд.

— Цоб!.. Цобэ!..

— Но-но! Э-э, пошли!..

На какой-то подводе надрывно плачет ребенок. Воркующий голос матери успокаивает его:

— Та не плачь, мий голубочек. Замовчь, мое серденько. Вот зараз я тебе дам чего-нибудь.

Где-то пронзительно взвизгивает гармоника. Хриплый голос пытается что-то подпевать.

Издали доносится сухой треск ружейной перестрелки. Но за шумом и гвалтом толпы, за скрипом неподмазанных осей ее почти не слышно. Да если кто и услышит, то не обращает внимания: привыкли. За последние дни столько пережито, смерть столько раз каждому заглядывала в глаза, что такой пустяк, как где-то возникшая перестрелка, ничего не значил.

До отказа нагруженные громоздкой кладью, тащатся подводы одна за другой, и кажется, им не будет конца.

На каждой повозке, на каждой арбе или фургоне одно и то же — наспех сваленные полосатые перины, цветастые подушки, чугуны да рогачи, сверкающие на солнце начищенные кирпичом самовары, детские люльки, плетенные из хвороста кошелки с гусями да курами или визжащими поросятами.

Взято все то, что можно было второпях взять, все, что было дорого, что нажито было долгими годами труда, без чего никак невозможно обойтись крестьянской семье в неприхотливой своей жизни.

И среди всего этого домашнего скарба, рухляди и тряпья, как пучки ковыля, торчат белые головенки никогда не унывающей, озорной детворы.

Маленьким сорванцам нет дела до забот, волнений и горя взрослых. Они живут своим детским миром. И даже это горестное вынужденное путешествие доставляет им много развлечений и удовольствий.

Какой-то проказник, взобравшись на верх воза, победно трубит в самоварную трубу. Другой, весело хохоча, с азартом накручивает швейную машинку. Худенькая девочка с остренькой, как крысиный хвостик, косичкой заботливо укутывает в тряпье отчаянно мяукающую кошку.

За подводами, уныло свесив бороды на грудь, бредут старики, за ними тащатся старухи, заплаканные бабы и девки, подгоняя хворостинами бредущих на привязи, коров, молодых бычат.

По железнодорожному пути, попыхивая дымом, медленно движется зеленый бронепоезд, а вслед тянутся запряженные лошадьми и быками одиннадцать грузовых поездных составов, до отказа заполненных безлошадными беженцами и их скудным имуществом.

Часто лошади и быки, обессилев, останавливаются. Тогда сотни мужчин и женщин помогают им, подталкивая вагоны.

По обочинам дорог, по заросшим бурьяном и полынью равнинам, по пашням и бахчам, по неубранным подсолнухам шагают вооруженные толпы солдат, едут конники, среди которых нередко мелькают красные лампасы донцов и черкески кубанцев.

Все эти люди — иногородние крестьяне, портные, постовалы, сапожники, ведерники, плотники, обездоленная казачья беднота, настрадавшаяся от бесчинств белогвардейских банд, натерпевшаяся много горя,— при первых же признаках грозного восстания, охватившего станицы и села Дона, Кубани и Ставрополья, бросая годами обжитые хаты, бороны, плуги, неубранные поля с огородами — все, что так было дорого и близко сердцу, что так долго наживалось тяжким трудом, со всеми своими семьями, с домашним скарбом, тронулись со своих насиженных мест неведомо куда. Впрочем, все уже теперь знали, куда едут. Заветной мечтой стал Царицын. К этому приволжскому городу, как к спасительному маяку, были направлены все взоры, помыслы и желания беженцев. В представлении всех этот город вырисовывался, как могучая крепость, цитадель, в стенах которой можно найти защиту и спасение от озверевшей казачьей шашки...

На пути движения попадались маленькие станции и полустанки. Водонапорные башни всюду были разрушены белыми. Воду в паровозные котлы бронепоезда неоткуда было брать. Тогда на некоторое время приостановилось все движение многочисленных обозов и поездов. Отовсюду сбегались беженцы с ведрами. Женщины, старики, ребята становились на много верст в длинную шеренгу к какому-нибудь болотцу или колодцу и, передавая друг другу ведра с водой, наливали паровозные котлы.

Среди беженцев вспыхивали эпидемические заболевания. Сотни несчастных людей гибли от тифа и холеры.

Сдерживая поводьями нервно танцевавшего жеребца, Прохор стоял у дороги, внимательно всматриваясь в нескончаемый поток подвод, двигавшихся в пыли мимо. Он разыскивал сестру Надю. Несколько дней назад ему сообщили станичники, что будто видели ее среди беженцев. И вот сколько уже времени он ее пытается разыскать и не может.

К нему подъехали на потных лошадях Сазон и Дмитрий.

— Нет ее,— уныло сказал юноша.— Мы с Сазоном объехали почти весь обоз от края до края.

— Сбрехали, должно быть, наши казаки,— проворчал Сазон.

Прохор некоторое время молча, угрюмо смотрел на проезжавшие подводы.

— Ты мне, Митя, расскажи толком, как вы с ней расстались? — взглянул он на юношу.— Что она тебе сказала?

— Да я уже вам говорил, Прохор Васильевич,— смущенно отвечал Дмитрий.— Когда нас освободили буденновцы, то, помните, вы меня послали на конюшню за лошадьми. Я сказал Наде, чтоб она меня ждала у правления. Я привел лошадей и для нее выбрал тоже хорошую, а ее уже не было. Куда она делась,— печально развел руками парень,— понятия не имею. А разыскивать некогда было: белые наперли...

— Ну а что ж она все-таки тебе говорила? — допрашивал Прохор.— Собиралась она с нами отступать или нет?

— Да в том-то и дело,— вздохнул Дмитрий,— что собиралась. Ведь я ж говорю, что и лошадь для нее привел было...

И снова они все молча пытливо смотрят на поток подвод, нескончаемо текущий перед их взором.

— Много народу мрет от тифа да холеры,— тихо проронил Сазон.

— Типун тебе на язык,— сердито оборвал его Прохор.— Не говори глупостей Вы наших станичных беженцев видели?

— Наши станичные едут впереди,— сказал Дмитрий.— Всех мы расспрашивали про Надю. Никто не видал ее.

— Ну, что ж,— вздохнул Прохор.— Могли, конечно, и ошибиться... Поехали в эскадрон.

— Смотри, Прохор Васильевич! — вдруг вскрикнул Сазон, пристально вглядываясь в поток беженцев и указывая пальцем.— Никак, твой дядя Волков.

— Где?

— А вон, гляди, идет за подводой с сумочкой.

— Он! — вскрикнул Прохор, угадывая в толпе знакомый облик старика.— Дядя!

Старик недоуменно оглянулся и, узнав племянника, живо выбежал из толпы.

— Слава богу! — перекрестился он.— Нашелся. А я тебя, брат, искал-искал... Уж кого только не спрашивал о тебе...

— Значит, ты тоже, дядя, ушел из станицы?

— А как же. Страшно, Проша, оставаться. Ведь они ж, проклятые белые, и повесить могут... Хоть и старый я, а такой смертью помирать не хочу.

— Надю-то ты не видел?

— Да как же не видел! — сказал старик.— Вместе ж мы с ней идем... Прям, бедняжка, окалечилась. Ноги разболелись... Ради христа упросил я вон казака, чтоб подвез ее хоть немножко... Поотдохнет малость.

— Да где ж она? — радостно заулыбался Дмитрий Шушлябин.

— А вон на подводе! — махнул рукой вперед старик.— Пойдемте к ней.

Обгоняя возы и людей, бредущих по дороге, старик подвел Прохора и Дмитрия к подводе, где, пристроившись в задке телеги, скорчившись комочком, спала Надя.

— Надюша! А, Надюша! — толкнул ее Егор Андреевич.— Ты погляди-кась, кого я разыскал-то... Хи-хи!..

Девушка, увидев брата и Дмитрия, радостно вскрикнула:

— Братушка!.. Митя!.. Да где ж ты их, дядя, разыскал?

— Сами разыскались... Ну, слезай, племянница. Теперь мы с тобой отмучились.

Надя привстала, чтоб спрыгнуть с телеги.

— Подожди, Надюша,— сказал Дмитрий и, соскочив с лошади, подбежал к телеге, протянул к девушке руки. Она бросилась в его объятия. Юноша бережно поставил ее на землю.

— Гм,— ухмыльнулся Сазон.— Ухватистый парень.

— Ну, куда же ты теперь нас, племянничек, денешь, а? — спросил Егор Андреевич.

— К себе в эскадрон возьму,— сказал Прохор.— Ведь я теперь, дядя, командир эскадрона Первого крестьянского социалистического кавалерийского полка...

— Ишь ты,— с удивлением покачал головой старик.— Шишка-то важная... Что ж мы у тебя будем делать?.. Воевать, что ли?

— Воевать не воевать, а помогать будете... Тебя в обоз определю, тачанкой будешь управлять, а сестра будет за больными да ранеными ухаживать.

— Ну что ж,— охотно согласился старик.— И это дело.

Эскадрон Прохора находился сзади, прикрывая обоз беженцев. Поэтому, отъехав в сторону, Прохор разнуздал жеребца, не отпуская повода, пустил его пастись.

— Отдыхайте,— сказал Прохор всем остальным.— Будем ждать свой эскадрон.

Егор Андреевич тяжело опустился на землю:

— Садись, Надюша.

Девушка, сев около дяди, не сводила восторженного взгляда с Дмитрия. Парень, смущенно улыбаясь, радостно поглядывал на нее.

Прохор заметил, что неожиданно поток подвод и беженцев приостановился. Стали и поездные составы. Стоял впереди и бронепоезд.

— В чем дело? — спросил Прохор у проезжавшего верхом конника.— Опять, что ли, воды в паровозе нет?

— Да нет, товарищ,— сказал конник.— Дело в другом. Бронепоезд подошел к реке Сал, а белые, гады, взорвали мост. Как будем теперь переправляться на тот берег? Слыхал, будто начальство хочет строить мост.

Заухали пушки. С всхлипывающим взвыванием над головой неслись снаряды и взрывались близ железной дороги, вдоль которой тянулся поток беженцев. Это белые стали обстреливать беглым артиллерийским огнем.

Поднялся невообразимый гвалт, послышались душераздирающие крики детей, отчаянные вопли матерей. Люди, обезумев от ужаса, бросились бежать куда попало. Ломая оглобли и опрокидывая возы, заметались в страхе лошади и быки; обрывая веревки, помчались по степи перепуганные коровы. Жалобно заскулили собаки.

— Матерь божья! — бледнея, закрестился Егор Андреевич.— Упаси и помилуй! Надюшка, ложись, родимая! Ложись! Прижимайся в земле, она упасет.

Прохор сообразил, что белые в этом месте устроили ловушку. Взорвав мост, они решили задержать переправу партизан и беженцев через реку и перестрелять их губительным огнем своей артиллерии. В бинокль было видно, как на пригорке в солнечном сиянии муравьями копошились у орудий едва приметные фигурки людей.

— Дмитрий! — крикнул Прохор.— Оставляю на твое попечение Надю и дядю. Сазон, за мной!

Он взлетел на коня и с места в карьер помчался к своему эскадрону. Сазон последовал за ним. Прохор намеревался со своими конниками броситься на вражескую батарею и заставить ее замолчать.

Но как он ни торопился, ему то и дело приходилось задерживать коня. Навстречу в страхе бежали женщины с детьми, старики, старухи. Мчались подводы. Один раз его чуть не сбросил с седла в ужасе шарахнувшийся в сторону жеребец. Прохор косо взглянул на куст, которого так испугался конь, и в его памяти запечатлелась страшная картина: под кустом лежал труп молодой красивой женщины. К ее обнаженной полной груди прильнул мертвый грудной ребенок...

Навстречу скакал Буденный с группой сопровождавших его всадников. Увидев мчавшегося Прохора, он поднял руку и остановился.

— Ты что тут разъезжаешь, Ермаков? — спросил он.

— Хочу взять свой эскадрон,— сказал Прохор,— и пойти в атаку на белую батарею, чтоб заставить ее замолчать.

— Опоздал,— произнес Буденный и обернулся.— Видишь вон! — махнул он рукой.— Городовиков со своими.

Весь пригорок был усыпан всадниками. Рассыпавшись полукружьем, они стремительно охватывали батарею белых.

Недалеко от Буденного и Прохора в грохоте взвился пышный букет взрыва. Над головами со свистом пролетели осколки. Буденный посмотрел на воронку, образовавшуюся от взрыва, покачал головой:

— Сволочи. Народу много невинного побьют... Слушай, Ермаков, выдели из своего эскадрона человек двадцать!.. Будем строить мост...

— Слушаюсь, товарищ командир,— ответил Прохор.

— Да вот не дадут строить,— сказал с досадой Буденный, оглядываясь на пригорок, с которого еще продолжали из орудий обстреливать белые.— Они ведь теперь будут пользоваться нашим затруднением. Поехали!..

Это была мужественная, упорная работа. Вокруг разрушенного моста, как муравьи, кишели люди и подводы. Все способные работать — малый и старый — были привлечены к строительству моста. Подводы беженцев разгрузили от домашнего скарба и на них возили песок и щебень. Старики и женщины таскали землю в ведрах, ребятишки — в подолах и корытах.

Белые все время наседали, стремясь помешать строительству. Возникали кровопролитные схватки. Но ничто не могло приостановить работу. Насыпь заметно росла.

И когда стало уже совсем нетерпимо от артиллерийского огня белых, кто-то из партизан предложил разметать стога соломы по полю и поджечь.

Мысль была остроумная.

Когда копны соломы разложили по полю и подожгли их, бурые клубы дыма поднялись высоко к небу, густой завесой заслонили строительство моста.

Белым не стало видно работающих на мосту. Стрельба вслепую уже не причиняла такого ущерба партизанам и беженцам, как раньше.

Но вот работа закончилась. Огромная насыпь перекинулась через реку. По ней уложили рельсы и осторожно, вагон за вагоном, перекатили составы. А вслед за ними переправились и подводы...

С боями, с большими трудностями продолжали беженцы свой многострадальный путь, охраняемые партизанскими частями...

II

К концу октября ударили легкие морозцы. Берега Дона обросли тонким ледком. Ватаги ребятишек высыпали на реку, с гулким звоном гоняли клюшками по молодому ледку деревянный шар.

Недалеко от Нижне-Чирской станицы к Дону стягивались конные и пластунские полки Донской белой армии. Саперные части наскоро устанавливали через реку понтоны.

Войска скапливались на берегу в ожидании переправы. Солидные бородатые казаки перемешались с безусыми парнями, впервые выбравшимися из своих хуторов и станиц и теперь с нескрываемым любопытством озиравшимися вокруг.

С шумом и гамом к реке подвозились тяжелые гаубицы. С металлическим скрежетом огромными черепахами подползали к переправе неуклюжие, громоздкие танки.

— Го-го-го!..— при виде их радостно гоготали казаки.— Вот чудища так чудища... Да ежели их штук пять напустить на красных, так они ж, проклятые, и портки свои растеряют...

То там, то здесь со звонким ржанием дрались жеребцы. Кое-где, собравшись группами, подбодренные добрым глотком первача-самогона, казаки пели с лихими присвистами походные, боевые песни...

Еще сравнительно молодой, лет сорока, сухощавый, с длинным орлиным носом генерал Мамонтов, месяца два как получивший от Войскового круга генеральский чин, в сбитой набекрень каракулевой папахе, в защитного цвета меховой бекеше, в сопровождении нескольких подтянутых, подобранных офицеров, командиров полков, разъезжал по берегу. Временами он останавливал лоснящегося от сытости вороного коня и внимательно вглядывался то в подходившие к берегу полки, то в саперов, проворно устанавливающих понтоны через реку.

— Я рад, господа,— довольным голосом говорил он,— что эта миссия возложена на меня... именно на меня. Уверяю вас, что с этой миссией я успешно справлюсь. Большевики воображают, что Царицын — это Верден. Они его укрепляют, скапливают огромное количество войска, готовятся яростно защищать... Интересно знать, что они понимают в стратегии? Командуют армиями у них какие-то рабочие. Вот с такими полководцами,— рассмеялся генерал,— нам придется сражаться...

— Ваше превосходительство,— подобострастно смеясь, проговорил седоусый войсковой старшина,— мне кажется, достаточно двух дней для того, чтобы такой мощной силой,— хвастливо махнул он вокруг рукой, затянутой в замшевую перчатку,— разбросать от стен Царицына, как мусор, красных.

— Ну, может быть, и не два дня,— снисходительно сказал Мамонтов,— а неделя потребуется для этого. Через неделю, я даю гарантию, красных в Царицыне не будет.

— Совершенно верно, ваше превосходительство,— угодливо подтвердил Константин, также находившнйся в свите генерала.— Недели достаточно. При виде таких вот штучек,— указал он иа танки,— красные зададут такого дёру, что их и в Москве не удержишь.

Офнцеры засмеялись. Усмехнулся самодовольно и Мамонтов.

— Вполне возможно,— сказал он.— Мне обещали прислать еще с десяток аэропланов. Думаю, что это тоже произведет соответствующий эффект.

Генерал всматривался во что-то черными пронизывающими глазами.

— Господа! — воскликнул он весело.— Ей-богу, я не ошибаюсь, ведь это женщина,— указал он на всадника, медленно проезжавшего вдоль берега.— Эй, молодец! — крикнул он всаднику,— а ну-ка, поезжай сюда!

Всадник подъехал к генералу. Теперь и все убедились, что это действительно была молодая, румяная, красивая женщина в военной шинели с погонами и в мужской шапке.

— Казачка? — спросил ее Мамонтов, оглядывая с иог до головы.

— Так точно, ваше превосходительство,— бойко ответила она.— Казачка.

— Служишь?

— Нет, ваше превосходительство, не служу. Прнвезла мужу провиант,— указала она на большую суму, привешенную к седлу.

— Вот молодец баба! — восхищенно воскликнул генерал, оборачиваясь к офицерам.— Люблю воинственных казачек.

Обернувшись к женщине, он внимательным взглядом окинул ее дебелую фигуру, спросил:

— Как фамилия, милая?

— Лукарева Мария.

— Ну, вот что, Лукарева, за твое молодечество произвожу тебя в младшие урядники.

— Покорно благодарю,— показывая свои ровные белые зубы, улыбнулась казачка.

— Господа,— снова обернулся Мамонтов к офнцерам,— нашейте ей сейчас же лычки младшего урядника на погоны.

— Сию мннуту,— услужливо подъехал к казачке Константин Он, вынув из кармана белый платок, разорвал его на ленты и, достав из шапки иголку с ниткой, пришил лычки на погоны казачки.

— Ну вот ты теперь стала урядником,— сказал Мамонтов.— Довольна или нет?

— Премного довольна, ваше превосходительство,— посмеиваясь, с лукавством посмотрела на него казачка серыми выразительными глазами.— Но толичко боюсь, ваше превос-

ходительство, приеду домой, в станицу, засмеют меня, скажут, сама пришила себе лычки. Навроде как бы сама себя произвела в урядники,— и она засмеялась приятным, грудным смехом.

— Я тебе бумагу дам соответствующую,— засмеялся и генерал.— Ты когда возвращаешься от мужа?

— Да зараз же и возвернусь.

— Ну так ты на обратном пути заезжай ко мне,— сказал Мамонтов.— Я нахожусь вот в том доме... Я тебе выдам документ...

— Заеду,— пообещала казачка.

— Обязательно заезжай,— просительно проговорил генерал, оглядывая снова казачку влюбленными глазами.— Я тебе еще что-нибудь подарю.

— Заеду! — обещающе проговорила казачка и снова засмеялась...

Офицеры, улыбаясь, переглянулись.

С низовья реки, выпуская черные клубы дыма, показались буксиры, медленно таща за собой караваны барж и баркасов.

— Очень кстати! — заметив их, воскликнул Мамонтов.— Я приказал доставить сюда баржи для успешности переправы. Не будем ждать, господа, окончания наводки моста, начнем переправлять войска баржами и лодками... Время, господа, не ждет... Пррошу!

Офицеры поскакали к своим полкам. И, когда буксиры подвели баржи к берегу, началась торопливая переправа войск на левый берег Дона.

Мамонтову, командующему Донской армией, было поручено возглавить группу войск, состоящую из сорока полков. В задачу ему вменялось штурмовать Царицын, который мешал донскому войсковому атаману Краснову выполнять его планы.

Среди казачьих полков, набранных в донских контрреволюционных мятежных низовых станицах, немало было кубанцев и терцев под командованием новоиспеченного двадцатисемилетнего генерала Покровского, за год сделавшего головокружительную карьеру от простого сотника до генерала. Были здесь даже пришедшие с Украины на помощь «донским братьям-белогвардейцам» офицерские полки Скоропадского...

Натиск белых полчищ не был неожиданностью для защитников Царицына. Пять дивизий X Красной Армии под командованием Ворошилова мужественно обороняли город. Первоклассная техника и вооружение белых значительно превосходили силы советских частей.

Под напором белогвардейских полков советские войска с ожесточенными боями отходили к городу. Белые плотным

кольцом окружили Царицын, заняв все подступы к городу на правом берегу Волги, от села Пичуги до колонии Сарепты.

В это время сальская группа войск, насчитывающая около пятнадцати тысяч бойцов, прикрывающая до двадцати тысяч беженцев, медленно продвигалась к Царицыну, находясь в еще более тяжелом, бедственном положении, чем защитники Царицына. Белогвардейские шайки беспрестанно вились вокруг медленно продвигавшегося обоза беженцев, норовя напасть и пограбить. Кавалеристы Буденного не знали ни минуты отдыха, все время вступали в схватки с обнаглевшим врагом.

На пути следования партизан и беженцев встречалось много станиц, хуторов и сел. И в каждой станице и селе немало находилось таких, которые искренне сочувствовали Советской власти. Они толпами приходили к Буденному и просили принять их в его полк. Буденный не отказывал, и вскоре полк так разросся, что командование было вынуждено развернуть его в бригаду.

С ежедневными боями продвигались вперед сальские партизаны, зорко охраняя растянувшиеся на десятки верст подводы беженцев и эшелоны поездов.

Обессиленные лошади и быки едва тащили по смерзшейся, запорошенной первым снежком дороге громоздкие возы. Плохо укрытые, окоченевшие от холода дети плакали. Измученные продолжительным тяжелым путем женщины с трудом передвигали опухшие, отекшие ноги. Отощавшая, голодная скотина падала. Свирепствовал тиф. Почти на каждой подводе стонали в бреду больные. Ежедневно умирали сотни. Умерших хоронили на обочинах дорог.

Прохор по-прежнему прикрывал своим эскадроном хвост обоза. Кавалеристам особенно было тяжело. Все время приходилось отбивать налеты следовавших по пятам белогвардейских банд. А тут надо было еще и подбирать отстающих беженцев, размещать их на выделенных для этого подводах...

Никогда, ни при какой беде не унывавший Сазон Меркулов был в этом многострадальном пути душой эскадрона. В минуты затишья он балагурил с конниками, то рассказывая сказки, то какие-нибудь истории, будто происшедшие с ним, то, выезжая наперед эскадрона, зажмурившись и приложив ладонь к щеке, запевал какую-нибудь старинную, хватающую за душу казачью песню. Пел он удивительно чистым, звучным голосом, задушевно, с увлечением. Обычно пел один. Все ехали молча, слушая. Потом к нему присоединялись один-два голоса. А затем уж подхватывали песню и все конники эскадрона. Хор стройных мужских голосов разносился над заснеженной степью, над холмами и буераками.

На отбитых у белых тачанках лежали ослабевшие беженцы и раненые кавалеристы. Уход за ними Прохор возложил на

свою сестру. Полковой фельдшер, изредка навещавший эскадрон, научил ее элементарным правилам оказания помощи больным и раненым. И девушка была поглощена порученными ей обязанностями.

Если б на Надю теперь взглянул ее строгий отец, то пришел бы в ужас — до того она преобразилась. На ней была кожаная куртка, снятая с убитого белогвардейского офицера. Но на ногах — сапоги. На одном боку висела кобура с маленьким браунингом, на другом — брезентовая санитарная сумка с большим красным крестом.

Дмитрий Шушлябин, сталкиваясь с Надей, не мог скрыть своего восхищения ею. Да и она не могла наглядеться на своего возлюбленного. Дмитрий тоже до неузнаваемости преобразился. Это был уже не тот хрупкий паренек, каким его все знали в станице. В новеньком оранжевом дубленом овчинном полушубке, лохматой белой папахе с красной лентой поперек, с карабином за спиной и шашкой на боку, он производил внушительное впечатление. У него был вид мужественного, бывалого воина. Правда, если внимательно вглядеться в его розовое, почти детское лицо, впечатление несколько менялось. Но в его лицо никто, кроме Нади, не вглядывался.

Однажды Прохор после погони за белогвардейской шайкой, которая особенно назойливо беспокоила обоз, ехал на взмыленном жеребце за тачанкой, на которой сидели дядя Егор и Надя.

Старик, правя лошадьми, ворчливо выговаривал племяннику:

— Ты, Проша, хоть и командир, навроде начальник большой, а никакого понятия не имеешь о божественности. Почему такое допущение сделал, что каждый твой рядовой солдат скверными словами бога и божью мать обзывает, а? Разве ж мыслимое дело, какой-нибудь сопляк, прости господи, молокосос, только что от материной груди оторвался, а он кроет и в бога, и богоматерь, и ангелов-архангелов, и в рай небесный... Хоть уши затыкай. Срам!

— Правильно, дядя,— соглашался Прохор.— Нехорошо это, непристойно...

— Да ты что ухмыляешься-то? — сердился старик.— Насмехаешься надо мной. Тоже, должно, в бога не веришь и втихомолку ругаешь его? Тоже мне, командир. Нет чтоб укорот им дать, а он смеется.

— Скажу, дядя бойцам, чтоб не ругались... Что это за шум?

Все прислушались.

Впереди, от подводы к подводе, катился гул голосов:

— Ура-а!.. Ура-а!..

— В чем дело? — привстав на стременах, пытливо всматривался Прохор.

— Ура-а!.. Ура-а!..— все ближе доносились радостные крики.

Какой-то всадник, стремительно скача с сияющим лицом навстречу двигавшемуся обозу, размахивая шапкой, восторженно кричал:

— Братья! Мы соединились с царицынскими войсками!.. Ура-а!.. Соединились! Конец мытарству! Конец! Ура-а!

— Ура-а! — взмахнул папахой, закричал Прохор.— Ура-а!..

— Ура-а! — подхватили конники.

Старик Волков заплакал. Растирая грязным кулаком слезы, он воскликнул:

— Ну, Надюшка, пришел конец нашему мытарству... Раз упаслись от белых гадов, стало быть, еще поживем и повоюем. Повоюем, племянница!..

Всех охватила необычайная радость. Всем теперь стало известно, что передовой отряд Буденного встретился с кавалерийским разъездом X Красной Армии.

Люди плакали, обнимались, целовались. Мучительный трудный путь остался в прошлом.

III

Константин, успокаивающе похлопывая ладонью по бархатистой, горячей шее не стоявшего на месте своего серого жеребца, пристально смотрел с пригорка на развертывающееся в низине сражение. Его окружало несколько войсковых старшин и один уже довольно престарелый седоусый полковник.

Спешенные сотни белогвардейцев перебежками наступали на цепь красных, полукружием вытянувшуюся вокруг железной дороги, за которой в кучу сбились обозы беженцев.

Из конца в конец заснеженного поля трещала ружейная перестрелка. Столбами вздымались взрывы осколочно-фугасных снарядов, со страшным грохотом и воем разносивших по полю смерть...

Дня за два до этого Мамонтов поручил Константину Ермакову важную задачу: разгромить группу большевистских войск, двигавшуюся с боями из Сальских степей на Царицын.

Для выполнения этой задачи 5-му кавалерийскому казачьему полку, которым командовал Константин, приданы были еще три кавалерийских и один пластунский полки.

— Поймите, полковник,— испытующе поглядывая на Константина, назидательно говорил Мамонтов,— не всякому доверяются такие ответственные задания... Меня, откровенно говоря, подкупает ваша неутомимая энергия, ваш боевой задор. Хотя я вас еще не достаточно хорошо знаю, но думаю, что не ошибаюсь, возлагая на вас эту задачу. Только предупреждаю, одной лишь храбрости да горячности в этом деле будет недо-

статочно. Зрелое решение, умение и распорядительность — вот успех всему. Там у них, говорят, какой-то Буденный за главного... Из унтер-офицеров. Говорят, с головой солдат. Пару дней назад он вдребезги разгромил группу князя Тундутова под Абганерово. Я еще точно не проверил, но есть сведения, что князь Тундутов попал к нему в плен... Желаю удачи, полковник,— в заключение пожал руку Константина Мамонтов.— Хорошо было бы, если б вы этого Буденного захватили в плен,— усмехнулся генерал.— Имейте в виду, полковник, в случае успеха, будьте уверены, вас не забудут.

Намек Мамонтова, собственно, ни о чем не говорил, но Константин прямо-таки потерял покой. «Уж не генеральство ли он имел в виду?» — размышлял он. Константину кажется, что невозможного в этом ничего нет. Ведь вот Андрей Шкура, или, как он теперь себя называл, Шкуро, совсем недавно, каких-нибудь полгода назад был всего-навсего простым есаулом, а теперь генерал... Или этот мальчишка Покровский. Прошлый год с турецкого фронта сотником пришел. А сейчас — ваше превосходительство. В двадцать семь лет генерал. Командует кубанским казачьим корпусом. Или Сашка Секретов. В гражданскую войну начал с командования сотней. Сейчас — генерал. Командует крупной боевой единицей... Вот эти парни сделали карьеру, так сделали.

«Хуже, что ли, я их? — думал Константин.— Конечно, нет. Ведь если разобраться, то я и образованнее их и умнее... Да и значительно больше их оказал услуг белому движению... Еще при покойном Каледине не побоялся вступить в открытую борьбу с большевиками».

Глядя сейчас на битву и думая об этом, Константин вдруг увидел такое, от чего его сердце затрепетало в страхе. Красные, недвижимо лежавшие в окопах, неожиданно поднялись во весь рост и с громкими криками бросились в контратаку. Белые побежали... назад.

Константин не только был плохим стратегом, но вообще-то мало разбирался в военной науке. Не зная, как можно поправить положение в данном случае, он растерянно посмотрел на своего начальника штаба Чернышева, как бы ожидая от него совета, помощи. Но Чернышев, насмешливо встретив его взгляд, отвернулся. Он смертельно ненавидел Константина и желал ему всегда всяческих неудач.

«Растерялся, сволочь,— думал он озлобленно.— Ну вот посмотрим, что ты теперь будешь делать... Генеральский чин, гадина, ждешь. Посмотрим, как сейчас будешь выкручиваться».

— Беглый огонь! Беглый! — приказал Константин.

Сотник Воробьев повторил приказание телефонисту, расположившемуся со своим аппаратом тут же, на пригорке. Тот передал приказ батарее. Артиллерийский обстрел цепи красных усилился. Но это на них не произвело впечатления. Они насту-

пали, преследуя поспешно отходивших белогвардейских пластунов.

Константин хрустнул пальцами и, отняв от глаз бинокль, смачно выругался.

— Полковник,— сказал он, обращаясь к престарелому офицеру,— прикажите своему полку зайти вот той балкой,— указал он,— в тыл красным и атаковать. Это произведет панику в их рядах. Живо! — прикрикнул он.

Полковник с изумлением посмотрел на него, как на чудо, и глухим, слегка дрожащим от обиды голосом проговорил, отчеканивая слова:

— Я на старости лет в силу обстоятельств вынужден подчиниться вам, но кричать на себя, как на мальчишку, не позволю!.. Да-с, не позволю, милостивый государь!.. Имейте это в виду... Теперь разрешите мне, господин полковник, как человеку, более опытному в военных делах, чем вы, высказать свое мнение по поводу вашего приказания. Я бы вам не советовал жертвовать конницей. По крайней мере, пока не следует бросать конницу в тыл противника... Противник держится уверенно, в его рядах не чувствуется деморализации или чего-нибудь похожего на панику. Наоборот, красные воодушевлены...

Константин побагровел от бешенства.

— Молчать! — крикнул он.— Что за рассуждения?.. Кто здесь командующий группой — вы или я?..

— Я нисколько не хочу умалить ваши достоинства,— тихо проговорил старый полковник.— Вы — начальник, я подчиняюсь вам... Но я, как более опытный человек, хочу вас предупредить: бросать конницу в атаку на прекрасно держащуюся пехоту неприятеля — безумие... Это — закон, в уставе так записано. Вот если б пехота противника была деморализована, тогда другое дело. Тогда именно и надо бросать на нее кавалерию. Она завершила б победу. Я вам лучше посоветовал бы спешить еще один полк из резерва и направить его на правый фланг. Это дало бы...

— Прекратить разговоры! — оборвал его Константин.— Я вас слушать не хочу. Выполняйте мое распоряжение!..

— Слушаюсь! — козырнул старый полковник и, пришпорив коня, с места в карьер помчался с адъютантом и казаком-ординарцем к своему полку, который стоял где-то за курганом.

— Какой это дурак придумал доверить полк этому старому хрену? — вздернул плечами Константин.

— Видимо, сам генерал Мамонтов,— тихо проронил кто-то из офицеров.— Ведь это же дядя его жены.

— Что вы говорите? — живо обернулся Константин к офицеру, произнесшему эту фразу.— Это... старик — дядя жены генерала Мамонтова?

— Да,— со злорадством подтвердил Чернышев.— Именно

так. Я знаю этого старика. Он — полковник генерального штаба, зовут его Вольский, Андрей Аидреевич... Боевой, зиающнй офицер. Давио б уже должеи геиералом быть, да не везет ему.

— Гм...— промычал Коистантии, косо посмотрев в спину поскакавшего полковиика.

«Черт меия дернул грубить ему,— пожалел ои.— Еще пожалуется Мамонтову... Да, наверияка пожалуется».

У иего испортилось настроеине, и ои, досадуя иа себя за свое легкомыслие и иевыдержаииость, стал снова смотреть в бинокль. То, что ои увидел, его обрадовало: белые, приостаиовив отход, лежали теперь в сиинх сугробах н частым огием обстрелнвали иеприятеля, который продолжал перебежками подходить к иим все ближе... Вот-вот, казалось, две силы столкиутся в рукопашиой схватке.

Коистантнн ободрнлся. Дело, оказывается, обстояло уж ие так плохо. Вот только бы скорее этот полковиик Вольский со своим полком ударил в тыл красиым. Он посмотрел в ту сторону, куда поскакал старый полковинк. Вдалеке ои увндел, как, мелькая древкамн пнк, по одиому спускались в балку всадннкн.

— Замечательно! — воскликнул Константин.

Он был уверен в том, что стоило только лишь показаться белым кавалеристам из балки в тылу красиых, как участь нх будет решена...

Из балки выскакивали казачьи сотин и, на ходу строясь в лаву, с криками и гикаиьем, опустив пики к бою и размахивая шашками, помчались в тыл иаступавшей пехоте красных...

На мгновение красиые пехотиицы оказались в затруднительном положеиии. Впереди была пехота белых, с тыла угрожающе иеслась на иих кавалерня. Но красиые ие растерялись. Часть нх стала обстреливать иесшихся иа иих белых кавалернстов, другая — белую пехоту, которая при появлеиин своей кавалерии в тылу красиых ожнвилась н перешла в иаступлеиие. Несмотря на мужественное сопротивление красиых пехотинцев, все же было видио явиое преимущество белых.

Коистантни торжествующе оглянул офицеров, задержал насмешливый взгляд на Чериышеве.

— Вот так-то, господа,— самодовольио сказал ои, намереваясь похвастаться перед офицерамн своим умением предвосхищать события, ио ие успел.

— Господии полковнкк, смотрнте! — закричал одии из офицеров, указывая иа засиежеииые песчаиые холмы, обросшие кустами сосиовых иасаждеиий.— Смотрите!

Коистаитни посмотрел, куда указывал офицер, и передернулся. Между кустарннками мелькали темные фигурки мчавшихся всадииков. Их было так много, что, казалось, они за-

полняли все пространство. Константин отлично понял их намерение: они мчались на белую конницу, которая теперь развернутой лавой с сокрушающим воем и криками неслась на пехоту красных.

— Кавалерия Буденного! — спокойно проговорил Чернышев.

— Черт побрал! — вскричал Константин.— Так они же скачут-то в тыл нашей кавалерии!.. И наши не видят этой опасности!.. Как же предупредить?..

— Это невозможно,— ответил Чернышев.— Единственное, что можно сделать,— это обстрелять их из орудий. Это, пожалуй, обратит внимание наших кавалеристов.

Константин отдал приказ батарее обстрелять кавалерию Буденного. Тотчас же в песках, в сосновых посадках стали подниматься столбы взрывов. Но конники Буденного уже вырвались из зоны обстрела и заходили в правый фланг белогвардейской конницы.

IV

Буденный давно заметил в стороне неприятельских позиций, на пригорке, конную группу. Он понял, что это было белое командование, руководившее сражением. У него появилась смелая мысль захватить белогвардейских офицеров в плен.

Перед тем как повести бригаду в атаку на белогвардейскую конницу, только что выскочившую из балки и помчавшуюся в тыл пехоте красных, Буденный приказал Прохору пройти со своим эскадроном той же балкой, куда только что прошел белогвардейский конный полк, и оцепить пригорок, на котором расположилось командование противника, с тем чтобы не выпустить из окружения ни единого белогвардейца...

Воспользовавшись суматохой, поднятой бригадой Буденного, бросившейся в атаку на белых, Прохор с эскадроном незаметно спустился в балку и, беспрепятственно пройдя ее до конца, вывел конников из нее и не спеша, чтобы не спугнуть белых офицеров, стал их окружать...

Вначале на кавалеристов Прохора никто не обращал внимания, полагая, что это разъезжают белые всадники. Но когда советские кавалеристы подъехали настолько близко к офицерам, что стали видны на их шапках красные ленты, а у лошадей подрезанные хвосты[1], на пригорке заволновались. Некоторые офицеры стремительно поскакали к хутору.

— Вперед! — гаркнул Прохор и, поддав жеребцу шенкеля, помчался наперерез скачущим белогвардейцам.— За мной!.. Ура-а!..

---

[1] В отличие от красных белые не подрезали хвостов у лошадей.

— Ура-а! — подхватнли коиники, рванувшись вслед за командиром. Сазон и Дмитрий ие отставали от Прохора.

Нагнувшись иад гривой мчавшегося, как ветер, жеребца, Прохор выхватил из иожеи шашку и, крепко сжимая эфес, остро вглядывался в скакавших белогвардейцев. Растянувшись цепочкой по дороге, они мчались к хутору, обгоняя друг друга. Прохор даже сосчитал их. Было семнадцать всадников. При этом Прохор сумел различить, что из семнадцати всадников половина были офицеры, остальные, судя по обмундированию,— рядовые казаки.

— Дураки! — выругался он, думая об этих казаках.— Чего бегут?.. Кого боятся?..

Далеко вырвавшись вперед от своих, он настигал белых.

— Стой! — грозно крикнул Прохор, со свистом взмахивая шашкой иад головой белогвардейца, нагоняя его.

Казак, обернув свое пепельиое, испуганное лнцо, поднял вверх руки.

— Сдаюсь, бр-атушка!.. Сдаюсь!..

— Бросай оружие! — крикнул Прохор, проскакивая мимо.

Казак с готовностью скинул с себя винтовку н шашку и бросил на дорогу.

Прохор устремился дальше.

— Сдавайтесь! — кричал он.— Сда-а-вайтесь иль смерть!..

Три казака, видя, что им не ускакать от красного, приостановив лошадей и спрыгнув, подняли руки.

— Бросайте оружие!..— предупреждающе крикнул Прохор им н поскакал дальше.

Низко склонившись к лошадям, впереди мчались белогвардейские офицеры. Ближе всех к Прохору скакал всадник на красивой, серой в яблоках, крупной лошади. Он так ссутулился, подавшись всем телом вперед, что Прохор сразу не разобрал, кто это был,— казак или офицер. Он погнался за этим всадником. Но лошадь и у белогвардейца была резвая. Прохор продолжительное время скакал на одинаковом расстоянии, не приближаясь к белогвардейцу и не отдаляясь от него... Его разобрало зло. Вложив шашку в ножны, он выхватил из кобуры наган и выстрелил подряд несколько раз.

— Сдавайся, сволочь! — хрипло выругался он.

Белогвардеец на мгновение приподнял голову и оглянулся. Теперь Прохор убедился, что впереди скакал офицер. Он решил взять его живьем, представить Буденному.

— Сдавайся, гад! — снова загремел Прохор.— Убью!

Белогвардеец не отвечал. Прохор с силой несколько раз ожег плетью своего коня. Жеребец сразу же стал приближаться к серой лошади белогвардейца. И когда он почти касался мордой хвоста серого коня, Прохор снова вытащил из ножен шашку.

— Сдавайся, гад! — привстал он на стременах, потрясая шашкой.— За-ррррублю!

Офицер снова оглянулся. В глазах его отразились изумление и ужас.

— Прохор! — сдавленно крикнул он.— Ты, проклятый?

Прохор узнал брата.

— Сдавайся, Константин!

Но тот, обернувшись, не целясь, выстрелил в Прохора из маузера.

— Ах ты, сволочь! — вскрикнул Прохор и, приподнявшись на стременах, с силой рубанул. Константин ткнулся лицом в гриву коня...

Прохор качнулся в седле. Рука обессиленно повисла, шашка выпала из нее на снег.

Подскакал Сазон.

— Проша!.. Товарищ командир, что с тобой? — встревоженно спросил он.

— Ничего... А что?

— Да ты побелел как мел.

— Голова закружилась... Подними-ка мой палаш.

Сазон спрыгнул с лошади и, подняв шашку, подал Прохору. Тот взял ее, хотел вложить в ножны, но она снова выпала из его рук.

— Да что с тобой, Прохор? — с испугом спросил Сазон.— Ты, должно быть, ранен?

— Н-нет,— вяло сказал Прохор и замолк.

Голова его поникла на грудь, он потерял сознание.

V

Хотя рана была и легкая, но все же Прохору на несколько дней пришлось лечь в околоток.

Как-то, лежа на койке, Прохор читал «Правду», в которой была опубликована речь Ленина на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов о международном положении.

В палату вошла Надя в белоснежном халате и в косынке с красным крестиком.

Отложив газету, Прохор взглянул на сестру и залюбовался ею. Белизна ее халата и косынки как-то особенно подчеркивала целомудренную красоту ее почти детского личика.

— А-а... сестричка! — приветствовал он ее.— Ты мне вдвойне сестрица — и по медицине и по родству. Ну, как тебе, девочка, тут работается?..

— Я довольна, Проша,— сказала она.

— Не раскаиваешься, Надюша, что ушла из дому?

— Нет, братец. Я вот вырвалась из своей станицы и поняла, что до сей поры я еще не жила на свете... Какая еще я

темная. Боже ты мой! Погляжу кругом: люди умные, ученые... А я, как дурочка, едва грамоте знаю... Вот доктор все хвалит меня, говорит, что я хорошо ухаживаю за ранеными. Непременно, говорит, подучу тебя и будешь сестрой милосердия... Мне и радостно это слышать, а в то же время и страшно.

— Чего ж страшного-то, глупая? — улыбнулся Прохор.

— Да не справлюсь я сестрой работать.

— Глупости говоришь. Не так страшен черт, как его малюют. Я вот тоже простой казак, видишь, командую эскадроном. И справляюсь, милая.

— Ну, где уж мне до тебя,— вздохнула Надя.— Ты умный. Двухклассное училище окончил... [1] А я что... три класса только.

— Дурочка ты моя милая,— притянул к себе, поцеловал ее Прохор.— У тебя все еще впереди. Вот покончим с белыми, будешь учиться. Ты хочешь учиться?

— Уросла... Засмеют меня, ежели я, такая здоровенная, сяду за парту.

— Уросла,— засмеялся Прохор.— Старики учатся — и над ними не смеются.

— Вот Митя иной раз придет ко мне,— застенчиво проговорила девушка,— и тож об учении говорит. У него большая охота к учению. Говорит, что, мол, мы оба будем учиться. А я смеюсь.

— Митя правильно говорит. Вам обоим надо учиться. Да и мне не мешает.

— Мне вот курсы б сестер милосердия окончить,— мечтательно проговорила Надя.— Я б тогда на девятом небе была...

— А если б ты институт окончила да профессором стала, на каком ты небе тогда б была?

— Ой, что ты говоришь, братец! — замахала руками девушка.— Куда мне... Разве ж это возможно?..

— При Советской власти все возможно.

Прохор пристально посмотрел на Надю и, вздохнув, сказал:

— Смотрю я на тебя, милая сестричка, и до сердечной боли мне вспомнилась одна девушка. Зиной ее зовут... Вот так же, как ты, она ухаживала за мной, раненым. Даже больше того... Эта девушка спасла меня от смерти...

— Когда это, Проша, было? — спросила Надя.

Прохор рассказал ей, как Зина со своим маленьким братом Гавриком перетащила его от берега озера, у которого он был ранен белогвардейскими казаками, в солому и там его спрятала.

— Хорошая девушка,— сказал он.

— Тебе она, Проша, наверно, нравится?

— Очень, Наденька, очень,— признался Прохор.— Да вот

[1] Двухклассное училище имело 5 классов.

война... След я этой девушки потерял... Но если жив буду, то обязательно разыщу ее. Разыщу!

В палату торопливо вошел фельдшер.

— Товарищ Ермаков,— обратился он к Прохору,— к вам приехал какой-то командир из политотдела армии. Я ему сказал, что вы ранены и не можете разговаривать, а он настойчивый. Как же быть?

— Товарищ фельдшер, может быть, с чем-нибудь важным ко мне,— сказал Прохор.— Пропустите, пожалуйста, этого командира...

— Как хотите, конечно. Вообще-то не полагается.

— Ничего.

Фельдшер вышел и вскоре ввел в палату одетого в больничный халат высокого молодого мужчину лет под тридцать. Подойдя к Прохору, он отрекомендовался:

— Инструктор политотдела армии Большаков. Я к вам по делу...

— По какому?

— По очень важному,— сказал инструктор, садясь на табурет около койки Прохора.— Во-первых, разрешите узнать, как ваше самочувствие?.. А тогда уже будем говорить о деле.

— Самочувствие неплохое, товарищ Большаков. Дня через три думаю выписаться...

— Рановато,— возразил фельдшер.— Через недельку — и то еще рано... Так это, может быть, дней через десять.

— Многовато,— промолвил Большаков.— Вот если б дней через пять, то это было бы расчудесно.

— А в чем дело? — спросил Прохор.

— Сейчас поговорим,— сказал инструктор, оглядываясь на фельдшера и Надю, давая этим понять, что они здесь в данную минуту лишние.

Фельдшер с Надей вышли.

Инструктор начал рассказывать Прохору о том, что партийная прослойка в армии невелика, а особенно незначительна она в кавалерийской части Буденного.

— Понимаете, товарищ Ермаков,— продолжал инструктор.— Почти весь командный состав беспартийный. Дерутся за Советскую власть они, как львы. Горло перегрызут... но задач нашей партии недопонимают... До зарезу нужны нам партийные командные кадры, хорошо понимающие политику нашей партии. Каждый толковый, политически разбирающийся коммунист у нас на счету. Да еще на счету-то каком!.. Как золотом, дорожим таким коммунистом... Короче говоря, политотдел армии сейчас отбирает с десяток хорошо грамотных коммунистов, чтоб послать их в Петроград на краткосрочные политические курсы. Курсы эти будут работать месяц-полтора, но они много дадут нашим товарищам. К чтению лекций привлечены лучшие силы нашей партии...

Слушая инструктора политотдела армии, Прохор уже смутно догадывался, к чему тот клонит свою речь.

— Политотдел армии знает вас, товарищ Ермаков,— продолжал Большаков.— Вы хороший коммунист...

— Я еще молодой коммунист. Около года как вступил в партию.

— Это не имеет значения. Главное, вы коммунист преданный, грамотный, немало уже перенесли в борьбе за дело Коммунистической партии, за Советскую власть. Вы побывали в Донском правительстве, проделали с экспедицией Подтелкова немалую работу. У себя, в станице, вы подняли всю иногороднюю и казачью бедноту против белогвардейцев... Все нам известно, товарищ Ермаков. Вы именно тот человек, который нам необходим... Если прямо сказать, так политотдел намерен послать вас в числе десяти коммунистов, которых мы отобрали на эти курсы. Как вы на это смотрите?

— Смотрю положительно,— сказал Прохор.— Поеду с большой охотой... Но не знаю, как с поправкой моей.

— Ну, что же с поправкой. Если через пять дней вас выпишут, то это будет как раз к отъезду товарищей в Петроград.

— Выпишусь через три дня,— решительно заявил Прохор.— Рана у меня пустяковая, и никакая сила меня здесь не удержит.

— Нет, если еще нельзя из околотка выписываться,— возразил Большаков,— то спешить не нужно. Подлечитесь.

— Да я совсем здоров! — воскликнул Прохор.— Но у меня есть к вам вопрос.

— Пожалуйста.

— После окончания курсов меня направят обратно в мою часть?

— Обязательно,— уверил инструктор.— Когда вы после окончания курсов вернетесь к нам, мы вас снова пошлем в свою же часть на должность политкома эскадрона или даже полка.

— Я согласен, товарищ Большаков.

— Прекрасно,— вставая, сказал инструктор.— Я доложу сегодня начальству о вашем согласии. Тогда я вам обо всем сообщу. А пока до свидания!

Распрощавшись, инструктор политотдела армии ушел.

Через три дня Прохор выписался из околотка, а еще через два дня он уезжал в Петроград.

VI

Окончив гимназию и оформив свое поступление на медицинский факультет Ростовского университета, Марина поехала в Азов к родителям, намереваясь пожить дома до начала занятий.

После шумного Ростова маленький городок казался скучным, неприглядным. Девушка сразу же затосковала по Виктору, по Ростову, к которому уже успела привыкнуть.

Все ее мысли и желания теперь были направлены к тому, чтобы скорее подходило первое сентября — начало занятий в университете.

Чтобы у нее зря не проходило время, она упросила знакомого врача из городской больницы позволить ей приходить в больницу, присматриваться к работе медицинского персонала. Она предполагала, что это ей будет полезно в учебе.

Врач, во многом зависимый от такого влиятельного в городе человека, как Сергей Никодимович, разрешил Марине приходить в больницу, где девушка с большой охотой выполняла все, что ей поручала старшая медицинская сестра.

В городе свирепствовала эпидемия тифа брюшного, сыпного и возвратного. В больнице существовало инфекционное отделение, куда обычно свозили таких больных.

Врач строго-настрого запретил Марине заходить в это отделение.

Но Марина хотела посмотреть на тифозных больных. Однажды она, никем не замеченная, пробралась в палату заразных больных и пробыла там минут двадцать, ухаживая за больными, подавая им воду... Посещение тифозников для нее окончилось плачевно: она заразилась в этой палате и заболела тифом.

Марина болела тяжело и долго, но выздоровела.

Как только ее выписали из больницы, она решила сейчас же ехать в Ростов. Но родители ее не пустили.

— И не думай,— категорически заявила Варвара Ефимовна.— Вот уж откормим, отпоим, тогда и поедешь.

И мать начала старательно ее «поправлять».

Марина написала письма в университет, Вере и Виктору. Но ответа ни от кого не получила.

Несмотря на протесты родителей, боявшихся как бы с их дочерью в такое неспокойное время чего-нибудь не случилось, она все же поехала в Ростов. Марина надеялась разыскать там сестру, Виктора, а главное — узнать в университете, не исключили ли ее из списков учащихся.

Но в Ростове ее ждало много неудач. На старой квартире Веры уже не было. Теперь здесь жили другие квартиранты. Они ничего не могли сказать о сестре. Слышали, что она с мужем будто уехала в Новочеркасск. О Викторе же Марина ничего не узнала... Она пошла в казарму, в которой была размещена маршевая рота. Но там уже, конечно, никакой роты не оказалось.

Зато ей повезло в университете. Хотя занятия в нем начались уже давно, Марина не была исключена из списков студентов. Директор сказал ей, что если будет представлена

справка, подтверждающая, что начало занятий пропущено по болезни, то тогда она может приступить к слушанию лекций.

Марнна получнла такую справку, нашла себе комнату и начала заниматься.

В городе менялась власть. То нм вдруг овладевалн красные, то его снова захватывалн белые. Но занятня в университете шлн бесперебойно.

Несколько раз Марина порывалась поехать в Новочеркасск разыскать сестру, чтобы от нее узнать о судьбе Виктора, но хозяйка квартиры отговарнвала ее.

— Разве можно, барышня, в такое неспокойное время ехать? — говорила она.— Везде бродят какие-то шайки, не то белые, не то анархнсты... Говорят, грабят, убнвают. Попадете где-нибудь в перепалку, н убьют. А то еще н хуже что-нибудь сделают над вами... людн озверелн. Вот уже пообождите, успокоится немного...

И каждый раз Марина соглашалась с доводами хозяйки. Действительно, времена были неспокойные.

Жнвя в Ростове, Марина даже и не подозревала о том, что почти рядом с ней, на другой улице, жил Виктор. Они ходили по одним и тем же улнцам, бывали в одних и тех же местах, но не встречались.

Правда, однажды онн едва не столкнулнсь друг с другом на Таганрогском проспекте.

Был морозный день. Пронизывающий ветер чуть не валил пешеходов с ног. Марнна торопилась в библиотеку. Какой-то военный в шинелн, закутанный в башлык, толкнул ее и, пробормотав извинение, прошел мимо. Марине показалось в его голосе что-то знакомое, но она не остановила его. А это был Виктор.

VII

Познакомившись при посредстве Розалион-Сашальского с Верой, мистер Брюс Брэйнард стал беспокоиться. Дело в том, что эта голубоглазая, с пышными белокурыми волосамн женщина понравилась ему. Даже больше того, она влекла его...

Засунув руки в карманы брюк, он шагал взад-вперед по своему небольшому, комфортабельно обставленному номеру в гостинице «Лондон», сердито фыркал:

— Черт побрал! Этого еще не хватало. Время ли мне сейчас заниматься любовными делами? Нет!.. Нет!..— отмахивался он головой, словно от мух.— Надо, решнтельно надо прекратить всякие отношения с этой русалкой... А то, чего доброго, она еще затащит меня в омут...

Брэйнард был высокнй, худощавый мужчина лет под сорок, с серыми надменнымн глазамн. Светлые редкие волосы он густо смазывал брнолином и зачесывал на пробор. Он бывал и раньше в России и хорошо говорил по-русски.

Одетый в полувоенную форму — бриджи цвета хаки и коричневые краги, серый френч без погон, он производил впечатление военного человека, хотя в войсках никогда не служил. Будучи американцем по происхождению, он жил в Лондоне и тесно был связан с английской военной миссией, обосновавшейся в Таганроге при штабе Деникина.

Некоторые досужие языки утверждали, что он является негласным представителем Соединенных Штатов Америки при войсковом правительстве. Другие говорили, что он представлял деловые круги стран британского содружества при Донском войсковом круге.

Так это или нет, но всем было известно, что он частенько бывал у Краснова не только в его атаманском дворце, но и в его доме. Некоторые рассказывали, что Брэйнард, бывая запросто у Краснова, встречался у него с представителем кайзера Вильгельма майором генерального штаба фон Кохенгаузеном.

В самом же деле мистер Брэйнард не был официальным лицом. Он — простой коммерсант. Человек предприимчивый, энергичный, к тому же имеющий хорошее чутье дельца, Брэйнард без страха бросался во всевозможные авантюры и всегда получал от этого хорошую поживу.

Брейнард был пайщиком англо-американской акционерной фирмы, которая до революции выгодно скупала в России яйца, кур, свиней и вывозила в Англию и некоторые другие страны Европы. Особенно активную деятельность фирма развила в Донской области, в Тамбовской и Воронежской губерниях.

Для этой цели фирма имела в России своих постоянных представителей в лице Брэйнарда и Барсельмана.

О размерах закупок фирмы можно было судить по таким цифрам. Брэйнард и Барсельман при помощи сотен агентов и скупщиков только в 1916 году отправили в Англию 450 миллионов яиц, 4 миллиона битых кур и до миллиона голов свиней. Но если нужно и выгодно было, то Брэйнард скупал не только яйца и кур. На ярмарках Дона и Тамбовщины в 1915 году его агенты закупили до 25 тысяч лошадей, которых отправили в Англию.

Для более успешной обработки продукции: разделки, хранения и вывоза битых кур и свиней — фирма выстроила в ряде пунктов необходимые предприятия. Например, в Козлове были воздвигнуты огромный холодильник и свинобойня. Перед самой революцией был построен и второй, значительно более усовершенствованный и объемнее, чем первый, холодильник при станции Есиново Борисоглебского уезда.

Яйца, куры, свиньи и лошади скупались в России по баснословно дешевым ценам. В Англии же и других странах Европы все это продавалось втридорога. В результате такой

манипуляции фирма имела большие прибыли, акционеры богатели.

Правление фирмы разработало план еще большего охвата территории для закупок. Имелись намерения в сферу деятельности взять еще Кубань, Терек, Украину.

Произошла Февральская революция, затем Октябрьская социалистическая — и деятельность фирмы приостановилась. Большевики национализировали все ее предприятия. Перестав получать огромные дивиденты с прибыли, акционеры всполошились... Правлению общества много пришлось услышать горьких упреков от них... Надо было предпринимать какие-то экстренные меры для того, чтобы акционерное общество не распалось. И когда в Англии стало известно, что на Дону возникло контрреволюционное правительство генерала Краснова, борющегося с большевиками, в правлении акционерного общества обрадовались. Открывались новые перспективы и возможности обирать население России.

На собрании акционеров было решено послать на Дон, к атаману Краснову, расторопного члена правления для налаживания связей фирмы с атаманом.

Выбор пал на Брюса Брэйнарда. Кто же лучше его может выполнить эту роль? И так как в числе акционеров фирмы были ответственные лица военного и иностранного министерства Великобритании, то правление фирмы заручилось от этих лиц для Брэйнарда рекомендательными письмами к Краснову.

Что писалось в этих письмах, широкие круги не знали. Известно было только то, что когда мистер Брэйнард прибыл в Новочеркасск, явился в атаманский дворец к Краснову и передал эти письма, то атаман сразу же преисполнился чувством глубокого уважения к подателю их... И с тех пор Брэйнард стал своим человеком в атаманском дворце и в доме самого атамана.

Брэйнард был старый холостяк, избалованный женщинами. Его богатство притягивало к нему красивых, обаятельных женщин. Они вились вокруг него. Но он был не особенно податлив. Женщин он любил, получал от них удовольствие, щедро одаривал их. Они его ласкали, делались его любовницами. И только. Но ни одна не смогла так им овладеть, чтобы стать его женой.

Ехал Брэйнард на Дон с самыми серьезными деловыми целями, и вот ведь сам черт попутал... на пути его встретилась белокурая бестия с голубыми глазами. Она околдовала Брэйнарда, этого холодного, черствого человека.

— Гм...— бормотал Брэйнард, бегая по номеру.— Черт мне поднес этого рыжего поляка! Если б не он, так я и не увидел бы эту сирену... Зачем мне это нужно? Разве я приехал сюда любезничать? Я приехал сюда делать бизнес! Да, бизнес! Что

скажут акционеры? Что скажут иаши джентльмены? Нет!.. К черту все!.. Не хочу!

В дверь осторожио постучали.

— Кто там? — гаркиул Брэйиард, остаиавливаясь и свирепо вытаращивая глаза иа дверь.

— К вам можио, мистер Брэйиард? — певуче послышался из-за двери иежиый голосок.

— Гм...— промычал ои, растеряиио осматривая иомер — все ли в порядке.— Одиу мииутку!..

Ои метиулся к шифоиьеру, оглядел себя в зеркало, поправил пробор, повязал туже галстук, подбежал к туалетиому столику, брызиул иа себя духами, смахиул рукавом какие-то крошки со стола. Еще раз огляиул себя в зеркало, расплылся в сладкой улыбке.

— Прошу! — приоткрыл ои дверь.— Прошу, пожалуйста!..

— Здравствуйте, мистер Брэйнард! — входя в номер, обворожительио улыбиулась Вера.— Простите, ради бога, что так, без предупреждеиия, врываемся к вам... Познакомьтесь, пожалуйста,— указала оиа иа красивую брюиетку.— Моя приятельиица, Люся... То есть Людмила Виссариоиовиа...

— Очень рад,— расклаиялся Брэйиард.— Очень рад. Очеиь, миледи, сожалею, что это ие мои лоидонские апартаменты, а только лишь жалкий иомер иовочеркасской гостиииицы.

— Но ведь это тоже «Лондон»,— попробовала сострить Люся.

— К сожалеиию,— пожал плечами Брэйнард,— этот «Лоидон» скверная пародия на настоящий Лондон... Вы, прошу извинения, представить себе не может, что такое есть Лоидои! Ах, Лондои, Лоидои!.. Хотел бы я сейчас там быть!

— Да, я представляю,— раздумчиво пропела Вера.— Ваш Лондон — это, вероятно, что-то сказочное. Разве вот, говорят, тумаиы там.

— Ну что зиачит тумаиы,— вздериул плечами Брэйиард.— Разве в них дело? У вас, в Петрограде, тоже ведь часто бывают туманы, одиако же никто не будет отрицать, что Петроград прекрасный город... Но иаш Лоидои, коиечио, лучше Петрограда.

— Но почему «ваш Лоидои»? — спросила Вера.— Ведь вы же, кажется, американец? Ваш — это Нью-Йорк.

— Я из Америки давио,— сказал Брэйиард.— У меия там никого ие осталось. Привык к Лоидоиу, считаю его своим городом.

— Хотела бы я хоть одиим глазком взглянуть иа Лоидои,— мечтательио проговорила Вера.— Я так люблю все иностраиное... Особеиио мие все иравится американское и аиглийское.

Брэйиард хотел что-то ответить, но, бросив иа иее быстрый взгляд, передумал и отвериулся.

— Мистер Брэйнард,— заговорила Вера,— мы с Люсей к вам по поручению дам-патронесс, жены войскового атамана Марии Николаевны Красновой и Надежды Васильевны Богаевской.

— К вашим услугам, миледи,— прищелкивая каблуками, поклонился американец.

— Мистер Брэйнард,— просительно продолжала Вера.— Не откажите, пожалуйста, в нашей просьбе... В воскресенье организуется «день воина». Будет производиться сбор средств в фонд помощи нашим дорогим воинам, которые на фронте защищают нас.

— Я не совсем понимаю, что значит «сбор средств»?.. Как это будет делаться?

— Мы с Люсей,— защебетала Вера,— будем в воскресенье разъезжать по городу верхом на лошадях и будем продавать цветы. Мы хотим просить вас, мистер Брэйнард, помочь нам. Вам ничего не придется делать, только лишь возить за нами корзины с цветами... Мы и лошадь уже подобрали. Красивую лошадь. Она смирная и тихая, как теленок.

— Да-да, мистер Брэйнард,— воскликнула Люся.— Просим очень!

— Гм...— кашлянул растерянно Брэйнард.— Я... коммерсант... к лошадям не приучен, плохо верхом езжу. Автомобиль для меня более удобное средство передвижения.

— Не беспокойтесь, мистер Брэйнард,— успокоила его Вера.— Я же говорю, лошадь такая тихая и послушная, лучше даже вашего автомобиля. Она сама будет ходить за нами. Вам и управлять ею не нужно. Только сидите себе в седле да корзины с цветами держите. Я даже могу привязать вашу лошадь к своей лошади...

— Гм... гм...

— Так, значит, вы согласны, мистер Брэйнард? — с пленительной улыбкой спросила Вера.

— Я... хотел сказать...

— Благодарю вас, мистер Брэйнард,— поспешила проговорить она, не дожидаясь его ответа.— В воскресенье утром будьте у себя, мы заедем за вами и лошадь вам приведем. А может быть, я даже одна к вам зайду,— кокетливо прошептала она ему и, засмеявшись, выбежала из номера.

Брэйнард сокрушенно покачал головой и вздохнул.

VIII

Утро в воскресенье выдалось на редкость солнечное, полетнему теплое.

Улицы Новочеркасска были заполнены нарядной гуляющей публикой. Среди толпы разъезжали разодетые черкесами, ковбоями, индейцами, амазонками всадники и всадницы на богато

и красиво убранных лошадях с корзинами, наполненными яркими осенними цветами.

— Покупайте цветы! — звонко выкрикивали амазонки.— Покупайте! Деньги пойдут на подарки нашим дорогим воинам и защитникам!

Мальчишки с пачками только что отпечатанных в типографиях на грубой оберточной бумаге газет «Вольный Дон» и «Донские ведомости» торопливо сновали в толпе, выкрикивая охрипшими голосами:

— «День воина»! «День воина»! Свежие газеты!

Юные гимназистки в бордовых форменных платьях с белыми кружевными воротничками, в черных пелеринках, молодые нарядные женщины и девушки, маленькие кадеты в форменных мундирчиках с погонами, красивые сестры милосердия в белых косынках с красными крестиками ходили в толпе с большими, опечатанными сургучом, железными кружками.

— Жертвуйте, господа, в фонд помощи нашим доблестным воинам! Жертвуйте, господа, кто сколько может!

И всем тем, кто бросал в кружку деньги, они прикалывали к петлице бумажный значок с изображением казака.

На Платовском проспекте, прямо посреди улицы, стояло несколько арб, наполненных крупными арбузами и дынями. На арбах сидели несколько гимназистов и гимназисток и со смехом и прибаутками продавали арбузы и дыни. Средства от распродажи их так же поступали в фонд помощи донским воинам.

Парни расклеивали на заборах кричащие афиши:

«ВСЯ ВЫРУЧКА В «ФОНД ВОИНА»!
СПЕШИТЕ ВЗЯТЬ БИЛЕТЫ!
СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ В ЛЕТНЕМ ТЕАТРЕ — КОНЦЕРТ КАБАРЭ С УЧАСТИЕМ АРТИСТА МОСКОВСКОЙ ОПЕРЫ Г-НА ФИГУРОВА И АРТИСТА ЭСТРАДЫ Г-НА ДНЕСТРОВА!

В вечере участвует любимица публики танцовщица

ЛЕНА ПОЦЕЛУЕВА!

Толпа сновала по улицам города, бросала медяки и серебряные монеты в кружки, сыпала шутки по адресу хорошеньких смущающихся кружечниц.

— Нельзя ли, барышня, за мое пожертвование поцелуйчик с вас,— приставал к краснеющей гимназистке какой-то подвыпивший верзила в сдвинутом набекрень котелке.

Гимназистка старалась уйти от него, но верзила, ухмыляясь, подзадориваемый смехом зевак, не отставал от девушки.

— Жалко, что ль, вам, барышня? — басил он.— Ведь я ж вам целую сотню пожертвовал. А ежли поцелуйчик подарите,

еще сотню в кружку опущу... А вам в собственные ваши ручки две сотни отблагодарствую. Мы, барышня, севодни при деньгах,— хлопал он себя по карману.— Ну, один поцелуйчик! Только один!..

Молоденькая девушка беспомощно оглядывалась, ища защиты у окружающих от нахала. Но всюду встречала насмешливые взгляды. У нее навернулись на глаза слезы.

— Отстаньте от нее! — хмуро сказал Виктор верзиле.

— А что ты за защитник такой? — злобно ощерился было верзила, но, увидев на плечах Виктора офицерские погоны и на груди Георгиевские кресты, притих.

— Да мы ничего,— забормотал он.— Мы ж шутейно, господин офицер.

Гимназистка благодарно взглянула на Виктора и скрылась в толпе.

Виктор пошел по тротуару, прислушиваясь и присматриваясь к тому, что вокруг него делалось и говорилось.

Впереди, громко разговаривая, шли какие-то два толстяка. Их беседа привлекла внимание Виктора.

— Вы слышали, Герасим Петрович, что-нибудь о генерале Семилетове? — спросил один у другого.

— Ничего не слышал, Аркадий Иванович, а что? — с любопытством подставил ухо второй.

— Из достоверных источников знаю,— наклонившись, тихо, но так, что Виктору было слышно, сказал толстяк,— генерал Семилетов сейчас находится на Кубани и готовит себе отряд из трехсот горских головорезов... По команде Семилетова они готовы хоть отцу-матери родным горло перегрызть.

— Для какой же надобности он собирает этот отряд, Аркадий Иванович?

— Эге! — усмехнулся Аркадий Иванович.— С этим отрядом он хочет наделать больших дел...

— А именно?

— У него есть намерение через Великокняжескую станицу вторгнуться в Донскую область, поднять мятеж против атамана Краснова...

— Что ж, он сам, верно, хочет атаманом стать?

— Несомненно.

— А генерала Краснова куда же?

— Куда? Расстреляют...

— Что вы, Аркадий Иванович! — с испугом отшатнулся от своего собеседника второй толстяк.— Не говорите такой ереси, можно беды нажить.

— Какой там беды,— беспечно отмахнулся первый толстяк.— Об этом сейчас все говорят. Посмотрите! Посмотрите, Герасим Петрович! — вдруг оживился он, указывая толстым с крупным бриллиантовым перстнем пальцем.— Какие прелестные наездницы! Прямо-таки душечки!..

Виктор с любопытством обернулся, куда указывал толстяк, и обомлел: на сытых конях, убранных цветами, одетые испанскими герольдами, в малиновых бархатных беретах со страусовыми перьями, в такого же цвета расшитых золотыми позументами куртках и рейтузах, по улице медленно, то и дело останавливаясь и заговаривая с публикой, ехали Вера и какая-то красивая брюнетка. Словно верный оруженосец, держа астры и георгины, позади них с кислым лицом двигался на заморенной, с выступившими ребрами лошади Брюс Брэйнард.

Вера сразу же увидела в толпе Виктора. Брови ее вздернулись от изумления.

— Виктор! — вырвалось у нее.

В первое мгновение у юноши мелькнула мысль ринуться в толпу и затеряться в ней. Но он передумал. Вера могла бы закричать, чтобы его задержали как преступника какого-нибудь. И, конечно, его задержат. Бог знает, чем это все могло бы закончиться. Он решил пойти на хитрость.

— Здравствуйте, Вера Сергеевна! — делая вид, что обрадовался, закричал Виктор, протискиваясь к ней сквозь толпу и протягивая руку.— Наконец-то я разыскал вас.

— Вы искали меня? — с недоумением недоверчиво протянула она, подозрительно с ног до головы оглядывая его.

— Все время,— воскликнул он.— Недавно я о вас узнал от капитана Розалион-Сашальского.

— От Розалион-Сашальского? — все больше недоумевала Вера.— Разве вы его знаете?

— Еще бы!.. Он мой хороший приятель.

— Розалион-Сашальский и мой хороший приятель,— подчеркнула Вера.— Странно, почему он не мог дать вам моего адреса, раз вы меня искали?.. И почему он мне никогда о вас не говорил?

— Розалион-Сашальский обещал на днях повести меня к вам,— сказал Виктор и засмеялся: — Правда, я заметил, что он что-то не спешил выполнить своего обещания. Видимо, у него на этот счет были какие-то свои причины...

Вера самодовольно усмехнулась, на розовых щеках ее выступили хорошенькие ямочки.

— Откровенно говоря,— сказала она, смеясь,— он в меня влюблен, как кот в сливки... К каждому ревнует. Но вы ведь могли бы ему сказать, что вы мой родственник...

— Не посмел. Не знаю, как вы к этому отнеслись бы...

— Ох вы, скромник! — кокетливо погрозила она пальцем.— Знаем мы вас таких, тихих...— Потом, вдруг спохватившись, о чем-то вспомнив, она снова подозрительно посмотрела на Виктора.— Впрочем, Розалион-Сашальский мне все говорил о каком-то херувимоподобном прапорщике Викентьеве. Не знаете ли вы такого?..

Виктор слегка смутился, но сейчас же оправился.

— Как же, знаю,— сказал он весело.— Это мой друг.

— Да?..

— Я могу его с вами познакомить, если вы разрешите...

— Не возражаю,— снова усмехнулась она, продолжая пристально смотреть на Виктора.— Странный этот ваш друг. Как-то Розалион-Сашальский привел его в ресторан, чтобы познакомить со мной, а этот мальчик сбежал оттуда...— и она громко рассмеялась.

— Он очень застенчив,— сказал Виктор.

— Вероятно,— продолжая смеяться, заметила Вера.— Так вы меня познакомьте с ним, я очень люблю застенчивых...

— Обязательно, Вера Сергеевна.

— Я вам буду благодарна,— насмешливо проговорила она.

Она подъехала вплотную к Виктору и, нагнувшись к нему, смотря холодными глазами, тихо сказала:

— Все ты врешь, мальчишка. Врешь! Викентьев — это ты. Понимаешь, ты!.. Стоит мне сейчас только крикнуть: «Большевистский шпион в форме офицера!» — и все... Тебя схватят. Схватят и посадят в тюрьму, а потом расстреляют. Даже может произойти значительно проще: тебя сейчас же здесь может растерзать вот эта толпа, если ей сказать, кто ты. А кто ты — это понятно. Ты — большевистский агент. Ну что ты, мальчик, бледнеешь? — злорадно рассмеялась она.— Тебе не нравится, что я тебе говорю... Ты убедишься, что я — женщина мстительная. Я тебе припомню городской сад в Ростове,— озлобленно проговорила она.— Помнишь? Не забыл?..

Виктор подавленно молчал. Он понимал, что находится в ее руках и она с ним может сделать все, что ей хотелось. На его лбу выступил холодный пот.

— Ну что, прапорщик Викентьев, ты мне на это скажешь?

— Ничего,— буркнул он.

Она помолчала, о чем-то сосредоточенно думая.

— Верочка, скоро ты? — нетерпеливо окликнула ее спутница, разговаривавшая с иностранцем.

— Подожди, Люсенька,— досадливо отмахнулась Вера.— Сейчас. Вот что, Виктор,— снова нагнулась она к нему.— Если так разобраться, то плевать мне на все это. Я не политик, какое мне дело до того, что ты большевистский шпион. Я — женщина, причем, как видишь, красивая... У моих ног графы, князья, богатые купцы, иностранцы. Вот этот, смотри, дурак,— покосилась она на Брэйнарда, беседовавшего с Люсей и бросавшего в их сторону хмурые взгляды,— он без ума от меня... Что захочу, то и сделает. Но плевать мне на него. Я могу обо всем забыть, если ты придешь ко мне сегодня... вечером. Я буду одна. Запомни: Баклановская, двадцать, квартира три... Придешь, говори?

— Приду,— хмуро буркнул Виктор.

— Буду ждать. Не придешь — пеняй на себя,— прошептала она и заговорила громко: — Так давайте, Виктор, я вам к груди приколю астру. А вы пожертвуйте в фонд воина сколько можете. Люсенька, дай кружку, прапорщик нам пожертвует...

Виктор опустил в кружку красной брюнетки три рубля. Брюнетка одарила его благодарной улыбкой.

— Пока, Виктор! — помахала лайковой перчаткой улыбающаяся Вера.

Юноша растерянно смотрел вслед поехавшей по улице Вере, ее красивой приятельнице и их странному спутнику — иностранцу, державшему огромную корзину, наполненную астрами и георгинами. И он заметил, что на этих красивых женщин засматривались многие.

Виктор с облегчением вздохнул, обрадованный тем, что так дешево отделался от Веры. Могло быть хуже. Он решил пойти сейчас к сестре Катерине и там окончательно обдумать, что предпринимать.

— Здравствуйте, господин прапорщик! — прозвучал около него чей-то приветливый баритон.

Виктор с испугом оглянулся. Перед ним стоял, как и всегда, франтоватый, в начищенных до блеска сапогах, в новом защитном обмундировании унтер-офицер Трубачев.

— Здравствуйте,— пожал его руку Виктор.— Гуляете?

— Да вышел вот пройтись,— улыбнулся Трубачев.— А красивые дамочки с вами беседовали,— смеясь, сказал он.— Особенно та, белокурая... Она в вас так стреляла своими голубыми глазами, господин прапорщик, что я прямо-таки позавидовал вам. Вы, господин прапорщик,— подмигнул Трубачев,— того... не зевайте...

— Это родственница,— краснея, нахмурился Виктор.— Жена двоюродного брата...

— Ах, вот как! — сконфузившись, воскликнул унтер-офицер.— Тогда, ради бога, извините. Я не предполагал.

— Ничего, пожалуйста.

— Господин прапорщик,— настойчиво проговорил Трубачев.— Мне с вами обязательно нужно поговорить. Я думаю, что это удобно будет сделать вот там, в кафе.

В кафе было немного народу. Они выбрали себе столик в углу, подальше от людей, и заказали пару кружек пива.

Сидя за столиком, попивая пиво, Трубачев стал рассказывать:

— Смех разбирает. Есть у меня в городе один приятель, сапожник Клим Садовников. Иногда я у него сапоги чиню. На днях ему прислали извещение, чтоб явился к воинскому начальнику, значит, намеревались забрать, видно, в армию его. Сапожник этот не дурак, нет желания у него идти белым служить, задумал он открутиться от службы. Разыскал он своего знакомого инвалида, пообещав хороший магарыч. Он упросил

его пойти вместо него на медицинскую комиссию. Инвалид охотно согласился пойти, в полной уверенности, что его комиссия признает негодным к военной службе. А оказалось, что инвалида признали годным к службе. Да к тому же о проделке этой узнал писарь комиссии и донес начальству. Теперь и сапожника и инвалида отдают под суд... Смех и горе. Жалко сапожника — парень хороший.

— Вы здешний, господин Трубачев? — спросил Виктор.

— Нет. Я из Баку. Там у меня семья, жена и ребенок.— И Трубачев вздохнул: — Очень соскучился.

Он замолчал и потребовал у официанта еще пару кружек пива.

— Давно не видели семью? — снова спросил Виктор.

— Давно,— ответил Трубачев.— Я здесь в запасном пехотном полку служил, не успел вовремя домой уехать, да вот и попал в эту Саратовскую армию.— Трубачев снова помолчал и тихо проговорил: — Я, господин прапорщик, сейчас переживаю большое горе... Если б вы только знали, что в моей душе делается. У меня жена армянка, и вот что она пишет мне... Послушайте, я вам кое-что почитаю из ее письма.

Он вынул из кармана гимнастерки письмо и стал читать из него выдержки:

— «...как только русские войска оставили Баку, так сейчас же в город ворвались озверелые турки. Что тут началось, и не приведи бог! Турки стали вырезать всех армян и грабить их квартиры. Погром и резня продолжались три дня. Говорят, за эти дни вырезано пятнадцать тысяч армян. Убили мою маму и дорогую сестричку Зару... Перед тем как убить, ее изнасиловали. Ох, Владимир, пишу я тебе это письмо, а слезы льются из глаз ручьями... Что я только испытала, что я пережила. Кошмар!.. Кровь стынет от ужаса...» Ну, тут лирические отступления,— грустно улыбнулся Трубачев.— Я пропущу несколько слов. Слушайте дальше:

«...Армян убивали не только на улицах и в их домах, но и в домах русских, грузин и евреев, где они укрывались... Ты помнишь нашего соседа — часовщика Келермана? Дай ему бог здоровья на долгие годы!.. Он меня прямо-таки чуть не вырвал из рук озверевших турков и бесчувственную затащил к себе в квартиру вместе с моим ненаглядным сыночком. У него мы и спаслись. Кроме нас с сынком, у него спаслось еще тридцать семь армян. Вся квартира его была забита армянами. Мы все обнимали ноги, целовали руки этому благодетелю. От трупного запаха нельзя было проходить по улицам. Все армянские магазины, кооперативы, дома и квартиры разрушены и разгромлены. Резня армян носила зверский характер. Не щадили ни женщин, ни беременных, ни детей. Убивали стариков, больных и умирающих. Целиком были перебиты детские армянские приюты и больные в армянских больницах. Врачи и сестры

армяне, видя неизбежный конец и глумление, отравились. Все без исключения женщины-армянки перед смертью подверглись бесчестью. Насиловали не только молодых женщин, девушек, но и малолетних девочек и даже старух. Насилие производили как в домах, так и на улицах, на виду у всех...»

— Не могу больше читать,— с содроганием проговорил Трубачев и заплакал.

— Это чудовищно! — воскликнул в волнении Виктор.— Трудно даже поверить. Что это, вернулись времена Чингиз-хана и Батыя?

— Я думаю, что орды Чингиз-хана и Батыя были куда человеколюбивее этих турок,— отирая глаза платком, сказал Трубачев.

Они долго молчали.

— Я вас, господин прапорщик, не случайно позвал сюда,— наконец проговорил Трубачев, несколько успокоившись.— Я вас все утро разыскивал...

— Разыскивали? — удивился юноша.— Зачем?

Трубачев, загадочно улыбаясь, мгновение пристально смотрел на Виктора.

— Э, да ладно! — решительно махнул он рукой.— Думаю, что я в вас не ошибаюсь, и вы меня предавать не станете, если что, может, и не так скажу...

— Будьте во мне уверены! — горячо произнес Виктор.— Говорите со мной откровенно обо всем, ничего не опасаясь. Все, что я от вас ни услышал бы, умрет со мной.

— Верю,— просто сказал Трубачев.— Буду с вами откровенным. Как вам известно, я служу у Белого Дьявола Грекова в канцелярии. Приходится мне дело иметь и с секретными бумагами, покуда еще доверяют... Иной раз всякие тайны приходится узнавать. Вчерашний день в мои руки попала одна бумажонка, и она заставила меня призадуматься.

— Что же это за бумажонка? — скрывая интерес, безразличным тоном спросил Виктор, между тем думая, что, может быть, содержание ее будет полезно подпольному комитету.

— Бумажонка эта, сдается мне, касается вас,— сказал Трубачев.— Если ошибаюсь, прошу извинения.

— Вот как! — насторожился юноша.— О чем же там?

— Документ этот я с собой не взял, разумеется, но помню его содержание,— прошептал Трубачев, наклоняясь ближе к Виктору.— В бумаге этой говорится, что в Ростове благодаря доносу какого-то раскаявшегося подпольщика арестована большая группа большевиков. Многие из них по заданию большевистского подпольного комитета работали в воинских частях белых по разложению рядового состава...

Как ни сдерживал себя Виктор, но при этих словах он побледнел. Ему представилось, что перед ним сидит провокатор и старается выпытать у него.

«Черт меня дернул пойти с ним в пивную,— с тоской подумал он.— Надо бы сразу идти к сестре, а потом пробраться в Ростов. Все равно ведь теперь с этой Саратовской армией ничего не получится, раз меня видела Вера. Если я не приду сегодня к ней, она сейчас же донесет обо мне. Вот влип. Как же мне отделаться от Трубачева?»

Виктор рассеянно слушал Трубачева. Тот, что-то рассказывая, упомянул фамилию Семакова.

— Что? — встрепенулся Виктор.— Что вы сказали о Семакове?

— Вы о чем-то думаете и плохо меня слушаете,— огорченно сказал Трубачев.— Я говорю, что в бумаге этой упоминается какой-то большевистский главарь Семаков, который арестован...

— Семаков арестован?! — в ужасе воскликнул Виктор и тотчас же понял, что этим восклицанием он выдал себя: «Дурак!» — мелькнуло у него в голове.

— Я вижу, что вы мне не доверяете,— с грустью глядя на Виктора, сказал Трубачев.— Вы, вероятно, думаете, что я какой-нибудь шпик и выпытываю вас. Напрасно так думаете. Я к вам со всей душой, а вы... Эх, господин прапорщик! Если не угодно вам выслушать меня, то я могу замолчать.

— Нет, что вы! — сказал смущенный Виктор.— Я, правда, вначале о вас подумал нехорошо... Но... сейчас верю вам. Говорите, пожалуйста!

— Дальше в этой бумаге,— продолжал Трубачев,— говорится, что другом этого Семакова был молодой вольноопределяющийся Волков, носивший на груди всегда два Георгиевских креста,— посмотрел он на его кресты.— Этот волноопределяющийся послан для подрывной работы в нашу Саратовскую армию. И когда я так это пораскинул умом, то понял, что вольноопределяющийся есть не кто иной, как вы... Я еще тогда, помните, при первой нашей встрече не поверил вам, что вы к нам добровольно поступили. Оставаться вам у нас больше никак нельзя, арестуют... Тем более что наш Белый Дьявол к вам относится не очень дружелюбно.

— Ну и хорошо, что так получилось,— почти весело сказал Виктор.— Мне все равно в батальон свой теперь уже нельзя возвращаться.

— Почему?

— Да та дама, с которой я сегодня разговаривал, жена моего двоюродного брата, сообщит обо мне Розалион-Сашальскому. Она ведь его приятельница.

— Ну-у, что вы? — с недоверием протянул Трубачев.— Что ей за корысть предавать вас? Вы ж ей родственник.

— О, это коварная и мстительная женщина! — воскликнул Виктор.— Она найдет повод сделать это.

— Странно,— пожал плечами Трубачев.

Они выпили еще по кружке пива. Виктор чувствовал легкое опьянение. Ни капельки недоверия у него уже не было к Трубачеву. Обнимая его, юноша доверительно говорил:

— Очень вам благодарен. Вы меня спасли от тюрьмы, а может быть, и от смерти... Никогда этого не забуду. В батальон, конечно, мне появляться никак нельзя. Белый Дьявол сразу же сцапает. Но вот... Как же быть? В батальоне ведь остались мои вещи, главным образом разные записи, дневники...

— О бумажке этой еще никто не знает,— сказал Трубачев.— В вашем распоряжении весь сегодняшний день. Вы можете сейчас пойти в батальон и забрать свои вещи. Завтра будет уже поздно. А лучше всего я принесу вам их. Скажите только, где лежат ваши вещи, и я вечером принесу их.

Виктор дал ему адрес сестры.

IX

Всю позднюю осень вокруг осаждаемого Царицына вскипали ожесточенные кровопролитные сражения. Белые яростно рвались к городу, нажимали на измученные, утомленные от беспрестанных боев, редеющие ряды защитников его.

Не раз возникали такие минуты, когда казалось, еще один напор белых — и все будет кончено, волжская твердыня падет. И каких нечеловеческих усилий стоило большевикам сдерживать этот напор озверевших белогвардейцев.

Вражеское кольцо все туже и туже стягивалось вокруг Царицына.

Командующий X армией Ворошилов, контратаковав с фронта пехотой, бросил кавбригаду Буденного из района Бекетовки во фланг наступавшим белогвардейцам.

Ударом кавбригады Буденного с фланга и при помощи пехоты, бронепоездов удалось создать устойчивое положение на всем фронте, и белые были отброшены от Царицына.

Но белогвардейское командование не могло примириться с таким положением. Царицын ему был крайне необходим.

В начале января Ворошилов вызвал к себе начальника 1-й сводной кавалерийской дивизии Думенко. Но он отсутствовал, болел. Вместо него явился начальник штаба Буденный.

— Прошу садиться, товарищ Буденный,— сказал Ворошилов, указывая на кресло, когда тот вошел к нему в кабинет.— Как чувствуют себя ваши кавалеристы?

— Прекрасно. Все в порядке, товарищ Ворошилов.

— А вы как? — внимательно посмотрел на него Ворошилов.

— Благодарю вас, товарищ Ворошилов. Чувствую себя тоже хорошо.

— Я слышал, что на днях убит ваш брат.

Буденный вздохнул:

— Нет, товарищ Ворошилов, он не убит, а умер от тифа.

— Сочувствую, товарищ Буденный,— крепко пожав ему руку, проговорил Ворошилов.

— Жалко брата,— тихо проронил Буденный.— Парень был хороший.

Ворошилов задумчиво прошелся по кабинету, а потом остановился около Буденного и положил на его плечо руку.

— Я вас понимаю, товарищ Буденный. Горе, конечно, большое... У вас есть еще братья?

— Есть. Один — Емельян, служит в нашей дивизии красноармейцем. Второй — совсем еще маленький.

— А семья где ваша?

— Тут, под Царицыном.

— Голодают?

— Приходится всякое терпеть, товарищ Ворошилов. Мать больная...

— Мать больная? — переспросил Ворошилов.— Врач смотрел ее?

— Не знаю. Давно не видел семью.

— Это нехорошо, товарищ Буденный. О семье в любых условиях надо заботиться. Скажите моему адъютанту, где находится ваша семья, я велю послать туда доктора. Да, кроме того, пошлю гостинец вашей матери.

— Спасибо, товарищ Ворошилов,— растроганно проговорил Буденный.

— Да, трудновато нам здесь приходится,— вздохнул Ворошилов.— Наше-то дело, конечно, военное, привычное, а вот семьи страдают... Жалко ребятишек, стариков.

Они заговорили о трудностях обороны города.

— Понимаете ли, товарищ Буденный,— подходя к большой карте, почти во всю стену, утыканной белыми и красными флажками, сказал Ворошилов,— в каком затруднительном положении мы находимся... По данным разведки, на нас наступают силы противника, превосходящие наши силы почти в два с половиной раза. Белых интервенты снабдили превосходными орудиями, танками, аэропланами. Белые занимают прекрасные позиции,— провел он пальцем по карте.— А мы при своих незначительных силах занимаем фронт протяжением до трехсот пятидесяти верст. Будь белые на нашем месте, они не выдержали и давно б бежали. В чем же тут загадка, товарищ Буденный? — хитро сощурил глаза Ворошилов.— Почему большевики при таком чрезвычайно трудном положении сдерживают бешено рвущегося врага,— спросил он и сам же ответил: — А объясняется это тем, что полуголодные наши солдаты верят Коммунистической партии, своему вождю. Народ горит энтузиазмом, он хочет быстрейшей победы над заклятыми своими врагами — помещиками, фабрикантами и генералами.

Наши солдаты проявляют небывалый героизм. Это действительно чудо-богатыри!

Ворошилов прошелся по кабинету и, снова подойдя к карте, проговорил:

— Я вас, товарищ Буденный, попросил, во-первых, для того, чтобы обрисовать вам создавшуюся обстановку. Вот здесь,— указал он на линию красных флажков,— Камышинская дивизия занимает растянутый фронт от Красного Яра до села Липок... Смотрите, какое дьявольски большое расстояние. А вот здесь, по этой линии, смотрите, от хутора Садки вплоть до станицы Качалинской занимают позиции Доно-Ставропольская и Коммунистическая стрелковые дивизии... Дальше от станицы Качалинской, через хутора Вертячий и Басаргин до Червонноразного идут позиции Морозовско-Донецкой и Стальной дивизий. А вот здесь уже, от Червонноразного через селение Дубовый Овраг до села Ушаковки проходят позиции вашей кавалерийской дивизии и первой Донской стрелковой дивизии. Положение осложняется тем, что мы по существу почти окружены. Связь с девятой армией, действующей в районе Камышина, прервана. Перед нами стоит задача — немедленно произвести перегруппировку наших войск для решительного контрудара. Мы должны разорвать кольцо блокады, соединиться с девятой армией и продвинуть правый фланг к железнодорожной линии Царицын — Поворино и к Дону, чтобы затем всем фронтом перейти в общее наступление. Вот здесь-то, в проведении этой стремительной операции, и должна сыграть решающую роль ваша конница... Понятно, товарищ Буденный?

— Все хорошо понятно, товарищ командующий.

— Это первое, что я хотел вам сказать,— проговорил Ворошилов.— Из сказанного возникает второе, относящееся уже непосредственно к вам, товарищ Буденный. Я прошу вас взять первую бригаду вашей дивизии и повести ее на правый фланг нашего фронта... Пойдете вот сюда, на север,— повел карандашом по карте Ворошилов.— Сосредоточитесь в районе Прямая Балка, Давыдовка, Пролейка. Вашей бригаде придается кавбригада Доно-Ставропольской дивизии товарища Булаткина. Из этих двух кавбригад создайте мощный конный ударный кулак под вашим общим командованием, товарищ Буденный. Задача вашей кавалерийской группы должна заключаться в активных стремительных действиях против врага. Вы должны активно помогать общему наступлению нашей армии. Понятно?

— Точно так, товарищ командующий, все понятно.

— Тогда все. Действуйте, товарищ Буденный. Желаю успеха!

Пожав руку Ворошилову, Буденный вышел из кабинета.

— Не забудьте оставить адрес вашей матери,— крикнул вслед ему Ворошилов.— Передайте привет товарищу Думенко.

Выйдя из штаба командующего армией, Буденный, уже намеревался сесть в тачанку, чтобы ехать к себе в бригаду, как его вдруг кто-то окликнул:

— Семен Михайлович! Товарищ Буденный.

Буденный оглянулся. К нему подбежал улыбающийся Прохор. Был он чисто выбрит, в новой добротной кавалерийской шинели.

— Ермаков! Откуда ты? Из Петрограда, что ли, приехал?

— Так точно, Семен Михайлович,— пожимая его руку, сказал Прохор.— Вчера прибыл с товарищами из Петрограда в распоряжение политотдела армии.

— Куда же ты теперь попадешь? К нам-то едва ли отпустят. Теперь ты после курсов, глядишь, большим начальником будешь.

— Буду проситься к тебе в часть, Семен Михайлович,— ответил Прохор.— Мне, кавалеристу, больше некуда идти. Тебя, товарищ Буденный, тоже буду просить, чтобы замолвил за меня слово.

— Это уж обязательно,— пообещал Буденный.— Я не люблю своих конников разбазаривать. Ну, как на курсах? Получил зарядку, а?

— Ну, еще бы! Будто совсем другим человеком стал. Да у нас и лектора-то были, боже мой! Луначарский однажды выступал и другие товарищи. Нашим курсам придавали большое значение... Полтора месяца ежедневно с утра до вечера занимались.

— Завидно,— сказал Буденный.— Ну, теперь ты кое-кого уму-разуму будешь поучать...

— Постараюсь,— улыбнулся Прохор.— Семен Михайлович, ты к себе в часть едешь?

— Да.

— Возьми меня с собой. Мне обязательно надо съездить в полк. Там вещи остались, конь.

— А назначение когда получишь?

— Через несколько дней. Вот я и хотел воспользоваться пока свободным временем, чтоб съездить в свой эскадрон... проведать товарищей да вещи и коня взять.

— Мы сейчас перебрасываемся на другой участок фронта,— сказал Буденный.— Предстоят жаркие бои, пожалуй, некстати поедешь к нам.

— А вот и я немножко разомнусь, Семен Михайлович,— засмеялся Прохор.— А то уже отвык от боевой обстановки.

— Ну уж это ты, Прохор, брось,— шутливо погрозил Буденный.— Из-за тебя меня взгреют, если узнают, что ты в бою будешь участвовать. А вообще поехать поедем. Проведаешь товарищей.

Они уселись в тачанку и поехали.

Обиаружив, в связи с уходом двух кавбригад на правый флаиг, ослаблеине левого флаига красиых, белые повели эиергичиое наступлеиие иа село Дубовый Овраг и иаселеииую иемцами колоиию Сарепту.

Обстаиовка для красиых сразу же сложилась тяжелая. Пехотиые части и кавалеристы, прикрывавшие подступы к Царицыиу с юга, ие выдержали иапора белых и медлеиио стали отходить.

У белых был простой расчет. Оии иамеревались ударом с севера отрезать пути отступлеиия X армии, разбить пополам царицыискую группу, изолировать ее от частей Южиого фроита. Для этой цели белые сосредоточили между Царицыиом и Камышииом в райоие Ладиое — Давыдовка — Иваиовка крупиые отряды кавалерии.

В то время, когда кавалерийская часть Будеииого перебрасывалась из Сарепты, белогвардейская кавалерийская бригада под комаидоваиием войскового старшииы Чериышева, замеиявшего Коистаитииа Ермакова, при поддержке нескольких артиллерийских батарей повела иаступлеиие иа поселок Дубовку, где в это время иаходилась бригада Булаткииа. Полки Булаткииа отбросили белогвардейскую кавалерию. Но белые для поддержки бригады Чериышева подбросили пехотиые части. Но и это ие помогло. Бригада Булаткина стояла крепко, и выбить ее из Дубовки ие удавалось.

Тогда иа помощь Чериышеву пришли полки геиерала Голубиицева и дивизия геиерала Кравцова. Все эти части одиовремеиио ударили иа Дубовку. Им удалось выбить из поселка полки Булаткииа и поддерживающую их 39-ю стрелковую дивизию.

Положеиие осаждеииого Царицыиа в это время особеиио стало тяжелым. Белогвардейцы иажимали со всех сторои. Кавалерийская бригада вместе с 37-й стрелковой дивизией, удерживающие иапор белых в райоие Сарепты, не выдержали и иачали отход. При этом кавбригада попала в чрезвычайио трудиое положеиие. Четвертый кавалерийскнй полк под натиском белых выиуждеи был отойти по льду через Волгу. Крымский кавалерийский полк под комаидованием Тимошеико отбивался от белых иа крутом обрывистом берегу Волги. Полк этот мог бы погибиуть, если б не вовремя послаииый иа выручку автоброиевик, смело врезавшийся в гущу белых. Кавалеристы под урагаиным орудийиым и пулеметиым огием противиика проскочили через Волгу по льду. Полк был спасеи.

Белогвардейцы теперь вслед за красиыми переходили Волгу по льду. Бои шли иа подступах к городу. Вот-вот казалось, волжская твердыия падет и в Царицыи войдут белые...

Перебрасывая свою бригаду, Будеиный иичего ие зиал о создавшемся положеиии. В пути ои получил прказ командую-

щего армией форсированным маршем идти на Дубовку и вступить в бой с войсками генерала Кравцова и Голубинцева.

Буденный с небольшим отрядом конников мчался по заснеженной дороге впереди своей бригады. Не теряя дистанции, за ним следовали полки.

Еще издали из-за небольшого мелкого леска слышались ружейная трескотня, приглушенные голоса людей. Изредка залповыми ударами били батареи.

Выслав разъезды и выяснив обстановку, Буденный сейчас же развернул полки в лаву. С криками и гиканьем красные конники атаковали конницу генерала Кравцова с тыла.

Совершенно неожиданно для белых с заснеженного пригорка, как стая птиц, взблескивая на холодном, морозном солнце шашками, мчались красные кавалеристы.

Спешенные казачьи полки генерала Кравцова в это время, лежа в наскоро вырытых окопчиках, вели ружейную перестрелку с красными. При виде зашедших им в тыл красных конников они в панике бросились к своим лошадям, находившимся с коноводами в балке. Торопливо вскакивая в седла, они намеревались умчаться прочь.

— Ни с места, сволочи! Зарублю сукиных сынов! — исступленно кричал генерал.

Больших трудов стоило Кравцову удержать казаков от бегства.

Кое-как построив их развернутым фронтом, он перекрестился. Подняв высоко вверх шашку, закричал:

— С богом, братцы! За мной! Впе-еред! — и, пришпорив коня, ринулся навстречу буденновцам. С шумом, с гвалтом рванулись вслед за ним и казаки...

X

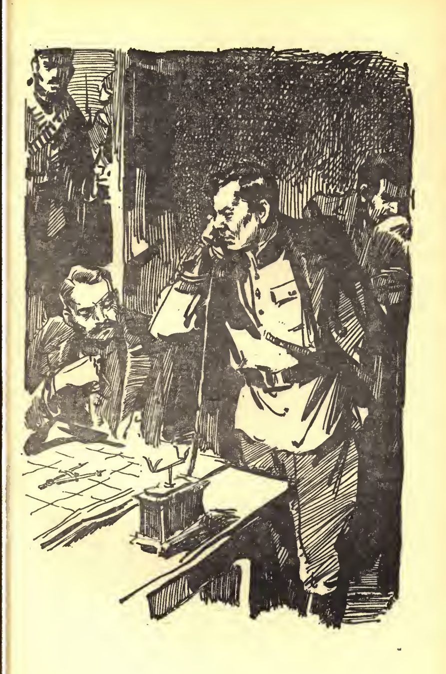
Прохор, не утерпев, принял участие в битве.

Низко склонившись к гриве жеребца, он крепко сжимал эфес шашки. Зорко оглядывая поле битвы, он мчался впереди эскадрона. Прохор ясно видел лавину белых всадников, видел впереди них скакавшего на светло-рыжем коне толстого кавалериста с развевавшимися седыми усами.

«Должно быть, сам их командир»,— подумал Прохор. Он оглянулся: бойцы молча скакали вслед за ним. Встретив вопросительный взгляд порозовевшего от возбуждения Дмитрия, Прохор ободряюще кивнул ему. Юноша улыбнулся и перевел взгляд на мчавшихся навстречу белых казаков.

«Как будто не трусит»,— удовлетворенно подумал о нем Прохор.

Когда белые были уже настолько близко, что легко различались их лица, Прохор, привстав на стременах, снова строго оглянул своих конников. Нет! Бойцы не робели. На мгновение



в глазах Прохора мелькнула высокая папаха Буденного и сейчас же исчезла где-то в гуще мчавшихся конников.

«Буденный с нами!» — удовлетворенно подумал Прохор.

— Товарищи, ура-а! — крикнул он исступленно.— Бей гадов!.. За революцию! Ура-а!

— За революцию! — разноголосо подхватили конники.— Ура-а!..

С силой Прохор ударил тупой стороной шашки по боку жеребца. Жеребец со злобным визгом подпрыгнул и быстро рванулся вперед. Перед Прохором появился седоусый плотный белогвардеец с красным, злым лицом. Прохор поднял шашку и вдруг, заметив на плечах седоусого белогвардейца генеральские погоны, с изумлением опустил ее.

«Генерал! Вот так гусь! Надо в плен захватить... Буденный обрадуется».

— Сдавайся, старый гад! — схватив за узду коня генерала, крикнул Прохор.

— Пошел ты...— хрипло похабно выругался генерал и замахнулся на Прохора шашкой. Прохор со звоном отбил удар своим палашом.

Генерал со злостью швырнул шашку, выхватил из кармана браунинг, выстрелил в него. Прохор почувствовал, как по щеке потекла горячая струйка.

— Ну, умри ж! — выпуская повод генеральской лошади, прохрипел Прохор. Он взмахнул шашкой и наотмашь, немного наискось, точно так, как его когда-то учили на строевых занятиях в полку рубить чучела из глины, со свистом рубанул. Генерал соскользнул с лошади, обливая ее кровью.

Едва Прохор успел управиться с генералом, как увидел, что на него летит плечистый грузный казак в меховой поддевке и в черной курпейчатой папахе с голубым верхом. Выставив пику, он готов был пронзить Прохора. Рыжий кудлатый чуб казака буйно рассыпался по лбу, почти закрывая горящие ненавистью глаза.

«Атаманец,— мелькнуло в сознании Прохора.— Может, сослуживец?..» Но раздумывать об этом было некогда. Острие пики белогвардейца мелькнуло метрах в двух от Прохора. Откинувшись в сторону, Прохор сильно ударил шашкой по древку пики. Пика дрогнула в руке казака и, устремившись в сторону, черкнула острием по крупу Прохоровой лошади. Жеребец взвился на дыбы. Атаманец, испуганно взглянув на Прохора, пролетел мимо.

— Скурыгин! — удивленно вскрикнул Прохор, узнав казака. Но тот уже исчез в толпе сражавшихся.

Вдруг произошло что-то непонятное. Ряды красных дрогнули, и конники, поворачивая, поскакали назад. Прохор помчался вслед за всеми, досадуя, что атака не удалась.

На пригорке, сдерживая коня, в окружении нескольких

командиров стоял Буденный. Размахивая шашкой, он кричал:

— Стой!.. Остановитесь!..

Но конники мчались мимо.

Прохор подскакал к группе Буденного и спросил у одного из командиров, что случилось.

— К белым подошло несколько свежих полков, и наши запаниковали,— отрывисто бросил командир.

— По-овод впра-аво! — вдруг скомандовал Буденный.

— По-овод вправо! — раздались вдруг голоса командиров.— По-овод вправо!

— По-овод вправо!..— переходило из уст в уста.

Один за другим кавалеристы на рысях поворачивали направо.

Некоторое время вся конная лавина стремительно скакала вправо.

— По-овод вправо! — снова скомандовал Буденный.

— По-овод вправо! — загремели голоса командиров.— Повод вправо!..

И вся конная лавина сразу же, на скаку, повернула снова направо и очутилась лицом к лицу с преследующей белой конницей. Перескочив канаву, Буденный наметом подлетел к середине своей бригады, выхватил из ножен шашку и с криком «В атаку!.. Ура!» поскакал прямо в лоб противнику. Конная лава с криками «ура!» стремительно двинулась вперед.

— Ай да Буденный! — восхищенно вскричал Прохор, поняв его маневр.

Атака конников настолько была внезапна и ошеломляюща, что белые не сумели даже оказать серьезного сопротивления и в панике бежали. Красные кавалеристы преследовали их.

Хотя это и была большая военная удача, в какой-то мере срывающая план белых по расчленению X Красной Армии и завершению окружения царицынской группы, но впереди еще предстояло много трудностей, много кровопролитнейших битв. Разве могли белогвардейцы так легко смириться со своим поражением, тем более что на этом участке фронта у них было много войска?

Конечно, нет, и это отлично понимал командующий X армией Ворошилов. Связавшись по телефону с Буденным, он сказал:

— Поздравляю вас, товарищ Буденный, с блестящей победой. Объявите от имени военсовета десятой большую благодарность всем кавалеристам и командирам, участвовавшим в разгроме белогвардейской конницы.

— Есть, товарищ командующий!

— Вы и сами, товарищ Буденный,— продолжал Ворошилов,— отлично понимаете, что белогвардейцы все ставят на карту, чтобы разгромить нас и захватить Царицын... Но этого

допустить никак нельзя. Мы все ляжем у стен Царицына, но не пустим врага в город.

— Определенно, товарищ командующий,— подтвердил Буденный.— Умрем, но белогвардейцев в город не пустим.

— Товарищ Буденный, военсовет десятой возлагает на вас и ваших кавалеристов исключительные надежды.

— Будьте уверены, товарищ командующий,— ответил Буденный.— Напряжем все силы, но ваши надежды и доверие оправдаем.

— Действуйте, товарищ Буденный. Желаю успеха!

— Спасибо, товарищ Ворошилов.

В тот же день к вечеру разведка донесла Буденному о том, что к селению Давыдовка подходят свежие конные части белого генерала Голубинцева.

Буденный разгадал планы белых: они задумали объединить всю свою кавалерию на этом участке фронта в общую группу, чтобы всей этой массой ударить по красным, смять их, вызвать панику и, таким образом, одним мощным ударом сразу сломить оборону Царицына.

Угроза серьезная. Буденный представил себе, что действительно если дать возможность белым объединить всю кавалерию, то она образует такую силу, с которой трудно будет справиться. И он решил никоим образом не допустить объединения белой конницы и бить ее по частям.

На следующий день, рано утром, Буденный повел свою бригаду на Давыдовку, намереваясь с налета атаковать противника. Но ошеломить белых, как задумал Буденный, не удалось. Противник, видимо кем-то уведомленный, подготовился к бою.

Буденный был раздосадован неудачей. Превосходство белых было явное. Продолжать с ними единоборство бессмысленно. Буденный отвел бригаду к селу Песковатке и сейчас же связался по телефону со штабом армии. К телефону подошел Ворошилов. Слышимость была плохая.

— Товарищ командующий! — кричал в трубку Буденный.— Товарищ Ворошилов! Вы меня слышите? Я — Буденный. Буденный...

— Слышу, но плохо,— комариным писком отзывалась трубка.— Что вы мне хотите сказать, товарищ Буденный?

— Я нарвался на крупные силы противника,— кричал Буденный.— На крупные силы... Слышите?.. Двое суток, как львы, дрались мои конники. Но силы белых слишком велики. Пришлось отойти...

— Именем революции приказываю вам не делать этого. Держитесь, товарищ Буденный! Слышите, держитесь!

— Слушаюсь, товарищ командующий. Буду держаться. Но

я настойчиво прошу ускорить присоединение ко мне бригады Булаткина.

— Разве она еще не вошла в ваше подчинение?

— Нет.

— Сейчас же прикажу Булаткину присоединиться к вам. Что еще надо?

— Прошу обязательно прислать пару автоброневиков. Вы слышите меня, товарищ командующий, два автоброневика.

— Слышу... Хорошо, товарищ Буденный, подумаю. Все?

— Все, товарищ командующий.

— До свидания, товарищ Буденный! Желаю удачи.

— Спасибо! До свидания.

Но Буденный не дождался присоединения кавбригады Булаткина — белые атаковали бригаду — и начал действовать. В этом сражении Буденный добился большого успеха. За один только день его кавбригада у Песковатки, Давыдовки и Дубовки разгромила два пехотных и пять кавалерийских вражеских полков.

К концу сражения подошла бригада Булаткина.

Вечером того же дня от Ворошилова был получен приказ: из кавбригад Буденного и Булаткина образовать кавалерийскую дивизию. Начальником дивизии[1] назначался Буденный, политкомом Мусинов.

Обстановка вокруг Царицына по-прежнему складывалась в пользу белых. Они активно развивали наступление, все плотнее сжимая кольцо своих войск вокруг героического города. Они оттеснили части красных к Гумраку и станции Ельшанке.

XI

Вновь назначенный командующий X армией Егоров созвал заседание Реввоенсовета, на котором, кроме членов Реввоенсовета армии Сомова, Ефремова и Лагрена, присутствовали приглашенные начальники дивизий и командиры бригад вместе с комиссарами.

В комнате было сильно накурено и холодно. Командиры и комиссары сидели одетые в бекеши, шинели, кожаные пальто.

Худощавый, подтянутый, с военной выправкой, Егоров, стоя у стола, одетый в ловко пригнанную шинель с серым барашковым воротником, сделал сообщение.

— Вот, товарищи,— указал он на карту, повешенную на стене,— вот именно здесь,— повел он по карте карандашом,— против нашего правого фланга действует мощная кавалерийская группа противника. Цель этой группы — прорвать наш

[1] В гражданскую войну командиры дивизий назывались начальниками.

фронт, всей своей массой двинуться к нам в тыл, внести панику в наши ряды...

— Хитро задумано,— заметил кто-то.

— Очень хитро,— согласился Егоров.— И эту хитрость мы должны расстроить. Мы уже говорили с товарищем Буденным. У него есть свой план. Мы его сейчас выслушаем и обсудим, стоит ли его поддержать или нет. Пожалуйста, товарищ Буденный, говорите!

Буденный, в защитной бекеше и высокой казачьей, лихо заломленной набекрень папахе подошел к карте.

— Я думаю, товарищи,— сказал он, оглядывая сидящих в комнате,— чтобы не допустить такого положения, о котором нам сейчас говорил командующий, я прошу разрешить мне пойти с дивизией в тыл этой белогвардейской группировки, попытаться разгромить ее. А затем мы совершим ряд налетов с тыла на каждую группировку белых в отдельности. Убежден в удаче такого рейда. Вот смотрите,— повел он карандашом по карте,— условия для такого рейда благоприятствуют нам. Здесь мы проходим балкой незаметно для белых, затем вот этим леском заходим в тыл белой коннице. Охраны тут у них нет, они и не подумают подозревать нас. Разгромив эту группировку, мы с налета атакуем вот эту группу.

Десятки глаз присутствующих внимательно следили за движениями карандаша Буденного.

— Хорошо здесь растабаривать, в кабинете штаба,— проворчал кто-то скептически.— А там, на поле, оно другое может показать.

Егоров подошел к карте и сказал:

— Товарищ Буденный совершенно прав. Если мы поставим перед его дивизией задачу — ударом через Дубовку, Иловлю, Качалинскую на Гумрак разгромить противника перед нашим правым флангом, то это значит, что при удаче — а я не сомневаюсь, что она будет достигнута,— мы сумеем разомкнуть кольцо вражеского окружения. Я считаю, товарищи,— повеселевшим взглядом окинул он присутствующих членов Военсовета и командиров,— что мысль товарища Буденного правильная и ее надо поддержать. Если он успешно справится с возложенной задачей, то это даст возможность развить успех и всем частям нашего фронта. Мы тогда сумеем перейти в наступление по всему фронту. Может быть, у кого будут возражения или другие соображения? — обвел взглядом присутствующих Егоров.

Все молчали.

— Тогда согласимся с предложенным планом,— сказал в заключение командующий.

Когда заседание Реввоенсовета армии закончилось, Егоров подозвал к себе Буденного.

— Семен Михайлович, я хочу порекомендовать вам хоро-

шего, дельного командира,— указал он на молодого стройного военного.— Вы знакомы или нет?

— Нет,— сказал Буденный.— Не доводилось познакомиться.

— Это ваш тезка,— улыбнулся Егоров. Тимошенко Семен Константинович.

— О! — протянул Буденный, пожимая руку Тимошенко.— О нем я слышал немало. Рубака, говорят, ловкий. Головы белогвардейцам, как кочаны капустные, срубает...

— Куда мне, Семен Михайлович, против вашего,— засмеялся Тимошенко.— Вот вы рубака так рубака. Как рубанете сверху, так надвое беляка разрубаете.

— Всякое бывает,— загадочно усмехнулся Буденный.

— Я вас познакомил не зря,— снова проговорил Егоров. Товарищ Тимошенко откомандировывается в ваше распоряжение. Сумеете его использовать?

— Вы, кажется, командовали Крымским полком? — вместо ответа спросил Буденный у Тимошенко.

— Совершенно верно, командовал.

— Кстати, вы не знаете Павла Бахарева?

— Командира бронеотряда?

— Да.

— Ну, как же, только вчера виделись. Мой приятель хороший.

— И мой тоже,— сказал Буденный.— Геройский парень. Так что ж, товарищ Тимошенко, давайте договариваться. Командовать второй бригадой будете?

— Буду,— сказал Тимошенко.

— Справитесь? — спросил Егоров, испытующе глядя на Тимошенко.

— Самого себя рекомендовать неудобно,— улыбнулся Тимошенко.— Но под командованием такого вояки, как товарищ Буденный, охотно буду служить и, надеюсь, с должностью комбрига справлюсь.

— Ну, и в добрый час! — с удовлетворением сказал Егоров.— Езжайте. Там у себя обо всем договоритесь. Хочу, товарищ Буденный, порекомендовать еще одного товарища...

— Кого ж, товарищ командующий? — спросил Буденный.

— Фому Котова. Боевой казак. У меня тут служил. А теперь просится в кавалерию, хочется ему воевать. Возьмите его, товарищ Буденный, замечательный ординарец будет.

— Хорошо, товарищ Егоров, возьму.

Приехав из штаба армии с Тимошенко и ординарцем Фомой Котовым в свою дивизию, Буденный узнал, что генерал Голубинцев собрал у хутора Прямая Балка несколько кавалерийских полков, с которыми намеревался произвести прорыв позиции красных для того, чтобы зайти в тыл защитникам Царицына.

Буденный решил предотвратить эту опасность. В полночь под 22 января он отдал приказ по дивизии о выступлении.

К рассвету передовой эскадрон достиг Сухой Балки, находившейся в пяти верстах южнее Прямой Балки. Буденный приказал сделать остановку.

Сидя на высоком лысолобом рыжем коне, плотно запахнувшись в бурку, Буденный с пригорка наблюдал за тем, как подтягивались последние эскадроны.

— Товарищ Мусинов,— негромко позвал он политкома дивизии.

— Я вас слушаю, товарищ начдив,— простуженным голосом отозвался Мусинов, подъезжая к Буденному.

— Как ваше самочувствие? Лучше вам или нет?

Политком зябко поежился.

— Чепуха,— сказал он.— Немного ломает... Пройдет.

— Нет, не говорите так, товарищ Мусинов,— строго проговорил Буденный.— Эта болезнь каверзная. Отлежаться надо вам денька два.

— Что вы, Семен Михайлович! — испуганно отмахнулся политком.— Мыслимое ли дело сейчас отлеживаться? Не обращайте внимания на мою болезнь... Пройдет.

— Не храбритесь, товарищ комиссар,— сказал Буденный.— Я вам приказываю, поезжайте к врачу.

— Хорошо, Семен Михайлович, съезжу.

— А перед тем как поехать к врачу, я хочу с вами посоветоваться.

— Слушаю вас, Семен Михайлович.

— Вам уже известно, что по рекомендации командующего армией командиром второй бригады я назначил товарища Тимошенко?

— Известно, товарищ начдив.

— Теперь надо нам укрепить командование первой бригады. Есть мнение комбригом первой назначить Оку Ивановича Городовикова.

— Я не возражаю и предлагаю ему хорошего комиссара. Есть на примете человек.

— Кого вы имеете в виду, товарищ Буденный?

— Прохора Ермакова. Знаете его?

— Как же. Он тут в бою отличился, генерала Кравцова зарубил. Замечательный вояка.

— Он не только вояка,— заметил Буденный.— Но и комиссаром отличным будет. Только что из Петрограда приехал, политические курсы там окончил. Парень неплохой, знаю я его еще с австрийского фронта. Вот, может быть, молод...

— Разве это беда? — возразил Мусинов.— Я знаю двадцатилетних военкомов дивизий. Отлично справляются со своим делом. О Ермакове политотдел армии самого хорошего мнения.

— Поговорнте в политотделе иасчет Ермакова. Жалко, еслн его от нас возьмут.

— Обязательио поговорю, сегодня же свяжусь. Если не возражаете, я, может быть, съезжу в штаб.

— Хорошо,— согласнлся Буденный.— Только вначале поезжайте к доктору, а я вызову Городовикова, поговорю с ним.

— Строгая вы нянька, товарищ начднв,— засмеялся Мусиов.— Ничего не поделаешь, придется поехать к лекарю.

Проводнв больного комиссара к врачу, Буденный позвал своего нового орднинарца:

— Товарнщ Котов!

Фома галопом подскакал к Будениому, прнложнл руку к папахе:

— Слушаю, товарищ начднв.

— Поезжай, товарищ Котов, разыщн Городовикова.

— Сей мент, товарищ иачдив,— снова козырнул Фома и, подтолкнув каблукамн под бока лошадь, рванулся во мглу туманного утра.

Где-то за леском, виднмо в Прямой Балке, голосисто перекликались петухн. Приглушенно лаяли собакн. Изредка, как дождевые капли о дно пустого ведра, стучали выстрелы.

Буденный, глядя на дорогу, по которой в сумеречном рассвете утра, как тени, мелькали кавалеристы, думал о предстоящем сраженин. Нужно было взвесить все до мельчайших деталей, чтобы как можно меньше было потерь в людях и больше достигнуто результатов.

Подъехал начальннк штаба дивнзии — хоперский казак Зотов.

— Товарищ начдив,— сказал он,— разведчикн доставилн «языка». Прнкажите привестн?

— Вы его допросили?

— Так точно.

— Что он говорит?

— Говорит, что в хуторе Прямая Балка и близ него находятся первый, тринадцатый, четырнадцатый, пятнадцатый, семнадцатый кавалерийские и один пехотиый белогвардейские полки.

— Это, зиачит... тысяч шесть-семь сабель и штыков?

— Надо полагать так, товарищ иачдив.

— Выходит, что у белогвардейцев вдвое больше сил?

— Совершенно верно.

— Вы уточнили расположение белогвардейских полков?

— Уточннл. Разрешите показать по карте,— и иачальник штаба, выиув из планшеткн карту, развернул ее перед Буденным.

Было еще темио, ио оии виимательно рассмотрели иа карте расположеине вражеских полков.

Подъехал Городовиков.

— Здравствуй, Ока Иванович! — поздоровался с ним Буденный.— Как нога? Зажила?

— Лучше стало, Семен Михайлович,— ответил Городовиков.— Хромаю, но хожу... Ничего.

— Ну, если ничего, то придется тебе, брат, принимать командование бригадой.

— Какой бригадой?

— Свою бригаду примешь. Ваш комбриг ранен, отвезли в госпиталь.

Городовиков засмеялся.

— Ты чего смеешься?

— Да как же, Семен Михайлович, не смеяться? Мыслимое ли дело, совсем простой человек, и вдруг на тебе — комбриг... Это же, можно сказать, генеральский чин. Куда мне? Когда я был на действительной службе, то у нас командиром бригады ученый генерал был. Генерал Просвиров. Может, слыхал? А я — кто? Простой калмык, пастух.

— Ты меньше рассуждай, Ока Иванович,— сердито проговорил Буденный.— Знаю я тебя, хитрец большой. Пастух, он не ученый. А я, по-твоему, кто? Граф, что ли? Или я академию генерального штаба кончал? Сам знаешь, вечным батраком был. А теперь вот, видишь, дивизией командую. Раз революция требует, чтобы мы с тобой командирами были, значит, надо подчиняться. Плохой тот солдат, который не думает быть генералом.

— Да это-то хоть так,— согласился Городовиков.— Но боюсь, не справлюсь.

— Полком-то ты командуешь? Справляешься? Да еще как справляешься.

— Полком-то кое-как,— хитро сощурил глаза Городовиков.

— Не обманывай, Ока Иванович. Не кое-как, а командуешь полком прекрасно. Не прикидывайся простачком. Принимай бригаду живо, без разговоров.

— Ну, не ругайся, начдив,— засмеялся Городовиков.— Принял бригаду.

— Вот так и давно бы... А комиссаром у тебя будет Прохор Ермаков.

Городовиков от изумления свистнул.

— Чего свистишь? — хмуро спросил его Буденный.

— Ермаков — военный комиссар?

— А чего тут удивительного? — пожал плечами Буденный.

— Да молод он еще.

— Молод,— усмехнулся Буденный.— Этот молодой прошел огонь, воду и медные трубы, как говорится. Мы вот с тобой, Ока Иванович, пока еще беспартийные, а Ермаков уже давно коммунист. У товарища Ленина бывал. Политические курсы окончил. А рубака какой!

— Ермаков боевой,— согласился Городовиков.

— А у нас комиссары должны быть боевые.

— Но его же нету. Он, говорят, в распоряжении штаба армии находится...

— Верно,— сказал Буденный.— Наш политком дивизии товарищ Мусинов сегодня поедет к начальству хлопотать, чтоб утвердили Ермакова твоим военкомом. Да утвердят, конечно. Так что, Ока Иванович,— вынув карту, стал объяснять Буденный,— ты с бригадой сейчас зайдешь с запада. А Тимошенко со своей частью пойдет прямо в лоб противнику. Он оттянет на себя все силы врага, а ты в это время действуй с тыла. Понял? А как действовать, тебя учить нечего, ты сам можешь любого научить. Хитрый же ты.

— Будь спокоен, Семен Михайлович,— усмехнулся Городовиков.— До свидания, товарищ начдив! — хлестнул он плетью своего коня.

— Желаю успеха! — крикнул вслед ему Буденный.

...Налет дивизии Буденного на белогвардейские полки генерала Голубинцева был стремителен. Белые растерялись.

В хуторе Прямая Балка, где расположился со своим штабом генерал Голубинцев, началась паника. Казаки и офицеры выскакивали из хат почти в одном белье. Автоброневики красных, ворвавшись в хутор, в упор расстреливали их. Если кому из белогвардейцев и удавалось выскочить из хутора в поле, то такой попадал под острые клинки конников Тимошенко.

Буденный вместе с политкомом Мусиновым, сопровождаемый взводом конников, влетел в хутор. Ординарцы не отставали от него. Фома Котов глаз не спускал с начдива.

Белые, несколько оправившись от паники, встретили их ружейным огнем. Фома увидел, как начдив вздрогнул.

— Товарищ начдив, вы ранены? — подскочил он к Буденному.

— Пустяки, Котов,— поморщился Буденный.— Пустяки... За мной! — крикнул он, сворачивая направо в переулок.— Комиссар, не отставай!

Конники хлынули в уличку вслед за Буденным и Мусиновым.

Здесь было тише, пули сюда не долетали. Буденный спросил у комиссара:

— Вы не знаете, где Тимошенко?

— Видел, когда он атаковал хутор,— ответил Мусинов.— А сейчас не знаю, где он...

— Ах, черт побрал! — выругался Буденный.— Упустили из хутора Голубинцева.— Привстав на стременах, он оглянулся: — Котов!

— Слушаю вас, товарищ начдив,— подскочил Фома на своей живой, резвой лошадке.

Но Буденный не успел ему сказать. Из переулка выскочил на невзрачной рыжей лошаденке странный всадник в старень-

кой дубленой шубейке и в лихо взбитом набекрень треухе. Ехал он без седла, взмахивая руками.

— Сто-ой! — осадив лошаденку, воинственно заорал этот всадник.

— Ты что за командир такой? — подъехав к нему, спросил Буденный.— Что кричишь?

— Не командир я,— ответил парень,— а батрак поповский... Вы красные, ай не? — испытующе оглядел он Буденного и его спутников.

— Красные.

— Во! — обрадовался парень.— Их-то мне и надобно. А кто у вас заглавный?

— Я заглавный,— ответил Буденный.

— А не врешь? — недоверчиво посмотрел на него парень.

— Не вру. Говори скорее, в чем дело?

— Да не ты в самом деле заглавный? — снова спросил парень и перекинул взгляд на Мусинова.— Не брешет он, а?..

— Он правду говорит,— сдерживая смех, ответил комиссар.— Это начдив Буденный.

— Слыхал о Буденном,— обрадованно проговорил парень.— Да, вишь, какое дело-то, начальник. Меня Ванькой зовут. Толкушкин Ванька... У попа я батраком работаю. Ныне ночью у нашего попа генерал Голубинцев ночевал со своими офицерьями. А ныне поутру, как толечко зачалась стрельба, генерал-то этот со своими офицерьями вскочили с постелей — да на коней. Поп меня разбудил: «Ванька, говорит, проводи генерала за хутор балочкой». Вот я этого толстопузого генерала да его офицерьев проводил по балке — да сюда, думаю, может, встречу где заглавного красных, чтоб, мол, поймать этого сатану-то, Голубинцева... Ей-богу, правда!

— А ты можешь нас провести к этой балке? — спросил Буденный.

— А почему нет? — усмехнулся парень.— Конечно, могу.

— Пошел! — крикнул Буденный.— Веди, Иван!

Парень толкнул ногами под бока свою лошаденку и снова, подбрасывая локти, помчался по улице. Буденный, комиссар Мусинов и все остальные поскакали вслед за ним.

— Не подведет? — спросил Мусинов у Буденного, указывая на парня.

— Такие не подводят,— ответил Буденный.

Проехав сады, парень нырнул в небольшую балку и, не останавливаясь, молча указал Буденному на свежие лошадиные следы на снегу.

Выскочив из балки на заснеженную степь, парень радостно вскричал, указывая на группу всадников, удалявшуюся от хутора:

— Вон они, проклятые!

— За мной! — закричал Буденный и, обгоняя парня, с ме-

ста в карьер, крупным наметом помчался вслед за белогвардейцами.

Чистокровный дончак Буденного сразу же выдвинулся вперед. Далеко отстали комиссар Мусинов и только что прибывший молодой командир Лемешко, назначенный адъютантом к Буденному. Не отставал лишь от начдива Фома Котов на своей бойкой маленькой лошаденке. Буденный с удивлением посматривал на него, потом, не утерпев, спросил:

— Какой породы лошадь у тебя, Котов?

— Кабардинской, товарищ начдив.

— Хорошая лошадь.

— Неплохая, товарищ начдив.

И они продолжали мчаться молча. Проскакав версты две по сугробам, Фома почувствовал, что вспаренный его конь долго не выдержит такой бешеной езды.

— Товарищ начдив,— крикнул он.— Лошадей загоним.

— А вон видишь? — указал обнаженной шашкой вперед Буденный.

Они нагнали нескольких белогвардейцев на заморенных лошадях.

— Стой! — загремел Буденный.

Белогвардейцы покорно остановились и, подняв руки, испуганно смотрели на приближавшихся Буденного и Котова.

— Где генерал Голубинцев? — спросил у них Буденный.

— Впереди скачет,— охотно ответили пленные.

— Вперед! — крикнул Буденный Фоме, и они снова помчались.

«Падет мой конь»,— с тоской думал Фома, но отставать от начдива не посмел.

— Смотри, Котов! — крикнул Буденный, указывая на пригнувшегося к гриве всадника в защитной бекеше, скакавшего впереди на тяжелой лошади.— Кажись, офицер?

— Так точно, товарищ начдив,— подтвердил Фома.— Офицер. Я его сейчас зарублю,— поднял он шашку.

— Не надо,— сказал Буденный.— Возьмем так.

Поравнявшись с офицером, он тупой стороной шашки ударил его по спине.

— Сдавайся!

Офицер, рябой, смуглолицый, передернулся в седле от ужаса.

— Где Голубинцев?!

— Там... там...— указывая вперед, пробормотал офицер, тяжело склоняясь над лошадью.

Буденный снова рванулся вперед. Глаза его горели. Больно уж заманчива была мысль забрать в плен генерала Голубинцева.

Фома, сожалеюще оглядывая своего коня и сокрушенно покачивая головой, не отставал от начдива.

По посвисту пуль над головой Фома догадался, что их обстреляли с пригорка.

— Товарищ начдив! — встревоженно крикнул он.— Дальше нельзя. Обстреливают!

Но Буденный сам это уже понял и остановился, с сожалением глядя на отдалявшихся всадников.

— Ускакали, гады.

Он поднял руку и посмотрел на нее. Сквозь шерстяную перчатку выступали капли крови.

— Товарищ начдив,— вскричал Фома,— вы ж ранены!

— Ранен,— болезненно усмехнулся Буденный.— Я уже два раза сегодня ранен.

— И вы молчите?

— А разве в таком случае нужно кричать?.. Сижу в седле — значит, все в порядке. Ах, черт! — снова с сожалением посмотрел в сторону ускакавших белогвардейских всадников.— Удрал Голубинцев. Счастлив на этот раз... Но ничего, другой раз не убежит.

Подъехали конники во главе с комиссаром Мусиновым.

— Начдив два раза ранен,— сказал ему Фома.

— Семен Михайлович! — встревожился комиссар.— Вам плохо? — Он соскочил с лошади, хотел помочь ему слезть с коня, но Буденный отмахнулся.

— Не беспокойтесь, товарищ политком. Я ранен легко, доеду сам до околотка.

— Товарищ начдив,— произнес Мусинов.— От Тимошенко коннонарочный прискакал... Хутор Прямая Балка в наших руках, враг разгромлен, много пленных, большие трофеи.

— Замечательно! — радостно сказал Буденный.— Я в этом был убежден. А где наши пленные? Там среди них, кажется, офицер был.

— Здесь, товарищ начдив,— отозвался адъютант Лемешко, подводя к Буденному трех пленных казаков и одного офицера с есаульскими погонами. Офицер едва держался на ногах, его поддерживали под руки два казака.

— Что он пьян, что ли? — удивился Буденный.

— Он тяжело ранен, господин командир,— ответил один из пленных.

— Не господин, а товарищ,— внушительно поправил Фома.

— Извиняюсь, товарищ командир,— смутился казак.

— Ранен? — переспросил Буденный.— Гм... тогда надо устроить его на подводу... Как фамилия, есаул? — взглянул он на офицера.

— Крючков,— тихо ответил офицер.

— Крючков? — с интересом взглянул на него Буденный.— Уж не Козьма ли?

— Козьма,— кивнул офицер.

— Вот птица-то какая знаменитая к нам попала,— усмех-

нулся Буденный.— Это же, товарищи, тот самый Козьма Крючков, про которого буржуазные газеты легенды писали, что будто он чуть ли не эскадрон австрийцев зарубил. Ну да дело не в этом. Человек раненый, надо его в госпиталь отправить.

Достали подводу, уложили в сани Крючкова, повезли в госпиталь. Но довезти его не удалось, дорогой он умер...

Выйдя из госпиталя, Константин отправился на освидетельствование медицинской комиссии, в душе тая надежду, что его признают непригодным для фронтовой службы и определят для службы в тылу. Ему не только надоела война, но он стал ее бояться.

Будучи человеком суеверным, Константин внушил себе мысль, что его преследует рок, и если он снова попадет на фронт, то уж на этот раз его непременно убьет Прохор. Но медицинская комиссия не знала представшего перед ней полковника, да и имела строгие указания начальства меньше обращать внимания на разные болезни военнослужащих и направлять всех на фронт. Она предоставила Константину две недели отпуска для поправки здоровья, после чего он снова должен быть направлен в строй.

Пришел он домой хмурый, удрученный.

— Что с тобой, мой мальчик? — приласкалась к нему Вера.— О чем грустишь?

— Ты ошибаешься, Верусик, я совершенно ни о чем не грущу.

— Но у тебя вид какой-то хмурый, грустный...

— Да просто так. Ранен же я был, болел...

— Милый мой вояка,— звонко расцеловала его Вера.— Ну, поживешь дома, поправишься, станешь снова веселым. Твоя женушка сумеет тебя развеселить...

Константин вздохнул и промолчал.

Вера взобралась к нему на колени и начала плаксиво:

— Костик, твоя женушка ходит, как кухарка. У других дам новые прекрасные платья, лаковые французские туфли. Шикарные шляпы. Я уж не говорю о драгоценностях... А я, бедная, ничего абсолютно не имею... Старые платья перешиваю... перчатки все изодранные. Стыдно среди людей показываться.— И она заплакала.

Константин сморщился, как от зубной боли.

— Не скули, Верочка, ради бога! — замахал он руками.— Разве мне до этого сейчас? Вот если б случилось так, как я хотел, тогда б другое дело... Все б у тебя было, родная, даже собачка на серебряной цепочке. А то ведь получается все не так, как хочешь.

— А что случилось, милый, скажи?

Константин вынужден был признаться жене:

— Пойми меня, родная Верочка, как мне не хочется снова идти на фронт! Хватит, черт побрал! Я уже вдоволь нахлебался этой войны. Я предчувствую, что Прохор доконает меня. Я в последнее время убеждаюсь, что судьба уготовила мне смерть от руки брата. Какой я дурак, что не повесил его. Отца с матерью пожалел...

— Костенька, а тебе никак нельзя отделаться от фронта?

— Как же, Верочка? Дорого я б дал, чтобы отделаться... Но это невозможно. Думал, что, может быть, медкомиссия могла что-нибудь сделать. Ничего не получилось. Знакомых в комиссии — никого. Плохо без протекции.

Вера задумалась.

— Знаешь что, Костя,— вдруг оживилась она.— Я попытаюсь тебе помочь.

— Каким же образом? — с сомнением посмотрел он на жену.

— У меня есть влиятельные знакомые, через которых я попробую походатайствовать, чтобы тебя назначили куда-нибудь в тыл, если уж нельзя будет оставить здесь. Неплохо бы устроиться тебе,— мечтательно сказала она,— где-нибудь в главном штабе армии или, предположим, при войсковом атамане.

— Ого! — скептически усмехнулся Константин.— Чего захотела. Это уж ты, пожалуй, на себя много берешь...

Вера обиделась.

— Напрасно ты, Костя, такого неважного мнения обо мне. Женщина, да еще притом такая,— кокетливо улыбнулась она,— как я, поверь мне, может многого достичь.

— Ох ты, черт побрал! — тиская жену, рассмеялся Константин.— Деляга ты стала, Верочка... Ну-ка, расскажи, с кем ты задумала поговорить?

— Костя, ты хорошо знаешь английский язык? — вместо ответа спросила она.

— Вообще-то, думаю, неплохо... Изучал, интересовался. А что?

— Это может сыграть свою роль,— загадочно сказала она.— В числе моих знакомых есть не то англичанин, не то американец, черт его знает, некий Брэйнард Брюс. Я не пойму, кто он. Этот Брэйнард говорит, что он коммерсант, но сам все время ездит в Таганрог, в британскую миссию... Я наблюдала за ним и вижу, что он влиятельный человек. Его боится даже сам атаман Краснов. Если его попросить, то он для меня все сделает... Все!

— Ого! Ты слишком самоуверенна. Почему ты думаешь, что он для тебя все сделает?

— Потому... потому, что он в меня влюблен.

— Гм... понятно. А ты в него?

— Да при чем я тут? — фыркнула Вера.— Просто я с ним

случайно познакомилась. С тех пор он, как тень, не отходит от меня. Ну, а мне... понимаешь, это приятно.

— Зато мне это неприятно,— нахмурился Константин.

— Уж не ревнуешь ли ты, Костя? — рассмеялась Вера.

— Ревную или не ревную — это дело мое,— грубо отрезал Константин.— Но увиваться вокруг своей жены каким-то проходимцам, тем более иностранцам, я не позволю.

— Странно! — в изумлении расширив глаза, посмотрела она на мужа.— Я не понимаю тебя, Костя, ты же сам мне сказал, чтобы я немножко флиртовала с теми людьми, которые нам необходимы будут... На что ж ты обижаешься?

— Ты не переиначивай мои слова,— хмуро сказал Константин.— Я отлично помню, что я тебе говорил. Я говорил, что твоя смазливая физиономия иногда может нам оказать большую услугу. Я говорил, что иногда, когда это нам крайне будет нужно, ты с моего согласия можешь покружить тому или другому дураку голову, подурачить, пококетничать, и только. Ты же, черт возьми, заводишь знакомства с иностранцами, проводишь с ними время. На кой черт они нам сдались? Какая от них польза?

— Вот именно,— подхватила Вера.— Пользу-то я и хочу извлечь из знакомства с Брэйнардом. Да еще пользу-то какую,— засмеялась она.— Ведь этот Брэйнард так нам пригодится, что ты и представить себе не можешь, как... Дурачок ты мой маленький,— притянув к себе Константина, поцеловала она его в лоб.— Глупышка, ведь если б этот американец нравился мне, то разве я б сказала тебе о нем? Я от тебя ведь ничего не скрываю. Да и посмотрел бы ты на него, разве он мог бы мне понравиться. Он не в моем вкусе...

Это все казалось настолько убедительным, что Константин успокоился.

— Ладно, черт побрал, действуй,— согласился он.— Посмотрим, что выйдет из твоей затеи.

— Посмотрим, конечно,— спрыгнула она с колен Константина.— Попытка — не пытка. Удастся — прекрасно, не удастся — что же делать. Хуже ведь нам от этого не будет. Я не буду откладывать это дело в долгий ящик, завтра же соберу у себя маленькую вечеринку, приглашу на нее и Брэйнарда... Мы побеседуем здесь, немножко выпьем, я тебя представлю ему и еще кое-кому, и, уверяю, ты не будешь сожалеть. Компания соберется хорошая и нужная для тебя... Тебе такие люди всегда пригодятся.

— Ох ты, дипломат мой! — засмеялся Константин, слегка хлопнув ладонью по спине жены.

XII

На следующий день вечером у Ермаковых собрались гости. Были здесь граф Сфорца ди Колонна князь Понятовский и рыжеусый, внушительный капитан Розалион-Сашальский, и увешанный крестами и всевозможными значками ротмистр Яковлев, и мистер Брюс Брэйнард.

Прибыли на вечеринку и новые лица. Важно рассевшись в кресле, с пренебрежением поглядывала вокруг «известная путешественница», как ее представила гостям Вера, графиня Матильда Карловна Граббе, высокая, тощая старуха, познакомившаяся с Верой в комитете по проведению «дня воина». Вера, может быть, и не пригласила бы ее к себе, но та сама навязалась приехать. В то же время Вере льстило, что эта женщина благоволит к ней. Матильда Карловна приходилась близкой родственницей бывшему войсковому атаману, графу Граббе, имела большие связи и могла быть полезной Вере и Константину. Прибыл на вечеринку и бывший крупный владелец артиллерийских заводов под Петроградом Куприян Маркович Крупянников, дородный, внушительный старик с седыми бакенбардами. Вера чувствовала, что старик этот в нее влюблен, и она его пригласила «так, на всякий случай, может быть, пригодится».

Были здесь поручик русской службы француз Фобер, два английских капитана Ингом и Картер, лейтенант Гулден, недавно прибывшие на Дон в качестве инструкторов для обучения белогвардейцев танковому и авиационному делу.

Попивая чай, гости вели оживленный разговор. Граф Сфорца с любопытством расспрашивал Граббе о ее путешествиях. Матильда Карловна охотно отвечала ему.

— Это очень интересно! — воскликнул Сфорца.— А думаете ли вы, графиня, еще совершить путешествие?

— Отшень думаю. Сэйчас я задумаль интересный путешествий. Я хочу идти пешком все государства Европы. Вы подумаль, как это интересно? Идти все государства Европы... Но у меня мало, отшень мало деньги. Я дал объявление в газеты, прошу жертвовать мне. О, это отшень интересно ходить пешком по всей Европа! Когда я соберу деньги, я пойду пешком...

— А ноги у вас не будут болеть? — мрачно спросил ротмистр Яковлев.

— Зачем ноги болеть? Когда ноги будут болеть, я буду отдыхать.

— А интересно, мадам,— спросил Крупянников,— какова цель вашего путешествия, да еще пешком?

— Как, какая? Я буду смотрель государства Европы...

— Книгу напишете? — снова спросил Сфорца.

— О, нет! — сморщилась «путешественница».— Зачем книгу?

— Не понимаю, зачем вообще тогда путешествовать? — с глубокомысленным видом проворчал Сфорца.— Обуви черт знает сколько поистопчешь, мозолей сотню набьешь...

— Вы бестактны, граф,— укоризненно посмотрела на него Вера.

— Прошу прощения,— сладко заулыбался Сфорца, целуя руку Веры.— Графиня,— повернулся он к Граббе,— я вам немного пожертвую на ваше путешествие. Но я не захватил с собой денег, скажите, куда вам прислать?

— О, мерси! — закивала головой Граббе.— Присылайте, пожалуста. Запишите: Московская улица, двадцать, квартира Лермонтовых, княгине Кудашевой, для меня...

— Обязательно пришлю, графиня,— записав адрес, сказал Сфорца.

Ротмистр Яковлев молча вынул бумажник из кармана, отсчитал несколько сотенных, протянул «путешественнице»:

— Держите.

— О, как я радый! — показала желтые зубы «путешественница».— Спасибо!

— Все равно пропил бы,— меланхолично проворчал ротмистр.— Там, за границей, мадам, где-нибудь зайдите в храм божий да свечку поставьте перед иконой Спасителя за меня, раба божьего Михаила.

— О, непременно! — кивнула «путешественница».— И две не пожалею...

Бывший заводовладелец Крупянников полез в карман. «Путешественница» жадными глазами следила за его движениями. Старик вынул носовой платок и звучно высморкался. «Путешественница» посмотрела на него злым взглядом и, презрительно поджав губы, отвернулась.

Заговорили о войне с большевиками, о помощи союзников.

— Вот из Англии приехали мои друзья,— сказал Брэйнард, кивая на английских капитанов, не спускавших очарованных глаз с порозовевшей от чая прелестной хозяйки.— Они говорят, что прибыли на корабле, который доставил в Новороссийский порт семь тысяч комплектов обмундирования для Донской армии и пять тысяч пудов специальной мази для смазки сапог. Разве это не значительная помощь, а?

— Позвольте, мистер Брэйнард,— удивился старый промышленник, сразу же своим практическим умом сообразив нелепицу.— Вы говорите, пять тысяч пудов смазки для сапог?

— О, да-да! — закивал головой Брэйнард.— Именно пять тысяч пудов...

— Но это же невозможно, господа! — воскликнул старик.— Подумать только: пять тысяч пудов! Куда девать такую махину? Этой мазью всю Россию можно затопить.

— Дареному коню в зубы не смотрят,— проговорил Константин.

— Это верно,— сказал старик.— Но куда ее девать? Ведь ее же за целый век не используешь. Может быть, оси у телег можно смазывать ею? Вот это щедрость! Вот это, я понимаю, широта натуры. Спасибо, спасибо, союзнички! — глумился старик.

Брэйнард, поняв издевку старика, надменно посмотрел на него и отвернулся.

— Да, господа,— оживленно заговорил Фобер,— союзники щедро помогают нам. Я только что из Одессы и, представьте, как раз перед отъездом оттуда мне пришлось видеть интересную картину. Пришли английские пароходы с танками, предназначенными для Донской армии. Они, как черепахи, без помощи лебедок и других приспособлений поднимались по лестнице Ришелье... Публики было — кулаком не прошибешь. Как вам известно, лестница эта высокая — в ней более ста ступеней. И это все было нипочем для танков. Не замедляя хода, они все выше и выше поднимались по лестнице. Зрелище это,— с воодушевлением врал француз,— настолько было поразительное, настолько фантастическое, что публика, наблюдавшая за танками, не выдержала и в ужасе разбежалась по шумным улицам города...

Константин захохотал:

— Вы шутник, господин поручик.

— Вы мне не верите, господин полковник? — обиженно посмотрел француз на Константина.

— Да, нельзя сказать, что принимаю это за достоверный факт,— смеясь, сказал Константин.— А вообще забавно... Забавно.

Француз вспыхнул и, встав, торжественно преподнес ему газету.

— Вы, может быть, и такому факту не поверите, господин полковник,— сухо сказал он.— Прочтите вот эту заметку, обведенную красным карандашом. В Ростове купил.

Константин развернул газету и прочитал заголовок.

— «Маленькая газета» — ежедневная газета честных и трудовых людей. Прием: шляйся, кому не лень, с 6 часов вечера до 11 ночи...» Что это за бред? — в недоумении пожал плечами Константин.— Это ж какая-то галиматья? Вы, поручик, говорите про эту вот заметку «Зверь — и то на большевиков»?

— Да-да, именно,— подтвердил француз.— Прочитайте.

Константин начал громко читать:

— «Чиновник Министерства финансов Азербайджанского правительства рассказывает в кубанской газете «Свободная речь», что он лично видел при английском отряде в Баку обезьян-пулеметчиков [1].

Все обезьяны из породы орангутангов. Они прекрасные

[1] Цитируется дословно. *(Автор.)*

воины, отлично справляются со своим делом, исполиительны и точны. Совершенно свободио разгуливают оии изредка по улицам города, одетые в коротеиькие чериые юбочки и маленькие черные шапочки. Ни обуви, ии каких-либо иных прииадлежностей туалета эти волосатые воииы ие признают, зато очеиь большие лакомки и особеино любят орехи. Иногда около уличиых лавочек прохожие развлекаются оригииальной сцеикой — покупки обезьяной лакомства.

Четырехиогий покупатель запускает одиу из своих рук (переднюю или задиюю) в корзину с орехами и захватывает полиую пригоршию. Перс-торговец иабрасывается иа иего с браиью, угрожающе замахиваясь палкой. Тогда ораигутаиг вытаскивает из кармаиа юбочки серебряную моиету, которую и бросает лавочнику.

Ииогда такая процедура проделывается несколько раз подряд, пока кармаиы волосатого пулеметчика ие наполиятся.

Когда будет потеплее, их повезут в Астрахаиь, а может быть, и на наш фроит».

— Хе-хе! — добродушио рассмеялся старик Крупяиииков.— Газетная шутка. Сказочка. Такие сказки, бывало, умел рассказывать мой знакомый Гриша Распутии.

— Куприяи Маркович,— в изумлении всплесиула руками Вера,— да иеужто вы зиали Распутиia?

— А как же, Вера Сергеевиа,— самодовольио усмехиулся старик.— Доводилось встречаться с Гришей... Выпивали. Скажу вам, редчайший экземпляр.

— О, как это интересио! — с заискрившимися глазами захлопала в ладоши Вера.— Ради бога, расскажите, Куприяи Маркович, что-иибудь о Распутине. Ведь о ием бог знает какие легенды ходят.

— Что ж, милая Вера Сергеевиа, если это вам доставит удовольствие,— поклонился старик.— Если вам ие скучно будет, то послушайте историю моего зиакомства с Гришей Распутиным и его ближайшими помощииками.

Крупяииников откашлялся и иачал рассказывать:

— Весиой позапрошлого года поехал я в Петроград, чтобы получить заказ для своего завода от артиллерийского управления. А это, призиаться, дело было иелегкое... Раиьше-то было проще, прямо иа завод заказ давали. Остановился у своей племянницы, разговорились с ней. Я рассказал ей о своем деле.

«О, говорит оиа, дядя, это дело магарычиое. Муж-то мой хорошо зиаком с секретарем Распутииа, Симоиовичем. Через него наверняка можио будет уладить ваше дело и получить заказ...»

К обеду пришел муж племяииицы, Федор Федорович, тоже коммерсаит известиый, человек-делец. Племяииица рассказала ему о моем деле.

«Ладио, говорит Федор Федорович, поговорю с Симонови-

чем». Сейчас же он ему позвонил по телефону. Симонович пригласил нас приехать к нему. Ну мы, конечно, сейчас же и поехали.

Когда я вошел в квартиру к этому Симоновичу, так я прямо-таки был поражен. На что уж я, к слову сказать, человек не бедный, капиталец подходящий имел, но такого великолепия себе не мог позволить. Квартира, я вам скажу, у этого Симоновича прямо-таки один шик. Двенадцать комнат. Все комнаты как игрушки: везде статуи, ковры, дорогие картины, серебро, бронза. Ну, скажу вам, настоящий музей. Кабинет красного дерева, столовая белого дуба, в гостиной золоченая мебель, а в передней мохнатый медведь огромную бронзовую лампу держит... По квартире мечутся мальчики в красивых ливреях с золотыми позументами. Я их насчитал до полдюжины.

Вначале, когда мы вошли с племянником, нас задержали в прихожей. Пошли докладывать о нас Симоновичу. Сидим, ждем. У меня даже дрожь по спине пробегает. Вот, думаю, сановник-то какой важный.

Но вот выходит к нам Симонович в бархатном малиновом халате с золотыми кистями. Такой это небольшого роста, свежевыбритый, надушенный, с подстриженными английскими усиками. А глаза-то у него такие это маленькие, черные, так это, как у вора, из стороны в сторону и бегают...

Познакомились мы с ним. Я ему сейчас же о своем деле. Выслушал он меня и говорит: «Это все пустяки. Сейчас мы это оборудуем. Пойдемте в кабинет».

Входим мы в его роскошный кабинет. Позвонил он куда-то по телефону.

«Здравствуй, говорит, Сережа! Сегодня к тебе приедет коммерсант Крупянников. Запиши, чтоб не забыл. Так ты, говорит, сделай ему все, что нужно. Он тебе расскажет, человек он, говорит, свой...»

Вечером, часов в восемь того же дня, поехал я к этому Сереже. Сережа оказался красивым молодым грузином Нижерадзе. Толковый человек, нужно сказать, умный, образованный. Он был артиллерийским офицером, причем лингвист замечательный, окончил институт восточных языков и говорил чуть ли не на дюжине языков, даже по-халдейски умел. Рассказал я ему о своем деле и вынимаю из кармана бумажник, чтобы дать ему взятку в виде аванса.

«Нет, нет, запротестовал он, это потом, говорит, когда дело сделаем... Что будет стоить, мы вам потом счет представим, сочтемся сразу».

Через несколько дней я снова побывал у Симоновича и предложил ему денег, высказав свое давнишнее твердое убеждение, что сухая ложка рот, мол, дерет, что к бескорыстным, мол, услугам у меня нет доверия. Симонович рассмеялся. Взяв меня под руку, повел в столовую.

Подали чай с бисквитами и вареньем.

«Чудак вы, говорит, господин Крупянников. Охота вам большая вручить мне деньги. Ну, давайте, если уж вам так желательно, тысячу рублей, а остальные, сколько там придется, потом. Ну на кой черт нам, говорит, ваши, с вашего позволения сказать, несчастные гроши, когда мы с Распутиным только что около миллиона заработали? Вы ведь, говорит, поймите меня, мы с Распутиным учредили целое высшее учебное заведение, и меня, Симоновича, инспектором назначили... Я писать как следует не умею, а инспектор высшего учебного заведения. Инспектор! А вы лезете ко мне с паршивой тысячей. Да что учебное заведение. Вчера мы с Распутиным одного министра и двух товарищей министра назначили... Ведь мы с ним всей Россией ворочаем...»

Я сидел, словно обалделый, слушал его. Все это было похоже на сон. К сожалению, это был не сон, а печальная действительность.

Ночью я, Симонович, Нижерадзе и племянник мой поехали в «Самарканд» кутить.

Приехали в ресторан. Симонович там, видно, свой человек.

Обступили его со всех сторон, кланяются, жмут руки, чуть ли, прости господи, пятки ему не лижут.

«Мишка! — закричал Симонович.— А ну-ка быстро накрывай стол. Давай моего вина, закусок и прочее. Живо!»

Моментально накрыли стол. Появились разные вина, закуски, фрукты, сладости. Вокруг сразу же расселись какие-то господа, красивые женщины. Ну, и пошли кутить. Дамы садятся на колени к Симоновичу, он их целует, тискает при всех, извините за подробность. Женщины лишь посмеиваются... У Симоновича все карманы пиджака, брюк и жилета набиты доверху кредитками. Он их сует кому угодно.

Подсел я к нему ближе, расспрашиваю о Распутине, что он, мол, из себя представляет.

«Да ничего, говорит, сверхъестественного. Мужик безграмотный, да и только. Вообще-то он простяк. Доброй души человек. Берет со всех, с кого пятьсот рублей, с кого тысячу, а с кого, не моргнув глазом, сдерет и сто тысяч. Он все может сделать. Хотите, он вам вагон может выхлопотать, может любого от воинской повинности избавить, субсидию на газету схлопочет. А если есть у вас желание, он вас завтра же министром назначит. Силен человек... Один, говорит, у него недостаток: красивой девчонки не может равнодушно видеть. Болезнь какая-то... Недавно, говорит, увидел у меня случайно в квартире дочь моего знакомого, известного Шабунина. Может быть, вы его знаете? Она очень красивая девушка, совсем еще молоденькая, лет восемнадцати, ученица консерватории. Так Гриша мой при виде ее просто обалдел, сам не свой стал. «Слушай, говорит, Абрам,

ты мне не сможешь, мнляга, эту девочку смаклеровать?» «Гриша, говорю, в своем лн ты уме? Ведь это же ребенок. Да к тому же она дочь моего приятеля!» «Ништо, говорит, подавай ее мне!» Загорелся в одну душу, чтоб сейчас же я ее к нему вез. Я начал обрабатывать девчонку. Она, было, заартачилась. Я ей говорю: дурочка, что, мол, теряешь-то? Он тебя ко двору представит, будешь артисткой императорских театров. Насилу уломал.

Захотелось мне повидать самого Распутина, говорю Симоновичу:

«Абраша, а не можешь ли ты, друг, свестн меня с Распутиным? Больно уж охота взглянуть на него».

«А отчего же, говорит, могу».

И действительно, познакомил он меня с ним. Раза два-три доводилось мне с Гришей выпивать...

— Ну, и какой он из себя? — с жадным любопытством спросила Вера.

— Да ничего особенного он из себя не представляет,— усмехнулся Крупянников.— Волосы расчесаны по-русски, по-мужнцки, лампадным маслом намазаны. Посредине пробор. Редкая рыженькая бороденка клинышком, раздвоенная. Глаза серые, узкие, как щелочки. Но страшно хитрые, проницательные, так и бегают, так и снуют туда-сюда как мыши...

— Говорят, он обладает даром гнпноза? — спросил Розалион-Сашальский.

— Вот этого я уже не наблюдал,— сказал старик.— Возможно... Вообще забавный был человек. К женскому полу он действительно того... слабоват... Сам видел. Как увидит красивую женщину, так прямо-таки невменяемый становится. Очень уж неравнодушен был к дамам. Все мы, нужно сознаться, слабоваты в отношении женского пола, но Распутин был просто виртуоз. И что удивительно, он пользовался у женщин исключительным успехом. Самые красивейшие знатные дамы льнули к нему, как к магниту...

— Но это же просто кошмар! — воскликнула Вера.

Старик нагнулся к ней и, смеясь, шепнул:

— Увидели б вы Гришу, Вера Сергеевна, не знаю, устоялн ли вы перед ним...

Вера покраснела, смущенно засмеялась.

— Ох, вы! — пригрозила она пальцем старику.

Крупяннnков многозначительно посмотрел на нее н самодовольно погладил бороду.

На столе стояло несколько бутылок вина. Константин частенько наливал себе и пил.

Вндя, как жена его преуспевает в обществе, заводит широкие знакомства с видными лицамн, Константин немало дивился таким ее способностям. Это льстило его самолюбию. Но в то же время червь ревности точнл его сердце.

Разве можно оставаться равнодушным, вндя, как фамильярно они ведут себя с его женой, лобызают беспрестанно ее руки, шепчут ей что-то, виднмо, непристойности.

«Сволочи! — с озлоблением глядя на гостей, думал Константин.— Как ужи увиваются. И этот старый хрен туда же,— глянул он на Крупянникова, с увлечением что-то рассказывающего Вере.— Дряни! Вот только один, кажется, порядочный человек,— обратнл он внимание на скромно сидевшего в углу молодого английского лейтенанта Гулдена.— Один он, пожалуй, не обращает внимания на Веру...»

Константин почувствовал расположение к этому англичанину, взял со стола бутылку вина, подошел к нему.

— Я хочу с вами, лейтенант, выпить,— сказал он ему по-английски.

— О, благодарю вас, полковник! — воскликнул молодой офицер, поднимаясь.

Попивая вино с лейтенантом, Константин разговорился с ним. Молодой англичанин, польщенный вниманием русского полковника, с юношеской откровенностью рассказал о себе. Он недавно окончил офицерскую школу и вот, впервые выехав нз Лондона, попал на Дон.

— Еще воевать придется с большевикамн,— поощрительно похлопал его по плечу Константин.— Надеюсь, вы их ненавидите, как и мы?

— Кого?

— Да большевиков.

— А я не знаю, кто это большевики,— пожал плечамн юноша.— Чего они добиваются, тоже не знаю...

Константин уже намеревался прочитать ему целую лекцию о большевиках, но в это время к нему подошел Брэйнард.

— Я очень рад, что с вами познакомился, полковннк,— сказал он, пожимая руку Константину.— Очень рад...

— Я тоже рад познакомиться,— сухо произнес Константнн.

— Мне Вера Сергеевна сказала о вашем желании устроиться здесь, в Новочеркасске...

— Да...— замялся Константин.— Хотелось бы. Знаете лн, болен... здоровье неважное...

— О! Я очень вас понимаю,— дружелюбно закивал головой Брэйнард.— Не поймите это, пожалуйста, как вмешательство в ваши личные дела, но, еслн не будете возражать, я могу помочь вам... Я поговорю с генералом Красновым.

— Я вам буду признателен,— приложил руку к сердцу Константин.— Заранее благодарю.

— О, ничего не стоит! — снисходительно похлопал его по плечу Брэйнард.— Я вам все сделаю...

Через несколько дней нз атаманского дворца Константину принеслн приглашение вступнть в обязанности адъютанта войскового атамана.

«Черт побрал! — изумился Константин.— А ведь в самом деле иностранец-то этот влиятельный».

И он подумал, что в иных случаях, когда это полезно для дела, можно и сквозь пальцы посмотреть на поведение своей жены.

XIII

Третью неделю Виктор жил на окраине Новочеркасска, у сестры Катерины. Небольшой, но просторный флигелек сестры густо оброс молодым садом, всюду над окнами торчали акации, сирень. Стоял он на отшибе города, а поэтому всегда здесь было тихо и спокойно.

Катерина, тридцатилетняя цветущая женщина, очень похожая на брата, не знала, чем только и угодить Виктору. У нее было свое небольшое хозяйство: корова, свинья, куры. Нужды большой не испытывала, все у нее было, а поэтому она ежедневно стряпала разнообразные вкусные яства, которые брат любил с детства. То она пекла блинчики, пирожки, то делала лапшевники или варила вареники со сметаной. Давно Виктор уже не испытывал домашнего уюта, не видел такого ухода за собой, не ощущал такой тишины и покоя...

Семья у сестры была небольшая: муж да пятилетний ребенок, шаловливый, забавный мальчик Коля. Сейчас она жила только с ребенком вдвоем. Мужа ее, Лаврентия Кондратьевича, недавно мобилизовали белые, и он теперь служил медицинским фельдшером в какой-то воинской части в Каменской станице.

Днями Виктор ходил со своим маленьким племянником по саду, вырезал ему из дощечек сабли, ружья или, пристроившись где-нибудь под деревом, рассказывал сказки.

Изредка к Виктору приходил Трубачев и сообщал ему свежие новости.

Раза два по просьбе Виктора Катерина ходила к Вере что-нибудь выяснить о Марине. Но посещения эти были неудачны. В первый раз Катерина не застала Веру дома. Второй раз у нее были гости. Вере было не до Катерины, она с ней не промолвила и двух слов. Это печалило юношу.

Но Виктор не наслаждался покоем.

Вместе с подпольщиками он готовился к освобождению из новочеркасской тюрьмы Семакова и его товарищей. Таково было указание подпольного комитета. План освобождения арестованных разрабатывался Ростовским подпольным комитетом, но почему-то слишком уж медлительно.

Однажды Виктор надел шинель, отвернул воротник, нахлобучил на глаза фуражку, чтоб не узнали знакомые, и вышел пройтись по Новочеркасску.

Побродив по улицам, Виктор, перед тем как идти домой, зашел в гастрономический магазин. Купив все, что ему было ну-

жио, он пошел к выходу н вдруг столкнулся с молодым прапорщиком.

— Внктор! — обрадованно броснлся к нему прапорщнк.— Ты ли, друг?

Виктор от иеожидаииостн даже растерялся:

— Вася?

— Ну коиечно, я! — радостно вскричал прапорщнк и полез целоваться.— Здравствуй, дорогой дружнще!

Это был друг Внктора по гнмназин Вася Колчанов.

— Здравствуй, Вася,— сказал Виктор, не зная еще, как себя вести со своим школьным товарнщем.

— Слушай, Внтька,— прнстально посмотрел на него Колчаиов.— Ты какой-то страиный. Ты что, не рад нашей встрече?

— Да иет... почему же, Вася,— смущенно проговорил Виктор.— Очень рад... Но... поннмаешь, ты же офицер, а я солдат.

— Ха-ха-ха! — весело захохотал Колчанов.— Ну, вот это так номер ты отмочил. Солдат... Брось дурака валять! Офнцер... Подумаешь, какая я шншка — прапорщик. Ха-ха-ха! Но ведь ты, Внтя,— запнулся он.— Ты ж, по-моему, вольноопределяющнйся, а?..

— Да.

— Ну, вот вндншь. Недалеко и ты от меня отстал. Окончишь трехмесячиую школу прапорщиков н будешь офнцер.

— Мие офнцерство не особеиио нужно,— усмехнулся Виктор.— Не гонюсь за инм.

— Да оио н мие-то так же нужно, как собаке пятая нога,— засмеялся Колчаиов.— Или как курнце шляпа... Я мечтаю, брат, об уинверснтете. Хочу, очень хочу быть геологом.

— Да,— вздохиул Внктор.— Учиться и я хочу.

— Вот коичится война,— весело сказал Колчанов,— тогда и будем с тобой учиться снова... Подожди! Недавио о тебе что-то слышал.

— От кого слышал? — насторожнлся Внктор.

— От сорокн-белобоки,— засмеялся Колчанов.— Нет, в самом деле слышал. Но от кого! Ах, да!.. Не зиаю, помнишь лн ты Марнну Бакшниу? Такая это хорошеиькая гнмназисточка была... Да иет, ты ее не мог тогда вндеть, ты ж на фронт ушел, она после тебя появнлась в Ростове. Вот она-то о тебе и спрашнвала. Странно, откуда она тебя зиает?

— Марнну?! — вскрнкнул обрадованно Внктор и так тряхнул своего друга, что чуть пуговнцы не оторвал у его шннели.— Говорн скорей, где ты ее вндел? Что она обо мне спрашнвала?

— Бешеный! — с недоуменнем посмотрел на Внктора Колчанов.— Ты не с ума лн сошел?

— Говори, Васька, где видел Марииочку?

— Недавно встретнл в Ростове. Откуда она тебя знает, а?..

Спрашнвала о тебе — не вндел лн я тебя... Мне тогда было некогда н я ее вопросу не прндал значення.

Виктор захохотал.

— Ты, правда, не сошел с ума? — с опаской спроснл Колчанов.

— Ей-богу, сошел, Вася,— хохотал Внктор.— Дай я тебя обниму, дурака.— И он, обняв прапорщнка, звучно расцеловал его в щекн.— Спаснбо, Вася, за сообщение.

— Ах, вот оно в чем дело! — догадлнво протянул Колчанов.— Ну, теперь все понятно... А я, дурак, сразу-то н ничего не понял, думал, что ты с ума сошел. Ну что ж, поздравляю, выбор твой вполне одобряю. Марнна — девушка замечательная.

— Где она живет?

— Не знаю.

— Адрес не знаешь?

— Нет.

— Дурак!

— Правильно,— согласился Колчанов.— Да еще набнтый.

— Ну как же это так, Вася! — огорченно восклнкнул Внктор.— Разговаривать со знакомой девушкой н не спроснть ее, где она жнвет, чем заннмается. Это же просто надо быть олухом царя небесного.

— Теперь я понял,— с сожаленнем покачал головой прапорщик,— что большую оплошность совершнл.

— Ну расскажн все-такн, как ты с ней встретнлся?

— Ну, встретились на Садовой, обрадовалнсь. Поговорнлн, вспомннли гнмназнческне вечера, как танцевалн. А потом она спроснла о тебе, не вндел лн я тебя. Я сказал, что давно не вндел.

— И все?

— И все.

Виктор огорченно поннк головой.

— Не огорчайся, Внтенька,— пожал ему руку Колчанов.— Мы ее найдем!.. Ей-богу, разыщем. Я сам тебе помогу ее разыскать! Ведь я же, брат ты мой, в таком служу месте, что по моему приказу мне любого типа в Ростове разыщут. А она определенно жнвет в Ростове, я это почувствовал...

— А где ты служншь?

— О, брат ты мой, я служу в за-амечательном месте,— засмеялся Колчанов.— В тепленьком. В канцелярнн градоначальннка города Ростова, полковннка Грекова... Почтн ннчего не делаю. Некоторое касательство нмею, так сказать, к тюрьмам.

— Тюрьмам? — уднвился Внктор.— Какое же касательство?

— Да так, вроде надзора... Есть такой отдел в градоначальстве...

— А новочеркасская тюрьма не в вашем веденнн?

— Нет, новочеркасская тюрьма нам не подчинена, хотя смотря как. Иногда имеем касательство и к ней. Например, если нам потребуется тот или иной арестованный, можем востребовать...

Виктор задумался.

— Ты понимаешь, Витя,— начал весело рассказывать прапорщик.— Я служу по тюремной части... главное, от фронта избавлен... Ты посмотрел бы на нашего градоначальника Грекова. Фрукт, я тебе скажу. Высокий, красивый, пышные усы, из гвардейцев. Шикарный, всегда надушен, аристократ... А взяточник непомерный. Ты, понимаешь, такие фокусы проделывает. Большущие деньги, жулик, наживает. Говорят, в Лондонском банке счет свой имеет... А юморист — невероятный. Посмотри, вот какие он приказы публикует в суворинском «Вечернем времени»,— полез в карман за газетой Колчанов.— Вот слушай: «Опять в г. Ростове-на-Дону появились прокламации с призывом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Право, понять не могу, почему пролетариям надо соединяться именно в Ростове? Здесь и без того тесно. Прокламации расклеивала госпожа Ревекка Ильяшевна Альбаум. Ее следовало бы расстрелять, но я приказываю ее лишь выслать к большевикам, за которых она ратует...» Каково? — расхохотался Колчанов, взглянув на Виктора.

Виктор, почти не слушая Колчанова, думал о чем-то своем.

— Вася,— внимательно посмотрел он в глаза Колчанову,— скажи по правде, ты мне такой же друг, как и раньше?

— Странный вопрос, Витька,— обиделся тот.— Считаю тебя самым искренним, близким другом.

XIV

В туманную муть ноябрьского рассвета к новочеркасской тюрьме подъехал военный грузовой автомобиль. Из кабины машины выскочил молодой черноусый офицер и, предъявив пропуск часовому, стоявшему у ворот, вошел во двор тюрьмы. Он разыскал тюремную канцелярию.

— Где у вас тут начальство? — спросил он, войдя в душную комнату канцелярии.

Со скамьи как угорелый вскочил заспанный дежурный казак.

— Что надобно, господин офицер?

— Начальника,— властно сказал офицер.— Срочно надо. Дело важное.

— Зараз, господин поручик,— глянув на погоны прибывшего офицера, произнес казак и, приоткрыв дверь в другую комнату, откуда доносился густой храп, негромко позвал: — Господин есаул! Господин есаул, встаньте на минуточку! До вас пришли.

— Какого черта надо? — послышался из комнаты сиплый голос.— Чего будишь среди ночи?

— Да говорю ж вам, господин есаул, что до вас пришли... Говорят, что срочно, мол, надо.

— О-о, черт! Какому это дьяволу я понадобился. Скажи — сейчас. Сапоги надену...

Минут через десять в канцелярию вошел кудлатый рябой казачий офицер.

— Что угодно? — недружелюбно взглянул он на прибывшего.

— Извольте, господин есаул, получить ордер на выдачу пятнадцати арестованных для ростовского военно-полевого суда.

— О-о! — зевнул есаул, прикрывая рот рукой.— Ну и время же вы выбрали приехать, господин поручик. Нет ни начальства тюрьмы, ни письмоводителей. Разве я могу их выдать без них?

— Сколько же ждать?

— До девяти утра.

— О, это невозможно! — воскликнул прибывший офицер.— К девяти арестованные уже должны быть в Ростове. В девять часов утра там начинается крупный процесс над большевиками. Ваши арестованные нужны в качестве свидетелей. К пяти вечера они будут возвращены вам обратно.

— Дайте-ка ордер,— потребовал есаул и, взяв его от прибывшего офицера, поднес к тускло горевшей электрической лампочке, прищурившись, стал читать.— Кто это подписал? — спросил он.

— Что вы, не разберете? — покручивая усы, усмехнулся прибывший.— Войсковой старшина Икаев.

— А кто это — Икаев?

— А вы разве не знаете? — пожал плечами поручик.— Начальник контрразведки, он же и председатель ростовского военно-полевого суда.

— А-а,— протянул понимающе есаул. Хотя ему и не был известен этот Икаев, но, боясь, чтоб его не упрекнули в незнании начальства, сделал вид, что он Икаева прекрасно знает.

Постояв мгновение в раздумье, почесав затылок, он сказал казаку:

— А ну, Коротков, пойди разыщи старшего надзирателя.

Казак неторопливо натянул на себя шинель, надвинул на голову папаху и вышел из канцелярии.

— Присядьте пока,— уже дружелюбнее предложил есаул прибывшему офицеру.

— Спасибо, я не устал.

Есаул закурил и тотчас же захлебнулся в кашле.

— Вот... кхе-кхе... Черт побрал... кхе-кхе... про-остудился.

Вошли посланный казак и надзиратель.

— Чего изволили просить, ваше благородие? — вытянулся перед есаулом высокий, рыжеусый надзиратель.

— Вот что, братец, вот ордер, подписанный самим председателем военно-полевого суда, войсковым старшиной Икаевым,— подал он ордер надзирателю.— Понимаешь, самим Икаевым. Знаешь, кто Икаев?

— Как же не знать, ваше благородие,— щелкнул каблуками надзиратель.— Очень даже знаю. Начальник контрразведки. Он у нас частенько бывает.

— Ну, так вот,— внушительно проговорил есаул.— Немедленно собери по этому списку арестованных и под расписку сдай господину офицеру...

— Лебедеву,— подсказал прибывший.

— ...господину Лебедеву,— повторил есаул.

— С вещами али нет? — спросил надзиратель.

— Зачем же вещи? Они ведь к вечеру вернутся.

— Слушаюсь,— козырнул надзиратель и вышел.

Через полчаса пятнадцать арестованных большевиков стояли у тюремных ворот, дожидаясь своей участи. Почти все они были убеждены в том, что их ведут на расстрел.

Среди арестованных, зябко запахнувшись шинелью, стоял Семаков. Он был мрачен.

— Иван Гаврилович,— спрашивал его удрученно какой-то паренек,— неужто все, а?..

— Ничего не знаю, Коля,— угрюмо шептал Семаков.— Возможно, поведут расстреливать... Впрочем, вряд ли они будут расстреливать днем. Видишь, совсем рассвело. Они больше ночью расстреливают...

— Может, на допрос нас?

— Возможно.

С крылечка тюремной канцелярии сошли два офицера и торопливо подошли к арестованным.

— Все? — обвел взглядом по толпе арестованных молодой черноусый офицер.

— Так точно, господин офицер,— ответил надзиратель, прикладывая руку к папахе.— Все полностью по списку. Желаете перекличку сделать?

— Некогда! — махнул рукой черноусый офицер.— Запаздываем. Выпускай из ворот арестованных,— властно приказал он.— Усаживайте в автомобиль.

Загремев засовами, распахнулись тяжелые чугунные ворота тюрьмы. Заключенных вывели из ворот. Они увидели военный автомобиль, в кузове которого стояли два солдата с винтовками и прапорщик.

— А ну быстро рассаживайся в машину! — прикрикнул черноусый поручик.

Сопровождаемые бранью и толчками, арестованные уселись

в машину. Проследив за посадкой, молодой поручик вскочил в кабину.

— Гони, Ваня! — сказал он шоферу.

Но мотор что-то закапризничал, и, пока с ним возился шофер, к тюрьме на линейке, запряженной парой сытых гнедых, подъехал толстый пожилой офицер. Тяжело поднявшись, он сошел с линейки. Поручик из кабины автомобиля встревоженно следил за ним. Он видел, как к толстяку подбежал рябой есаул, который только что выдал ему арестованных, и что-то стал докладывать, то показывая ордер, то указывая на автомобиль.

— Давай, Ваня! — снова беспокойно вскричал поручик.— Гони скорее, родной!

— Сейчас,— отозвался тот.— Что-то мотор барахлит.

— Что вы наделали? — донесся до поручика визгливый голос толстого офицера.— Стой! — заорал он, выхватывая из кобуры револьвер и бросаясь к автомобилю.— Стой! Стрелять буду!..

— Да гони ж ты, Иван! — в отчаянии крикнул поручик, вынимая наган из кобуры.

Мотор наконец затарахтел. Шофер вскочил в кабину, сел за руль. Автомобиль качнулся и тронулся с места.

Толстый офицер, видимо начальник тюрьмы, есаул и надзиратели с перепуганными лицами, на ходу стреляя из револьверов, некоторое время бежали вслед за машиной, вопя:

— Стой!.. Стой!..

Поручик высунулся из кабины и озорно, по-мальчишески, помахал им рукой:

— Всего хорошего, господа! До скорого свидания на том свете!

Когда от тюрьмы отъехали верст на двадцать, поручик велел шоферу остановить машину. Выскочив из кабины, он заявил:

— Ну, теперь, друзья, вылезайте из машины и быстрее расходитесь.

Семаков соскочил с машины и бросился в объятия офицера.

— Витя! Дьяволина ты этакий...— и слезы хлынули у него из глаз.

— Иван Гаврилович! — изумился Виктор.— Да вы что же это?

— Прости за слабость,— вытирая рукавом глаза, сказал Семаков.— Видно, стар стал, что ли... Давай, крестник, еще раз поцелую. Как это ты все устроил?

— О! — сказал Виктор.— Все это устроил подпольный комитет. Я только с товарищами выполнял его волю. Помог нам очень и вот этот мой товарищ по гимназии,— указал он на Колчанова.

Все освобожденные из тюрьмы торопливо жали Виктору руки, благодарили его.

...Раскидывая грязь по сторонам, машина помчалась по шоссе и вскоре скрылась из виду.

Семаков посмотрел на быстро уходившего к Аксайской станице Колчанова, сказал:

— Ну, товарищи, расходитесь по одному, по двое в разные стороны.

Семаков с Виктором решили идти в Аксай и там, дождавшись поезда, ехать в Ростов.

XV

В декабре в Новочеркасск прибыла англо-французская союзная делегация в составе: от англичан — генерала Пуля, полковника Кисс, майора Эдварса и капитана Олкок и от французов — капитанов Бертело, Фукэ и лейтенанта Эрлиш.

Начиная от Таганрога, куда иностранная делегация прибыла на двух миноносцах — французском «Бриссон» и английском «Свен», союзники до Новочеркасска совершили прямо-таки триумфальное шествие. На пути следования поезда на всех станциях и разъездах гремели духовые оркестры, на перронах вокзалов выстраивались почетные караулы. Поезд, в котором ехала делегация, и вокзалы были украшены английскими, французскими, русскими и донскими флагами.

После торжественного раута, прошедшего с большой помпезностью в атаманском дворце, где многие гости перепились до бесчувствия, союзников на следующий день повезли осматривать столицу Дона.

В числе других казачьих офицеров Константину, как знающему английский язык, пришлось сопровождать гостей в их поездке по городу. Он сидел в фаэтоне с флегматичными и равнодушными ко всему англичанами майором Эдварсом и капитаном Олкоком.

Майор Эдварс — выбритый, высокий и тощий, с сильно развитой челюстью — иногда вглядывался серыми холодными, скучающими глазами в какой-нибудь заинтересовавший его предмет и, посасывая трубку, указывал сухим длинным пальцем:

— Это что? Кому монумент?

— Памятник атаману Платову,— отвечал Константин.— Работы скульптора Антокольского. Платов — герой Отечественной войны тысяча восемьсот двенадцатого года. Побывал у вас в Лондоне в тысяча восемьсот четырнадцатом году.

— Олл райт! — удовлетворенно кивал головой Эдварс.— А это кто?

— Атаманцы,— пояснял Константин.— Казачьи гвардейцы.

— Угу.

Когда проезжали Соборную площадь, иностранцев поразил мощный вид чугунного Ермака, одиноко стоявшего на гранит-

ном пьедестале. Выскочив из автомобилей и саией, ииостраиные офицеры пошлн осматрнвать памятиик.

Вокруг нностраицев тотчас же образовалась толпа любопытиых, оживлеиио обмеиивавшаяся впечатлеинями. До Коистаитииа доиосились обрывки разговора толпы.

— Вот онн какне, союзиики-то!..

— А ты каких же хотел?

— Да я думал, может, оии о трех иогах.

— Ты чему, Аркадий, радуешься?

— Да как же ие радоваться, ведь я ныие братался.

— С кем?

— Да с аиглчаииом. Я ему кричу: «Здорово, мистер бойскаут!». А ои мие под козырек и говорит: «Ес! Ес!». А что такое «ес», мие иевдомек... Может, ои по-материому ругается, а может, ласковые слова говорнт.

В другом месте кто-то разочароваиио говорил:

— Тоже мие, аиглчаиами прозываются... одиим словом, иавроде союзники. Выходил я с радостиой душой встречать их на вокзал... Гляжу, подходит иаш поезд. Выходят союзиики из нашего вагоиа, сели в иаши автомобили и поехали.

— А ты что же от иих хотел? Чтоб оии тебя с собой в автомобиль посадили, что ль?

— Я думал, оии из вагоиа на своем таике спустятся да по Крещеискому спуску подиимутся. Подъехали б оии, скажем, иа танке сюда, иа площадь-то, выпили б своей виски да и иам бы по рюмочке подиесли, а их бы главиый геиерал и сказал: «Позвольте, мол, представиться: мнстер Смит и Вессои, а это, мол, мои фраицузские прнятели ферт да Мерт-одеколои...»

В толпе захохотали.

— Да иет, в самом деле, друзья,— продолжал весело тот же голос.— Какие же оии союзники? Взялн б хоть с собой негра с Мадагаскара для колера...

— Слышите, господии полковиик? — подмигивая, шепиул Констаитииу молодой войсковой старшииа, так же как и Коистаитии прикомаидироваииый для сопровождеиия союзииков.— Ну и разговорчики.

— Слышу,— отозвался Коистаитии н засмеялся.— Я вчера на гариизоииом рауте ие то слышал н наблюдал. Английские матросы иаугощались русской водкн как следует да и запели: «Далеко до Типерарн». Казаки, в качестве радушиых хозяев угощавшие их, в иедоумеиии почесали затылки и спросилн у меия: «Что это зиачнт по-иашему?» Я им ответил: «Далеко до Типерарн, то есть до нх города». Казаки рассмеялись: «Конечио, говорят, далеко. Пожалуй, подальше, чем от нас до Сибири». А один казак выпнл водкн, а потом запил шабли, прожевал балык, иахлобучил свою папаху на аиглнчаиииа н, похлопав его дружелюбно по спине, сказал: «Ты, Том, про Типерарн забудь. Ей-богу, забудь! Глядн вон на Кривянку, всего

четыре версты от иас...» Англичанин хотя ничего и не поиял, но поблагодарил казака и крепко пожал его руку.

Войсковой старшииа рассмеялся:

— Ну, кажется, наши союзники садятся в автомобили.

Гостей повезли в музей донского казачества, затем в офицерскую школу и кадетский корпус, а оттуда прямо на вокзал.

Здесь уже поджидал союзников специальный атаманский поезд, который должен был повезти их на восточный, царицынский фронт. Многие иностранные офицеры не хотели ехать. Но атаман Красиов убедительно просил их сделать ему одолжеиие. Красиову нужно было показать союзной миссии, в каких трудных условиях сражаются казаки на фронте. Этим ои хотел вызвать у них больше сочувствия и щедрости. Сам атаман со своей свитой и сопровождал иностранцев на фронт. Как адъютант атамана, Константин также был в числе свиты.

Когда наутро за завтраком встретились все, Константин среди иностраиных офицеров увидел Брюса Брэйнарда. Зачем ехал этот делец на фронт, было непонятно. Расспрашивать же его об этом Константину было неудобно.

После завтрака Коистаитин ушел к себе в вагон и стал смотреть в окно. На засиеженных полях то там, то сям лежали полуобглоданные бродячими собаками трупы лошадей и верблюдов — следы недавних боев. Местами были видны черные провалы окопов, оборванные проволочные заграждения. Мимо окон бежали разбитые снарядами красные кирпичные железнодорожные будки и казармы для рабочих. Почти повсюду мосты были взорваны.

Замедляя ход, поезд осторожно, словно крадучись, переполз по временно поставленному мосту через какую-то реку. Все вокруг в разных направлениях изборождено глубокими морщинами окопов. Совсем недавно, несколько дней назад, здесь кипели ожесточенные сражения.

Показалась стаиция Чир.

— Господа,— пригласил Краснов англичан и французов,— прошу вас на минутку выйти на платформу. Народ вышел вас встречать.

Константин также вслед за всеми вышел из вагона.

Посреди платформы выстроился почетный караул: на правом фланге — седобородые старики, на левом — молодые, фронтовые казаки. Перед караулом, вытяиувшись, топорща усы, стоял геиерал Мамонтов, за ним — генерал Толкушкин.

— Здравствуйте, родные мои! — поздоровался со стариками Краснов.

— Здравия же... ваше высокопревосходительство! — выкатывая глаза на атамана, рявкнули старики.

Атаман произнес речь.

— ...Пусть ваши сыновья,— закончил он,— завершают священное дело спасения славы казачьей, иачатой вами.

Под крики «ура» атаман перешел к шеренге молодых казаков.

Высокий костлявый старик, генерал Пуль, посасывая потухшую трубку, стоял со своими офицерами у вагона, дожидаясь, когда атаман представит его казакам.

— Прошу, генерал,— любезно улыбаясь, обратился к нему по-английски Краснов,— принять почетный караул.

Крупно вышагивая своими длинными ногами, генерал Пуль, сопровождаемый офицерами союзной миссии, подошел к Мамонтову.

Мамонтов шагнул навстречу с рапортом. Отдав рапорт, сказал:

— Прошу вас, господин генерал, принять караул.

Подойдя к шеренге казаков, Пуль строго обвел их взглядом.

— Здорово, казаки! — крикнул он по-русски.

— Зра... же... ва... ва... во!..— загремело в ответ.

Пуль медленно стал обходить шеренгу казаков, вглядываясь в каждого, временами останавливаясь, рассматривая у казаков одежду, оружие, иногда поднимая полы шинелей, ощупывая пальцами добротность сукна. Подойдя к какому-то горбоносому бородатому казаку, стоявшему в строю, Пуль ткнул ему кулаком в живот. Казак охнул и выронил из рук шашку. Иностранные офицеры засмеялись шутке генерала.

— Нельзя так солдату живот выпячивать,— строго поджав губы, сказал Пуль побагровевшему от стыда казаку. Краснов с нарочитой любезной улыбкой перевел ему фразу, брошенную английским генералом. И, когда тот отошел, гневно посмотрел на казака, прошипел:

— Подвел, подлец!

Константин подошел ближе, взглянул на сконфуженного старика и побагровел от стыда: он узнал своего отца. Избегая его смущенного страдальческого взгляда, он прошел мимо.

К генералу Пулю с поклонами подошли станичные атаманы ближайших станиц. С краткой речью выступил атаман Нижне-Чирской станицы, тучный, сивобородый подъесаул.

— Было время, господа союзники,— сказал он,— когда мы помогали вам против нашего врага и в Карпатах, и в болотах Мазурских озер. Там мы спасли Париж, там мы давали спокойную жизнь Лондону. Мы помогали вам в Румынии, в Галиции, в Польше. Теперь же помогите вы нам. Мы по праву примем вашу помощь. За нее мы вам низко, до земли поклонимся.

От имени генерала Пуля и всей союзной миссии ответную речь держал на русском языке еще совсем молоденький румяный французский лейтенант Эрлиш.

— Добрый казак,— нервно повизгивал он тенорком, отчаянно жестикулируя.— Слюшай меня, слюшай, пожалюста!

Скоро сюда, Дон, придет много союзников. О, очень много! Придет франс пушка, придет инглиш танка, много танка... Все пойдет Москва. Москва спасать нужно. Ой, как нужно Москва. Ура-а!.. Кричи много ура-а!

Краснов, несколько смущенный бессвязной и маловразумительной речью французского союзника, взмахивал руками, дирижируя, и по его указке до хрипоты кричали «ура».

Кряжистый, с длинным красным носом, генерал Толкушкин, успевший по случаю приезда союзной миссии проглотить лишних стакана два водки, покачиваясь из стороны в сторону, хрипло пробасил:

— Эх, братцы вы мои! Дали б мне наши союзники два танка, я б с ними да с одним лишь казачьим разъездом через неделю вошел бы в Москву. Ей-богу, не вру! Господин Пуль, разрешите...

Оттолкнув стоявшего на пути Мамонтова, Толкушкин, пошатываясь, подошел к Пулю, помахивая красиво отделанной плеткой:

— Господин генерал!

Краснов, с опаской поглядывая на пьяного Толкушкина, сказал по-английски Пулю:

— Этот генерал хочет с вами говорить.

— Слушаю вас,— сказал Пуль, останавливаясь и смотря на Толкушкина.

Толкушкин взмахнул нагайкой. Краснов похолодел — ударит. Но нет, тот не ударил.

— Генерал,— сказал Толкушкин, пьяно всхлипывая.— Все казачество радо вашему приезду... И я рад. Потому как вы ведь наши союзники... А раз союзники, то и пойдем вместе бить нашего общего врага — большевиков... Будем бить их в хвост и в гриву, не давать с...

Краснов смутился и не перевел последней фразы. Заметив улыбки на лицах белогвардейских офицеров, Пуль потребовал от Краснова, чтобы тот дословно перевел сказанное Толкушкиным.

— Это непристойность, сэр,— сказал Краснов.

— Ничего, скажите,— настаивал Пуль.

Краснов перевел. Пуль громко расхохотался.

— Остро сказано.

— Возьмите, генерал, эту плеть на память от донских казаков,— вдруг предложил Толкушкин нагайку Пулю.— Она вам пригодится... Этой нагайкой вы крепко будете хлестать нашего врага.

— Оригинальный подарок,— улыбаясь, сказал Пуль, рассматривая красиво отделанную нагайку.— Я рад принять этот подарок от донского казачества. Подарок мне этот действительно пригодится.

...Расстроенный происшествием с отцом, Константин, хму-

рясь, стоял у вагона, дожидаясь, когда члены миссии войдут в него. Здесь-то его и разыскал Василий Петрович.

— Сынок,— сокрушенно сказал он.

Константин вздрогнул и воровато огляделся вокруг: не наблюдает ли кто. Убедившись в том, что на них никто не обращает внимания, он недовольно спросил:

— Ну что тебе надо, отец?

Старик ошарашенно посмотрел на него:

— Да ты сын мне али кто?

— Сын,— мрачно промолвил Константин.— Но ты сегодня в такую глупую историю влип, что мне просто стыдно с тобой разговаривать...

— С отцом стыдно?!

— Да,— сердито выкрикнул Константин.— Именно с тобой, с отцом. Какой тебя черт заставил в этот дурацкий почетный караул становиться? А если уж стал, то надо бы не выпячивать брюхо, как беременная баба. И вообще-то, зачем ты сюда попал? Почему ты бросил дом, мать, семью? Ведь не могли же тебя мобилизовать, старика.

— Сам пошел, добровольно,— угрюмо буркнул Василий Петрович.

— Сам,— озлобленно усмехнулся Константин.— Глупость сделал. В твоих ли летах это делать?

— Хотел помочь...

— Помощник мне, тоже. Что ты натворил? Ты ж меня осрамил. Хорошо еще, что никто здесь не знает, что ты мой отец, а то прямо хоть убегай отсюда. Иди, я с тобой больше не могу говорить. Вот, кажется, на нас обращают внимание. Иди!

Василий Петрович ошеломленно смотрел на сына.

— Так ты, стало быть, своего отца стыдишься, а? — наливаясь гневом, спросил он у Константина.— Гонишь отца?

— Не кричи! — сморщившись, зашипел Константин.— Услышать могут.

— Ах ты, сукин сын! — вдруг громко завопил Василий Петрович.— Нехай все слышат, какой ты мерзавец. Отца застыдился... Будь ты проклят, сатана! Ишь ты, в полковники его вывел, а он теперь с отцом не желает разговаривать, стыдно, вишь, ему.

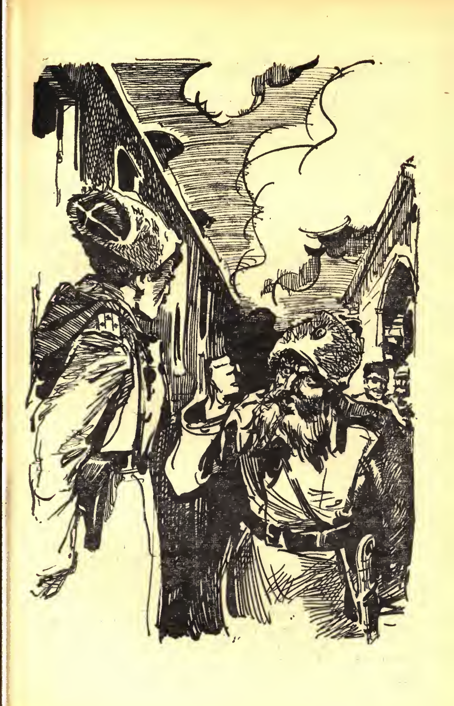
Константин, как обожженный, рванулся к вагону, ухватился за поручни, вспрыгнул на площадку и скрылся за дверью.

— Ишь ты,— продолжал бушевать старик.— Полковником стал, ваше высокоблагородие. Значит, теперь и родителей не надо признавать. Пожалуюсь самому атаману Краснову.

Вокруг него собиралась толпа любопытных.

— Я те дам, проклятый полковник! — грозился в окно вагона Василий Петрович.— Отца постыдился...

— В чем дело, казак? — подходя к старику, строго спросил Мамонтов.— Что ругаешься?



— Да как же, ваше превосходительство,— стал жаловаться ему Василий Петрович,— он хоть и полковник, а ведь сын мне родной...

И он рассказал Мамонтову о своей обиде на сына.

Выглянув украдкой в окно, Константин увидел, что Мамонтов за что-то распекал отца.

«Пусть,— махнул он рукой.— Его стоит пробрать».

Проходя мимо Константина, Краснов спросил у него:

— Полковник, что это там бушевал казак?

— Пьяный, господин генерал.

— А-а,— понимающе протянул Краснов.— Тогда понятно. Он, кажется, вас оскорблял? Почему вы его не посадили под арест?

— Бог с ним, ваше превосходительство,— великодушно проговорил Константин.— Наш станичный он, сосед, неудобно будто это сделать.

— А-а, сосед? Ну, тогда не стоит.

XVI

По натуре своей Виктор был несколько флегматичен. Ему доставляло большое удовольствие в минуты досуга полежать на диване, помечтать или почитать какую-нибудь хорошую книгу. Но Иван Гаврилович Семаков, этот подвижной, энергичный человек, после своего освобождения из тюрьмы еще больше полюбивший юношу, не давал ему залеживаться, тормошил, поручая те или другие задания по подпольной работе.

— Опять, крестник, в горизонтальном положении? — входя к Виктору, смеялся он, видя его лежавшим с книгой на диване.— Это, брат, никуда не годится. А ну-ка, вставай живо!

— А что случилось, Иван Гаврилович?

— Дела надо делать, а не спать.

— Так я же не сплю, а читаю.

— Это все равно. Читать, конечно, необходимо, но только тогда, когда на это есть время. А у нас, революционеров-подпольщиков, считанные минуты. Пойдем, есть дело...

Виктор покорно поднимался, и они уходили выполнять очередное задание подпольного комитета.

...В то время подпольный большевистский комитет возглавлял Журычев. Это был сравнительно молодой человек, небольшого роста, сухощавый. Он вел огромную революционную работу в тылу врага, помогал объединять вокруг подпольного комитета всех коммунистов не только Ростова, но и Таганрога, Александровск-Грушевского, Новочеркасска, Сулина, Азова и многих казачьих станиц Дона. Под руководством Журычева подпольный комитет развернул работу среди рабочих промышленных предприятий городов, среди казаков и крестьян станиц и слобод. Смелую агитационно-пропагандистскую работу вели

большевики в воинских частях белой армии, для чего подпольщики под видом добровольцев вступали в ряды белогвардейцев, как это и было с Виктором и Афанасьевым.

Сам Журычев, подвергаясь риску быть пойманным и расстрелянным, дважды переходил линию фронта для налаживания связи с Зарубежным Донским бюро РКП(б), которое руководило всей подпольной работой на территории Донской области, занятой белыми.

В Донбюро Журычев получал партийные директивы, политическую литературу, воззвания к населению. Во второй его приход ему дали даже десяток опытных подпольных работников из числа донских казаков для работы в казачьих станицах и частях.

Напряженно работала подпольная типография, в которой печатали прокламации, листовки, воззвания. Весь этот материал распространялся не только среди населения территории, занятой белыми, но даже и на фронте. Иногда подпольный комитет выпускал прокламации на английском и французском языках, и они попадали в руки иностранных солдат, наводнивших Кубань и Дон.

Вся эта работа подпольщиков давала заметные результаты. Под влиянием устной и печатной агитации и пропаганды большевиков рабочие и многие казаки отказывались идти в белую армию, тысячами дезертировали, создавали партизанские «зеленые» отряды и дрались против белогвардейцев.

...Однажды Семаков пришел к Виктору поздно вечером. Был он страшно бледен, чем-то сильно взволнован. Не поздоровавшись с ним, тяжело опустился на диван.

— В чем дело, Иван Гаврилович? — встревоженно спросил юноша, чувствуя, что с его другом что-то произошло.

— Беда, Виктор! — хрипло прошептал Семаков.— Большая беда... Полный провал... полиция открыла нашу типографию. Много товарищей арестовано. Арестован и Журычев...

— Что ты говоришь! — всплеснул руками Виктор.— Журычев арестован? Что же делать теперь? Надо попытаться освободить его.

— Едва ли это теперь возможно,— сказал Семаков.— Контрразведчики после нашего побега стали более бдительными. Сейчас идет по городу повальная облава. Беляки рыщут по всем квартирам наших подпольщиков, арестовывают всех, кого застают дома. Я тоже чуть не попался в их лапы. Чудом уцелел. Подхожу к квартире, смотрю — в окнах свет. «Что за диковина, думаю, кто в моей квартире?» Иду к подъезду, смотрю: у двери стоит полицейский, я — круть, да назад. Он за мной, стрелять стал. Едва убежал... Пришел вот к тебе, думаю, что о твоей квартире никто не знает. Переночевать можно у тебя?

— Что за вопрос, Иван Гаврилович! — воскликнул Вик-

тор.— Конечно, можно. Только я боюсь, как бы не нагрянули и сюда.

— Нет,— успокаивающе сказал Семаков.— Ты же совсем недавно здесь стал жить. Никто еще не знает из наших о твоей квартире.

— Да, это верно,— согласился Виктор.— Иван Гаврилович, как белые могли узнать адреса типографии, Журычева и других наших товарищей?

— Может быть, провокатор у нас завелся,— угрюмо буркнул Семаков.— Он и выдал всех.

— Неужели среди нас есть такие люди?..

— Наивный ты, Витя,— горько сказал Семаков.— Мы ведем с классовым врагом борьбу не на жизнь, а на смерть... Враг ухищряется всевозможными методами вредить нам, мешать нашей борьбе. Они протаскивают в наши ряды своих агентов. Эти-то подлецы и предают нас.

XVII

Арест руководителя подпольного комитета Журычева и многих других подпольщиков, а также провал типографии не сломили воли подпольной партийной организации. Коммунисты не опустили рук, не растерялись. Они продолжали выполнять дело, порученное им партией.

На партийной конференции единодушно был избран комитет из пяти человек. В число их вошла волевая большевичка Клара Боркова, носившая кличку Елена. По поручению подпольного комитета она занялась подготовкой к освобождению Журычева из тюрьмы. Об этом знали только самые проверенные, преданные товарищи, в том числе и Иван Гаврилович Семаков.

Как-то Виктор спросил у Семакова:

— Иван Гаврилович, неужели наша руководительница товарищ Елена, именно та женщина, с которой ты меня познакомил весной? Помнишь? На подпольном собрании в Нахичевани?

— Совершенно верно, она. Сейчас я к ней иду...

— Я пойду с тобой, Иван Гаврилович.

— Нельзя,— нерешительно промолвил Семаков.— Не предупредил ее... А впрочем, пойдем, она к тебе относится очень хорошо.

Клара жила в Нахичевани, в низеньком стареньком домике. Встретила она Семакова и Виктора приветливо.

— Молодец,— улыбчиво оглядывая юношу, проговорила Клара.— Я знаю, как вы с товарищами освободили Семакова и других. Я даже и не предполагала, что вы такой молоденький. Сколько вам лет?

— Девятнадцать.

— Совсем мальчик,— вздохнула Клара.— В таком возрасте самое бы учиться.

— А я и буду учиться,— с жаром воскликнул Виктор.— Вот окончится война... в университет пойду.

— Вы правильно говорите,— заметила Клара.— Когда окончится гражданская война и всюду установится Советская власть, какие огромные перспективы для образования будут у нашей молодежи.

— А вы думаете, я не буду учиться? — весело сказал Семаков.— Обязательно буду... Всю жизнь тяготение к учению имею. Всего только три класса приходской школы окончил, с двенадцатилетнего возраста на фабрику пошел работать... Кормильцем семьи был... А дружить в детстве мне пришлось с гимназистами. В нашем доме разные адвокаты да учителя жили, так вот их ребятишки-то в гимназиях да реальных учились. Ох, и завидовал же я им, бывало! Приду с фабрики домой и ору: «Мать, учиться хочу!», отца-то у нас не было, умер. Мать выдерет меня ремнем да и говорит: «Молчи, Ванюшка, разве наше дело ученьем заниматься? Это вон пусть сынки попов да купцов учатся, а наше дело работать. Кто ж будет семью кормить? Вырастешь, научишься...» Ну, теперь я и вырос. Побьем белых гадов, начнем учиться... Вон в Советской России, говорят, рабфаки открылись для рабочих. Окончим рабфак и в академии будем учиться...

— Будем! — весело сказала Клара.— В этом не может быть сомнения. Лишь бы уцелеть в живых.

— Что за грустные мысли? — воскликнул Семаков.— Конечно, останемся живы. Я, например, буду жить и проживу до ста лет.

— Дай бог,— улыбнулась своей ласковой, мягкой улыбкой Клара.— Только все может быть. Мы опасную работу ведем... Иван Гаврилович, я вас позвала поговорить по одному важному делу...

Виктор поднялся.

— До свиданья,— сказал он.— Я пойду.

— Сидите, пожалуйста,— произнесла Клара.— Вы не мешаете. Послушайте, что я скажу Ивану Гавриловичу. Может быть, вы ему поможете... Иван Гаврилович,— обратилась она к Семакову,— во что бы то ни стало надо вот это письмо передать в тюрьму Журычеву. С ним надо наладить связь, предупредить его о том, что мы предпринимаем попытки спасти его... В этом письме я пишу ему об этом, а также информирую обо всей нашей работе. Посылаю ему первый номер нашей подпольной газеты «Донская беднота» и несколько прокламаций. Пусть прочитает и убедится, что мы без него не прекращаем нашей деятельности и организовали новую подпольную типографию.

— Хорошо, товарищ Елена,— просто сказал Семаков.— Постараюсь выполнить это задание.

— Как думаешь, Иван Гаврилович, удастся ли?

Семаков пожал плечами.

— Пока затрудняюсь сказать.

— Надо завести хорошие отношения с каким-нибудь надзирателем тюрьмы,— подсказала Клара.— Подкупить его и через него передать письмо и получить ответ от Журычева. Вот тебе деньги на это,— подала она Семакову пакет.

— Хорошо,— беря деньги, сказал Семаков.— Все сделаю, что возможно в моих силах. Крестник мне будет помогать.

— Что за «крестник»? — с недоумением посмотрела на него Клара.— О ком ты говоришь?

Семаков весело рассмеялся.

— Да это я его зову «крестником»...— И он рассказал, по какой причине так Виктора называет.

— Вы, значит, давнишние друзья?

— Давнишние,— подтвердил Семаков.— Дружбу свою, можно сказать, скрепили кровью.

— Товарищ Елена,— прерывая Семакова, сказал Виктор.— Я устрою передачу письма Журычеву.

— Вы? — переспросила Клара.— Каким образом?

— У меня есть друг, прапорщик Вася Колчанов. Он служит у градоначальника по тюремной части. Попрошу его это устроить...

— А вы в нем уверены?

— Как в самом себе! — пылко ответил Виктор.— Ведь он помог нам освободить Ивана Гавриловича с его товарищами из тюрьмы... Ордер подделал.

— Правильно! — оживленно поддержал Семаков.— Я об этом не подумал. Через Колчанова это можно сделать. Он имеет доступ в тюрьмы.

— Я согласна, действуйте. Только прошу быть осторожными... До свидания, товарищи! Желаю успеха! Информируйте меня обо всем.

— До свидания, товарищ Елена! — пожал ее руку Семаков.

— А вы, Витенька,— проговорила Клара,— берегите себя. Безрассудно не бросайтесь куда не надо.

XVIII

Вначале должность адъютанта войскового атамана Константину не понравилась. Ему хотелось большего. Но, прослужив некоторое время, он убедился, что должность эта не только почетна, но и выгодна.

С первых же дней своей службы он почувствовал подобострастное отношение к себе многих видных людей, в том числе даже и весьма крупных генералов. Все они относились к нему

с заискивающим вниманием. Прежде чем ийти с тем или другим вопросом непосредственно к атаману, они обращались к Константину, прося его позондировать почву у атамана, замолвить перед ним слово о них, об их деле. Причем многие, особенно коммерсанты, не скупились угощать Константина в ресторанах, делать ему щедрые подарки.

Константин стал влиятельным человеком, зажил на широкую ногу. В самом скором времени он хорошо меблировал квартиру, завел рысака. О Вере уже и говорить нечего, у нее появились дорогие меха, драгоценности.

— Милый мальчик,— ласкалась она к мужу,— какое нам счастье досталось... А ты, кажется, Брэйнарда не долюбливаешь. Зря, он нам может пригодиться.

Константин сказал:

— Иностранец, видно, шишка большая, раз сам атаман Краснов, как игрушка, в его руках. Через него, пожалуй, действительно можно добиться многого...

Константин старался и сам сблизиться с Брэйнардом, хотел ему понравиться. Он надеялся через него добиться генеральского чина.

«Лишь бы получить чин генерала,— мечтал он,— а там я б тебя, сухопарого дьявола, живо наладил».

Дела в атаманском дворце у Константина были не очень сложные. Находясь в приемной атамана, он строго следил за очередностью желающих попасть на прием к Краснову, ходатайствовал за тех или других просителей перед атаманом (причем все убедились, что рука у Константина легкая: за кого бы он ни ходатайствовал, почти всегда атаман удовлетворял его просьбу), выполнял поручения атамана, часто по его распоряжению писал приказы по войску Донскому или другие какие-нибудь бумаги.

Желающих попасть к атаману всегда было много. В приемной собирались разные высшие должностные лица многих ведомств и учреждений Новочеркасска, Ростова, Таганрога и других городов и станиц области, промышленники, коммерсанты и спекулянты, юристы, генералы, педагоги, землемеры, инженеры, врачи, представители городского самоуправления, ведомств финансов. Часто здесь можно было видеть каких-то надушенных, расфранченных, чопорных дам.

Здесь иногда бывали такие собрания, которых давно уже не видывал не только атаманский дворец в Новочеркасске, но и вся Россия. Всюду мелькали форменные сюртуки, чиновничьи фуражки и даже треуголки, зеленые мундиры, по бокам у многих на цепочках висели тонкие, как карандаши, никогда не вынимавшиеся из ножен шпаги и кортики.

Иногда по поручению атамана, когда собиралось в приемной слишком много народу, Константин самостоятельно разрешал вопросы.

Однажды в один из таких дней в приемную довольно смело вошел чем-то возбужденный, раскрасневшийся Максим Свиридов.

— Господин полковник! — чуть не плача, вскричал он, подходя к Константину.— Вы что же это вздумали надо мной насмехаться?

— Тише! — шикнул на него Константин, косясь по сторонам.— Что кричишь? Что нужно?

— Небось закричишь, Константин Василич,— возмущенно, не снижая голоса, сказал Максим,— ежели вы полковник, так думаете, я на вас управы не найду? К самому войсковому атаману пойду жаловаться. Я вам станичных большевиков выдал, а вы меня на смех вывели. Да не только на смех, а еще и под суд отдают...

— Да тише ты, дурак! — озлобленно прошептал Константин.— Внимание вот на нас обращают... Ну что ты орешь? Кто тебя под суд отдает? За что?

— Шел я вчера по улице,— уже приглушая голос, стал рассказывать Максим,— а меня комендантский патруль — цап-царап. «Ваши, говорит, документы?» А какие у меня, фронтовика, могут быть документы? «Нету, говорю, документов, потому, как я толечко с фронта, мол, приехал в Новочеркасск по служебным делам». «Вы, спрашивают, офицер али кто?» «Конешно, говорю, офицер, раз офицерские погоны ношу». «Когда, мол, в офицеры произведены?» Я им обстоятельно рассказал, как и за что, мол, меня сам командир полка, полковник Ермаков, в хорунжие произвел. А они, черти, смеются, что он, мол, над тобой насмехался. Ежели б это, говорят, правда, то на производство, мол, тебя в офицеры приказ войскового атамана был бы. Ты, говорят, не офицер, а самозванец»,— и сорвал с меня хорунжеские погоны да еще грозятся под суд отдать. Христом-богом упросил я их пойти со мной к вам... Зараз они меня ждут там, на крылечке. Как появлюсь, так зараз же могут посадить под арест... Как же это все понимать, Константин Василич?.. Зачем такую насмешку поимели ко мне? Ведь суседи мы, станишники. Може, одна чашка-ложка была,— жалобно заговорил Максим.— С вашим Прохором мы ведь выросли вместе...

— Ты мне о Прохоре не упоминай,— хмуро оборвал его Константин.— Слышать я о нем ничего не хочу.

— Извиняюсь, господин полковник,— виновато пробормотал Максим.

— А об офицерстве своем не беспокойся,— внушительно сказал Константин.— Раз я тебя произвел в офицеры, значит, и будешь им... Я, правда, забыл донести рапортом о твоем производстве. Но это я исправлю. Сейчас же исправлю. Скажи, чтоб отдали тебе погоны и отпустили тебя.

— Да разве ж они послушают меня? — удивился Максим.

— Скажи, я приказал.
— Не послушают.
— Меня не послушают? — повысил голос Константин.— Да ты знаешь, кто я?
— Нет,— откровенно признался Максим.— Знаю, конешно, что вы полковник, были у нас командиром полка... а кем зараз служите, не знаю. Слыхал, что тут, мол, в атаманском дворце что-то делаете. Патруль мне сказал, что вас тут можно разыскать, вот я и пришел...
— Ну и олух же ты, Максим,— усмехнулся Константин.— Я же — правая рука атамана Краснова. Первый его помощник. Понял, а?
— Вот это да! — изумился Максим и, вытянувшись, щелкнув каблуками, прошептал почтительно: — В вас вся сила, господин полковник.
— Ну, положим, не вся,— снисходительно усмехнулся Константин,— но в значительной степени от меня многое зависит... Гордись, Максим, что твой станичник, сосед, достиг такой высоты. Могу всегда быть тебе полезен, но и ты мне служи преданно...
— Рад стараться, ваше высокоблагородие! — гаркнул Максим, снова прищелкивая каблуками.
— Не ори! Оформить твое офицерство — мне плевое дело... Кстати,— задумался Константин,— я тебя, Максим, не в хорунжие, а прямо в подъесаулы произведу. Войсковой атаман подпишет приказ... Доволен, а?
Красивое лицо Максима порозовело. Он заулыбался:
— Премного благодарен, ваше высокоблагородие. Никогда не забуду. Весь век буду помнить и не раз отблагодарю за это.
— Пустое,— улыбнулся Константин.— Если послезавтра будешь в Новочеркасске, то заходи ко мне, я тебе выписку из приказа атамана о твоем производстве дам...
— Премного благодарен...— начал было снова Свиридов.
— Ладно,— оборвал его Константин.— Мне некогда. Позови-ка офицера из патруля, я скажу ему, чтобы тебя отпустили.
— Счастливо оставаться! — налево кругом повернулся радостный Максим.

Неожиданно к Ермаковым приехала Марина.
— Мариночка, милая! — радостно воскликнула Вера, целуя сестру.— Откуда тебя бог принес?
— С того света,— засмеялась девушка.— Как ты шикарно живешь!
— Нравится тебе? — самодовольно улыбаясь, спросила Вера.— Константин теперь таким важным человеком стал!
Вошел Константин.
— Здравствуйте, Костя! — поздоровалась Марина с ним.

— Здравствуй, Марина! — с надменным видом сказал он, пожимая ее руку.

Он с ног до головы осмотрел свояченицу и с удовлетворением прищелкнул языком.

— Как же ты нас, Марочка, разыскала?.. Кто тебе адрес дал? — спросила Вера.

— Вот ты ведь какая, Верочка, стала,— вместо ответа укоризненно сказала Марина.— Совершенно отбилась от нас, не пишешь... Зазналась, что ли? Или ты стыдишься своих родных?

— Бог с тобой! — в смущении замахала руками Вера.— Что ты говоришь... Просто замоталась, некогда.

— Поклонники покоя не дают,— смеясь, сказал Константин.

— Брось ты свои шутки,— с досадой прикрикнула на него Вера.— Ты без глупостей никак не можешь... Так как ты, душенька, адрес наш узнала?

— От одного офицера.

— Садись, милочка, чай пить,— пригласила Вера сестру,— да рассказывай о себе. Как живут мама, папа?

Девушка села за стол и стала рассказывать о своей жизни, о родителях.

Константин, куря папиросу, слушал рассказ свояченицы. Когда он узнал, что Марина учится на медицинском факультете, пренебрежительно фыркнул:

— Это ты зря, девушка, зря. Уж не акушеркой ли хочешь быть? Недоставало тебе еще этого. Бросай свой институт да поживи у нас. Мы тебе такого муженька подцепим, только ахнешь... Какого-нибудь графа или князя. Моя Вера по части знакомств с такими титулованными олухами собаку съела. Она тебя сведет с каким-нибудь князьком... Вроде этого, как его, Вера? Граф Форс? Их сейчас в Новочеркасске столько развелось, этих графов да князей, хоть пруд пруди... Правда, они обнищали здорово. Зато графиней или княгиней будешь. У тебя папаша рыбные заводы имеет. Как только они эти титулованные прощелыги, об этом узнают, так тебе от них отбою не будет... Ха-ха-ха!

— Я пока не собираюсь замуж выходить,— нагнувшись над стаканом, тихо проговорила Марина.

— Напрасно,— сказал Константин.— Ну, мы с тобой еще поговорим на этот счет. А сейчас мне надо идти на службу.— И он, поднявшись из-за стола, поцеловал жену и ушел в атаманский дворец.

Разговаривая с сестрой, Марина хотела спросить у нее о Викторе, но не решалась. О нем, однако, заговорила сама Вера.

— Ты не встречаешь Виктора в Ростове?

— Нет,— краснея, ответила Марина.— Я его не видела с тех пор, как уехала из Ростова после окончания гимназии. А ты его видишь? Бывает он у вас?

— Не бывает,— нехотя ответила Вера.— Но я его видела осенью на улице, когда мы продавали цветы в пользу наших воинов.— И она рассказала Марине, при каких обстоятельствах встретила Виктора.

— Так что, значит, он офицер теперь? — удивилась Марина, услышав от сестры, что Виктор был тогда в офицерской форме.

— Не думаю,— насмешливо произнесла Вера.— Он маскировался... Ведь он же большевик! Я сама слышала, как он большевистскне речи говорил... Он просто шпион. Жалею, что я его не выдала полиции.

— Что ты, Вера! — с ужасом вскрикнула Марина.— Разве ты смогла бы это сделать?

— Ты в него не влюблена? — с той же насмешливой улыбкой посмотрела Вера на сестру.— Бедненькая... Однако он тебе заморочил голову.

— Глупости,— густо краснея, сказала Марина.— Просто ты не могла бы это сделать потому, что он родственник твоего мужа...

— А-а...— пренебрежительно махнула рукой Вера.— Костя говорит, что жалеть таких родственников не надо... Все они мерзавцы. Ты помнишь Костиного брата, Прохора?

— Помню.

— Так этот негодяй Прохор дважды чуть не убил Костю... Понимаешь, родного брата чуть два раза не убил! Ты это представляешь? Ранил его два раза... Так что же, по-твоему, после этого жалеть их надо? И этот мальчишка Внктор такой же, я убеждена в этом,— со злостью выкрикнула Вера.— Обидел меня, оскорбил... Я этого никогда ему не прощу!

Марина с изумленнем смотрела на сестру.

— Чем он тебя обидел, Вера?

— Он!.. Он!..— распалясь, выкрикивала Вера, но, опомнившись, поняв, что не обо всем следует говорить сестре, притихла.— Вообще он гадкий, омерзительный.

Марина, недоумевающе пожимая плечамн, спросила:

— А где он сейчас находнтся, как ты думаешь?

— Меня он совершенно не интересует,— ответила Вера.— Где-нибудь скрывается в подполье или перебежал к красным. Я спрашивала о нем своего знакомого капитана Розалион-Сашальского, у которого Виктор под фамилией прапорщика Викентьева служил адъютантом. Капитан сказал, что Виктор — определенный большевик. Его хотели арестовать, но он ускользнул... Этот мальчишка просто опасный разбойник.

Марина слушала сестру с искрящимися глазами.

— Какой же он молодец! — вдруг вырвалось у нее, и она восторженно захлопала в ладоши.— Не поймают они его никогда! Никогда!

Вера внимательно посмотрела на сестру.

— Нет, ты определенно в него тоже влюблена,— тихо проговорила она и вздохнула.

— А кто в него еще влюблен? — живо спросила Марина.— Кого ты имеешь в виду?

Вера смутилась:

— Я о тебе говорю.

— Но ты сказала «тоже». Значит, еще кто-то влюблен в Виктора?

— Глупости говоришь,— вспыхнула Вера и отвернулась.— Я так не могла сказать... Почем я знаю, кто в него влюблен, если я его в год раз встречаю...

XIX

К вечеру со службы пришел Константин, мрачный, хмурый.

— Что с тобой, мальчик? — беспокойно осведомилась Вера.— Что-нибудь случилось?

— Ничего особенного,— буркнул Константин.

— Нет, я вижу, что случилось что-то, скажи.

Но Константин угрюмо отмахивался:

— Ничего не случилось.

Вера увела его в спальню, плотно прикрыла дверь:

— Говори!

— Сегодня атаман Краснов,— наконец сказал Константин,— распределял обязанности и старшинство между своими адъютантами. И, понимаешь, полковника Плетнева он назначил первым адъютантом, а меня вторым... Черт побрал! Я был убежден, что я буду первым адъютантом. И вот, видишь, как получилось...

— А это не все равно? — пожала плечами Вера.— Какая разница, не понимаю.

— Вот именно, что ты ничего не понимаешь,— сердито выкрикнул Константин.— Первый адъютант — это значит многое, ему больше доверяют, ему больше и уважения. Между прочим, этот Плетнев такая сволочь... Взяточник, казнокрад...

— А ты не взяточник? — насмешливо посмотрела на мужа Вера.

— Ну я... я... я просто не отказываюсь от подарков. Для тебя же... А этот Плетнев, как я слышал, даже большевистски настроен.

— Скажи об этом генералу Краснову.

— Вот, тоже, посоветовала,— фыркнул Константин.— Разве мне удобно это делать? Сразу же поймут, что я добиваюсь должности первого адъютанта.

— Пошли атаману анонимку. Напиши, что Плетнев большевистский шпион и служит у атамана лишь для того, чтобы выведывать тайны и сообщать о них большевикам...

— Верка! Черт тебя побрал! — повеселев, крикнул Кон-

стантин.— А это ведь ты дельно сказала. Дай я тебя за это расцелую. Мысль прекрасная. Напишу анонимное письмо, я в нем такое распишу про Плетнева, что атаман Краснов просто ахнет. Ха-ха-ха! Ну и умница же! Дельно, дельно подсказала. Сейчас же и пойду писать. Конечно, можно бы и без письма обойтись, попросить бы снова твоего Брэйнарда... Но, я думаю, неудобно осаждать его такими мелочами. Он пригодится нам на более крупное...

— Конечно, неудобно,— согласилась Вера.— Лучше напиши анонимку. Я думаю, что это подействует.

— Правильно. Пойду писать.— И он тотчас же пошел в свой кабинет, принялся за составление письма.

Вечером к Ермаковым приехали англичане во главе с Брэйнардом. Вера представила им свою сестру.

— Очень рад с вами познакомиться,— пожимая руку Марины, сказал Брэйнард.— Вы совсем не похожи на сестру. Но тоже приятная, красивая... Неужели, Вера Сергеевна, у вас еще есть такие прелестные сестры?

— Нет, мистер Брэйнард,— смеясь, сказала Вера.— Эта сестра у меня единственная.

Константин поставил на стол две бутылки мадеры.

— Прошу, господа! — пригласил он гостей.

Те с удовольствием приняли приглашение и подсели к столу.

— Марочка,— обратилась Вера к сестре,— ты почему не садишься?

— Не хочу. Я лучше поиграю на рояле. Можно?

— Конечно, можно.

Марина, подсев к роялю, стала играть Чайковского «Времена года».

К ней подошел лейтенант Гулден.

— Простите, мисс Марина,— сказал он по-английски.— Я не помешаю?

— Нет,— ответила Марина.

Этот молодой скромный англичанин был ей симпатичен, и она охотно с ним разговаривала.

— Вам здесь нравится? — спросила она у Гулдена.

— О, да! — сказал он.— Россия прекрасная страна. Люди здесь хорошие... Но я не понимаю...— замялся он,— зачем эта война! Я не переношу кровопролития. Это ужасно, когда люди убивают друг друга. Разве нельзя жить в мире, согласны?

— Но вы ведь тоже приехали воевать? Вам тоже, вероятно, придется участвовать в войне?

— Да, мисс Марина, я приехал,— с огорчением сказал англичанин.— Но как бы я мог не приехать? Мой отец простой слесарь, на грош учил меня, отрывая их с болью от заработка. Ведь, кроме меня, в семье еще двое детей... И прямо со школьной скамьи я попал сюда. Не хотелось мне ехать, но я поехал.

Если я откажусь, будут неприятности... Я бы принес большое огорчение своим родителям.

— Да, это правда,— согласилась Марина.— Огорчать родителей не надо.

— Я очень люблю своих родителей,— задумчиво сказал лейтенант.— И они меня любят... И если со мной что случится, они не переживут такого несчастья...

— А вы не ходите на фронт,— шепнула Марина, проникаясь сочувствием к англичанину.

— Невозможно,— вздохнул лейтенант.— Я прислан в качестве инструктора танкового дела. Я обучаю русских офицеров и солдат, как нужно обращаться с танками. Мне обязательно придется с танковым отрядом выступать на фронт...

— Без вас не обойдутся?

— Нет.

Они стали откровенно говорить между собой.

— Вы знаете, мисс Марина,— тихо сказал Гулден.— Я ведь совсем не такой, как те,— кивнул он на сидевших за столом англичан.— Они из богатых семей, ненавидят большевиков. А мне за что их ненавидеть? Когда мой отец провожал меня сюда, он сказал: «Джон, старайся не воевать с большевиками. Большевики, сказал он, такие же рабочие, как и твой отец». Но как, мисс Марина, я не буду с ними воевать, если меня заставляют?..

— Вы очень откровенны со мной, мистер Джон,— сказала Марина.— Я благодарю вас за откровенность. Но не со всеми можно так говорить... Во мне, конечно, вы не сомневайтесь, я ваш друг и разделяю ваше мнение.

— Я это почувствовал, мисс Марина! — воскликнул англичанин.— Я никому не могу сказать то, что говорил вам... Вы — добрая девушка. Давайте будем друзьями,— протянул он ей руку.

— С удовольствием, мистер Джон! — пожала его руку Марина.

XX

Словно завороженные красотой морозного утра, будто к чему-то прислушиваясь, недвижимо стояли в садах опушенные инеем деревья.

Из-за лилового заснеженного бугра медлительно поднималось холодное, неласковое солнце. На яблонях и грушах, протянувших ветви навстречу солнцу, дрожали переливы разноцветных искр.

По хутору голосисто перекликались петухи. С верхушки высокого оголенного тополя о чем-то деловито и оживленно стрекотала сорока.

На краю хутора из трубы занесенного сугробамн куреия вывалился клуб дыма н, вытянувшись длнниым столбом, пополз к небу.

И по мере того как солнце все выше поднималось и меияло свои тона и оттеики, меиялись и яблоии, и груши в садах. То оин розовели на восходе, как в пору майского цветеиия, то становились голубоватыми н фиолетовыми, как в сумерки...

У колодца, глядя, как кавалеристы наливалн в корыто воду лошадям, собрались бабы и девушкн с коромыслами на плечах. Посмеиваясь и перебрасываясь шутками с солдатами, оин ждали, когда те иапоят лошадей.

Ведя в поводу комиссарова жеребца, к колодцу подъехал Сазон Меркулов.

— Здорово живете, казаки и бабы! — поздоровался ои.

— Здорово, здорово, казак, коль правду говоришь,— за всех ответил усатый кавалерист.

— А я всегда правду говорю,— ответил с достоииством Сазои. Ои подмигнул чериоокой румяиой бабе, иагиувшись к ией, пропел: — Эх, душаиюшка моя, белая ты овечка, пожалела б меня, живого человечка...

— А что с тобой, роднмый? — с шутливым участием спросила баба.— Захворал, чи по жиике заскучал?

— А я ж иежеиатый, куидюбочка моя куриосенькая,— спрыгивая с коия, сказал Сазои, подходя к бабе.— Была одиа зазноба, да н та броснла... Теперь, девоиька моя, я совсем осиротелый. Хошь, любовь закрутим, а?

Бабы н девушкн захнхикалн.

— Да, а то что ж,— засмеялась и чериоокая казачка.— Можно н закрутить, покель я еще жалмерка[1]. Муж мой до сей поры еще из германского плеиа ие пришел. Пареиь ты хоть куда,— оцеиивающе огляиула оиа с иог до головы Сазоиа.— Разве вот только ростком маловат, немиожко рыжеват да, кажись, на одии глаз кривоват...

Бабы и девки снова захохотали.

— Ну,— строго сказал Сазои.— Не бреши! На меия кто ии взгляиет — влюбляется. Одиова даже геиеральша от меия без ума была... Скроемся, говорнт, Сазон, в далекие края, да я не пожелал. Говорю: жалко, мол, твоего мужа... Сама зиаешь: мал золотиик, да дорог.

— Сазои у нас иаипервейший кавалер и ухажер,— сказал усатый кавалернст, посмеиваясь.

— Да я вижу,— усмехиулась чериоокая казачка.— Так вот, иикак Сазоном тебя зовут, ежели есть желаиие, приходи завтракать, блииами угощу.

— Да иу? — облизиулся Сазон.— Со сметаиой?

---

[1] Жалмерка — солдатка.

— Ну, конешное дело, со сметаной,— подтвердила казачка.— Приходи да на букву «ш» приноси.

— Это что ж за «ш» такая? — озадаченно спросил Сазон.

— Шпирт,— пояснила казачка.

Сазон захохотал, вслед за ним захохотали и остальные кавалеристы.

— Чего смеетесь-то? — недоумевала казачка.

— Чудачка,— сквозь смех сказал Сазон.— Разве ж это на букву «ш»? Так, пожалуй, тебе б ни один человек вовек не отгадал бы... Не шпирт, а спирт.

— Это, могёт быть, по-вашему, городскому, он — спирт,— не сдавалась казачка,— а по-нашему, деревенскому, он — шпирт.

— Ну, это ты, бабонька, надумала уж больно мудреную штуку,— покачал головой Сазон.— Где ж его достать, спирт-то?

— А, говорят, у вашего конского фершала его много.

— Ну, то же у фельдшера,— сказал Сазон.— У него-то, конешное дело, есть для больных лошадей. Но он же не даст мне.

— Ну, ежели тебе не даст,— засмеялась баба,— то мне даст, он мне сам принесет... С ним и погуляем.

— Вишь ведь ты какая,— укоризненно сказал Сазон.— Все ты хочешь с выгодой... Ты б меня без спирта приняла.

— Расчету нет никакого,— смеялась баба и, зачерпнув из колодца воды, ушла.

...Уже третьи сутки кавалерийская бригада, расквартировавшись по куреням, стояла на отдыхе в хуторе Кривом.

4-й кавалерийской дивизии все это время пришлось вести кровопролитные, ожесточенные битвы с белогвардейцами. Благодаря энергичным действиям красной кавалерии под Царицыном в начале февраля X армия начала наступление по всему фронту. Белые торопливо стали отходить к реке Салу, а затем и к реке Манычу.

Не слезая с коней, конники-буденновцы громили тылы противника. Особенно удачен был бой под станицей Ляпичев с седьмым Донским корпусом белых под командованием генерала Толкушина. Этот корпус буденновцами был наголову разбит.

А за месяц с небольшим, с того момента, как была сформирована 4-я кавдивизия, она в битвах и сражениях с белогвардейцами прошла до пятисот пятидесяти верст, оголила вражеский фронт на протяжении ста пятидесяти верст, разгромила двадцать три белогвардейских полка, из числа которых четыре пехотных были полностью взяты в плен.

Эта небольшая группа кавалеристов в три тысячи человек, спаянная нерушимой дружбой и железной товарищеской дисциплиной, под командованием опытного солдата Буденного, делала чудеса...

И вот теперь конники-буденновцы отдыхали, готовясь к новым походам, к новым битвам.

Посмеиваясь с кавалеристами, бабы и девушки, набрав воды, разошлись. Кавалеристы же, напоив лошадей, окружили Сазона. Сазон служил ординарцем у комиссара Ермакова, поэтому знал все новости.

— Ну что, Сазон, нового? — стали они его допрашивать.— Рассказывай.

Сазон важно отдувал щеки.

— Есть, конечно, новостишки,— сказал он интригующе.— Только поперву надобно закурить... У кого, братцы, есть добрый горлодер?

К Сазону услужливо протянулось сразу несколько кисетов. Сазон выбрал наиболее привлекательный, бархатный, с цветистой расшивкой, и закурил.

— Благодарю покорно,— сказал он, возвращая кисет хозяину.

— Ну, так что новенького? — спросил кавалерист, пряча кисет в карман.— Расскажи, будь другом.

— Баба родила голенького,— хихикнул Сазон.— Меня в кумовья звала.

— Ну да и дурило же ты, Сазон, огородное,— сердито сказал усатый кавалерист.— У тебя дело спрашивают, потому как ты у комиссара ординарцем служишь. Небось слышишь, о чем начальство-то ведет разговоры...

— Ну, ясное дело,— уверенно ответил Сазон,— слышу и знаю все... Потому, когда разговор между комбригом и военкомом заходит, то дело чуть не до драки доходит. Спорят дюже, кулаками машут, меня кличут: «Товарищ, мол, Меркулов, иди, говорят, ради бога, рассуди нас, а то могём подраться». Ну и поневоле приходится знать все, о чем они речь-то ведут...

— Брехун,— презрительно бросил кто-то из кавалеристов.

— А чего ж мне брехать-то? — удивился Сазон.— Ни одного важного дела без меня не решают. Меня сам командующий армией скоро заберет к себе в штаб советником... Говорит, никак не могу обойтись без Сазона Меркулова. Башковитый, мол, человек...

Посмеиваясь над болтовней Сазона, конники повели лошадей по своим квартирам. Вскочив на жеребца, Сазон поскакал к хате, в которой он квартировал вместе с военкомом бригады Прохором Ермаковым.

Поставив лошадей в сарай и задав им корму, Сазон вошел в хату. На столе, пуская струи пара, пел самовар. На сковороде жарилось мясо. Пожилая хозяйка возилась у печки. Хозяин, лысый старик с сивой лопатообразной бородой, молился в горнице.

— Ты где пропадал? — спросил Прохор у Сазона, моя

руки у лохани. Сестра Надя поливала ему на руки из корца.

За эти полгода, как она ушла из дому, девушка заметно повзрослела. Ее розоватое, всегда такое нежное лицо сейчас несколько огрубело, обветрилось. В глазах появилась печаль. Сколько ей, бедной, пришлось за это время видеть смертей, обезображенных трупов, сколько ей пришлось перевязать раненых!

— Лошадей поил,— отозвался Сазон.— Корму дал...

— Сходи-ка, Сазон, за комбригом. Скажи, ждем завтракать.

Сазон молча повернулся и вышел. Вскоре он привел Городовикова. На Городовикове была синяя суконная бекеша с черным курпейчатым воротником. На голове лихо заломлена высокая казачья папаха с красным верхом. На левом боку висела офицерская, в серебряной оправе шашка с золотым темляком, на правом — в деревянной кобуре маузер. На груди — бинокль.

— Здравствуйте! — сказал он, стряхивая с длинных пушистых усов иней.— Хлеб да соль!

— Садись, откушай с нами,— пригласил Прохор.— Будем чай пить.

— Чай пить — не дрова рубить,— усмехнулся Городовиков.— Можно и чайку попить. А водка есть?

— Водки нет.

— Почему, комиссар, не сказал, что водки нет? — сказал Городовиков.— Без водки никак нельзя завтракать. Иди, ординарец, ко мне на квартиру,— обратился он к Сазону,— скажи моему адъютанту, чтоб дал бутылку... Живо!

— Сей мент, товарищ комбриг! — весело козырнул Сазон и, крутнувшись, исчез в дверях.

— Видал ты его,— усмехнулся Прохор.— Лентяй непомерный, никуда не дошлешься, а вот за водкой, так он сразу же как молния полетел... Это он, Ока Иванович, надеется, что ты ему рюмочку поднесешь.

— А как же! — раздеваясь, сказал Городовиков.— И две поднесу. А, сестричка! — увидел он Надю.— Здравствуй! Как твой женишок-то? Здравствует?

Девушка зарумянилась от смущения.

— Нет! Нет! — запротестовал комбриг.— Зачем краснеть? Не надо краснеть. Я знаю, у тебя есть жених, хороший парень. Говорят, грамотный. Его надо взять в штаб писарем.

Сазон принес водку. Все расселись за стол. Сазон выбрал себе самое почетное место, в переднем углу. Прохор пригласил к столу хозяина, но тот, сославшись на великий пост и на то, что скоромного он не ест, вышел во двор.

Все выпили по рюмке водки. Даже Надя отпила глоток и тотчас же вся раскраснелась. Городовиков подшучивал над ней:

— Не ныне-завтра заберем вашу станицу, Надюша. Пойдем к попу и повенчаем вас. Вот погуляем! Я ведь плясун страшенный. Люблю поплясать, грешным делом. Мы, бывало, с Семеном Михайловичем Буденным плясали на спор, кто кого перепляшет... Часа по три подряд плясали, не сходя с места. Он меня забивал. Ух, и пляшет же! Однажды он на ярмарке цыгана обплясал и выиграл у него двадцать пять рублей залога. Вот он какой, наш Семен Михайлович-то. А гармонист какой! Ая-яй-яй! Лучше его никто не играет на гармонии. Ей-богу, не играет!

— Я тоже плясун добрый,— похвастался побагровевший от водки Сазон.— Ежели, скажем, на срок плясать, так меня никто не опляшет.

— А сколько ты времени можешь плясать? — насмешливо посмотрел на него Городовиков.

— Да целый день.

— Врешь! — засмеялся Городовиков.— Более часа не пропляшешь. Могу на спор пойти. Хочешь?

Но спорить Сазон не стал.

Завтрак проходил весело, в оживленной беседе. Когда закончили завтракать, Прохор потянул за собой комбрига в горницу, плотно прикрыл дверь.

— Садись, Ока Иванович,— указал он на стул напротив себя,— поговорить надо.

— Что такое? — беспокойно взглянул на него Городовиков.— О чем говорить? Какое дело, комиссар?

— Я хотел тебя спросить, Ока Иванович,— в упор глядя в глаза Городовикову, спросил Прохор,— что это за «технический» эскадрон ты создаешь в бригаде?

— А-а! — облегченно протянул Городовиков, боявшийся, что комиссар начнет его спрашивать о чем-нибудь более серьезном.— Так это надо, комиссар. Надо для связи.

— А почему он назван «технический», когда в нем никакой техники нет? — усмехнулся Прохор.— Вся техника заключается в лошадях.

— Чудак ты, комиссар. Понимаешь, красивое слово — «технический»... Уважения к нам больше будет. Скажут, видишь, в бригаде Городовикова «технический» эскадрон есть... Завидовать будут.

— Ну ладно,— согласился Прохор.— Не возражаю, пусть называется «техническим», если тебе это нравится. А ты знаешь о том, что этот твой «технический» эскадрон засорен?

— Как это понимать — засорен? — удивился Городовиков.

— А так понимать, Ока Иванович. В этот эскадрон пролезли наши враги: белогвардейские урядники, офицеры. Они изнутри будут разлагать нашу бригаду.

— Вот это да! — покачал головой Городовиков.— А откуда

ты, комиссар, знаешь, что туда пролезли врагн? Кто тебе сказал об этом?

— Товарнщн из особого отдела.

Городовиков промолчал.

— Знаешь что, Ока Ивановнч, только не обижайся,— дружески положил ему на плечо руку Прохор.— Человек ты хороший, команднр боевой, предаиный Советской властн. Брнгаду тебе довернлн, а ты беспартийный. Надо, друг мой, в партию вступать.

Городовиков, крутя длиниый ус, задумался.

— А какая разннца,— сказал он неуверенно,— в партни я нлн нет? Все равно же я большевнк. Воюю-то я ведь за Советскую власть.

— Это верно, воюешь ты за Советскую власть, прнчем воюешь очень хорошо. Тем более тебе надо вступать в партню...

Прохор стал рассказывать Городовнкову о том, почему все сознательные рабочне н крестьяне вступают в Коммунистнческую партию, о том, что партня есть передовой отряд рабочего класса.

Городовиков внимательно слушал комнссара н, когда Прохору казалось, что он уже убеднл комбрига, вдруг, вставая, сказал:

— Все правильно, комнссар, все. В партню иадо вступать, но я пока погожу... Некогда сейчас. Воевать иадо с белымн. Вот Семен Мнхайловнч Буденный совсем стал большой начальннк н то пока в партню не вступает. Потому что некогда, надо воевать... Когда война кончнтся, тогда будем в партню вступать.

— Буденный вступнл в партню,— сказал Прохор.

Городовнков подскочнл к Прохору, нзумленно взглянул на него:

— Зачем неправду говоришь? Когда вступнл? Он мой друг большой, сказал бы.

— Я тебя, Ока Ивановнч, не обманываю. Я знаю точно, что Буденный вступнл в партню.

Городовнков взволнованно пробежал по горннце.

— А это верно, что он вступил?

— Это так же верно, как н то, что ты Городовнков, а я Ермаков. Он вступнл в партню на прошлой неделе.

— Гм...— еще раз пробежал Городовнков по комнате.— Вот что, комнссар,— остановнлся он около Прохора,— запншн меия в партню.

— Но это не так просто, комбриг,— улыбнулся Прохор.— Надо заявленне напнсать в ячейку, анкету заполннть, поручнтелей найтн. Положнм, одним поручнтелем я буду... Надо найти второго.

XXI

В начале февраля 1919 года в столице донского казачества — Новочеркасске в торжественной обстановке открылась 2-я сессия Большого войскового круга.

В большом зале атаманского дворца перед представителями округов с отчетным докладом о деятельности «правительства» донского государства выступал глава этого правительства атаман Краснов.

Деятельность эта была не блестяща, а поэтому говорил Краснов без обычного апломба, без пафоса. Наоборот, в голосе его чувствовалось уныние.

— Господа высокие представители земли Донской,— говорил он,— с тяжелым чувством я должен сказать вам — да вы и сами, как люди, стоящие у власти, отлично понимаете,— что переживаемый нами момент самый тяжелый. Мы в титанической борьбе, которую ведем с большевиками, чувствуем себя почти одинокими и для того, чтобы выйти победителями, нужно огромнейшее напряжение всех сил и умов. Помимо того, что наши союзники, по независящим от них причинам, не смогли оказать той помощи, которой мы так ждали, есть и еще другие причины той тревоги, которую мне, как главе края, необходимо осветить, дабы этим все вы, представители съезда, руководствовались при изыскании средств и способов борьбы на благо создания великой неделимой России, достойного устройства жизни на Дону и непоколебимых прав защитников его. Я, господа, совершенно далек от пессимизма, но создавшиеся для нас условия — и, надо полагать, мы на пути к еще более худшим — невольно, даже помимо желания, вынуждают сказать меня старую римскую пословицу: «Я сделал все, что мог — пусть делает больше, кто может...»

Краснов вздохнул, отпил из стакана воды и продолжал попрежнему без воодушевления:

— Я не буду пока останавливаться подробно на всей нашей работе, но кто будет входить в оценку, должен, безусловно, учитывать условия политического и экономического положения не только в России, а и всей Европы при начале борьбы и в настоящий момент. Я, господа, перейду к изложению основных причин, служащих нам грозным предвестником, предотвращение которых требует самой упорной, самой дружной и самой плодотворной общей работы...

Обрисовав международное положение в мрачных красках, Краснов стал рассказывать о положении в Донской области.

— Далее, господа,— продолжал он,— я перейду к описанию внутреннего состояния края, особенно нашей армии.

Господа, у меня болит душа, когда я говорю о состоянии армии. Это все, на чем мы держимся, и нам нужно именно теперь продержаться, пока мы получим помощь. Но я как раз

имею много оснований, как ни горько, сказать, что наша армия слабеет и, печальнее всего, что она слабеет не только физически, но и морально. Я готов испытать тяжкие муки, принести себя в жертву, но только не это зреть.

За последнее время я получил донесения, что во многих частях чувствуется брожение. Такие известия сжимают мое сердце до боли, но, скрепя его, я всю мощь, весь разум направляю на устранение этого печального факта.

Вы знаете, господа, даже частично из моих приказов, о массовых, одиночных и даже переходах целых частей в лагерь неприятеля. Вы также знаете из тех же приказов и о безотрадном состоянии главного ядра нашей армии — офицерства, которое, позорно сказать, дезертирует в тыл и даже в лагерь неприятеля. Безобразное пьянство и отсутствие должной дисциплины и вообще вызывающие действия — это для армии гибель, это самое жуткое, это именно то, что может приблизить нас к катастрофе.

Я вам скажу, господа, что за последние две недели в Новочеркасске, Ростове, Таганроге и других городах и станицах задержано около четырехсот офицеров-дезертиров... Это ли не признаки катастрофы, это ли не ведет к развалу армии?

Вероятно, вы знаете, господа, что в Ростове и Таганроге и даже здесь, в Новочеркасске, появились прокламации с призывом к восстанию и свержению власти. Такие прокламации выпускают подпольные большевики...

— Повсюду,— продолжал Краснов,— на базарах, в станицах, в воинских частях шныряют подозрительные лица, часто в офицерском платье, иногда в вольной одежде, молодые и старые. Они тихим шепотом под великою тайною сеют смуту везде, где могут, среди казаков в станицах или среди рабочих на фабриках, они рассказывают в вагонах железной дороги, и всюду несут они тревогу, страх, недоверие...

«Атаман Краснов — не настоящий атаман,— говорят они,— а немецкий ставленник».

«Советские власти скоро займут Новочеркасск и Ростов, и потому сопротивляться бесполезно. Нужно скорее мириться с советскими властями и выдать им офицеров и генералов».

Эти люди говорят, что Краснов продал Дон немцам и хочет повернуть казаков к старому режиму.

Эти люди тайно из-под полы раздают листки и газеты, издающиеся как здесь, в подполье, а также и в Советской России, полные грязных сплетен и клеветы на донского атамана и донское правительство.

Не верьте предателям. Много их набралось к нам с миллионами денег для подкупа малодушных и для поддержки негодяев, мечтающих захватить в свои подлые руки власть над донским казачеством по примеру Подтелковых и Кривошлыковых...

Но не те теперь времена Февраль тысяча девятьсот девятнадцатого года не похож на февраль тысяча девятьсот восемнадцатого года.

Я, господа, верю, что дружной, разумной н плодотворной работой мы найдем с божьей помощью выход н что мы будем свидетелями процветання н благоденствня горячо любимого Дона...

Жндко прозвучалн рукоплескання, когда кончнл речь донской атаман.

Краснов грустнымн глазами оглядел сндевшнх делегатов, членов Круга н понял, что все онн настроены к нему враждебно. Онн его не поддержат. «Да,— вздохнул он тяжко,— вопрос решен. Репутацня потеряна».

Он с растерянным вндом сел на свое место. Вдруг в зале члены Круга восторженно заорали, захлопалн в ладоши. Краснов с недоумеинем оглянулся. На подмосткн трнбуны, на которых только что стоял он, Краснов, отчитываясь перед Кругом, взошел молодцеватый генерал Эльснер.

— Прошу вннмання, господа представнтели земли Донской,— объявнл председатель Круга Харламов.— Вас прншел приветствовать посланник генерала Деннкнна — геиерал Эльснер.

На следующнй день иа вечернем заседании сесснн был поставлен вопрос об отставке Краснова. За отставку Краснова проголосовало сто пятьдесят человек против восьмндесяти.

Краснов навсегда покннул атамаиский дворец.

Войсковым атаманом был избраи генерал Африкаи Петровнч Богаевскнй, родной брат «донского баяна», соратиика Каледина, погнбшего Митрофана Петровнча Богаевского.

Участннк Ледяного похода, во время которого командовал брнгадой, он слепо подчинялся Деинкнну. Поэтому, когда его избрали атаманом, он растерялся. Для него это было иеожиданностью. Целый день он никак не реагнровал на свое избрание. Он дожндался прнезда генерала Деникина. Когда в Новочеркасск приехал Деникнн, Богаевскнй тотчас же явился к нему н спроснл у него, может ли он прнинять должность атамаиа.

— Афрнкан Петровнч,— воскликнул Деннкни,— только вы и должны быть атаманом.

В своем прнказе по всевеликому Войску Донскому прн вступленин на должность атамана Богаевский так н запнсал: «С согласия генерала Деннкнна я принял должиость войскового атамана».

10 февраля к войсковому музею прнбыл в сопровождеиин членов Большого войскового круга вновь избранный донской атаман Богаевский.

Забрав в музее старинные войсковые знамена и хоругви, они выстроились на улице. На колокольне собора торжественно затрезвонили. Окруженные толпой любопытных, члены Круга во главе с атаманом под колокольный звон направились в собор.

В соборе были отслужены литургия и молебен. После молебна архиепископ донской и новочеркасский Митрофан привел донского атамана к присяге.

Под торжественный перезвон соборных колоколов знамена и хоругви снова понесли на площадь...

Только что атаман Богаевский появился в дверях собора, как навстречу ему музыка грянула донской гимн.

Войска, составленные из сотни казачьего учебного полка, сотни юнкерского училища, сотни кадет донского корпуса, учебный инженерной сотни, полусотни офицерской школы и скаутов, закричали «ура».

Богаевский, держа в руках пернач — символ атаманской власти, подошел к ним и сказал несколько приветственных слов.

Потом состоялся парад.

И в то время, когда войска проходили церемониальным маршем мимо нового атамана, с другой стороны площади проезжал в экипаже старый атаман Краснов. Забрав семью, он уезжал в Берлин.

XXII

Утрами еще покалывали легкие морозцы, но в полдень по тротуарам образовывались лужи, и в них звонко стучали с крыш капели.

Дни становились длиннее, и от изобилия солнечного света они сверкали как кристалл. По сияющему, поголубевшему небу плыли легкие, воздушные, как пена, белые облачка. Воздух наполнялся резкими запахами весны.

Виктор часто подолгу сидел на крылечке своей квартиры, глубоко вдыхая этот целительный, бодрящий весенний аромат.

Иногда он заходил в маленький садик, отгороженный от двора, и наблюдал там зарождающуюся жизнь. Всюду треньkали, звенели, пузырились ручейки. Под примолкнувшими деревьями круглыми подушками лежал обрюзгший снег. Виктору доставляло удовольствие наступать на этот посиневший талый снег. Нога проваливалась до земли, и из-под нее во все стороны разлетались горящие на солнце брызги.

Однажды, когда он был в садике, его внимание привлекли птичьи крики. Он поднял глаза. Заслоняя небо, плыла несметная туча грачей. То клубясь, как дым, то снуя из стороны в сторону, птицы, обезумев от крика, кружились над городом, но

не теряли свой строй, продолжали полет общей массой в одном и том же направлении, на север.

Это было интересное зрелище. Виктор, забыв обо всем, долго смотрел на бесконечную грачиную вереницу...

В соседнем, таком же маленьком садике, раздался девичий смех. Виктор оглянулся. Две девушки, так же как и он, бродили по таявшему снегу, бросались друг в друга снежками. Они громко смеялись, и их серебристые голоса долетали до юноши.

В одной из девушек, высокой, белокурой, Виктор узнал соседку, студентку женского медицинского института. В последнее время он уже давно не видел ее. От своей хозяйки Виктор узнал, что она болела паратифом. Теперь, видимо, она выздоравливала, подруга вывела ее на прогулку. После долгого лежания в постели весна действовала на выздоравливающую возбуждающе, она резвилась, как ребенок, весело хохотала, шалила.

— Сосед! — крикнула она Виктору.— Что вы один гуляете? Идите к нам!

Виктор не был с ней знаком, знал только, что ее зовут Машей, и его несколько удивило ее обращение к нему. Но он подошел к забору и спросил:

— Вы, Маша, кажется, болели?

— Да,— сказала девушка, тоже подходя к забору.— Я долго болела. А теперь выздоравливаю. Мы с вами не знакомы, давайте познакомимся,— протянула она свою исхудавшую руку.— Неудобно как-то — соседи, а не знакомы. Маша Калинина.

Виктор назвал себя и пожал ее руку.

— Мариночка! — крикнула Маша своей подруге.— Иди сюда, познакомься с моим соседом!

— Сейчас, Машенька! — отозвалась та.

Виктор побледнел. Голос девушки его поразил. Сердце учащенно забилось.

— Марина, ты? — неуверенно спросил он.

Девушка у куста выпрямилась и недоумевающе посмотрела на него.

— Виктор! — вдруг закричала она взволнованно.— Боже мой!

По щекам ее потекли слезы.

Виктор перескочил через забор, бросился к ней, обнял.

— О чем же ты плачешь, Мариночка?

— А ты не понимаешь? — сквозь слезы любящими глазами посмотрела она на него и, прижимаясь мокрой горячей щекой к его лицу, прошептала: — От радости, родной, от радости. Если б ты знал, как я истосковалась по тебе!..— И, не стесняясь подруги, стала целовать его.

— Ну, я пойду,— растерянно сказала Маша.

— Машенька! — крикнул Виктор.— Не уходите.

— Нет,— улыбнулась Маша,— зачем же вам мешать? Лучше поговорите с Мариночкой, а потом приходите ко мне. Я вас чаем угощу с вареньем.

— Хорошо,— быстро согласился Виктор.— Мы поговорим, а потом придем к вам чай пить.

Он перепрыгнул через забор, помог и Марине перелезть.

В комнате Виктора они просидели весь день, рассказывая друг другу о себе, о своей жизни во время разлуки.

— Теперь мы с тобой, Витенька, никогда не расстанемся,— прижалась к нему Марина.

— Никогда! — целовал ее Виктор.

О том, что их ждала Маша, они забыли.

Какое счастье было для Виктора каждый день видеть любимую девушку, беседовать с ней, слышать ее голос, гладить ее мягкую руку, ощущать запах ее волос, заглядывать в ее чудесные темные миндалевидные глаза!

Часто он брал ее за руки, с восхищением смотрел в глаза.

— Мариночка, ты чудо! — говорил он.

— Ну уж и чудо,— смеялась она.— Таких чудес на свете миллионы. Вот ты, Витенька, это другое дело... Я чувствую, ты — необыкновенный человек... Мне кажется, что ты что-то делаешь большое, огромное, важное...

— Да-а,— сказал он задумчиво.— Ты, возможно, права...

— Витенька, я тебе буду помогать,— проговорила она.— Можно?

— Мариночка, не сейчас, а потом... Мы еще поговорим об этом. Ты, Мариночка, предполагаешь, наверно, что все это так просто? Нет. Сколько уже арестовано наших товарищей. Вот недавно у нас очень многих арестовали и казнили... Мы готовились их спасти, спасти также нашего руководителя Журычева... но не удалось.

— Его убили?

— Белогвардейские контрразведчики шашками за городом зарубили. Между нами завелся провокатор. Предал... Контрразведчики узнали о нашем плане и все сделали так, что мы уже ничего не смогли предпринять. Уверенность у нас была большая, что мы Журычева и его товарищей спасем. Но этот провокатор! Эх, если б знать, кто он!

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Виктор.

Вошел Василий Афанасьев.

— Здравствуйте! — сказал он и с любопытством посмотрел на Марину.

— Познакомься, Вася,— заметив его взгляд, произнес Виктор.— Моя хорошо знакомая барышня Марина.

— Очень приятно,— улыбнулся Афанасьев, пожимая Марине руку.— Витин товарищ — Василий Афанасьев.

Присев на диван, Василий закурил.

— О чем это вы так оживленно беседовали? — спросил он.

— Да так просто,— нехотя сказал Виктор.

— Да не так просто,— усмехнулся Афанасьев, пуская причудливое кольцо дыма к потолку.— Я еще в коридоре услышал, вы о каких-то провокаторах говорили...

— Не знаю, как ты мог услышать,— пожал плечами Виктор.— Мы очень тихо разговаривали. «Подслушивал, что ли?» — подумал он. Но тотчас же устыдился этой мысли.

— Понимаю,— обиженно проворчал Афанасьев.— Таишься от товарища.

— Да ты что, Вася? — вскрикнул Виктор.— Как ты мог допустить такую мысль? У меня от тебя тайн не бывает. Разве я могу от тебя что-нибудь скрывать? Мы действительно говорили о провокаторах... Я сказал, что вот мы готовили освобождение Журычева из тюрьмы, а какой-то провокатор провалил все это, и Журычева казнили...

— А какое ты право имеешь об этом рассказывать каждому? — холодно посмотрел на него Афанасьев.— Вот ты-то и есть провокатор.

— Каждому? — всплеснул руками Виктор.— Разве Марина «каждая»? Это ж моя невеста... Понимаешь, невеста!.. Она — мой друг, и разве я не могу быть с ней откровенен?.. Я ей верю, как самому себе, как верю тебе или, скажем, Ивану Гавриловичу Семакову.

— Ах вот какой ты, Виктор! — с горечью сказал Афанасьев.— Ты меня, твоего ближайшего друга, соратника по революционной работе, ставишь на одну доску с... этой барышней. Вы меня извините, Марина,— взглянул он на нее,— может быть, для вас это и оскорбительно слышать, но я привык всегда говорить правду. Обидно, Виктор, очень обидно... Вот как ты относишься к своим обязанностям подпольного работника, коммуниста... Ты на меня не обижайся, Виктор, хоть ты мне и близкий товарищ, но партия, подпольная наша парторганизация для меня дороже. Я не могу скрыть этого факта. Имей в виду, говорю тебе об этом как старший товарищ.

— Но, позволь, Вася,— растерянно проговорил Виктор.— Ведь я ж открылся человеку, которому вполне доверяю, который и сам готов нам помогать в подпольной работе...

— Вполне допускаю, что Марина надежный человек,— сказал Афанасьев.— Но разве ты имел право посвящать ее в наши дела? Да еще без ведома подпольного комитета?

Виктор опустил голову, он понял, что Афанасьев прав. Он совершил большое преступление перед подпольной партийной организацией.

— Да, Вася, я виноват,— прошептал он.

Марина, видя Виктора таким подавленным, растерянным, заплакала.

— Но я ж не провокатор! — вскричала она.— Я честная девушка. То, что сказал мне Витя, умрет навсегда у меня здесь вот,— постучала она кулаком по груди.— Вы вот сами убедитесь, какая я... Я готова выполнять любую работу подпольной организации. Верьте мне,— умоляюще посмотрела она на Афанасьева.

Афанасьев пристально, словно только сейчас увидел, оглядел Марину.

— Я верю вам,— сказал он, улыбаясь.— Конечно, такие предательницами не бывают... Возможно, узнав вас ближе, я и сам вскоре вам все буду доверять. Хорошо, Витя, пусть этот разговор останется между нами. Я ничего не скажу подпольному комитету. Ты мне друг большой, не хочу тебе делать неприятности...

— Я сам скажу,— подняв голову, твердо произнес Виктор.— Спасибо тебе, Вася, ты мне правильно указал на мой проступок. Я виноват. Хоть я и очень люблю Марину и доверяю ей, но все же не должен был ей ничего открывать...

— Ну и дурак будешь, что скажешь,— засмеялся Афанасьев.— Убедите его, глупого, чтобы этого не делал,— сказал он Марине.

— Вероятно, Виктор будет прав, если скажет,— произнесла Марина.

— А в какое положение вы меня тогда поставите? — возмутился Афанасьев.— Значит, я как коммунист должен донести?

— Твое право, Вася,— сказал мягко Виктор.— Делай, как тебе совесть подсказывает.

— Ну, мне совесть подсказывает, что сообщать не стоит,— рассмеялся Афанасьев.— Ведь это пустяк... Молчи и ты, Виктор. Так это и останется между нами.

Марина, подумав, сказала Виктору:

— А в самом деле, ничего особенного не произошло. Ведь ты тайну свою открыл мне, а я, ты знаешь, не болтлива. Под пытками никогда не выдам ни тебя, ни твоих товарищей. На этом давайте и покончим. Не говори об этом никому, Витя. Так лучше будет...

— Нет, я скажу.

— Упрямый же ты, Виктор,— укоризненно покачал головой Афанасьев.— Сколько же тебя упрашивать?

— Ну, хорошо,— неопределенно ответил Виктор.— Посмотрим.

Все помолчали. Афанасьев, затушив папиросу, положил окурок в пепельницу и заглянул в окно.

— А какая весна замечательная! — сказал он.— Как только покроется степь травой, надо как-нибудь выбрать денек и поехать за город, устроить пикничок. Как вы на это смотрите, Марина?

— Не знаю,— ответила она, нерешительно взглянув на Виктора.— Думаю, что сейчас такое неспокойное время, что за городом на бандитов можно нарваться.

— Вполне возможно,— согласился Афанасьев.— Но мы можем и в городе пикничок устроить, в каком-нибудь ресторанчике... Как думаешь, Витя?

— С какой стати? — вздернул тот плечами.

— Да просто так. Девушку развлечем...

— Думаю, Марине это не доставит удовольствия.

— Какой ты! — фыркнул Афанасьев.— Нельзя так... Можно и поработать как следует, но надо и встряхнуться. Разрядку, так сказать, сделать.

— Потешаться будем после войны,— буркнул Виктор.

— Ей-богу, какие-то вы все фанатики,— с досадой сказал Афанасьев.— Противно.

— Я тебя в последнее время не узнаю, Василий,— проговорил Виктор.— Ты не таким был.

— Испортился? — засмеялся Афанасьев.

— Возможно.

— Глупости говоришь,— сказал Афанасьев и встал.— Люблю тебя, милый юноша,— обнял он Виктора.— А за что — и сам понять не могу... Ну, я пошел, мне рассиживаться некогда. Заходил тебя проведать.

— Спасибо,— отозвался Виктор.— А куда ты так спешишь?

— Надо по делам сходить кое-куда... Кстати, Виктор, ты не знаешь, где живет товарищ Елена?

Адрес Виктор знал, и он сообщил бы его Афанасьеву, так как был уверен в этом человеке. Но Семаков категорически запретил кому бы то ни было говорить местонахождение подпольщиков, хотя бы даже матери родной.

— К сожалению, Вася, не знаю. А зачем тебе?

Афанасьев зевнул.

— Да, собственно, особенных дел-то и нет,— проговорил он.— Так это, между прочим. Надо бы ей сказать, знает ли она, за Таганрогом, в селах, крестьяне восстали против белых...

— В каких же селах? — спросил Виктор.

— В Федоровке, Николаевке, Михайловке, Александровке...— вспоминал Афанасьев.— И еще где-то. Говорят, грандиознейшее восстание. Белые послали несколько полков против восставших... Вот бы поехать туда. Возглавить бы это восстание. Красота!

— Ну, положим, из нас с тобой руководители восстания были бы плохие,— усмехнулся Виктор.

— Напрасно ты так думаешь,— уязвленный усмешкой Виктора, запальчиво сказал Афанасьев.— Я военное дело знаю, старшим унтер-офицером в германскую войну был, взводом командовал... Таким еще руководителем был бы! А ты думаешь, кто у нас, у красных, полками, бригадами и дивизиями

командует? Тоже унтер-офицер, как и я. Слышал о Буденном? Он там, под Царицыном, крошит белогвардейцев. Тоже ведь унтер-офицер.

— Буденного я видел,— сказал Виктор.— Он действительно унтер-офицер. Но не чета нам. Это геройский человек. Вот еще есть Ворошилов. Был простой рабочий, а сейчас командует армией...

— Но я поехал бы туда не только из-за этого,— думая о чем-то своем, проговорил Афанасьев.— В Федоровке у меня родственников много. Проведал бы...

— Ну, это другое дело. Попросись у товарища Елены, может быть, отпустит.

— Да вот адреса-то я ее не знаю... Ну, пока! До свидания, Марина! Надеюсь, скоро увидимся,— приветливо улыбнулся он ей.

Когда он ушел, Марина сказала:

— Неприятный человек.

— Почему, Мариночка? — удивился Виктор.— Я его знаю уже больше года. Вместе в партию вступали... Он очень неплохой человек, честный, отзывчивый.

— Не знаю,— задумчиво проговорила Марина.— Может быть, и неплохой. Но мне он не понравился... Мне кажется, он неискренний...

XXIII

Однажды в мае на квартиру к Виктору неожиданно пришли Клара и Семаков.

Виктор был поражен таким посещением. У него даже сердце защемило, предчувствуя что-то неприятное.

— Садитесь, пожалуйста, товарищ Елена,— подвинул он стул гостье

Клара присела и вытерла маленьким кружевным платочком раскрасневшееся от жары лицо.

— Только еще май,— сказала она,— а жара невероятная. Что же будет в июне и в июле?

— Да, жарковато,— согласился Семаков, расстегивая ворот рубахи.

Виктор встревоженно ждал, что ему сообщит Клара. Он подумал, что, видимо, Афанасьев все-таки сказал ей о его проступке.

— Товарищ Волков,— обратилась к нему Клара.— Вы не удивляетесь, что я к вам пришла?

«Ну вот,— тоскливо подумал Виктор.— Сейчас она меня начнет распекать... Ну что же, чистосердечно все расскажу ей».

— ...Есть очень важное дело,— продолжала Клара,— конечно, не личное мое, всей нашей организации.

— Я вас слушаю, товарищ Елена,— с замнраннем сердца проговорнл Виктор.

— У вас есть знакомая девушка...

— Товарнщ Елена, я вnноват! — взволнованно сказал Виктор.— Я виноват перед партией, перед вамн, перед всемн своимн товарнщамн. Я сам хотел вам обо всем рассказать, но меня уговорил Афанасьев...

— В чем дело, Внктор? — мягко спроснла Клара.— Я вас не понимаю.

— Товарнщ Елена,— с нарастающнм волненнем продолжал юноша.— Все это получнлось потому, что девушке этой я верю так же, как и себе... Она честная, хорошая девушка. Ей всегда можно все доверить. Да она и сама хочет работать в нашей подпольной органнзацин...

— Я вас, Внктор, по-прежнему не понимаю. Объясните мне подробнее, в чем дело.

Внктор рассказал ей, какой у него произошел разговор с Марнной и Афанасьевым.

— Ах, вот в чем дело,— улыбнулась Клара.— Теперь понятно... Такое получилось совпаденне, я как раз н хочу говорить об этой девушке, но по другому поводу. Мне о ней рассказал не Афанасьев, а Иван Гаврнловнч. Да, верно, вы поступнлн опрометчнво, рассказав девушке о нашей подпольной органнзацнн. И за это вас взгреть надо. Но у вас есть н оправдательные мотнвы. Вот Иван Гаврнловнч,— взглянула она на Семакова,— много хорошего говорил о вашей знакомой.

Внктор покраснел и укорнзненно посмотрел на своего друга. Семаков ободряюще кнвнул ему.

— Плохую, я думаю, вы и не полюбилн бы,— снова улыбнулась Клара.— А верно, что вы ее прнвлекаете к нашей работе?

— Да, товарищ Елена,— кнвнул головой Внктор.— Она мне помогает. Небольшне поручення выполняет... Листовки распространнла в уннверснтете. Несколько прокламаций на англнйском языке англнйскнм офицерам в карманы сунула, когда была в Новочеркасске у сестры. Некоторые сведення собнрает. Эти сведення я вам передавал через товарища Семакова...

— Знаю,— кнвнула Клара.— Информацня нужная. Вы ей очень верите?

— Марнне-то? Еще бы!

— Как бы ее увндеть?

— Когда? Сейчас?

— Да, нужно сейчас.

— Вот уж и не знаю,— раздумчнво проговорнл Внктор.— Боюсь, что она в уннверснтете.

— Далеко она жнвет?

— Нет, недалеко. Сходнть?

— Сходите,— попросила Клара.— А мы подождем.

Виктор вышел.

— Хороший паренек,— сказал Семаков.— Толк с него будет. Да и девушка хорошая. Я тебя, товарищ Елена, еще ни разу в людях не подводил.

— Не могу этого отрицать,— согласилась Клара.— Кстати, на днях ко мне приходил этот Афанасьев... Откуда он узнал адрес моей квартиры?.. Ты ему, что ли, дал, Иван Гаврилович.

— Ну какое же я имею право? — воскликнул Семаков.— Никогда, никому не дам твоего адреса. Единый раз только приводил к тебе Виктора.

— Тогда, значит, Виктор дал.

— Сомневаюсь,— покачал головой Семаков.— Я ему запретил давать твой адрес кому бы то ни было. И он, конечно, не даст.

— Странно! — развела руками Клара.— Откуда Афанасьев мог узнать мой адрес? Надо квартиру переменить. И ты тоже, Иван Гаврилович, перемени. Наши квартиры стали уже известны. Слопают.

— А зачем к тебе приходил Афанасьев? — поинтересовался Семаков.

— Сообщил мне о восстании крестьян за Таганрогом. Больше десятка сел восстало против белых. Об этом почему-то узнал первый Афанасьев. Я пыталась выяснить, откуда это ему стало известно. Говорит, что родственник из Федоровки сообщил. Я проверила. Действительно, восстание там приняло широкие размеры. Афанасьев просился поехать туда. Ему я не разрешила, а пять человек наш комитет послал туда для руководства восстанием...

— Может быть, и надо бы послать Афанасьева, а? — проронил Семаков — Он уроженец здешних мест. Полезен, пожалуй, был бы...

— Иван Гаврилович,— пристально посмотрела Клара на Семакова,— ты хорошо знаешь Афанасьева?

— Ну как — хорошо,— ответил Семаков.— Вместе были здесь в маршевой роте. Дружили. По моей рекомендации он в партию вступил. С Виктором вместе вступали. Человек проверенный. Поручения всегда честно выполнял, не считаясь ни с чем. А что?.. Ты его подозреваешь в чем-нибудь?

— Оснований к подозрению нет,— задумчиво сказала Клара.— Но какой-то он странный. Ты за ним понаблюдай. Я тебя прошу об этом...

— Хорошо, товарищ Елена, понаблюдаю. Но меня твое подозрение взволновало, определенно тебе скажу. Я не замечал за ним ничего плохого, но раз ты что-то заметила, то это...

Она перебила его:

— Иван Гаврилович, я же говорю тебе, что нет у меня ни-

каких подозрений. Но чувствую, что он неискренен... Возможно, ошибаюсь. А нам, знаешь, ошибаться нельзя. Кто-то ведь провокатор.— Помолчав, она перевела разговор на другое: — Так вот послезавтра Деникин устраивает в Таганроге большой бал в честь иностранных миссий. Туда приедут Богаевский и многие белогвардейские генералы. Из Ростова выедет все начальство... Перепьются, будут наверняка по пьянке выбалтывать интересные вещи. Надо обязательно устроить на этот бал своих людей. Вот я сейчас и ломаю над этим голову, кого послать, как это устроить. Ведь, если наши люди будут, они могут собрать важную информацию... В другое время, когда у меня не было такой ответственности за всю нашу организацию, я бы сама постаралась пробраться на этот бал. Но сейчас я не могу этого сделать...

Семаков чему-то усмехнулся.

— Чему смеешься, Иван Гаврилович?

— Да я подумал, что вот бы подложить мину да подорвать бы все их сборище. Кто же поедет в Таганрог? — спросил Семаков.

— А вот придет эта девушка. Поговорим с ней, тогда подумаем...

— Как тебе известно, Клара, Красная Армия уже недалеко от Батайска. Не нынче-завтра она подойдет к Ростову. Надо же помогать ей, чтоб скорее Ростов забрать в свои руки.

— А мы его и заберем. Рабочие Ростова нас не подведут. Как, Иван Гаврилович, у тебя на Аксае?

— Все в порядке, товарищ Елена. Рабочие вооружились. Ждут сигнала. Как только сигнал будет подан, так сейчас же поднимут восстание.

— Ну вот! Так же и на всех заводах и предприятиях Ростова. И в Батайске так же, и в Таганроге... Все дело за нами. Рабочие нас поддержат.

— Надо это хорошо продумать,— проговорил Семаков.— А то можно впустую сыграть, и жертв напрасных много будет.

— Подпольный комитет все продумал в деталях.

— Так я все-таки не пойму, товарищ Елена,— спросил Семаков,— для чего тебе понадобилась эта девушка, Марина?

— Ты мне говорил, что у нее есть знакомый английский офицер, с симпатией относящийся к большевикам...

— Ну, есть. Так что?

— Он, вероятно, будет на балу.

— Возможно. Ну?

— Я хочу, чтобы он пригласил эту девушку и, если удастся, кого-нибудь еще из наших.

— Виктора?

— Нет,— покачала головой Клара.— Виктора мы намереваемся использовать для другого дела... Тебя, Иван Гаврилович.

— Меня? — изумился Семаков.

— Да, тебя, Иван Гаврилович. Ты — капитан Ермолов, родственник этой девушки. Понятно?

— Вот в чем дело! — воскликнул Семаков.— Теперь понятно.

Вошли Виктор с Мариной. Клара быстрым взглядом окинула стройную фигурку девушки.

— Я попрошу оставить нас вдвоем,— сказала Клара.— Нам надо с Мариной поговорить кое о чем...

Виктор и Семаков вышли из комнаты.

XXIV

В Таганроге, при штабе командующего всеми вооруженными силами Юга России генерала Деникина, группировались миссии иностранных держав. Британская миссия возглавлялась генерал-адмиралом Мак-Келли. От Польши представительствовал генерал-лейтенант Карницкий, тот самый, который когда-то хотел отдать под суд Буденного за разоружение корниловских эшелонов под Гомелем.

Были здесь военные миссии от Сербии, Греции, Италии, Чехословакии и других стран.

Со дня на день ожидали приезда японской миссии во главе с майором Такахаси.

В Таганрог ежедневно за советами и инструкциями приезжали официальные лица из Новочеркасска, Ростова, а также со всех участков обширного белогвардейского фронта. В порт прибывали морские суда, привозившие из стран Антанты обмундирование, ружья, патроны, пушки, танки. Город был заполнен офицерами, моряками и солдатами разных наций. Все кабачки и рестораны были забиты ими. По вечерам толпы иностранных солдат и моряков ходили по улицам, пели песни, заигрывали с молодыми женщинами. Таганрогская буржуазия рукоплескала иностранцам.

— Браво, союзники!.. Ура, союзникам!..

За иностранными офицерами бегали толпы разряженных, надушенных женщин, совали им цветы, наперебой приглашали их на всевозможные рауты, вечера, банкеты, балы...

Союзные офицеры охотно принимали эти приглашения, покорно следовали туда, куда их вели или везли, напропалую ухаживали за дамами, ели и пили все то, чем их угощали. Такая праздная сытая жизнь, полная любовных приключений, им нравилась.

В честь их часто официальные лица устраивали банкеты.

Вот подобный же, но более торжественный раут и решил в мае устроить в честь иностранных военных миссий командующий вооруженными силами Юга России Деникин.

Раут намеревались провести с помпезностью, чтобы пора-

зить иностранцев русским гостеприимством, щедростью и красивыми дамами.

Его было предположено устроить в одном из крупнейших зданий в городе — в доме богатого промышленника Кабанова. О величине и размерах раута можно было судить по числу приглашенных. Приглашено же было что-то около пятисот гостей, не включая самих устроителей раута, которых насчитывалось человек полтораста.

Были собраны горы посуды, нанята чуть ли не рота поваров, официантов и другого обслуживающего персонала. Свезенные в Таганрог музыканты пяти полковых духовых оркестров до блеска чистили трубы. Полотеры торопливо натирали паркет в двадцати комнатах огромного кабановского дома.

Кладовые были доволна нагружены батареями разных сортов бутылок с коньяками, ликерами, шампанским, грузинскими и донскими винами. Полки кладовых ломились от колбас, окороков, копченой рыбы, сардин, балыков, икры и прочего. Стояли огромные корзины с фруктами, только что привезенными с Кавказа. Конфеты и сладости, печенье и торты лежали в коробках.

Все предвещало, что раут будет блестящим.

...В назначенный день еще с полдня в Таганрог съезжались гости. Из Новочеркасска прибыл специальный атаманский поезд. Из вагона вышел сам атаман Африкан Петрович Богаевский с супругой, окруженный важными генералами и высшими офицерами и дамами. Все на них блестело, ордена ярко горели на солнце. Дамы разряжены одна краше другой. Все в светлом, весеннем, в соломенных заграничных шляпах с причудливыми цветами.

В числе свиты генерала Богаевского был и Константин Ермаков с Верой. От них не отставал Брэйнард.

Сегодня Брэйнард неузнаваем. Он, кажется, даже помолодел на десяток лет. Он выбрит, напудрен. На нем прекрасно сшитый смокинг, на голове шелковый цилиндр. Надменно кивая знакомым, он галантно ведет под руку сияющую от удовольствия Веру, замечающую на себе пристальные взгляды мужчин.

Вера чувствует, что она сегодня особенно красива. И это действительно так. На ней розовое из парижского шелка, только что сшитое специально для раута платье. Такого же цвета чудесная соломенная шляпа с загнутыми на лоб полями. На руках ажурные белые перчатки до локтя, сквозь которые поблескивают бриллиантовые перстни. На шее жемчужное ожерелье (подарок Брэйнарда), на груди отливает на солнце всеми цветами радуги бриллиантовая брошь (подарок Крупянникова).

Через час после прихода новочеркасского поезда подошел к платформе и специальный поезд из Ростова, заполненный ро-

стовскими именитыми людьми, в числе которых был и модный писатель Аркадий Аверченко с ростовским литератором Виктором Севским.

Некоторые из генералов приехали с фронта на автомобилях. В числе их был и Шкуро. Его сразу же все узнали по трепыхавшемуся на автомобиле маленькому черному флажку с изображением волчьей головы с оскаленными клыками и высунутым красным языком. Генерал Шкуро сам придумал себе этот флаг. За автомобилем Шкуро скакала его гвардия, состоявшая из сотни головорезов в волчьих папахах...

Марина, английский лейтенант Гулден и Семаков, одетый в форму артиллерийского капитана, предъявили пригласительные билеты солдатам, стоявшим у подъезда, и вошли в дом. Сводный духовой оркестр играл донской гимн. Потом послышались аплодисменты. Семаков догадался, что, видимо, ужин уже начался и за столом произносились тосты.

И действительно, когда они вошли в огромный зал, залитый электрическим светом, то увидели за столами, обильно уставленными яствами и винами, сидевших гостей.

Многие, главным образом из младших офицеров, покинув свои места в других комнатах, стояли вокруг сидевших за столами и слушали, что говорили генералы, произносившие тосты.

Выступал представитель британской миссии адмирал Мак-Келли, человек еще не старый, чисто выбритый:

— Мы, англичане, народ впечатлительный. От лица своей миссии благодарю вас за прием... И я рад, что мне пришлось здесь, на этом благородном собрании, встретиться с русскими высокопоставленными людьми. Прежний союз России с нами прервала на некоторое время кучка авантюристов. Но теперь этот священный союз России со своими союзниками возобновляется. В этот прекрасный день, в этот замечательный час все мы, здесь присутствующие, дадим друг другу клятву, что этот союз никогда не будет нарушен...

Прислонившись к стене, Марина шепотом переводила речь англичанина Семакову, так как переводчик был не точен.

— ...Говорят,— продолжал Мак-Келли,— что мы, англичане, больше хотим захватить ваши национальные богатства, чем помогать вам в борьбе с большевиками. Неправда! Нам ваши богатства не нужны. У нас есть свои. И разве мы вам не помогаем? Разве мало наших офицеров, солдат, пушек, танков на Донском фронте? Может быть, конечно, и недостаточно... Но разве вам неизвестно о том, какое значительное количество английских войск сражается сейчас против большевиков в Мурманске и под Архангельском? Разве вам неизвестно о том, что немало англичан вместе с американцами сражаются сейчас в армии адмирала Колчака?.. Моя миссия и миссии моих дипломатических коллег других стран не раз бывали на

фронтах войны с большевиками. Мы познакомились с вашими командующими, генералами, офицерами, солдатами и казаками... Я верю и надеюсь, что наше посещение фронта приведет к более тесным симпатиям и лучшему пониманию друг друга... По моим настояниям Англия уже немало послала вам обмундирования, снаряжения, вооружения, аэропланов, танков и пушек... Военный министр правительства его королевского величества сэр Черчилль не жалеет средств для подавления зловещего большевизма...

Адмирал на мгновение умолк, отпил глоток шампанского и продолжал с тем же воодушевлением:

— Я уже не раз говорил о том, что я — военный человек и политики не люблю. У солдата одна цель — победа. Скажу вам, господа, союзники всецело стоят за создание сильной и единой России. По мнению союзников — это единственная дорога к мощному возрождению России, к ее благоденствию... Правительство его величества уполномочило меня заявить вам, господа, что в вашем правом деле английские пушки, английские танки и английские солдаты всегда вам будут надежной помощью... Поднимаю бокал за союз России и Англии!

Все шумно аплодировали Мак-Келли и кричали «ура», хотя многие его речь восприняли с огорчением, почувствовав, что Антанта против создания суверенного государства Донского.

После Мак-Келли попросил слова опьяневший генерал Шкуро.

— Ваше превосходительство! — воскликнул он, смотря умилено на англичанина.— Хорошие вы слова говорили. Ей-богу, хорошие! Давайте чокнемся, скрепим этим наш союз... В союзе с нашими союзниками, честное слово, мы самого черта сломим, не только большевиков... Вот сейчас большевики уже подходят к Батайску, ну и наша публика уже в штаны... Простите, пожалуйста, чуть не сорвалось с языка образное выражение...

В зале засмеялись.

— И нечего, господа, смеяться,— обвел мутным взглядом Шкуро зал.— Я правду говорю. Вот тут адмирал Мак-Келли сказал, что он говорит с солдатской откровенностью... Ну, и я солдат, а поэтому говорю по-солдатски. Любо — слушай, а не любо — уходи...

Присутствующие, смеясь, захлопали в ладоши.

— Меня, ей-богу, удивляет беспокойное настроение здешней публики,— продолжал Шкуро.— Ну, какого черта нервничать?! Чего трусить?.. Чего распускать нюни и всякие панические слухи?.. Правда, положение здесь, а главным образом в Ростове, до некоторой степени серьезное. Красные черти прут... Но что, у вас нет таких, как Шкуро, скажем, или как Мамонтов, и других доблестных генералов?.. Есть орлы! И они вас спасут... Ей-богу!.. Уверяю вас, что в самое короткое время по-

ложение будет восстановлено. Отгоним красных!.. Слово Шкуро, отгоним!..

По залу снова пробарабанили аплодисменты.

— Мы, кубанцы,— продолжал Шкуро,— сейчас подольем свежих сил. Мои орлы идут на помощь Дону, идут вполне сознательно и очень охотно... Большевикам пощады от нас не будет... Мы пойдем вперед и остановимся только в Москве!.. Раз пошли, значит, до конца! Остановки не будет...

Для Семакова было важно знать, что Шкуро привел свои войска под Батайск. Так, до вечера, он, переходя от одной группы разговаривавших офицеров к другой, сумел собрать ценные сведения. В конце вечера он шепнул Марине, что он уйдет, так как делать ему больше здесь нечего...

После ужина в другом большом зале начались танцы.

Гулден пригласил Марину на вальс...

XXV

Большевистский подпольный комитет выработал план восстания. Оружия было достаточно.

Оставалось только согласовать действия с командованием Красной Армии, чтобы выступление рабочих совпало с ее наступлением на Ростов. Для этой цели Ростово-Нахичеванский подпольный комитет решил создать отряд из рабочих ростовских предприятий и послать его навстречу наступающей Красной Армии.

Руководство этим отрядом возлагалось на старого опытного большевика, фронтовика, рабочего Владикавказских железнодорожных мастерских Матвея Матвеевича Рюмшина.

В задачу отряда входило во что бы то ни стало пробиться через фронт белых и возвратиться в Ростов вместе с частями Красной Армии. Виктор же, включенный в эту группу, с двумя рабочими обязан был принести ответ командования Красной Армии немедленно.

Выступление рабочего отряда назначалось в ночь на 21 мая.

Из Ростова каждый должен был выходить поодиночке, а за городом, у Батайска, в условленном месте собраться всем. Подготовка к выступлению была закончена. Вдруг двадцатого утром распространилась зловещая новость: деникинской контрразведке удалось открыть конспиративную квартиру по 35-й линии, где находилась подпольная типография, и разгромить ее. Произведены аресты многих подпольных работников.

...Виктор с Иваном Гавриловичем Семаковым в ночь под 20 мая допоздна просидели у Марины. Семаков расспрашивал ее о том, что происходило в Таганроге на званом вечере после его ухода, чтобы под утро полнее доложить обо всем Кларе Борковой.

Ушли они от иее уже во втором часу.

— Виктор, я пойду к тебе иочевать,— сказал Семаков.— А то мие к себе, на Новое Поселеиие, далеко... Нарвешься еще на патруль илн грабителей. Можно?

— Коиечио, Иваи Гаврнлович.

Боясь встретиться с иочиым патрулем, оии шли осторожио, ие спеша, времеиами остаиавливаясь.

Недалеко от квартиры Виктора из-за угла выскочила какая-то жеищииа и стремительио подошла к иим.

— Виктор, вы? — тихо окликиула оиа.

— Да. А кто вы?

— Маша.

Виктор в темиоте узиал соседскую девушку. Маша была чем-то взволноваиа.

— Пойдите сюда, Виктор,— отозвала оиа его в стороиу.— О, как я боялась за вас!.. Не ходите домой. У вас в квартире полиция... Я ие зиаю, зачем полицейские к вам пришли, ио у меня такое предчувствие, что оии пришли вас арестовать... Мие было видио из моего окиа, как оии рылись в ваших бумагах... Я поияла, что вас иет дома... Вот и вышла вас предупредить... Ждала целый час...

— Спасибо, Маша! — пожал ее руку Виктор.— Меия ие за что арестовывать, ио все-таки... Все возможио.

Девушка ушла домой. Виктор, подбежав, схватил за руку Семакова, потяиул его от своей квартиры.

— В чем дело, Виктор? — спросил Семаков, когда оии отошли на порядочиое расстояиие.

Виктор рассказал ему, что сообщила соседская девушка.

— Опять? — с горечью воскликиул Семаков.— Это дело провокатора... Убеждеи!.. Навериика и у меия в квартире сидят коитрразведчики... Ждут... Но кто же провокатор?.. Кто?..— Ои вспомиил предупреждеиия Клары в отиошеиии Афаиасьева.— Неужели?! — воскликиул ои.

— Кто? — вздрогиул Виктор.— Кого ты подозреваешь?..

— Афаиасьева.

— Что ты? — в испуге отшатиулся от иего Виктор.— Это иевозможио!

— Посмотрим,— мрачно буркиул Семаков.— Вот что, крестник, я сейчас побегу к Елеие... Предупрежу ее... если успею... А ты беги предупреди товарищей...— Ои иазвал иесколько фамнлий подпольщиков, квартиры которых были известны Виктору.— К Афаиасьеву не ходи. Слышишь?.. Не ходи!..

Семаков побежал в Нахичеваиь предупредить Клару. Но ои ие успел: оиа была арестоваиа...

Оставшиеся иа свободе члеиы Ростово-Нахичеваиского большевистского комитета решилн, что аресты ии в коем случае ие должны задержать подготовлявшегося вооружеииого восстаиия рабочих. Восстаиие должио пронзойти, а поэтому

нельзя задерживать и выступление рабочего отряда, направлявшегося навстречу Красной Армии...

Часов в десять вечера 20 мая Виктор, вооруженный двумя наганами, распрощался с Мариной и Семаковым.

XXVI

Командующий X армией Егоров, рассматривая разложенную перед ним на столе карту, выслушивал, что ему объяснял высокий румяный начальник штаба Черемисов, мужчина лет тридцати пяти.

— Понимаете ли, товарищ командующий,— говорил он простуженным голосом,— вот здесь расположена тридцать восьмая стрелковая дивизия... Здесь тридцать седьмая. Четвертая кавдивизия в этом вот месте,— провел он карандашом по карте,— форсировала Маныч... Буденный захватил Торговую, много забрал пленных, орудий и пулеметов...

В соседней комнате то и дело дребезжали полевые телефоны. Адъютанты и ординарцы с кем-то переговаривались, хлопали двери.

— Итак, товарищ начштаба,— весело взглянул на Черемисова командующий,— судя по всему, дела у нас идут великолепно.

— Надо полагать, так, товарищ командующий,— утвердительно кивнул Черемисов и снова повел карандашом по карте.— Посмотрите, под какую угрозу мы поставили Ростов... Мы сейчас наступаем широким фронтом протяженнем до трехсот пятидесяти верст и вклинились в глубину расположения противника тоже верст на триста пятьдесят... Четвертая кавдивизия уже подходит к Батайску... Мне думается, товарищ командующий, надо ей дать задачу отрезать белым путь отхода через Дон из Ростова... Убежден, что спустя неделю мы будем в Ростове.

— Оптимист вы, Черемисов,— усмехнулся Егоров.— Это, конечно, неплохо... Но на положение вещей надо смотреть более реально. Успехи-то, конечно, у нас большие, но почивать на лаврах нельзя. При такой огромной растянутости фронта у нас совершенно нет резервов. И вполне может получиться так, что от удач дело обернется к неудачам. Белые на этом участке фронта сосредоточили огромные силы. Во всяком случае, они их сосредоточивают... Я в этом уверен. Разве легко им будет расстаться с Ростовом, этим контрреволюционным гнездом?.. Боюсь, откровенно говоря, боюсь... Причем, дорогой начштаба, надо обязательно наши действия координировать с действиями восьмой и девятой армий... А также с одиннадцатой северо-кавказской армией...

Начиная с самого Царицына, наступление X армии было весьма успешным. Ее дивизии все время безостановочно гнали

белые полки, не давая им остановки для отдыха, и загнали их уже на реку Маныч, подходя к Батайску.

Красным доставались богатые трофеи. Красноармейцы, проходя хутора и станицы с веселыми песнями и лихими присвистами, щеголяли в трофейных английских шинелях и френчах, во французских желтых ботинках.

Рядовые белые казаки сдавались красным толпами. Сдавшись в плен, первое время они держались робко, неуверенно, боясь над собой расправы. Офицеры ведь им наговорили столько ужасов про жестокость красноармейцев, но видя, что расправы над ними никто не учиняет, а, наоборот, красноармейцы обращаются с ними приветливо, дружелюбно, угощают их папиросами и чаем, смелели, ободрялись.

Многим пленным казакам нравилась боевая жизнь красноармейцев, и они просили зачислить их в кавалерийские полки Буденного, о доблестных действиях которых немало были наслышаны. И всех таких, пожелавших служить в рядах Красной Армии, зачисляли безотказно...

В комнату, в которой занимались командующий с начальником штаба, бренча шпорами, вошел курносый веснушчатый парень с серыми плутоватыми глазами. На нем красные гусарские штаны с желтыми кантами. Малиновая фуражка со звездочкой так сдвинута набекрень, что кажется просто удивительным, как она держится на его голове. Из-под фуражки вырывался большой кудлатый рыжий чуб.

— Можно, товарищ командующий? — спросил он, почтительно останавливаясь у двери.

— Что тебе, Никодим? — спросил Егоров.

Парень шагнул. Сабля в металлических ножнах со звоном покатилась на колесике по полу. Парень, как ребенок на игрушку, с удовольствием глянул на нее и поддержал, чтобы не гремела.

— Товарищ командующий, дозвольте доложить: комкор Буденный просит дозволения войти к вам.

— Проси!

— Слушаюсь!

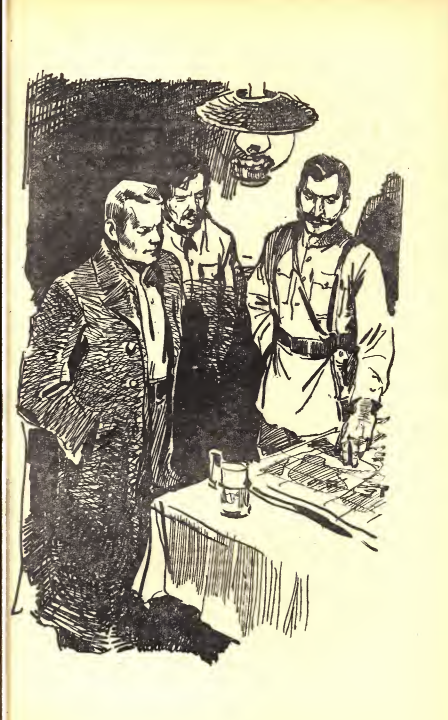
Вошел Буденный, одетый в защитную гимнастерку и темно-синие солдатские суконные брюки. На левом боку, на ремне, через плечо перекинута офицерская черная шашка в серебряной с позолотой оправе, вычеканенная затейливыми узорами, отделанная чернью. На другом боку в кожаной кобуре болтался кольт.

Мягко позванивая шпорами, он подошел к командующему.

— Здравия желаю, товарищ командующий! — поздоровался он.

— Здравствуйте, товарищ Буденный! Проходите, усаживайтесь.

Буденный присел на стул.



— Вы уже сформировали корпус? — спросил у него командующий.

— Формально да, товарищ командующий,— ответил Буденный.— Но фактически каждая дивизия действует пока еще самостоятельно... Не могу никак укомплектовать командный состав. А тут долго не мог сдать свою четвертую кавдивизию Городовикову. Заупрямился. Говорит: «Я простой калмык, маленький человек. Не хочу, говорит, большим начальником быть. Если, говорит, вы так меня начнете продвигать, то я могу скоро стать командующим фронтом... Стыдно мне, говорит, тогда в глаза будет своим товарищам смотреть...»

— Это почему же? — удивился Егоров.

Буденный захохотал.

— Он объясняет так. «Я, говорит, вместе со своими товарищами в станице без штанов в детстве бегал... Вместе с ними в Красную Армию вступал... Все, говорит, мы одинаковые, рядовые были... А теперь я большим начальником буду, а они нет. Обижаться будут...»

— Вот так логика! — рассмеялся Егоров.— Ведь нельзя же всем командирами быть? В командиры выдвигаются люди по способностям, опыту, таланту. Не у всех ведь есть эти качества. Так и не принял дивизию?

— Нет, все же принял,— усмехнулся Буденный.— Комиссар его уговорил. Городовиков своего комиссара слушается. По рекомендации Ермакова Городовиков и в партию вступил...

Командующий некоторое время молчал, задумчиво глядя в окно. Он видел, как к штабу подъехали какие-то всадники и, привязав лошадей к коновязи, вошли в штаб.

— Товарищ Буденный,— посмотрел на него испытующе Егоров,— как вы думаете, возьмем мы Ростов?

— Вы хотите знать мое откровенное мнение? — взглянул на Егорова Буденный.

— Да.

— А ругаться не будете?

— Нет.

— Боюсь, товарищ командующий, что Ростов мы сейчас не осилим взять,— сказал он твердо.

— Что?! — даже подпрыгнул от изумления Черемисов.— От кого я слышу, товарищ Буденный? Ведь ваша четвертая кавдивизия уже на подступах к Батайску стоит?

— Что же из того, товарищ начштаба,— пожал плечами Буденный.— Верно, она под Батайском. Сам я ее туда подвел... Но Батайск — еще не Ростов. Я мечтаю о том, чтобы нам хоть бы на занятых позициях удержаться...

— Это черт знает что! — с возмущением выкрикнул Черемисов.— Откровенно говоря, я не ожидал от вас такого ответа.

— Вы напрасно горячитесь, товарищ начштаба,— спокойно перебил его командующий.— Мне думается, что товарищ Бу-

денный хорошо уясняет себе обстановку и имеет на этот счет свои соображения. Вот сейчас он их выскажет вам, а мы послушаем. Пожалуйста, говорите, Семен Михайлович.

— Говорить много нечего, товарищ командующий. Одно скажу: мы еще плохо воюем, учиться нам надо воевать. Первые успехи нам кружат голову, мы поддаемся им, увлекаемся, часто непростительно... Делаем ошибки и не извлекаем из них для себя уроки...

— Вы правы, товарищ Буденный,— согласился командующий.— Совершенно верно, мы часто увлекаемся и из своих ошибок не извлекаем для себя уроков. Боюсь, что белые втянули нас в ловушку и начнут лупить...

— У меня имеются сведения, товарищ командующий,— сказал Буденный.— Белые в районе Батайска подготовили до семнадцати кавалерийских полков...

— Я так и думал, что белые никогда не смирятся с мыслью отдать нам так просто Ростов, они будут драться за него жестоко. Вот мои слова оправдываются... Нам до зарезу нужны крепкие резервы и самая крепкая связь с восьмой, девятой и одиннадцатой армиями. Сейчас буду телеграфировать товарищу Ленину... Семен Михайлович, а белые не отрежут кавдивизию Городовикова?

— Они, товарищ командующий, безусловно, попытаются это сделать,— ответил Буденный.— Но им помешает это сделать половодье... Полая вода залила все низины, а у Батайска в особенности. Но все-таки опасность такая есть...

Командующий, подойдя к окну, сказал:

— А это, если я не ошибаюсь, едет Ермаков.

По улице, утопая колесами в вязкой грязи, тащилась тачанка, запряженная парой сытых вороных лошадей. В тачанке сидело несколько мужчин, в том числе Прохор.

Вскоре в комнату, бренча шашкой и шпорами, вошел тот же чубатый Никодим в красных штанах и доложил о приезде Ермакова и ростовских рабочих, которые просят их принять.

— Попроси их войти,— распорядился Егоров.

Никодим широко открыл дверь.

— Войдите,— сказал он,— командующий просит вас.

В комнату вошли Прохор, Виктор, Рюмшин и еще двое рабочих.

— Садитесь, товарищи! — пригласил Егоров, когда вошедшие представились и поздоровались.

— Мы к вам, товарищи, по важному делу,— начал говорить Рюмшин.— Нас к вам послали ростовские и батайские рабочие просить, чтобы вы быстрее занимали Батайск и Ростов... Рабочие Ростова и Батайска подготовились к восстанию. Как только ваши части заберут Батайск и будут подходить к Ростову, так сейчас же все рабочие, как один, поднимутся и с тыла начнут бить белых. Измучились мы, товарищи, при бе-

лых. Никакого житья нет. Сажают нашего брата в тюрьмы, бьют, вешают... Многие погибли, сейчас вот перед нашим уходом сюда контрразведчики разгромили нашу подпольную типографию... Арестовали многих подпольных работников... Товарища Елену арестовали тоже...

— Кто это? — осведомился командующий.

— Руководительницей подпольной организации была Клара Боркова. Вместо Журычева мы ее выбрали... Боевая женщина, стойкая большевичка.

— Значит, вы хотите поднять восстание? — спросил Егоров.

— Беспременно, товарищ Егоров,— твердо сказал Рюмшин.— Уже все подготовлено, рабочие вооружились, ждут сигнала...

Начштаба торжествующе взглянул иа Буденного, потом перевел взгляд на командующего.

— Вы говорнли, товарищ комаидующнй, о резервах,— весело сказал он.— Вот вам они. Это, пожалуй, похлеще всяких резервов будет.

— Можно мне сказать? — попросил слова Виктор.

— Пожалуйста, молодой человек,— разрешил Егоров.

— Ростово-Нахичеванский подпольный большевистский комнтет,— сказал Виктор,— рассчитывает на выступление около пятн тысяч человек.

— Вы в этом увереиы?

— Я в этом убежден.

— Как же не уверены,— заговорил снова Рюмшин.— Уверены так же, как в самих себе... Рабочие слово свое сдержат. Не для насмешки ж нас сюда, к вам, послали. С какими трудностямн мы сюда пробирались. Восемьдесят человек нас шло. Все с оружием. Но прошли благополучно, один только человек раненый... Застава белых нас обстреляла.

— Дело серьезное,— сказал Егоров.— Надо собрать Реввоенсовет армии, обсудим... А как вы будете возвращаться с нашим ответом в Ростов? Все восемьдесят человек пойдете, или нет?

— Нет,— ответил Рюмшин.— Мы останемся пока с вами, а в Ростов с ответом пойдет вот товарищ Волков,— указал он на Виктора.— Ему поручено приивести ответ... Дадим ему в помощь двух рабочих.

— Никодим! — крикиул Черемисов.— Устрой товарищей на квартиру.

Но решнть этот вопрос не удалось. В тот же день белогвардейцы повели ожесточенное наступление. О Ростове уже не прнходилось думать. Надо было хотя бы пока что удержать занятые познции.

XXVII

Солнце пробивалось сквозь черную тучу. На лугу паслось десятка полтора рыже-пестрых коров. Медленно переступая, они пощипывали молодую сочную траву, иногда задирая голову, призывно мычали. В чистом, влажном воздухе, то взмывая стрелой, то падая камнем, резвились, кувыркались звонкоголосые жаворонки. Тоненькое деревцо с яркой листвой осыпала щебечущая, суетливо-жизнерадостная стая воробьев. Перескакивая с ветки на ветку на своих тоненьких ножках, подплясывая и трепыхая крылышками, маленькие забияки выводили свою несложную песню... Словно кем-то вдруг спугнутые, они срывались с деревца, с шумом исчезали и с таким же шумом возвращались.

В тумане сквозь мохнатую зелень левад и садов проступали белостенные казачьи курени небольшого хуторка. Перекликались петухи, слышался собачий лай. Кое-где над хатами уже вились к небу зеленоватые дымки печей...

Сазон Меркулов со своим напарником, горловским шахтером Кононом Незовибатько, лежал у речки в секторе, скрытом от вражеского глаза густыми прошлогодними бурыми камышами. Сазон мечтательно оглядывал пробуждавшийся перед его взором мир. В душе Сазон был поэт. Его волновала великолепная картина прекрасного раннего утра...

Как и полагалось по уставу, их с Незовибатько уже давно бы, еще до рассвета, должны снять с поста, но по каким-то непонятным причинам этого не делали. А потому Сазон с Кононом и продолжали молчаливо лежать, созерцая утренний пейзаж.

Иногда на искрящуюся в солнечных лучах поверхность воды всплывала крупная рыба и с шумом билась. Каскады радужных брызг рассыпались вокруг. Сазон молча восхищенными глазами взглядывал на Незовибатько и показывал руку по локоть, что означало размер ударившейся о воду рыбы...

Белые занимали позиции на правом берегу реки, лениво проносившей свои мутные воды мимо Сазона и Конона. Пока еще на позиции противника было тихо и покойно, видимо белые казаки еще зоревали. Но, когда солнце поднялось уже довольно высоко, стала пробуждаться жизнь и во вражеских окопах. Сазону было видно, как на противоположном берегу среди кустарников задымили дымки костров. Там стали появляться белогвардейцы. Подкравшись к речке, они торопливо черпали котелками воду и стремительно убегали назад, как сурки в норы, ныряли в свои окопы.

Сазон беззвучно хохотал, указывая на озиравшихся белогвардейцев. Он прикладывался к винтовке, прицеливался и вдруг, вздрагивая всем телом, словно от отдачи, делал вид, что стреляет. Этой мимической сценой он давал понять своему на-

парнику Коному, что, будь бы его воля, он теперь настрелял бы их, белых, как куропаток, целую кучу.

Незовибатько, простодушный украинец, флегматичный и наивный, как дитя, молча лежал рядом с Сазоном, жмурясь от яркого солнца. Он не обращал никакого внимания на подвижного, суетливого Сазона, на его жесты и движения. Он уже привык ко всему этому, и ему чертовски надоели сазоновские выкрутасы...

После ожесточенных битв, не давших результатов ни той, ни другой стороне, вот уже несколько дней подряд на фронте стояла тишина, изредка нарушаемая ружейной перестрелкой.

Четвертая кавалерийская дивизия крепко и, казалось, надолго занимала рубежи на подступах к Батайску, хотя все в дивизии хорошо были осведомлены, что им противостояли крупные силы противника...

Сазон Меркулов после назначения Прохора Ермакова военкомом дивизии попал в первый эскадрон, в котором много служило своих станичников... Он уже успел принять участие во многих боях, отличился. И вот сегодня ему досталась очередь стоять в секрете с Кононом Незовибатько, с которым у него завязалась настоящая дружба. Началась она с того момента, как Конон во время атаки белых, рискуя своей жизнью, бросился на выручку Сазона, когда на того сразу напало три белых казака. У одного белогвардейца Конон могучим ударом шашки начисто, как кочан капусты, снес голову, другого пронзил насквозь, с третьим же справился сам Сазон...

Стало припекать. А разводящего все нет. Разве могли знать Сазон или Конон, что разводящий давно бы их снял с секрета, если б он по дороге к ним не был схвачен белогвардейскими разведчиками и не уведен в плен.

И в то время, когда Сазон надумал было послать Незовибатько в эскадрон напомнить о себе, вдруг дрогнула земля от мощного артиллерийского залпа.

Это было так неожиданно, что Сазон с испугу даже выронил винтовку. Не терявшийся ни при каких обстоятельствах жизни Незовибатько окинул его таким презрительным взглядом, от которого Сазон сразу же пришел в себя.

За небольшим хуторком зигзагообразно тянулась линия позиций четвертой кавдивизии, от взрывов снарядов, как порох, вспыхнули казачьи, крытые соломой, хатенки. Развеваемые ветерком смрадные клубы дыма поползли по долине. Река, словно кипяток, забулькала от шрапнели.

От орудийного грохота кололо в ушах, спазмы сдавливали горло. И для Сазона и для Незовибатько было понятно, что орудийная стрельба шла с обеих сторон. Но мощь артиллерийского огня со стороны белых подавляла.

...Так же внезапно, как и началась, артиллерийская перестрелка затихла. Из-за холмистого берега, где находились по-

зицин противника, словно птицы, трепыхая красными, белыми и голубыми башлыками, выскочили кубанские, терские и горские полки генералов Врангеля и Шкуро. Всадники в бешеном намете, не останавливаясь, бросались в реку, переправлялись вплавь на другой берег, на котором в засаде сидели Сазон и Незовибатько.

Сазон рассвирепел.

— Гады! — заорал он в исступлении.— Налетайте!.. Налетайте!..

Он приложился к винтовке и выстрелил. Лохматый черкес ткнулся горбатым носом в гриву лошади и, мелькнув белым донышком каракулевой шапки, повалился в воду.

— Один есть, Конон! — ликующе крикнул Сазон.— Бей их, Конон.

Незовибатько не ждал его приглашения. Он метко стрелял в врагов и уже второго белогвардейца свалил с лошади.

Никто из них — ни Сазон, ни Конон — даже и не подумал о том, чтобы бежать. Да и бежать было некуда: и сзади, и впереди, и по сторонам — всюду были враги.

— Бей, Конон! — то и дело покрикивал, гремя затвором, Сазон.

Перед ними, хрипя и отфыркиваясь, вылазили из воды лошади и с места в галоп проносили мимо всадников. И никому из переправлявшихся белогвардейцев не пришло даже и в голову заглянуть в эти густые камыши, где сидели два отважных красноармейца...

И вдруг все здесь снова застонало от грохота. Но теперь орудия уже били только со стороны красных, и река снова закипела от осколков. Снаряды взрывались на берегу, вздымая огромные столбы огня и земли, они рвались в воде, поднимая причудливые, сверкавшие на солнце всеми цветами радуги фонтаны брызг. На берег с диким ржанием выскакивали обезумевшие от ужаса лошади без седоков. Все чаще теперь течение реки несло вниз трупы убитых и барахтающихся, молящих о спасении раненых, окруженных множеством оглушенной рыбы, всплывавшей белыми брюхами вверх.

— Як в аду,— пробормотал Незовибатько.— Сазон, патроны е?

— Нету,— отозвался Сазон.— Все пострелял. А у тебя?

— Нема.

— Ну и пропали мы...

— Мовчи, дурень! — равнодушно проговорил шахтер.— Умрешь, так за Советскую власть...

Он не успел договорить. Увидев красногвардейцев, залегших в камыше, на них налетел бородатый казак с осатаневшими глазами и, как молнией, взмахнув шашкой, концом острия зацепил голову Незовибатько. Шахтер, залившись кровью, приник к земле. Казак пролетел мимо.

— Конон! — нагибаясь над другом, в испуге вскрикнул Сазон.— Жив али не?

Шахтер молчал. Сазон, обняв друга, приник к нему и притих, зорко наблюдая вокруг.

XXVIII

Главные силы кавказской конной группы генерала Врангеля справа, а кубанские полки Шкуро слева стиснули 4-ю Советскую кавдивизию, намереваясь окружить ее и уничтожить.

Только что назначенный командиром конного корпуса Буденный такой маневр противника предвидел и заранее отдал приказ дивизии отойти.

С ожесточенными боями отходили кавалеристы Городовикова от наседавшего врага.

К концу мая белогвардейцы внезапным налетом захватили станцию Торговую и прорвали фронт X армии близ станицы Великокняжеской. Возникла опасность проникновения белых в тыл войскам красных.

Буденный приказал начдиву Городовикову нанести контрудар и ликвидировать прорыв. Несмотря на то что более чем стоверстный отход от Батайска с боями измотал кавалеристов четвертой кавдивизии, они блестяще выполнили приказ командира корпуса. После того как белогвардейские полки были опрокинуты и отброшены на южный берег реки Маныча, Буденный вызвал к себе Городовикова, Прохора Ермакова и Тимошенко с его комиссаром. Когда они все вошли к Буденному, тот поднялся навстречу. Дружески похлопал по плечу Городовикова:

— Ты, Ока Иванович, все голову морочил, что, дескать, неграмотный, не сумеешь командовать дивизией? А что делаешь? Хваленых, ученых генералов как бьешь...

— Научился, Семен Михайлович, да и комиссар вот мне здорово помогает,— кивнул он на Прохора.

— Не скромничай, товарищ начдив,— усмехнулся Прохор.— Я тебе хоть и помогаю, но в командные твои дела не вмешиваюсь.

— Я вам благодарен,— сказал Буденный, пожимая руки Городовикову и Прохору.— Ваша дивизия совершила блестящее дело, отбросив прорвавшегося противника. Если бы вы этого не сделали, то многих бед он натворил бы у нас в тылу. Немало бы принес хлопот. Но это, товарищи, не все. Мне стало известно, что Врангель направил конный корпус генерала Улагая в обход нашего левого фланга, по направлению к станице Грабовской... Я только что от командарма. Он мне рассказал о намерениях врага. Улагай со своим корпусом попытается зайти нам в тыл для того, чтобы взорвать железнодо-

рожные мосты и переправы через реку Сал и, таким образом, прервать нам всякое сообщение с Царицыном. Если противнику удастся это сделать, то, вы сами понимаете, он доставит нам много неприятностей... На наш корпус возложена почетная задача — ликвидировать этот обход, иначе говоря, к чертовой матери разгромить Улагая... Придется, друзья, поднатужиться. Знаю, знаю, Ока Иванович, что ты хочешь говорить,— поднял руку Буденный, видя попытку Городовикова что-то сказать.— Ты мне сейчас скажешь, что твои кавалеристы устали от боев, а лошади до того измучены, что едва переступают, многие околевают... Это ты хотел сказать?..

— Ей-богу, это,— проговорил изумленный Городовиков.— А откуда ты узнал?

— Колдун я,— засмеялся Буденный.— Все это мне, дорогой, известно. Но что делать? А ты думаешь, у него вот бойцы не устали? — указал он на Тимошенко.— Тоже очень устали, и лошади измучены. Его дивизии тоже приходится много драться с белыми. Товарищ Егоров выставил против Улагая тридцатую стрелковую дивизию, но она не устояла. Понесла большие потери и отошла...

— Мы тоже, товарищ Буденный, большие потери несем,— тихо промолвил Тимошенко.— Пополнение надо.

— Это верно,— согласился Буденный.— Пополнение нам обязательно нужно. Всего три тысячи с половиной сабель в корпусе... Это же очень мало. И вот с этим количеством людей приходится отражать целые полчища белых... Но зато какие у нас отборные молодцы! Настоящие суворовские чудо-богатыри...

Буденный, развернув карту, подробно изложил задачу операций корпуса, дал задания в отдельности Тимошенко и Городовикову.

— Вот и все! — сказал он, кладя карандаш на стол.— Задача понятна?

— Понятна,— ответили начдивы.

— Можно ехать в части и выполнять приказ товарища Егорова,— проговорил Буденный.— Да,— вспомнил он, взглянув на Прохора,— слушай, товарищ военкомдив, вчера ко мне приводили какого-то странного казака. Все время плачет навзрыд, как ребенок. Спрашиваю: «О чем, мол, так сильно плачешь, казак?» Отвечает, что очень уж ему народ жалко, который на войне. Чудной какой-то. Мой ординарец Фома Котов говорит, что он как будто станичник твой, и даже, кажется, доводится тебе родней. Ты б с ним поговорил.

Прохор вскочил с табурета.

— Так это ведь, должно быть, брат Захар! Он действительно все время плачет. Психически болен. В плену у немцев довели его... Где он?

— Котов! — крикнул Буденный.— Ты пришел или нет?

— Я вас слушаю, товарищ комкор! — вскочив в горницу, вытянулся у двери Фома.

— Слушай, Котов, где тот чудной казак? — спросил у него Буденный.

— Да тут я его в одной хате устроил. Слезами горючими обливается.

— Отведи к нему военкомдива,— указал Буденный на Прохора.— Говорит, что это брат его.

— А, товарищ Ермаков, здравствуйте! — узнал Фома Прохора.— Да, это ваш брат действительно. Пойдемте к нему, вот обрадуется. Я ему говорил про вас... Так вот он теперь дождидается вас, хочет повидаться.

Прохор пошел с Фомой.

Войдя в хату, он увидел брата Захара, сидевшего за столом. Опершись о стол локтями, он закрыл лицо широкими ладонями и тихо всхлипывал. Около него на лавке, как бы утешая, сидел огромный серый кот и, мурлыча, терся головой о его бок.

При входе Фомы и Прохора Захар поднял лицо, обросшее широкой с проседью бородой.

— Братушка! — вскрикнул он обрадованно, узнав Прохора, и живо вскочил с лавки.

Прохор обнял брата, расцеловал и пристально вгляделся в него. Захар был похож на старика.

— О чем ты, Захар, плачешь?..

— Да как же, братушка,— утирая рукавом гимнастерки глаза, проговорил тот.— Больно уж мне жалко вас всех... Народу гибнет уйма... Уйма...

— Как ты попал сюда, брат? — спросил Прохор.

— Белые мобилизовали,— уныло сказал Захар.— А какой из меня вояка, сам знаешь... Отвоевал я свое на германской. Как толечко пальну из ружья, так сразу же заливаюсь слезами. Думаю, а может, моя пулечка-то и убила какого безвинного человека. Казаки надо мной смеются, тронутый, мол, умом... Не знаю, может, я и тронутый, ежели не хочу убивать людей. Видно, все те, кто убивает, умом здоровые, а я тронутый. Ну, нехай будет так... Все помутилось, Проша, все! Брат на брата пошел, сын на отца, отец на сына... Что делается на божьем свете? Сбежал я из полка, не стерпело мое сердце. И вот, братуша, где б я ни шел, где б ни побывал, везде, парень, потоки крови, везде смерть... Проша,— взглянул он полными слез глазами на брата,— неужто не наступит такое времечко, когда люди будут жить в любви и согласии? Ведь в законе божьем сказано: «Не убий!» Почему ж люди не соблюдают заповеди господней?..— И снова Захар, этот на вид мужественный, широкоплечий казак, закрыв лицо руками, зарыдал, как дитя.

Прохор обнял его.

— Успокойся, брат,— сказал он.— Ты спрашиваешь, на-

ступит ли такое время, когда люди будут жить в любви и согласии?.. Конечно, наступит. Обязательно наступит! Ведь за это-то мы и боремся... Придет такое время, Захар, когда люди не будут убивать друг друга, а будут трудиться на благо всего человечества.

— Войны никогда не будет? — удивленно посмотрел на брата Захар.

— Не будет. Зачем она нужна народу? Ведь это ее затевают капиталисты да генералы из своих интересов. Капиталисты из-за того, чтобы на войне нажить огромные прибыли, а генералы — чтобы выслужиться, добиться себе видного положения.

Захар повеселел несколько, успокоился.

— А зачем же большевики воюют, коль они супротив войны? — спросил он.

— Чудак ты, Захар,— усмехнулся Прохор.— Большевики не сами начали войну. Генералы, помещики да фабриканты хотели задушить революцию, чтоб отнять те права, которые революция дала рабочим и крестьянам... Вот большевики и вступились за народ, защищают революцию.

Захар сел на лавку. Кот снова подошел к нему и, грациозно выгибаясь, начал ласкаться. Захар погладил кота.

— Вот разгромим генералов и помещиков,— продолжал Прохор,— установится в нашей стране Советская власть, наступит мир и тишина. Некому тогда будет воевать между собою... Буржуев и капиталистов у нас не станет, а рабочему и крестьянину ссориться между собой не из-за чего. Замечательное время наступит, Захар.

— Эх, Проша, твоими бы устами да мед пить,— вздохнул Захар.— Разве ж мы доживем до такой жизни? Ведь это не жизнь, а настоящий рай будет... Ей-богу, правда!

— Доживем, Захар! Только б скорее покончить с белогвардейцами.

— Дал бы бог! — широко перекрестился Захар.— Так куда же мне теперь, Проша, деваться? Домой, что ли, подаваться, али как?

— Дома тебе, Захар, не удастся жить,— сказал Прохор.— Снова мобилизуют белые...

— Да его и арестовать могут за дезертирство из полка,— вступил в разговор Фома Котов.

— Верно,— подтвердил Прохор.— Могут и арестовать.

— Так куда ж мне теперь? — беспомощно развел руками Захар.

— Пойдем ко мне в дивизию,— предложил Прохор.

— Нет!.. Нет!..— испуганно замотал головой Захар.— Воевать я ни за белых, ни за красных не буду...

— Воевать ты не будешь,— сказал Прохор.— Назначу тебя санитаром в полковой околоток. Будешь там вместе с Надей и дядей Егором Андреевичем. Надя сестрой работает, а ты ей

помогать будешь. За ранеными ухаживать сумеешь. Это дело тебе как раз подойдет. Не убивать, а исцелять людей будешь.

Захар задумался. Лицо его просветлело.

— Ладно, братуша. Это дело мне подойдет, верно.

— Ты давно дома был?

— Не так давно,— ответил Захар.

— Как наши живут?

— Покель все живы-здоровы,— вздохнул Захар.— Мать больно по нас сокрушается. А батя помутился. Вот на меня говорят, что я тронутый умом. Уж не знаю, тронутый я или нет, а уж батя так совсем тронулся разумом. Ей-богу! Жалко его. Поступил было он добровольно в стариковский полк супротив красных воевать... Да однова повстречался где-то с Константином, и, видать, дюже поругались. Старик-то молчит, не рассказывает, из-за чего. Ну, с той поры батя сам не свой стал. Из полка ушел. Костю видеть не может и разговаривать о нем не хочет. Ежели мать невзначай вспомнит Костю, так он на нее с кулаками кидается. «Молчи! — говорит.— Чтобы ты о нем ни слова не упоминала. Не сын он мне, говорит». А тебя, Проша, перестал ругать. По Надюшке заскучал... А зараз, прослыхал я, будто, как только Красная Армия стала к станице подходить, побоялся он оставаться дома, в отступ уехал...

— Ну, ладно, брат,— сказал Прохор, вставая.— Поговорить еще успеем... Собирайся. Я сейчас пришлю за тобой подводу. Поедем.

XXIX

В эту весну половодье, как никогда, широко и раздольно разлило свои мутные бурные воды по придонским займищам и лугам.

Как же чудесно и привольно бывает в эту пору здесь! Точно огромные зеркала, примолкнувшие, тихие, лежат воды в низинах и ложбинах, отражая спокойную голубизну далекого неба... Бесчисленные стаи диких уток хлопотливо снуют в краснотале. Голосисто звенит птичий гомон на заросших сочной зеленью островках. То там, то здесь гремят выстрелы охотников... И от каждого такого выстрела взлетывают перепуганные птичьи стаи. Задумчиво в камышах стоит на одной ноге цапля. Поджарый заяц, вздрагивая всем телом от страха, бежит сам не зная куда.

Все здесь мирно, покойно, и просто не верится, что рядом с этим тихим уголком гремят громы войны, потоками льется кровь...

Лучи закатного солнца окрашивали водные просторы багрянцем. Где-то далеко ударяет церковный колокол. Эхо летит по водной глади, все дальше и дальше уносясь и замирая.

Из-за ветвей краснотала, залитого водой, осторожно высу-

нулась лохматая голова Сазона. Он огляделся и, убедившись, что кругом никого нет, выплыл из кустарника на каюке. Загребая веслом, он быстро поплыл к берегу. На дне каюка, на траве, лежал с забинтованной головой Конон Незовибатько и тихо стонал.

— Помолчи ты, Конон,— уговаривал его Сазон.— Не тяни за душу... Вот зараз причалю к берегу. Может, тут наши где.

— Що ты, Сазон, со мной возишься? — с трудом говорил Конон.— На якнй дьявол я тебе сдався? Все едино же помру... Зараз сбрось меня в воду, утопну, и усе... Одному же тебе свободнее... а со мной сгибнешь. Ей-богу, сгибнешь.

— Помолчи ты, дьявол! — сердился Сазон.— А то доведешь, что вот так и гвоздану по башке,— угрожающе поднимал он весло.

Незовибатько смотрел на усердно гребущего Сазона влажными глазами, тяжко вздыхал.

— Чудной ты, братнку,— шептал он.— Ей-богу, чудной... Бачь, що робишь, втору неделю со мной возишься. А за яким лешим, а? — И, словно в бреду, бессвязно продолжал: — Я ж помню, як ваши казаки секли наших шахтеров... Ух, и секли ж, сволочи! Злоба у меня супротив них до сей поры на сердце лежит. А ведь ты ж тоже казак... А дывись, якнй! Дурья ты голова... Ей-богу, дурья! И зачем тебя маты на свит билый родила, такого дурня, а?

— Помолчи, Конон! Богом тебя прошу!..

— Сердце же, Сазон,— прерывающимся голосом говорил Конон,— може зараз лопне...

Сазон аккуратно клал весло на борт каюка, заботливо наклонялся к раненому, прикладывал к его сердцу мокрую тряпицу.

— А зараз легче?

— Л... легше...

— А голова болит, а?

— Ломит... Моченьки нема...

Сазон клал и на голову Незовибатько влажную тряпицу.

— Потерпи, милок,— берясь за весло, говорил он.— Как только до наших доберемся, так зараз же тебя в околоток положим... Там тебя, браток, доразу фершала отремонтируют...

Незовибатько тяжко вздыхал:

— Да все едино ж я, должно, умру...

— Не бреши! — обрывал его Сазон.— Ум-ру-у... Все мы помрем, когда время придет. А зараз умирать не гоже, надобно Советскую власть отвоевывать...

— Правду кажешь,— снова вздыхал Конон.

Добравшись до берега и сойдя с каюка, Сазон осмотрелся. Вечерело. Кругом пустынно. Сазон тоскливо посмотрел на Конона.

— Есть хочешь, а?

— Ни,— слабо замотал тот головой.— Ни хочу... Водички б...

Сазои иапоил его.

— А мие, милок, ох и жрать же охота,— призиался ои.— Быка б съел. Тебе б, конешиое дело, зараз горячего молока.

— Ни хочу...

— Не ври! Говорю, надо молока, стало быть, надо... Но вот где взять? — И ои сиова тоскливо огляиул пустыиный берег.— Постой... Никак, кто-то идет,— сказал Сазои и присел за куст, зорко высматривая.

Пошатываясь на слабых иогах и опираясь о костыль, по берегу шел старик с пушистой белой бородой. Дед часто остаиавливался, иагибаясь, что-то рассматривал, срывал какие-то цветы, траву, клал в сумку, висевшую через плечо. Когда ои подошел близко к Сазоиу, тот, выскакивая из-за куста, крикнул:

— Здорово, дедуня!

Старик от изумлеиия и испуга даже присел.

— Испугался, дед, а? — засмеялся Сазон.

— Ой, роднмец ты мой! — приложил желтую морщинистую руку к сердцу старик.— Ну н испугал же... Ты кто же такой, а?

— Как видишь, самый иастоящнй человек.

— Вижу... что человек... Но какой? Может, разбойиик?

— А ты боишься разбойииков, дед?

— А чего их бояться? Человек я бедиый, убивать меия не за что. А ежели убьют — ие побоюсь... Девяиосто годков на свете живу. Пора и честь зиать. А вот, поправде тебе скажу, иечистой силы боюсь. Чего ты тут делаешь-то, мил человек?

— Купаюсь.

— Ты со миой шуткн-то не шуткуй,— осерчал старик.— Ты кто?

— А если скажу кто, ты ие предашь меия?

— Нет.

— Покляиись.

— Истиный господь, ие предам,— поклялся старик.— Чтоб мне провалиться иа этом месте.

— Красиый я,— шепиул Сазон.

Но старик был немиого глуховат и не расслышал.

— Кто? — подставил он ухо.

— Красиый. Большевик.

— А-а...— поиимающе протяиул старнк н строго посмотрел иа Сазоиа.— А не брешешь?

Тут уже очередь наступила клясться Сазоиу.

— Вот тебе господь, красиый,— перекрестился ои для убедительностн.

— Стало быть, ухороияешься?

— Хороиюсь, дед,— призиался Сазон.— Да я ие однн, дедушка, со мной раиеный товарищ, вон в каюке,— показал ои.—

Другую неделю с ним блукаем по красноталу. Третий день не евши. У тебя, дедушка, не будет кусочка хлебца?.. Дай, ради бога, с голоду умираем.

Старик вынул из сумки краюху хлеба и подал Сазону. У того жадно блеснули глаза. Он начал торопливо есть.

— Ишь, бедняга, изголодался-то как,— сказал жалостливо старик.— Товарищу-то дай кусочек...

Сазон устыдился. Он так был голоден, что забыл обо всем на свете, кроме этого куска хлеба. Он метнулся к каюку.

— Конон,— подал Сазон ему кусок хлеба.— На, родной, пожуй... Старичок, дай ему бог здоровья, дал...

— Ни хочу,— отмахнулся Конон.

— Ну съешь же кусочек,— просил Сазон.— Ведь тоже ничего не ел... Ослаб...

— Не хочет, а? — сочувственно спросил старик.

— Не хочет,— сокрушенно развел руками Сазон.— Молочка б ему теперь горяченького... Пользительное дело. Да где ж взять.

— Достанем молочка,— пообещал старик.

— Да ну? — удивился Сазон.— Ты не колдун?

— Колдун,— серьезно подтвердил старик.

— Не, в самом деле, а?

— В самом деле, колдун,— мотнул бородой старик, и в его мутных, старческих глазах заискрились хитрые огоньки.— А ты колдунов боишься?

— Да не,— засмеялся Сазон, доедая краюху.— Не то что боюсь, но как-то непривычно с ними дело иметь...

— Хе-хе-хе! — дребезжащим смешком добродушно рассмеялся старик.— Ведь это смотря какие колдуны,— сказал он.— Есть колдуны злые, а есть добрые... Я колдун добрый... Не бойся меня...

— Да я не боюсь,— почесал затылок Сазон.— В такую минуту не токмо с колдуном, но и самим сатаной можно дело поиметь, лишь бы прок от того был.

— О! — помрачнел старик, укоризненно покачав головой.— Зачем ты его черное имя на ночь глядя поминаешь?

— Да это я шутейно.

— Не надо и шутейно,— строго проговорил старик.— Твой товарищ идти-то может али нет?

— Слаб он дюже.

— Слаб не слаб, а оставлять его тут нельзя. Вот зараз стемнеет,— посмотрел старик на небо, на котором уже вспыхивали первые звезды,— и поведем его ко мне. Я тут недалечко живу. Там мы его и полечим. Я ведь травами умею лечить. Есть у меня такая травка от ран... Быстро раны затягивает.

Поговорив еще некоторое время, старик снова взглянул на небо. Теперь совсем уже стемнело. Оранжевые, зеленые, желтые звезды усыпали синий бархат неба.

— Ну, теперь можно,— сказал старик.— Никто не увидит. Поведем-ка раненого...

Но Сазон, переминаясь с ноги на ногу, не двигался с места.

— Ну ты чего ж? — спросил старик.

— Боюсь,— признался Сазон.

— Ну и глупец же ты,— с укором промолвил старик.— Я тебе клятву дал... Какая мне корысть тебя предавать, ежели у меня у самого два внука в Красной Армии находятся? Может, знаешь их? Ванька и Митрошка Кочановы?

— Как же, дедушка,— соврал Сазон.— В одном полку служили... Один такой чернявый, а другой белявый.

— Не ври, оба рыжие.

— Правда, рыжие,— согласился Сазон.

— Так я самый настоящий дед их — Григорий Пудович Кочанов... Ежели в сам деле знаешь, так они должны тебе обо мне сказать, потому как любят деда, гордятся им...

— Как же, говорили! — вскричал Сазон.— Много рассказывали... Говорят, такой, мол, у нас дед сурьезный, да красивый... До сей поры, мол, добре водку пьет...

— Брешешь,— отрезал старик.— Годов уже двадцать не употребляю... Ну, пойдем, а то ведь он может и помереть, ежели ему помощь не дать...

Они подняли из каюка стонущего Незовибатько и медленно, часто отдыхая, повели его к дому старика.

XXX

Дед Григорий Пудович жил с такой же древней женой, как и сам, на отшибе, верстах в двух от хутора Крутого, в небольшом пятистенке. Место здесь было живописное, глухое. Маленький домик, довольно уже ветхий и замшелый, крытый побурелой соломой, весь зарос садом. За садом простирался небольшой лесок.

Огромные вербы и тополя в этом леске вечно шумели своими вершинами. У подножия стволов, где всегда пахло острой прелью прошлогодней листвы и грибами, бежал звонкий ручей с родниковой водой. Вода в ручье до того была холодна, что, если выпить глоток, так сразу зубы заломит.

Дед Пудович был из иногородних, в прошлом — искусный коваль. Своей работой он славился на всю округу. Лучше его, бывало, никто не мог подковать коня или сделать ось на тачанку. Но более двадцати лет назад во время ковки жеребец ударил деда, и он перестал заниматься кузнечной работой. Теперь его увлекало другое. Он собирал веснами целебные травы и лечил ими. Объяснялось ли это случайностью или, быть может, в самом деле его травы чудодейственно влияли на больных, но только народ признавал его хорошим лекарем. Со всех сторон приходили к нему больные. Старик никому не отказы-

вал, лечил всех от самых разнообразных болезней. К нему за исцелением приезжали даже из Ростова, Новочеркасска и других городов именитые барыни, не находившие помощи у известных медиков.

У старика был единственный сын Никифор, прилежный парень, которого он научил кузнечному делу. Но сын вскоре же после женитьбы умер. Умерла и сноха. У стариков осталось два внука, близнецы Иван и Митрофан. Как только началась гражданская война на Дону, они вступили в Красную гвардию и теперь где-то воевали с белыми...

Старик устроил Сазона с Кононом в шалаше в своем саду. Он их кормил, лечил Незовибатько. Травы деда действительно были чудодейственные. Через неделю Конон почувствовал себя настолько хорошо, что уже бродил по саду.

Отдохнул и Сазон, стал подумывать о сборе в дорогу. Через старика хозяина он узнал о том, что Красная Армия с боями отходила к Царицыну и находилась в сотне верст от хутора Крутого. Расстояние это с каждым днем увеличивалось.

— Скоро ты, хохол, очухаешься? — строго спрашивал он своего друга Конона.— Разъелся на дедовых харчах-то... То меду ему подай, то пышки в сметане... Пожалуй, скоро бабу потребуешь для разговору...

— Замовчи,— равнодушно сказал Незовибатько.— Що пристаешь?!

— Фу-ты, господи! — возмущался Сазон.— Ты ж пойми, наша Красная Армия-то отходит, надо же ее нам догонять! В путь-дорогу пора собираться.

— Ну и иди,— говорил Конон.— Що я без тебя дорози ни найду, чи що?..

— Вот это друг! — всплескивал руками Сазон.— Когда он кровью исходил, так я ему нужен был, а вот сейчас, как стал выздоравливать, так я и не нужен стал... Какие же люди неблагодарные есть на свете!

— Да це ж я шутейно, брату,— обнимая Сазона, смеялся Конон.— Мы с тобой навечно два друга, як хомут да подпруга...

В самом деле было пора идти. Сазон все чаще стал об этом задумываться. Хоть и хорошо жить у старика, но нужно и честь знать. Да и добрых хозяев нельзя подводить. Народу к деду Пудовичу всегда приходило много, могли еще заметить скрывавшихся у него красноармейцев. Не пощадят тогда старого.

Сазона беспокоил Конон. Хотя тот и заметно поправлялся — щеки розовели, рана затягивалась, но был еще слаб. Разве мог он вынести дальний путь?

Помог случай. К старику хозяину неожиданно на грузовом автомобиле заехал по пути из Ростова дальний родственник, шофер Володя Нартов, упитанный, розовощекий парень. Он служил при штабе крупной белогвардейской кавалерийской группы. Дня три-четыре тому назад в одном из кровопролит-

ных сражений с буденновскими конниками был убит какой-то важный генерал. Нартова срочно командировали на машине в Ростов за гробом. Белое командование решило труп этого генерала доставить в Новочеркасск, чтобы, как героя в борьбе с большевиками, похоронить с торжественной церемонией на городской площади, рядом с памятником Ермака. И вот теперь Нартов, выполняя поручение, возвращался из Ростова с гробом на фронт...

Когда обо всем этом через деда Пудовича стало известно Сазону, у того возникла смелая мысль уехать на фронт с Нартовым.

«Лишь бы попасть ближе к фронту,— размышлял Сазон.— А там уж мы как-нибудь сумеем пробраться к своим через фронт белых».

Когда он сообщил о своем намерении хозяину и Конону, то Незовибатько скептически усмехнулся:

— Да разве ж вин, этот шофер, нас возьме? Вин же може предать нас белым...

Старик сердито оборвал его:

— Не говори глупости... Мой племяш не таковский. Как же он предаст, ежели у него у самого брат в красных служит? Вот только кабы не поймали вас...

— Эх, дед! — весело тряхнул лохматой головой Сазон.— Риск — благородное дело. Отвага мед пьет, отвага и кандалы трет... Волка бояться, так и в лес не ходить... Другого выхода нет. Вот ежели нас, дед, у тебя сцапают, то это будет хуже. Ни за что и ты с нами пропадешь. А так-то, в открытой степи, нехай цапают. Могем отбрехаться, а не сумеем, что ж... умрем за трудовой народ, за Советскую власть... Как, Конон, разумеешь, а?

Незобиватько, дымя огромной цигаркой, свернутой из газетной бумаги, процедил сквозь зубы:

— Что ж, давай колы подаваться.

— Дед,— попросил Сазон,— будь ласковый, погутарь с племяшом насчет этого дела, уговори его взять нас с собой.

— Ну что же, сынки, пойду поговорю.

Торопливо шаркая чириками, обутыми на босу ногу, мелькая желтыми пятками, он скрылся за кустами вишенника...

Вскоре старик вернулся с племянником. Шофер — парень щеголеватый. Новенький английский френч ловко обхватывал его полнотелую фигуру. На голове английская фуражка сбита набекрень. На ногах — желтые ботинки, толстые икры обвиты обмотками. На плечах шофера внушительно топорщились погоны с унтер-офицерскими нашивками. Вид у него важный, недоступный. Увидя его, Сазон даже оробел.

Расставив ноги и засунув руки в карманы брюк, Нартов критическим взглядом окинул Сазона и Конона, покачал головой.

— Ну и оборванцы же вы, хлопцы. Настоящие бандюги.

Сазон сконфуженно глянул на Конона, а тот на Сазона, и оба вздохнули: вид действительно у них был неказист. За время своего скитания они изрядно пообтрепались.

— Ну ладно,— снисходительно сказал шофер.— Возьму вас. Только вот эти причиндалы нацепите,— вынув из кармана, кинул он им по паре защитных погон и по кокарде. Без этого никак нельзя, сразу сцапают... Я эту дрянь с собой на всякий случай вожу. Иной раз приходится вашего брата выручать. Дедушка, принеси им нитки да иголку.

Старик принес иглу с ниткой, и пока Сазон с Кононом прикрепляли к фуражкам кокарды и пришивали погоны, Нартов, заложив руки за спину, с важным видом прогуливался по саду.

— Ну как? — спросил он, подходя к Сазону и Конону.— Готовы?

— Готовы, товарищ,— ответил Сазон.

— Я тебе дам «товарища»! — грозно посмотрел на него шофер.— Что это за «товарищ»? Товарищи под Царицыном гуляют, а у нас тут все господа,— засмеялся он.— Нет, в самом деле, не шутейно, глядите, не промахнитесь, при ком не надо не скажите «товарищ». А то вы и себя, и меня подведете... Обращайтесь ко мне только: «господин унтер-офицер».

— Слушаюсь, господин унтер-офицер! — козыряя, прищелкнул каблуком порыжелого драного сапожишки Сазон.

— Вот!— захохотал шофер.— Как я на тебя погляжу, станичник, ты будто тоже веселый парень... Языкастый, не хуже меня.

— За словом в карман не полезу,— усмехнулся Сазон.— Вот мой приятель,— кивнул он на Конона,— так тот допрежде что сказать, так разов двадцать кашлянет... Слова у него в горле застревают... А у меня горло-то, что твое долото.

— Ну, коли так, то поехали, ребята,— сказал шофер.— Надо быстрее гроб доставить, не то генерал сгниет... Запомните: вы — моя охрана. Ты, раненый,— указал он на Конона,— сядешь со мной в кабину, а ты, орел,— усмехнулся он, глядя на Сазона,— сядешь в кузов. Будешь гроб охранять да мух отгонять.

— А мне все едино,— беспечно махнул рукой Сазон,— где б ни ехать, лишь бы поскорее в полк попасть.

Все вышли за ворота, где стоял зеленый военный автомобиль. Горячо поблагодарив, распрощались с гостеприимными стариками, сели и помчались, поднимая по дороге облака горячей сизой пыли.

Дед Пудович долго еще стоял у ворот, приложив ладонь щитком ко лбу, смотрел вслед удалявшейся машине.

XXXI

Предположения командира оказались правильными. X армия, расширив свой фронт более чем на триста пятьдесят километров, почти утеряв связь с VIII, IX и XI армиями, не смогла сдержать яростного напора значительных сил белых и медленно стала отходить.

Рюмшин созвал на совещание рабочих своего отряда, пришедших с ним из Ростова и Батайска, и объяснил им создавшееся положение.

— Ничего у нас не вышло с восстанием, товарищи,— сказал он,— придется его отложить до лучших времен. Как видите, Красная Армия стала отходить. Возвращаться нам в Ростов и Батайск опасно. Я лично в Ростов не возвращаюсь, а вступаю в ряды Красной Армии... Вас я никого не приневоливаю, хотите — возвращайтесь домой, хотите — тоже вступайте в Красную Армию...

Все без исключения рабочие решили вступить в Красную Армию.

— Пусть будет так,— сказал Рюмшин.— Все будут определены, кто куда желает поступить — в кавалерию ли, пехоту или в артиллерию... Пишите письма домой... Завтра три наших товарища возвращаются в Ростов и Батайск. Они передадут письма вашим родным.

На следующий день к вечеру, забрав письма рабочих и запасшись продуктами, Виктор с двумя молодыми парнями направились в путь. Возвращаться дорогой, которой шли сюда, теперь было невозможно. Мешали белогвардейские войска.

Посоветовавшись со своими спутниками, Виктор решил податься вправо, к Дону. Там, разыскав какую-нибудь лодчонку, спуститься на ней вниз по течению к Ростову. Думалось, что такой маршрут будет самым безопасным.

Двинулись в путь, и с первых же шагов возникли большие трудности. Дорогу они знали плохо. Часто натыкались на разъезды белых, подолгу отсиживались в кустарниках. Однажды, когда они в темноте наткнулись на заставу, она их чуть не постреляла.

Идти приходилось ночами, днем же отсиживались в оврагах да кустарниках. Но чем дальше они продвигались к Дону, тем труднее становился их путь. Хотя здесь белогвардейцев почти и не было, но зато они зашли в такие топи, что идти было просто невозможно. Как-то ночью Виктор едва не утонул в трясине.

Через неделю наконец добрались до реки. Обувь и одежда превратились в рванье. Лица и руки изодраны в кровь. Кончились продукты.

Обмывшись в Дону, товарищи почистили одежду и обувь, починили рубахи и штаны — иголки и нитки у них с собой

были. Долго бродили по берегу, надеясь напасть на какого-нибудь рыбака и купить у него рыбы и хлеба. Но берег был пустынен. Виктор еще крепился, не подавал виду, что ему тяжело. Но спутники его — молодые парни — приуныли... Обессиленные, измученные, они едва тащились.

Иногда на лужайках они выискивали щавель, скороду[1] и с жадностью ели. Но их тошнило.

Виктор решился на крайнее средство. Однажды в встретившемся им по пути болоте они заметили карасей и линей. У одного из рабочих была граната. Виктор бросил ее в болото. Раздался оглушительный взрыв. На поверхность воды всплыло множество оглушенной рыбы. Все они втроем, раздевшись, бросились в болото и набрали жирных линей и карасей. С добычей поспешили отойти от болота на порядочное расстояние, боясь, что произведенный взрыв мог привлечь внимание казаков.

Но, раздобыв рыбу, они не знали, как утолить свой голод. У них не было посуды, в которой бы ее можно сварить. Попробовали было есть рыбу сырой, но их стошнило... С досады они чуть не плакали.

Уныло бредя по берегу, они наткнулись на старика, удившего рыбу. Около него стояла лодка.

— Здравствуйте, дедушка! — поздоровался Виктор.

— Слава богу! — хмуро глянул на подошедших старик.

— Рыбку ловите?

— Нет, кабана смолю,— раздраженно ответил старик.

— Что вы такой сердитый?

— А чего ж спрашиваешь. Сам же видишь, что рыбу ловлю.

Недружелюбный прием ошарашил парней. Видно, старик не пойдет ни на какие уговоры, не даст ни хлеба, ни посуды, чтобы сварить рыбу. Один из рабочих, Николай Жданов, подмигнул Виктору, показывая, что, дескать, надо связать строптивого старика и воспользоваться всем против его воли. Но Виктору не хотелось ссориться со стариком.

— Дедушка,— спросил он,— у вас хлеб есть?

— Ну так что? — в свою очередь спросил тот, не отрываясь взглядом от поплавков.

— Купить хотели б.

— Что у меня тут, базар?

— Не базар, конечно. Но мы очень голодны.

— А мне какое дело.

— Мы вам хорошо заплатим.

Старик помолчал. Вытащил из воды леску, насадил на крю-

---

[1] **Скорода** — местное название травы, имеющий вкус зеленого лука.

чок нового червяка, поплевал иа него и сиова забросил крючок в воду.

— Дезертнры, что лн? — подозрительиым взглядом обвел старик Виктора и его спутииков.

— Да иельзя сказать, чтоб дезертиры,— сказал Виктор, садясь рядом со стариком.— А выходит, вроде этого.

— Как же это поиять? — с любопытством посмотрел на иего старнк.

— Да, виднте ли, какое дело, дедушка,— иачал рассказывать Виктор.— Вы, конечио, служили на военной службе?

— Ясиое дело, служил.

— Зиаете, что такое «секрет»?

— Ну, это, стало быть, передовой пост,— стал объясиять старик.— Какой, мол, выставляется за иаблюдеиием врага...

— Правильио,— подтвердил Внктор.— Так вот иас троих выставили в секрет... А иочью красные пошли в наступление... Мы ие успели присоедииться к своей части и оказалнсь в тылу у красиых.

— Ну?

— Ну вот стали мы пробираться к своим, а оии отступили уже далеко... Везде красные... Мы от иих прятались-прятались, да и заблудились. Попали в какие-то непроходнмые болота, в заросли... Изодрались вот, изголодались...

— Не брешешь? — иедоверчиво посмотрел старик иа Внктора.

— Ну зачем же мне врать? — обиделся Виктор.— Хотите, мы вам докумеиты покажем?

— Я иеграмотиый.

— Так что же, продаднте хлебца? — спросил Виктор.

— Ежели б... иа водку смеиять,— иерешительио проговорнл старик.— Так у тебя ее нет...

— А это что! — обрадоваино выхватил из своего кармана бутылку спирта Виктор. Ему Прохор прн прощании суиул ее в кармаи иа всякий случай. Не раз в пути Внктор намеревался выбросить ее: мешала. Но вот, оказывается, и спирт может оказать свою услугу.

У старика глаза заискрились от удовольствия. Прнчмокивая губами, ои засмеялся.

— Ну, вот это дело другое! — воскликиул ои.— За шпирт можио и душу сатане отдать... Уж давио я ие пил этой штуки! — любовио гляиул ои на бутылку.

Старик проворио подиялся и в раздумье почесал под бородой.

— Эх, ребята! — с сожалеиием сказал ои.— Накормил бы я вас ухой, да рыбки у меия еще маловато... Не ловится что-то.

— У иас, дед, есть рыба,— сказал Виктор, вытряхивая из сумки иа песок огромных лиией.

— Ох ты!.. Где вы ее набрали?

— Наловили в болоте.

— Ну, зараз, ребята, пир устроим,— засуетился старик.

Его суровость сразу же сменил ласковый приветливый тон. Старик быстро разжег костер, поставил на таган котел с водой. Не переставая болтать, он быстро почистил рыбу и побросал ее в кипящую воду.

В предвкушении аппетитной еды Виктор весело подмигивал парням, устало сидевшим на горячем песке.

Вскоре уха была готова. На разостланном мешке дымились крупные разваренные лини и караси. Старик нарезал хлеба, развязал тряпицу с солью.

— Садись, ребята! — пригласил он.— Ложка только одна у нас. Видно, будем уху по очереди есть. Ну, давайте-ка шпиртику поначалу глотнем,— маслеными глазами глянул он на бутылку.

Виктор налил из бутылки полкружки спирту и подал старику:

— Ну, отец, по старшинству.

— Ну, господи благослови! — перекрестился старик и опасливо отстранил кружку.— Не много ли, а?

— Ничего, дедушка, пей.

— Да ведь неразведенный. Водички б подлить, а?

— Пей так. Что воду-то пить?

Старик еще раз перекрестился и, не отрываясь, выпил из кружки.

— Ух,— шумно выдохнул он, вытаращив глаза и весь побагровев.— Дух захватило.

Виктор налил себе немного и выпил, дал парням и снова налил старику. Тот охотно выпил.

Обед проходил дружно и весело. Старик, пьянея, хвастался:

— Я ж, братцы, наипервейший человек в станице... Дом о пяти комнатах... Косилка, молотилка есть... Пять лошадей, шесть пар быков... умею жить... Засевал до войны десятин по шестьдесят... Сына в офицерья вывел... Войсковой старшина он зараз...

Вскоре старик до того напился, что уже ничего не соображал. Осоловелыми глазами поводил он вокруг, что-то бормоча себе под нос.

— Дед, спать хочешь? — спросил у него Виктор.

— Спать,— забормотал старик,— спать...

Виктор уложил его под кустарник, и старик сейчас же заснул.

— Собирайтесь, товарищи! — сказал Виктор.

Забрав с собой хлеб и недоеденную рыбу, спутники Виктора уселись в лодку. Виктор же, вынув из кармана деньги, отсчитал несколько сотенных, положил возле старика.

— Это ему за лодку,— сказал он.— Чтоб не думал, что большевики грабители.

Оттолкнув от берега лодку, он вскочил в нее, и они поплыли вниз по течению.

Через неделю Виктор со своими спутниками наконец добрался до Ростова. Предосторожности ради он ни к кому из товарищей по подпольной организации не пошел. Не посетил даже и Марины. Вначале он решил пойти к Маше и узнать от нее о положении в городе.

Девушка была изумлена его приходом.

— Виктор! — вскричала она.— Да разве вы на свободе?

— Как видите. А почему я должен быть не на свободе?

— Я слышала, что вас арестовали.

— Сведения ваши неправильные. Вы Марину видите?

— Марину?.. А разве вы ничего не знаете?..

Виктор побледнел:

— А что с ней случилось?

— Она ведь арестована.

— Марина арестована?! — схватил он за руку девушку.— Когда?

— Уже дней десять.

Всего мог ожидать Виктор, но только не этого. Он обессиленно присел на стул и вытер рукавом выступившую на лбу испарину.

— Как же это случилось, Маша? — глухим голосом спросил он.

— Я подробностей не знаю. Слышала только, что арестована. Говорят, много арестов было...

Посидев некоторое время, успокоившись и собравшись с мыслями, Виктор попросил Машу сходить к хозяйке и принести его вещи, если их не забрала полиция.

К его счастью, оказалось, что полиция взяла только бумаги, остальные вещи сохранились. Их принесла сама хозяйка. При виде Виктора добросердечная женщина расплакалась.

— Родненький мой сыночек,— обняла она Виктора.— На чего ж ты стал похож... Бледненький, худой... Загоняли тебя проклятые полицейские...

Виктор переоделся в новые брюки и гимнастерку, надел новые сапоги и, оставив на хранение хозяйке остальные вещи, ушел.

Он разыскал Семакова. Иван Гаврилович обрадовался Виктору. Вместе они и пошли доложить подпольному комитету о результатах поручения, которое было дано Виктору.

Дорогой Семаков рассказал Виктору об аресте Марины и

многих подпольщиков. Семаков избежал ареста лишь потому, что за день до этого перемеиил квартиру.

— Теперь я убежден, что это дело рук Афаиасьева,— сказал Семаков.

— Почему так думаешь, Иван Гаврилович?

— Дня за два до ареста Марины оиа мне рассказала, что Афанасьев домогался ее любви. Марина с негодованием отвергла его притязания. Тогда Афанасьев пригрозил ей, что оиа будет раскаиваться. Ну, вот он ей и отомстил...

— Гадииа! — проскрежетал зубами Виктор.

XXXII

Дорога была гладкая, укатанная. Новенький поблескивающий свежими красками английский автомобиль быстро мчался вперед, оставляя позади длинный серый шлейф пыли.

Шофер Нартов был мастером своего дела. Внимательно поглядывая вперед, он священнодействовал за баранкой руля. Рядом с ним сидевший Конон сначала с восхищением смотрел на него, дивясь тому, с какой виртуозностью он управлял послушной машиной. Потом ему надоело смотреть на шофера. Укачиваемый машиной, он стал дремать...

В это время Сазон, покуривая, сидел на гробе в кузове автомобиля и созерцал открывавшиеся перед ним великолепные пейзажи донской степи. Потом внимание его привлек гроб. Он с интересом стал его рассматривать. До чего ж красив был он! Сазон никогда в своей жизни не видывал подобных. Гроб был обит малинового цвета бархатом. По бокам его обрамляли золотые галуны из позументной тесьмы; по углам свисали большие махры из серебра. Стоял он на точеных ножках, отделанных лаком.

— Вот гроб так гроб! — восторженно восклицал Сазон.— Всем гробам гроб... В таком гробу сладко умереть. Не гроб, а одна лишь красота!

Но восторги его быстро кончились. Рассматривать гроб ему надоело, и блуждающий его взор снова переключился на природу. Вокруг покойно лежала широкая беспредельная степь, от края до края залитая изумрудным цветением сочных трав. Желтые, красные, голубые полевые цветы, вспыхивая огоньками, приветливо кивали Сазону своими головками. На горизонтах призрачно вырисовывались синие, дрожащие в мглистом мареве, сторожевые курганы, тысячелетия назад насыпанные полудикими кочевниками на могилах знатных воинов...

Солнце палит. Над степью в зное висит трескучий гам невидимого мира. Кузнечики ведут свою длинную, однообразную песнь... В раскаленном воздухе кувыркаются птицы, и их веселая звонкая болтовня слышится там и здесь... Часто дорогу торопливо перебегают суслики. Заслышав шум автомобиля, из

придорожных трав разлетаются во все стороны в крикливом гаме перепела и куропатки...

— Поохотился б теперь,— вслух мечтает разморенный жарой Сазон.

Местами проезжали мимо зеленеющих, наливающихся сладким соком полосок пшеницы. И как истый хлебороб, Сазон тяжко вздыхал, видя, как они были небрежно, наспех засеяны. За этими полосками хлеба не было ухода. Они лежали всеми забытые, непрополотые. Сорняк разгульно разрастался по полям, глуша рост хлебных стеблей.

— Эх-хо! — покачивал головой Сазон.— И все война. Война! Не до этого теперь людям...

По пути следования, затененные левадами и садами, часто возникали белостенные хутора и станицы. Еще издали, словно приглашая к себе, приветливо махали крыльями ветряки.

Изредка автомобиль предостерегающе гудел, обгоняя длинные военные обозы или обывательские подводы, подвозившие к фронту снаряжение, продовольствие, снаряды, патроны...

Подуло свежим ветерком. Сазон взглянул на небо. Вверху ползла небольшая черная тучка.

«Как бы дождь не пошел»,— озабоченно подумал он, но сейчас же об этом забыл, снова предавшись созерцанию окружающей природы... Ах, до чего ж хороша степь донская!

Сазон даже и не заметил, как тучка закрыла солнце и, низко опустившись над степью, брызнула вдруг мелким дождем. Он привстал, растерянно оглянулся, ища укрытия от дождя. Но где можно от него укрыться на голой автомашине? Сазон взглянул на гроб, и его озарила блестящая мысль. От удовольствия даже рассмеялся.

Сдернув крышку с гроба, он улегся на свежепахнущие деревом и смолой стружки в гроб и снова прикрыл крышку, оставив небольшую щелку для воздуха. Лежать было очень удобно...

«Ну, вот и довелось полежать в красивом гробу»,— смеясь, подумал Сазон. Он сложил на груди руки, как бывают они сложены у мертвецов, и представил себя умершим. И, удивительное дело, этой мысли он даже не испугался. Ничего страшного, оказывается, не было в смерти. В ней даже есть своя красота. Разве ж плохо лежать в таком роскошном гробу?

Думая о смерти, под монотонный перестук капель Сазон заснул.

Шофер увидел сбоку дороги старика и молодую бабу с поднятыми руками. Они просились подвезти их.

— А мне разве жалко? — пробормотал Нартов.— Пусть садятся. На папиросы заработаю... Да и твоему дружку будет веселее,— сказал он Конону.

Водитель затормозил машину и высунулся из кабины.

— Что, ехать, что ли, желаете? — спросил он у старика.

— Подвези, родимец. Верстов пять до станицы нашей будет... Умаялись больно, а тут дождик...

— Сколько дадите? — спросил Нартов.

— Да, соколик мой,— запричитала баба,— ничего-то у нас нет. Ежели охота есть, я тебе бутылочку самогона дам. Выпьешь на здоровье.

— И это дело,— глубокомысленно промолвил шофер.— Давай!

Баба вытащила из мешка бутылку. Нартов сунул ее под сиденье.

— Садитесь! — сказал он старику и бабе.

Те живо вскарабкались на машину, довольные тем, что совершили такую выгодную сделку.

Женщина, правда, со страхом покосилась на гроб, но потом успокоилась. Машина по-прежнему мчалась. Но вскоре она снова остановилась. Попросились на нее еще двое каких-то служивых. Шофер взял и тех...

Вечерело. Тучка с глухим ворчанием убегала куда-то на запад. После дождя степь благоухала. В воздухе разлилась приятная прохлада.

Служивые казаки оживленно разговаривали с молодой казачкой, шутили с ней, заигрывали. Старик дремал.

Уютно устроившись в гробу, Сазон сладко спал, видя чудесные сны: будто он после своей смерти попал в рай. Ходит он по райскому саду и ест золотые яблоки...

На одном из ухабов машину так тряхнуло, что Сазон проснулся, потянулся и чихнул... Казачка, в это время что-то со смехом отвечавшая служивым, услышав чих, покосилась на гроб, настороженно прислушалась. Сазон еще несколько раз подряд с удовольствием чихнул. Тут уж замолкли и казаки, выжидающе смотря на гроб. Проснулся старик. Приподнявшись, он в ужасе закрестился, дикими глазами поглядывая на гроб.

Сазон, не подозревая, что он своим чиханьем н шуршанием наделал такой переполох, с минуту лежал покойно. В гробу было душно, и Сазону захотелось подышать свежим воздухом. Приподняв крышку гроба, он высунул руку, пробуя, прошел дождь или нет.

Бабе почудилось, что мертвец хочет схватить ее за ногу. Заорав дурным голосом, она метнулась через борт машины.

Услышав душераздирающий крик, Сазон торопливо откинул крышку, поднялся из гроба. Служивые казаки, увидев мертвеца, с воплями в одно мгновение последовали примеру бабы.

Сазон в крайнем недоумении развел руками, никак не понимая, что же это происходит вокруг него. Увидев трясу-

щегося от страха, побелевшего, как стена, старика, прижавшегося в угол машины, Сазон шагнул к нему, чтобы расспросить его, в чем дело. Старик взвыл:

— Свят... свят... господь Саваоф...— закрестил он Сазона.— Да расточатся врази его...

— Да какие там врази к чертям,— сказал изумленный Сазон.— Это ж я, Сазон Меркулов... Послухай, дед...

— Не лезь!.. Не лезь, нечистая сила! — визжал старик.

— Да ты послухай меня, дед,— убеждающе проговорил Сазон.— Послухай, что я тебе скажу.— И он снова было шагнул к старику. Тот, в ужасе озираясь на Сазона, еще раз взвизгнул и, перекрестившись, как в воду, нырнул с машины.

Весь вспотевший, пытаясь понять, что же все-таки произошло, Сазон присел на гроб...

Услышав крики и шум за своей спиной, шофер остановил автомобиль.

— Что за шум у вас? — спросил он у Сазона.— Где же народ?

— Ничего не пойму,— развел руками тот.— Ей-богу, не пойму. Тут было какое-то светопреставление...— И он рассказал Нартову о том, что произошло на его глазах.

— Дурак! — обругал его шофер.— Они ж тебя приняли за мертвеца. Беды теперь не оберешься... Надо скорее ехать...

— Подожди,— остановил его Сазон.— Тут вот ихние сумочки остались.

— Брось к черту! — взревел шофер и, сев за руль, стремительно помчал машину вперед.

А сокрушенный Сазон сел снова на гроб и глубоко задумался. Не хотел он бед, а вот невольно натворил.

Нартов, подъезжая к штабу конной группы, ссадил друзей и, пожелав им всего наилучшего, а главное, благополучного возвращения в свою часть, уехал.

После долгих опасных мытарств Сазон и Конон перебрались через вражеский фронт и разыскали свой полк.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I

— Черт побрал! — гремел Брюс Брэйнард.— Как глупо!.. Как глупо!.. Мне, порядочному джентльмену, бизнесмену, попасться в эти хитро расставленные сети... Нет!.. Нет!.. Не надуете!.. Не проведете!.. Я сумею все это в корне пресечь... Сумею!..

Стоило, однако, Брэйнарду представить в своем воображении Веру, как он тотчас же затихал. Закуривая сигару, ложился на диван и, улыбаясь, предавался сладостным мечтам...

Ведь, собственно, ничего же предосудительного нет в том, что он немного поволочится за этой хорошенькой женщиной, размышлял он. Деловому человеку даже необходима разрядка. Немножко всегда можно пожуировать...

«Но какой я глупец,— вскакивал Брэйнард с дивана.— Зачем я устроил ее мужа здесь?.. С ней встречаться почти невозможно. Этот ревнивец глаз не спускает с жены... Куда бы его выпроводить из Новочеркасска на продолжительное время...»

С полчаса Брэйнард мучительно раздумывал над этим, расхаживая по номеру и куря сигару за сигарой.

— Ба! — обрадованно хлопнул он себя ладонью по лбу.— Идея!.. Это просто гениально! Для дурака это будет почетно и не вызовет у него никаких подозрений...

Брэйнард оделся и пошел в атаманский дворец. В приемной атамана было, как и всегда, много народу. Но Константин тотчас же беспрекословно, вне всякой очереди, пропустил его в кабинет атамана.

Богаевский при виде американца живо поднялся с кресла, сделал несколько шагов навстречу.

— Хелло, мистер Брэйнард! — заговорил он по-английски.— Как вы себя чувствуете?..

— Скверно, генерал,— пожимая руку Богаевскому, хмуро сказал Брэйнард.

На лице Богаевского отразилось беспокойство.

— Что случилось, сэр? Садитесь, пожалуйста,— усадил он гостя в кресло и сел напротив сам.— Что случилось, мистер Брэйнард?

— Со мной ровно ничего, сэр, не случилось,— брюзгливо проговорил Брэйнард по-русски.— Я жив, здоров, ем, пью. Но дела акционерной фирмы, которую я честь имею представлять, явно горят, генерал. Горят, генерал! Посылая меня сюда,

фирма поиесла значительные расходы,— подчеркнул ои, давая поиять Богаевскому, что иемалая толика нз этнх «расходов» попала и в кармаи атамаиа.— А результатов фирма пока еще не видит...

— Что поделать,— развел руками Богаевскнй.— Не от меия это зависнт, мистер Брэйиард. Я всей душой, всем сердцем готов вам помочь... Но войска иашн медлеино продвигаются вперед...

— Скажите, геиерал, что они просто топчутся иа месте... А часто вместо решительного иаступлеиия отходят... Скажите прямо, как это приият между деловыми людьми, в чем причиа такой медлнтельиости?

— Я могу сказать откровеино,— пронзиес Богаевскнй.— Недостаточиа помощь союзинков.

— Недостаточиа?

— Да,— сказал атамаи.— Богатства иашей иеобъятной страиы неисчислимы, и оии притягивают взоры деловых кругов Аитанты н Америки. Вы зиаете мою точку зреиня, мистер Брэйнард, мы готовы поделиться своими богатствами со своими друзьямн. Но помогите иам в трудиую миииуту жизии. Помогите изгиать большевиков из России. Когда это будет сделаио, мы готовы открыть вам свои богатства. Хватит и вам и нам... Как видите, дело обстоит весьма просто: дайте нам больше вооружения и снаряжеиия, помогите иам и живой снлой, н мы с лихвой расплатимся за все... Момент критнческий, и тут уже в щепетильиость играть ие прнходится. Мы перед вами, иашими союзннками, открываем свои карты. Играем, так сказать, в открытую... В этом деле выгода обоюдная. Но вам об этом нечего говорнть, вам все поиятио...

— Коиечио, поиятио,— мотнул головой Брэйиард.— Видите лн, сэр, я сожалею, что таким языком вы заговорили несколько поздиовато... Я еще захватил в Новочеркасске представителя кайзера майора Кохенгаузеиа. Генерал Красиов нечто подобиое, что вы мие сейчас говорите, тоже ему говорил...

— Мнстер Брэйнард, я за своего предшествеииика ие отвечаю, тем более за его ориеитацию иа германцев,— сухо произнес Богаевскнй.— Я уже вам говорил, что то была его ошибка. А еслн так здраво размыслить, то н обвниять его особенно нельзя. Власть Доиского правительства была тогда на волоске от гнбели... До союзников было далеко, пока от их шла бы помощь, с иами большевики уже расправились бы... А иемцы были рядом. Оии великодушио протяиулн генералу Красиову руку помощн. Ои не мог отказаться. Еслн б отказался, то Дои погиб бы. Немцы иас тогда спаслн.

— За свою помощь иемцы с вас содрали три шкуры.

— Безусловио, оин ие бесплатио оказалн иам помощь... Кое-что пришлось им дать.

— Не кое-что,— раздражеино вскрнчал Брэйнард.— Они

очистили всю Донскую область. Они вывезли почти весь хлеб, они вывезли скот, шерсть, кур, свиней, яйца,— чуть не плача перечислял Брэйнард.— Что осталось в Донской области? Ничего. Вы мне предлагаете начать работу для моей фирмы, пока у вас, на Дону... А что я здесь буду собнрать?.. Лягушек?.. Грачиные яйца?.. Нет, генерал, так не пойдет... Не вижу я вашей инициативы, вашей энергии... Прямо скажу, генерал, Деникин куда больше проявляет инициативы...

Богаевский побледнел. Упоминание о Деникине, его бывшем начальнике, взволновало генерала.

— Но при чем же здесь генерал Деникин? — проговорил Богаевский.— Антона Ивановича Деникина я искренне уважаю. Но Антон Иванович — командующий вооруженными силами Юга России. Я же, как вам известно, мистер Брэйнард, глава Донского правительства.

— Правительства не бывают долговечны,— как бы про себя бормотал Брэйнард, но с таким расчетом, чтобы его собеседник услышал.

— Мистер Брэйнард,— в сильном волнении воскликнул Богаевский, привставая с кресла.— Вы намекаете на то, что союзникам моя персона, как главы Донского правительства, не угодна?.. Так ли я вас понимаю?

— Я ничего не знаю,— пожал плечами Брэйнард.— Я ведь только простой коммерсант... Но все возможно.

— Мистер Брэйнард! — проникновенно сказал Богаевский.— Я знаю, что вы не только коммерсант, но и большой дипломат... Вы влиятельное лицо в Англии, во всяком случае, вам близки влиятельные люди в Великобритании, да не только в Великобритании, но, как мне известно, и в Соединенных Штатах Америки...

Лицо Брэйнарда расплылось в довольной улыбке.

— Членами вашего акционерного общества,— горячо продолжал Богаевский,— состоят видные люди Англии и Америки.

— Совершенно верно,— мотнул головой Брэйнард.— Это не тайна.

— ...Естественно, что все эти почтенные джентльмены имеют интересы в России, поскольку деятельность вашей фирмы до революции имела у нас колоссальный размах.

— Да, это верно, но к чему вы, генерал, ведете свою речь?

— Я клятвенно даю свое обещание всяким возможным образом содействовать развертыванию деятельности вашей фирмы на территории России,— торжественно заявил Богаевский.— Во мне можете быть уверены...

Брэйнард закурил сигару и, пыхнув дымом в потолок, спросил:

— За свою поддержку что требуете?

— Тоже вашей поддержки.

— О'кэй! — протянул руку Брэйнард.

Богаевский почтительно пожал протянутую руку.

— Я доложу правлению нашего общества об этом разговоре,— сказал Брэйнард.— Но мне хотелось бы конкретизировать его. Будьте уверены, мы вас будем поддерживать, генерал. Но даете ли вы обещание содействовать заключению договора на охват нашей фирмой Дона, Кубани, Терека, Тамбовской, Воронежской, Орловской, Курской, Пензенской губерний и части Южной Украины?

Богаевский подумал и горячо сказал:

— Все, что будет в моих силах, сделаю.

— Хорошо! — удовлетворенно проговорил Брэйнард.

Он прошелся по кабинету, мягко ступая по мохнатому ковру, о чем-то думая.

— Сэр,— обернулся он к атаману.— Мне кажется, что неплохо было бы послать вам в Англию надежного человека... Официально этот человек поехал бы в Англию с вашим поручением, ну, скажем, к нашей фирме, а неофициально он встретится с влиятельными людьми Англии. От вашего имени он может договориться о многих вещах, так необходимых лично вам, сэр, Донскому правительству, донской армии...

Богаевский также в раздумье прошелся по кабинету.

— Я могу написать несколько рекомендательных писем,— добавил Брэйнард.— Они помогут вашему посланцу...

— Вы, по-видимому, правы,— согласился атаман.— Но кого послать? Ведь для такой миссии нужен опытный дипломат.

— Я бы рекомендовал послать полковника Ермакова,— как бы между прочим сказал Брэйнард.— Он знает английский язык, да и вообще человек с головой...

— У него милая пикантная жена,— улыбнулся Богаевский.— Захочет ли он ее надолго оставить? Заскучает без него.

— Мы найдем средства развлечь ее,— усмехнулся Брэйнард.

— Немного диковат Ермаков,— сказал Богаевский.— А впрочем, он вполне подходящ... Если его чем-нибудь подбодрить, он поедет...

— Пообещайте ему генеральский чин,— засмеялся Брэйнард,— если он хорошо справится со своими делами в Англии. Он мечтает об этом.

— Придется,— засмеялся и Богаевский.

Выйдя из атаманского дворца, Брэйнард пошел побродить по главной улице города — Московской. Как и всегда, она была забита праздными людьми. Оглянувшись по сторонам и убедившись в том, что вблизи никого знакомых нет, Брэйнард юркнул в гостеприимно распахнутую дверь ювелира Моргунова.

Хозяин, красивый благообразный мужчина лет под пятьдесят, встретил иностранца как хорошего знакомого.

— Здравствуйте, здравствуйте, господин Брэйнард! Да-

иенько что-то ие заглядывали к иам. А я вам приготовил несколько иитересных вещиц.

— Нездоровилось мие,— сказал Брэйиард.— Что вы мне приготовили? Покажите. Только прикройте, пожалуйста, дверь. Не люблю при посторонних покупать вещи.

Хозяин прикрыл входную дверь на засов. Пройдя снова за прилавок, он вынул из сейфа ларец и открыл его.

— Вот,— положил он на прилавок несколько перстней.— Вот брильянтик, взгляните, господин Брэйнард. Чудо! Одна графиня принесла. Недорого... Сейчас я зажгу свечку. Посмотрите издали.

Хозяин зажег свечу и поднес к ней перстень. Он заиграл всеми цветами радуги.

— А это сапфир... Взгляните...— ворковал ювелир.— Или вот этот рубин. Как кровь... Вот этот тоже чудесный хризоберилл... Густой тон камней... Самого высокого качества... Ясно, аристократы приносят. Плохого качества камней они не приобретали... Сейчас им туго приходится, вот они и распродают по дешевке. Деньги им нужны, господин Брэйнард. Если бы у меня были деньги, я бы все это себе оставил. Со временем большой капитал бы нажил... Но нет денег,— развел ювелир руками.— Только на комиссионные и живу.

Брэйнард понимал толк в камнях. Находясь в Новочеркасске, занимаясь политикой и устройством дел своей фирмы, он видел, как нахлынувшая в Новочеркасск русская аристократия и буржуазия, привыкшие к роскоши и комфорту, сорили деньгами. Средства их быстро таяли, в ход пускались по баснословной дешевке фамильные драгоценности. Брэйнарду пришла мысль заняться скупкой их, тем более что деньги у него были. Он нашел в городе двух-трех ювелиров, которые за хорошие комиссионные и скупали для него ценные вещицы у привилегированных барынек. Американский бизнесмен понимал, что все эти скупленные им драгоценные и золотые вещи в Англии и Америке он может распродать в десятки раз дороже. Шутя можно было нажить порядочный капиталец.

На всякий случай Брэйнард написал в Лондон своему секретарю Томасу Тренчу, чтобы тот выехал в Новочеркасск. Брэйнард намеревался поручить ему охрану ценностей.

— Хорошо, господин Моргунов,— сказал Брэйнард ювелиру.— Все это я возьму. И вы сейчас же получите от меня свои комиссионные. Меня не интересует, сколько вы наживаете на этих перстнях...

— Помилуйте, господин Брэйнард...— начал было ныть ювелир. Но Брэйнард оборвал его:

— Ладно, ладно, господин Моргунов. Меня вы не проведете. Лучше скажите, что у вас еще есть?

— Не знаю, господин Брэйнард, подойдет ли вам золотой портсигар с фамильным гербом одного князя...

— Покажнте.

Ювелир подал американцу массивный золотой портсигар. Брэйнард тщательно осмотрел его, поколупал ногтем.

— Сколько стонт?

— Сто американскнх долларов.

— Дорого.

— Разве это дорого? Червоиное золото... Девяносто шестой пробы.

— Трндцать долларов,— предложнл Брэйнард.

— Помнлуйте! — воскликнул ювелир.— И так продешевил. Прибавьте!

— Тридцать долларов.

— Ну, дайте хоть сорок,— плакснво проговорнл ювелир.— Ведь это же задаром... Времена такие наступилн, боже мой, о драгоценностях уже ннкто н не думает... У всех мыслн одии: лишь бы брюхо набить.

— Хорошо, за сорок,— согласился Брэйнард.— Заверните...

Проследнв за тем, как ювелнр упаковывал вещи в сверток, амернканец в раздумье проговорил:

— Скажите, господнн Моргунов, а у вас иет какой-нибудь недорогой безделушки для подарка... гм... одной даме... Ну, какой-ннбудь там дешевенький перстенек нлн, быть может, золотые часики, что ли...

— У меня есть, господин Брэйнард, прекрасный граиатовый браслет. Баронесса Гольберг принесла.

— Нет, прекрасный особеино не нужен,— поморщился Брэйнард.— Что-ннбудь подешевле.

— Но вы взгляните только. Он недорогой, но эффектный.

Ювелнр вынул из сейфа браслет. В руках его он вспыхиул рубиновымн звездочками.

Брэйиард вннмательно осмотрел браслет. Он был великолепеи.

— Сколько же стоит?

— До революции он стоил рублей полтораста-двести,— сказал ювелир.

— Мне не важно знать, сколько он стонл до революции,— холодно отрезал Брэйнард.— Сколько он сейчас стоит?

— Тридцать долларов. Нн копейкн не могу уступнть. Так приказано.

Сколько ни торговался Брэйнард, ювелнр не уступал. Вздыхая, Брэйнард заплатнл трндцать долларов за браслет. Он ему понравился.

Побывав у себя в гостинице и оставив там купленные у ювелнра вещи, Брэйнард направился к Ермаковым. Вера была дома одна, Константин еще не прнходил нз атаманского дворца.

— Вот, кстати, мнстер Брэйнард,— обрадованно пропела Вера.— Будем сейчас с вами чай пить.

— Разрешнте вначале вашу милую ручку,— сказал Брэйнард.

Целуя ее руку, он вынул из кармана гранатовый браслет и надел ей на руку.

— Сувеннр,— сказал он.

— Ах, какая прелесть! — вскрнчала Вера. Глаза ее занскрнлись от восхнщения.— Я всегда мечтала о таком браслете... У супругн атамана Богаевского такой есть... Какой вы милый, Брюс, догадливый... Саднтесь чай пить, дорогой.

Прнсев за стол н размешивая ложечкой чай, Брэйнард сказал:

— Сегодия я был у генерала Богаевского.

— Да?

— Он сказал, что направляет вашего мужа в Англию...

— В Англию?! — нзумилась Вера.— Зачем?

— Это секрет, Вера Сергеевиа.

— От меня секреты? — надула губы Вера.— И вы говорите, что вы в меня влюблены... Хорош влюбленный, который втайие держит свое чувство.

— Нет, мнлая,— целуя ее пальцы, сказал Брэйнард.— От вас секретов у меня нет... Вашего мужа посылают по днпломатическим вопросам... Вы вндите, как ему доверяют... И это доверие к нему внушнл им я... Еслн муж сумеет блестяще выполнить поручение, его ожидает генеральский чни.

— Что вы говорнте!.. Я буду генеральша. А нельзя ли мие с ним поехать? Мне так хочется посмотреть Лондон.

— В свое время, быть может, вы его и увндите,— загадочно сказал Брэйнард.— Но пока поедет только один ваш муж. Он вам привезет нз Англнн хорошне подаркн. Эта поездка сулит много приятного вашему мужу, но еще больше... нам с вами... Мы сможем встречаться более свободно...

Вера молчала. Она поняла, что эту поездку Константину в Лондон устронл Брэйнард для того, чтобы тот не был помехой в нх свнданнях.

И теперь она, как практичная женщииа, раздумывала, стоит ли ей сближаться с Брэйнардом? Будет лн ей выгода от этой связн?

«А-а,— беспечно махнула Вера головой.— Посмотрим... Будущее покажет».

II

В новенькой, только что от портного, форме донского казачьего полковника стоял Констаитнн у спального вагона н с грустью смотрел на жену.

Вере радостно оттого, что Костя ее стал такнм важным лн-

цом, едет в Лондои с ответствеиным, государственного зиачення, поручеинем. Не всякому ведь доверяют такое.

«Какой все-таки милый этот америкаиец, что устроил Косте поездку в Аиглию»,— смеющимися глазами глядит Вера иа Брэйиарда, который счел нужиым также приехать иа вокзал проводить Коистаитииа.

Среди провожающих был Чериышев, щеголявший уже тоже в полковиичьих погоиах. Чернышев, хотя и смертельно неиавидел Коистаитииа и в душе желал ему скорее сломать голову, выиуждеи был из-за боязни до поры до времени прикидываться его другом. Да к тому же Коистаитии стал влиятельиым человеком, от иего Чериышев во миогом зависел.

К самому отходу поезда приехалн рыжеусый поляк Розалиои-Сашальский с ротмистром Яковлевым, звякающнм своими крестами н всевозможиыми атрибутами. С иими был и малеиькнй вертлявый улаи граф Сфорца ди Колоина киязь Поиятовский. Пожаловал даже сам бывшнй заводчик Крупянииков. Подъехало иесколько дам — прнятельииц Веры — с цветами.

Веселое общество окружило печальиого Коистаитииа.

Пробил третий звонок. Коистаитни, прижимая цветы к груди, распрощался с провожающими, расцеловался с женой, вскочил на подиожку троиувшегося поезда, помахал фуражкой.

Вслед ему иеслись крики:

— Счастливого пути!

— Желаем успеха!

— Привозите побольше английских солдат!

— Пушек!

— Танков!

— Обмуидирования!

Поезд исчез за поворотом.

— Ну, господа,— проговорил Крупяиииков,— что же иам здесь стоять? Проводили мы в путь-дорогу своего днпломата искать счастья для нас всех... А теперь, как полагается по русскому обычаю, надо его дорожку обмыть, чтоб гладкая да ровиая была. Одиим словом, приглашаю вас всех в ресторан на бокал виив. Прошу, господа!

Предложеиие было соблазиительное, и все его охотио прияли. Старик Крупяиииков иаиял иесколько извозчиков, стоявших у вокзала, и все, рассевшнсь в экнпажах, поехали в ресторан кутить.

III

По прнезде в Новороссийск Констаитни, взяв извозчика, поехал в порт узиать об отплытни первого парохода в Лоидон.

На пристани было много народу. Все вглядывались в горизонт, на котором маячило несколько едва различимых дымков.

— Союзники плывут! Союзники! — переговаривались в толпе.

Дул сильный норд-ост. Море словно кипело в белой пене. Волны, как холмы, с бешеной силой неслись одна за другой, залпами разбиваясь о каменный мол и разлетаясь в тысячах брызг.

Константин узнал у портового начальства, что в Англию отправляется только послезавтра вечером грузовой пароход Австро-Американской компании «Фредерика». Он огорчился. Почти трое суток нужно было бездельничать в Новороссийске.

Заняв в маленькой грязной гостинице под громким названием «Гранд-отель» номер, Константин пообедал в дрянном ресторанчике «Приют моряка» и пошел побродить по городу.

Город произвел на него дурное впечатление. Маленькие домишки без зелени, запыленные беловатым налетом цемента от карьерных разработок в горах, были грязны, неряшливы. Погуляв по городу, Константин пошел снова в порт, там было веселее и уютнее.

В порту с шумом и криками грузчики разгружали иностранные суда, доставившие из стран Антанты военные грузы для Добровольческой и Донской армий. На пристани по-прежнему стояла праздная толпа, глядевшая на иностранные военные суда, теперь уже обрисовавшиеся своими контурами на горизонте, шедшие средним ходом к Новороссийску. По пристани под руку с девушками бродили иностранные матросы. Портовые бары и таверны переполнены иностранными моряками, солдатами и офицерами. Оттуда слышались шум, смех, ругань почти на всех языках Европы.

На рейде, угрожающе наставив на город дула орудий, стояли мрачные серые стальные громады военных кораблей: английские крейсеры «Инденпобль», «Вальден-Руссо» и французский броненосец «Прованс». В стороне от них покачивались на якорях русские миноносцы.

Константин также стал смотреть на приближавшиеся корабли. Подойдя к Дообскому маяку, корабли остановились. Один из них, легкий крейсер под английским флагом, подал прожектором позывные сигналы.

— Это английский крейсер «Ливерпуль»,— сказал какой-то осведомленный моряк.— Это он просит разрешения войти в порт.

Получив ответ с берега, крейсер начал сигнализировать по световому семафору. Моряк переводил:

— Говорит, что он и пришедшие с ним суда принадлежат к соединенному флоту держав согласия и что эскадра держит курс на Новороссийск...

Сейчас же после световой сигнализации от эскадры отделился миноносец-истребитель и направился к моловым заграждениям. Вслед за миноносцем медленно двинулись и остальные суда.

Теперь уже ясно можно было различить подходившие корабли.

— Впереди идет английский крейсер «Ливерпуль»,— объяснял моряк любопытным.— В его кильватере французский крейсер «Ренан», а затем еще один миноносец-истребитель под английским флагом.

Головной миноносец почти вплотную подошел к междумоловому сетевому заграждению от вражеских подводных лодок, сохранившемуся еще от мировой войны, и, простояв у заграждения минут пятнадцать, отошел к эскадре, продолжавшей медленно входить в бухту.

Густые клубы черного дыма, выпиравшие из труб кораблей, широко стлались по покрытому волнами морю...

— Пожаловали гости,— иронически засмеялся моряк.— Ну, русский народ, раскошеливайся, принимай гостюшек.

Константин сердито взглянул на него и направился к себе в гостиницу.

— Полковник Егмаков! — весело окликнул его кто-то, картавя.

Константин оглянулся. Из-под парусинового тента летнего бара ему махал фуражкой какой-то морской офицер.

— Догогуша! — кричал молодой моряк в форме русского офицера, капитана II ранга.— Здгавствуй, годной!.. Какими судьбами?

Константин не сразу узнал моряка, но, пристальнее присмотревшись, догадался, кто ему кричал. Это был один из офицеров гвардейского экипажа, иностранец по происхождению, служивший в русском флоте, Шапран дю Леррэ, с которым Константин познакомился на одном из приемов, устраиваемых Красновым в атаманском дворце в Новочеркасске.

— Здравствуйте, капитан! — подойдя к нему, протянул руку Константин.

— Здгавствуй, догогуша,— фамильярно обнял его пьяный моряк и расцеловал.— Люблю донских казаков за их лихость и отвагу. Господа! — обернулся он к компании иностранных и русских офицеров, сидящей за столом, и заговорил по-французски, затем по-английски: — Это ж герой тихого Дона! Казак! Примем его в свою компанию.

Пьяные офицеры восторженно поддержали предложение дю Леррэ и шумно окружили Константина, пожимая ему руку и похлопывая по спине.

Константин не отказался и присел на предложенный ему стул. Пили виски, пили и русскую водку. Шумели, кричали, спорили, пели песни — всяк на своем языке. Гремела музыка.

Константин, хмелея, прислушивался к тому, что говорилось за столиками.

Какой-то сухопарый английский моряк, дымя трубкой, цедил сквозь зубы молодому французу:

— Знаменательное выступление Ллойд Джорджа по русскому вопросу не является неожиданным для тех, кто внимательно следит за извилистой политикой английского премьера со времени заключения мира. Если в начале войны Ллойд Джордж, бывший «заложник демократий» в кабинете Асквита, безболезненно очутился в лагере лорда Норклифа, то с наступлением мира ему предстояло совершить обратный скачок... Он снова стал рядиться в запылившуюся тогу народного трибуна. А что за этим кроется? Болтовня. Демократическая фразеология... Я вам прямо скажу, что Ллойд Джордж всегда был и будет чуждым вековым традициям парламентской Англии. Оппозиция правительству фабрикуется вне стен Вестминстера... Да, да, именно так! Ведь пал же Асквит жертвой внепарламентской оппозиции. Падет и Ллойд Джордж. Падет, уверяю вас...

Константин, хотя и охмелел, но болтовня пьяного англичанина его заинтересовала. Он ближе подсел к нему.

— Ллойд Джордж,— продолжал английский моряк,— идет по линии наименьшего сопротивления. Это особенно ярко сказалось в его русской политике... Одной рукой он помогает России бороться с большевиками, а другую протягивает, чтобы снова все это отнять. Вот военный министр Черчилль — это другое дело... Английская поддержка России, борющейся с большевиками, всегда тесно связана с именем Черчилля. Черчилль всегда прям и честен.

— Вы правду говорите,— пробронил француз.

— Но и тут дело с заковыркой,— хитро усмехнулся англичанин и пыхнул дымом из трубки.— Черчилль много делает для белой армии. Все мы это знаем. Но, как бы ни было значительно влияние военного министра в этом вопросе, за свой страх и риск он не стал бы транспортировать Деникину, Богаевскому или Колчаку столько снаряжения и обмундирования... Дело в том, что Ллойд Джорджу выгодно на эту роль выдвинуть Черчилля, а самому оставаться в тени, чтобы в нужную минуту почетно «отступить»...

— А тут ведь дело еще и в том,— заговорил по-английски француз,— нам, иностранцам, трудно разобраться в русской проблеме... Национальные русские элементы кричат о вандализме большевиков. Большевики вопят о том, что белые хотят реставрировать царский режим. Окраинные дипломаты жалуются на подавление их национальных стремлений. Могут ли европейцы в этой неразберихе отличить здоровые требования от политического шарлатанства?

Англичанин хотел что-то ответить, но в это время дю Леррэ

шумно о чем-то заспорнл с длиниым красивым чериоусым фраицузским офицером. Все, смеясь, окружили их, прислушиваясь к нх спору.

— Давайте дегжать паги? — кричал дю Леррэ.

— Давайте,— кипятился фраицузский моряк.— Я докажу смелость французского матроса... Едемте, господа, ко мие на судно. Я покажу вам нечто такое, отчего вы прндете в бешеный восторг.

— Едем! — раздались вдруг раззадореиные голоса.— Едем!

Веселой шумиой толпой, иабрав с собой виииа и водки, все иаправились к капитанскому катеру, раскачивающемуся на волнах у берега. Когда компания офицеров уселась в катер, он, зафыркав, рванулся и, прыгая по волнам, резво помчался к белотрубому фраицузскому стациоиару «Леврис», стоявшему на якорях иа рейде.

Констаитин, помахав фуражкой поехавшим офицерам, совсем охмелевший пошел в гостиницу спать.

Через пару дией, получив документы иа проезд в Англню, Констаитин занял каюту на пароходе «Фредерика» и поплыл.

Пассажнров иа корабле было мало: с десяток русских, бывшнх саиовников да фабрнкаитов, уезжавших с семьями, деньгами и драгоцеииостями нз смутной Россин за граиицу, три итальянца, возвращающихся на родину, два амернканских летчика и английский майор — тоже летчнк, со свонм секретарем.

В кают-компаиии тоскливо и скучио. Тема разговоров одна и та же — граждаиская война в России. К Константиниу подсел аиглийскнй майор н стал рассказывать ему, как он воевал в Егнпте н, потерпев там иа самолете аварню, переломил себе ногн.

— До сих пор еще чувствую боль в ногах,— пожаловался он.

Потом майор стал хвастаться иовыми изобретеииями Аиглии в области авиации.

— У нас такие есть изобретения, что произведут полный переворот в воздухоплаванни.

Болтовня англичаиииа надоедала Коистантииу, ои шел иа палубу и, стоя у борта, тоскливо смотрел на волиующееся море, леннво покачивающее пароход. В солиечной ряби воли, кувыркаясь, играли стада дельфинов. Оии то выскакивалн из воды, то ныряли, и в прозрачиой воде были видны их темные подвижиые тела.

На душе у Константина было сумрачно. Раздумывая о своей поездке, ои только теперь стал поиимать, что его попросту выпроводили из Новочеркасска, чтоб ие мешал...

«Ах, какой я дурак! — думал он с горечью.— Попался на удочку, как какой-нибудь олух».

Константин испытывал страшные муки ревности. В такие минуты он смертельно ненавидел Веру, готов был ее убить, будь она сейчас около него. Но гнев скоро проходил, и на сердце появлялась нежность к жене.

Улыбаясь, Константин мечтал уже о том дне, когда вернется домой из Англии. Какие это будут счастливые минуты! Он непременно добьется генеральского чина. Займет подобающее положение в обществе. У него красивая жена... Ему будут завидовать.

IV

Осенью 1919 года для Советской страны создалось угрожающее положение. Хорошо подготовленные и снаряженные белые армии под командованием Деникина перешли в наступление еще в июне. Вскоре ими был захвачен Харьков, затем на другом фланге фронта — Царицын. В июле белые вышли на линию Царицын — Балашов — Поворино — Новохоперск — Белгород — Богодухов — Александровск.

Окрыленный такими успехами, почувствовав себя довольно прочно, Деникин издал «вооруженным силам Юга» приказ: «Поход на Москву!»

В этом приказе писалось:

«...Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю:

1. Генералу Врангелю выйти на фронт Саратов — Ртищево — Балашов. Продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее — Нижний Новгород — Владимир — Москва.

Теперь же направить отряды для связи с Уральской армией для очищения нижнего плёса Волги.

2. Генералу Сидорину правым крылом... продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин — Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях: а) Воронеж — Козлов — Рязань и б) Новый Оскол — Елец — Кашира.

3. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлениях Курск — Орел — Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линии Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав — Брянск.

4. Генералу Добровольскому выйти на Днепр от Александровска до устья, имея в виду в дальнейшем занятие Херсона и Николаева...»

Деникин не сомневался в осуществлении своего плана.

Скопив огромные силы на Южном фронте, белые повели активное наступление на север, держа направление на Елец — Орел — Брянск. Конечной задачей было овладение к новому году Москвой. Вскоре белые заняли многие города Украины.

Основной силой белых на этом участке фронта была До-

бровольческая армия под командованием генерала Май-Маевского. Первый добровольческий корпус белогвардейского генерала Кутепова, в состав которого входили отборные офицерские части — корниловская, алексеевская, марковская и дроздовская дивизии,— стремился вбить клин между XIII и XIV Красными Армиями и прорваться к Орлу и Туле, а затем и к Москве

Правее этого корпуса, в статридцатикилометровом разрыве между XIII и VIII Красными Армиями, безнаказанно разгуливали кавалерийские корпуса белых генералов Мамонтова и Шкуро.

Донская армия, под командованием генерала Сидорина, действовала на Воронежском направлении. В ее задачу входило захватить Бобров, Лиски, Балашов.

В районе Астрахани против красных дрались Кавказская армия генерала Врангеля и группа войск Северного Кавказа генерала Драценко.

Силы белых только лишь на Южном фронте насчитывали около ста шестидесяти тысяч пехоты и кавалерии при пятистах орудиях и двух тысячах пулеметов.

В то же время с востока, поддерживаемый иностранными интервентами, угрожал Советской республике Колчак. Со стороны Эстонии на Петроград двигалась армия Юденича. На Западном фронте наступали петлюровцы, тесня XIV Красную Армию. На Житомирском и Коростеньском направлениях, заняв Минск, ожесточенные бои вели с XVI Красной Армией белополяки.

Огромные пространства страны, ее важнейшие центры со всей промышленностью, с сырьевыми и продовольственными базами были в руках контрреволюционных армий и иноземных интервентов.

Ленин писал в то время, что наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции.

Он бросил клич советскому народу: «Все на борьбу с Деникиным!»

В истерзанной в кровопролитных битвах с многочисленными врагами, истощенной голодом и разрухой стране бурлила могучая духовная сила, горел неиссякаемый животворный огонь. Эта сила — Коммунистическая партия. Она воодушевляла массы, вела их вперед, к победе.

В июле прошел пленум ЦК РКП(б), посвященный вопросам обороны страны. На другой день состоялось объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета и ВЦСПС, на котором выступил Ленин, призвавший мобилизовать усилия трудящихся всей страны для отпора врагу.

Была проведена частичная партийная, комсомольская и профсоюзная мобилизация. На Южный фронт отправилось до

двадцати тысяч коммунистов, десять тысяч комсомольцев и тридцать пять тысяч членов профсоюза.

В конце сентября Реввоенсовет республики вынес решение разделить Южный фронт на два — Южный и Юго-Восточный. Командующим Южным фронтом был назначен А. Е. Егоров. В помощь ему были посланы Ворошилов, Орджоникидзе, Сталин, Потемкин, Землячка, Аннучин и Солодух.

Конному корпусу Буденного было приказано разгромить кавалерийские корпуса белогвардейских генералов Мамонтова и Шкуро. Таким образом, способствовать наступлению VIII армии.

•

Все лето конный корпус Буденного провел в жестоких боях с белыми.

В сентябре полили дожди. Хмурые неприветливые рваные тучи обложили небо. Черноземные дороги раскисли, по ним ни проехать, ни пройти. На фронте наступило затишье.

Штаб конного корпуса находился в селе Неждановке. Буденный только что получил приказ перебросить свой корпус под Воронеж для борьбы с конницей генерала Мамонтова. Позвав к себе начальника оперативного отдела штаба Зотова, Буденный разложил на столе карту.

— Перед нами, товарищ Зотов,— сказал он,— поставлена ответственная задача разгромить конницу Мамонтова, захватить Воронеж и важную в стратегическом отношении узловую станцию Касторная, а затем ударом на Курск отрезать дальнейшее продвижение противника... Я уже прикидывал план действий нашего корпуса. Вот, смотрите,— начал он чертить карандашом по карте.

Задача, поставленная перед корпусом, была трудная.

Район предполагаемых действий его представлял черноземную равнину, превращенную начавшимися дождями в сплошное непроходимое болото. Равнина с двух сторон пересекалась двумя водными преградами — реками Воронеж и Дон. По трем железнодорожным линиям, проходившим по равнине, взад-вперед угрожающе курсировало до десятка вражеских бронепоездов. Город Воронеж, находившийся в руках белых, был ими сильно укреплен, местами обведен проволочными заграждениями.

— Да-а,— протянул Зотов, покручивая ус.— Погодка, я вам скажу, не способствует нам... Как по такой грязюке потянешь артиллерию, обозы?

— Не ныть, товарищ Зотов,— сказал Буденный.— Грязь — не помеха... Вылезем из нее. Вы понимаете положение под Воронежем...

Он не досказал своей мысли. На улице послышались крики.

— Что такое? — прильнул к окну Буденный.

Возбуждеиио крича, иа улице толпилнсь коиники. Задрав головы, онн указывали на что-то в иебе.

— Вон он!.. Вон!..

— Белый,— гадал один.

— Красный! — предполагал второй.

«Наверио, аэроплан»,— подумал Будеиный и, заметив, что некоторые красиоармейцы намереваются обстрелять его, распахнул окошко.

— Не стрелять! — крикиул ои.— Может, это свои,— и сейчас же побежал на улицу. Зотов последовал за иим. Над селом, жужжа, как шмель, иизко кружнл аэроплан, ио ие приземлялся. Летчик, видимо, не был уверен, те ли войска здесь расположены, которые ои искал.

— Машите ему, чтоб садился! — крикиул коииикам Будеиный и, сняв фуражку, стал размахивать ею, давая поиять, чтоб летчик приземлялся.

— Белый!.. Красиый!..— гудели красиоармейцы.

— Котов! — крикнул Будеииый Фоме.— Давай быстро Казбека. Сейчас узнаем, что эта за птнца летит...

Фома проворно подвел коня. Буденный вскочил на Казбека н помчался за деревию, где, выискав ровиую площадку, уже шел на посадку аэроплан. Все ииже и ииже спускаясь, он иаконец косиулся колесами земли и, подпрыгивая, побежал по влажиой траве. Сняв очки, авиатор огляделся. Заметив мчавшихся к иему всадинков, ои приветливо помахал им перчаткой. Будеииый увидел иа плечах пилота погоны.

— Ого! — вскрикиул ои обрадоваиио.— Вот это так гусь к иам попал!

Аэроплан, вздрогнув еще раз, остаиовился и замер. Авиатор оглядел окруживших его кавалеристов.

— Ви кто эст? — на ломаиом русском языке спросил он строго у Будеииого.

— Свои,— ответил весело Буденный.— Мамоитовцы.

— О! — удовлетвореиио воскликиул летчик.— Это мие и иадо. Слава боху! Я боялся большевик сесть...

Авиатор соскочнл с самолета и стал размииаться...

— Ух! Рук и иог устал.

Котов иаставил на иего иагаи:

— Руки вверх!

Лицо у летчика вытянулось. Бледиея, он подиял руки:

— Зачем так делать?.. Зачем?.. Я — аиглечанин. Капитаи Картер.

— Фома,— приказал Будеиный своему ордииарцу,— иу-ка обезоружь мнстера Картера да пригласи его к иам в штаб.

Котов вынул из кобуры плеииого летчика пистолет и сунул его себе в кармаи.

— Пошли! — выразительным жестом пригласил он его.

В штабе пленинка допроснлн. Оказалось, что англичаиии

был послан командующнм Донской белой армией генералом Сидориным в Воронеж к Шкуро с приказом об уннчтоженнн VIII Красной Армнн. Из Воронежа летчик вылетел с тем же приказом к Мамонтову. По сведениям, имевшнмся у летчнка, корпус Мамонтова должен был находиться между Калачом и станциями Таловая н Бутурлнновка. Сведения этн оказалнсь ошибочными. Здесь находился корпус Буденного. Приняв будениовцев за мамонтовцев, летчнк прнземлился н попал в плен к Буденному.

Из дальнейшего допроса выяснилось, что командующий VIII Красной Армией, бывший царскнй генерал, имел тайные сношения с белым командованием и обещал содействовать белым в разгроме своей армнн.

У англичаннна, кроме того, былн обнаружены оперативные н разведывательные сводки всего фронта белых, а также н письмо генерала Шкуро к Мамонтову. В нем было сказано:

«Я занял Воронеж, но у меня нет нн огнепрнпасов, нн патронов, нн снарядов, н по обстановке для меня составляет угрозу возможное нападение красных со стороны Землянска. Разумеется, что без огнепрнпасов я буду вынужден оставить Воронеж и отступить, а поэтому, если ты у красных добыл огнепрнпасов, пришли хотя бы немного для меня».

В ночь того же дня Буденный выступил со свонм корпусом на правый фланг VIII армнн для совместных действий против полков Шкуро, занимавшнх Воронеж.

Двумя коннымн дивнзнями, конной группой VIII армии н прндаиной 22-й железнодорожной стрелковой бригадой, в которую входнлн воронежскне рабочие и коммунисты, корпус Буденного занял фронт протяженнем в двадцать километров, северо-восточнее Воронежа, ожндая, что кавалерия Шкуро перейдет в наступление. Силы Буденного насчитывали до восьмн тысяч пятьсот сабель н восемьсот штыков. Этим снлам противостоялн два конных корпуса Шкуро и Мамонтова, объединившне до десятн тысяч кавалернстов н двух тысяч пехотинцев. Кроме этого, в распоряжении белых находилось семь бронепоездов.

В это время произошло ннтересное событне, над которым немало потешалнсь буденновцы. Генерал Мамонтов, предполагая, что Воронеж занят красными, повел на штурм города полкн. В свою очередь н Шкуро, зная о двнжении корпуса Буденного к Воронежу, прннял конницу генерала Мамонтова за красных н двинул протнв них свои части. Между белыми полками пронзошла бнтва, продолжавшаяся несколько часов. И лишь после того, как потерн с обеих сторон достнглн внушительных размеров, ошнбка обнаружнлась.

— Эх, жалко, что они скоро разобралнсь,— смеясь, сказал Буденный.— Пока онн дралнсь между собой, я намеревался было двннуть на ннх свой корпус н разбить нх обонх наголову.

Ну, ничего, мы свое еще возьмем... Степан Андреевич,— позвал он Зотова.

— Слушаю, товарищ комкор,— отозвался тот.

— У нас, кажется, есть пленные белые казаки?

— Есть!

— Садись писать письмо Шкуро.

— Какое письмо? — удивился Зотов.

— А вот увидишь. Садись пиши.

Все еще недоумевая, Зотов присел за стол, разложил перед собой бумагу, обмакнул перо в чернильницу.

— Ну, пиши,— сказал Буденный.— Белогвардейскому генералу Шкуро. Написал? Двадцать четвертого октября,— посмеиваясь, продолжал диктовать Буденный,— в 6 часов утра я, Буденный, прибуду в Воронеж. Приказываю вам, генерал Шкуро, построить все контрреволюционные силы на площади у Круглых Рядов, где вы вешали рабочих. Командовать парадом приказываю вам лично! Написал?

— Написал,— захохотал Зотов.

— Ну, если написал, то давай подпишу.

Расписавшись, Буденный велел привести к нему пленных казаков. Когда привели двух молодых, побелевших от страха пленных белогвардейцев, Буденный добродушно сказал им:

— Вот что, ребята, если я вас отпущу на свободу, будете воевать снова против нас, а?

— Да ни в жизнь,— просветлев, заговорили разом оба пленника.— Да нехай нас допрежде шомполами засекут, чтоб мы снова стали воевать супротив вас...

— Врете,— с сомнением посмотрел на них Буденный.— Ну глядите, если снова начнете воевать против нас да попадете опять в плен к нам, не обижайтесь. Расстреляю!

— Истинный господь, не будем воевать,— поклялись пленники.

— Ладно, посмотрим,— сказал Буденный.— Идите, вас пропустят. Только отпущу с одним условием, чтобы вы передали вот это письмо самому генералу Шкуро.

— Ладно,— согласились пленники.— Передадим.

Буденный вручил им письмо и велел проводить казаков за линию фронта.

V

О приключении Сазона Меркулова с генеральским гробом узнал весь корпус. Разговоров и смеху по этому поводу было немало. Рассказ об этом происшествии во всевозможных вариациях передавался из уст в уста. Конники проходу не давали бедному Сазону, все приставали к нему, чтобы рассказал, как он в генеральском гробу спал да казаков распугал.

Хоть и надоедали Сазону с такими расспросами конники,

но он испытывал огромное удовольствие от того, что стал одним из популярнейших людей в корпусе.

Однажды даже сам комкор Буденный, наслышавшись о Сазоне, вызывал его в штаб и расспрашивал о приключении. И когда Сазон рассказывал, как было дело, штабные работники душились от смеха.

Сазон еще больше подружился с Кононом Незовибатько. Они были неразлучны, целыми днями ворчали друг на друга, незлобно переругивались. Со стороны можно подумать, что это два лютых врага. По характеру они были совершенно различные люди. Сазон — человек подвижный, весельчак, балагур. Незовибатько же, наоборот, молчалив, замкнут, флегматичен. Однако такая противоположность в характерах не мешала их дружбе. Не раз в битвах они доказывали это, рискуя жизнью один из-за другого.

Как-то в дивизии произвели отбор конников в разведывательный эскадрон. Попал в него и Сазон Меркулов. Для Конона Незовибатько разлука с другом была мучительна. Стал просить он командира, чтобы и его откомандировали в разведывательный эскадрон. К своей радости, он этого добился.

При командире корпуса Буденном порученцем[1] служил отчаянной храбрости и отваги серб Олеко Дундич. Ему было лет двадцать пять. Ловкий, гибкий, как кошка. До страсти любил опасные, рискованные приключения. Про Дундича и его безумную храбрость в корпусе рассказывали легенды... Буденный любил его.

Говорили, что Дундич родился в буржуазной семье. Отец его был промышленником. В ранней юности Олеко поссорился с отцом и ушел из дому. В мировую войну его призвали в армию, попал в гусары. Во время битвы был забран австрийцами в плен. Из плена бежал в Россию и честно стал служить революции.

Дундич часто заезжал в разведывательный эскадрон, где у него было немало приятелей, с которыми он ездил в разведку. Разведчики его любили. Здесь он и познакомился с Сазоном и его другом Незовибатько.

...Прошло несколько дней, а белые все еще не проявляли намерений наступать. Это не входило в расчеты Буденного. Он хотел, чтобы белые были активны, тогда удобнее было бы их разгромить. Ну, если белые не идут вперед, значит, надо на них наступать. Буденный был верен себе: он намеревался 24 октября обязательно взять Воронеж. Позвав к себе Дундича, он спросил:

---

[1] Командир для поручений.

— Ну как самочувствие, Дундич?

— Превосходное, товарищ комкор,— с легким акцентом ответил Дундич.

— Вы, кажется, болели?

— Пустяки, товарищ комкор,— улыбнулся Дундич.— Простудился немного... Но я простуду свою спиртом согнал.

— Смотрите, Дундич, не увлекайтесь спиртом.

— Не беспокойтесь, товарищ комкор, я его редко пью.

Буденный задумчиво прошелся по комнате.

— Хороший вы парень, Дундич,— остановился он перед ним.— Молодчага, но вот голова у вас буйная... Каждый раз, как пошлешь куда, так и боишься — что-нибудь натворите... Больно уж вы рискуете своей жизнью. А жизнь — не игрушка. Зря рисковать ею нельзя. Вот вы — храбрый человек, таких я люблю. Но ваша храбрость часто бывает безрассудная. Вы не только храбрый человек, но и просто отчаянный.

Видя, что Дундич хочет что-то сказать, Буденный остановил его рукой.

— Мне надо вам поручить важное, большое дело, от которого будет зависеть вся наша операция по взятию Воронежа, но я боюсь. Боюсь вам поручить. Опять что-нибудь накуралесите.

— Товарищ комкор! — с обидой воскликнул Дундич.— Разве я вас когда-нибудь подводил?.. Я, правда, люблю риск. Но риск верный, почти без промаха. Вы хоть и говорите, что голова у меня буйная, но нет, товарищ комкор, голова у меня разумная. Без рассудка я шагу не ступлю... Приказывайте, товарищ комкор, все будет мною выполнено, как надо... Посмотрите тогда — подведу я вас или нет.

— Вы простите меня за резкость,— сказал Буденный.— Я вас не хочу обидеть, хочу только предупредить, что дело серьезное и на этот раз все шалости надо отбросить в сторону. Слушайте внимательно, что скажу...

— Слушаю, товарищ комкор.

— Возьмите с собой несколько расторопных разведчиков и произведите с ними тщательную разведку противника. Главное, узнайте систему его обороны: где окопы, где артиллерия и тому подобное... Вас учить особенно нечего. Ясно?

— Так точно, товарищ комкор,— козырнул Дундич.

— Вы понимаете, Олеко,— положил ему на плечо руку Буденный.— Самые что ни есть точные данные. Без таких данных мы не сможем и шагу сделать вперед. А между тем завтра утром мы должны быть обязательно в Воронеже, утром двадцать четвертого.

— Я все отлично понимаю, товарищ командующий,— проговорил Дундич.— Утром двадцать четвертого мы будем в Воронеже. Я вам привезу самые достоверные сведения об обороне противника.

— Когда думаете выехать? — спросил Буденный.
— Сегодня в ночь.
— Правильно. А когда из разведки вернетесь?
— На рассвете.
— Рассвет длинный. В котором часу?
Дундич подумал.
— В пять утра, товарищ комкор,— твердо заявил Дундич.— Если в это время не будет, то знайте, что я погиб. Какие еще будут распоряжения, товарищ комкор?
— Больше никаких распоряжений нет, Олеко,— сказал Буденный и протянул руку.— Прощайте! Желаю удачи! Не горячитесь, будьте осторожны.
Дундич пожал руку Буденного и улыбнулся:
— За меня не беспокойтесь, товарищ комкор. Буду осторожен, как заяц.
В ночь под 24 октября кавалерийский разъезд в числе шести конников переправился через реку Воронеж на территорию, занятую противником. Среди разведчиков были и Сазон Меркулов с Кононом Незовибатько.
Стояла густая влажная ночь. Резкий ветер со злым воем рвал низко опустившиеся тучи, гонял их по небу. То там то сям на мгновение сквозь провалы туч показывался синий кусок чистого неба с яркой звездой, словно глаз, глядящий на взволнованную землю.
В лицо разведчикам нахлестывал мелкий колючий дождик.
— Ну и погодка же, черт бы ее подрал,— проворчал Дундич, пряча лицо в воротник кожаного пальто.
Сазон, ехавший рядом с ним, счел нужным вступить в разговор.
— А темь — хоть глаза выколи,— сказал он.
— Тише! — предупредил Дундич.
Они проехали несколько шагов по берегу, не зная, что вперед ехать опасно — можно было нарваться на вражескую заставу. Дундич остановился и внимательно огляделся, прислушался. Кроме шелеста дождя да воя ветра, ничего не было слышно.
— Да, действительно,— буркнул снова Дундич,— тьма кромешная, хоть возвращайся обратно. Прицепить погоны и кокарды! — приказал он своим разведчикам.
Конники нацепили погоны к шинелям.
Сазон помог Дундичу прикрепить погоны подполковника к его кожаному пальто. Дундич предупредил разведчиков:
— Имейте в виду, вы рядовые четырнадцатого казачьего полка. Меркулов — урядник. Я — подполковник, начальник штаба полка. Наш полк идет на помощь Шкуро, но заплутался. Нас послали разыскать генерала Шкуро. Понятно?.. Меня зовут подполковник Дундич. Не ошибитесь! Поехали за мной!

Дундич ехал, не останавливаясь, чутьем угадывая дорогу. Сазон молча следовал за ним. Вскоре кони зацокали подковами о камни. Въехали на шоссе.

— Не отставать! — тихо сказал Дундич, оборачиваясь.

Некоторое время ехали молча. Вдруг впереди звякнул затвор винтовки.

— Стой! — грозно гаркнул простуженный голос.— Кто едет?

— Свои,— спокойно ответил Дундич.— Свои.

— Пропуск! — потребовал хриплый голос.

— Ну, какой там к чертям пропуск! — выругался Дундич.— Я подполковник Дундич, со мной шесть казаков... Мы вас весь вечер разыскиваем. Мне надо к генералу Шкуро.

— Никаких разговоров,— грубо закричал голос из темноты.— Говори пропуск, не то стрелять буду!

— Я тебе стрельну, хам ты этакий! — разгневанно закричал Дундич.— Как ты смеешь на меня орать? Я ж тебе сказал, что я подполковник Дундич... Что, или ты не слышал о таком? Все мы, как крысы, вымокли, а ты еще задерживаешь нас. Где твой командир? А ну зови его сюда.

В темноте заглушенно о чем-то заговорили. Теперь уже новый, тоже осипший голос из темноты спросил:

— Кто там? Я подъесаул Смирнов.

— Господин подъесаул, с вами говорит подполковник Дундич. Со мной шесть казаков... Прошу пропустить. Мне надо к генералу Шкуро.

— А откуда вы?

— Так громко, господин подъесаул, вы же сами понимаете, я не могу отвечать... Когда подъеду ближе, скажу. Вы, вероятно, знаете мудрую пословицу: у камней тоже бывают уши.

— Проезжайте,— снисходительно сказал подъесаул.

Дундич со своими разведчиками проехал мимо часового. Он невольно судорожно сжал рукоять маузера, когда любопытствующий лучик электрического фонаря скользнул по нему и тотчас же перебежал на его разведчиков. Видимо, обладателя фонаря удовлетворил вид разведчиков. Он погасил его и дружелюбно проговорил, обращаясь к Дундичу:

— Все в порядке. Промокли, господин подполковник?

— До ниточки,— сокрушенно ответил Дундич.

— Откуда вы, господин подполковник? Простите, это не только пустое любопытство, но и необходимость знать.

— Я вас понимаю,— усмехнулся Дундич.— Я вам отвечу коротко: мы форсированным маршем идем из Новочеркасска вам на помощь. Полк наш имеет наименование: четырнадцатый кавалерийский донской казачий полк. Мы заплутались. Вот я и поехал с казаками разыскивать вас... Удовлетворены, подъесаул?

— Вполне,— ответнл подъесаул.— Вы не русскнй, судя по акценту?

— Я серб. Но всю войну служил на русской службе.

— Понятно. У вас закурить не будет?

— Очень даже будет,— усмехнулся Дундич.— У меня английские сигареты. Держите, подъесаул,— сунул ему пачку сигарет Дундич.

— О, как я вам благодарен! — восторженно воскликнул белогвардеец.— Целый день почти не курил.

— Ничего, пожалуйста. Курите на здоровье. Скажите, как нам лучше проехать?

— Вам в город?

— Надеюсь, генерал Шкуро там?

— Коиечно,— подтвердил офицер.— Он там, по моим сведениям, в «Гранд-отеле» остановился... Так прямо по шоссе и езжайте!

— Спасибо! — козырнул Дундич.— Желаю успеха!

— Благодарю вас,— отозвался офицер.— Теперь уже иемного осталось воевать, скоро Москву заберем — и конец всему.

— А этого не хочешь? — озорно погрозил ему в темиоте кулаком Дундич.

— Тпру, стой! Господин подъесаул, вы еще долго здесь будете?

— А что?

— Может быть, вам на обратном путн что-нибудь завезти?

— Девочку б мне мою сюда,— захохотал белогвардеец.— Но боюсь доверить...

— Напрасно,— засмеялся Дундич.— Я насчет женского пола скромняк. А вы уже обзавелись девочкой в Воронеже?

— А как же. Есть такая.

— Поклон ей передать?

— Слушайте, подполковник, а у меня в самом деле идея возникла. Шутки-то шутками, а если так это, по правде говорить, то у меня действительно в Воронеже барышня знакомая есть. Если не затруднит, пошлите своего разведчика с моей записочкой — сейчас напишу,— она вам даст пару бутылок коньяку. Вчера наши казаки разбилн склад, притащили мне ящик коньяку. Я его у нее оставил. На обратном пути завезете, разопьем.

— Пишите быстрее,— согласился Дундич.— Как ее зовут?

— Аня Воздвиженская. Дворяиская улица, дом семь, квартира десять. Скажите ей: подъесаул, мол, Смирнов прислал. Она даст...

— Хорошо,— сказал Дундич.— Ждите к утру. Долго ли вы здесь будете?

— До восьми утра. В восемь нас сменят.

Взяв записку, Дундич поскакал по шоссе.

VI

Тем временем, пока Дундич с конниками ездил в разведку, Семен Михайлович Буденный произвел перегруппировку частей, приказал разведать броды через речку, подготовился к переправе. Он решил во что бы то ни стало утром 24 октября выбить белых из Воронежа.

Это необходимо было сделать возможно скорее, так как Воронеж, будучи в руках белых, угрожал VIII армии.

Семен Михайлович, заложив руки за спину, взволнованно ходил по комнате, то и дело поглядывая на монотонно тикавшие на стене часы. Они показывали половину пятого.

Зотов, придвинувшись ближе к пятилинейной лампе, стоявшей на столе, с увлечением что-то читал.

— Что читаете? — спросил Буденный.

Зотов на мгновение оторвался от книги.

— Да вот тут книжка о Суворове попалась,— проговорил он.— Никак не могу оторваться... Интересно, как Суворов воевал...

— О, брат! Суворов — великий полководец был. Нам у него есть чему поучиться...

— Это правда,— согласился Зотов. Он сладко потянулся и взглянул на часы.— Ого! — изумился он.— Скоро пять, а его все нет.

— Я уже начинаю беспокоиться,— сказал Буденный.— Не случилось ли с ними чего-нибудь. Он к пяти обещал вернуться. Сейчас без пятнадцати пять... Подождем пятнадцать минут...

— Подождем,— согласился Зотов и снова углубился в чтение увлекательной книги.

Буденный опять зашагал по комнате, поглядывая на стрелки часов, медленно подвигающиеся к пяти.

Пройдясь несколько раз по комнате, он снова взглянул на часы и сказал, останавливаясь около Зотова:

— Больше не будем ждать! Все!

— Может быть, еще минут десять подождем? — отрываясь от книги, спросил Зотов.

— Хватит! — решительно заявил Буденный.— Больше не имеем права ждать. Лемешко! — крикнул он своему адъютанту, находившемуся с ординарцами в другой комнате.

Но вместо Лемешко в дверях показался улыбающийся Дундич в золотых подполковничьих погонах.

— Можно, товарищ комкор? — приложил он руку к маленькой черной каракулевой шапке.

— Олеко! — воскликнул Буденный.— Прибыл? Вот молодец! Ну, рассказывайте скорее, ждем вас, брат... Думали — не дождемся.

— Рассказывать сначала буду не я,— сказал Дундич.

— А кто же? — удивился Буденный.

— А вот он,— обернулся Дундич к двери.— Меркулов, давай!

Сазон, еще не успевший снять с себя урядницких погон, втолкнул в комнату пленного белогвардейского казачьего офицера.

— Кто это? — спросил Буденный.

— Командир заставы белых подъесаул Смирнов, товарищ командир корпуса,— улыбаясь, ответил Дундич.— Мой приятель... А там на улице и вся его застава стоит.

— Гм...— усмехнулся Буденный.— Сколько же их там?

— Сколько, подъесаул? — спросил у белогвардейца Дундич.

— Пятнадцать человек,— хмуро буркнул тот, не поднимая головы.

— Ого! — удивился Буденный.— Что они, сами, что ли, перешли?

— О, не совсем! — покачал головой Дундич. И рассказал, как он со своими разведчиками обманул белую заставу, как по адресу, данному подъесаулом Смирновым, они съездили к его знакомой барышне в Воронеж за коньяком.

— И вот, когда мы вернулись,— весело рассказывал Дундич,— тс подъесаул Смирнов нас с нетерпением поджидал. Ясное дело, человек продрог в заставе, хотелось себя разогреть коньячком Ну, выпили. Подъесаул немножко захмелел, мы его посадили на лошадь, показали ему дуло маузера и заставили подать команду своей заставе, чтобы она выступила вперед... Ну, а вперед — это значит к нам, в плен... Вот и вся история!

— Молодцы! — воскликнул весело Буденный.

Пленный белогвардейский офицер на допросе дал исчерпывающие сведения о силах Шкуро и Мамонтова, рассказал о расположении белых частей, о системе обороны. Допрос пленного дополнил Дундич, и таким образом Буденному стало все ясно. Он отдал приказ по корпусу о выступлении.

На рассвете 24 октября под прикрытием пулеметного и артиллерийского огня конный корпус переправился через реку Воронеж и вместе с пехотными частями повел наступление на город Воронеж...

Боясь быть отрезанными, Шкуро и Мамонтов вынуждены были отступить за реку Дон.

Буденновцами в Воронеже были захвачены большие трофеи, в том числе три бронепоезда и личный поезд генерала Шкуро.

Взятие Воронежа еще не решало всей задачи. Корпус должен был наступать по направлению Касторная — Курск для того, чтобы отрезать противника, проникшего в глубь страны.

VII

Подпольщикам было ясно, что среди них оказались провокаторы.

Срочно было созвано заседание Ростово-Нахичеванского большевистского подпольного комитета. Разговор состоялся короткий: надо немедленно установить личность провокатора или провокаторов, если их окажется несколько, и ликвидировать. Эту довольно сложную задачу комитет поручил выполнить как наиболее энергичному члену комитета Ивану Гавриловичу Семакову. Ему давались широкие полномочия. В помощь себе он мог привлечь по своему выбору любое количество подпольщиков. Но Семаков, из-за боязни напугать провокаторов, решил действовать пока только вдвоем с Виктором.

Семаков был почти убежден в том, что одним из провокаторов является Афанасьев. Однако утверждать это не осмеливался. В виновности Афанасьева надо было точно удостовериться. Установить это взялись Семаков и Виктор...

Виктор шел с Афанасьевым по Садовой улице, весело переговариваясь и смеясь. Афанасьев рассказывал о каком-то своем неудачном ухаживании за девушкой.

— Ты понимаешь, Виктор,— говорил он,— девушка просто прелесть. Беленькая, пухленькая...

Как и всегда, на улице было шумно. Виктор заметил идущего навстречу им белокурого, худощавого прапорщика с тонкими усиками. Медленно идя по тротуару, офицер помахивал стеком, часто останавливаясь и рассматривая пестрые витрины магазинов.

— Заметь, Вася, эту гадину,— схватив за руку Афанасьева, указал Виктор на прапорщика.— Сволочуга!

— Кто это? — с любопытством взглянул на офицера Афанасьев.

— Контрразведчик,— озлобленно сказал Виктор.— Много он нашего брата переловил... Остерегайся его. Страшный человек. У него, как у собаки, развит нюх. Прямо-таки чует революционеров. Смотри! Смотри,— зашептал Виктор,— как он подозрительно на нас смотрит. Пойдем, ну его к черту!

Афанасьев самодовольно расхохотался:

— Ну, Витя, не ожидал от тебя! Ей-богу, не ожидал... До сего времени ты мне казался храбрым парнем, а ты — трус. Смотри, вот я ни одного дьявола не боюсь. Смотри!

Афанасьев вынул из портсигара папиросу и, бравируя, шагнул к прапорщику, который, остановившись, взяв стек под мышку, закуривал.

— Разрешите прикурить, господин прапорщик.

— Пожалуйста,— с готовностью протянул ему зажженную

спичку офицер.— Закуривайте, господин Афанасьев,— оглянувшись на стоявшего в отдалении Виктора, шепнул он.

Афанасьев отшатнулся от офицера и с изумлением взглянул на него.

— Вы меня знаете? — также покосившись на Виктора, тихо спросил он.

— Не беспокойтесь,— усмехнулся прапорщик.— Ваш товарищ нас не слышит... Я вас хорошо знаю, господин Афанасьев,— проговорил он и добавил, подчеркивая: — Я обязан все знать.

— Вот как! — растерянно прошептал Афанасьев и, прикурив, громко сказал: — Спасибо, господин прапорщик!

— Не стоит,— козырнул офицер и пошел, помахивая стеком.

— Ты его разве знаешь? — испытующе посмотрел на Афанасьева Виктор, когда тот подошел к нему.

— Ну откуда же я могу знать,— пожал плечами тот.

— Мне показалось, будто ты с ним разговаривал...

— Нет, я его только поблагодарил.— Афанасьев, явно растерявшись, молчал.— Ты говоришь,— продолжал он,— что прапорщик — гроза. Он вежливый, предупредительный, дал прикурить.

— Прикидывается вежливым,— с прежней озлобленностью сказал Виктор.— Говорят, что он-то и виновник всех провалов нашей организации. Он арестовал Журычева, он выследил товарища Елену... Да, я думаю, что и Мариника моя попала в тюрьму по милости его... Ух, мерзавец! — скрипнул зубами Виктор.— Попадется он мне в руки.

Афанасьев внимательно посмотрел на Виктора, как бы удостоверяясь, правду ли он говорит.

— Говоришь, он виноват во всем?

— Ну конечно, через эту гадину все провалы у нас,— вскрикнул юноша.— Убить его мало! Знаешь что, Василий, по секрету тебе скажу, только ты никому не говори...— Виктор запнулся, как бы не решаясь дальше продолжать.

— Ну что ж ты замолчал? — нетерпеливо сказал Афанасьев.— Что ты мне не веришь, что ли?

— Я верю тебе, но ведь это тайна.

— Эх, ты! — с укором посмотрел на него Афанасьев.— Друга своего таишься.

— Я не имею права никому этого говорить. Но тебе, как своему товарищу, скажу, но только об этом никому ни звука...

— Клянусь.

— Ну, смотри. На днях мы этого прапорщика укокошим.

Афанасьев покосился на Виктора, отвернулся и холодно проговорил:

— Такого мерзавца стоит.

Дня через два Виктор снова проходил с Афанасьевым по Садовой. Распрощавшись с ним на углу Николаевского проспекта, Виктор вернулся и, пройдя несколько шагов, оглянулся и увидел, что Афанасьев о чем-то оживленно разговаривал с прапорщиком-контрразведчиком, у которого он два дня тому назад прикуривал папиросу. Виктор усмехнулся и, шагнув в подъезд какого-то дома, стал наблюдать. Он видел, как, переговорив, Афанасьев и прапорщик завернули за угол по Николаевскому, и когда Виктор подбежал к этому переулку, то едва успел заметить, что они нырнули в винный погребок.

Виктор удовлетворенно усмехнулся:

— Попался, сволочуга!

В погребке было дымно от табака. Стоял пьяный гам. Как неподмазанное колесо, пронзительно визжала зурна, глухо бил бубен.

Позванивая бубенцами, противно выла флейта. Какой-то охмелевший армянин, не то перс, в съехавшем на затылок котелке, прищелкивая пальцами, как кастаньетами, пытался плясать, подпевая:

Карапэт мой бэдный,
От чего ты блэдный?
Оттого я блэдный,
Что я бэдный...
А ва-вай-вай-вай...

— Кабина есть отдельная? — спросил прапорщик у официанта.

— Все заняты, господин офицер,— почтительно сказал официант.

— Надо кабину, понимаешь! — многозначительно взглянул на него прапорщик.— Надо!

— Хотя, подождите,— вспомнил официант,— кажется, одна освободилась. Сейчас узнаю.

Подбежав, он отдернул бордовую бархатную занавесь у одной из кабин и пригласил:

— Прошу, пожалуйста! Что прикажете принести?

Афанасьев хотел было сделать заказ, но офицер мягко отстранил его:

— Разрешите мне этим делом заняться... Я больше вас зарабатываю.

Афанасьев не возражал.

Скоро официант принес заполненный напитками и закусками поднос.

— Ого! — весело воскликнул Афанасьев.— Вы заказали на целый взвод. Куда нам столько.

— День велик,— заметил, смеясь, прапорщик.— Не спеша, с толком, с чувством, с расстановкой все поедим и попьем... За наше знакомство,— чокнулся он с Афанасьевым.— Я ведь дав-

но вас знаю, но не имел удовольствия до сих пор лично познакомиться...

— Знали в лицо?

— Преотменно,— усмехнулся прапорщик.— Да вообще-то я многих из ваших знаю. Даже знаю того молодого человека, который на днях шел с вами по Садовой... Помните, когда вы подходили ко мне прикуривать?

— Неужели? — поразился Афанасьев.— Кто ж он, по-вашему?

— Давайте еще выпьем, тогда скажу. Будьте здоровы!

— Спасибо. Желаю и вам того же.

Они выпили, закусили.

— Так кто же он? — спросил сгоравший от любопытства Афанасьев.

— Ваш ближайший друг, активный работник подпольного большевистского движения, Виктор Волков. Возражать будете? — насмешливо посмотрел офицер на Афанасьева.

Афанасьев встретил его взгляд и покачал головой.

— Почему ж вы в таком случае его не арестуете? — пробормотал он.

— Надобности пока в этом нет,— жуя колбасу, ответил прапорщик.— Арестуешь его, а более крупных подпольных большевиков распугаешь... Арестовать его, да и многих других, мы всегда успеем... Будьте здоровы! — снова чокнулся он с Афанасьевым.

Они снова выпили и стали закусывать. Афанасьев ел медленно, думая о чем-то и поглядывая на офицера. Казалось, что он хотел о чем-то спросить его, но не решался...

— Это все, конечно, верно, господин прапорщик, простите, не знаю вашей фамилии,— сказал он наконец.

— Фамилия моя Ликсанов,— торопливо, пожалуй, даже слишком поспешно ответил прапорщик и незаметно выплеснул из своего стакана водку под стол.

— Все это верно, господин Ликсанов,— повторил с некоторой грустью Афанасьев.— Мне об этом уже говорили...

— Кто? — осведомился офицер.

— Да многие... Сам начальник контрразведки Икаев говорил... Но вот слушаю я вас, и мне даже обидно становится. Выходит, что вам все подпольщики известны... В таком случае, зачем я вам нужен? Без меня можете обойтись. Я...

— О! Не скажите. Без помощи вашей мы никак не можем обойтись... По сведениям вашим и ваших товарищей, я-то и знаю подпольщиков...

— Значит, это правда, я не один такой? — встрепенулся Афанасьев.— Есть и другие подобные мне, а?..

— Будто вам об этом неизвестно? — хитро сощурился офицер.

— Да так, краем уха слыхал,— хмелея, сказал Афа-

насьев.— Будто есть у нас такие, которые работают для полиции и на контрразведку, а насколько это достоверно, не знаю.

— Хорошо,— кивнул прапорщик и пристально трезвыми глазами посмотрел на Афанасьева.— Вы мне что-то хотели сказать, господин Афанасьев.

Василий допил водку из стаканчика и вытер губы салфеткой.

— Вы вот сейчас сказали мне, что знаете Виктора Волкова,— усмехнулся он,— а, видно, не знаете того, что он вместе со своими ребятами готовится убить вас...

— Да ну? — изумился прапорщик.— Откуда вам это известно?

— Сам он говорил мне об этом.

— Значит, он меня знает?

— Знает,— мотнул головой Афанасьев.

— Какой мерзавец! — взволнованно сказал офицер.— Вы правы, его надо немедленно арестовать... Арестую и его сообщников. Вы мне должны помочь, господин Афанасьев, и выдать его сообщников.

— Но я же их не знаю.

— А вы выпытайте у Волкова, а потом скажете мне.

— Но ведь он может мне не сказать.

— А вы сделайте вид, что хотите вместе с ними участвовать в покушении на меня.

— Ладно, господин Ликсанов, попробую.

— Вы давно работаете у нас, в контрразведке? — спросил офицер.

— Да с того раза, как был арестован Журычев.

— Это вы его выдали нам?

— Нет,— замотал головой Афанасьев.— Журычева я вам не выдавал... Меня тоже в тот раз вместе с ним арестовали. Но, когда мне предложили работать в контрразведке, я согласился, и меня выпустили... Наши подпольщики даже и не знают, что я был арестован.

— Понятно. А остальные аресты уже при вашей помощи были совершены, не так ли?

— Думаю, что так,— ухмыльнулся Афанасьев.— Но вы, наверно, об этом знаете не хуже моего...

— Конечно, знаю,— кивнул головой прапорщик.— Вы — молодец,— со скрытой иронией сказал он.

— Да особенного-то я ничего не совершил,— пьяно засмеялся Афанасьев.— Указал адреса подпольщиков — вот и вся моя работа...

— За ваше здоровье! — поднял стаканчик офицер. Афанасьев чокнулся и выпил. Офицер снова незаметно выплеснул из своего стаканчика на пол.

— Давайте, Афанасьев, вместе работать,— сказал он.

— То есть, как вас понимать? — насторожился тот.

— А очень просто. Составим список подпольщиков и сделаем облаву...

— Это можно. Икаев мне тоже об этом говорил. Да ведь они ж, сволочи, все свои квартиры попеременили. Войсковой старшина Икаев велел мне выяснить их новые квартиры, вот я и выясняю...

— Ну, и выяснили?

— Кое-какие выяснил, но не все еще...

— Ну скорее выясняйте.

— Выясню, не сомневайтесь,— пообещал все более пьянеющий Афанасьев.— Видать, хороший вы человек, господин прапорщик. Люблю с хорошими людьми посидеть за выпивкой... Эх,— с сожалением вдруг крякнул он,— девочек нет... Люблю, скажу вам, женский пол, ох и люблю же!

— А вот как допьем здесь, так и поедем к девочкам.

— Ей-богу? — обрадовался Афанасьев.— А у вас есть?

— Найдем.

— Вот это дело,— оживился Афанасьев.— Ей-богу, дело! Признаюсь, как увижу красивую девочку, так весь сам не свой делаюсь... Эх, черт побрал!.. Люблю красивую жизнь!.. Я извиняюсь, господин офицер, выйду до туалета...

— Может быть, проводить?

— Нет, спасибо. Я сам.

Пошатываясь, Афанасьев отдернул портьеру, вышел. Прапорщик встал и снова ее задернул. Но она тотчас же приподнялась. Вошел Виктор.

— Ну как, Вася? — тихо спросил он у прапорщика.

— Все идет как по маслу,— усмехнулся тот.— Он во всем признался.

— Напои его водкой до бесчувствия,— прошептал Виктор.— Я тут на улице, в фаэтоне жду... Да выпытай у него, есть ли у нас еще провокаторы...

— Ладно, ладно! — отмахнулся прапорщик.— Уходи, а то он сейчас войдет.

Виктор исчез за занавеской. Вскоре, раскачиваясь из стороны в сторону, вошел Афанасьев. Он грузно сел на стул.

— У-у! — помотал он головой.— Я, кажись, того... охмелел... Ах, да наплевать! — махнул он рукой.— Только и нашего, что немного повеселишься. Жизнь стала мрачная... Никакой отрады не видишь ни для души, ни для тела... Слушай, прапорщик, как тебя зовут, а? Меня Василием, а тебя?

— Меня тоже Василием зовут.

— О! — обрадованно вскочил Афанасьев.— Значит, тезка?.. Великолепно, дай расцелую.

Он обнял офицера и облобызал его. Прапорщик брезгливо вытер губы носовым платком, потом, взяв графин с водкой, налил в стаканчики.

— Выпьем!

Вскоре Афанасьев настолько напился, что стал плохо соображать.

— Вася! — бормотал он.— Слышишь, Вася... Поедем к девочкам... Люблю девочек...

— Выпей вот еще,— подал ему стаканчик с водкой прапорщик.— Выпьем — тогда поедем.

— И выпью! — вызывающе воскликнул Афанасьев. Вырвав из рук офицера стаканчик, он залпом выпил водку. Но, видимо, это уже было сверх меры. Афанасьев ошалело мутными глазами огляпулся вокруг, хотел что-то сказать, но покачнулся и, промычав нечто бессвязное, опустил голову и стал засыпать.

Прапорщик с брезгливой усмешкой посмотрел на него:

— Сволочь!

Афанасьев приподнял голову и уставился на офицера.

— Кто — сволочь? — спросил он.

— Да официант,— усмехнулся прапорщик.— Велел принести ему еще водки, а он не несет... Сейчас выпьем и поедем к девочкам.

— Вася, друг, поедем,— оживился Афанасьев.

— Обязательно,— кивнул офицер.— Ты мне вот только скажи, кто еще с тобой работал заодно?

— Да ведь это не точно,— пьяно мотал головой Афанасьев.

— Ну, а все же...

— Слышал, будто...

— Ну-ну?..

— Емельян Василенко...

— А еще? — записал на папиросной коробке прапорщик.

— Чудиов...

— А еще...

— Грачев...

— А еще кто?

— Больше не знаю, ей-богу, не знаю,—снова положив голову на стол, он захрапел.

Расплатившись с официантом, офицер попросил его помочь довести пьяного Афанасьева до извозчика.

Его посадили в экипаж, и он тотчас же повалился на сиденье и заснул.

Подошел Виктор.

Молодой прапорщик вытащил коробку с папиросами. В ней была только одна папироса, он закурил и бросил коробку.

— Ну, рассказывай, Вася,— попросил Виктор.

Вася Колчанов коротко рассказал ему о разговоре с Афанасьевым.

— Значит, гад, признался? — угрюмо спросил Виктор.

— Да. Теперь нет никаких сомнений в том, что он провокатор.

— Ты выяснил, один он был провокатором или еще кто есть?

— Ах ты, черт возьмн! — вдруг спохватнлся Колчанов.— Коробку-то я броснл... Где она?..

— Да вон мальчнк поднял ее,— недоумевающе сказал Виктор.— Зачем она тебе?.. Она же пустая...

— Мальчик!..—рннулся Колчанов к оторопевшему мальчугану.— На тебе трн рубля, а ты отдай мне коробку...

Завладев коробкой, Колчанов прочитал на ней:

— Емельян Васнленко... Чуднов... Грачев... Знаешь ты таких?

— Не знаю,— ответнл Вндтор.— Но узнаем. Дай мне коробку. Поедешь со мной нли нет?

— Нет, Витя, спаснбо,— покачал головой Колчанов.— Я понимаю, куда ты его повезешь. Мне там не место. Это дело ваше, как с нними поступнть, меня это не касается.

— Один вопрос, Вася,— взволнованно сказал Виктор.— Ты видел Марнну?

— Три дня назад в тюрьме, и то мельком.

— Как она? — с болью спросил Виктор.

— Настроенне неплохое, но похудела, побледнела. Она узнала меня и улыбнулась. Я ей дал понять, чтоб надеялась...

— Бедная,— прошептал Внктор.— Вася...— тнхо сказал он н запнулся.

— Ну-ну?

Но Виктор молчал. Колчанов обнял его:

— Я знаю, что ты хотел сказать... Пока, Внтя, ннчего не могу тебе обещать. Очень уж строгнй надзор за ней... Но я верю, что мы что-ннбудь сделаем. Не горюй, Витя, сделаем,— пожал он руку Виктору.

— А о товарище Елене что-нибудь знаешь?

— Та сндит в одиночке. К ней ннкого не допускают. О ней я ннчего утешнтельного не могу сказать... Если появится какая возможность, я сейчас же сообщу. Пока, а то Афанасьев очнется да еще сбежит...

— Не сбежит,— сурово сказал Виктор.— За ним следит извозчнк, а он наш парень. Ну, прощай!

Вскочнв в экнпаж, он сел рядом со спавшнм Афанасьевым н крикнул извозчнку:

— Гони, Ваня!

— Туда? — оглянулся парень.

— Да, Ваня, туда.

Онн помчалнсь по Садовой.

VIII

Солнце клонилось к закату. За городом, в стороне от Новочеркасского шоссе, вблнзи небольшого оврага стоял фаэтон. Извозчик, молодой парень, отпустив чересседельник, кормил лошадь овсом нз торбы...

В овраге же в это время шел партийный суд. Судили провокатора Афанасьева. Судьями были три члена Ростово-Нахичеванского подпольного большевистского комитета — Иван Гаврилович Семаков, Андреев и седовласый, болезненного вида старичок в очках, рабочий-полиграфист, которого под кличкой Лукьян Лукич знали все подпольщики. Кроме них, в овраге были еще Виктор, привезший уже успевшего протрезвиться Афанасьева, и вихрастый молодой паренек Коля, тот самый, которого зимой Виктор с Колчановым освободили из Новочеркасской тюрьмы вместе с Семаковым.

Василий Афанасьев, побледнев как мел, дрожа всем телом, стоял перед судьями, с ужасом глядя на них.

— Ты, Василий Афанасьев,— строго глядя на него, говорил Андреев, поблескивая очками,— изменил нам, рабочему классу, партии, предал контрразведке лучших наших товарищей, революционеров... По вине твоей они подверглись страшным пыткам, умерли в жестоких мучениях... Ты выдал руководителя подпольной большевистской организации Журычева...

— Не выдавал я его,— глухо выдавил из себя Афанасьев.— В этом вину на себя не беру...

— Ты выдал товарища Елену, ты выдал многих других. Признаешь себя виновным в этом?..

— Признаю,— прошептал Афанасьев. Голова его опустилась на грудь, он всхлипнул.

— Ты готовил новый список с адресами наших товарищей для передачи контрразведчикам... Признаешься в этом?

— Признаюсь,— едва слышно произнес Афанасьев и вдруг тонкоголосо завопил: — Я попал в руки контрразведчиков... они меня заставили... я... я... испугался... Простите. Я докажу свою преданность...

— По постановлению Ростово-Нахичеванского подпольного большевистского комитета ты, Василий Афанасьев, за предательство подлежишь казни через расстрел как презренный изменник, провокатор...

Хотя Афанасьев и не ожидал пощады, но при этих словах он охнул и, надломившись в коленях, повалился.

— Товарищи! — кричал предатель, ползая по земле,— пощадите!.. Я искуплю свою вину... Заставляйте меня всякую опасную работу выполнять... Заставляйте!.. Все выполню... Все буду делать... Могу убить донского атамана, а ежели хотите, то и Деникина... Прошу пощады!.. Помилуйте!..— Видя холодные, насупленные, суровые лица своих судей, он истерически закричал: — Что же вы молчите?.. Ай вы не люди?.. Семаков!.. Иван Гаврилович!.. Ведь ты ж мой друг!.. Пощади!.. Вспомни, как мы дружили.

Семаков, мрачно глядя на него, молчал.

— Приговор подпольного комитета поручается выполнить товарищам Волкову и Хомякову,— сказал Андреев.

Внктор вздрогнул. Он знал, что Афанасьева расстреляют, но ннкак не ожндал, что ему прндется это сделать. Снльно побледнев, юноша взглянул на Семакова, словно прося, чтобы тот его замеинл, и встретил строгнй взгляд своего друга.

— Пощаднте!.. Помнлуйте!..— вопнл предатель.

Брезглнво глядя на него, Внктор вытащнл из кармана браунннг и, подойдя к визжавшему Афанасьеву, сурово сказал:

— Вставай!

Афанасьев мутно глянул на Внктора, не поняв его намерення.

— Вставай, говорю!

Провокатор увндел в руке Внктора револьвер.

— А-а...— завыл он.— Убн-нвают!.. Убн-нвают!.. Помогнте!.. Втя!.. Что ты делаешь?.. Опоминсь!.. Я ж твой друг!.. Внтечка, родной!.. Пожалей! — Он подполз к ногам Внктора, намереваясь обнять нх, но тот отскочнл от него н сразу же подряд трн раза выстрелнл Афанасьеву в затылок.

Коля, подбежав, тоже выстрелнл в провокатора. По глнннстой желтой земле зазменлась струйка кровн.

С мннуту все молча смотрелн на труп.

— Собаке — собачья смерть,— наконец сказал Андреев.

— Надо все же его зарыть,— проговорнл Семаков н, взяв лежавшую лопату, поплевал в ладонн, начал рыть яму.

Зарыв труп, все выбралнсь нз оврага. Солице заплывало за горизонт. Розовый налет лежал на побуревшей осенней степн. Над бурьянамн неяснымн тенямн скользнлн птнцы. Вдалеке ослепнтельно нскрнлнсь на закате окиа большого города.

— Надо немедленно лнквндировать н остальных,— хмуро сказал Андреев.

— Обязательно, товарнщ Андреев,— отозвался Семаков.— Завтра разделаемся с ннми.

Семаков нагнал Внктора, прнмолкнувшего, подавленного пронсшедшим.

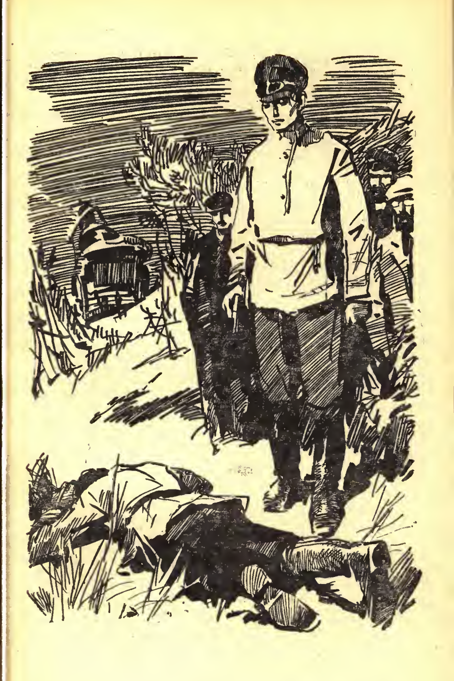
— Оробел, крестннк, а?

— Тяжело убнвать человека,— вздохнул Внктор.

— Человека — да,— жестко сказал Семаков,— но врага — никогда!

IX

Около двух месяцев уже жнл Константин Ермаков в Лондоие. Старый, назначенный еще царскнм правнтельством русский посол Андрей Аркадьевнч Саблнн прнказал отвестн ему в посольстве комиату (благо, что дом посольства наполовнну пустовал), н Константнн надолго поселнлся в ней. За это время он уже успел повндать немалое колнчество влнятельных лиц Великобрнтанни, сочувствующих контрреволюцин, беседовал с послами США н Францнн. И послы, н все этн влнятельные



люди Англии наговорили много любезностей посланцу Дона. Они заверили Константина, что душой, всеми своими мыслями и желаниями они сочувствуют той великой миссии, которую взяло на себя донское казачество в деле освобождения России от большевистского ига. Обещали всяческую помощь как моральную, так и материальную. Но пока это было только на словах...

Старый лис, прожженный политикан Саблин старательно содействовал Константину в его встрече с военным министром Великобритании Уинстоном Черчиллем. Предварительно согласие министра на это свидание было получено. Но встреча со дня на день откладывалась. Военный министр был занят важными делами.

— Ничего не поделаешь, Константин Васильевич,— разводил руками Саблин.— Надо ждать. Без свидания с военным министром вам уезжать на Дон нельзя. Черчилль — смелый решительный человек, он хорошо помогает и генералу Деникину, и Донскому правительству. Помогал и Юденичу, и Колчаку. Я верю, что он еще много нам поможет... Я ему все уши прожужжал, говоря, что нужно более активно вмешиваться в русские дела. Но этого, конечно, недостаточно. Нужны иногда и другие меры. Очень будет неплохо, если вы, как живой свидетель, участник борьбы с большевиками, расскажете ему сами о всех событиях, происходящих в России. Понимаете ли, дорогой полковник, Англия получает сведения о России из самых сомнительных источников. И это наносит вред. При поддержке нашего посольства в Лондоне издается журнал, который призван осведомлять английскую общественность о Советской России. Поэтому я вам рекомендую предварительно, перед встречей с военным министром, выступить в этом журнале с рядом статей по русскому вопросу.

— О, Андрей Аркадьевич! — сказал Константин.— Я — литератор неважный.

— Это не имеет значения,— заметил посол.— У нас столько литераторов — хоть пруд ими пруди. За вас напишут какую угодно статью. Конечно, вы должны авторам этих статей кое-что рассказать... Надо возбудить англичан, взбудоражить их, а то, к сожалению, до настоящего времени борьба России с большевизмом рассматривается в Англии как постороннее дело, не затрагивающее национальных интересов Англии. И покуда вопрос о помощи России будет трактоваться в плоскости «долга чести» и благодарности за оказанные Россией услуги общему делу — ни о каком серьезном решении вопроса быть не может. По-видимому, не настал еще момент, когда в Европе, в частности в Англии, осознана будет кровная близость русского вопроса всему культурному миру. И покуда этот момент не наступит — неизбежны сомнения и колебания в общественном мнении Европы. В Англии еще не осознают той гроз-

ной опасности, которую представляет русский большевизм... России, быть может, придется испить горькую чашу до дна, прежде чем ее дело станет делом всего мира, ее борьба — борьбой всей культурной Европы, да не только Европы, но и Америки и, возможно, Африки и Азии...

К Константину прикрепили для литературной работы пресс-атташе посольства Харитона Харитоновича Басманова, ожиревшего человека, лет тридцати двух. Пресс-атташе в свою очередь «прикрепил» к нему двух русских журналистов, бойко пишущих на английском языке.

В посольстве, после долгого перерыва, началась лихорадочная деятельность. Заскрипели перья, застучали машинки. За подписью донского казачьего полковника Константина Ермакова в прессе стали появляться статьи, призывающие англичан помочь своей союзнице России в ее борьбе с большевиками.

В столице Великобритании об этих статьях заговорили, Константином заинтересовались. С ним охотно знакомились. У него появились поклонники и поклонницы, любящие экзотику. Константина стали приглашать на приемы и обеды. Он входил в моду. Всякий рад был похвастаться знакомством с донским казачьим офицером. О донских казаках, как во времена Платова, когда он пребывал в качестве гостя в Лондоне, стали говорить и писать всякие чудеса.

У Константина появились деньги. Он сшил себе фрак и еще одну прекрасную казачью форму старой моды, поражая ею простодушных лондонцев. Его уже хорошо знали и почтительно встречали швейцары в ресторанах, кабаре и кафе-шантанах.

Несмотря на такую веселую беспечную жизнь, на все развлечения и удовольствия, Константин тосковал по жене, Новочеркасску. Иногда он запирался в своей комнате, зверски напивался и, заливаясь пьяными слезами, предавался сладостным воспоминаниям о жене, о тихом Доне, о друзьях. Вспоминая о Вере, он содрогался от ярости и ревности, представляя ее в объятиях Брэйнарда.

X

Однажды Константин сидел в своей комнате у окна и тоскливо смотрел на дождливую улицу. Дождь, мелкий, осенний, надоедливо стучал по стеклу. Константина беспокоили думы о доме, о жене. Хотелось скорей на Дон... В дверь кто-то торопливо и настойчиво постучал.

— Войдите! — меланхолично сказал Константин, не двигаясь с места.

В комнату вошел взволнованный Саблин.

— Что случилось, господин посол? — не меняя позы, спросил Константин.

— Я вижу, полковник, вы заболели сплином,— сказал весело и вместе с тем встревоженно Саблин, тяжело дыша.— О, черт возьми,— приложил он руку к сердцу,— мотор сдает...

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль гордился своим происхождением от старинного рода герцогов Мальборо, о котором упоминает в своем знаменитом романе «Отверженные» Виктор Гюго. «Франция,— писал Гюго,— еще не достигла той степени изящества, чтобы, подобно английской знати, осыпать карету новобрачных целым градом стоптанных туфель и рваных башмаков в память о Черчилле, впоследствии герцоге Мальборо,— Мальбрук то ж, который подвергся в день свадьбы нападению разгневанной тетки, что якобы, принесло ему счастье».

В юности Уинстон Черчилль, мечтая о военной карьере, окончил офицерскую школу. В качестве военного корреспондента участвовал в англо-бурской войне, которая окончилась для него плачевно — он попал в плен к бурам.

В 1900 году Черчилль от консервативной партии был выставлен в парламент. Но с этой партией он скоро порвал, будучи по ряду вопросов не согласен с ее линией, и перешел в либеральную партию. В 1905 году партия эта выдвинула его в парламент.

Через год Черчилль вошел в правительство в качестве товарища министра колоний. Затем последовали один за другим посты министра торговли, внутренних дел, морского министерства, снабжения и, наконец, военного министра, каковым он и был сейчас.

Черчилль прославился как ярый противник социализма. Особенную же известность он получил так называемым знаменитым «делом на Сидней-стрите». Выглядело оно довольно комично и вызывало в свое время немало смеха у лондонцев.

Дело заключалось в том, что, будучи в 1911 году министром внутренних дел, Черчилль во главе отряда полисменов в 750 человек, роты шотландских стрелков и артиллерийской батареи отправился на поимку двух анархистов, засевших в одном из домов восточной части Лондона. Он произвел настоящий штурм чердака, откуда отстреливались эти два смельчака...

С первых дней возникновения Советской власти в России Черчилль всей душой возненавидел страну социализма, возглавил против нее «крестовый поход». Он выступил идеологом и застрельщиком интервенции, оказывал широкую поддержку русской контрреволюции, субсидировал белые армии. Против ненавистной ему Советской России он применял всевозможные и доступные ему средства — военные, политические и экономические. По его инициативе Россия была окружена кольцом голодной блокады.

По выраженню Леннна Уинстон Черчнлль был «величайшим ненавнстннком Советской Россин».

Вот к такому-то человеку н вез, старая пройдоха, прожженный н нскушеиный во всех тонкостях днпломатни, посол Саблнн Константина Ермакова. Старнк, конечно, отличио пониммал, что этот грубый невежествениый казачнй полковник не представляет особого нитереса для военного мнннстра Великобрнтаннн, но ои надеялся, что своими рассказамн о зловещем большевнзме Ермаков сумеет еще больше разжечь ярость Черчнлля.

Саблнн, сндя рядом с Констаитнном в автомобиле, монотонно что-то рассказывал ему, указывая на осыпанные разиоцветнымн рекламными огиямн магазнны, паркн, памятникн, на огромные, потемневшне от дождя влажиые каменные громады зданнй. Но Констаитнн почти не слушал его. Ои унесся далеко мечтой на роднмый тнхий Дон. Он радостио думал о том, что вот побеседует он сегодня с Черчиллем, выясиит все н через иесколько дней уже сможет тронуться в путь домой.

— Это Оксфорд-стрнт,— проник накоиец в ушн Коистантина дребезжащнй голос старого посла.— А дальше будет Бонд-стрнт, Хай-стрит... Это самые арнстократические улицы Лоидона.

Константнн взглянул сквозь сгекло на улицу, ио, кроме дождевой тумаиной мглы, ннчего не увидел.

— Куда мы едем, Аидрей Аркадьевнч? — спросил он у старнка.

— В Вест-Энд,— ответнл тот н со старческой словоохотливостью стал рассказывать, чю из себя представляет этот Вест-Энд.

Из его рассказа Коисгаитии узнал, что Вест-Эид — это западиая часть Лондоиа, преимущественно заселенная аристократней н буржуазией. Это обетоваиный жнвопнсиый уголок, где множество парков и садов. Здесь раскниулнсь знаменитые паркн, как, например, Гайд-парк, Сент-Джемс-парк, Рнджеитс-парк, Консннгтен-гардеис и миого другнх. Дома арнстократов и капиталистов, как правнло, одиоэтажные, двухэтажиые, стоят за масснвной чугуиной оградой в глубние двора, утопая в зеленн садов и благоуханнн цветннков...

Автомобнль плавно подкатнл к чугуниым ажуриым воротам с барельефами в середнне каждой половииы, нзображающими волосатые морды львов.

Шофер выскочнл нз кабнны н услужлнво распахиул дверцу машнны перед Саблнным.

— Прошу вас, сэр,— сказал ои.— Мы прнехалн. Это дом военного миинстра лорда Черчилля.

Посол, опираясь иа плечо шофера, тяжело вылез из автомобнля, подошел к привратнику, сндевшему в будке у ворот, и назвал себя. Тот распахнул перед ннм калнтку.

— Пожалуйста, милорд! — сказал он и, пропуская гостей, нажал кнопку звонка.

Саблин и Константин направились к большому старинному одноэтажному каменному дому, стоявшему в глубине двора. Предупрежденный звонком, швейцар уже гостеприимно распахнул перед ними широкую стеклянную дверь.

Раздевшись в обитой дубом передней, сопровождаемые лакеем, Саблин и Константин прошли мимо двух бронзовых рыцарей в латах, в застывшей позе стоявших с факелами у дверей, ведших в огромный освещенный зал.

— Прошу, милорды, в кабинет,— сказал лакей и открыл перед поздними визитерами тяжелую резную дверь.

В просторном кабинете стоял полумрак. Пахло хорошим табаком и мятой. При их входе из-за письменного стола поднялся светловолосый мужчина средних лет и сделал несколько шагов навстречу.

— Приветствую вас, джентльмены,— слегка поклонился он.

— Хэлло, милорд! — подал ему руку Саблин.— Познакомьтесь, сэр, с посланцем тихого Дона полковником Ермаковым.

— Весьма рад,— пожимая руку Константину, сказал Черчилль.— Прошу садиться, господа. Курите,— указал он на раскрытую коробку с гаванскими сигарами.

Взяв сигару и срезав кончик ее, Константин закурил и с любопытством окинул взглядом Черчилля.

Ничего особенного в Черчилле не было. Походил он на мелкого банковского клерка. Было Черчиллю лет сорок пять. Среднего роста, с небольшими светлыми усами, он уже начинал немного полнеть.

— По-английски говорите? — спросил Черчилль у Константина.

— Немного. Но за то время, что прожил у вас, в Лондоне, я стал говорить и понимать значительно лучше.

— Практика,— улыбнулся Черчилль.— Вы простите, полковник, что я вас задержал,— с любопытством разглядывая Константина в его казачьей форме, проговорил он.— Был занят. Мы, высшие чиновники британского правительства, часто не располагаем собой...

— Это же закон,— подобострастно подхватил Саблин.— Чем выше человек занимает пост, тем занятее он бывает.

Свет от настольной лампы мягко падал на лицо Черчилля. Он сидел спиной к огромному шкафу из красного дерева, заполненному книгами с золочеными корешками. Над шкафом висел большой портрет в тяжелой бронзовой раме какого-то сановного мужчины в средневековом одеянии.

— Я,— сказал Черчилль,— читал ваши статьи, полковник, в нашей прессе. Хорошие статьи. Они раскрывают перед чита-

телем правдивую картниу действительиости теперешней России... Мне хочется задать вам несколько вопросов. Вы разрешите?

— Пожалуйста, господии министр,— наклоиил голову Констаитии.— Я вас слушаю.

— Мие бы хотелось знать, все лн иаселение Доиской области враждебно отиоснтся к большевикам и нх доктрние, или есть н такие слон, которые нм симпатнзируют?

— Почти все поголовно доискне казаки ненавидят большевнков,— ответил Константнн.— Другое дело нногородиее население... Миогне нз нногородних симпатнзируют идеям большевиков...

— Что зиачит «иногородиее население»? — спроснл Черчилль.

Коистантии пояснил. Завязалась беседа. Черчилль много и подробно расспрашнвал Константина о положеннн иа Дону, о Россни, запнсывал в блокнот его ответы.

— Не хотнте ли коиьяку? — вдруг спроснл он у своих гостей. И, не дожндаясь ответа, подошел к одному нз виушительиых шкафов, достал оттуда графнн с коньяком и три хрустальные рюмкн.

— Люблю коиьяк,— сказал Черчилль, разливая из графина по рюмкам.— Полезен для здоровья. Прошу!

Выпилн и сели в кресла.

— События в Россин,— проговорил он,— иачниают быстро нарастать, н, я скажу, нарастают они в правильном иаправлении. Правда, большевистскнм силам несколько удалось повлнять на наши обороннтельиые позиции на Севере России, ио армия генерала Майкарда сильно ие пострадала. То же самое и на Юге Россин. Армия геиерала Деиикина оправилась от иедавних неудач благодаря огромиой помощи оружием и сиарядами, которые она получает из Аиглии. Мы послали полное снаряжеине на двестн пятьдесят тысяч солдат... В Балтике имеется уже достаточное колнчество войск под ружьем, чтобы взять Петроград н нсключить возможность доступа большевиков в Балтийское море; нужны только поддержка британского флота, вооружение, в особенности артиллерией, и снабжение съестиымн продуктами граждаиского населения Петрограда.

Решительные врагн большевизма многочнсленны как внутри России, так и за ее границами, поэтому даже самые предубежденные не могут претендовать иа то, чтобы к большевикам относились, как к фактическим представителям России... Я прошу передать там, на Дону, мои слова: пока я жив, пока я нахожусь у властн, я не перестаиу помогать истнннo русским людям в нх борьбе протнв злейшего врага человечества — большевизма. Можете передать в Новочеркасске своему президенту нли атаману, как он у вас называется, что помощь Англии будет ощутима. Для того чтобы вам прнехать на Дон не с пу-

стыми руками, мы снарядим корабль с вооружением для Донской армии. Вы сами поведете этот корабль...

Из-за приоткрытой двери прозвучал приятный женский голос:

— Я вам не помешаю, господа?.. Можно?

— Климентина, вы? — посмотрел Черчилль на дверь.— Входите, пожалуйста, мы деловой разговор закончили...

В кабинет вошла высокая красивая блондинка лет тридцати пяти, одетая в элегантное черное шелковое платье. По кабинету тотчас же распространился легкий аромат лаванды.

— Моя жена,— представил ее Черчилль.— Посол России мистер Саблин. Донской полковник, мистер...

— Ермаков,— почтительно подсказал Саблин.

— Вы желали посмотреть живого казака,— улыбнулся жене Черчилль.— Так вот он, любуйтесь.

Константин встал и поклонился.

Англичанка быстрым взглядом окинула его и сказала:

— Сейчас ведь столько говорят о Доне, о казаках, что мое любопытство и интерес оправдываются. Я в последнее время много читала о донских казаках. Народ этот очень привлекательный, храбрый и воинственный. Как бы мне хотелось побывать у вас, на Дону, познакомиться с вашим народом, обычаями...

— Приезжайте,— снова поклонился Константин.— Будем рады вас встретить хлебом-солью, по русскому обычаю...

— Спасибо! Не знаю точно, когда именно, но постараюсь у вас побывать...

Поговорив еще с четверть часа, Саблин, а вслед за ним и Константин встали.

— Не осмеливаюсь вас задерживать, джентльмены,— встал Черчилль.— Британско-Русский клуб пригласил меня на обед. Надеюсь, увижу вас там?

— Да, сэр,— сказал Саблин,— я на этот обед приглашен. Но вот... к сожалению, полковник Ермаков — нет...

— Как же так! Мистера Ермакова непременно надо пригласить. Я там выступлю с речью, и он должен меня послушать. Постараюсь полнее высказать свое отношение к русскому вопросу... Я подскажу своему секретарю, чтобы прислали приглашение полковнику на обед.

XI

Через два дня к отелю «Конститьюшн» стали подъезжать автомобили.

В этом отеле правление Британско-Русского клуба заарендовало зал для обеда, и вот теперь на этот обед съезжались приглашенные.

В четверть восьмого за столами, составленными в виде

буквы «Т», накрытыми белоснежными накрахмаленными скатертями и уставленными сверкающей всеми цветами радуги хрустальной посудой, сидело около трехсот членов клуба и гостей. Целый отряд официантов бесшумно роился вокруг них.

Рядом с русским послом Саблиным сидел Константин Ермаков, чувствовавший себя несколько смущенно в обществе английских джентльменов. На этот раз он, как и все, был одет во фрак. Как и у всех, у него так же сверкали накрахмаленные манжеты и воротничок.

При всеобщем торжественном молчании обед открыл краткой речью президент клуба бывший английский посол при царском правительстве Джордж Бьюкенен, недавно прибывший из Советской России. Этот небольшого роста, худощавый человек с лысеющей головой был хорошо известен присутствующим своей непримиримой ненавистью к Советской власти. Во время мировой войны Бьюкенен, пытаясь предотвратить революционный взрыв в России, оказывал ощутимую помощь определенным англо-фильски настроенным кругам партии кадетов и октябристов, стремившимся задушить революцию и установить в России конституционную монархию.

После Октябрьской социалистической революции Бьюкенен не успокоился. Британское посольство он использовал под убежище ярых контрреволюционеров, пытаясь при помощи их организовать заговор против Советского правительства...

В своей коротенькой речи Бьюкенен призвал присутствующих на обеде решительнее прийти на помощь России в ее трудный час «засилья большевиков».

Слово попросил Черчилль.

В зале воцарилась напряженная тишина.

— Сэр Джордж Бьюкенен, джентльмены! — сказал Черчилль.— Я очень рад, что в качестве гостя присутствую на этом обеде. Весьма важно, чтобы были предприняты все шаги для возбуждения интереса к России.

— Слушайте! Слушайте! — послышались возгласы сидящих за столом.

— Вы, сэр Бьюкенен, имели право упомянуть об услугах,— продолжал Черчилль,— оказанных Россией союзниками, ибо вы находились в Петрограде и видели все своими глазами и хорошо знаете, что если это даже забывают современники, то история занесет в свои скрижали, как русская нация бросилась в войну с Германией с единым желанием добиться победы в этом правдивом деле.

— Да здравствует Россия! — гаркнули голоса.

— Мы хорошо знаем,— продолжал Черчилль,—что Париж не был бы спасен и битва на Марне могла бы быть проигранной, если бы русские войска еще при императоре Николае не бросились вперед, жертвуя своею кровью, пролитой потоками. Мы этого забыть не можем.

— Правильно!.. Правильно! — снова раздались голоса за столом.

— Я проникнут желанием,— продолжал Черчилль,— в это переполненное волнующими событиями время указать на то, чтобы британская нация не упускала из виду того важного значения, которое имеет для нее Россия. Значение России для всех народов является в высшей степени важным фактом.

Я никак не могу вырвать из своего сердца чувства беспокойства ко всему происходящему в России, чувства глубокой тревоги перед той опасностью, которой подвергаются Державы Согласия вследствие того, что происходит в России.

Моя политика по отношению к России не личная, а междусоюзническая. Великие результаты, последовавшие за поддержкой, которую мы сочли справедливым оказать России, доказывают, что если бы Державы Согласия с самого начала приняли все меры для поддержки России, то ее положение было бы теперь восстановлено.

Последний год мы видели, как создались армии адмирала Колчака и генерала Деникина. Прошло меньше года, и эти войска развили силу серьезного фактора. Они удерживают на своем фронте трехсоттысячную армию большевиков...

Позвольте, милорды и джентльмены, обратить ваше внимание на такой факт. Повсюду победоносные армии разоружаются, а большевики нет. Они, наоборот, вооружаются, увеличивают свои вооружения.

Если бы в течение последнего времени мы не успели вызвать к существованию армии Колчака и Деникина, то все наше дело как в политическом, так и в других отношениях в Восточной Европе было бы перевернуто вверх ногами. И если когда-либо в будущем эти армии будут уничтожены, то произойдет такое несчастье, которое не может не коснуться нас. Поэтому, когда нам в Британии говорят: «А какое нам до этого дело, в чем это может нас касаться», мне всегда приходит на память сказка, которую я слышал в детстве, о двух людях, отправившихся на охоту за диким зверем. Один охотник вошел в пещеру, а другой остался снаружи у входа, и когда возвратившийся зверь бросился в пещеру, то охотник, оставшийся у входа пещеры, схватил его за хвост и с большим трудом удерживал его у отверстия. Охотник в пещере спросил: «Почему это у входа стало так темно?», на что охотник снаружи ответил: «Вот, если хвост оборвется, тогда сразу узнаешь, отчего потемнело...»

По залу пробежал смех.

— Я рассматриваю этот вопрос с британской точки зрения. Мы видим, что две великие ветви человеческой семьи — славяне и тевтоны — погружены в бездну несчастья; одна из ветвей — наша верная, но несчастная союзница, другая — наш непримиримый враг. Большевики становятся более практич-

ными, они намереваются наладить контакт с Германией. Подумайте, к чему это может привести. А вдруг от Китая до Рейна сможет образоваться огромная сплошная масса людей, с ног до головы вооруженная и одушевленная страшной ненавистью к Державам Согласия!

Я считаю своей обязанностью высказать это предупреждение, чтобы в предстоящие годы имелось свидетельство, что эти факты не были скрыты от британского общества.

— Слушайте!..— пронеслось по залу.— Слушайте!..

— В настоящее время Россия является решительным фактором в мировой истории. Спасение России — первейшая обязанность Лиги наций. Россия, как и все великие державы, несокрушима. Но мы не можем ее спасти одни. У нас, в Британии, недостаточно сил...

— Слушайте! — передалось из уст в уста.— Слушайте!

— Если Лига наций не сможет спасти Россию, то Россия в своей агонии разрушит Лигу наций,— с горечью воскликнул Черчилль.— Я говорю всем легкомысленным и простосердечным: «Вы можете покинуть Россию на произвол судьбы, но Россия нас не может покинуть».

— Слушайте!.. Слушайте!..

— Когда я ехал сюда,— продолжал Черчилль,— на улицах царило веселье. Но я видел рядом со счастливыми толпами нашего народа темную фигуру русского медведя. Он шел, переваливаясь, на своих окровавленных лапах через степи, снега, и он тут с нами, в нашей среде. Его тень ложится везде и на всем. Он стоит на часах снаружи, у дверей залы совета союзников. В галерее зеркал, в Версале, видно его отражение. Мы чувствуем его присутствие и здесь, на нашем вечере...

Мы не можем перестроить мир без России. Вы не можете идти по пути победы и благоденствия, оставив без внимания эту огромную часть человеческой расы, страдающей, испытывающей ужасные мучения и поверженной в тьму варварства...

— Слушайте!.. Слушайте!..

— Я взываю к тем, кому дорог будущий мир всего мира, взываю к великим державам-победительницам и их вождям, пользующимся народным доверием, взываю к Лиге наций, чтобы они тщательно рассмотрели положение России и одним объединенным сконцентрированным усилием избавили бы русский народ от его тягостной участи и восстановили мир в измученном мире...

При громких криках одобрения и бурных аплодисментах Черчилль сел. Потом, как будто о чем-то вспомнив, он поднялся и поднял бокал с шампанским:

— Я пью, милорды и джентльмены, за восстановление могущественной нашей союзницы — России!.. За изгнание и уничтожение всех большевиков!

— Браво!.. Ура!..— подхватили голоса.— За Россию!.. Смерть извергам большевикам!

— Полковник,— шепнул Саблин Константину.— Вам надо будет выступить.

— А стоит ли? — спросил Константин.

— Как же, обязательно... Донской казак выступает на обеде английских джентльменов... Ведь это же сенсация!.. Эх, зря вы надели фрак, в казачьей форме было бы красочнее. Хотя так-то оно, пожалуй, и лучше... Пусть посмотрят, какие донские казаки — они нигде не теряются... Нет, вы все-таки обязательно выступите, поблагодарите...

— Ну, посмотрим тогда,— буркнул Константин.

— Разрешите мне сказать, господин президент,— поднялся высокий рыжеволосый британский полковник.

— Пожалуйста, сэр,— наклонил голову Бьюкенен.— Джентльмены, слово предоставляется полковнику Уорду.

— Сэр Бьюкенен, уважаемые джентльмены! — глуховатым голосом начал полковник.— Я думаю, меня здесь многие знают. Я простой рабочий, начал войну рядовым и вот, как видите, дослужился до чина полковника. Я только что вернулся из Сибири, где командовал британскими батальоном. И должен заявить здесь, что пребывание английских войск на русской территории не может быть рассматриваемо как враждебный акт против русского народа. Мы были в России как друзья, а не как враги. Все мы считаем, что человек, который может спасти Россию и конституционную демократию — это адмирал Колчак. Только он. Замечательно здесь говорил военный министр сэр Черчилль. Целиком и полностью я поддерживаю его речь... Все, что сделало английское правительство в отношении России, было решено сообща со всеми великими державами. Великобритания дала России большое количество снаряжения. Франция и Соединенные Штаты тоже хорошо помогли России. Большевики отняли у России две ценные вещи: мир и победу. Победа была близка, а мир был неизбежен. Но германцы подослали большевиков в Россию для того, чтобы они способствовали разрухе в стране. План этот удался. Россия вышла из строя, Восточный фронт ослабел, и от этого пострадали союзники. Забыть этого никак нельзя. Великобритания оказывала большое и дружественное влияние на Россию. Если все наши усилия приведут к победе, то нашей дальнейшей задачей является способствовать установлению правительства в России и помешать ей отдаться в руки Германии, заключить с ней соглашение. Если бы такое соглашение состоялось, то оно предвещало бы нам и нашим детям повторение тяжких страданий и страшной угрожающей опасности, которая ввергла бы весь мир в новую ужасную войну...

Выступило с речами еще несколько англичан с горячим призывом поддержать белогвардейцев в их борьбе с больше-

виками. Потом произнес речь Константин. Он поблагодарил военного министра Черчилля, Джорджа Бьюкенена и других выступивших за дружелюбное отношение к Донской армии.

— Но это не все, господа, один лишь ваши дружеские слова вряд ли нам помогут разбить большевиков,— сказал он.

В зале послышался хохот.

— Остроумно казак сказал... Тонко.

— ...Нам нужна более реальная помощь,— продолжал Константин.— Оружие нам нужно, солдаты ваши нам нужны, деньги!..

— Браво!.. Браво!..— хлопали в зале.

Обед в отеле «Констнтьюши» не зря был организован. Он имел последствия.

На Дон и к генералу Деникину было решено послать высшего английского комиссара Мак-Киндера с дипломатическим штатом. Парламент проголосовал за кредит представителям Юга России в их борьбе с большевиками в сумме двадцати пяти миллионов фунтов стерлингов.

XII

Английский лейтенант Джон Гулден жил на квартире у одной вдовы вместе с капитаном Ингомом. Третий их товарищ, летчик, капитан Картер, как об этом прошел слух, будучи в распоряжении командующего Донской армией генерала Сидорина, по его приказанию полетел в Воронеж к генералу Шкуро и пропал без вести.

Однажды, когда Гулден, лежа на диване, читал только что полученный из Англии журнал, в комнату ворвался возбужденный капитан Ингом.

— Лейтенант! — вскричал он взволнованно.— Какой же мерзавец Гарри Картер! Какую он гадость сделал!

Гулден приподнялся с дивана:

— Что же он сделал, капитан?

— Первую гадость он совершил, попав под Воронежем в плен к красным вместе со своим самолетом. А вторую — вот эту. Читайте! — сунул он ему московскую газету «Правда».— Впрочем, вы же плохо знаете русский язык... Я вам переведу: «Английский авиатор, капитан Гарри Картер, будучи послан на аэроплане с приказом командующего белой Донской армией генерала Сидорина в Воронеж, который в то время был захвачен белогвардейскими частями генерала Шкуро, по ошибке приземлился в расположении кавалерийской части товарища Буденного.

В беседе с нашим корреспондентом капитан Картер заявил:

«Англия никогда не должна вмешиваться во внутренние дела России». Он выразил искреннее сожаление, что ему, помимо своего желания, пришлось как офицеру подчиниться приказу своего начальника и прибыть в Россию для участия в борьбе белогвардейцев против народа Советской России.

Учитывая, что капитан Картер чистосердечно покаялся в своем проступке, совершенном по приказу высшего командования, и что он как военнослужащий не мог ослушаться этого приказа, Советское правительство сочло возможным отпустить капитана Гарри Картера в Англию».

— Как это вам нравится? — с сарказмом посмотрел Ингом на Гулдена.

— Картер струсил, а поэтому и солгал.

— В том-то и дело! — вскричал Ингом, с яростью бросая газету.— Какой дьявол его сюда посылал? Ведь мы же с ним добровольно изъявили желание поехать сюда, посмотреть донскую экзотику, поухаживать за красивыми казачками...

— Гарри это простительно,— сказал Гулден.— Он человек неженатый, а ведь вы, как мне известно, женаты... У вас, говорят, чудесная красивая жена...

— У меня жена действительно красавица,— самодовольно усмехнулся Ингом.— Но это мне не мешает иногда поухаживать за другими... А все-таки Гарри ловкий дипломат...

— А интересно,— насмешливо посмотрел Гулден на Ингома,— как бы вы стали действовать, если б попали в плен?

— Не знаю. Об этом я не думал, но, наверно, не стал бы лгать... Между прочим, Джон, у меня есть еще одна новость!

— Рассказывайте!

Вместо ответа Ингом торжественно развернул лондонскую газету «Таймс».

— Представьте, лейтенант, я послал отсюда своей Молли письмо,— стал рассказывать Ингом.— Молли прочла его своим знакомым. Кто-то из них рассказал о нем сотруднику «Таймс». В газете заинтересовались этим письмом, выпросили его у Молли и напечатали. Вот смотрите! Хотите, прочту?

— Читайте.

Ингом уселся на стол и с удовольствием стал читать:

«Моя дорогая!

Шлю тебе это письмо к твоему рождению и ко дню нашей свадьбы. А чтобы письмо это было более приятно, в дополнение к нему шлю немного денег. Купи себе на них новую хорошенькую шляпу, шелковые чулки и перчатки.

Эти два знаменательных дня я посвящу тебе. Знай, дорогая, что с утра до вечера в эти дни я думать буду только о своей Молли.

Жизнь моя здесь полна интересных приключений: я попал в армию полудиких казаков. Все они — лихие наездники, инте-

ресные, необычиые люди. Оии, как волшебники, выделывают на лошадях разные чудеса. Они совершают набеги в тыл большевиков за сотню километров, возвращаются очеиь довольные, с богатой добычей.

А теперь, моя дорогая, ндет серьезиая часть моего письма. Я хочу, чтобы ты заиималась военной деятельностью, хочу, чтобы ты ей отдавала хотя бы в деиь час или полчаса. Я хочу, чтобы моя Молли своей мыслью, словом, делом нлн пишущей машннкой наиосила вред мерзким большевикам. Я хочу, чтобы ты отдавала сердце и душу делу геиерала Деиикииа и его армии. Зиай, дорогая, если когда-либо н был крестовый поход, то он сейчас имеино здесь. Я со своей стороны вкладываю и буду вкладывать свое сердце н душу в дело органнзации таиковых отрядов против большевиков, в боевые действия против них, в собирание и отсылку тебе таких сведенний о большевнстскнх зверствах, которые ты, надеюсь, сумеешь куда иадо определить, чтобы оии заставляли нашу добрую старую Аиглию гореть возмущеннем и отвращеинем.

Буду посылать матернал н пнсьма также кузену Мнстертону. Я надеюсь и молюсь, что этими письмами и матерналами я пробужу в тебе н во всех наших друзьях горячий отклнк н энгузназм в пользу этого крестового похода.

Я тебе хочу указать на некоторые осиовиые пункты положения:

1. При помощн большевиков бошн все еще воюют протнв иас, но только более тонкими способамн. После перемирия онн ие потеряли иадежду на Россню. Оии продолжают организовывать большевизм в союзиых страиах. Оии ненавидят Деиикниа и борются против него потому, что Деннкнн ведет борьбу за еднную Россню, свободиую от германского влияния и эксплуатацин.

2. Если мы не победнм большевиков, то онн победят иас. Пока это не так еще заметио н чувствительио, но опасиость в том, что большевикн пустят против Европы китайцев, есть.

3. Большевикн объявили войну против христнанства. Евангелне для ннх является контрреволюцноиной книгой, подлежащей уничтожению. Они стремятся против христианскнх стран поднять все нехрнстианские племеиа и народы.

4. Большевики — дьяволы. В этом никакого не может быть сомнеиия. Посылаю тебе 64 фотографнн, снятые мною и другимн англнйскими офицерамн с плеиных большевиков и казии над нимн. Вглядись в эти лица. Разве не напоминают онн выражеиня сатаиы?

Я хочу, чтобы ты заказала копни с этих фотографнй. Я знаю, Молли, ты, навериое, для этого не нмеешь денег. Но я прошу, ие высылай мне посылок н употреби деньги иа распространение средн англичан этнх фотографий. Можешь даже продать мой кавказский книжал или персидскую книгу, а

деньги употребить на это. Эти фотографии заставят англичан понять. Они должны понять, черт возьми! Они поймут! Пора их разбудить.

Генерал Деникин начал свое дело, имея 403 офицера и 200 рублей.

С тысячью офицеров он освободил огромный район, с восемью же тысячами он опрокинул восемьдесят тысяч большевиков.

А теперь его армия многочисленна, но ей не хватает снабжения. Вот в этом-то мы и должны ей помочь. Каждая, самая малая помощь имеет значение. Я хочу, чтобы ты распропагандировала нашего милейшего Робинса и гальванизировала упрямого полковника и всех остальных, подобных ему.

Прощай, любимая.

Твой Чарльз Ингом».

Прочитав заметку, Ингом торжествующе посмотрел на Гулдена.

— Каково, Джон, а?

— Вы хотите знать мое мнение?

— Да.

— Поганое письмо.

— Что?! — даже отшатнулся в изумлении Ингом.— Как вы смеете?

— Не обижайтесь, Чарли,— примирительно сказал Гулден.— Я не хочу с вами ссориться. Я же только высказал свое мнение, вы сами об этом спрашивали.

— Нет, Гулден,— гневно заговорил Ингом.— Я вам этого не прощу. Никогда не прощу! Я вас понимаю. Вы просто симпатизируете большевикам, поэтому вам и не нравится, когда о них говорят правду... Я знаю, я заметил за вами...

— Что же именно вы заметили, капитан? — спокойно спросил Гулден.— Какие вы имеете подозрения?

— Вы что ко мне пристали, черт бы вас побрал! Это мое дело. Если потребуется, я все выложу кому следует.

— Знаете что, капитан Ингом,— подойдя к нему и глядя в глаза, спокойно сказал Гулден,— я вас не боюсь. Я не из робких. Вы говорите ерунду... А вообще, пошли вы ко всем чертям...

— О, нет! — распаленно вскричал Ингом.— Я вам не позволю оскорблять меня. Вы мой подчиненный... Я вам покажу!.. Я все раскрою,— и, сильно хлопнув дверью, выскочил из комнаты.

Гулден покачал головой. Он пожалел, что поссорился со своим начальником — можно нажить много неприятностей. Ингому ведь известно о том, что Гулден возил с собой в Таганрог на прием Марину, которая сейчас арестована деникинской контрразведкой как заподозренная в большевизме... Если Ин-

том возбудит дело против Гулдена, обвиняя его в связях с большевиками, молодому лейтенанту не сдобровать.

Шагая по комнате и думая об этом, Гулден сожалел о том, что произошло.

В последнее время Гулден через Марину тесно связался с Семаковым и Виктором. Он выполнял их поручения, вел работу среди иностранных солдат и офицеров за возвращение домой, в свои страны, распространял среди них большевистские прокламации на английском и французском языках, печатаемые Ростово-Нахичеванским подпольным комитетом. Он не хотел, чтобы оборвалась эта связь. У Гулдена уже была своя крепкая надежная группа из английских и французских солдат, которая помогала ему в его работе.

XIII

Как-то, вскоре после ссоры с Ингомом, который на второй же день перебрался от него на другую квартиру, Джон Гулден решил поехать в Ростов повидаться с Семаковым или Виктором. Весело насвистывая, он отправился на вокзал. Пришел он туда в то время, когда поезд, курсирующий между Новочеркасском и Ростовом, уже тронулся. Гулден на ходу ухватился за поручни и вскочил на подножку вагона, не заметив, как Ингом, переодетый в штатское платье, следовавший за ним по пятам, вскочил на подножку второго вагона.

В Ростове с вокзала Гулден направился на квартиру Виктора, где он иногда встречался с Семаковым. Виктора дома не оказалось. Хозяйка пояснила, что квартирант ее скоро должен прийти, и предложила англичанину подождать его.

Гулден прошел в комнату Виктора и стал просматривать старые экземпляры журнала «Огонек», лежавшие на столе.

Прошел час, Виктор не приходил. Гулден решил, что ждать он больше не будет, и встал, намереваясь уходить. В это время в передней послышались мужские голоса. Гулден оживился: верно, идет Виктор, и он снова присел. Распахнулась дверь, в комнату ворвалось несколько белогвардейских офицеров.

— Руки вверх! — заорали они на Гулдена, наставляя в него дула револьверов.

Англичанин в недоумении поднял руки.

— В чем дело? — спросил он по-русски.

— Обыскать его! — приказал старший офицер в капитанских погонах.

Два прапорщика и один поручик начали обшаривать карманы Гулдена.

— Я — англичанин,— кричал он.— Я протестую!.. Вы не имеете права!..

На протесты Гулдена никто не обращал внимания.

— Так разрешите его в тюрьму отправить? — спросил капитан, оборачиваясь к кому-то.

Гулден гляиул туда и вздрогиул. Он встретился с серыми глазами своего начальиика Ингома.

— Да, да,— кивнул Ингом, давая согласие контрразведчику.

...Виктор стоял иа углу улицы и взволиованно иаблюдал, как коитрразведчики ворвались в его квартиру, вывели Гулдена. Он пошел вслед за ними.

Убедившись в том, что Гулдена отвели в тюрьму, Виктор сейчас же разыскал Семакова и рассказал ему об аресте англичанина.

— Ах ты, черт! — выругался Семаков.— Большая неприятиость. Надо выручать.

— Я думаю,— сказал Виктор,— его как иностраиного офицера должны иемедлеиио выпустить.

— Ой, вряд ли! — с сомнеиием покачал головой Семаков.— Кто узнает, что этого англичаниина арестовали? Контрразведчики умеют хоронить концы в воду.

— Мы сообщим! — сказал Виктор.— Мы распростраиим листовку о том, что коитрразведчики арестовали английского офицера... А притом Марина говорила, что у Джона Гулдена в Новочеркасске есть товарищи — английские офицеры, с которыми он жил вместе иа квартире. Надо им иемедленно сообщить об аресте Гулдена, оии поставят всех на ноги, постараются освободить его из тюрьмы.

— Это, пожалуй, правильно, крестник,— согласился Семаков.— Поезжай в Новочеркасск и сообщи им об аресте их товарища. Самому-то тебе к иим не следует ходить, а через когоиибудь сообщи.

— Можио через Трубачева,— сказал Виктор.

— Это тот самый товарищ, который помогал выручать иас из тюрьмы?

— Да,— кивиул Виктор.— Тот самый. Только не знаю — в Новочеркасске ли он еще. Если его не найду, то сообщу англичанам через сестру Катю...

— Ладно. Действуй, только быстро... Послезавтра мы сделаем попытку освободить из тюрьмы иаших товарищей, в том числе и твою Марину, а если удастся, и англичанина.

Но из их намерения ничего не получилось.

Вечером они от Колчанова узнали, что состоялся закрытый военно-полевой суд, который приговорил Клару Боркову и других подпольных большевиков к смертиой казни. Приговор уже приведеи в исполнеиие.

— А Марина? — с замираиием сердца спросил Виктор.

— Про нее ничего точно не знаю,— уклончиво сказал Колчанов.

Виктор опустил голову.

XIV

После трехдневного отдыха в Воронеже Буденный отдал приказ о наступлении корпуса в направлении Касторная — Курск. Для успешного выполнения этой задачи конному корпусу придавались 12-я и 16-я стрелковые дивизии VIII армии.

С рассветом 27 октября десятка два орудий и десятка три станковых пулеметов, расставленных по левому берегу Дона, разом начали обстрел правого берега, где укрепились белогвардейцы.

В кустарниках краснотала, обильно разросшегося по берегу, скапливались кавалерийские полки, готовясь к переправе через Дон.

Белые артиллеристы били по красноталу фугасными снарядами и шрапнелью. От разрывов и осколков река клокотала.

По песчаному берегу с криками и шумом рассыпались молодые солдаты, длинными шестами подбирая из воды оглушенную рыбу.

— Го-го-го! — торжествующе размахивал огромным сазаном дюжий детина с белесым чубом.— Бачьте, товарищи, який сазаиюка. Вот це будэ обед, так вже обед!..

— Глядн, Микола, сам не пойдн иа обед к рыбам,— предостерегал его красноармеец, выглядывавший из краснотала, словно там он сидел за стальной броней.

— А що зробишь, як убье? — хладнокровно пожал плечами парень с белокурым чубом.— На то ж воио и смертоубийство, братику...

В другой группе, посматривая на правый берег, где засели белые и откуда сейчас с душераздирающим воем и визгом неслись снаряды, бойцы вели неторопливый разговор:

— Смотри, как беляки-то строчат.

— Должио, более тысячи снарядов выпустили беляки по иас.

— Какой там тысячу, небось уже две...

— Это они от паники, проклятые.

— Чуют, гады, что мы переправляться задумали.

— Да ныне-то вряд ли будем переправляться.

— Ежели приказ будет, то и переправнмся в одии мах.

— Глянь, братцы!.. Никак, сам Буденный!

— Он!

По берегу скакал Буденный на Казбеке в сопровождеиии Зотова, Дундича, Лемешко и ординарцев.

— Ура-а! — кричали коиники, размахивая шапками.— Ура-а Буденному!

— Где начдив четвертой? — спросил Буденный у красиоармейцев.

— Я — начдив четвертой,— подскакал на сером горячем коие Городовиков к Буденному.

— Как с переправой? В чем задержка?

— Только что разыскали брод... Комиссар Ермаков подготовил первый полк к переправе.

— А иу покажи, где брод.

Городовиков молча поскакал вдоль берега. Будеииый последовал за иим.

У выгнутой дугой реки, иа мысу, Прохор рассматривал в бинокль противоположиый берег. Недалеко от него, в кустариииках, стояли коииики первого полка, готовые по его зиаку ринуться в реку, переправиться иа правый берег и с налету выбить белых с их позиций.

— Здесь выбрали переправу? — спросил Будеииый, подъезжая к Прохору.

— Да, товарищ комкор,— ответил Прохор.— Здесь самая удобиая переправа. Почти через всю реку лошади идут по диу. Вот только иа середиие сажеией двадцать придется плыть...

— Хорошо,— сказал Будеииый.— Дальше что вы думаете делать?

— Сейчас дам комаиду, поведу коииииков через Дои.

— Самому иет иеобходимости вести. Лучше, воеиком, проследи, как будут переправляться кавалеристы. А когда переправятся, тогда и сам переправляйся...

Будеииый виимательио оглядел в биiокль правый берег, заиятый белыми.

— Нет, друзья,— сказал ои, отиимая биiокль от глаз,— так ие годится. Если мы иачием сейчас здесь переправу, то у иас миого будет жертв иапрасных... Все виимаиие противинка сейчас привлечено сюда. Ока Иванович,— сказал он Городовикову,— пошли одии полк в село Кулешовку. Пусть ои сделает вид, что иамеревается там переправиться на правый берег. Этим маиевром мы отвлечем виимаиие противника отсюда, введем его в заблуждеиие. Как только белые заметят, что мы собираемся у Кулешовки переправляться через Дои, оии сейчас же отсюда оторвут часть войска и артиллерию и пошлют к Кулешовке. А иам только этого и иадо... Как только белые ослабят здесь свои силы, так мы сейчас же и устроим переправу. Поиятно? — посмотрел Буденный на Городовикова.

— Коиечио, поиятно! — воскликиул Городовиков.— О, и хитрый же ты, Семеи Михайлович!

— Правильио, хитрый,— согласился Будеииый.— А без хитрости и воевать иельзя. Ну, действуйте... Желаю успеха!

Как и предугадывал Будеииый, тактическая маскировка переправы удалась. Белые поддались иа обмаи и послали к Кулешовке зиачительиые свои силы, ослабив тот участок, где в действительиости красиыми была подготовлеиа переправа.

Получив приказ иачииать переправу, Прохор подал комаиду. Тотчас же людской и лошадииый поток хлыиул в реку. Весело завизжала гармоника. Мужские голоса подхватили:

Эх, яблочко, куда котишься,
Как в Дон попадешь, охолоиишься...

— О мати божья! Царица иебесная! — по-дурному орал чей-то визгливый голос.— Вода-то ледяиая, как в бане!..

— Ого-го... Эге-ге-ге!..

Старые кавалеристы, особеиио такие опытиые иаездиики, как донцы да кубанцы, подтяиув стремеиа, переправлялись стоя в седлах. Неопытные же молодые парни предпочитали плыть иа лошадях, ие слезая с седел. Другие в одежде плыли рядом со своими лошадьми, держась за хвосты, поводья или гривы.

Заметив переправлявшихся красиых коииикӧв, белые стали бить по иим из орудий урагаииым огием. То там, то здесь взвивались пеиящиеся фоитаиы воды, раскидывая вокруг мельчайшие брызги. Со свистом барабаиил по воде шрапиельиый дождь. Пехотинцы VIII армии, стуча от холода зубами, живо отталкивали от берега плоты с оружием и одеждой и торопливо тяиули их к правому берегу.

Вниз по течению реки плыли людские и лошадииые трупы, тысячи крупиой и мелкой оглушенной рыбы.

— Давай музыку! Давай музыку! — стоя в седле, хрипло орал какой-то дюжий конник с огромным чубом.

— Гроб с музыкой!..— подхватил второй, перекрещеииый пулеметными леитами.

— Даешь вальсу! — крикиул еще кто-то.— Вальсу.

Поблескивая медью труб, иа мохиатых белых лошадках стоял иа берегу музыкаитский взвод. Старый усатый капельмейстер взмахиул руками, словио иамереваясь взлететь иад рекой. Духовой оркестр гряиул «Девятый вал».

— Ура-а! Ура-а!..— разиеслись по реке торжествующие крики.

— Даешь, хлопцы, с музыкой прямо в рай небесный! — хохотал усатый кавалерист.

На грузных вороиых лошадях к реке подскакали артиллеристы и с разгона потащили пушки в воду. Вскидывая по сторонам мириады брызг, галопом влетели в воду четверки вспеиенных коней, впряжеииых в пулеметиые тачанки.

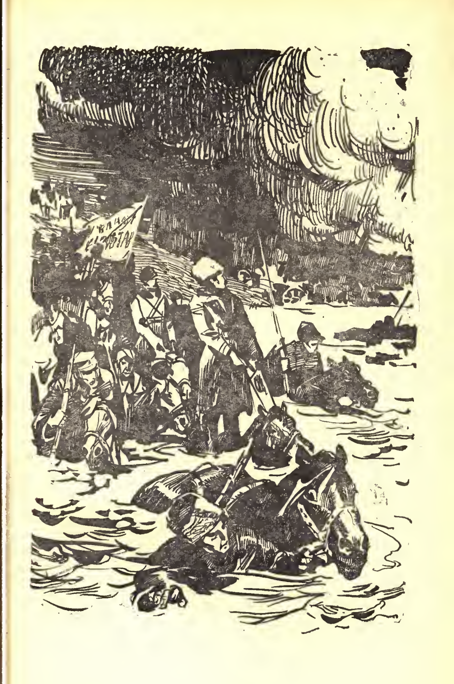
Закоичив переправу первого полка, Прохор, подтяиув короткие стремеиа, встал в седле и троиул жеребца. Но конь ие пошел в воду.

— А ну-ка, дай ему плетей,— сказал Прохор своему ординарцу.

Казак раза два ожег жеребца плетью. Жеребец взвился иа дыбы и ошалело рваиулся в реку, чуть ие сбросив в воду Прохора. Но Прохор устоял в седле. Вокруг раздались одобрительные возгласы коииико̀в:

— Вот это воеџком так воеиком!

— Молодчага!



— Казак же! На коне и вырос.

Теперь через Дон стали переправляться другие полки. Духовой оркестр, не переставая, гремел.

— А ну повеселей что-нибудь! — крикнул Буденный музыкантам.— Повеселей!.. А то ребятам холодно переправляться.

Оркестр грянул «Барыню». Буденный удовлетворенно кивнул головой и, крутнув коня, поскакал на холм, с которого и стал наблюдать за переправой.

С реки нестройно запели простуженные голоса:

Барыня с перебором,
Ночевала под забором...

Переплывая реку, некоторые конники ухитрялись под забористый знакомый мотив, стоя в седлах, выбрасывать замысловатые коленца, вызывая вокруг веселый смех товарищей.

Глядя на переправлявшихся через Дон кавалеристов, Буденный задумчиво улыбнулся, тихо проронил:

— Ну как с ними не победить врага!

С правого берега доносились далекие раскаты «ура».

— Товарищ комкор,— сказал Дундич,— вы слышите?

— Слышу, Олеко,— кивнул Буденный.— Наши сражаются с белыми. Наверно, разыгралась жестокая битва. Надо ехать туда...

Встав на перекинутые через седло стремена, Буденный подобрал полы бекеши и поплыл на Казбеке через реку. Вслед за ним последовали и все сопровождавшие его командиры и ординарцы...

А на правом берегу Дона действительно разыгралась ожесточенная, кровопролитная битва. Полки генералов Шкуро и Мамонтова укрепились здесь прочно...

Десять суток, днем и ночью, гремели бои. Земля стонала от орудийного гула. Взбешенные конные лавины, как штормовые волны, налетали друг на друга. Взблескивали клинки, звенела сталь, лилась потоками кровь.

От беспрестанных битв солдаты обеих враждующих сторон так устали, что едва держались на ногах.

И все это было пока еще только преддверием к страшным кровопролитным битвам.

XV

После напряженного боя, который вела 10 ноября 6-я кавдивизия Тимошенко, отбившая у белогвардейцев много трофеев, Буденный распорядился дать своему корпусу отдых.

Ударили крепкие морозы. Все кругом покрылось гололедицей. Завыли метели, понесла поземка. Буденный приказал немедленно подковать лошадей и починить сбрую.

В то время, как солдаты отдыхали, комкор и его штаб готовились к решительному сражению у Касторной.

В касторненскую группу белых, которой командовал генерал Постовский, помимо корпусов Шкуро и Мамонтова, входили отборные офицерские батальоны, марковский и алексеевский полки с танками и бронепоездами, только что подошедшая с Дона свежая 12-я казачья кавалерийская дивизия и многие другие.

15 ноября корпус Буденного пошел в наступление.

Разыгравшаяся метель слепила глаза. Порывы ветра валили солдат с ног.

Штаб корпуса расположился в деревне Стадинце. Буденный сидел за столом в крестьянской хате, при свете маленькой керосиновой лампы просматривал сводки боевых действий, присланные нарочными. В углу у кровати телефонист возился с аппаратом.

В клубах пара вошел недавно прибывший в корпус ладный, в щегольской кавалерийской шинели наштакор Погребов, красный, белокурый мужчина лет тридцати трех.

— Разрешите доложить,— товарищ комкор,— сказал он, вытягиваясь перед Буденным.

— Докладывайте,— кивнул Буденный.

— На участке четвертой и шестой наших дивизий,— проговорил Погребов,— бои идут с переменным успехом.

— Чепуха! — раздраженно оборвал его Буденный.— Не может быть того, чтобы бои шли с переменным успехом. Они должны идти только с нашим успехом. Понимаете, наштакор, только с нашим! Впрочем, мы сейчас с Зотовым сами поедем и посмотрим, что там делается. Степан Андреевич,— обратился он к Зотову, читавшему какую-то книгу.— Поедем, а?

— А как же, Семен Михайлович,— отозвался тот, закрывая книгу,— конечно, поедем.

Одевшись, повесив через плечо шашки и пристегнув к поясам кобуры с револьверами, Буденный и Зотов вышли из хаты. У крыльца Фома Котов уже держал под уздцы заиндевелого, пофыркивающего Казбека. Буденный вынул из кармана кусок сахара и подал на ладони коню. Казбек подхватил бархатными горячими губами, и сахар захрустел на зубах. Взявшись за луку, Буденный сел в седло. Казбек почувствовал седока, легко танцуя, переступил несколько раз на своих тонких, выточенных ногах и вдруг сразу же, с места в карьер, рванулся по улице. Зотов и два ординарца едва поспевали за Буденным.

Кавалькада вырвалась из деревни, проскакав несколько по завьюженному полю, взобралась на курган. Буденный пытливо оглянул открывшуюся перед его взором панораму разыгравшегося сражения. На заснеженном гребне смутно угадывалась окопавшаяся белогвардейская пехота. Позади нее, попыхивая дымками, курсировали бронепоезда.

Буденный сосредоточенно водил объектив бинокля по полю, по синим сугробам. Порывы ветра с бешеной свирепостью взвывали вокруг, поднимая и крутя столбы снежной пыли.

— Степан Андреевич,— обернулся Буденный к Зотову,— где же наши полки?.. Не вижу.

Зотов недоумевающе пожал плечами. Подъехавший Дундич крикнул:

— Товарищ комкор, начдив четвертой скачет!

— Вот он нам сейчас и скажет,— буркнул Зотов, взглянув на подъезжавшего Городовикова.

— В чем дело, начдив? — тревожась, спросил Буденный Городовикова.

— Беда, Семен Михайлович,— выдохнул тяжело Городовиков.— Никак нельзя взять Касторную. Оборона у белых крепкая, не подпускают, черти... Бронепоезда у них да танки. А пехота ихняя, как медведь, залегла в снегах, и с места ее не сдвинешь...

— Сколько у них пехоты?

— Примерно полка четыре... До пяти тысяч, должно быть.

— Что за неопределенность такая! — вспылил Буденный.— «Примерно» да «должно быть»... Ты мне говори точно.

— Точно не скажу,— вздернул плечами Городовиков.— Не знаю.

— Вот что, начдив Городовиков,— сурово произнес Буденный,— белогвардейскую пехоту непременно выбить из окопов. Придвинь по складкам местности побольше эскадронов, а потом внезапно атакуй врага. Понял?

— Понял, товарищ комкор,— сказал Городовиков.— Я думаю, может быть, перенести удар на Суковкино...

— Меньше рассуждай, начдив,— сердито прикрикнул на него Буденный.— Езжай быстро, выполняй приказ!

— Есть выполнять приказ,— козырнул Городовиков и, сжав шенкелями жаркие бока коня, помчался в бушующую степь.

Буденный молча проследил за ним, пока тот не исчез в снежной мгле.

— Ну и погодка разыгралась,— покачал головой комкор и отвернул воротник бекеши. Он снова стал смотреть в бинокль.— Ничего не видно. Метель крутит, несет... Степан Андреевич,— обратился Буденный к Зотову,— а я зря, должно быть, накричал на Городовикова.

— Почему?

— Да я вот сейчас подумал: он, наверно, прав.

— В чем?

— Да в том, что надо перенести удар на Суковкино. Как вы думаете?

— Не знаю, Семен Михайлович.

— Давайте карту посмотрим.

Зотов достал из кожаной сумки карту, пытался развернуть, ио ветер злыми порывамн рвал ее из рук.

— А иу, хлопцы, становитесь вокруг! — приказал Буденный своим ординарцам, адъютаитам и всем присутствующим на кургаие.— Делай затишку.

Всадники плотиой стеиой повериулнсь против ветра. Около них образовалось затишье. Зотов развериул карту. Будеиный стал смотреть.

— Поинмаете ли, в чем дело, Степаи Аидреевич,— бурчал ои, водя пальцем по карте.— Тут вот позиции генерала Постовского... Тут укрепились полки Шкуро... Тут расположнлся Мамоитов с полкамн. Понимаете ли, в чем дело, они хотят зажать иас в подкову... Но черта два! Мы должиы эту подкову сломать... И сломим... Сейчас пошлем одиииадцатую днвнзню в обход с севера иа лниию Касторная — Мармыжи... Шестую пока оставим иа месте... Сибирскую бригаду оставим вот здесь заслоиом. Четвертая будет продолжать атаку в лоб иепрнятельской пехоте, а потом мы поверием ее на Суковкнио, как н говорил Городовиков. Ои правнльно говорил. Остальные частн будут вести иаступлеине иа станцию Суковкнно... Пишите, Степаи Андреевич, приказ.

Пока Зотов, пристроившись на кожаной сумке, царапал караидашом приказ начднвам, Буденный снова обозревал в бниокль местиость.

Было слышно, как бнли из пушек курснрующне по линни броиепоезда. Залнвчато стучали пулеметы. То там то сям вдруг по полю вспыхнвала ожесточеиная ружейная стрекотня, а потом угасала...

— Написали? — спроснл Буденный, не отрываясь от биноккля.

— Написал.

— Читайте!

Зотов прочитал.

— Правильно! — сказал Буденный.— Давайте подпишу, н посылайте, жнво!

— Ординарцы, ко мне! — крнкиул Зотов.

Орднарцы, в том числе и Фома, подскакали к Зотову.

— Этот пакет — в шестую,— приказал ои одному орднарцу.— Этот — в однниадцатую,— подал пакет он второму.— А ты, Котов, езжай к Городовикову. Да сейчас же возвращайтесь.

— Ай да молодцы! — вдруг весело закрнчал Буденный, смотря в биинокль.— Смотрите, Степаи Андреевнч, наши в атаку пошли! Смотрите, Дуидич!

Зотов, Дундич, Лемешко и все остальные, у кого былн биноклн, посмотрели, куда указывал Будеиный.

По всему полю, от края до края, изгибаясь полукружнем, как штормовая волна, пеиясь взблесками шашек, стремительио

текла конная лава 4-й кавдивизии. Порывы ветра доносили до кургана многоголосый крик:

— А-а-а!.. О-о-о!..

Буденный взволнованно смотрел на мчавшихся конников.

— За мной! — крикнул он вдруг, пришпоривая Казбека.

— Куда, Семен Михайлович? — перекрикивая вой ветра, спросил Зотов, едва поспевая за мчавшимся комкором.

— На Суковкино,— указал Буденный на маячившую вдали станцию.

— Так она еще не взята.

— Когда доедем, уже будет взята,— сказал Буденный.

Комкор был прав. К вечеру станция Суковкино была захвачена красными конниками. Причем так неожиданно и стремительно, что многие белогвардейцы, находившиеся там, даже и не знали об этом.

Когда Буденный в сопровождении Зотова, Дундича, адъютанта и ординарцев подъехал к слабо освещенной керосиновыми фонарями станции, то оказалось, что весь вокзал был забит спавшими белогвардейцами.

— Обезоружить! — приказал Буденный, слезая с лошади.

— Есть обезоружить, товарищ комкор,— отозвался Дундич.— Пошли, друзья,— сказал он Фоме и другим ординарцам.

Ординарцы привязали лошадей к палисаднику и, взводя винтовки, направились за Дундичем в вокзал.

Буденный прошелся по платформе и, увидев над одной из дверей табличку с надписью «Военный комендант», шагнул к двери, на всякий случай вытащив из кобуры револьвер. Зотов рванул дверь. Буденный заглянул в нее.

При тусклом свете маленькой чадившей лампы сонный телеграфист лениво выстукивал ключом. Молодой казачий сотник, закинув голову на спинку деревянного диванчика, сладко всхрапывал.

— Отойди от аппарата! — негромко сказал Буденный телеграфисту. Телеграфист, выпучив глаза, уставился на Буденного.

— Я... я...— пролепетал он.

— Не бойся. Тебя никто не тронет.

Телеграфист со страхом поглядывал на входивших в комнату вооруженных людей.

Проснувшийся сотник ошалело смотрел на Буденного и его спутников, не понимая, что это происходит.

— Что такое? — рявкнул он, вскакивая.— Кто разрешил?.. Вон отсюда!..

Зотов сунул ему под нос дуло нагана. Сотник, поперхнувшись от неожиданности, отшатнулся, побелев, снова грохнулся на диван.

— Подождите, Степан Андреевич,— сказал Буденный.— Не трогайте его. Я с ним поговорю.

— Встань! — сердито прикрикнул Зотов на казачьего офицера.— Перед тобой ведь сам командир корпуса товарищ Буденный.

Трясясь как в лихорадке, сотник вскочил с дивана и вытянулся в струнку перед Буденным.

— Молодец! — засмеялся Буденный.— Знаете службу. Слушайте, сотник, я гарантирую вам жизнь, если вы откровенно, без утайки, будете отвечать на мои вопросы.

— Постараюсь... господин... командир,— козырнул офицер.— Я со всей душой, потому что... мой отец пролетарий...

— Кто же он? — поинтересовался Буденный.

— Машинист паровоза.

— Вы, сын рабочего, служите его врагам? — укоризненно спросил Буденный.— Хорошо, мы с вами об этом еще поговорим. Сейчас же давайте мне все ленты последних разговоров по линии... Живо!

Телеграфист подал Буденному депеши и ленты.

— Читайте! — приказал ему Буденный.— Только не врать!

Телеграфист стал читать ленты. Буденный внимательно его слушал, делая записи в своем блокноте.

Вбежал раскрасневшийся, взволнованный Дундич.

— Товарищ комкор! — весело вскричал он.— Белогвардейский бронепоезд захвачен!

— Кто захватил?

— Я и ваши ординарцы.

— Молодцы! — похвалил Буденный.

Прискакал ординарец с донесением от Тимошенко. Тимошенко сообщал, что он с бригадой стоит на подступах к Касторной.

— Напишите, Степан Андреевич,— сказал Буденный,— чтобы он до моих указаний не предпринимал никаких действий.

— Есть написать,— отозвался тот.

Распахнулась дверь, в комнату вошли заметенные снегом Городовиков с Прохором.

— Как дела? — спросил у них Буденный.

— Дела веселые, Семен Михайлович,— развязывая башлык и отряхиваясь от снега, сказал Городовиков.— Много пленных захватили... Спали, гады, без порток.

— Где твоя дивизия?

— Размещается по квартирам, замерзли все.

— Посты расставил вокруг станции?

— И посты расставлены, и разъезды ездят.

— Так вы, сотник, говорите, что в Касторной находится четыре бронепоезда? — снова возобновил Буденный допрос пленного комендачта станции.

— Так точно, четыре бронепоезда,— отчеканивал стоявший навытяжку белогвардейский офицер.

— Так-так,— что-то обдумывал Буденный.— Значит, че-

тыре. А связь со штабом генерала Постовского действует?

— Вот мой последний разговор со штабом генерала Постовского.

— Прочтите.

Сотник начал читать ленты. Из штаба группы Постовского предупреждали коменданта станции Суковкино, чтобы он был настороже, так как ожидается налет кавалерии Буденного. Далее сообщалось, что в целях укрепления станции Суковкино генералом Постовским приказано из корпуса Шкуро выслать три кавалерийских полка, а из Касторной один бронепоезд.

Буденный даже привскочил:

— Да что же вы мне сразу-то об этом не сказали? Когда, по вашим расчетам, должен прийти сюда бронепоезд?

— Минут через пятнадцать-двадцать сюда подойдет бронепоезд «Слава офицерам».

— А когда кавалерия придет?

— Кавалерия? — задумался офицер.— По сведениям, три полка кавалерии из корпуса генерала Шкуро вышли из села Бычок час тому назад... Подойдут сюда к рассвету.

— Отлично! — засмеялся Буденный.— Ока Иванович, и ты, Ермаков, идите-ка встречайте бронепоезд.

— Встретим,— сказал Городовиков и вышел из комендатуры. Прохор последовал за ним.

И пока Городовиков с Прохором загоняли в тупик белогвардейский бронепоезд, пришедший со станции Касторная, и обезоруживали команду, Буденный затеял разговор по телеграфу со штабом генерала Постовского.

— Штаб группы генерала Постовского вызывает начальника корпуса генерала Маркевича,— сообщил Буденному сидевший у аппарата телеграфист.

— Отвечайте,— сказал Буденный.— Генерал Маркевич у аппарата.

— Командующий группой генерал Постовский интересуется, как у вас дела,— передавал телеграфист.— По его поручению у аппарата дежурный по штабу подполковник Капустин.

— Отвечайте,— приказал Буденный телеграфисту.— Несмотря на снежную пургу, противник небольшими кавалерийскими соединениями атакует наши заставы у Суковкино. Но все его атаки с большими для него потерями отбиваются. Большую помощь оказывает нам только что присланный вами бронепоезд «Слава офицерам».

— Имеете ли вы связь с генералом Мамонтовым? — снова передал телеграфист вопрос подполковника Капустина.— Мы потеряли ее.

— Ответьте,— сказал Буденный,— что мы также потеряли с ним связь. Попробуем сейчас снова связаться. Тогда вам сообщим.

— Спасибо. Я, Капустин, буду ждать у аппарата.

— Теперь от имени генерала Мамонтова вызовите штаб Шкуро,— приказал Буденный телеграфисту.— Скажите, что Мамонтов со своим корпусом находится на станции Суковкино.

Телеграфист стал выстукивать. Почти сейчас же поступил ответ.

— У аппарата дежурный по штабу корпуса генерала Шкуро капитан Кубарев,— прочитал ленту телеграфист.— С кем имею честь говорить?

— Передавайте,— смеясь, диктовал Буденный.— У аппарата генерал Мамонтов. Прошу доложить генералу Шкуро, что я со своим корпусом терплю большие потери. Буденный стремится выбить нас со станции Суковкино. Отчаянно сопротивляемся. Вышлите на помощь бригаду. Со штабом Постовского держу связь.

— Иду докладывать генералу, не отходите от аппарата.

Буденный обвел всех находившихся в комнате искрящимися от смеха глазами.

Все засмеялись. Засмеялся даже пленный офицер.

Буденный заметил его усмешку.

— Как фамилия? — спросил он у сотника.

— Бирюков.

— Казак?

— Так точно.

— Как же это так — отец у вас рабочий, а вы пошли служить к генералам.

— Что поделать, господин Буденный,— вздохнул тот.— Мобилизовали. Я ведь из учителей...

— Всех вас «мобилизовали», когда круто приходится,— с укором сказал Буденный.— Откуда родом?

— Из Батайска.

— Служить стали бы у нас?

— С большой охотой,— оживился сотник.— Да разве ж вы меня возьмете?.. Ведь офицер я, расстреляете.

— Не говорите глупостей. Вы думаете, у нас в корпусе офицеров нет? Да вот — офицер,— показал он на своего адъютанта Лемешко.— Есть и такие, которые раньше служили у белых...

Стук аппарата Морзе прервал их беседу. Телеграфист стал читать:

— У аппарата дежурный по штабу капитан Кубарев.

— Передайте,— сказал Буденный,— у аппарата генерал Мамонтов.

— Генерал Шкуро приказал срочно выслать вам на помощь бригаду кубанских казаков. Информируйте нас о положении.

— Передайте генералу Шкуро мою благодарность,— сказал Буденный.— Информировать о положении будем. До свиданья.

Буденный прошелся по комнате, о чем-то думая.

— Вызовите Касторную,— сказал он телеграфисту.

— У аппарата дежурный по штабу подполковник Капустин.

— Я генерал Мамонтов,— диктовал Буденный,— у аппарата в Суковкино.

— Каким образом вы попали туда? — изумились в Касторной.

— Обстановка сложилась так, что я отошел в Суковкино,— снова продиктовал Буденный.— Передайте генералу Постовскому, что, по имеющимся у меня сведениям, крупные силы красных двинуты к Касторной. Они хотят во что бы то ни стало овладеть Касторной. Во избежание неприятностей, настоятельно рекомендую срочно отправить под прикрытием бронепоезда и надежной охраны все огнеприпасы, продовольственную и вещевую базы на Старый Оскол.

— Не отходите от аппарата,— ответили с Касторной.— Сейчас доложу генералу.

Аппарат замолк.

— Как будто клюет,— подмигнул Буденный только что прибывшему наштакору Погребову.— Вот будет потеха, если генерал Постовский пойдет на удочку и пошлет свои огнеприпасы, продовольственную и вещевую базы на Старый Оскол. Ведь это же для нас богатая добыча.

— Он не дурак,— возразил Погребов.— Не пошлет он, сообразит.

— Посмотрим.

Застучал телеграф.

— У аппарата подполковник Капустин,— сказал телеграфист.

— Отвечайте: у аппарата генерал Мамонтов.

— Командующий группой генерал Постовский благодарит вас за совет. Он приказал срочно направить часть грузов с огнеприпасами, продовольствием и обмундированием на Старый Оскол.

— Отвечайте: генерал Мамонтов просит держать с ним связь. До свиданья.

— До свиданья, подполковник Капустин.

— Я из всех вас рубленую капусту сделаю,— засмеялся Буденный.— Итак, товарищи, прошу подготовиться к встрече кавалерийских полков Шкуро. Разбить их поодиночке. Товарищ Погребов, послать немедленно кавбригаду на Старый Оскол. Надо перехватить огнеприпасы и продовольствие. Это нам будет полезно.

XVI

У белых под Касторной собрались значительные силы: одиннадцать полков пехоты и два конных корпуса — Мамонтова и Шкуро — двадцать два полка. Это во много раз превос-

ходило силы конного корпуса Буденного. Правда, корпусу была придана пехота. Но она еще была где-то далеко в пути. На нее пока рассчитывать не приходилось.

Станция Касторная стояла на выгодной возвышенности, с которой контролировалась вся местность. Станция так была укреплена, что казалась недоступной.

Буденный отлично понимал, что если сейчас же не атаковать белых, то они, окрепнув и отдохнув, сами начнут наступление. Этого допустить никак нельзя. Инициативу надо взять в свои руки. Но и начинать действия было невозможно. Обстановка сложилась явно не в пользу красных.

До этого беспрестанно лили дожди, всюду стояла вода. Потом вдруг ударили крепкие морозы. Местность всюду вокруг превратилась в сплошное ледяное поле. Всех лошадей не успели подковать, да и подков не хватило. И теперь многие лошади и шагу не могли сделать по такой гололедице. Из-за отсутствия дороги доставка огнеприпасов из базы снабжения почти совсем прекратилась. У конников патроны были на исходе, в батареях оставалось по десятку снарядов.

Несмотря, однако, на это, корпус деятельно готовился к штурму Касторной.

Однажды ночью Прохор с начдивом Городовиковым поехали в село Успенское, которое находилось верстах в пятисеми от Касторной. В селе этом расположилась 2-я бригада 4-й кавдивизии. Начдива и военкомдива сопровождали адъютанты и ординарцы. Ночь стояла темная, непроглядная. Лошади шли осторожно, постукивая подковами.

Командир бригады, донбасский шахтер, белобрысый здоровенный детина, Мироненко, расположился со своим штабом в небольшой школе. Склонившись над развернутой на парте картой-десятиверсткой, он при слабо мерцавшем свете фитилька, воткнутого в блюдце с подсолнечным маслом, водил по ней огромным, заскорузлым, пожелтевшим от махорки пальцем и шептал:

— Вот це Успенка, а вот це Косторна... Во туточки белы, а туточки наши...

Вошли Городовиков и Прохор.

— А а, товарищ начдив! — радостно приветствовал их Мироненко.— Доброго здоровьечка! Седайте к печке, погрейтесь...

— Нам тут у тебя нечего долго рассиживаться,— сказал Городовиков, снимая со своих длинных усов ледяные сосульки.— Докладывай, комбриг, каково у тебя положение?

— Да положение, товарищ начдив, такое...— начал было рассказывать Мироненко. Но в эту минуту в школу, не торопясь, вошел Конон Незовибатько. Скинув шапку, он поклонился:

— Здорово булы!

— Ты чого, Конон? — строго посмотрел на иего Мироненко.

— Да вишь яко дило, батько комбриг,— не спеша начал рассказывать Незовибатько.— Був я зараз с товарищами в разведке. Едемо мы по дорози, бачим — движется, ползе якийто воз чи стог сина, шут его разбере. Ни быкив, ни лошадей нема. Я оробел, думкую, може, це колдуи який... Едимо мы возле цього воза да балакаем, дивимся, що це за диковина така? А вони, гады, як застрекочут с того воза с пулеметов по нас... Присмотревся я до того воза, а вин и не воз, а сама настояща хата. Ей-богу, не брешу!.. А из цей хатины из дверей да окон палят из пулеметов. Одного нашего парня, гады, убили... Ускакали мы от той хаты да послали мене до вас иаши хлопцы. «Езжай, говорят, до батьки Мироненко. Нехай, говорят, побачит ту хатину. Може, вин с ней управится... »

— Що ты болтаешь? — вскипел Мироненко.— Ты пьян, чи що?

— Подожди, остановил его Городовиков.— Не ругайся, Мироненко. Расскажи-ка...

На улице захлопали беспорядочные выстрелы. Послышались крики, грохот колес.

— Це ж проклята хата сюда доковыляла! — вскричал Незовибатько, выбегая из школы.

Городовиков, выхватив из кобуры кольт, крикнул:

— За мной!

Все выскочили вслед за ним на улицу. В белесом тумане рассвета по улицам и на площади, у церкви, метались темные фигуры конников. Часть уже построенных эскадроном торопливо уходила из села в противоположном от Касторной направлении. Неистово нахлестывая лошадей и гремя колесами по кочкам, по улице мчались обозные солдаты на тачанках.

— Ах мать твою в три попа! — забористо выругался Мироненко.— Що за паника? — наскочил он на какого-то всадника, мчавшегося по улице.— Стой! — задыхаясь от гнева, заорал он.— Да це ты, Матвеев? — узнал он командира одного из полков.— Куда ты, гад, скачешь? Що це за кавардак?..

— Сам ничего не понимаю, товарищ комбриг,— пожал тот плечами.— Сейчас вот разведчики сообщили, что будто в двух верстах отсюда наступает на село белогвардейская пехота.

— Значит, это перестрелка с белыми идет? — спросил у него Прохор.

— Ничего не могу сказать точно, товарищ военкомдив,— ответил командир полка.— Заставы за селом не моего полка.

— А иде твий полк, гад? — гневно спросил у него Мироненко.

— Мой полк вон собирается у церкви,— с достоинством ответил командир полка.— А где твоя бригада, товарищ комбриг, я не знаю,— хлестнув плетью лошадь, командир полка поскакал к конникам.

Мироненко сконфуженно замолк, а потом вдруг раскатисто захохотал.

— Вот же собачий сын, да и ловко же вин мене срезав... Ха-ха!.. Молодчага! Мене и крыть нечем... Право словом, де моя бригада — черты ее знают...

С окраины села, откуда только что прискакал командир полка, послышался скребущий лязг железа.

— Что это за штука? — недоумевал Городовиков, вглядываясь в серую мглу тумана. Из белесой пелены утренней дымки вырвался скачущий во весь карьер всадник, вопя благим матом:

— Та-аньки, мать их черт!.. Таньки!..

Прохор узнал всадника.

— Меркулов! — крикнул он ему.— Сазон... Ты чего орешь?

Но Сазон, то ли не хотел останавливаться, то ли не слышал оклика Прохора, пролетел мимо, все так же исступленно крича:

— Таньки!.. Та-аньки!..

Заслышав истеричные вопли Сазона, всадники на площади, как горох, рассыпались во все стороны. Через минуту площадь была начисто пуста, словно с нее всех ветром сдуло...

Спешенный взвод красноармейцев, дежуривший у штаба, оставался пока еще у школы. Бойцы нетерпеливо поглядывали на комбрига, ожидая от него распоряжений.

Но Мироненко пока не отдавал никакой команды, с изумлением вглядываясь в ту сторону, откуда слышался грохот и лязг...

Странное дело, все эти закаленные в битвах люди, не однажды видевшие смерть в глаза, готовые пожертвовать своей жизнью ради той светлой цели, за которую поднялись с оружием в руках, сейчас, при лязге танка, растерялись, испытывали какой-то суеверный страх. И это было понятно. Они не видели еще в глаза этих танков, но наслышались о них много страшного.

Перед взором всех из дымки утреннего тумана вынырнула темная махина, тупорылая, неуклюжая, похожая на доисторическое диковинное животное. Она с грохотом и шумом неслась по улице.

Все стоявшие у школы смотрели на нее, не двигаясь с места.

Танк подполз ближе к школе, развернулся боком и пустил в нее свинцовую струю. Кто-то, падая, застонал, кто-то матерно выругался.

— Захватывай раненых во двор! — крикнул Городовиков.

Все ринулись в ворота школы. Конон Незовибатько захлопнул калитку и припер ее колом, по наивности своей, видимо, предполагая, что это может задержать стальное чудовище.

Сжимая в руках винтовки и револьверы, все стали у стены под защиту старой школы, тревожно поглядывая на ворота... И отсюда, со двора, было слышно, как танк, проскрежетав гусеницами мимо школы, ворвался на площадь, поливая вокруг пулеметными очередями...

— За мной! — крикнул Прохор примолкнувшим красноармейцам. Взбежав по ступеням, он скрылся в дверях школы. Все поняли, что кирпичные стены здания школы будут наиболее надежным укрытием от танка, и последовали за ним.

— Выбивай окна! — властно закричал Прохор и, схватив табуретку, ударил ею по раме. Она со звоном выпала на улицу.

— Правильно! — вскричал Городовиков.— Вышибай окна!.. Стреляй по таньке бронебойными!

У каждого конника на всякий случай имелось по нескольку бронебойных патронов. Повыбивав стекла, они прильнули к окнам и начали палить бронебойными по серой глыбе танка, неуклюже ворочавшейся перед школой. Бронебойные патроны, видимо, причиняли танку существенный вред, а потому он поспешно отполз назад.

— Тикае, вражина! — обрадованно закричал Незовибатько.

— Выходи! — подал команду Городовиков.

Все ринулись во двор, бросились к сараю, где стояли кони. Вскочив на лошадей, помчались за село. И это было сделано вовремя, так как белогвардейская пехота, сопровождаемая танками, обстреливая улицы, уже вступала в Успенку.

Туман рассеивался. Эскадроны стояли на пригорке лицом к селу в боевом порядке, ожидая команды. Тут же стояла батарея, изведя дула орудий на село.

— Ну, вот и твоя бригада,— сказал Городовиков Мироненко.— Готова к бою... Они правы, что выскочили из села. Село для них было бы ловушкой.

Подскакав к бригаде, Мироненко огляну лся и сейчас же смачно выругался. С пригорка хорошо было видно, как из села один за другим выкатывались четыре танка.

— Огонь! — крикнул он.— Огонь по дьявольским танькам!

— Прицел... трубка...— донесся басовитый голос командира батареи.— Огонь! Беглым!

Заухали пушки. Около танков взметнулись черные столбы взрывов.

— Огонь! — раззадоренно кричал Мироненко.

Еще залп — и один танк замер. Следовавший за ним подполз и, зацепив его на буксир, потащил в село...

— Дать им вслед горячих! — кричал Мироненко.— Всыпать!..

— Больше снарядов нет,— ответили ему.

— Ах черт тебя дери! — чуть не плача, выругался комбриг.— Товарищ начдив, что ж вы нас подводите?.. Почему не даете снарядов?..

— Как так — не даю? — обозлился Городовиков.— Даже много даю... Видишь, дорога плохая. Ночью к тебе везли огнеприпасы. Мы обогнали несколько подвод. Да вот что-то долго нет их. Уж не напали ли на них белые?

— А это не они едут? — указал кто-то на медлительно тащившиеся по обледенелой дороге подводы.

— Они!

Мироненко обрадованно поскакал навстречу.

— Что везете? — спросил он у красноармейца.

— Патроны и снаряды,— ответил тот.

— Ура-а! — ликующе закричал Мироненко.— Братва, патроны!

В одно мгновение патроны были разобраны и распределены среди конников. Забрали и снаряды на батарею.

— Выбить белых из села! — приказал Городовиков.

— Есть выбить белых из села,— весело повторил Мироненко.— Слушай мою команду-у!..

Это было начало большой битвы, разыгравшейся под Касторной... Победу одержал конный корпус Буденного 15 ноября.

Воронежско-Касторненской операцией войсками Южного фронта был завершен первый этап борьбы с белогвардейцами. Но впереди предстояло еще много, очень много ожесточенных, кровопролитных боев, которые определяли окончательную победу над врагом...

На линии Старый и Новый Оскол — Бирюч — Валуйки белые собрали крупные силы. Здесь были 9-я и 10-я казачьи дивизии конного корпуса генерала Мамонтова, 1-я Кубанская кавалерийская дивизия корпуса Шкуро. Здесь были отборные белогвардейские войска — корниловская и марковская дивизии. Сюда спешно направлялся конный корпус генерала Улагая.

Решением Реввоенсовета Южного фронта против этой вражеской силы был направлен конный корпус Буденного в составе 4-й, 6-й и придаиной корпусу 11-й кавалерийской дивизий...

Оценивая значение кавалерии в условиях гражданской войны, как средства борьбы с вражескими армиями и как могучую маневренную ударную силу, способную быстро развивать операции на большую глубину, Реввоенсовет Южного фронта решил создать Конную армию, которая и была сформирована во главе с командующим Буденным, членами Реввоенсовета Ворошиловым и Щаденко.

Такое решение Реввоенсовета конниками было встречено восторженно. Кто из них не знал Клима Ворошилова?.. Или доблестного рубаку Семена Буденного?.. Знали и Щаденко...

Сразу же после организации Первая Конная армия пошла в наступление и во взаимодействии с XIII армией нанесла сокрушительный удар в районе Новый Оскол — Волохоновка по конной группе генерала Мамонтова. В этих боях была разгромлена 10-я кавалерийская дивизия белых и захвачено много трофеев...

Штаб Первой Конной армии расположился в Великой Михайловке.

Семен Михайлович Буденный 6 декабря встал еще до рассвета. Его разбудил коннонарочный с донесением от начдива 6-й Тимошенко. Начдив сообщал, что его дивизия подошла к Белгороду, и запрашивал командарма, штурмовать ли сегодня город или отложить до завтра.

Буденный посоветовал Тимошенко сегодняшний день использовать для тщательной подготовки, а завтра с утра начать штурм города. Командарм больше спать не лег...

Медлительно рождалось тихое, морозное утро. Словно завороженные, в оцепенении стоят заиндевелые деревья в садах, выставив на рогатинах ветвей, как вату, кипенно-белые куски пушистого снега. Из труб изб, занесенных чуть не до крыш снегом, к небу поднимались кудрявые столбы бурого дыма.

Несмотря на раннее утро, ребятишки уже усыпали прямую, как стрела, улицу, барахтались в глубоких сугробах, лепили бабу, бросались снежками, катались на салазках.

Ординарец командарма Фома Котов, любуясь прелестным утром, жмурясь от яркости снега, поил у колодца лошадей: свою маленькую, резвую и живую кабардинку и высокого, поджарого буденновского Казбека. Он еще издали заметил быстро мчавшиеся сани, запряженные парой резвых лошадей. За ними скакало с десяток всадников.

«Начальство, должно быть»,— подумал Фома и зевнул. Напоив лошадей, он снова равнодушным взглядом окинул приближавшиеся сани со скакавшими сзади всадниками и повел лошадей на квартиру.

— Эй, товарищ! — крикнули ему с саней.— Не знаете ли вы, где тут разыскать командарма Буденного?..

Фома про себя даже усмехнулся: это он-то, Фома, не знает, где разыскать Буденного? Чудно! Да если б они знали, эти спрашивающие, что он является самонастоящим ординарцем командарма и проживает с ним на одной квартире...

— Это как это, то есть не знаю? — с достоинством обернулся он, бегло окидывая взглядом сидевших в санях, тепло одетых в тулупы людей.— Да я ж, можно сказать, первый ординарец самого командарма, товарища Буденного... Вот и конь командарма, по прозвищу Казбек...

— Товарищ Котов! — откииув воротиик тулупа, сказал одни из пассажиров, показав свое разрумяиившееся, смеющееся лицо.— Я вас сразу-то и ие узиал.

— Товарищ Ворошилов! — в изумлении всплесиул руками Фома.— Да иеужто вы?!

— Я, дорогой, я.

— Смотри, какая радость! — воскликиул Фома.— Комаидарм-то иаш, поди, ие ждет и ие гадает.

Ворошилов легко соскочил с саией.

— Как — ие ждет. За иами-то и своего комаидира с коииками прислал,— сказал ои, указывая иа верхового. Фома узиал Тюлеиева.

— Ну, веди иас к комаидарму своему. Где он тут расположился?

— А вот иасупротив, товарищ Ворошилов. Вот в том домике с голубыми ставиями.

...Будеииый с Зотовым сидели за большим самоваром, пили чай.

— Погляжу я на вас, Степаи Аидреевич, иу и любитель же вы чаю попить,— смеясь, проговорил Будеииый.— Какой стакаи пьете? Наверио, уже десятый...

— Нет, Семеи Михайлович, только седьмой,— усмехался Зотов.— Ничего ие поделаешь, я же доиской казак с Хопра, а доиские казаки любители почаевиичать. Бывало, когда жил в своей стаиице, засядем за самовар да и пьем иа обгоики, кто кого обопьет... Стакаиов по пятиадцать могли выпить...

Заклубившись морозиым паром, широко распахиулась дверь. Вскочил ухмыляющийся Котов.

— Так что,— стуча валеиком о валеиок и прикладывая руку в варежке к серой папахе, весело стал докладывать ои Будеииому,— товарищ комаидарм, к вам прибыли товарищ Ворошилов и еще одии товарищ, ие зиаю по фамилии как...

— Щадеико,— смеясь, подсказал Ворошилов, переступая порог.

— Гости! — обрадоваиио вскричал Будеиный.— Как раз к чаю.

— Правильио,— согласился Ворошилов.— С дороги чайкуто хорошо...

Оии сбросили с себя тулупы.

Старушка хозяйка подала иа стол чашки с блюдцами, приесла стопку дымящихся паром, зарумяиеииых пышек в сметаие.

— Садитесь, милости просим,— с поклоиом пригласила оиа прибывших.

Все расселись за стол.

— Товарищ Котов, а вы что же ие присаживаетесь? — пригласил Ворошилов Фому.

— Благодарствую, товарищ Ворошилов,— польщеиио про-

говорил Фома.— Мие допрежде надобио коией убрать да накормнть нх, а потом уж о себе беспокойствие иметь...

— Это верно. Казак, пока коия не напонт н ие иакормит, сам не сядет за стол... Ну, как иастроеиие, Семен Мнхайлович? Довольиы ли реорганизацией корпуса в армию?

— Очеиь довольиы, товарищ Ворошилов,— ответил Будеиый.— По полкам и эскадронам мнтинги прошлн. Коиникн радуются.

— Прекрасио,— сказал Ворошилов.— Кавалерия пока что нмеет исключительио важное значенне в войне... Я верю, что такая масса конницы, как иаша Первая Коииая армия, будет нметь решающее зиачение в этой войне... Кое-кто противился создавать Коиную армию, говорили, что эта, мол, «крестьянская кавалерия» ие оправдает себя... Но мы боролнсь за организацию ее, и хоть с большими трудиостями, ио добились своего... Большое спасибо Владимиру Ильичу, он здорово помог в создании нашей Первой Коииой армии.

Вошел адъютант комаидарма Лемешко и доложил Будеиному о том, что прибыли иачднв 4-й Городовиков и военкомдив Ермаков.

— Сейчас я их ие могу принять,— сказал Будениый.— Скажнте, что приехали товарищи Ворошилов и Щадеико. У иас деловой разговор состоится. Пусть часика через два-трн подъедут.

— Напрасно отсылаете, Семен Михайлович,— возразил Ворошнлов.— Пусть войдут и побудут при нашем разговоре. Может, что дельное подскажут...

— Пусть войдут,— распоряднлся Будеиный.

Вошли Городовнков и Прохор.

— Здравствуйте, товарнщи! — поздоровался с иимн Ворошнлов.— Саднтесь, прниимайте участие в иашей беседе.

Городовиков, тнхо ступая, словно боясь кого-то потревожить, прошел н сел на обнтый цветиой жестью сундук. Прохор присел на табурет, стоящий недалеко от порога.

— Так вот, товарнщи,— обвел взглядом сидевших в комнате Ворошилов.— Приехалн мы с товарищем Щадеико работать вместе с вамн. Владимнр Ильич Ленин, провожая иас, сказал, что мы должиы в ближайшее время, буквально в самые ближайшие дин, иачать иаступлеиие и разорвать фронт противника иадвое...— Климент Ефремович освободил стол от чашек и блюдечек, развернул карту.— Вот смотрнте,— повел ои карандашом по карте.— Здесь вот сейчас иаходятся крупные силы Деникина. И здесь... здесь... здесь... Нам иужио ие дать возможиости уйти им на Северный Кавказ... В этом, товарнщи, большой залог успеха... Имеино так... Разбив противиика на две части, мы дойдем до Азовского моря... А там уж будет видно, куда иам иаправить свою Первую Коиную армию — на Украииу или на Севериый Кавказ...

XVII

Кавалерийская казачья бригада Чернышева торопливо шла по Донбассу. Вслед за ней двигались армейцы Первой Конной, почти не встречая сопротивления.

На пути своего отхода бригада Чернышева таяла, как снег. Казаки понимали, что это отступление последнее, и если они отступят бог знает куда, то уже больше никогда не увидят своих станиц и хуторов. Группами и в одиночку они отставали от бригады и сдавались в плен на милость «врага». А «враг» действительно был милостив. Отбирая оружие и лошадей, он, к несказанной радости пленников, отпускал их по домам.

Чернышев с грустью убеждался, что от всей его бригады теперь оставалось не более четырех-пяти сотен казаков. Возможно, и этих бы не стало, если б они не боялись суровой расплаты в своих станицах и хуторах за те злодеяния, которые творили над большевистски настроенными станичниками и хуторянами...

Угрюмо ехали казаки по занавоженным дорогам, все более и более отдаляясь от родного дома. И рады бы они последовать примеру своих товарищей, сдавшихся в плен, да больно уж страшно было — а вдруг большевики не простят им? И это чувство страха и заставляло их на заморенных, уставших лошадях ехать все дальше и дальше на юг, неизвестно куда, в неведомое будущее.

Черный крашеный полушубок ладно облегал спину полковника Чернышева. Вороной породистый жеребец легко нес его впереди бригады. Офицерская каракулевая папаха сбита набекрень. Черная, за годы войны сильно посеребренная сединой борода, как дым от ветра, клубится на груди. Вслед за ним мчались начальник штаба, пожилой войсковой старшина, молоденький сотник-адъютант и два казака — ординарцы.

...То и дело приходилось обгонять воинские обозы с громоздкой кладью, подводы беженцев, до отказа набитые плачущими детьми, старухами и стариками, зеленые фургоны с красными крестами, наполненные ранеными и больными солдатами.

По обочинам дороги валяются трупы лошадей. Над падалью кружат крылатые хищники...

Поглядывая по сторонам, Чернышев тяжко вздыхает. Куда его нелегкая несет? Ведь подходит конец... Неизбежный конец. Теперь уже ни о каком сопротивлении не может быть и речи. На уме лишь одно: спасти свою жизнь.

В голову лезут грустные мысли... Приближаются рождественские праздники. Семья в маленьком подмосковном городе Серпухове готовится к ним. Отец, старый бухгалтер, по-видимому, раздобыл где-нибудь гуся к рождеству. Мать, хотя время и трудное, голодное, наверное, уж припасла горсть муки, чтобы

испечь пирог. К жнзнерадостной хохотушке, черноглазой сестренке Шурке, на праздникн придут подругн, юноши, будут петь, танцевать. Прндет, наверно, и голубоглазая Наташа... Непременно придет!.. И, может быть, она н взглянет на его портрет, висящнй над комодом, н вздохнет нли даже украдкой смахнет с глаз слезннку, вспомнив о нем н таких прелестных прогулках в весенней роще вдвоем.

Все это было как будто вчера. И все это прошло, как мимолетный сон, как приятное призрачное видение.

«Неужели это никогда не вернется? — огорченно думает Чернышев.— Да, это может теперь никогда не вернуться»,— вздыхает он.

Ему становится не по себе. Он оглядывается, как бы ища утешения. Взгляд его улавливает унылые, мрачные, давно небритые, щетинистые лица казаков. И от этого на душе становится еще пасмурнее, еще тягостнее ..

— Иван Прокофьевич,— прерывает его грустные размышления угрюмый начальник штаба, подъезжая к нему,— в четырнадцатом полку почти все офицеры разбежались... Даже командир полка исчез...

— Гм...— усмехается Чернышев.— Сбежал?

— Наверно.

— Ну и черт с ним! — спокойно говорит Чернышев.— Скоро все разбегутся... Даже и мы с вами.

Начальник штаба, крутя рыжий ус, некоторое время молчит. Конь его бежит рядом с жеребцом командира бригады.

— Это верно,— наконец говорит он,— но пока хотя бы для видимости надо кого-нибудь из офицеров назначить командиром полка.

— Назначайте.

— Но кого? — вопросительно смотрит на Чернышева начальник штаба.

— Свиридов Максим не сбежал?

— Кажется, нет еще...

— Назначайте его командиром полка.

— Его! — изумляется начальник штаба.— А удобно это будет? Ведь он еще только в чине подъесаула...

— Произведите его в.., есаулы... А впрочем, прямо можно в войсковые старшины.

— Вы шутите, господин полковник? — еще более изумляется начальник штаба.— Никто же не утвердит такого производства.

— А какое это имеет значение,— с досадой отмахивается Чернышев.— Теперь же все равно некому утверждать... Все войсковое правление, наверно, разбежалось... Пусть Свиридов хоть несколько дней пощеголяет в погонах войскового старшины. Жалко, что ли, вам?..

— Ладно, господин полковник,— усмехнулся начальник

штаба.— Такое дело, разрешите себя в генералы пронзвестн?
— Валяйте! — смеясь, махнул рукой Чернышев.
— Вызвать ко мне командира пятой сотнн четырнадцатого полка подъесаула Свиридова! — обернулся начальннк штаба к усатому казаку с серебряной серьгой в левом ухе.
— Слушаюсь, ваше высокоблагородие! — козырнул казак и, привстав на стременах, обернулся, зычно крикнул: — Подъесаула Свнридова к начальнику штаба бригады — жнво!
— Подъесаула Свиридова к начальнику штаба бригады — жнво! — подхватили сзади голоса.
— Подъесаула Свирндова...— как эхо, отзывалось сзади, уносясь все дальше н дальше.
Минут через двадцать, обгоняя колонну, к начальннку штаба подскакал на запыхавшейся лошади Максим Свиридов.
— Чего изволнлн звать, господин войсковой старшина? — отдавая честь, спросил он.— По вашему приказанию подъесаул Свирндов явился.
— Господин Свиридов,— торжественно промолвнл начальннк штаба.— По распоряжению командира бригады полковника Чернышева вы производитесь в чнн войскового старшины...
Максим ошалело глянул на него.
— То есть, как это понять? — растерянно спросил он.
— А очень просто,— усмехнулся начальннк штаба.— Надевайте на себя погоны войскового старшины и чувствуйте себя таковым. А кроме того, комаидир бригады приказал вам принять полк и вступить в обязанности командира полка...
— Ой, господи! — совсем растерялся Максим.— Неужто все это правда?
— А разве я вас когда-нибудь обманывал?
— Уж не подсмеиваетесь ли вы надо мной? — даже вспотел от волнения Свиридов.
— Да вы что? — сердито закричал начальник штаба.— Какая тут может быть насмешка? Мы воюем, а не в бирюлькн играем...
Лицо Свиридова порозовело от радостн, глаза заискрились.
— Ну, такое дело, благодарю вас покорно, господин войсковой старшина, и вас, господин полковник,— поклонился он спине Чернышева. Но, вспомнив, как когда-то в Новочеркасске его задерживал патруль, обвнняя в незаконном ношении офицерскнх погон, он спросил: — А документ у меня на то будет?
— Какой документ?
— А такой, что мне, мол, присвоен чин войскового старшины.
— Напишем документ,— кивнул головой начальник штаба.
— Мне б надобно указ самого войскового атамана об утвержденин мне такого чнна... А так.. навроде незаконно.
Чернышев, видимо, слышал весь этот разговор между Свн-

ридовым и начальником штаба, приостановив жеребца, он обернулся:

— Все оформим законно, Свиридов, не бойся. Принимай полк.

— Зараз же, значит, и вступать в командование полком? — не скрывая своего удовольствия, спросил Максим.

— А чего ж ждать? Сейчас же, конечно, и вступай в свои обязаииости... Служи, старайся, голубчик. В наше время и до генерала легко дослужиться...

Максим не уловил насмешки в голосе полковника.

— А кому же прикажете сотню сдать? — спросил он.

— Кому сотню сдать? — задумался начальник штаба.— Да сдай ее кому-нибудь из опытных урядников.

— Мыслимое ли дело сдавать сотню нижнему чину? — возмущенно спросил Свиридов.

— Это ты правильно,— насмешливо сказал Чернышев, снова оглядываясь.— Нижнему чину сдавать сотню не следует. Но мы можем какого-нибудь боевого урядника произвести в офицеры. Кого ты порекомендуешь, Свиридов? Мы сейчас его произведем в хорунжие или сотники... Помнишь, полковник Ермаков любил говаривать: плюнул — и готов офицер.

Максим неодобрительно покачал головой.

— Это, конешное дело, полковник Ермаков зря так говорил. Каждого дурака офицером не сделаешь. А что касаемо, ежели, мол, какого урядника произвести в хорунжие, чтоб он мог принять сотню, то, я думаю, можно урядника Михаила Котова в хорунжие али прапорщики произвести...

— Ну почему же в хорунжие или прапорщики? — ухмыльнулся Чернышев.— Тебя ж производим в войсковые старшины? Его мы произведем в есаулы...

— Многовато для него,— мрачно проговорил Свиридов.— Хватит ему и сотника. Персона-то не дюже велика.

— Ну, если сотника, так сотника,— согласился Чернышев.— Василий Емельянович,— сказал он начальнику штаба,— произведите Котова в сотники и напишите приказ, чтобы он принимал пятую сотню от Свиридова.

— Слушаюсь, господин полковник,— сказал начальник штаба и быстро, на ходу, набросал на планшетке приказ о назначении Михаила Котова командиром пятой сотни.

— Возьмите, господин войсковой старшина,— подал он приказ Свиридову.— Езжайте!

— Слушаюсь! — лихо козырнул Свиридов.— Счастливо оставаться.— Он крутнул лошадь в сторону и стал дожидаться своего полка, который шел в хвосте.

Отъехав от Свиридова, Чернышев и начальник штаба расхохотались.

— Это мы, Василий Емельянович, по-наполеоновски,— смеялся Чернышев.— Он из конюхов и солдат маршалов де-

лал, а мы из простых малограмотных казаков — командиров полков и сотен...

Начальник штаба минуты две ехал молча, о чем-то улыбчиво думая. Потом, пришпорив лошадь, он вплотную подъехал к Чернышеву.

— А кому, Иван Прокофьевич, прикажете передать должность начальника штаба? — смеясь, тихо спросил он.

— Моему ординарцу Степану,— мрачно усмехнулся Чернышев.— Парень он расторопный, справится. А кому мне передать командование бригадой?..

— Своему адъютанту.

— Что думаете, он дурак? — спросил Чернышев.— Он ведь не Свиридов. Я наблюдаю за ним и вижу, как он тоже озирается по сторонам, норовит куда-нибудь удрать... Шутки в сторону,— прошептал он, наклоняясь к начальнику штаба.— На душе у меня кошки скребут. Положение мне не нравится... Генералитет и буржуазия, как крысы с тонущего корабля, бегут за границу. Говорят, в Одессе, Новороссийске и других портах черт знает что делается... Душатся, а лезут на корабли...

— Драпают, сволочи,— зло выругался начальник штаба,— а нас оставляют на погибель...

— Почувствовали, что гайка ослабла, вот и бегут.

— А вы, Иван Прокофьевич, думаете, что это теперь бесповоротно?

— Да, думаю... Кто теперь может остановить красных? Казаки сдаются сотнями, тысячами... Офицеры бегут, скрываются или тоже сдаются... Наши союзнички — французы и англичане — только за нашими девочками умели ухаживать, а как пришлось туго на фронте, они тоже драпанули... Вояки...

— Что вы думаете, полковник, предпринимать? — спросил начальник штаба.

— А вы? — в свою очередь спросил Чернышев.

Начальник штаба криво усмехнулся:

— Вы первый боитесь сказать. Ладно, скажу я первым, Иван Прокофьевич. Поговорим на откровенность. Я кончил воевать...

— То есть как это?

— А так: за Ростовом, в тридцати — тридцати пяти верстах, моя станица Синявская... Может быть, слышали?

— Ну как же, станция Синявская.

— Вот-вот. Это моя родина. Я сын рыбака. На трудовые денежки отцовские учился. Как дойдем до Синявской, так уж дальше я никуда не пойду... Заупрямлюсь, как верблюд, и ни с места...

— И не боитесь? — поверх пенсне посмотрел на него Чернышев.

— Боюсь, но что делать? — остро взглянул на Чернышева

начальник штаба.— Что делать, спрашиваю я вас? Бежать за границу? Да будь она проклята! Меня там еще не хватало.

Он пришпорил лошадь, несколько минут ехал молча.

— Иван Прокофьевич,— сказал он тихо,— конечно, я с вами откровенничаю, надеюсь на вашу порядочность...

— Не беспокойтесь, выдавать не стану.

Они снова замолкли.

— Иван Прокофьевич, поедемте со мной в Синявку,— вдруг неожиданно предложил начальник штаба.

— Что я там буду делать?

— Под Азовом есть такие места — лиманы, камыши,— сам дьявол не сыщет... Будем рыбку ловить, пересидим тревожное время, а там видно будет... Может быть, красные сгинут, опять установится настоящая власть... А если уж Советская власть надолго удержится, то, что ж, думаю покаяться... Не звери же красные... Простят. А тут, признаться, у меня еще есть такая надежда: два двоюродных моих брата у большевиков служат... Жил я с ними дружно, защитят, может...

— А если все-таки братья не смогут помочь?

— Ну и черт его дери! Пусть расстреливают. Я вам скажу, смерти я не боюсь. За четыре года германской да два года гражданской войны столько раз видел в глаза смерть, что привык к ней. Не страшно. Лучше умереть, чем за границу ехать. Я там все равно с тоски умру. У меня здесь ведь жена да двое маленьких детей.

— Раз у вас такое решение созрело,— сказал Чернышев,— то стоит ли вам в Синявку ехать?

— А как же?

— А не лучше ли сделать так, как делают это наши казаки?

Остаться в каком-нибудь селе и дождаться прихода красных?

— Да.

— Боюсь... Подожду еще немного... В конце концов, может быть, так и сделаю,— сказал начальник штаба.— Вот знать бы, где мои братья сейчас находятся... Им в руки я сразу бы сдался. А вы не думаете, полковник, так сделать?

— Я боюсь и очень боюсь,— вздохнул Чернышев.— Все же я ведь полковник. А к тому же и эсером был...

— Но вы ведь не дворянин...

— Сын бухгалтера я... Учился тоже, как и вы, на трудовые отцовские гроши.

— Так, может быть, вместе что-нибудь придумаем, Иван Прокофьевич?

— Вон что-то адъютант ко мне подъезжает,— шепнул Чернышев.— Давайте пока отложим наш разговор.

XVIII

Бригада Чернышева входила в шахтерский городок. По узким улицам, по площади невозможно было проехать — все было забито отступающими обозами, подводами беженцев, санитарными двуколками, артиллерией.

Максим Свиридов ехал впереди своего полка. Рядом на сивом мерине трусил Михаил Котов, уже успевший нацепить на себя серебряные погоны сотника, отданные ему за ненадобностью Свиридовым. Сам же Максим ехал без погон — сколько ни старался он, а так и не мог раздобыть себе погон войскового старшины.

— Слышишь, Котов,— внушительно говорил Свиридов,— ты должон понимать, что ежели б не я, так тебе б во веки веков не видать офицерства... Я ж про тебя подсказал полковнику...

— Да разве я не понимаю, Максим,— признательно отвечал Котов.— Благодарность тебе большая за это. Всю жизнь буду помнить об этом...

— Какой я тебе, к дьяволам, Максим? — вспылил Свиридов.— Максим, брат, остался в станице. А зараз перед тобой Максим Трофимович али ваше высокоблагородие... Надобно детство уже забывать... Это когда мы ребятенками были, так называли друг дружку: Мишка, Максимка, Ванька, а зараз другое дело...

— Ну, положим, вашего благородия теперь нету,— засмеялся Котов.

— Ну, нехай нету,— с досадой выкрикнул Максим,— так называй, как положено: господин войсковой старшина.

— Такое дело, извиняюсь,— козырнул Котов.— Ладно, буду называть как полагается... Это верно, что при посторонних людях неудобно так называть. Только знаешь что, Максим... извиняюсь, господин войсковой старшина, я тебе по правде скажу, что не верю что-то во всю эту комедь...

— Это в какую же такую «комедь»? — зло посмотрел Максим на Котова.— Про что ты речь-то ведешь?

— Да вот никак не верю, чтобы всурьез нас произвели: тебя, мол, в войсковые старшины, а меня в сотники...

— А почему ж не веришь-то?

— Чудно как-то,— ухмыльнулся Котов.— Малообразованные мы с тобой люди, учения, окромя приходского училища, никакого не проходили... Одним словом, щи бы нам с тобой лаптем хлебать, а туда ж, в благородные лезем... Смехота прямо-таки...

— Дурак! — отрезал Максим.— Образованности мы с тобой завсегда могем добиться, а вот офицерства-то нет. Пользуйся моментом покель... Надобно понимать, что...— хотел что-то он пояснить, но в это время к ним подъехал рябой уряд-

ник с большим всклокоченным чубом, торчащим из-под серой шапки, как пук ржаной соломы.

— Господин подъесаул,— обратился он к Максиму.

— Ну-ну! — хмуро оборвал его тот.— Как говоришь?

— Извиняемся,— поправился урядник,— господин войсковой старшина. Без привычки это...

— Говори, Юшкин,— смягчился Максим.— Что хотел сказать-то?

— Да вон видите,— махнул плетью урядник на толпу солдат, казаков и жителей, окруживших какой-то склад.

— Ну, вижу, так что?

— Винный склад норовят громить,— пояснил урядник.

— Ну? — заинтересовался Свиридов.

— А там какая-то казачья сотня охраняет склад и продает водку по сотне за бутылку...

— Вот сволочи-то,— выругался Свиридов.— Какое же они на то имеют право?

— Дозвольте, господин войсковой старшина, распугнуть эту сотню,— ухмыльнулся урядник.— А потом запасец бы спирту взять, а?.. А то ж морозяка страшенный, все внутренности поумерзли...

— Да я б не супротив,— нерешительно проговорил Максим.— Но не знаю, как на это посмотрит командир бригады. Ты, Юшкин, поезжай-ка до командира бригады и скажи, что командир, мол, полка просит разрешения набрать из склада по бутылочке спирту на брата...

— Слушаюсь! — весело козырнул урядник и, огрев коня плетью, помчался вперед, разыскивать Чернышева.

Вскоре он вернулся довольный, улыбающийся.

— Ну что? — поинтересовался Максим.

— Дозволил,— хитро подмигнул урядник.— Только, чтоб, говорит, без безобразия обошлось, да велел ему бутылки две спирту привезти.

— И десять не пожалеем,— засмеялся Максим и, обернувшись к казакам, крикнул: — По-олк... стой!.. Слезай!.. Лошадей отдать коноводам! Ружья на изготовку! Шагом арш... прямо на склад!

Казаки, довольные выдумкой командира полка, защелкав затворами винтовок, со смехом, криками двинулись на толпу, напиравшую на склад.

— Раз-зой-дись! — закричали они угрожающе.— Разойдись, а то стрелять будем.

Но, по-прежнему шумя и топчась, толпа не обратила внимания на выкрики казаков.

— Ну-ка, пойди, Котов, к казакам,— проговорил Свиридов.— Скажи, чтоб раза два стрельнули для страха поверх толпы.

— Разойдись, стрелять будем!

— Сотня,— звонко выкрикнул Котов,— к стрельбе готовсь!.. Пли!..

Прогрохотал залп. В толпе кто-то истерично выкрикнул:

— Ой!.. Убили!.. Убили, проклятые!..

Толпа в страхе отхлынула в стороны. Среди казаков послышались ругательства:

— Дурило, ты, никак, в сам деле в людей стрельнул?

— Ну и стрельнул, а те какое дело?

— А такое, что на мушку тебя посажу! За что людей убиваешь!

— А ну, попробуй. Я те вперед посажу.

Казаки дали еще залп поверх толпы и цепью, не опуская ружей, окружили склад, вплотную подошли к хмельным казакам, стоявшим с винтовками у склада.

— Куда лезете? — кричали охранявшие склад, потрясая винтовками.— Постреляем, так вашу!..

— А что вы за хозяева такие? — орал на них в ответ урядник Юшкин.— Попили спирту, набрали с собой, а теперь уметайтесь отселы!.. Теперь черед наш...

— А кто вы такие будете?

— Мы-то? — горделиво покрутил ус Юшкин.— Фронтовики! Народ отчаянный. Чуть чего — секир башка.

Казаки поддержали своего урядника:

— Мы — мамонтовцы! Головы поотрываем...

— Вдрызг разобьем, не злите нас.

— Мы с вами драться не собираемся,— прозвучал урезонивающий голос со стороны склада.— Помиримся. Хватит и нам и вам.

— Хватит!

— Валяй, ребята, к нам!

Казаки из бригады Чернышева бросились к охранявшим винный склад, смешались с ними, стали обниматься. Лица у всех были веселые, радостные, словно на великую пасху.

Вслед за казаками к складу стали протискиваться и отдельные горожане из наиболее смелых и решительных. Видя, что таких смельчаков казаки не трогают, толпа из стариков, баб, девчат, парней и ребятишек, стоявшая в стороне и наблюдавшая за складом, вдруг разом ринулась к складу, опрокидывая и давя друг друга. Послышались душераздирающие крики раздавленных детей.

— Ой, мамушка, родимая,— голосисто взвывала откуда-то из-под толпы задавленная баба.— По-омогите же!.. Помогите ради бога!..

Перед этой силой не могли устоять и казаки. Подхваченные течением толпы, они, хотели того или нет, были увлечены внутрь склада...

Скоро из дверей склада стали появляться первые счастливцы с радостно-багровыми, возбужденными лицами, таща в

ящиках, корзинках, мешках бутылки с водкой. Вырвавшись из склада, многие, не утерпев, тут же, не отходя далеко, выбив пробку из бутылки, запрокинув голову, прямо из горлышка глотали чудодейственную влагу... И вскоре около склада и всюду по улице, на снегу, как трупы, валялись перепившиеся мужчины и женщины...

Особенно деятельны мальчишки. Они всюду копошатся, как муравьи. Многие из них уже побывали в складе, понатаскали оттуда ящиков с водкой и теперь, подвязав к ним веревки, с веселым гоготом и свистом, как салазки, тащат их домой. Красные сургучные головки, торчащие из ящиков, соблазняют взоры прохожих. Не утерпев, они выхватывают из ящиков бутылки. Мальчишки ощетиниваются, как ежи, дружно набрасываются с отборной руганью на таких своевольцев и осыпают их градом снежков...

В самом складе клубится муравейник. Все сновали туда-сюда, хватая ящики с водкой и стремительно выбираясь из помещения с тем, чтобы быстрее вернуться обратно. Казаки не терялись и, раскидывая толпу, с гоготом хватали водку и спирт, напихивая карманы и полы шинелей бутылками, четвертями, шкаликами, вытаскивали на улицу десятки ящиков.

Кто-то додумался проломать крышу склада. И теперь несколько мужчин, стоя на крыше, втягивали на веревках ящик за ящиком на крышу и тотчас же спускали их на улицу, где двое вооруженных мужчин в шинелях по-хозяйски укладывали ящики на подводу.

По лестнице, ведущей к бакам со спиртом, стоит огромная очередь. Люди терпеливо стоят, толкаясь, крича друг на друга, переругиваясь.

— Становись, становить в очередь! — кричит чей-то властный, но вместе с тем ликующий голос.— Всем хватит!.. Хватит, черт побери!

На баках, громко стуча молотками, проворно работают люди. Они вскрывают баки. Некоторые уже вскрыты и из них, как из колодцев, ведрами черпают спирт и сейчас же, как воду, разливают по многочисленным кувшинам, чайникам и бутылям... Удушливый едкий запах спирта лезет в рот, ноздри, уши, глаза... В разбитые окна гудит ветер. Под ногами хрустит стекло...

Тащат, бесконечной вереницей тащат ящики с бутылками, спирт ведрами, чайниками, горшками. Тащат и падают. Перепрыгивают друг через друга... Кровь, стекло, водка и спирт перемешиваются с грязью, черными вонючими змейками расползаются вокруг...

— Боже ты мой! — трусливо говорит кто-то.— Только одну спичку — и все это, как порох, взлетит в небо.

— Говорят,— вторит другой испуганный голос,— в одних лишь баках сто двадцать тысяч ведер спирту.

— Двое казаков утонули в баке...

— Ну, теперь проспиртуются, никогда не сгниют.

А ящики с водкой, спирт в ведрах и кувшинах все несут и несут... На дворе слышатся разудалые пьяные голоса. Звенят песни. Где-то стреляют... Кто-то дерется... Стонут... Плачут...

XIX

Четвертая кавдивизия шла в авангарде Первой Конной почти без боев. Белые торопливо отходили к Ростову. Многие тысячи казаков и солдат сдавались в плен. Но иногда вдруг вскипали ожесточенные, кровопролитные схватки с какой-нибудь офицерской частью и быстро заканчивались победой конармейцев.

Однажды в Донбассе, у одного небольшого шахтерского поселка, был остановлен шквальным ружейным и пулеметным огнем белых шедший впереди 19-й кавалерийский полк 4-й кавдивизии, в которой служил Митя Шушлябин.

Конармейцы спешились и, передав коней коноводам, которые тотчас же увели их в балку, короткими перебежками пошли в наступление на белых, окопавшихся у поселка. Но атака конармейцев не дала результатов. Силы противника были значительные, и они оттеснили красных.

Завязалась упорная битва. Белые накрепко засели в окопах и не хотели их оставлять. Сколько ни бросались конармейцы в атаку, белые их отбивали.

Командир 19-го полка, краснощекий детина лет тридцати, перекрещенный боевыми ремнями, беспокойно бегал среди своих бойцов, до хрипоты крича, ободрял их и призывал к новой атаке. Но старания его были безрезультатны. Солдаты слишком устали. У противника было явное преимущество.

Командир полка подумывал уже, не попросить ли ему помощи у комбрига, который со 2-м полком остановился на короткий отдых в другом шахтерском поселке, что был в верстах пяти отсюда. Но его сдерживал стыд. Неужели он со своим полком не справится с этой кучкой белогвардейских бандитов?

Приказав кавалеристам окопаться и обстреливать противника, он послал полкового фельдшера с сестрой и санитарами оказать первую неотложную медицинскую помощь раненым, оставленным на поле боя, и по возможности вынести их.

Белые, завидев людей с повязками красного креста на рукавах, прекратили стрельбу. Молчали и конармейцы. Над заснеженным полем, по которому ходили санитары, фельдшер и сестра в поисках раненых, стояла тишина.

— Удивительное дело,— поглядывая в бинокль в сторону

белых, задумчиво говорил командир полка политкому, такому же молодому парню, как и сам, плечистому, голубоглазому, одетому в кавказскую бурку.— Неужели у них проявилось чувство гуманности?.. Смотри, не стреляют, значит, дают нам возможность убрать раненых с поля боя.

— Врут! — резко сказал политком.— Какую-нибудь каверзу задумали... Они, сволочи, коварные. Вот увидишь, они неспроста замолчали.

Некоторое время оба настороженно всматривались в сторону притихшего противника...

Тем временем фельдшер с Надей торопливо расхаживали по равнине, наскоро делая перевязки раненым и отправляя их с санитарами за линию окопов.

— Надюша!.. Надюша!..— озабоченно покрикивал медицинской сестре уже пожилой седоусый фельдшер.— Далеко не отходи!.. Не отходи!..

— Не беспокойтесь, Кузьма Демьянович,— отзывалась девушка.— Не отойду далеко!

Надя уже была опытной сестрой. Сейчас она уже десяти красноармейцам перевязала раны, и их вынесли с поля боя. Поднявшись во весь рост, она внимательно огляделась: раненых, кажется, больше нет... Хотя вот кто-то стонет в бурьянах, в ложбине... Надя кинулась к раненому и вдруг сердце замерло.

— Митя!.. Родной!..— в ужасе вскрикнула она.

Но, подбежав к раненому, с облегчением произнесла:

— Нет, не Митя. Но как он похож! Такой же белокурый и ясноглазый.

Раненый, видимо, был командиром взвода или эскадрона — на нем были командирские ремни и около него лежал наган.

— Это... я на случай, если бы ко мне белые подошли,— страдальчески улыбнулся он, заметив взгляд Нади, устремленный на револьвер.— Спасибо, сестричка! Спасибо, родная!.. Я уж думал, что меня на съедение белым оставили...

— Разве мыслимо! — воскликнула Надя.

— Все бывает на войне,— тихо проронил раненый.— Бывает, что белые так напрут, что и раненых бросишь... Не до них тогда.

— Бывает,— согласилась девушка,— но редко. Тем более что мы все время наступаем...

Девушка ловко перевязала рану, пощупала пульс и, привстав, оглянулась, чтоб позвать санитаров. Но те были далеко. Вслед за ними уходил и фельдшер, то и дело оборачиваясь и оглядывая поле: не остался ли кто?..

— Кузьма Демьянович! — встревоженно закричала Надя, махая ему.— Кузьма Демьянович!.. Вот еще раненый!.. Вернитесь!

Но фельдшер не заметил Нади и скрылся за бугром.

— Что, ушли? — волнуясь, упавшим голосом спросил раненый.

— Да нет, сейчас придут,— сказала она спокойно и серьезно.— Ты не волнуйся... Я ведь тебя не брошу...

Лицо раненого потеплело, он благодарными глазами взглянул на девушку.

— Спасибо, сестричка... Скорей бы в госпиталь... Ведь я бы там быстро поправился, а?..

— Ну, конечно, у тебя ж рана пустяковая,— сказала Надя, хотя знала, что рана тяжелая и он много потерял крови.

Раненый повеселел.

— Может, я попробую встать... Может, пошли б... с тобой,— сказал он, пытаясь приподняться, но тотчас же со стоном повалился на спину.— Нет... Не могу!.. Все нутро выворачивается...

— Лежи,— спокойно и строго сказала ему Надя.— Придут санитары, отнесем...

Печальными, потемневшими глазами смотрел раненый на нее.

— Что ж, значит, бросили тебя? — едва внятно прохрипел он.— Меня-то уж ладно, а тебя-то зачем же? Беги, сестричка... Беги, пока не поздно... А то как начнется опять бой, пропадешь...

Конечно, Надя могла бы уйти, все равно ведь он не жилец на белом свете. Минуты его жизни сочтены. Она видела это и по синеющему лицу, и по заострившемуся носу, и по тускнеющему взгляду, по пульсу. И все же она не могла его оставить здесь одного, такого слабого, беспомощного.

— Пить!..— прошептал раненый.

Надя приложила к его губам флягу. Умирающий сделал несколько глотков и снова сказал:

— Иди, сестра... Иди!..

«Может быть, действительно уйти?» — мелькнуло у нее. Нет! Она этого не сделает. Раненого надо обязательно вынести отсюда. Она встала во весь рост и оглянулась. Может быть, хватились и ищут ее. Но нет, равнина была пустынна. Только черными тенями металась по полю воронья стая.

Вдруг гулко ударил орудийный залп. Вороны взмыли в серое небо. Протрещала ружейная стрельба. Застрочили пулеметы. Девушка услышала над головой знакомое ей противное нытье пуль.

— Ложись, сестра! — крикнул раненый.— Ложись, а то убьют!

Она бросилась на снег около раненого... Над равниной стояла тишина, лишь с неба слышались взбалмошные крики потревоженных ворон.

— Встань-ка, сестрица,— прохрипел раненый.— Погляди... что-то затихло...

Надя приподнялась и оглянулась.

— О-о! — закричала она в ужасе, закрывая лицо руками и приседая около раненого.

— Что, сестрица? Что?

— И оттуда и отсюда конница,— сказала она, вздрагивая всем телом.— Шашки сверкают...

— В атаку друг на друга пошли,— задыхаясь, проговорил раненый.— Как же мне тебя уберечь?.. Беги, сестрица, тут вот где-то овражек, кажись... А то ж тебя кони истопчат... Беги вон туда.

И верно, совсем близко был небольшой овражек. Если в нем укрыться, то, пожалуй, можно отсидеться, пока пройдет бой.

— Возьми наган,— сказал раненый.— Пригодится.

Надя сунула револьвер в карман своего полушубка.

— Без тебя не пойду.

— Да как же...— в отчаянии выкрикнул парень.

Девушка схватила его за полу шинели, упираясь ногами о кочки замерзшей земли, потащила к оврагу. Побелев от боли, скрипя зубами, раненый упирался руками, подтягивался, помогая ее усилиям... Потом он как-то сразу обессилел, голова поникла.

Надя испуганно взглянула на него:

— Ты что?

Раненый молчал, смотря на нее безжизненными глазами.

— Умер! — вскрикнула девушка.

Она оставила труп и побежала к оврагу, но не успела. С диким ревом налетели всадники друг на друга, и в глазах Нади все смешалось. Она упала... Вокруг нее звенели шашки, слышались яростные возгласы сражающихся и дурные вскрики раненых. Вокруг девушки с диким ржанием танцевали ошалевшие от крови и ужаса лошади. Они вздымались на дыбы, сбрасывая наземь не менее их обезумевших от хмеля битвы седоков...

Было так страшно, что девушка, казалось, готова вот-вот лишиться сознания... А вокруг нее в непомерной ярости беснoвались люди. Словно кружась в каком-то дьявольском хороводе, скрипя от злобы зубами и выкрикивая страшные, богохульные ругательства, всадники размахивали шашками и пиками, стремясь убить один другого... Люди и кони были полны непомерной смертельной ненависти друг к другу...

Возле Нади, вызванивая шашками и хрипло, озлобленно ругаясь, завертелась группа всадников. Инстинкт самосохранения заставил девушку приподняться на ноги... И только что она успела это сделать, как вдруг увидела, как около нее с лошади свалился всадник — не то белый, не то красный. Надя с детства приучена к лошадям и наравне с мальчишками ловко

скакала на них верхом. В мгновение она подхватила лошадь под уздцы и, как птица, вспорхнула в седло. Лошадь рванулась, но девушка, туго натянув поводья, сразу же укротила ее...

Первой мыслью Нади было немедленно ускакать отсюда, из этого страшного места. И, пытаясь выполнить свое намерение, она оглянулась. Крик ужаса вырвался из ее груди. Она увидела Митю. Он сражался с бородатым казаком. Бородач был опытный рубака. Он, как кот с мышью, играл с Шушлябиным. Кружась вокруг юноши на вороном, злобно скалившем зубы жеребце, он то и дело со свистом, как молния, опускал шашку над головой Дмитрия, но не рубил... Он просто забавлялся с ним или что-то выжидал...

Выхватив из кармана наган, Надя в два прыжка подскочила на помощь Дмитрию. Бородатый казак, косо глянув на нее, привстал на стременах и сделал взмах шашкой над головой Шушлябина. Юноша тоже взмахнул своей шашкой, чтобы отбить его удар. Этого только и надо было казаку. Он с плеча молниеносно размахнулся шашкой и рубанул с силой ею горизонтально. Срубленная голова Дмитрия, как арбуз, покатилась по снегу...

Наде казалось, что это страшный сон. На мгновение она помертвела, выстрелила в казака. Тот замахнулся на нее окровавленной шашкой, но покачнулся. Шашка выпала из руки...

Спрыгнув с лошади, девушка опустилась на колени перед головой Дмитрия, с рыданиями прижалась к ней.

Надя вытерла слезы и воспаленными глазами оглянула поле битвы, не видя, что конармейцы отходили к своим позициям.

Девушка, плохо соображая, что делает, ворвалась в кучу сражавшихся и, увидев белогвардейца с офицерскими погонами, выстрелила в него.

— Товарищи! — звонко закричала она.— Ура-а!..

— Ура-а!..— ответили буденновцы и с удвоенной силой нажали на белых.

— Ура-а!.. Сестра с нами!..

— Сестричка-голубушка с нами!..

Своим появлением молоденькая девушка, казалось, вдохнула животворящую силу в конармейцев. Бешено рубя направо и налево, они ринулись на белых и заставили тех обратиться в бегство.

— Ура-а!.. Ура-а!..— торжествующе кричали конники-буденновцы, преследуя врагов.

Надя мчалась в передних рядах.

Азарт битвы, как хмель, кружил ее голову. Она так была охвачена желанием возможно больше отомстить за смерть Мити, что не заметила, как на помощь белым из села выско-

чило несколько конных сотен и помчалось наперерез буденновским конникам. Она даже не обратила внимания на предостерегающие крики буденновцев:

— Назад!.. Назад!..

Резко осадив коня, Надя повернула назад. Она была одна. Низко склонившись к гривам коней, буденновцы старались уйти от заходящей им в тыл конной лавы белых... Надя далеко отстала от них.

Девушка припустила лошадь в намет. Лошадь была резвая, мчалась как стрела. Ветер свистел в ушах.

— Товарищ!.. Товарищ!..— вдруг она услышала умоляющий голос бежавшего без шапки, с окровавленной головой красноармейца.— Возьми меня!.. Белые зарубят!

Девушка натянула поводья. Конь, задрав оскаленную морду, остановился.

— Садись! — крикнула она.

Красноармеец с трудом взобрался на коня позади Нади и крепко обхватил ее руками.

Надя ударила ногами по бокам коня и снова помчалась...

Тридцать конармейцев, в том числе и Дмитрия Шушлябина, хоронили в братской могиле на площади шахтерского поселка. Духовой оркестр играл похоронный марш. У могилы был выстроен полк. Военкомдив Ермаков говорил прочувствованную речь. Старые шахтеры, их жены и матери с печальными лицами внимательно слушали его. То там, то здесь всхлипывали женщины.

Когда опускали гробы в могилу, полк салютовал ружейными залпами.

Надя стояла как окаменевшая. Скорбными глазами смотрела она, как зарывали могилу.

К ней подошел Прохор.

— Наденька,— сказал он, утешая.— Ободрись. За Митю мы отомстим.

— Не надо, Проша. Не утешай. Я сама знаю все.

По ее осунувшемуся лицу поползли слезинки.

— Поплачь, сестричка, поплачь, родная,— обнял ее Прохор.— Легче будет...

— Я все еще не верю, что нету больше Дмитрия. Я не могу простить себе, что поздно выстрелила.

— Ты сделала многое. Сейчас мне сообщили: Реввоенсовет Конной армии представил тебя к ордену Красного Знамени.

— За что? Что я такое сделала?

— Им виднее, сделала ты что или нет. Ты совершила подвиг — воодушевила бойцов на битву и спасла двух конников...

Молодец ты! И как ты вдруг такая стала? — с удивлением рассматривал ее Прохор.— Прямо непонятно, откуда все это у такой девчонки...

— Проша,— сквозь слезы тихо сказала она,— я не хочу больше сестрой работать.

— Вот это да! — изумился Прохор.— Почему же?

— Хочу служить рядовым конармейцем.

— Быть в строю? Да ты что! Разве ты сумеешь привыкнуть к солдатской жизни? Нет, Надя, солдатская жизнь сурова...

— Я обо всем подумала. Решила твердо. Ты только помоги мне устроиться... Я бы хотела поступить в разведывательный эскадрон к Сазону Меркулову...

— Ну что же, если твердо решила — ладно. Помогу тебе. А все-таки подумай еще об этом лучше... Может быть, раздумаешь...

— Нет, Проша,— твердо сказала Надя.— Не раздумаю. Я решила и от своего решения не отступлюсь...

XX

Ростов и Новочеркасск переполнены тревожными слухами, передаваемыми из уст в уста «из самых достоверных источников».

Родовитая аристократия, наводнившая эти города, лихорадочно начала пересчитывать пачки «николаевок», прятать подальше бриллианты и другие фамильные и нефамильные ценности. Многие заметались по городу в поисках возможности поскорее уехать в Новороссийск, чтобы оттуда, купив за бешеные деньги места на пароходе, удрать куда-нибудь в Париж, Константинополь, Софию или на какие-нибудь Принцевы, Соломоновы или Чертовы острова, лишь бы избежать сурового ответа перед народом.

Паника началась невероятная. В газетах появилось напечатанное крупным шрифтом объявление атаманского дворца:

«От донского атамана.

Ввиду панических слухов о моем отъезде из пределов Области, объявляю, что бежать никуда не собираюсь и уеду из Новочеркасска только со штабом Донской армии. Правительство продолжает свою работу совместно со мной.

Войсковой атаман генерал-лейтенант Богаевский».

Это не помогло. В банках началась невероятная толчея. Здесь, как ужаленные; из угла в угол, от окошечка к окошечку, мечутся в великолепных гвардейских мундирах офицеры, дородные мужчины в элегантных костюмах, шикарно разодетые дамы...

— Вот это я понимаю! — в восхищении потирает малень-

кие ручки граф Сфорца ди Колонна князь Понятовский, расхаживая со своими приятелями Розалион-Сашальским и ротмистром Яковлевым по банкам.— Вот это я понимаю! Родовитая русская аристократия!.. Промышленные тузы!.. Министры!.. Помещики!.. Гордость России!.. Русью пахнет!..

— Скорее всего,— ухмыльнулся Розалион-Сашальский,— сигарами и коньяком.

Как и многие в то бурное время, эта тройка закадычных друзей в мутной водичке ловила рыбку, лихорадочно развивая свою деятельность. Понимая отлично, что дни их жизни в Новочеркасске и Ростове кончаются, скоро, так или иначе, придется удирать за границу,— а за границу с пустым карманом хоть не заявляйся,— друзья решили подработать на дорогу.

Вначале Яковлев научил маленького графа Сфорца и Розалион-Сашальского шулерству. Но это мало что принесло, так как паника охватила всех и каждому было не до карт. Друзья решили заняться аферой.

Как-то из Екатеринослава в Ростов приехали два торговых агента, посланные правлением общества потребителей служащих и рабочих Екатерининской железной дороги закупить различные товары для своего кооператива.

Торговые агенты остановились в гостинице «Астория», в которую обычно стекались все жаждущие приобрести драгоценности с «золотого дна» Ростова. Совершенно случайно Розалион-Сашальский, будучи в штатском костюме, познакомился с этими агентами и, сам еще не зная для чего, выдал себя за ростовского коммерсанта Ивана Ивановича Дронова, крупного поставщика продуктов для Ростовского комитета союза городов. Между новыми знакомыми завязался оживленный разговор. Когда Розалион-Сашальский узнал, зачем эти агенты приехали в Ростов, у него возникла блестящая мысль. Он предложил им перекупить у него большую партию мануфактуры, сданную якобы ему комитетом, который ликвидировал свои операции в уплату долга по прежним поставкам.

Доверчивые агенты поверили Розалион-Сашальскому.

— Понимаете ли, господа,— с сокрушенным видом говорил Розалион-Сашальский,— только жестокая, так сказать, необходимость заставляет меня запродать вам мануфактуру... Я бы мог придержать ее и взял бы, так сказать, за нее баснословные цены. Но что делать, так сказать, долги... долги...— развел он руками.— Вы, так сказать, счастливчики, господа. Не скрою, господа, вы, когда закончим сделку, должны магарыч поставить мне.

— Да разве ж мы постоим за этим, Иван Иванович,— заверили его торговые агенты.— Будете ублажены всем... Только уж продайте нам мануфактуру... Может, задаточек дать вам, а?..

— Да стоит ли, так сказать, задаток брать? — ломался Ро-

залион-Сашальский.— Может быть, мануфактура наша вам не понравится...

— Что вы!.. Что вы!..— смеясь, замахали на него руками торговые агенты.— Понравится. Уверяем вас, понравится... Сейчас такое время, всякая тряпка дорога... Фабрики-то не работают...

— Ну, что ж, так сказать,— как бы сдаваясь, ответил Розалион-Сашальский.— Давайте небольшой задаточек, если уж вы так настаиваете...

— Пожалуйста,— отсчитали ему десять тысяч рублей торговые агенты.— Не будете ли вы так любезны, Иван Иванович, показать нам мануфактуру...

— О, нет! — отрицательно закачал головой Розалион-Сашальский, небрежно кладя деньги в карман,— не только показывать мануфактуру сейчас, но даже указывать, где она находится, я не буду... Это, знаете ли, так сказать, дело тайное... Наши условия таковы: проданный товар будет вам сдаваться на станции Ростов только при вывозе его. Причем, так сказать, предварительно товар должен быть вами оплачен в размере пятидесяти процентов его стоимости... Впрочем, так сказать,— вставая, сказал он,— я сейчас пойду поговорю со своими членами комитета. Через два часа вернусь и дам вам ответ...

Он надел пальто и шляпу и направился было к дверям.

— Иван Иванович, вы бы нам расписочку дали на задаток, который мы вам выплатили,— нерешительно проговорил один из агентов кооператива.

— Что?! — вернулся разгневанный Розалион-Сашальский.— Возьмите свои деньги,— с пренебрежением швырнул он пачки денег на стол.— Не буду продавать вам мануфактуру! — решительно заявил он.— Найдем себе, так сказать, других покупателей...

— Иван Иванович, да что вы, дорогой,— начали успокаивать его торговые агенты.— Не надо расписки, доверяем вам и так... Возьмите деньги!..

— Не возьму!

— Да возьмите уж, не гневайтесь.

— Вы, вероятно, так сказать,— забирая снова со стола деньги и пряча их в карман, сказал Розалион-Сашальский,— думаете, что я какой-нибудь аферист...

— Да что вы, Иван Иванович! И не подумали даже.

— Через два часа ровно ждите меня...

Розалион-Сашальский ушел. Агенты переглянулись.

— Надул он нас, должно быть,— уныло сказал один из них.

— Пожалуй, надул,— покачал головой второй.— Зря доверились.

— Ну, подождем — посмотрим.

— Подождем.

Но ровно через два часа в гостинице появился Розалион-Сашальский, сопровождаемый переодетыми в штатское платье графом Сфорца и Яковлевым.

— Знакомьтесь, господа,— представил он своих товарищей.— Ростовские коммерсанты: Николай Николаевич Гнутов,— указал он на Сфорца,— и Яковенко Максим Трифонович,— ткнул пальцем Розалион-Сашальский в Яковлева.

— Очень приятно, господа,— раскланялись агенты, убеждаясь, что они дело имеют с порядочными людьми.— Давайте поговорим о деле.

Они завели деловой разговор. Сфорца и Яковлев подтвердили требование Розалион-Сашальского об уплате сейчас же половинной стоимости запроданной мануфактуры и решительно заявили, что товар не может быть показан агентам до момента отправки его из Ростова.

— Понимаете ли, господа,— таинственно прошептал маленький граф,— это потому приходится действовать с такой осторожностью, что мы боимся: увидят мануфактуру, могут привязаться и реквизировать ее...

— Одно мы, пожалуй, можем сделать,— это познакомить вас, так сказать, подробно со спецификацией запроданного товара,— не менее таинственно прошептал Розалион-Сашальский, боязливо озираясь на дверь. Он достал из внутреннего кармана зеленую ученическую тетрадь, исписанную мелким почерком. На каждой страничке были приколоты образчики мануфактуры.

Торговые агенты с интересом начали просматривать тетрадку, любуясь яркими образчиками.

— Нет, что вы, Иван Иванович,— сказали они, добродушно посмеиваясь.— Вы говорили давеча, что товар нам может не понравиться... Товар первоклассный. С удовольствием возьмем...

Мануфактуры по тетрадке значилось на сумму триста тысяч рублей.

— Да,— сказал один из торговых агентов, полнотелый, веснушчатый человек средних лет.— Все хорошо, но вот как же быть с оплатой? Вы все-таки настойчиво требуете сейчас половинную сумму оплаты? Или можете подождать, пока мы отвезем мануфактуру в Екатеринослав и сейчас же оттуда перешлем вам деньги.

— Это невозможно,— замотал головой Сфорца.— Тогда мы сделку с вами ликвидируем...

— Найдем других покупателей,— вставил насмешливо Яковлев.

— Зачем же других, господа? — обиделся торговый агент.— Мы берем все у вас... Разрешите подождать дня два-три, мы телеграфируем правлению общества, чтоб немедленно прислали нам денег...

Розалион-Сашальский пожал плечами и взглянул на Сфорца и Яковлева, как бы спрашивая, что же теперь делать...

— Пусть посылают телеграмму,— махнул рукой Сфорца.— Подождем.

Через два дня из Екатеринослава приехал член правления кооператива с деньгами.

При встрече с ростовскими «коммерсантами» он также поинтересовался узнать, где находится продаваемая мануфактура и пожелал осмотреть ее. Розалион-Сашальский с возмущением швырнул пачки денег на стол:

— Если вы нам, уважаемым коммерсантам, не доверяете, то можете получить обратно свой задаток.

Подозрение терзало душу члена правления, но безупречная внешность и манеры Розалион-Сашальского и графа Сфорца, а также та развязность, с которой действовали аферисты, рассеивали всякие сомнения. Не внушал особенного доверия один лишь Яковлев. Но он не вникал в дела, больше помалкивал.

Вздыхая, член правления достал из портфеля и отсчитал Розалион-Сашальскому сто сорок тысяч рублей.

Погрузка товара назначена была на тот же день. Пообещав через час доставить необходимое разрешение на вывоз из города мануфактуры, «коммерсанты» ушли из гостиницы и, разумеется, и поныне туда не возвратились.

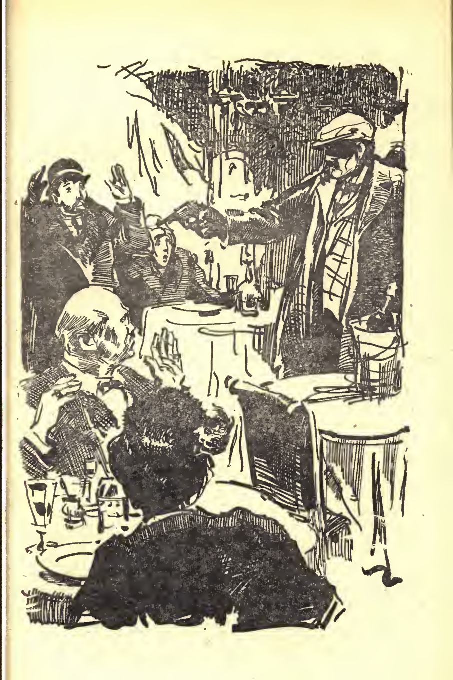
Проделав эту аферу, друзья до того обнаглели, что недавно продали одному приезжему коммерсанту товар, находившийся в вагоне на станции Ростов. Чтобы убедить покупателя в том, что проданный товар действительно находится на станции в неразгруженном еще вагоне, наши аферисты ловко инсценировали вызов к вагону помощника начальника станции, который дал необходимые подтверждения. Когда к вагону подъехали для разгрузки драгиля, потребовалось проделать какую-то пустячную формальность с разрешением для вскрытия вагона. Розалион-Сашальский, руководящий «операцией», вызвался сам выполнить эту формальность и отправился в контору начальника станции.

Долго ждали драгиля и коммерсант возвращения Розалион-Сашальского, пока не убедились, что сделались жертвой аферы. Деньги за товар, конечно, предусмотрительные аферисты и в этом случае получили вперед.

Ротмистр Яковлев, правда без ведома графа Сфорца и Розалион-Сашальского, однажды провел для опыта такую операцию. Надев на свое рябое лицо черную маску, он вошел в кафе «Швейцарское кофе», прикрыл дверь на засов и, наставив на публику, находившуюся в кафе, наган, заорал громовым голосом:

— Руки вверх!

Все в испуге подняли руки. Яковлев предупредил:



— Не волнуйтесь, господа. Всем тем, кто добровольно отдаст мне имеющиеся у них драгоценности и деньги, не грозит никакая опасность. Но кто вздумает оказать мне сопротивление или утаить ценности и деньги, пусть пеняет на себя... Убью! — прорычал он.

Скинув фуражку, не опуская револьвера и не отходя от двери, он сказал:

— Подходи по одному!.. Клади в фуражку!.. Живо!..

Перепуганные посетители кафе выстроились в очередь. В фуражку Яковлева посыпались деньги, золотые кольца, браслеты, портсигары. Когда фуражка наполнилась, Яковлев угрожающе спросил:

— Все положили?

— Все!.. Все!..

— Ложись на пол!.. Быстро!.. Стреляю!..

Все в ужасе повалились на пол.

— Лежать десять минут молча, не поднимая головы! — приказал Яковлев и, откинув засов у двери, скрылся...

Этот опыт дал ему тридцать пять тысяч рублей, четыре золотых браслета, восемь колец, некоторые из них с бриллиантами, пять брошей, три массивных серебряных портсигара с золотыми вензелями и много разной мелочи.

Когда он намеками дал понять своим друзьям, что таким способом можно было хорошо «подработать», те с негодованием отвергли идею Яковлева.

— Как ты мог подумать о такой гнусности? — с возмущением вскричал маленький Сфорца.— Я — аристократ, граф, князь — и вдруг дневной грабеж. За кого ты меня принимаешь? Я думаю, что ты пошутил. Если не пошутил, то я перестану тебе подавать руку...

Яковлев вскипел:

— Ну, знаешь, Сережка, хоть ты и князь, хоть ты и граф, а пошел ты к чертовой матери! Пошутил ли я или не пошутил — это дело мое, а мне надоело тебя кормить... Я шулер, и ты хорошо знаешь об этом. И вот шулер тебя уже сколько времени кормит. А ради чего? Из-за твоего графства?.. или княжества?.. Плевать мне на твои титулы.

Друзья, видимо, перессорились бы смертельно, если бы их не примирил Розалион-Сашальский.

— К чему раздоры, друзья? — сказал он укоризненно.— Такие дни, господа, сейчас. Если мы поссоримся, то уедем за границу ни с чем. Нам, так сказать, нужна полная гармония в наших отношениях. Нужно, так сказать, единение, согласие... Иначе пропали мы. Помиритесь! Сейчас же помиритесь! Подайте друг другу руки...

Ненавидя друг друга, но пока еще нуждаясь один в другом, они вынуждены были пожать руки.

Вскоре после этого инцидента, как-то будучи в ростовском

кафешантане «Марс», Сфорца в антракте, разгуливая со своими приятелями, усмехнувшись, сказал:

— Думаю, что я все же выдающийся человек. Просто феномен! Меня одолевают порой гениальные мысли. Вот сейчас, как ни отгоняю я, а навязчивая идея сверлит мой мозг...

— Какая, Серж? — сгорая от любопытства, спросил Яковлев.

— Да она не осуществима...

— Ну, а все-таки скажи.

— Если б осуществить ее...— проговорил Сфорца.

— О! — подпрыгнул от любопытства Розалион-Сашальский.— Что ж за идея? Будь другом, так сказать, не томи... На свете нет ни одной такой мысли, которую не мог бы, так сказать, реализовать шляхтич Владислав Розалион-Сашальский. Скажи, друг!

— Вы все, по-моему, знаете американца Брэйнарда? — таинственно прошептал Сфорца.

— Это того самого, который натянул вам всем носы, отбил у вас Верку Ермакову и живет с ней? — мрачно хмыкнул Яковлев.

— Ну, тож, Миша, скажешь,— недовольно проговорил Розалион-Сашальский.— Никто нам, так сказать, не натягивал носов. Мы сами отдалились, так сказать, от этой вульгарной женщины. Если бы я хотел...— браво покрутил свой рыжий ус поляк.

— Не хвались! — оборвал его Яковлев.

— Знаем, конечно, этого американца. Так что? — сказал Розалион-Сашальский.

— Этот американец,— зашептал Сфорца,— ежедневно скупал у новочеркасских ювелиров драгоценности. Я как-то был у него в номере... По-моему, все скупленные драгоценности он прячет в большом светло-желтом кожаном чемодане, который стоит у него около кровати...

— Ну-ну? — с любопытством прислушивались Розалион-Сашальский и Яковлев к рассказу Сфорца.

— Он боится отдавать драгоценности в банк на хранение.

— Похитить бы у него этот чемодан.

— Вот это мечта! — захохотав, хлопнул себя ладонью по лбу Яковлев.

— Да, дело соблазнительное,— крутя ус, задумчиво проговорил Розалион-Сашальский.— Это, так сказать, была бы важнецкая добыча... Да-а, надо это дело обмозговать...

— Как ты, Миша, на это смотришь? — спросил Сфорца у Яковлева.

— Как я на это смотрю? — захохотал Яковлев.— На все то, где пахнет деньгами, я смотрю влюбленными глазами... Вы можете даже не спрашивать моего согласия. Располагайте мной, как собой...

— Ну и прекрасно,— сказал Сфорца.— Надо продумать план похищения этого чемодана. Все втроем выедем в Новочеркасск. Только вот беда: говорят, к этому американцу приехал его секретарь из Лондона... Надо это все учесть.

— Ерунда,— махнул рукой Яковлев.— Сумеем спереть чемодан и из-под носа этого секретаря...

— Дал бы бог! — сказал Розалион-Сашальский.

XXI

Высокий и высушенный, как тарань, белобрысый, с осыпанным веснушками длинным, тонким носом, мистер Тренч производил впечатление простодушного, бесхитростного малого, которого нетрудно было обвести.

Жил он в гостинице «Лондон», рядом с номером своего патрона. По приказанию Брэйнарда он почти никуда не отлучался из гостиницы, как цербер сторожил комнату своего хозяина. И если уборщицам приходилось убирать номер Брэйнарда, то делали они это под надзором Тренча.

Однажды мистер Тренч, проводив хозяина, прохаживался около номера Брэйнарда, наблюдая за тем, как уборщица мыла полы. По коридору, поскрипывая лаковыми туфлями, прошел одетый в синий новенький костюм, полнотелый рыжеватый мужчина средних лет с пышными усами.

— Гуд морнинг, мистер Тренч,— улыбаясь, раскланялся он с англичанином.

— О, сенк ю! — живо обернулся Тренч, с любопытством, меряя взглядом с ног до головы рыжеусого господина.— Ви мне знайт?

— Как же вас не знать, мистер Тренч? — остановился незнакомец.— Меня, так сказать, познакомил с вами сам мистер Брэйнард... Разве вы меня забыли?

Англичанин сморщил лоб. Потом как бы вспомнил, смущенно заулыбался:

— О, простите мне, мистер...

— Пятаков Петр Петрович,— подсказал рыжеусый господин, улыбаясь и почтительно кланяясь.— Так сказать, потомственный русский дворянин и помещик...

— Олл райт! — воскликнул англичанин.— Пиетр Пиетровиц... Я вас не вдруг узнавайт...

— Ничего,— добродушно усмехнулся рыжеусый.— Вспомнили же...

— Ви здес жил? — спросил Тренч.

— Ну да,— кивнул рыжеусый.— Я здесь живу, в этой гостинице. Вон мой номер,— махнул он рукой в неопределенном направлении.— Не угодно ли, мистер Тренч, ради приятной встречи, так сказать, спуститься со мной в ресторанчик и, так сказать, выпить коктейль, виски или водки, что угодно?

— О! — улыбаясь и прижимая руку к сердцу, закивал головой англичанин.— Спасыб большой... Мне нелза ходит туда...

— Нельзя ходить туда? — переспросил рыжеусый господин.— Ну что же, и не надо... Мы закажем в мой или в ваш номер завтрак. Хорошо, мистер Тренч?

Хотя и плохо, но все-таки англичанин понимал своего русского собеседника. На его приглашение выпить он решительно замотал головой:

— Но!.. Но!.. Пить нелза... Но!..

— Немножко, мистер Тренч, немножко...

— Немножка?

— Чуть-чуть,— показал полпальца рыжеусый.— Вот столечко, так сказать.

— Цут-цут можна,— кивнул англичанин.

Уборщица, помыв номер Брэйнарда, заперла дверь и ключ передала Тренчу. Тот сунул его в жилетный карман.

Из приоткрытой двери номера, напротив, тонкий голос запел:

Плыви, моя гоидола-а,
Озаренная луной.
Раздайся баркарола
Над сонною ре-екой...

Рыжеусый покосился туда и громко закашлялся.

— Отлично, мистер Тренч,— сказал он.— Где же мы выпьем, у меня или у вас?

— Мне,— ткнул пальцем англичанин в дверь своего номера.

— Очень хорошо. Гут! Послушайте,— подозвал рыжеусый горничную и сказал ей, что принести им из ресторана.

Напоив до потери сознания англичанина, Розалион-Сашальский вынул у него из жилетного кармана ключ от номера Брэйнарда и, приоткрыв дверь, передал его прохаживающемуся по коридору маленькому улану. Сфорца подозвал Яковлева, шепнул что-то и сунул ему ключ. Тот кивнул головой. Взяв в своем номере гитару, Сфорца вошел в комнату хорошенькой горничной. Оттуда вскоре послышался девичий смех, взвизги.

И в то время, когда Розалион-Сашальский занимался с пьяным англичанином, а маленький граф развлекал горничную, Яковлев вытащил из номера Брэйнарда огромный светло-желтый кожаный чемодан...

Через час в гостиницу вернулся Брэйнард. Его встретил совершенно трезвый секретарь.

— Все в порядке, Томас? — спросил его Брэйнард.

— О'кэй! — весело воскликнул Тренч.— Хотя случилось довольно комическое пронсшествие.

— Какое же? — заинтересовался Брэйнард.

— Чемодан из вашего номера стащилн.

— Все-такн стащнли?.. Расскажи, как это случнлось?

Тренч подробно рассказал обо всем, что с ннм пронзошло.

— Я сразу понял, что этот господин с рыжими усамн жулик. Я дал возможность ему делать все, что ему хотелось. Он начал меня спаивать. Я притворился пьяным. Потом он вытащил из моего кармана ваш ключ и передал его своим двум товарищам... Ои остался здесь, а они воровали ваш чемодан. Потом я притворился уснувшим, тогда он ушел от меня.

Брэйнард расхохотался.

— Томас, вы чудесный малый! — воскликнул он.— Вы заслуживаете большой награды. Имейте в виду — вы ее получите в Англии. Ведь так классически провести негодяев — это же чудо.

— Благодарю вас, сэр,— поклоннлся Тренч.

— Какне из себя эти мошенники?

— Один толстый с рыжнми усами...

— Так.

— Второй маленькнй, с черными уснками.

— Так.

— Третий худой, высокнй, рябой.

— Понятно. Этнх авантюристов я знаю. Но теперь они во второй раз не полезут... Воображаю, как онн раскроют чемодан, набитый простыми камнями. Ха-ха!.. А мешок-то цел?..

— Будьте покойны, сэр,— кнвнул Тренч.— Вот,— откннул ои подушку на своей кровати. Там, под подушкой, лежал большой кожаный мешок, закрытый двумя замкамн.— Я с него глаз не спускаю. А если б кто коснулся, то познакомился б вот с этой штукой,— вытащнл он нз кармана браунннг.

— Молодчина вы, Томас! — крепко пожал ему руку Брэйнард.— Я вам обязан, и вы за все получнте мою благодарность.

XXII

К январю 1920 года частями Первой Конной армии был полиостью очищен от белогвардейцев Донбасс.

Теперь перед Первой Конной ставилась задача — во взаимодействии с VIII армией нанести решительный удар по остаткам белой армии, находящнмся в Ростове.

До Ростова хотя и не особенио далеко, но подступы к городу снльно укреплеиы. Деникинцы сюда стянули отборные казачьи офицерские полки, много артиллерии. Кругом курсировали бронепоезда. Англичане подбросили танковые отряды.

6 январия 11-я кавалерийская дивизия Первой Коииой ар-

мии совместно с 9-й стрелковой дивизией при активной поддержке советских бронепоездов взяли Таганрог. Белогвардейцы бежали к Ростову.

Хотя до рассвета еще и далеко, но небольшое село Милость Кураки уже живет суматошной жизнью.

В маленьких оконцах нахохлившихся соломенными заснеженными крышами низких хат мерцают огни. По улицам под яростный лай собак с шумом и криком проходят конные части. Звонко ржут кони. Скрипит морозный снег под санями и телегами обозов...

Ворошилов и Буденный остановились обогреться и отдохнуть в большой, просторной хате. Здесь шумно и весело. Вокруг жарко натопленной печки стоят, грея руки, начдивы, комбриги, военкомы, заскочившие сюда на минуту получить дальнейшие распоряжения. То и дело слышатся взрывы смеха.

— Эй, Мироненко! — кричит весело кто-то.— Что у тебя уши-то мотаются, как у лягавой? Ай, отморозил?

— Это он их в воде размочил,— отвечает кто-то, смеясь.

Сидящих за столом над картой Ворошилова и Буденного окружила группа командиров.

— Товарищ Ворошилов, объясните, пожалуйста...— задает вопрос один.

— Товарищ Буденный,— скажите...— перебивает его другой.

И Ворошилов, и Буденный терпеливо отвечают на каждый вопрос, объясняют задачи, поставленные перед той или другой частью.

На улице вдруг возникает частая ружейная стрельба. Несколько пуль с взвизгом влетают в хату. Кто-то, заскрежетав зубами, простонал.

— Ранили! — крикнул чей-то тонкий голос.

На ходу одеваясь и надевая шапки, все ринулись к дверям, столпившись у порога.

— Спокойствие, товарищи! — закричал Ворошилов.— Спокойствие!.. Без волнения!.. Выходите по одному.

Возня у порога прекратилась. Ворошилов с Буденным вышли из хаты последними. Ординарцы уже держали под уздцы разгоряченных лошадей. Кони взволнованно танцевали, косясь в сторону выстрелов.

— Ну-ну, что ты волнуешься? — похлопал по шее свою Волгу Ворошилов и, коснувшись носком левой ноги стремени, взлетел в седло. Волга ринулась по улице. Буденный на своем Казбеке догнал Ворошилова. Все остальные начдивы, комбриги и военкомы следовали за ними.

Они проехали квартал. То там то сям по селу вспыхивала трескотня ружейной перестрелки. Серая мгла ночи светлела — начинался мутный рассвет. Где-то кричали «ура».

— В чем все-таки дело? — придерживая кобылу, спросил Ворошилов, оборачиваясь.— Ничего не пойму.

— Может быть, разрешите выяснить? — выдвигаясь из толпы командиров, спросил Прохор, который также только что приехал к Ворошилову по делу.

— Выясните, товарищ Ермаков,— согласился Ворошилов.— Нам нет, конечно, нужды ехать всем. Мы подождем здесь... Только, прошу вас, будьте осторожны.

— Не беспокойтесь, товарищ Ворошилов,— сказал Прохор. Пришпорив коня, он помчался в темь, туда, где трещали выстрелы.

Но в селе теперь стало спокойно, выстрелы слышались уже где-то вдалеке. Выехав из села, Прохор увидел во мгле рассвета мчавшегося навстречу всадника. Он резко натянул поводья. Жеребец от неожиданности присел на задние ноги.

— Кто? — крикнул Прохор, наставляя наган в сторону неведомого всадника.

— А ты кто? — остановился и тот.

В голосе почудились знакомые нотки.

— Сазон, ты? — неуверенно спросил Прохор.

— Я, а ты кто?

Прохор засмеялся и поехал к нему.

— Что ж, Сазон, не узнаешь? А тож друг...

— О, Прохор Васильевич! — обрадовался Сазон и подскакал к Прохору.— Здорово, товарищ военкомдив!

— Здравствуй! Что за стрельба?

— Беляки хотели на нас врасплох напасть. Да номер не прошел... Бросились мы на них в атаку, отогнали... Многих чертей порубали, а многих в плен позабирали... Одного я своего станичного забрал в плен... Помнишь, тогда к тебе приходил-то Мишка Котов?.. Так вот я его, сволочугу, поймал... Ха-ха!.. Говорит, что среди пленных должны быть еще наши станичные...

— А почему сейчас-то идет стрельба?

— Да это так уж, для острастки,— засмеялся Сазон.— Так вот Котов говорит, что командиром полка у них был Максимка Свиридов... Вот гад!.. Чин у него уже войскового старшины. Ежели не убили, то, может, тоже в плен к нам попал...

— А где пленные? — спросил Прохор.

— А вон ведут,— обернувшись, указал Сазон на бредшую в утренней мгле толпу пленных, конвоируемую конармейцами.

— А ты куда направляешься?

— К товарищу Буденному послан с рапортом,— сказал Сазон.

Он уже намеревался было мчаться, но, заметив выезжавшую из села кавалькаду всадников, остановился.

— Никак, товарищ Буденный? — угадывал он.— Он и есть... и товарищ Ворошилов тоже...

Сопровождаемые ординарцами и адъютантами, к Прохору и Сазону подъезжали Ворошилов и Буденный.

— Так что тут происходит, товарищ Ермаков? — спросил Ворошилов.

Прохор рассказал.

— Вот участник атаки, он может вам подробнее рассказать,— указал он на Сазона.

— Я к вам с донесением, товарищ командарм,— козырнул Сазон и передал Буденному пакет.

Прочитав донесение, Буденный спросил, указывая на пленных, уныло бредших по дороге:

— А что это за народ?

— Пленные, товарищ командарм,— ответил Прохор.

— Пленные? — переспросил Ворошилов.— Интересно. Посмотрим.

Они подождали пленных. Буденный пристально вглядывался в лица белогвардейцев.

— Стой! — вдруг поднял он руку.

Колонна пленных остановилась.

— Тут, оказывается, и наши, платовские, есть,— сказал Буденный Ворошилову.— Ей, Ергенов! — крикнул он высокому калмыку в офицерской папахе, прятавшемуся за спины пленных казаков.— Иди-ка сюда!

Калмык испуганно глянул на Буденного и, узнав его, вороватo забегал глазами, присел.

— Ну, чего прячешься-то? — повысил голос Буденный.— Говорю, иди сюда!

Калмык, посерев от страха, зябко поежился. Пугливо озираясь на пленных, словно ища у них защиты, он вышел из толпы.

— Эх, ты! — окинул его презрительным взглядом Буденный.— Докатился. Что ж с тобой теперь делать, а?

Ергенов молчал, потупив взор.

— А в чем дело, Семен Михайлович? — спросил Ворошилов.

Буденный стал рассказывать о калмыке, о его предательстве.

— Народ доверил ему,— говорил гневно Буденный.— Советская власть доверила ему. Выбрали его членом ревкома Великокняжеского округа, назначили заведовать военным комиссариатом, а он обманул, предал нас. Все оружие, которое находилось в военном комиссариате, сдал белым и сам сбежал к ним... У белых служил... Кем ты, Ергенов, служил?

— Командиром сотни,— глухо сказал Ергенов.

— Да, это, конечно, предательство,— сказал Ворошилов.— За это надо судить.

Пленные были мрачны и растерянны. Переглядываясь, они

настороженно прислушивались к тому, что говорили Ворошилов и Буденный.

— Из какой он семьи? — спросил у Буденного Ворошилов.

— Отец у него был скотовод,— сказал Буденный.— Но наемного труда не имел, сам трудился...

— Да, товарищи,— проговорил громко Ворошилов.— Этот человек за свое предательство и активную службу у белых заслуживает суда военного ревтрибунала, но, принимая во внимание, что он происходит из семьи трудового казака-калмыка, то, я думаю, Семен Михайлович, мы его отпустим домой... Как ваше мнение?

Калмык был поражен таким великодушием. Он изумленно взглянул на Ворошилова, не веря своим ушам. Столько он натворил злого против Советской власти, против народа, что, когда попал в плен к красным, уже обрек себя на смерть. Разве он мог предполагать, чтоб его простили?..

— Ты слышал, Ергенов, что сказал представитель Центрального Комитета Коммунистической партии и Советского правительства товарищ Ворошилов? — спросил Буденный.— Тебя прощает Советская власть за все твои злодеяния. Как только Платовская станица будет освобождена Красной Армией, можешь идти домой и честно трудиться... В штабе армии тебе выдадут документ.

Калмык упал на колени. Слезы полились по его желтосмуглому лицу.

— Ой, как я виноват!.. Ой, как виноват!.. Советская власть простил меня... Бей меня, плюй меня!.. Я дряннный человек!

Лица у пленных казаков прояснились. В сердце у каждого появилась надежда: раз уж такого заядлого преступника, как Ергенов, простили, то их уж, простых казаков, обманутых офицерством, подавно простят и распустят по домам...

— Ах мать твою черт! — вдруг смачно выругался кто-то за спиной Буденного.

Буденный оглянулся. Его ординарец, Фома Котов, разъяренно жигаиув плетью своего коня, в два прыжка очутился у толпы пленников. Со свистом выхватил он шашку из ножен и, потрясая ею над головой какого-то пленного казака, орал:

— Зар-рррублю, гад ползучий!.. Ишь ты, супротив своего родного брата пошел! Супротив народной Советской власти пошел!.. Супротив самого товарища Ленина пошел!.. Я тебе голову срублю, беляку проклятому... Гад непомерный!..

— Фома! — сердито прикрикнул Буденный.— Отставить! Кого ты собираешься рубить? Чего буянишь?..

— Извиняюсь, товарищ командарм,— сказал, стихая, Фома.— Да как же не буянить? Поневоле забуянишь, коль вот этот сволочной казачишка является всенастоящим родным братом моим. Да как вы думаете, что я за мерзячие дела обнимать, что ли, должон его?

Поиурив голову, подобранный, щеголеватый казачок, Михаил Котов, уныло выслушивал браиь своего старшего брата.

— Выходи сюда! — приказал ему Буденный.

Михаил, высоко подинмая носкн, решнтельно вышагнул нз толпы пленных, прищелкиул каблукамн, вытянулся, опустил глаза в землю и замер.

Выправка казака поиравнлась Будениому.

— Ты кем служил у белых? — спросил он у иего.

— Взводиым урядником,— ответил Михаил Котов.— А два дня тому назад наш стаиишиый казак Максим Свирндов, какой, мол, зараз комаидовал полком нашим, для смеха назиачил меня комаидовать сотией...

— Почему же — для смеха?

— Да какой из меия командир сотии? — усмехиулся застенчиво Михаил.

— Ну, это ты зря скромиичаешь,— сказал Буденный.— Пареиь ты боевой... Это ваш станичный, товарнщ воеиком? — спросил он, обернувшись к Прохору.

— Да, наш,— кивнул Прохор.

— Ну, как он?

— Казак боевой и неплохой. Только вот с братом моим белогвардейцем спутался... На услужеинн у него был. Парламентером ко мне приходил, предлагал сдаться вместе с моим отрядом.

— Ишь ты! — удивлеино покачал головой Буденный.— Какой ты действительно боевой. Видишь, Котов, какой брат у тебя,— кивнул он на Фому.— Молодец! Честно служит народу и Советской властн. А тебя ослепили офицеры... Эх, ты!..

— Заблудился, товарищ командующий,— вздохнул Михаил.

— Заблудился,— усмехнулся Буденный.— Все вы говорите, что заблудились, как круто приходится... Поздно больно вы прозреваете... Что же с тобой делать? Что делать с твоим братом, Фома?..

— Расстрелять, товарищ командарм,— с сердцем ответил Фома.

— Что вы такой кровожадный, товарищ Котов? — смеясь, сказал Ворошилов.— Зачем же его расстреливать, когда из него может быть полезный человек?.. Как вы думаете,— обратился он к Михаилу Котову,— отпустить вас домой или вы будете служить у нас?

— Буду служить у вас, товарищ начальник,— с готовностью ответил Михаил.

— А не сбежите снова к белым?

— Да что вы, товарищ начальник! — даже отшатнулся Котов.— Да мыслимое ли это дело?.. Уж ежели я пойду к вам служить, так, верьте мне, жизнь положу, а доверие ваше оправдаю...

— Как думаешь, Фома, правду он говорит? — спросил у своего ординарца Буденный.

— Брешет! — мрачно проворчал Фома.

— Брат! — вскричал со слезами на глазах Михаил.— Да ты что же это на своего одноутробного, родного брата наговариваешь?.. Богом прошу тебя — прости меня...— И он повалился в снег, земно кланяясь в ноги коню, на котором сидел Фома. Лошадь испуганно попятилась. Фома задержал ее.

— Прости, братуша,— всхлипывал Михаил.— Вот те господь, буду служить верой и правдой и свою провинность отслужу. Прощаешь, что ль, брат? — приподнял он заплаканное лицо, заглядывая на Фому.

Но тот безмолвно сидел на коне.

— Да, я вижу вы, товарищ Котов, бесчувственны,— улыбнулся Ворошилов.— Неужели у вас сердце не дрогнет?

— Как же быть, Фома? — сказал и Буденный.— Советская власть прощает заблудившихся, обманутых казаков, а ты не хочешь брата своего простить.

Фома покосился сначала на Ворошилова, затем на Буденного, молча соскочил с коня, поднял брата.

— Ну, ладно, Миша, вставай,— сказал он ворчливо.— Раз уж Советская власть тебя прощает, то, стало быть, и я тебя прощаю...

Они расцеловались.

XXIII

По городу ходили слухи о стремительном наступлении Красной Армии, говорили, что вот-вот красные подойдут к Ростову. Но пока еще в городе было спокойно, а поэтому обыватели не могли не позволить себе удовольствия провести в радости и веселье рождественские праздники.

А молодежь еще задолго до святок начала веселиться и веселилась напропалую. Гремели балы за балами. Устраивались маскарады, карнавалы. Тон задавала аристократическая «золотая» молодежь, прибывшая на юг из столицы и Москвы и сидевшая на чемоданах, готовая вот-вот вспорхнуть и удрать за границу.

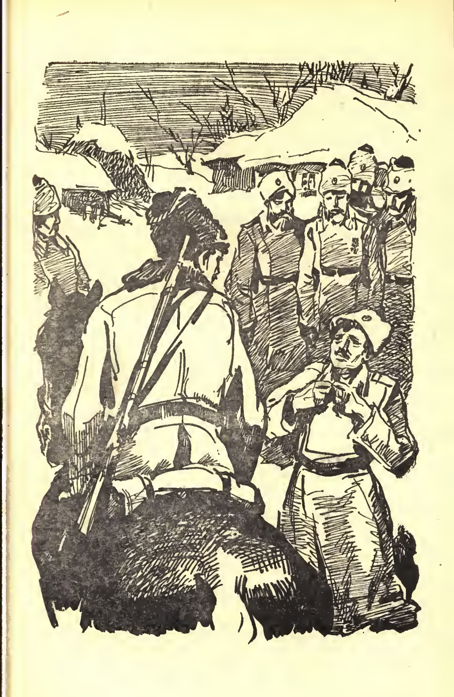
В многочисленных кабаре, кафешантанах, ресторанах было шумно, полно кутящей публики.

Хороший сбор делали театры, кинематографы и другие зрелищные заведения. Со стен зданий заманчиво кричали афиши:

ТЕАТР «ОЛИМП»

ЖЕНЩИНА БЕЗ СЛЕЗ

В роли каторжника артист Худож. театра В. А. Волков.
В роли шансонетки артистка Нина Кондаурова.



«СОЛЕЙ»

СЕРДЦЕ, БРОШЕННОЕ ВОЛНАМИ

С участием артистов Карабанова, Эльского, Тамарова и др.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР

«ПОЗАБУДЬ ПРО КАМИН, В НЕМ ПОГАСЛИ ОГНИ»

Участвуют Вера Холодная, Рунич, Максимов, Полонский, Алексеев.

Стояли крепкие морозы, но тротуары были забиты веселой гуляющей публикой, среди которой особенно много военных.

— «Приазовский край»! — расталкивая толпу, пронзительно кричит мальчишка, мчась по тротуару с кипой газет под мышкой.— Красные разбиты под Никитовкой!.. Красные разбиты!..

Газеты расхватываются. Настроение у публики поднимается. Слышатся веселые восклицания, смех.

Изредка, привлекая внимание толпы, по улице проходят английские и французские, солдаты и офицеры. Окруженные веселой толпой ребятишек, поблескивая белыми зубами в смущенной улыбке, идут негры. Иногда даже появляются японцы.

По мостовой, высоко поднимая ноги и отбивая шаг, под гром и звон духового оркестра, ритмично колыша из стороны в сторону щетиной штыков, проходит офицерская рота.

Выправка у офицеров на диво. Восхищенные барышни и молодые дамы посылают им воздушные поцелуи.

— Душки!

По заснеженным улицам, обгоняя звенящие трамваи, разбрасывая из-под копыт по сторонам комья снега, проносятся рысаки.

— Берегись! — предостерегающе вопят извозчики.— Берегись!..

В санках сидят генералы, какие-то укутанные в шубы толстые тузы или прижавшиеся друг к другу парочки.

— Кра-асные разби-иты под Никитовкой! — кричат мальчишки.— Отступают в панике!..

— Вот мерзавцы! — смеется Семаков, на ходу просматривая газету.— Выдумают же, красные разбиты под Никитовкой... Ха-ха!.. Обыватели, конечно, могут поверить... Витя, сунь вот этому в карман листовку... Так!.. Молодец!.. Пусть почитает...

— Может, Иван Гаврилович, сядем на трамвай? — предлагает Виктор.

— Да ты глянь. Там и сесть-то некуда... Пойдем уж так, кстати листовки разбросаем...

Семаков с Виктором направляются на вокзал. Ростово-Нахичеванскому подпольному комитету доподлинно известно, что буденновские полки уже подходят к городу. Вся подпольная организация на ногах, она вооружилась и вооружила многих рабочих ростовских заводов. Все с нетерпением ждут сигнала подпольного комитета, чтоб начать вооруженное восстание и помочь Красной Армии захватить город.

Семаков и Виктор посланы на вокзал выяснить положение. По слухам, там уже вторые сутки стоит состав из Новочеркасска с золотом Донского правительства. Возникла идея — нельзя ли захватить это золото или во всяком случае, если представится возможность, задержать состав до прихода Красной Армии?

По пути их попросили распространить только что отпечатанные в типографии листовки, в которых граждане Ростова призывались оказывать содействие наступающей на город Красной Армии.

— Иван Гаврилович,— воскликнул Виктор.— Да брось ты эту брехливую газету! Что ты нашел в ней хорошего?

— Нет, постой, постой, крестник,— продолжая на ходу просматривать газету, сказал Семаков.— Тут есть любопытные вещи... Вот, например, послушай!

Они остановились. Семаков стал читать:

— «Пролежав более месяца в лазарете, не видел за это время улиц города. Теперь я выздоравливаю, можно выходить гулять, но во время боя с красными я лишился брюк и сапог. Не имею возможности их приобрести и получить помощь от родных, так как они в Киеве. Я покорнейше прошу добросердечных людей откликнуться и пожертвовать мне брюки и сапоги. Хочется ведь и мне попраздновать светлое рождество Христово.

Прапорщик Рудаков».

— Вот так вояка! — рассмеялся Семаков.— Так навоевался, что растерял портки и сапоги...

Виктор даже не улыбнулся шутке своего друга. Он был под впечатлением, которое произвело на него сообщение Васи Колчанова о смерти Марины.

«Нет!.. Нет!..— с горечью думал он.— Не верю!.. Неужели я не увижу ее больше?»

Переживая свое горе, Виктор похудел, в глазах затаилась печаль.

— Нет, крестник, так никуда не годится,— покачал он укоризненно головой.— Надо взять себя в руки. Так распускаться большевику не годится.

Виктор соглашался с ним, что падать духом большевику действительно не годится и старался бодриться. Но получалось это фальшиво, искусственно...

На вокзале лихорадочная суета. Ошалело мечутся по перрону люди с узлами, чемоданами, торопясь сесть в отходящие на юг поезда. У вагонов крики, давка, ругань, плач...

— Удирают, сволочи! — усмехнулся Семаков.— Почуяли.

Виктор сунул в карман какого-то бегущего с чемоданом толстяка листовку.

— Так он же умрет, как прочитает ее,— засмеялся Семаков.

— Туда ему и дорога,— махнул рукой Виктор.

Рассовывая листовки в карманы, узлы и корзины толпящихся на платформе пассажиров, они скоро разыскали то, что им было надо. На четвертом пути стоял состав из пяти вагонов: одного классного и четырех товарных. Вокруг состава плотным кольцом стояла атаманская гвардия в серых папахах с голубыми верхами. Они держали винтовки на изготовку. Никого близко к вагонам они не подпускали.

Еще издали Семаков и Виктор увидели, что один вагон опечатан несколькими сургучными печатями и свинцовыми пломбами.

— Правильные слухи,— прошептал Семаков.— Золото... А ну-ка, давай пройдем мимо...

Они хотели пройти мимо состава по платформе, но молодой есаул, расхаживающий около состава, грозно закричал на них:

— А ну, ну, проваливайте!.. Здесь нельзя расхаживать!..

— А если нам надо именно здесь пройти? — вызывающе крикнул Виктор, останавливаясь.

— Проваливай, говорю! — озлобленно закричал офицер, хватаясь за кобуру.— А то я тебе пройду!..

— Ты с ума сошел! — раздраженно сказал Семаков, утаскивая Виктора прочь от состава.— Что ты с ним связался?.. Пальнет в тебя из револьвера — и готов... Чудак!.. Время, брат, такое смутное... Они и отвечать за тебя не будут... Задиристый какой, а...

Они отошли на порядочное расстояние от состава и стали тихо рассуждать между собой.

— Этот состав, конечно,— сказал Семаков.— Но как его захватить?

— Пойти на риск,— прошептал Виктор.— Ночью собрать человек тридцать подпольщиков и окружить состав... Тут, я думаю, атаманцев человек пятьдесят, не больше...

— Нет, человек сто, наверно...

— Возможно, и сто.

Они замолкли, и оба стали изучать место, где стоял состав с золотом.

— Кажется, зря мы стараемся,— сказал Семаков.

— Почему?

— А вон, видишь, садятся... Сейчас поедут.

И действительно, атаманцы торопливо садились в вагоны

и, не отходя от дверей теплушек, зорко наблюдали за опечатанным вагоном. Паровоз без свистка дернул состав и медленно потащил его...

Семаков и Виктор переглянулись и молча пошли с вокзала.

Вечером под 8 января морозы спали, стояла приятная погода. С синего звездного неба падали крупные хлопья снега. При свете электрических фонарей они отливали золотом, и, казалось, как в волшебной сказке, все вокруг — и небо и земля — было заполнено играющими звездами...

Город праздновал рождество. Сквозь ярко освещенные окна видны вальсирующие пары. Ресторан и бары жили бурной жизнью... Звенели бокалы, произносились тосты в честь победы белой армии, рекой лилось шампанское... Под аккомпанемент оркестров полуголые шансонетки пели песенки с сальным содержанием, танцевали эротический канкан [1], пошло острили... Пьяная публика хохотала, аплодировала и кружилась парами между столиками. Как пистолетные удары, хлопали хлопушки. Разноцветными снежинками порхали маленькие звездочки конфетти. Цветной паутиной обволакивал танцующих серпантин...

Погуляв по улицам, насмотревшись на веселящийся вечерний город, Виктор, грустный и сиротливый, вернулся на свою новую квартиру, которую он теперь выбрал ближе к Нахичевани. Делать было нечего, читать не хотелось, и он лег спать. Но ему долго не спалось. Из головы не выходил образ Марины... Потом он заснул...

В полночь его разбудили. В комнату вошел радостный, сияющий Семаков.

— Вставай, крестник!.. Пойдем праздновать рождество.

— Что случилось, Иван Гаврилович? — приподнялся Виктор, не понимая еще причин его радости.

— А ты одевайся скорей, тогда узнаешь. Где твоя винтовка?

— В сарае, в дровах.

— Захватывай.

Виктор быстро оделся, сунул в карман револьвер, сбегал в сарай за винтовкой. Он догадывался: видно, красные подходят к Ростову.

Они вышли на улицу. Семаков на ремне нес винтовку. Снег перестал. Стояла тихая лунная ночь. Где-то на окраине Нахичевани злобно лаяли собаки и похлопывали выстрелы.

— Уже? — спросил Виктор.

— Уже-то уже,— весело сказал Семаков.— Но самое ин-

---

[1] Французский эстрадный танец со скабрезными телодвижениями.

тересное ты проспал... Красная Армия уже побывала в Ростове!

— Что ты, Иван Гаврилович!

— Верное слово, побывала,— повторил Семаков.— Правда, пока что лишь разъезды... Город-то весь пьяный, никто его не защищает... Сколько пьяных офицеров повыловили — страсть...

— Что ты мне говоришь, Иван Гаврилович, я же весь вечер бродил по улицам и никого не видел...

— Так ты где ходил?.. Тут вот, наверно, в центре? А они ездили по Нахичевани... Вот только сейчас белогвардейцы опомнились и стали оказывать сопротивление. Слышишь, постреливают? Это бой начался... Сейчас мы нашу организацию собираем, в тыл белым ударим... А нам с тобой другое дело поручено... Пошли!

— Какое? — спросил Виктор.

— Потом узнаешь... Вон наши ребята в переулочке ждут. Они с нами пойдут.

За углом стояла группа в полтора десятка молодых рабочих, вооруженных винтовками.

— Пошли, ребята! — сказал им Семаков.— Только тише!

Осторожно ступая, придерживая винтовки, все молча двинулись по улице.

— Из тюрьмы наших пойдем освобождать,— шепнул дорогой Семаков Виктору.— Гулдена и других.

— Вот это правильно! — кивнул юноша.

Когда проходили Садовую — главную улицу города, то чуть не наткнулись на промчавшуюся в сторону Нахичевани кавалерийскую часть белых.

Убедившись, что за ней никто не следует, Семаков махнул рукой, и все проворно перебежали освещенную улицу.

Подбежав к чугунным воротам тюрьмы, Семаков грозно загремел прикладом.

— Именем революции, требуем открыть ворота! — закричал он.

Перепуганные надзиратели не сразу сделали это.

— А кто вы такие? — спросил один из них, высунув в окошко седую голову.

— Представители Советской власти,— сказал Семаков.— Открывай быстрее, а то повесим. Разве тебе не известно, что город уже занят Красной Армией?

Надзирателям было известно, что по городу разъезжали красные кавалеристы, да и они слышали перестрелку в Нахичевани. Посовещавшись между собой, открыли ворота.

— Кто из вас старший? — окинул Семаков строгим взглядом вытянувшихся, перепуганных до смерти надзирателей.— Да вы не бойтесь. Мы вас не тронем, если будете выполнять мои распоряжения...

— Я буду старший,— шагнул вперед плечистый старик, который высунул в окошко голову. Он дрожал от страха.

— Не трясись,— сказал ему Семаков.— Сказал, что вреда вам не причиним. Большевики свое слово твердо держат. Ведите ребят по камерам, выпускайте всех политнческих, которые сндят за большевизм... Понял?..

— Так точно, понял,— козырнул старик.— А уголовников выпускать?

— Ни в коем случае. А что, англнйскнй офицер сидит у вас еще или нет?

— Сидит до сей поры.

— Сию же минуту доставить его сюда! — крикнул Семаков.

— Сей мент! — снова козырнул старый надзиратель н, повернувшись к надзирателям, крикнул: — А ну, живо выпускай из камер политнческих. А англичанина пойду сам приведу,— сказал он, выбирая нз звенящей связки ключ от камеры Гулдена.

— Я с нним пойду,— сказал Виктор.

— Иди,— разрешил Семаков.— Только быстрее возвращайся.

— Слушай, старик,— остановил надзирателя Виктор, когда они зашли за угол тюремного здания,— тут у вас сндела девушка по фамилии Бакшина Марина... Не помнишь ли ты такую?..

— Марину-то? — переспросил надзиратель.— Хорошо знаю... Обходительная барышня. Умница... Ничего не скажешь.

— Послушай меня,— волнуясь, сказал Внктор.— Я тебя очень прошу. Понимаешь, эта девушка мне очень дорога... Расскажи, как она умерла...

— Господь с вами! — уставился на него старик.— Да вы с чего это взяли, что она умерла?

— Вы все перепутали,— досадливо отмахнулся Виктор.

— Да нет же...

— Вот у вас сидела еще одна женщина — Клара Боркова?

— Правильио, сидела,— кивнул надзиратель.— Красивая такая.

— Ее-то ведь расстреляли, казнили?

— Казнили... Помию...

— Ну и девушку эту, Марину, вместе с ней расстреляли...

— Кто это вам сказал? Сами вы вот все и напутали. Клару эту расстреляли... А ее — нет... Она и до сей поры в камере сндит... Суда ждет... А суда-то, должно, никакого и не будет. Забыли про нее...

— Дед! — вскрнчал Виктор не своим голосом.— Да ты что, смеешься, что ли, надо мной?..

— А с какой это мне стати над вами смеяться? — пожал плечами надзиратель.— Пойдемте, ежели хотите, сейчас к ней...

— Пойдем, дед!.. Пойдем скорее!..

— Ишь ты,— участливо посмотрел надзиратель на Виктора.— Ваша невеста, что ль?

— Невеста.

— Вот обрадуется-то.

Они поднялись на второй этаж. Шаги их гулко стучали по темному узкому коридору. Пройдя несколько дверей с волчками, надзиратель, загремев замком, распахнул дверь камеры. Оттуда хлынул гнилостный запах. Виктор заглянул в дверь. В камере стоял полумрак. Закутавшись в тряпье, на нарах спало несколько бледных, исхудавших женщин. При входе надзирателя они испуганно приподняли головы...

Виктор отошел от двери, но он слышал, что происходило в камере.

— Вставайте! — сказал надзиратель.— Одевайтесь!

— Зачем?

— Освобождаетесь... Красная Армия забрала город и вас велела выпустить.

Женщины радостно закричали, начали обниматься, целоваться. И Виктору почудилось, что будто среди этих обрадованных женских голосов он слышит милый, грудной голосок своей Маринки. У него с такой силой заколотилось сердце, что, казалось, он сам его слышит. Он едва сдерживал себя, чтобы не ворваться в камеру.

Не стесняясь старого надзирателя, женщины, повизгивая и смеясь от восторга, торопливо одевались.

— Да уж не спешите,— сказал надзиратель.— Подожду...

— Как же не спешить,— сказал чей-то женский голос.— А ну-ка, запрешь нас тут опять...

— Господи! — взволнованно говорила какая-то женщина,— как все равно чуяло мое сердечко... Только сейчас видела во сне своего сыночка Ваню. Такой это он приснился мне беленький да светленький... Снится это он мне, будто протягивает руки, говорит: «Мама!» Обнял так это меня ласково... Видно, к этому случаю...

— Определенно к этому,— подтверждает вторая женщина.

— А я давеча проснулась да слыхала стрельбу,— говорит чей-то тоненький, почти детский голос.— Да опять уснула. Думаю, так это...

— И я слышала,— подтвердил такой милый, знакомый голосок.

Виктор весь затрепетал от счастья.

— Марина! — не утерпев, крикнул он.

— Ай, боже мой! — узнав его голос, вскрикнула девушка.— Витя!.. Витечка!..— И она, еще не одевшаяся как следует, про-

стоволосая, кинулась из камеры, подбежала к нему, прижалась, обняла его своими горячими руками.

— Милый!.. Милый!.. Неужели это все правда?.. Может быть, ты мне опять приснился во сне?

— Нет, Маринка, это уже не сон,— осыпая ее поцелуями, засмеялся счастливым смехом Виктор.— Нет, это не сон!.. Я тебя разыскал наяву, хоть ты и была запрятана от меня за десятью дверями, заперта десятью замками... Теперь все!.. Все!.. Никому тебя никогда не отдам! — крепко сжал он ее в своих объятиях.

Из камеры стали выходить уже успевшие одеться женщины в сопровождении старика надзирателя.

— Ну-ка, Мариночка, покажи своего жениха,— подошли они к ним.— Какой он у тебя?

Марина засмеялась и прижалась к Виктору.

— Хороший он у меня,— сказала она, заглядывая ему в глаза.

— И правда хороший,— согласились женщины.— Ну, живите теперь счастливо... Пойдемте!

— Ай! — спохватилась Марина.— Я ведь еще не оделась. Я сейчас,— сказала она, скрываясь в камере.

— Хорошая она девушка,— подошла к Виктору какая-то пожилая, поблекшая от тюрьмы женщина.— Люби ее, молодой человек. Люби... Золото она.

Вскоре Марина вышла из камеры, и все направились во двор, где их ждал Семаков.

— Иван Гаврилович! — еще издали закричала Марина, заметив Семакова у фонаря.

— Марина?! — изумился Семаков.— Неужели ты? Да ты откуда же это, а?.. С того света, что ли?

— С того, Иван Гаврилович, с того,— смеялась Марина.

Они расцеловались.

— Боже мой! — сказал Семаков.— А нам-то чего только не наговорили о тебе. Крестник мой чуть с ума не сошел... Ну, хорошо, Мариночка. Мы с тобой еще обо всем поговорим... Где же Гулден?

— К англичанину надо идти с другого входа,— сказал старый надзиратель.— Сейчас приведу.

Привели сильно похудевшего и обросшего большой бородой Гулдена. Тот не сразу понял, в чем дело. Но, когда ему все разъяснили, он обрадованно начал обнимать своих русских друзей.

У ворот тюрьмы собралось уже более трехсот человек. Все, радостно переговариваясь, смотрели на Семакова, чувствуя, что он главный тех, кто их освободил из тюрьмы.

— Товарищи! — сняв шапку, обратился к ним Семаков.— Низкий поклон вам за все ваши страдания, которые вы перенесли в тюрьме... Но теперь все кончилось... Слышите, идут

бои! — Все прислушались. В предрассветном воздухе отчетливо слышалась перестрелка в Нахичевани.— По поручению Ростово-Нахичеванского подпольного комитета большевиков освобождаем вас из тюрьмы. Идите, товарищи, по домам! Но осторожно. Если попадетесь в лапы белогвардейцам, плохо вам может быть. До свидания!..

— До свиданья, товарищи! Спасибо вам!..

— Ура-а!..— торжествующе раздались голоса.— Ура-а!..

Семакову, Виктору и молодым рабочим, пришедшим с ними в тюрьму, освобожденные жали руки, обнимали, благодарили.

Отпуская рабочих, Семаков сказал им, чтобы они его ждали в условленном месте, сам же пошел с Виктором проводить Марину и Джона Гулдена на квартиру.

XXIV

Константин Ермаков в радушном настроении прибыл из Англии на грузовом трехтрубном транспорте «Караден» в сопровождении крейсера «Качтереберри» в Новороссийский порт. Он предвкушал, какую произведет сенсацию в Новочеркасске, когда явится туда с теми результатами, которых добился в Лондоне.

Результаты действительно были блестящие. Константин лично доставил на пароходе для Донской армии очередную помощь Антанты в виде десятка танков, нескольких десятков пушек со снарядами, десятком сотен комплектов обмундирования, медикаментов и многого другого.

Вез Константин и письма от лорда Черчилля и других сановных лиц Великобритании атаману Войска Донского Богаевскому и генералу Деникину с заверениями, что Страны Согласия — Англия, Франция и США — не оставят их в беде.

Но радостное чувство, с которым прибыл Константин в порт, быстро сменилось изумлением, когда он сошел с судна. На пристани творилось что-то невообразимое. Весь порт кишмя кишел народом. Над толпой стоял шум, гам, крики, ругань, плач.

Константин не сразу понял, в чем дело. Все кругом бурлило, клокотало. Какие-то мужчины в дорогих шубах, барыни, престарелые, а порой и молодые генералы как угорелые метались по пристани с корзинами, чемоданами, узлами, детьми, пробираясь к трапам нескольких дымивших у причала иностранных пароходов. А потом он понял: аристократы и буржуазия бежали за границу.

Константин знал, что они ехали туда все время. Но раньше это делалось как-то покойно, без излишней суеты и паники. Такого повального бегства никогда еще не было. «Значит,— с грустью подумал Константин,— дела на фронте неблестящи...»

Распорядившись, чтобы с судна сгружали привезенные военные грузы, Константин пошел искать извозчика, чтобы перевезти свой личный багаж в гостиницу. Но извозчики были все в разгоне, а в гостинице не оказалось свободного номера.

Досадуя на свои неудачи, Константин зашел в ресторан. Ресторан был переполнен шумевшей публикой. Но все-таки он отыскал себе столик в углу и заказал обед.

— Что вы мне говорите? — распаленно кричал какой-то багровый толстяк сухой длинной даме.— Какой дурак вам сейчас даст взаймы денег? Вы говорите, что у вас в парижском банке есть деньги... Вы, может быть, в Париж и попадете, а я попаду на какой-нибудь необитаемый остров... Где я буду с вас получать долги?

«Сволочи! — озлобленно посмотрел на них Константин...— Вот на таких понадейся...»

Сквозь шум и гам до него долетела знакомая неаполитанская песенка. Приятный тенор пел:

Плыви моя гондола,
Озаренная луной.
Раздайся баркарола
Над сонною рекой...

«Кажется, Сфорца?» — встрепенулся Константин. Расплатившись за обед, он заглянул в дверь отдельного кабинета. Там за столом сидела компания мужчин и женщин. Среди них были граф Сфорца, Розалион-Сашальский и ротмистр Яковлев в полной своей форме.

— А-а, полковник Ермаков! — вскричал Розалион-Сашальский.— Откуда вы свалились?.. Я думал, так сказать, что вы в Лондоне... Зря вы оттуда уехали... Теперь снова, так сказать, придется намазывать пятки салом...

— Садитесь с нами, полковник,— подвинулся Сфорца.

Константин подсел к столу. Ему налили стакан коньяку и заставили выпить.

— Давно вы из Англии? — снова спросил поляк.

— Сегодня утром приехал.

На него все уставились с изумлением, как на сумасшедшего.

— Се-егодня-а? — протянул Розалион-Сашальский.

— Зачем вы приехали? — спросил Сфорца.

— Как зачем? — удивился Константин.— Привез пушки, танки, пулеметы и многое еще кое-что...

— А на кой черт теперь все это сдалось? — мрачно проворчал Яковлев.

— Неужели вы ничего не знаете? — вздергивая своими маленькими плечиками, фыркнул Сфорца.

— Как ничего не знаю? — обиделся Константин.— Мне и знать ничего не надо. Человек я опытный, достаточно и ясно

вижу, в чем дело. Видимо, на каком-то участке фронта произошло отступление наших войск, и вот теперь господа со слабыми нервами, как крысы с тонущего корабля, спешат выехать из смутной России за границу...

— Так-так...— покрутил тонкий свой ус Сфорца.— Так, по-вашему?.. А почему в таком случае я здесь? — выпятил он воинственно свою тщедушную грудь.— Как вам известно, я не из робкого десятка, не из слабонервных...

— Это уж я не знаю,— пожал плечами Константин.

— Ни-ичего-то вы не знаете,— пропищала тоненькая, нарумяненная блондинка, сидевшая рядом с Сфорца.

— Эх вы, полковник, полковник,— сожалеюще покачал головой Розалион-Сашальский.— Наи-ивный вы человек, так сказать...

— Как это? — не понял его Константин.

— А так вот... Красные-то уже к Ростову подходят, если уж не забрали его...

— Да что вы?! — вскакивая, испуганно схватил за руку Розалион-Сашальского Константин.

— Вы просто с Луны упали,— усмехнулся поляк.— Посмотрите, народ, так сказать, валом валит за границу... Почему и мы здесь...

— Вы тоже уезжаете?

— А за каким бы дьяволом мы тут околачивались? — снова мрачно проворчал Яковлев.— Завтра наш пароход, как его, черт, называют?

— «Караден»,— подсказал Розалион-Сашальский.

— Вот-вот, этот «Караден» отплывает, ну, и мы на нем... Сегодня обещали пропуска и билеты...

— Так это ж мой пароход! — вскричал пораженный Константин.— Не может этого быть!.. Там мои вещи...

— С чем и поздравляю вас! — рассмеялся Сфорца.— Вместе, значит, едем...

— Вместе!.. Вместе!..— запищала блондинка, хлопая в ладоши.

— Позвольте, господа! — воскликнул взволнованно Константин.— Да вы это серьезно, а?.. Не разыгрываете меня?..

— Чего нам вас разыгрывать?..— усмехнулся Яковлев.— Нас всех разыграли красные...

— Не верится,— развел руками Константин.

— Чудак! — с сожалением проворчал Яковлев.— Он, как дитя. Ничего не понимает... Вы вон пойдите в гостиницу, там ваше Донское войсковое правительство остановилось... Они вам все объяснят. Им и танки, которые вы привезли, сдадите... Они им нужны сейчас, как прошлогодний снег... Атаман Богаевский, говорят, из войсковой казны выкрал вагон золота, а привез его с собой сюда... Вот, сволочь, покутит в Париже,— завистливо сказал он.

— Знаете что, полковник,— сочувственно сказал Константину Розалион-Сашальский.— Вы смотрите не берите своих вещей с парохода... А то, так сказать, пропадете... Дня через два-три нагрянут сюда наши войска, начнут эвакуироваться, тогда вы не сядете.

Константин ошеломленно смотрел на них, и ему не хотелось верить, что все это есть так в самом деле, как они говорят. Но самое ошеломляющее было еще впереди.

— Да,— вспомнил Сфорца,— полковник, вы свою супругу не видели?

— Веру?!

— Да.

— Разве она здесь?

— Только сегодня утром честь имели ее видеть,— усмехнулся Розалион-Сашальский, крутя свои усы и лукаво поглядывая на своих приятелей Сфорца и Яковлева.

— Где она? — вскочил Константин.

— Вы что, хотите ее разыскать? — насмешливо спросил его Сфорца, переглядываясь с Розалион-Сашальским.

— Ну, конечно!

— Напрасно.

— Что «напрасно»?

— Да разыскивать-то будете.

— Я вас не понимаю, господа. Объясните,— сильно волнуясь, проговорил Константин, снова садясь на стул,— объясните, пожалуйста, прошу вас. У вас какие-то загадочные лица...

— Была-а Маша наша,— ухмыляясь, пропел Яковлев,— да стала она не наша...

— Поверьте мне, Константин Васильевич, я вам искренне сочувствую,— проговорил задушевно Сфорца, видимо, в самом деле проникнутый жалостью к Константину.— Выпейте-ка, вот коньяк,— налил он ему в стакан.— А потом я вам кое-что сообщу.

Константин покорно опорожнил и не стал даже закусывать, до того был расстроен.

— Рассказывайте! — мрачно глянул он на Сфорца, уже предчувствуя, что тот скажет ему что-то очень горькое.

— Да, собственно, и рассказывать-то особенно нечего,— пожал тот плечами.— Повторяю, полковник, я вам искренне сочувствую. Но вы не огорчайтесь! — похлопал он своей маленькой ручкой по плечу Константина.— Все, черт побери, женщины таковы...

— Вот так посочувствовал! — захохотал Яковлев.

— Не томите, черррт бы вас побрал! — багровея, зарычал Константин.— Говорите сразу!.. Брэйнард?

— Вы угадали,— мотнул головой Сфорца.— Брэйнард — любовник вашей жены. Он везет ее к себе, в Англию.

— В Англию?! — в бешенстве заорал Константин так, что на мгновение в ресторане все затихло.

— Тише! — строго сказал Сфорца.— Все обращают внимание на нас.

— К чертовой матери и вас и всех! — ударил кулаком по столу Константин с такой силой и остервенением, что посуда на столе зазвенела.— Убью суку!.. Убью и этого американца!..

— Ну, положим,— смеясь, сказал Розалион-Сашальский,— до такой степени, так сказать, доходить я вам не рекомендую.

Некоторое время Константин сидел молча, опустив голову. Потом он лихорадочным взглядом обвел сидящих за столом.

— Где мне разыскать эту мерзавку? — спросил он, вставая.— Я пойду с ней поговорю.

— Не скандальте, полковник,— сказал Розалион-Сашальский.— Что, так сказать, с возу упало — говори пропало...

— Пошли вы со своими нравоучениями знаете куда...— вспылил Константин.

— Ну, как хотите,— махнул рукой Розалион-Сашальский.— Я вам добра хотел.

— Господа, не издевайтесь над человеком,— сказала полная, лет тридцати, красивая брюнетка.— Я понимаю, как тяжело сейчас полковнику. Полковник,— обратилась она к Константину.— Я знаю вашу жену... Я видела ее сегодня в порту с американцем... Правда, близко я к ним по некоторым соображениям не подходила... Идите сейчас же в порт. Наверное, они намереваются сесть на какой-нибудь пароход!..

— Ба!..— вдруг хлопнул себя ладонью по лбу Сфорца.— Я ведь самое главное-то и забыл вам сообщить, полковник Ермаков. Вас же произвели в генералы. Поздравляю, голубчик! Сам лично приказ войскового атамана читал... Поздравляю, дорогой!.. Дайте поцелую вас.

— Отстаньте! — рявкнул Константин.— На кой черт мне сдалось теперь ваше генеральство?

— Как, вы недовольны? — изумился маленький граф.— Странно. Да если б я удостоился такой чести, то я, кажется, на девятом небе был бы от счастья. Чудак вы! Ведь генералу и за границей почет будет... Генералу и без денег и жены можно там прожить...

Константин, не слушая Сфорца, огорченный и растерянный, побрел в порт...

На пристани по-прежнему стояла крикливая суматоха, толчея. Народ метался взад-вперед по набережной. Жалобно плакали дети. Хрипло орали драгиля, подвозя на дрогах горы чемоданов, корзин, ящиков, тюков, узлов.

— А ну, дай дорогу!.. Посторонись!.. Посторонись!.. Поди!

К дрогам, словно идя на приступ, с крнками подбегала орава грязных, но веселых грузчиков-греков.

— Таскать на пароход надо? Давай, барнн, таскать будем... Недорого возьмем.

Договорившись о цене, грузчики нагружались этимн чемоданами и узлами и, сгибаясь под тяжестью чуть ли не до земли, проворно тащилн нх на пароход...

Протолкавшись до вечера среди этой суматошной, суетящейся публикн, Константин так и не встретил Веру. Уставший, измученный, он пошел к своему пароходу.

Так же, как н всюду, здесь, у его корабля, образовалась огромная толпа. Тысячи людей, крича и переругиваясь, стремились попасть на «Караден». Отряд английских солдат, наставив штыки на толпу, не подпускал ее близко к нему... Недалеко от парохода, на набережной, были свалены в кучу привезенные военные грузы, охраняемые английскими часовыми. Вокруг грузов крутилась толпа мародеров, готовая вот-вот растащить все это.

Много труда пришлось приложить Константину, чтобы протиснуться сквозь густую, распаленную, ругающуюся толпу к сходням, у которых два молодых английских офицера пропускали по пропускам на судно пассажиров с их вещамн. Константин хотел было пройти на пароход, но один из офицеров остановил его:

— Нельзя!

— Как нельзя? — изумился Константин.— Вы меня не узнали, Чарли. Это я, полковннк Ермаков.

— Я вас отлично узнал, сэр,— вежливо сказал офицер.— Но без пропуска я вас, к сожалению, пропустить на судно не могу.

— Там же мон вещи, Чарли!

— Знаю. Вещи вам сейчас вынесут,— козырнул офицер.— Не беспокойтесь, сэр. Томи! — крикнул он матросу.— Вынесите с парохода вещи полковннка Ермакова. Там спросите у боцмана, он знает...

— Это черт знает что такое, Чарлн! — возмутился Константин.— Мы же с вами немало виски попили, а теперь вы так грубо обращаетесь со мной. Не стыдно вам?

Офицер смягчился.

— Я очень сожалею, полковник,— дружески хлопнул он по плечу Константина.— Вы так моим другом и останетесь, но что я могу сделать? — развел он руками.— Получен такой приказ. А приказ есть приказ. Я обязан его выполнять... Хотя со своей стороны считаю, что это свинство по отношению к вам. Конечно, вас бы надо оставить на судне... Все дело тут в одном влиятельном американце с дамой,— шепнул он Константину на ухо.— Он приказал вас выставить с корабля... Капнтан не мог его ослушаться...

— Какой американец? — спросил Константин.

Матрос притащил два объемистых добротных кожаных чемодана, купленных Константином в Лондоне. В этих чемоданах было немало чудесных вещей, с такой любовью и старанием приобретенных им в лондонских магазинах для своей жены.

Взяв в руки тяжелые чемоданы, Константин горько усмехнулся. Ведь только еще сегодня утром он был почти что хозяином этого корабля. Вся команда, начиная с юнги и кончая капитаном, считалась с ним, слушала его приказания, и вот — ирония судьбы — прошло несколько часов, и все изменилось. Его вышвырнули с корабля вместе с его грузом, как ненужный хлам...

«Куда же мне все-таки деваться? — подумал он.— Искать донского атамана?.. Донское правительство?.. Никого не найдешь. Они теперь сидят где-нибудь в каютах или уже отплыли из порта... Да и нужен ли я им?..»

Он поставил чемоданы и в отчаянии ухватился руками за голову. Она пылала как огонь. «Как бы еще не заболеть!» — тревожно подумал он.

Он не мог придумать, что ему теперь делать, куда деваться.

«В Англию, что ли, вернуться? — мелькает у него мысль.— Да, пожалуй, надо ехать туда... Здесь все кончено... В Англии все-таки есть у меня знакомые... Они помогут мне».

Ах, как горько на душе!.. Кругом пустота... Жить не хочется...

А может быть, это все неправда? Быть может, никакого Брэйнарда и не существовало? Может быть, Вера любит его по-прежнему? Так оно, наверно, и есть... Эти прохвосты в ресторане оклеветали, оболгали ее. Мерзавцы! Они надсмеялись над ним! Ведь, возможно же, Вера потому и выехала из Новочеркасска с Брэйнардом, чтобы разыскать его, Константина, в Англии... И она совершенно не подозревает, что он сейчас здесь...

У Константина появляется надежда, он веселеет и уверенно хватает ручки чемоданов.

— Эй, генерал! Генерал Ермаков! — слышит Константин чей-то голос.

Он поднимает глаза. По трапу на корабль поднимается с забинтованной головой Чернышев.

— Иван Прокофьевич! — обрадованно кричит ему Константин.— Вы тоже уезжаете?

— Что мне остается делать, раненому? — отвечает Чернышев.— Читал о вашем производстве в генералы. Поздравляю!

В его голосе слышится насмешка, и это отлично чувствует Константин.

— Вы давно из Англии? — все выше поднимаясь по трапу, спрашивает Чернышев.

— Сегодня утром.

— Только сегодня? — удивляется Чернышев.— Привезли что-нибудь?

— А вон! — с иронией указал Константин на танки, пушки, ящики и тюки, сваленные в беспорядке на набережной.— Вы не знаете, где атаман Богаевский и правительство?

— Фьють! — свистнул Чернышев, махнув рукой на море.— Наверняка уже в Константинополе.

— Нет, серьезно?

— А я вам серьезно и говорю. Богаевский с супругой еще позавчера удрали...

— Черт знает что! — выругался Константин.— Послушайте, Иван Прокофьевич, возьмите мои чемоданы, ради бога! За свои их выдайте, а я пойду выхлопочу себе пропуск.

— Едва ли вам его дадут,— подталкиваемый народом, все выше поднимался Чернышев.— Вам повоевать надо, генерал... А то вы уже отвыкли... Лытаете от фронта.

Константин отвернулся.

— Прощайте, генерал! — смеясь, помахал ему рукой Чернышев и поднялся на палубу.

Постояв еще некоторое время и раздумчиво поглядывая на толпу людей, медленно поднимавшуюся на палубу корабля, Константин тяжело вздохнул и, подняв чемоданы, шагнул, намереваясь снова пойти в гостиницу и вдруг радостно воскликнул:

— Верочка!

По-прежнему такая же цветущая и обаятельная, одетая в шикарное каракулевое манто и зимнюю шляпку, она шла к трапу, поддерживаемая под руку Брэйнардом. Сзади них вышагивал длинновязый мистер Тренч, предводительствуя полудесятком грузчиков, тащивших на своих спинах тяжелые чемоданы и тюки.

— Милая Верочка! — бросив чемоданы, протянул к ней руки Константин.

При свете электрического фонаря ему было хорошо видно жену. Он видел, как на ее лице отразился испуг, она побледнела и беспомощно, как бы ища защиты, взглянула на Брэйнарда. Брэйнард сурово взглянул на Константина и, крепко сжав локоть Веры, словно боясь, что ее у него отнимет Константин, торопливо потащил ее на корабль...

— Вера! — с отчаянием выкрикнул Константин.— Неужели это все правда?..

Она, потупив взгляд, молча шагнула на трап.

Константин весь задрожал от негодования. Наливаясь злобой, он исступленно закричал:

— Дрянь!.. Проклятая шлюха!.. Сволочь!.. А я ей еще подарки из Англии вез. Так на же тебе, гадина, подарки. На!..

Он мигом распахнул чемодан и, выхватывая оттуда какие-

то яркие красивые куски материи, шелка, разные безделушки, с яростью рвал, ломал все это, бросая вслед своей жене.

— На ж тебе, проклятая!.. На ж, шлюха!..

Это было интересное, забавное зрелище. На мгновение замерло даже движение толпы. Все с любопытством смотрели на него.

Чернышев, стоя у борта корабля и наблюдая за этой сценой, надрывался от смеха.

Выбросив все содержимое чемодана, Константин швырнул ногой опустевший чемодан в море, схватил оставшийся у него чемодан с личными вещами, торопливо зашагал к ресторану.

Там он с горя напился до бесчувствия.

XXV

На окраинах Ростова разыгрались ожесточенные бои. К утру 8 января полки Первой Конной армии стиснули город с севера и запада.

Белогвардейцы отчаянно защищались. Офицеры и казаки озверело дрались на улицах Ростова. Засев на чердаках, поливали оттуда улицы свинцовым дождем пуль, бросали гранаты на головы буденновцев.

Но ничто не могло помочь. Судьба Ростова была предрешена.

Ростовские рабочие и подпольщики дрались с белыми в рядах красноармейцев. Дрались весь день. Только к вечеру город окончательно был очищен от белых...

Измученный и голодный Виктор шел по улице, неся на плече винтовку. Он так устал, что едва передвигал ноги. Весь день он сегодня сражался и ни крошки хлеба не съел...

Навстречу ему на прекрасных лошадях ехали двое буденновцев.

Виктор даже не взглянул на всадников — мало ли их сейчас здесь ездит?

— Смотри,— засмеялся один из кавалеристов, останавливаясь и указывая на Виктора.— Узнаешь его, а?

— Виктор! — вскочил второй кавалерист.— Ты?

Виктор посмотрел на кавалеристов и радостно засмеялся. Это же были брат Прохор и Сазон Меркулов.

Всадники соскочили с лошадей и расцеловались с Виктором.

— Ну, рассказывай, как живешь? — спросил Прохор.

Виктор коротко рассказал ему обо всех событиях, которые с ним произошли за последнее время.

— Ну, ладно, Витя, мы еще поговорим с тобой,— сказал Прохор.— Мне некогда, мы едем к товарищу Ворошилову... Где тебя разыскать? Готовь вина и закуски. Мы к тебе часа через два пожалуем... Знаешь, я к тебе кого приведу?

— Кого ж?
— Надю.
— Какую Надю? — не понял Виктор.
— Ну, какую. Нашу Надю,— засмеялся Прохор.— Ты ее не узнаешь. Ведь это же доблестный боец Первой Конной армии. Награждена орденом Красного Знамени.
— Надя?
— Вот тебе и Надя,— улыбался Прохор.— Не Надя, а чудо... Да, я тебе еще одного приведу красного бойца, ты даже и представить себе не можешь кого...
— Ну, все-таки, кого ж? — спросил Виктор, улыбаясь.
— Отца твоего.
— Какого отца? — изумился Виктор.
— А у тебя их разве много? Твоего отца, Егора Андреевича.
— Ну, это прямо-таки сегодняшний день,— развел руками Виктор,— день сюрпризов. Чего же он у вас делает, старик мой, а?
— Служит. Красноармеец обоза.
— Гм... Чудеса! Ну, приходите же, обязательно, буду ждать,— сказал Виктор.— Вина найдем, да и закусок тоже,— и он дал Прохору свой адрес.
Придя на квартиру, Виктор, кроме Марины и Джона Гулдена, застал у себя Васю Колчанова.
— Вася! — вскричал Виктор обрадованно.— Не отступил?
— Куда? — спросил Колчанов.
— Да, а черт его знает куда,— засмеялся Виктор.— Куда все дураки отступают.
— Ну, уж нет,— покачал головой Колчанов.— Я никуда не пойду. Пришел вот к тебе, помоги мне оправдаться перед Советской властью...
— Поможем, Вася,— пожал руку ему Виктор.— Поможем... Но, друг, ты, по-моему, говорил, что особенной симпатии к большевикам не питаешь? — лукаво посмотрел на Колчанова Виктор.
— Да брось, Витя,— смутился Колчанов.— Мало ли чего не скажешь...
— Да шучу, шучу,— обнимая его, захохотал Виктор.— Друзья, сейчас к нам гости прибудут. Надо, Мариночка, подготовиться... Я побегу доставать вина...
— Кто же придет, Витенька? — спросила Марина.— Кто?
— Отец мой, брат и сестра двоюродные, друзья. Сегодня устроим пир. Где только мой друг, Иван Гаврилович Семаков... Он бы мне помог.
— Твой друг легок на помине,— открывая дверь, сказал Семаков.

На следующий день по всем частям Первой Конной армии зачитывался приказ по армиям Южного фронта. В приказе этом говорилось:

«Основная задача, данная войскам Южного фронта,— разгром добровольческих армий противника, овладение Донецким бассейном и главным очагом южной контрреволюции — Ростовом, выполнена.

Наступая зимой по глубоким снегам и в непогоду, перенося лишения, доблестные войска фронта в два с половиной месяца прошли с упорными боями от линии Орла до берега Азовского моря свыше 700 верст. Добровольческая армия противника, подкрепленная конницей Мамонтова, Шкуро и Улагая, разбита, и остатки ее бегут по разным направлениям.

Армиями фронта захвачено свыше 40 000 пленных, 750 орудий, 1300 пулеметов, 23 бронепоезда, 14 200 вагонов и огромное количество всякого рода военного имущества.

Реввоенсовет Южного фронта, гордясь сознанием боевого могущества и сил Красной Армии Южного фронта, шлет всем доблестным героям-красноармейцам, командирам и комиссарам свой братский привет и поздравляет с блестящей победой над самым злейшим врагом рабочих и крестьян — армией царских генералов и помещиков».

XXVI

В то время когда полки Первой Конной армии ликвидировали остатки разгромленных белогвардейцев на Северном Кавказе, Ворошилова и Буденного вызвал в Москву главнокомандующий вооруженными силами страны Сергей Сергеевич Каменев.

Весь Юг России был почти очищен от белых и интервентов. Советский народ праздновал победу. Может быть, в связи с этим-то и приглашались в Москву прославленные пролетарские полководцы.

Несмотря на то, что поезд тащился медленно, подолгу простаивал на станциях, настроение у Ворошилова и Буденного было приподнятое.

Буденный еще ни разу в своей жизни не видел Ленина. Он спрашивал у Ворошилова:

— Климент Ефремович, так вы говорите, что с Лениным мы встретимся?

— Убежден, что Владимир Ильич пожелает с нами побеседовать.

— Это было бы замечательно. Вы счастливый, Климент Ефремович, вам приходилось встречаться с Владимиром Ильичем...

— Да, приходилось. Не раз беседовал с ним.

— Ну и как он?

— Что именно?

— Ну, скажем, как в обращении?

— Очень простой, обаятельный человек... Скромный, приветливый...

— А меня все-таки робость берет.

— Когда увидите Ленина, ободритесь.

Приезда Ворошилова и Буденного на Курском вокзале ждал работник штаба Реввоенсовета республики Озеров.

Когда поезд остановился у перрона, Озеров подошел к вышедшему из вагона Ворошилову.

— Хотя я никогда не видел вас,— сказал он, прикладывая ладонь к козырьку фуражки,— но, думаю, что вы — товарищ Ворошилов. А это товарищ Буденный,— посмотрел он на Буденного, идущего вслед за Ворошиловым.

— Совершенно верно,— сказал Ворошилов.— Вы не ошиблись. Я — Ворошилов, а это Семен Михайлович Буденный.

— Я — Озеров из штаба Реввоенсовета,— отрекомендовался тот.— По приказанию главнокомандующего вышел вас встретить. Прошу, товарищи, следовать за мной.

Ворошилов и Буденный, неся небольшие чемоданы, пошли за Озеровым.

У вокзала стояла вместительная автомашина какой-то заграничной марки.

— Рассаживайтесь, товарищи! — открывая дверцу автомобиля, пригласил Озеров.

Ворошилов и Буденный уселись в машину. Озеров захлопнул дверцу и сел рядом с шофером. Автомобиль покатил по улицам Москвы.

Озеров отвез Ворошилова и Буденного в гостиницу «Националь».

— Отдыхайте, товарищи, с дороги,— сказал он.— Часа через два я позвоню вам и приеду за вами. До свиданья!

В тот же день у Ворошилова и Буденного состоялся разговор с главнокомандующим вооруженными силами республики. В кабинете Каменева, кроме него самого, присутствовали начальник штаба Реввоенсовета Лебедев и начальник оперативного управления штаба Шапошников.

Тут, в кабинете главкома, Ворошилов и Буденный узнали причину своего вызова в столицу. Пригласили их по очень важному делу. В Польше реакционные круги, натравливаемые международными империалистами, замышляли войну против Советской России. В ЦК партии и в правительстве возник вопрос о необходимости срочной переброски Первой Конной армии к западным границам.

Лебедев и Шапошников сообщили Ворошилову и Буден-

ному о том, что надо готовить полки Первой Конной армии для отправки на запад страны по железной дороге. Буденный отверг этот план и заявил, что кавалерийские полки армии удобнее перебросить к западным границам походным порядком... Ворошилов поддержал Буденного.

По этому вопросу долго спорили. Каждая сторона горячо доказывала преимущества своего предложения.

Каменев, покручивая длинные усы, помалкивал, выслушивая доводы той и другой стороны.

Не придя ни к какому решению, Ворошилов и Буденный уже поздно ночью уехали к себе в гостиницу.

На следующий день рано утром Ворошилова и Буденного разбудил телефонный звонок. Звонил Сталин.

— Здравствуйте, друзья,— говорил он.— Прошу, прощения, что разбудил вас. Мне хотелось бы вас увидеть до начала работы девятого съезда... Приходите ко мне в Кремль завтракать... От гостиницы до Кремля недалеко. Пешочком можно. Сейчас к вам товарищ придет, он проводит вас ко мне...

Завтракая на квартире у Сталина, Ворошилов рассказал ему о вчерашнем споре с работниками штаба Реввоенсовета.

— Зря они с вами спорят,— сказал Сталин.— Конечно же, вы лучше их знаете своих конников, знаете, на что они способны. Раз вы с Семеном Михайловичем убеждены в том, что вашим конникам удобнее до западных границ добираться походным порядком, чем по железной дороге, значит, это так и есть... Я целиком на вашей стороне... Я сейчас иду на съезд, скажу о вашем приезде Владимиру Ильичу... Он вас обязательно захочет повидать... А когда встретитесь с ним, то тогда можно будет договориться, каким образом перебросить Конную армию к западной границе.

...В тот же день Озеров разыскал Ворошилова и Буденного.

— Вас Владимир Ильич ждет обедать,— коротко сказал он.

Озеров и полководцы сели в автомобиль и поехали в Кремль. У Спасских ворот остановились.

— Пойдемте, товарищи.

Идя вслед за Озеровым, Буденный с любопытством оглядывался. Он так много слышал интересного о древнем Кремле... Хотелось бы все это осмотреть, запечатлеть в памяти. Разве он думал когда-нибудь, что попадет сюда?

— Товарищ Озеров,— спросил он,— а где же эта знаменитая царь-пушка?

— Здесь, товарищ Буденный,— ответил тот, улыбаясь.— Вы еще увидите все: и царь-пушку, и царь-колокол, и многое другое. Подождите только... Я вам все покажу.

Озеров ввел Ворошилова и Буденного в подъезд большого каменного белого дома. Поднялись по лестнице на второй

этаж, прошли по коридору. Перед резной массивной дверью Озеров остановился.

— Пожалуйте сюда, товарищи! — распахнул он дверь перед ними.

Ворошилов и Буденный перешагнули порог. Навстречу им шел небольшого роста, коренастый человек. У Буденного дрогнуло сердце. Он узнал — Ленин.

— Вот и наши пролетарские полководцы! — протягивая руку, сказал Ленин.— Здравствуйте, товарищ Ворошилов! А это, конечно, товарищ Буденный... Здравствуйте, товарищ Буденный! Дайте-ка я на вас посмотрю... Рад, очень рад познакомиться! — пожимая ему руку, говорил он.— Как чувствуете себя, товарищ Буденный?

— Слава богу, товарищ Ленин!

— Это надо понимать, что хорошо? Вот и прекрасно,— улыбнулся Ленин.— Знакомьтесь с моими коллегами и друзьями... Вот Михаил Иванович Калинин...

— С Михаилом Ивановичем мы уже знакомы,— сказал Буденный.— Он к нам в конный корпус под Касторной приезжал...

— Да, мы уже знакомы,— подтвердил Калинин.

— Тогда, товарищ Буденный, пойдемте познакомлю с военными товарищами.— Взяв его под руку, Ленин подвел к группе военных, стоявших скромно в углу.— Это товарищ Фрунзе...

— С товарищем Фрунзе я тоже знаком,— улыбнулся Буденный.

— А это товарищ Бубнов,— продолжал знакомить Ленин.— А это товарищ Блюхер... Гамарник... Уншлихт... Дзержинский... Куйбышев... Ярославский... Все люди заслуженные перед революцией... Ну, что же, товарищи, прошу! — указал Владимир Ильич на накрытый стол.— Не будем зря время проводить, давайте-ка обедать... Климент Ефремович, садитесь около меня, поговорим... Вы тоже, товарищ Буденный, садитесь рядом. Если не ошибаюсь, Семен Михайлович?

— Совершенно верно.

На столе стояли скромные закуски и вино.

— Давайте, товарищи, выпьем! — предложил Ленин.— Правда, я не пью, но по такому радостному случаю выпью.

Ленин встал.

— Товарищи! — сказал он, ласковыми глазами обводя сидящих.— Я хочу выпить сегодня за здоровье наших замечательных конармейцев как присутствующих здесь, а также и отсутствующих. Роль Первой Конной армии в разгроме врага революции Деникина и его армии велика и неоценима. Слава на веки веков доблестным солдатам, командирам и политработникам Первой Конной армии!.. Победы Красной Армии укрепили престиж Советской республики... Вы знаете о том, что послед-

ние остатки армии Колчака почти уничтожены на Дальнем Востоке. После разгрома войск Юденича, после взятия на юге в начале января Новочеркасска и Ростова-на-Дону был нанесен такой решительный удар главной части вражеских войск, что военное положение Советской республики изменилось самым радикальным образом. И, хотя война еще не была закончена, тем не менее для всякого государства Запада стало ясным, что их прежние надежды на возможность раздавить силы Советской республики потерпели крах... Сознание этой радикальной перемены международного положения Советской республики проявилось в том, что Верховный Совет союзников принял решение о том, чтобы прекратить блокирование Советской России.

— Браво!.. Браво!..— вполголоса сказал Калинин.

— Но это не значит, что мы должны успокаиваться, почить на лаврах,— продолжал Ленин.— Международные капиталисты во главе с американскими натравливают на нас Польшу... И я хочу вас, товарищи, предупредить, что война с Польшей возможна. Мы имеем убедительные сообщения, что, помимо буржуазной консервативной, помещичьей Польши, помимо воздействия всех польских капиталистических партий, все государства Антанты из кожи лезут, чтобы втравить Польшу в войну с нами. Они внушают мысль полякам, что большевики, как только покончат с Колчаком и Деникиным, бросят свои «железные войска» на Польшу... Мы должны сделать все, чтобы сейчас же обратиться к демократии Польши и объяснить настоящее положение вещей. Мы будем стремиться это сделать, но неожиданности могут быть всякие. К ним надо быть готовым. Особенно я прошу иметь это в виду наших военных товарищей — конармейцев... Если что и случится, помимо нашего желания, то им уже в этом деле представится возможность сыграть первую роль... Итак, пью за здоровье конармейцев!

Ленин отпил глоток вина и поставил рюмку на стол.

Всякой шутке, острому словцу Ленин смеялся весело, заразительно. Буденный, чувствовавший себя вначале несколько неловко, скованно, сейчас ободрился. Ленин оживленно беседовал то с ним, то с Ворошиловым.

— Семен Михайлович,— спросил Ленин,— какое настроение у ваших кавалеристов? Не надоело ли им воевать? Не тоскуют ли по дому?

— Настроение у бойцов отличное, Владимир Ильич,— ответил Буденный.— Но война, конечно, надоела им. Соскучились по мирному труду... Но это не значит, что они не будут воевать, если их Родина окажется в опасности.

— Хороший ответ! — сказал Ленин.— Спасибо! А вот скажите, товарищи, а вдруг в самом деле — война с панской Польшей. Мы, конечно, в таком случае в первую очередь бросим на Западный фронт Первую Конную армию. Убежден, что

наши надежды она полностью оправдает... Но дело-то вот в чем, как мы будем перебрасывать такую махину конницы, а? Ведь это просто невозможно себе представить,— развел руками Владимир Ильич.— Я много об этом думал. Как это можно сделать при нашем разрушенном железнодорожном транспорте? Мы этого в короткий срок никак не сможем сделать...

— А мы в конном строю пойдем,— сказал Буденный.

— Как?! — удивился Ленин.— Вы об этом подумали, Семен Михайлович? Ведь этот путь далекий, примерно тысяча верст... Выдержат ли лошади такой путь? Как вы думаете, Климент Ефремович, на этот счет?

— Семен Михайлович — конник с детства,— сказал Ворошилов.— Раз он говорит так, значит, убежден в этом...

— Семен Михайлович,— снова обратился Ленин к Буденному,— так что же, вы уверены, что этот тысячеверстный путь можно пройти в конном строю? Причем в такой массе, как Конная армия?..

— Да, Владимир Ильич, можно пройти,— твердо сказал Буденный.— Надо только лошадей подготовить.

— За сколько, по-вашему, можно пройти этот путь?

— За два месяца пройдем.

— Это замечательно! — раздумчиво сказал Ленин.— Что по этому поводу говорят в штабе Реввоенсовета?

— Рекомендуют перебрасывать Конную армию по железной дороге,— ответил Ворошилов.— Но это невозможно.

— Завтра мы об этом еще поговорим,— сказал Ленин.— Но думаю, что с вами согласимся.

Немного помолчав, он порывисто пожал руку Ворошилову, а затем Буденному:

— Большое вам спасибо, товарищи, за создание такой прекрасной армии, качествами которой не обладает ни одна армия в капиталистических странах...

Помолчав, он вынул из кармана свежую, еще пахнущую типографской краской, тонкую голубенькую брошюрку.

— Вот, товарищи, в чем будущность нашей родины,— похлопал рукой Ленин по книжечке.

— А что это такое? — спросил Фрунзе.

— Как будто ничего особенного,— улыбнулся Ленин.— Простая книжечка. Брошюрка Кржижановского «Основные задачи электрификации России». С большим трудом удалось ее издать. Спасибо рабочим типографии бывшей Кушнарева, они помогли. Скоро вы ее все прочитаете. Это пока только сигнальный экземпляр. Автор брошюры совершенно прав, когда эпиграфом для книжки поставил: «Век пара — век буржуазии. Век электричества — век социализма». В этой брошюре товарищ Кржижановский подводит итоги тому, что уже сделано. Я надеюсь, что ЦИК примет эту резолюцию, которая ставит задачу ВСНХ и Народному комиссариату земледелия разра-

ботать в течение нескольких месяцев при содействии представителей науки и техники широкий и полный план электрификации России...

Ленин отпил глоток воды и продолжал:

— Мы должны иметь но́вую техническую базу для нового экономического строительства. Этой новой технической базой является электричество. Мы должны на этой базе строить все. Мы не побоимся работать в течение десяти и двадцати лет, но мы должны показать крестьянству, что вместо старого обособления промышленности и земледелия, этого самого глубокого противоречия, которое питало капитализм, сеяло ро́знь между рабочими промышленными и рабочими земледелия. Мы ставим своей задачей возвратить крестьянству то, что получили в ссуду от него в виде хлеба, ибо мы знаем, что бумажные деньги, это, конечно, не есть эквивалент хлеба. Эту ссуду мы должны вернуть посредством организации промышленности и снабжения крестьян ее продуктами. Мы должны показать крестьянам, что организация промышленности на современной высшей технической базе, на базе электрификации, которая свяжет город и деревню, покончит с рознью между городом и деревней, даст возможность культурно поднять деревню, победить даже в самых глухих углах отсталость, темноту, нищету, болезни и одичание. К этому мы приступим сейчас же... Мы для этого не отвлечемся от нашей основной практической задачи ни на минуту...

Владимир Ильич говорил с воодушевлением. Все его внимательно слушали.

...После обеда Ленин пригласил Ворошилова и Буденного на съезд партии.

— Товарищи делегаты! — обратился он к съезду.— К нам, в Москву, приехали наши пролетарские полководцы товарищи Ворошилов и Буденный. Разрешите в лице их приветствовать доблестных бойцов, командиров и политработников нашей Красной Армии и пожелать им успехов в борьбе против контрреволюции и империалистических захватчиков. Предлагаю ввести товарищей Буденного и Ворошилова в состав президиума и выдать им мандаты как делегатам съезда с решающим голосом.

Делегаты съезда, как один, поднялись со своих мест и, бурно зааплодировали, приветствуя выдающихся советских полководцев.

На следующий день у главнокомандующего Каменева снова состоялось совещание по вопросу переброски Первой Конной армии на запад. Но теперь всем было уже известно, что Ленин поддерживает мнение Буденного и Ворошилова. Не стали возражать и в штабе Реввоенсовета.

Через пару дней Буденный и Ворошилов выехали в Ростов, откуда Первая Конная армия должна была срочно выступить к границам Польши.

XXVII

Прохор заболел. Его отправнлн в новочеркасский госпиталь. Оказался брюшной тиф. Недели три он лежал в тяжелом, большей частью бессознательном состоянии. Но могучий организм его переборол болезнь.

Прохора навещали и Виктор и Марина. Привозилн ему разные сладости и рассказывалн новости. Оба они былн в курсе происходящих событий, так как оба они работали в ростовской газете — Виктор литературным работником партийного отдела, а Марнна корректором.

— Что же, выходит, что война совсем закончилась? — спросил однажды Прохор у Внктора.

— Закончилась-то она закончилась,— покачал головой тот.— Да, пожалуй, не совсем.

— Что ты имеешь в виду?

— Да особенного-то ничего,— уклончиво ответил Виктор.— Но разговоры разные идут...

— Да ты о чем это?

— Да ладно, после поговорим.

— Нет, ты брось,— вспылил Прохор.— Выкладывай!

— После, Проша. Ты человек больной, расстраивать разными слухами тебя не стоит.

Прохор слабой, исхудавшей, пожелтевшей рукой схватил за руку Виктора.

— Ну, в чем дело?

— Вндишь ли, Проша, все это только слухи. Недавно, говорят, в Москву вызывалн Ворошилова н Буденного...

— Ну так что?

— В редакцин идут разговоры, что отношения у нас с Польшей неважные...

— Ну-ну?

— Возможно, Первую Конную армию перебросят к западным границам...

— Ох, черт возьми! — привскочил на постели Прохор.— Неужели война с поляками?

— Не с полякамн, а с польскими белогвардейцами, помещнками и капиталистами.

— Надо будет скорее подниматься,— озабоченно проговорил Прохор,— а то без меня уйдут наши конармейцы.

— Догонишь.

Прохор замолк, задумался.

— Кто-то мне сказал, что Константнн в Англию уехал? — спроснл Прохор.

— Да,— кивнула Марина.— Мне Гулден говорил, что он в Англии.

— Значит, Вера к нему поехала?

— Нет,— смущенно сказала Марина.— Мне просто стыдно о ней говорить... Она уехала со своим любовником, богатым американцем Брэйнардом...

— Вот что! — воскликнул Прохор.— Значит, она с Константином разошлась?

— Просто бросила его,— хмуро сказал Виктор.— Стоит ли о них говорить?

— Но почему же,— проговорил Прохор.— Я думаю, Марине все-таки жалко Веру...

— Ну, конечно, жалко,— вздохнула девушка.— Она у меня единственная сестра. Но взбалмошная... С детства вбила себе в голову мечту о богатстве, роскошн... Всякими ухищрениямн добивалась этого... И вот добилась: в качестве любовницы американца поехала в Англию. Первое время, пока еще свежа и хороша, может быть, она и будет жить роскошно... А потом надоест американцу, и он выгонит ее... Окончит свою жизнь где-нибудь под забором...

Побыв еще некоторое время у Прохора, Виктор с Мариной собрались уезжать в Ростов.

— Что, спешите? — огорчился Прохор.— С вами мне хорошо...

— Мы сегодня провожаем в Англию Гулдена,— вставая, сказал Виктор.

— Значит, англичаннн не хочет оставаться у нас? — спросил Прохор.

— Не хочет. Говорит, что очень любит Англию. Там у него семья, друзья, невеста... Тоскует...

— А не боится он ехать в Англию после всего случившегося?

— Побаивается... Но, несмотря нн на что, едет.

Медицинская комнссия предоставила Прохору месячный отпуск для поправки здоровья. Выписавшись из госпиталя, он вначале отправился в Ростов, чтобы оттуда, через станцию Торговая, поехать в свою станнцу, как ему посоветовалн врачи.

В Ростове Прохора ошеломила новость: Конная армия дней десять назад ушла в конном строю в поход в неизвестном направлении.

«Значит, Внктор был прав,— подумал огорченно он.— Надо нагнать свою дивизию».

Он пошел к военному коменданту Ростовского гарнизона выяснить маршрут похода Конной армин. Комендант, узнав, для какой цели это нужно Прохору, возмутился:

— Как вам не стыдно, товарищ комнссар! — выругал он

его.— Вы же едва стоите на ногах... Посмотрите на себя, как тень... Какой из вас вояка? Вам надо окрепнуть... Я вот что посоветую вам: ровно через месяц приходите ко мне, я вас отправлю поездом к месту назначения вашего соединения, и я уверяю вас, что вы намного раньше прнедете своей части. Еще придется вам дожидаться прихода ее...

— Серьезно?

— Даю честное слово красного командира.

— Идет! — согласился Прохор.— Тогда, товарищ комендант, помогите мне выправить билет до станцни Торговая...

— Это другое дело. Это я вам помогу.

...Прохора провожали Виктор и Марина.

— Давно я не был в своей станице,— стоя около вагона, сказал Прохор.— Представляю себе, недавно только окончились бои около станицы нашей... Небось вся разрушена...

— Да нет,— возразил Внктор.— Недавно отец мне прислал письмо, пишет, что станица пострадала мало.

— Да? Прнслал письмо? — оживился Прохор.— Ну, как там наши? Живы-здоровы?

— Пишет, что все в порядке... Захар пришел домой. И дядя Василий Петрович дома... Ты у кого же будешь жить? — поинтересовался Виктор.

— Конечно, у дяди, Егора Андреевича,— ответил Прохор.

— А к отцу не пойдешь? — пытливо посмотрел на него Виктор.

— Нет! Ни за что!.. Хотя против отца я ничего не имею... Это он меня возненавидел.

Пробил третий звонок. Виктор сказал:

— Прощай, Проша!.. Передавай привет тетушке Анне Андреевне, Захару, Луше и всем ребятам... А отцу моему скажи, что скоро приедем с Маринкой к нему и поженимся там, в станице... Правда, Маринка?

— Правда,— застенчиво улыбнулась она.

— Так вы, может быть, еще захватите меня в станице,— засмеялся Прохор.— Вот бы гульнули на свадьбе!

— А что,— посмотрел Виктор на Марину.— Возможно. Как ты думаешь, Маринка?

— Поговорим с редактором... Если отпустит.

— Прощай, Витя!.. Прощай, Мариночка! — расцеловался с ними Прохор и вскочил на подножку тронувшегося вагона.

— Да! — вскричал вдруг Виктор, выхватывая из кармана обтрепанный синий конверт.— Уже дней пять ношу в кармане. Забыл тебе отдать... На, возьми! — сунул он его Прохору.

— Откуда ты его взял? — спросил Прохор, положив письмо в карман брюк.

— Да передали...— Поезд рванул, Виктор отстал, и Прохор не расслышал, кто передал это письмо ему. Впрочем, Прохор сейчас же забыл о нем.

Взмахнув еще раз фуражкой, он вошел в вагон. За день Прохор устал. Место у него было нижнее, хорошее, он прилег и заснул крепким сном. Под ритмичное покачивание вагона спал долго. Проснулся уже, когда поезд подходил к Торговой...

Сойдя с поезда, Прохор увидел у вокзала подводу. Он справился у старика подводчика, не едет ли тот в сторону его станицы. Оказалось, что казак поедет именно туда.

За несколько кусочков сахару и две пачки махорки, которые были у Прохора, казак согласился подвезти его к станице...

Не спеша, старик подобрал с земли сено и положил на повозку. Потом завязал чересседельник, подтянул супонь.

— Ну, садись! — сказал он Прохору.— Только ты, ради бога, по-началу дай мне закурить... Черт знает, когда уж не курил. Должно, с неделю... Все, парень, поджилочки трясутся...

Прохор вынул из мешка пачку махорки. Старик нетерпеливо рванул ее из рук Прохора.

— Бумажка-то есть у тебя? — дрожащим голосом спросил он.— Может, газетина какая?..

У Прохора была в кармане газета. Он отдал ее старику. С той же жадностью старик выхватил у Прохора газету и стал торопливо сворачивать цигарку, точно боясь, что Прохор еще может раздумать и отнять у него и газету и табак.

— А это вон, никак, у тебя письмо из кармана выпало,— сказал старик, высекая кресалом огонь.

У ног Прохора валялся синий конверт. Он совсем забыл о нем. Вынимая газету, он выронил его.

Но что это за письмо?.. Кто мог ему писать?..

Прохор осмотрел конверт со всех сторон. Обычный почтовый конверт, только сильно выпачканный и обтрепанный. Видно, письмо побывало во многих руках, пока дошло. Старательным, детским, как показалось Прохору, крупным почерком было написано. «Прохору Васильевичу Ермакову, военкому 4-й кавдивизии, 1-й Конной армии».

Все еще недоумевая и пожимая плечами, Прохор вскрыл конверт и вынул из него письмо. Оно было короткое, но так взволновало, что Прохор чуть не заплакал...

«Прохор Васильевич,— писалось в этом письме.— Вы, наверное, забыли Поляковку. Забыли и девушку, которая лечила вас, выхаживала.. Уезжая, вы сказали этой девушке: «Жди меня!» И эта глупая девушка долго вас ждала, но так и не дождалась. Она вас ждет и сейчас, но дождется ли?

Если вы захотите что-нибудь написать этой девушке, то напишите по адресу: Москва, Петровско-Разумовская сельскохозяйственная академия, студентке рабфака Зине Крутоярец. Ваше письмо для нее будет большой радостью».

— Зина! — взволнованно вскричал Прохор.— Боже мой, какой же я подлец!..

— Чего? — отозвался подводчнк.

— Так, ничего,— отмахнулся Прохор, бросая свой мешок на повозку.— Поедем вот...

«Да, я подлец! — садясь в телегу, с огорчением думал Прохор.— Забыл о Зине... Война целиком поглотила меня... Но как можно забыть о любви?..»

И он прнслушивался, словно ожидая ответа на свой вопрос. Сердце его билось с такой силой, что, кажется, Прохор слышал его стук.

Он засмеялся.

«Ну вот сердце мое отвечает: люблю!.. люблю!..»

И так его потянуло к этой девушке, которая напомнила ему о себе, что он был уже готов сейчас же вернуться в Ростов, а оттуда немедленно ехать в Москву, к ней... Но еще раз прочитав письмо, он увидел, что оно помечено концом декабря. Прошло четыре месяца!.. Мало ли что могло за это время произойти в жизни Зины. Она могла и уехать из Москвы, и полюбить кого-нибудь, и выйти замуж... И Прохор решил сначала написать ей...

К подводчику подошел в военной форме молодой прыщеватый парень.

— Хозяин? — спросил он у старика.

— Хозяин.

— Подвезешь?

— Куда?

— На хутор Юровикин.

— Гм... А чего ж не подвезти?..— усмехнулся старик.— А за провоз чего заплатишь, а?

— Спиртку могу дать бутылочку.

— Спиртку? — радостно загоготал старик.— Дело!.. Стало быть, садись и ты... Мне все едино ехать-то... Вот военного везу в Дурновскую станицу... Как твоя фамилия?

— Курочкин.

Когда выехали за станционный поселок, перед взором Прохора в ярких переливах закатного солнца предстала беспредельная, сверкающая искрами росы степь. В лицо веял теплый, ласковый ветерок, насыщенный густым ароматом трав.

Солнце склонилось к закату, и от него, как длинные нити золотистой паутины, расползались по степи лучи. Кругом стояла безмолвная тишина.

Над степью медлительно плывут в розовом сиянии перламутровые, невесомые облака, обрамленные золотом. В этот предвечерний час в степи, на всем здесь, накладывалась какая-то тихая задумчивость, щемящая печаль.

Прохор, поддавшись этой грусти, думал о Зине. Нет! Разве он когда-нибудь ее забывал? Нет! Нет! Не забывал! Образ девушки всегда был в его сердце, в его думах... Но он только подло поступил, что не попытался разыскать ее, напомнить ей

о себе. Все рассчитывал сделать это после войны, если б остался жив...

В вялых лучах заходящего солнца на небе возникла черная точка. Она легко скользнула над раскинувшимся чудесным ковром молодой, еще не отросшей сочной травы и, сделав круг, настолько приблизилась к подводе, что Прохор теперь без труда различил в ней скитальца степного — коршуна.

— Хорошо вечером в степи,— прервал молчание Курочкин и запел:

За-ачем жалеть, за-ache-эм
страдать мне об отвергнутой люб-ви-и...

Звучный молодой баритон далеко покатился по степи и разбудил на встречной арбе с соломой молодую казачку. Она испуганно приподнялась и посмотрела с воза на Курочкина и засмеялась.

— Прямо, как жеребец! — крикнула она.

— Это он как увидел тебя, то так возрадовался, что ажно заржал,— крикнул ей в ответ подводчик.

Над головой с трепетным свистом пролетела какая-то стайка птиц.

— Ути,— пояснил подводчик.

Потянуло сыростью. Багровое солнце, наполовину скрывшееся за бугром, скользнуло в последний раз по траве длинными лучами и исчезло.

В потемневшем, но еще светлом небе неуверенно сверкнула маленькая звездочка. На мгновение вспыхнув, она погасла... Через минуту она снова загорелась уже надолго...

— Я служу в Красной Армии,— доверительно сказал Курочкин, оборачиваясь к Прохору.— Правда, недавно, с месяц всего...

— А до этого где же были? — поинтересовался Прохор.

— В новочеркасской оперетте работал художником и актером... А потом белые мобилизовали... Пришлось окончить ускоренную фельдшерскую школу, чтоб на фронт не попасть...

— Хитрый,— усмехнулся Прохор.

— А что я им дурак голову-то подставлять? — засмеялся Курочкин.— Интереса у меня такого нет... После окончания школы попал я фельдшером в тыловую часть... Да так с ней и отступал вплоть до Новороссийска...

— Что же раньше не перешли к красным?

— Боялся,— признался Курочкин.— У меня тут, в хуторе Юровнином, родители торговлишкой занимались. Мелкой, конечно... Там такие купцы, что всего товару-то на четвертную... В общем, не торговля, а нищенство... А когда нас прижали в Новороссийске, забрали в плен, то я убедился, что страшного-то и ничего нет... Даже добровольно вступил в Красную Армию...

— Опять фельдшером или художником? — спросил Прохор.

— Пока фельдшером... Обещали перевести на клубную работу...

Прохор лег на сено, наполнявшее повозку, и стал смотреть на небо. Широким светлым шляхом раскинулся по небу Млечный Путь. Множество ярких звезд усеяло бархатное полотнище небосклона. И от яркости звезд еще темнее кажется наступающая ночь.

— Не пожар ли? — указал Курочкин на горизонт, освещенный заревом.

— Сам ты пожар! — буркнул подводчик.— Луна встает.

И в самом деле, вскоре из-за горизонта всплыла тускловатая, похожая на перезревшую с помятыми боками дыню луна. Кругом все осветилось призрачным светом. Стали видны темные прогалины балок и буераков, придорожные прошлогодние бурьяны и черные скирды соломы и сена.

— Смотрю я на вас,— сказал Курочкин, ложась рядом с Прохором,— и дивлюсь. Очень уж вы собой напоминаете полковника Ермакова. Уж не брат ли он вам? Кстати, он теперь уже не полковник, а генерал...

— Генерал?! — невольно сорвалось с уст Прохора.

Курочкин усмехнулся.

— Теперь все понятно,— сказал он.— Если не ошибусь, он действительно ваш брат?

— Ну, положим, что так,— нехотя проронил Прохор.

— Я так сразу же и подумал. Больно уж вы похожи друг на друга. Константин Васильевич, правда, значительно старше вас.. Я его знал по Новочеркасску... Выпивали не раз... Знал и супругу его, Веру Сергеевну... Кстати, вы знаете о том, что она уехала с американцем за границу?

— Слышал. По-моему, и Константин тоже где-то за границей...

— Да, уехал он туда,— сказал Курочкин.— И нужно же быть такой иронии судьбы. Константин Васильевич встретил в Новороссийске свою жену с любовником... С горя Константин Васильевич запил с неким ротмистром Яковлевым... У того тоже горе. Какой-то граф Сфорца и князь, что ли, Розалион-Сашальский, с которыми Яковлев дружил, убежали от него за границу и увезли с собой общие их деньги и ценности... Вот эти-то друзья по несчастью — Ермаков и Яковлев — пили, пропивая последнее, что у них было... Кстати, оказалось, что этот Яковлев никакой не ротмистр и никаких наград не имел, а он полицейский околоточный надзиратель из шахтерского поселка Горловки... Во время революции бежал из Горловки в Новочеркасск и там, обыграв в карты какого-то гвардейского офицера, раздел его донага. Нацепив его мундир, он выдавал себя за аристократа, гвардейского офицера...

— Куда же они делись?
— Под конец все-таки Константина Васильевича его знакомые усадили на последний пароход, уходивший из Новороссийска... Я еще помог усаживать его... А Яковлев не знаю, куда делся...
Подводчик свернул с дороги в сторону и остановился.
— Что хочешь делать? — спросил, поднимаясь, Курочкин.
— Заночуем тут,— сказал старик.— Корма тут хорошие... Покормлю лошадь...
Лежа в повозке, Прохор смотрел на звездное небо и думал о жизни.
«Вот ведь как повернулась судьба,— размышлял он.— Брат Константин, которого я всю жизнь считал умницей, на которого я чуть ли богу не молился, оказался отщепенцем, врагом своей родины, своего народа, да и врагом своей семьи... А я вот здесь... Со своим народом...— Вдруг Прохор содрогнулся.— А чтоб могло получиться, если б я, веря в авторитет своего старшего брата, потянулся за ним? О, это было б страшно! Я рад, что так сложилась моя жизнь...»
Прохор стал засыпать. Сквозь сон ему почудилось, будто кто-то ударил по серебряным струнам. Это прокричали журавли.
На рассвете его разбудили голоса. Прохор поднял голову и увидел своего отца, сидевшего в тарантасе. Придерживая вожжами буланую кобылицу, он разговаривал с подводчиком.
Василий Петрович, указывая на Прохора, сказал казаку:
— Так вот этот-то и есть мой сын!.. Проша!..
— Батя! — изумленно вскрикнул Прохор.
— За тобой, сынок, еду,— ласково пояснил Василий Петрович.— Виктор телеграмму прислал.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дмитрий Ильич Петров (Бирюк)

ЮГ В ОГНЕ

Редактор **В. М. Курганова**
Художественный редактор **Э. А. Розен**
Технический редактор **В. А. Авдеева**
Корректоры **Л. П. Королева** и **З. А. Росаткевич**

Сдано в набор 8/II-72 г. Подп. к печ. 16/V-72 г. Формат бумаги 84×108 1/32. Физ. печ. л. 17,5. Усл. печ. л. 29,4. Уч.-изд. л. 33,79. Изд. инд. ЛХ-625. Тираж 75 000 экз. Цена 1 р. 16 к. в переплете. Бумага № 2.

Издательство «Советская Россия».
Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Отпечатано с матриц типографии «Красный пролетарий» на Книжной фабрике № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, г. Электросталь Московской области, Школьная, 25. Заказ № 411.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: Москва, проезд Сапунова, 13/15, издательство «Советская Россия».

1 р. 16 к.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ